

Изданія Е. Д. КУСКОВОЙ:

Имѣются въ продажѣ:

- С. Н. Прокопичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Ц. 1 р. 50 к.
Генрихъ Риккертъ. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе Ц. 25 к.
А. Веберъ. Ростъ городовъ въ 19-мъ столѣтіи. Ц. 2 р. 50 к.
Филиппъ Лангманъ. Драмы и новеллы. Цѣна 1 р. 35 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Шмиде. Соціаль-демократическіе профессиональные союзы въ Германіи.

Склады издѣлій: въ Петербургѣ—магазинъ О. Н. Поцовой, Невскій, 54.
въ Москвѣ—книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская ул.

801-16
1699

Генрихъ Риккертъ,

профессоръ философіи Фрейбургскаго Университета (въ Баденѣ).

15
36

T 113
21

ГРАНИЦЫ

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАГО

ОБРАЗОВАНІЯ ПОНЯТІЙ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго

А. Водена.

ИЗДАНИЕ Е. Д. КУСКОВОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

С.-Петербургъ, типо-литографія А. Лейферта Морская, 65.

586720

2015187069

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	7
ПЕРВАЯ ГЛАВА.	
Познаніе тѣлеснаго міра въ понятіяхъ	31
└ I. Многообразіе тѣлеснаго міра и упрощеніе его благодаря общему значенію словъ	32
└ II. Опредѣленность понятія	44
└ III. Обязательность понятія.	55
└ IV. Понятія вещей и понятія отношеній	66
└ V. Механическое пониманіе природы	97
└ VI. Описаніе и объясненіе	116
ВТОРАЯ ГЛАВА.	
Природа и духъ	135
Физическое и психическое	139
Познаніе душевной жизни въ понятіяхъ	164
Естествознаніе и наука о духъ	185
ТРЕТЬЯ ГЛАВА.	
Природа и исторія.	199
└ I. Естественно-научное образованіе понятій и эмпирическая дѣятельность	201
└ II. Понятіе объ историческомъ	218
└ III. Историческіе элементы въ естественныхъ наукахъ	230
└ IV. Естествознаніе и историческая наука	250
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.	
Историческое образованіе понятій.	264
└ I. Проблема историческаго образованія понятій	269
└ II. Историческій индивидуумъ	290

III. Телеологическое образование понятий	378
IV. Историческая связь	395
V. Историческое развитие	371
VI. Естественно-научные элементы въ историческихъ наукахъ	406
VII. Историческая наука и наука о духѣ	445
VIII. Историческая наука о культурѣ	477

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Философія природы и философія исторіи	502
I. Натуралистическая философія исторіи	503
II. Эмпирическая объективность	523
III. Метафизическая объективность	536
IV. Гносеологическій субъективизмъ	550
V. Критическая объективность	581
VI. Естественно-научное и историческое міросозерцанія	584

Отъ переводчика.

Характерную особенность предлагаемого нынѣ русскому читателю труда профессора Риккерта, отличающую этотъ трудъ отъ большинства книгъ, посвященныхъ философіи исторіи, составляетъ систематически-гносеологическое трактованіе проблемъ. При этомъ Риккертъ ясно формулируетъ и въ общемъ разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи между психологіей и теоріей познания, невыясненность котораго не могла не отзываться весьма неблагоприятно на нѣкоторыхъ попыткахъ рѣшать проблемы философіи исторіи на основаніи гносеологическихъ соображеній, хотя бы напр. на попыткахъ разрѣшить вопросъ о „свободѣ и исторической необходимости“. Значеніе, принадлежащее труду Риккерта въ развитіи гносеологическихъ доктринъ, опредѣляется прежде всего тѣмъ, что, по мѣткому замѣчанію Ласка, этотъ трудъ „содержитъ въ себѣ первую сознательную спекулятивную полемику противъ платонизма въ актахъ оцѣнки (des Wertens), который коренится въ умозрѣніи временъ еще глубже, чѣмъ логически-метафизическій „реализмъ“ представляющей собою всего лишь его разновидность“. (Emil Lask, Fichte's Idealismus und die Geschichte. S. 11. Berlin 1902).

Относительно терминологіи считаю необходимымъ замѣтить, что, хотя переводъ термина „Anschauung“ посредствомъ „воззрѣніе“ и продолжаетъ вызывать рѣзкія нападки со стороны нѣкоторыхъ рецензентовъ, онъ все же оказывается наиболѣе цѣлесообразнымъ, какъ вслѣдствіе неадекватности другихъ предлагаемыхъ словъ (словомъ „созерцаніе“ умѣстнѣе переводить „Anschauen“; словомъ „интуиція“ — „intellectuelle Anschauung“), такъ и въ силу того обстоятельства, что, какъ мнѣ уже приходилось ставить на видъ, словомъ „воззрѣніе“ пользовались для передачи термина „Anschauung“ наиболѣе авторитетные по терминологическимъ вопросамъ русскіе философы, причемъ напр. у Владимира Соловьева слово „воззрѣніе“ неоднократно встречается и въ такихъ контекстахъ, въ которыхъ въ связи съ нимъ отъ него стоитъ родительный падежъ (см. напр. стр.

41 и сл. его перевода пролегомень Канта, изд. 2-е). Рѣшающее же значеніе въ пользу выбора слова „воззрѣніе“ для передачи „Anschauung“ имѣетъ то обстоятельство, что прилагательное „anschaulich“ очень часто означаетъ не „наглядный“, а „воззрительный“, — „воззрительный“ въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, который получило это понятіе въ новѣйшей научной терминологіи и согласно съ которымъ оно обозначаетъ уже не только непосредственное содержаніе воспріятой внѣшнихъ чувствъ, въ особенности зрѣнія, но всю конкретную дѣйствительность въ противоположность абстрактному и мыслимому въ понятіи“. (В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Переводъ Д. В. Викторова подъ ред. проф. Грота, стр. 10).

Само собою разумѣется, что, при неустановленности русской гносеологической терминологіи, переводчикъ можетъ быть только весьма признателенъ за всякое дѣльное и продуманное критическое замѣчаніе. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что не всѣ критическія замѣчанія и указанія принадлежатъ къ этой категоріи. Въ частности я не могъ переводить слово „Gemeinschaft“ словомъ „общество“, какъ того требуетъ Г-нъ Ч. [въ рецензіи на мой переводъ Вундта (Міръ Божій, Ноябрь 1902)]. Вѣдь еслибы Г-нъ Ч. далъ себѣ трудъ сколько-нибудь внимательно прочесть книгу, требующую, какъ онъ выражается, „внимательнаго изученія“, онъ узналъ бы, что, во первыхъ Gesellschaft и Gemeinschaft вовсе не одно и то же, а, слѣдовательно, разъ Gesellschaft означаетъ общество, Gemeinschaft требуетъ иной передачи, а, во вторыхъ, что выраженіе Gemeinschaft оказывается весьма многозначнымъ, хотя бы оно и встрѣчалось даже „на одной и той же страницѣ“. Разъясненіе о различіи между Gesellschaft и Gemeinschaft и о многозначности послѣдняго „термина“ принадлежитъ Вундту.

Надѣюсь, то обстоятельство, что мнѣ не удалось, не смотря на справки у специалистовъ, найти въ русской литературѣ что бы то ни было о „transfinite Zahlen, послужить оправданіемъ длинноты моего примѣчанія, посвященнаго этому понятію, имѣющему важное философское значеніе.

А. Водень.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я занимался теоріей научнаго образованія понятій съ тѣхъ поръ, какъ началъ работать надъ своей докторской диссертацией «Къ ученію объ опредѣленіи»¹⁾. Уже тогда я оспаривалъ мысль о нѣкоемъ естественно-научномъ универсальномъ методѣ и пытался показать, насколько пуста та доктрина, согласно которой общіе элементы вещей тождественны съ существенными признаками понятій. Мнѣ стало ясно, что всегда оказывается необходимой опредѣленная цѣль, которой руководятся при отличеніи существенныхъ признаковъ отъ несущественныхъ, и что задача ученія о методахъ состоитъ въ томъ, чтобы разобраться въ разнородности этихъ цѣлей для пониманія многообразія научныхъ методовъ и выработки надлежащаго отношенія къ этому ихъ многообразію. Затѣмъ, предварительно сдѣлавши въ своей книжкѣ «Предметъ познанія»²⁾ попытку выработать себѣ для своей дальнѣйшей работы общую гносеологическую (erkenntniss-theoretischen) «точку зрѣнія» и теоретически обосновать примать практическаго разума, я снова занялся методологическими изслѣдованіями. Однако очень скоро мнѣ выяснилось, что построеніе теоріи образованія

¹⁾ «Zur Lehre von der Definition». (1888).

²⁾ «Der Gegenstand der Erkenntniss». (1892). Примѣчаніе переводчика. Изложеніе и обстоятельный разборъ этого построенія „теоріи познанія, носящей совершенно этическую окраску“, къ которому „логически-послѣдовательно должны были прійти представители телеологическаго критицизма, сливающаго истинное и должное въ одно понятіе общеобязательнаго“ русскій читатель можетъ найти въ предисловіи П. В. Струве къ книгѣ г-на Бердяева, — „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ“. Стр. XL—L. С.-Петербургъ, 1901.

понятій, которая обнимала бы всѣ науки, есть предпріятіе, представляющее безконечныя трудности, вслѣдствіе обилія необходимыхъ для этого специально-научныхъ свѣдѣній. Итакъ, я попытался ограничить поставленную мною себѣ задачу и прежде всего понять сущность историческаго образования понятій, такъ какъ, во первыхъ, для этого до сихъ поръ менѣе всего сдѣлано логикой; такъ какъ, во вторыхъ, выясненіе принципиальнаго различія между историческимъ и естественно-научнымъ мышленіемъ оказалось важнѣйшимъ пунктомъ для пониманія всякой специально-научной дѣятельности и такъ какъ, наконецъ, это выясненіе представлялось мнѣ настоятельно необходимымъ въ то-же время и для трактованія большинства философскихъ проблемъ или вопросовъ, относящихся къ міросозерцанію. Здѣсь логическая теорія является оружіемъ въ борьбѣ противъ натурализма и способствуетъ обоснованію ориентированной въ исторію идеалистической философіи.

Мой взглядъ на отношеніе понятія къ эмпирической дѣйствительности вообще, опредѣляющій собой характеръ всего излагаемаго ниже строя мыслей, впервые изложенъ мною въ статьѣ «Къ теоріи естественно-научнаго образования понятій» ¹⁾ помѣщенной въ философскомъ журналѣ Авенаріуса въ 1894-мъ году. Черезъ два года послѣ напечатанія этой статьи появились три первыя главы этой книги, цѣлью которыхъ было прежде всего показать, что естественно-научный методъ непримѣнимъ въ исторіи, при чемъ эти главы, въ качествѣ отрицательной части работы, образуютъ законченное цѣлое. Затѣмъ въ лекціи на тему «наука о культурѣ и естествознаніе» ²⁾ я сдѣлалъ попытку въ возможно простѣйшей формѣ изложить въ основныхъ чертахъ положительную теорію логической сущности исторіи. Въ тѣснѣйшей связи съ этой попыткой находятся равнымъ образомъ и нѣкоторыя другія, послѣдовавшія за этой лекціей, работы меньшаго объема. Наконецъ, теперь, значительно позднѣе, чѣмъ я надѣялся это сдѣлать, я въ состояніи представить завершеніе моей теоріи историческаго изложенія. Такъ какъ это замедленіе было обусловлено отнюдь не внутренними трудностями, которыя вытекаютъ-бы изъ самого предмета, но исключительно внѣшними обстоятельствами, то его причины не интересны для читателя и я рѣшаюся

¹⁾ «Zur Theorie der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung».

²⁾ «Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft». (1899).

только выразить надежду на то, что тотъ фактъ, что я былъ вынужденъ работать надъ этой книгой втеченіи длиннаго ряда лѣтъ и притомъ со многими продолжительными перерывами, не оказалъ вреднаго вліянія на единство изложенія. Впродолженіи этого времени мнѣ не представлялось основаній вносить какія бы то ни было измѣненія въ руководящія мысли.

Однако нѣкоторыя проблемы въ четвертой главѣ разсмотрѣны нѣсколько подробнѣе, чѣмъ я первоначально имѣлъ въ виду это сдѣлать, и это обстоятельство да послужитъ извиненіемъ въ томъ, что «левая половина» книги занимаетъ нѣсколько болѣе ея половины. Когда я обдумывалъ планъ своей работы, тема ея—историческій методъ—отнюдь не была животрепещущей въ исторической наукѣ и нельзя было ожидать, чтобы за ея обсужденіе скоро вновь взялись ученые-специалисты. Менѣе же всего я счелъ-бы тогда возможнымъ, чтобы старая мысль «о возведеніи исторіи въ науку» путемъ примѣненія естественно-научнаго метода могла такъ скоро ожить и возбуждать вниманіе среди самихъ историковъ, такъ какъ казалось вѣдь, что престижъ Бокля и родственныхъ послѣдному умовъ былъ окончательно подорванъ среди нихъ и продолжалъ играть роль лишь въ натуралистической философіи. Тѣмъ не менѣе старыя умозрѣнія, свѣдѣнія эпохъ просвѣщенія, нынѣ вновь выдаются за новѣйшія и важнѣйшія историческія пріобрѣтенія, вслѣдствіе чего я счелъ необходимымъ указывать также и на лежащія въ основѣ ихъ смѣщенія понятій, въ особенности-же выяснять многозначность (Vielsinnigkeit) тѣхъ ходячихъ аргументовъ, при посредствѣ которыхъ въ наши дни опять отстаиваются эти порядочно-таки устарѣвшія теоріи.

Всякій логикъ, пойметъ, что при этомъ я специально останавливался на разборѣ лишь весьма незначительной доли новѣйшей литературы этого направленія. Эта литература почти сплошь до такой степени носитъ характеръ дилетантизма, что не стоитъ заниматься ея детальною критикой. Я полагаю, что *implicite* я въ достаточной степени выяснилъ свое отношеніе ко всѣмъ существеннымъ мыслямъ, высказаннымъ въ новѣйшемъ спорѣ объ историческомъ методѣ.

Но, быть можетъ, менѣе заслуживающимъ оправданія покажется то обстоятельство, что и изъ цѣнныхъ работъ по вопросу о сущности исторической науки мною упомянута лишь весьма незна-

чительная доля и что въ моей книгѣ почти совершенно отсутствуетъ спеціальнѣйшій разборъ этихъ книгъ. Однако иначе нельзя было сдѣлать, не увеличивая чрезчуръ объема этой книги. А, кромѣ того, по моему мнѣнію, мы вообще слишкомъ много цитируемъ въ настоящее время и при этомъ руководимся такими принципами, которые могутъ быть пригодными лишь для учебниковъ. Въ особенности по фило-софіи имѣется множество объемистыхъ сочиненій, которыя состоятъ преимущественно изъ рефератовъ и критическихъ обзоровъ мужихъ взглядовъ и въ которыхъ лишь небольшіе отрывки выражаютъ собственное мнѣніе ихъ авторовъ. Я же, въ сознательной противоположности этого рода манерѣ писать, просто старался излагать и обосновывать то, что я признаю правильнымъ, а поэтому чужія работы упоминаются мною лишь въ исключительныхъ случаяхъ и мимоходомъ, когда это представлялось мнѣ желательнымъ въ интересахъ выясненія хода моихъ мыслей. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что и въ этомъ своемъ трудѣ я не игнорировалъ имѣющейся на лицо литературы предмета и *implicite* въ достаточной степени принялъ въ соображеніе существенныя мысли другихъ. Лишь сочиненія, вышедшія за послѣдній годъ, использованы только въ незначительной степени, такъ какъ я уже давно окончилъ четвертую главу посвященную тѣмъ вопросамъ, въ связи съ которыми стоитъ ихъ содержаніе. При этомъ я желалъ-бы не преминуть поставить на видъ, что я весьма признателенъ за выясненіе моихъ собственныхъ взглядовъ и авторамъ такихъ трудовъ, называть которыхъ мнѣ не представлялось случаемъ.

Затѣмъ, остается еще сказать нѣсколько словъ о характерѣ моего изложенія. Я стараюсь, исходя изъ границъ естественно-научнаго образованія понятій, понять сущность дѣйствительно имѣющейся на лицо исторіи и отнюдь не задаюсь составленіемъ плановъ для наукъ будущаго. При всемъ томъ, я далеко не ограничиваюсь однимъ лишь анализомъ или описаніемъ имѣющагося на лицо, но моей задачей является раскрытіе внутренней логической структуры всякаго историческаго образованія понятій. По этой причинѣ я на первыхъ порахъ долженъ былъ исходить изъ совершенно общихъ понятій, содержащихъ въ себѣ весьма немногое изъ того, что привыкли называть исторіей, и лишь мало по малу я присоединяю къ этимъ понятіямъ одинъ элементъ за другимъ, такъ что, благодаря этому, лишь въ заключеніи четвертой главы вырабатывается понятіе, соответствующее тѣмъ наукамъ, которыя обыкновенно называютъ исторіей.

Изъ этого синтетическаго приѣма не только вытекаетъ то не удобство, что обязательно предварительно прочесть цѣлую книгу для того, чтобы узнать, что я имѣю въ виду, но имѣе же обусловливается и необходимость отложить сужденіе о правильности моего взгляда до конца книги. Но, при всемъ желаніи, и этого я совершенно не могъ измѣнить. Напоследокъ еще одно замѣчаніе. Логическая работа въ значительной степени состоитъ въ томъ, чтобы констатировать тѣ предпосылки, которыя необходимо лежать въ основѣ научной дѣятельности. А недавно возникъ споръ о «свободной отъ предпосылокъ наукѣ» (*um die Voraussetzungslose Wissenschaft*) и этотъ вопросъ приводится въ связь съ вопросомъ о логическихъ или гносеологическихъ (*erkenntnisstheoretischen*) предпосылкахъ и даже съ моими работами. Я не намѣренъ касаться этого пункта и только напоминаю читателю, что каждая строчка этой книги, за исключеніемъ нѣсколькихъ примѣчаній, которыя были добавляемы въ то время, какъ она печаталась, написана до вышеупомянутаго спора, и что поэтому мнѣ не могло придти въ голову какъ либо высказываться относительно него. Еслибы, несмотря на это, все таки показалось, будто нѣкоторыя части моей работы имѣютъ отношеніе къ упомянутому спору, то, если оставить въ сторонѣ второе изъ примѣчаній къ отдѣлу «эмпирическая объективность», это чисто случайно.

Генрихъ Риккертъ.

Фрейбургъ, Январь 1902-го года.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ научной жизни нашего времени много мѣста занимаютъ историческія изслѣдованія. Находить-ли себѣ эта тенденція подобающее ей выраженіе равнымъ образомъ и въ современной философіи? Утверждали, что это такъ. Въ одной, находящей себѣ въ наши дни много читателей, книгѣ, не только содержаніе, но и внѣшній успѣхъ которой весьма характерны для нынѣшняго состоянія философскихъ наукъ въ Германіи, въ числѣ тѣхъ направленій, въ которыхъ, видимо, движется философія въ настоящее время, упоминается также историческая тенденція (*Richtung auf die Geschichte*), при чемъ это направленіе характеризуется даже какъ такая черта, которая придаетъ особый отпечатокъ всей философіи 19-го столѣтія въ противоположность предшествовавшему математически-естественно-научному періоду¹⁾. Въ самомъ-ли дѣлѣ эта черта такъ сильно сказывается во всей философіи 19-го столѣтія и даже въ современной философіи? Или же вышеприведенное утвержденіе слѣдуетъ признать выраженіемъ не столько факта, сколько желанія?

Правда, вышеприведенное утвержденіе оказывается, конечно, справедливымъ по отношенію къ нѣмецкой философіи первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка. Быть можетъ, никакая философія не была когда либо столь историчной, какъ философія нѣмецкаго идеализма. Но можно-ли сказать, что это справедливо и для дальнѣйшихъ временъ? Правда, и во Франціи, приблизительно въ то-же самое время, когда Гегель излагалъ свою философію исторіи, Контъ развивалъ мысли, клонившіяся прежде всего къ тому, чтобы отвести исторіи подобающее ей мѣсто въ совокупности научнаго познанія и уста-

¹⁾ Paulsen, Einleitung in die Philosophie, Vorwort S. XI.

новить ея надлежащее трактованіе. Но не осталось-ли здѣсь въ общемъ дѣло, несмотря на нѣкоторыя цѣнные задатки, при одномъ лишь благомъ намѣреніи? По крайней мѣрѣ, нельзя утверждать, чтобы вліяніе мыслей Контъ было способно усилить историческую тенденцію (*die Richtung auf die Geschichte*) въ противоположность предшествовавшему естественно-научному періоду. А въ этомъ-то вѣдь и состоитъ самая суть данного вопроса. По сію пору существуетъ рѣшительный антагонизмъ между историческимъ и естественно-историческимъ родами мышленія. Конечно, Контъ не нашелъ охватывающаго, объединяющаго ихъ принципа и его вліяніе, какъ прямое, такъ и еще болѣе того—косвенное, оказываемое имъ, главнымъ образомъ при посредствѣ англійскихъ авторовъ, могло лишь съ своей стороны способствовать тому, что и въ Германіи во второй половинѣ 19-го столѣтія была вновь совершенно оттѣснена на задній планъ та великая историческая тенденція, которая проявилась въ философіи нѣмецкаго идеализма. Только историческое изслѣдованіе усвоило наслѣдіе этого идеализма и обнаружило могучій размахъ. Сама-же философія, поскольку она вообще имѣла еще какое либо значеніе для общей духовной жизни въ эти времена, снова цѣликомъ подпала подъ вліяніе естественныхъ наукъ. Слова болѣе дальновидныхъ мыслителей раздавались втуне.

Что-же сказать относительно философіи нынѣшняго времени? Если бы требовалось еще доказывать абсолютно неисторическій характеръ философскаго духа, господствующаго нынѣ въ самыхъ широкихъ кругахъ, то для этого достаточно было бы указанія на тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій изъ нѣмецкихъ философовъ болѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе и находитъ читателей именно тотъ, чье отсутствіе пониманія исторической жизни врядъ-ли можетъ быть превзойдено. Съ одной стороны ослабленіе историческаго интереса въ философіи, съ другой стороны предпочтеніе, оказываемое естествознанію или естественно-научной фразѣ, были необходимыми предварительными условіями поздняго успѣха Шопенгауэра, который высказывалъ мысли нѣмецкаго идеализма лишь воспроизводя ихъ въ фізіологической терминологіи, которая была настолько же неудачна, насколько она удовлетворяла вкусамъ даннаго времени.

И успѣхъ, выпавшій на долю фантастическихъ и мистическихъ элементовъ философіи Шопенгауэра менѣе всего можетъ ввести

въ заблужденіе относительно истиннаго положенія дѣлъ. Уже Фихте правильно понялъ, что «всякое фантазерство (*Schwärmerei*) непремѣнно оказывается и становится натурь-философіей»¹⁾.

Итакъ, признать-ли это явленіе прискорбнымъ или отраднымъ, во всякомъ случаѣ приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что историческія науки оказали лишь незначительное вліяніе на философію новѣйшаго времени и, если оставить въ сторонѣ немногія исключенія, въ философскомъ сознаніи именно нашего времени оказывается лишь очень мало проявленій исторической тенденціи, въ противоположность естественно-научной. Напротивъ того, опять стало общераспространеннымъ мнѣніе, согласно которому вся подлинная наука въ сущности сводится къ естествознанію,—вѣрованіе въ «естественно-научное міросозерцаніе».

Конечно, наиболѣе неосмысленная форма, въ которой можетъ выступать философія, въ существенномъ обуславливаемая вліяніемъ естественно-научныхъ интересовъ, метафизика матеріализма, можетъ быть признана такимъ эпизодомъ въ духовномъ развитіи нашего вѣка, съ которымъ счеты уже въ достаточной степени сведены и теперь, по крайней мѣрѣ, то мнѣніе, согласно которому міръ по существу тѣлесенъ и всякая душевная жизнь представляетъ лишь особую форму тѣлеснаго измѣненія, не признается уже за истину въ тѣхъ кругахъ, среди которыхъ обнаруживается стремленіе къ серьезному занятію философскими проблемами. Напротивъ того, во взглядахъ на отношеніе между душевными и тѣлесными процессами господствуетъ дуализмъ и при томъ не менѣе крайній, чѣмъ тотъ, который былъ выработанъ Декартомъ, преодоленіе-же этого дуализма ходячимъ спинозизмомъ приходится признавать только кажущимся. Своеобразіе душевной жизни во всякомъ случаѣ признается, полная несравнимость психическихъ процессовъ съ физическими считается совершенно самоочевидной. Но это не колеблетъ вѣры въ безусловное и исключительное господство естественныхъ наукъ, а, слѣдовательно, и вѣры въ естественно-научную философію, да и непонятно, какимъ образомъ одно это могло бы поколебать упомянутую вѣру. Послѣдняя совершенно не зависитъ отъ матеріалистическихъ умозрѣній. Именно есте-

¹⁾ См. *Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters*, 8-ая лекція: о реакціи этой эпохи противъ самой себя путемъ возведенія непонятнаго въ высшій принципъ. *Sämtliche Werke*, Bd. VII, стр. 111.

стиспытатели стали для широких кругов признанными авторитетами, свидетельствующими о несостоятельности метафизики материализма. Однако, чѣмъ болѣе отказываются отъ материализма, тѣмъ болѣе продолжаютъ въ то же время придерживаться естественно-научнаго метода. Успѣхи, достигнутые съ помощью этого метода въ области матеріальной природы кажутся доказательствомъ того, что и при изслѣдованіи всѣхъ другихъ процессовъ можно и должно примѣнять методы, свойственные естествознанію. Естественная наука о духовной жизни, естественно-научная психологія считается единственной научной психологіей.

Этимъ мнѣніемъ опредѣляется и должно опредѣляться и пониманіе сущности исторической науки, такъ какъ разъ полагаютъ, что доступная опыту дѣйствительность исчерпывается раздѣленіемъ на тѣлесные и душевные процессы, то, повидимому, въ силу того обстоятельства, что психологія обратилась въ естественную науку, можно признать основательнымъ утвержденіе, будто для опытныхъ наукъ вообще не можетъ существовать иного метода кромѣ естественно-научнаго. Исторія же есть наука, хотя, какъ всѣми признается, и имѣющая дѣло прежде всего съ духовными процессами, но въ то же время все таки и опытная. Слѣдовательно, чтобы быть истинной наукой, она равнымъ образомъ должна, наконецъ, пользоваться методомъ, испытаннымъ въ естественныхъ наукахъ. Теперь это осуществимо для нея; научное трактованіе исторической жизни окажется возможнымъ для нея съ тѣмъ болѣею достовѣрностью, чѣмъ болѣе успѣховъ сдѣлало изслѣдованіе человѣческой душевной жизни согласно естественно-научному методу.

Тутъ можно, конечно, сказать и то, что, поскольку въ естественно-научной психологіи видятъ надежное средство для возведенія и исторіи въ рангъ точной науки,—за изслѣдованіе исторической жизни, быть можетъ, никогда еще не брались съ болѣею увѣренностью, чѣмъ въ наши дни. Однако эта увѣренность господствуетъ лишь вслѣдствіе того, что считаютъ возможнымъ самое исторію обратить въ естественную науку, рѣшеніе же вопроса о томъ, правильно-ли будетъ усматривать въ существованіи такихъ убѣжденій историческую тенденцію философіи, слѣдовало-бы признать по меньшей мѣрѣ проблематичнымъ. Съ точки зрѣнія тѣхъ, которые признаютъ исторію и естествознаніе противоположностями, въ этомъ то, напротивъ того, именно и обнаруживается наиболѣе явственно, что философское мыш-

леніе нынѣшняго времени неисторично и при томъ неисторично даже и тамъ, гдѣ, повидимому, существуетъ живой интересъ къ изслѣдованію исторической жизни.

Нѣтъ надобности точнѣе характеризовать нынѣшній образъ мышленія. Вообще, для того, кто хочетъ выяснитъ себѣ философскія проблемы, не особенно цѣлесообразно размышлять надъ тѣмъ, какія философскія теченія господствуютъ въ его время въ сознаніи широкихъ круговъ. Такимъ образомъ, совершенно излишне и составлять предположенія относительно того, возрастаетъ-ли охарактеризованная выше тенденція современной науки, или же кульминаціонный пунктъ развитія этой тенденціи лежитъ уже позади насъ. То, что наступитъ, зависитъ отъ того, что будутъ дѣлать отдѣльные ученые. Одно изъ тѣхъ положеній, обоснованіе которыхъ составляетъ задачу дальнѣйшаго изложенія, гласитъ, что вѣра въ нѣкій общій духъ времени, для котораго отдѣльный индивидуумъ служитъ лишь органомъ, можетъ вытекать только изъ односторонняго естественно-научнаго пониманія жизни. Ни одинъ разсудительный челоѣкъ не станетъ, слѣдовательно, воздерживаться отъ выраженія своихъ взглядовъ, хотя-бы онъ и полагалъ, что общая тенденція духа времени такова, что его мысли имѣютъ мало шансовъ встрѣтить признаніе. При всемъ томъ въ одномъ отношеніи и онъ испытаетъ на себѣ вліяніе этого общаго духовнаго теченія, въ особенности въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ попытку письменно изложить свои мысли для другихъ. То, что онъ имѣетъ сказать, приметъ форму борьбы противъ господствующихъ мнѣній, или по крайней мѣрѣ онъ изберетъ для себя такую борьбу въ качествѣ исходнаго пункта своихъ изслѣдованій. Задача его будетъ состоять прежде всего въ томъ, чтобы констатировать предѣлы научнаго направленія, не желающаго терпѣть ничего на ряду съ собой. Благодаря этому, тогда какъ бы станетъ свободнымъ поле. Разъ ему удастся это, онъ скорѣе всего будетъ имѣть возможность надѣяться на то, что будутъ выслушаны и тѣ мысли, которыя онъ имѣетъ въ виду высказать. Такимъ образомъ въ нашемъ случаѣ заговорить прежде всего объ естествознаніи долженъ будетъ и тотъ, кто полагаетъ, что для философіи существуютъ въ духовной жизни и болѣе важныя вещи чѣмъ оно.

Такого рода соображеніями объясняется форма нижеслѣдующаго изложенія моихъ мыслей. Онѣ вытекаютъ изъ убѣжденія въ томъ, что отсутствіе пониманія сущности историческихъ наукъ принадле-

жить къ числу наиболѣе важныхъ по своимъ послѣдствіямъ недостатковъ философіи нашего времени. Лучшимъ путемъ вселить и въ другихъ это убѣжденіе представилась попытка указать на односторонность естественно-научнаго изслѣдованія и прежде всего по крайней мѣрѣ констатировать тотъ пробѣлъ, который непременно должно оставлять въ томъ, что, пользуясь выраженіемъ неособенно удачнымъ, но безъ котораго трудно обойтись, мы привыкли называть нашимъ міросозерцаніемъ, естественно-научное образование, даже если представить себѣ, что оно доведено до высшаго совершенства и одинаково обнимаетъ собой какъ матеріальную, такъ и духовную природу. Дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы разрушить вѣру, будто при помощи только естествознанія или естественно-научной философіи возможно дойти до того, что для всѣхъ насъ должно быть наиважнѣйшимъ. Быть можетъ, для достиженія имѣемой нами въ виду цѣли существуетъ болѣе короткій путь. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, избранный нами путь представляется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Поэтому, чтобы выяснитъ сущность и цѣнность историческихъ наукъ, мы приступаемъ къ изслѣдованію границъ естествознанія.

Нынѣ подобное предпріятіе можетъ съ двухъ сторонъ вызвать недоразумѣнія, которыя представляется необходимымъ заранѣе предотвратить. Ставя себѣ задачу, состоящую въ констатированіи границъ естествознанія, въ обнаруженіи принципиальной ошибочности ученія объ единственномъ естественно-научномъ методѣ, въ особенности въ его примѣненіи къ историческимъ наукамъ, мы болѣе всего далеки отъ намѣренія какъ либо умалить значеніе самого современнаго естествознанія. Именно на долю нашего времени въ этой области выпали столь грандіозные успѣхи, что всякое ограничительное замѣчаніе могло бы только произвести впечатлѣніе неосмысленнаго брюзжанія. И хотя естествознаніе, конечно, обязано своей чрезвычайной популярностью въ большей степени внѣшнимъ успѣхамъ техники, чѣмъ чисто научнымъ результатамъ, все-таки, если мы и оставимъ въ сторонѣ эти практическія пріобрѣтенія, въ самомъ дѣлѣ останется достаточно такихъ результатовъ, цѣнность которыхъ нельзя преувеличить. Но отъ этого великаго значенія нисколько не зависитъ притязаніе естествознанія, — если даже понимать это слово и въ наивозможно болѣе широкомъ смыслѣ, который намъ впоследствии придется точнѣе установить, — на то, чтобы оно признавалось единственной по-

длинной наукой. Можно съ энтузіазмомъ слѣдить за тѣмъ, что даетъ современное естествознаніе и все-таки думать, что возникновеніе мнѣнія, будто естественно-научными изслѣдованіями исчерпывается научная жизнь вообще, будто естествознанію принадлежитъ рѣшающее слово по всѣмъ вопросамъ, должно влечь за собой прискорбное оскудѣніе въ духовной жизни людей.

Итакъ наше изслѣдованіе направлено не противъ естественныхъ наукъ, а противъ «естественно-научнаго міросозерцанія».

Второе недоразумѣніе лежитъ въ другомъ направленіи. Въ наше время очень часто говорятъ «о границахъ познанія природы» и именно разсужденія естествоиспытателей подъ этимъ заглавіемъ стали популярными. Поэтому цѣлесообразно заранѣе заявить, что ниже слѣдующее не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ изслѣдованіями этого рода. Полагали, что въ связи естественно-научныхъ изслѣдованій въ силу непреодолимой необходимости должны возникать проблемы, относительно которыхъ можно показать, что онѣ равнымъ образомъ необходимо останутся неразрѣшимыми для всѣхъ временъ и что поэтому для человѣка было-бы лучше перестать ломать себѣ надъ ними голову. Осмотрительному мышленію врядъ-ли слѣдовало-бы рѣшаться утверждать неразрѣшимость такихъ проблемъ, которыя въ самомъ дѣлѣ суть проблемы. Намъ пресловутое *Ignorabimus* представляется продуктомъ неправильной постановки вопроса. Оно вытекаетъ изъ односторонне естественно-научнаго образа мышленія, для котораго остается непостижимымъ, что тамъ, гдѣ ему чудятся границы познанія природы, для болѣе проницательной точки зрѣнія не оказывается рѣшительно никакихъ проблемъ. Безцѣльно останавливаться здѣсь на детальномъ обсужденіи этихъ вопросовъ. Достаточно будетъ подчеркнуть, что мы задаемся во всякомъ случаѣ отнюдь не констатированіемъ неразрѣшимыхъ проблемъ. Насъ тревожитъ не изобиліе вопросовъ, а то обстоятельство, что ихъ поставлено слишкомъ мало. Мы желали-бы указать на такія проблемы, которыя не могли возникнуть въ связи естественно-научныхъ изслѣдованій, которыя вообще выясняются и представляются заслуживающими разрѣшенія лишь для того, кто освободился отъ обаянія односторонне естественно-научнаго мышленія. Наше возраженіе противъ естествознанія, та точка зрѣнія, съ которой мы говоримъ о границахъ естествознанія, заключается въ томъ, что оно не въ состояніи видѣть этихъ проблемъ, а тѣмъ менѣе чѣмъ либо способствовать ихъ разрѣ-

шенію, что вслѣдствіе этого оно, становясь на мѣсто міросозерцанія, несправедливо суживаетъ область изслѣдованія человѣческаго духа. Этимъ, конечно, предотвращены недоразумѣнія по поводу той задачи, за которую мы беремся.

Выше шла рѣчь о пробѣлѣ въ нашемъ міросозерцаніи. Чтобы обнаружить этотъ пробѣлъ, мы беремся за изслѣдованіе о научныхъ методахъ. При этомъ мы опять подходимъ къ такому пункту въ которомъ существуетъ вполне сознательная зависимость нашихъ мыслей отъ современнаго состоянія философіи, хотя эта зависимость имѣетъ мѣсто и въ иномъ отношеніи, чѣмъ то, на которое уже было указано. Въ основномъ дѣлѣ идетъ о проблемѣ, касающейся общаго міро- и жизнепониманія: вѣдь для философіи въ послѣднемъ отношеніи вообще существуютъ лишь такія общія проблемы. Но во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ наше изслѣдованіе оказывается изслѣдованіемъ логическимъ, и оно касается общихъ вопросовъ міро- и жизнепониманія лишь тамъ, гдѣ логическое изслѣдованіе, какъ это само собой разумѣется, переходитъ въ глубже захватывающее. Итакъ, задача этого трактата состоитъ не въ томъ, чтобы дать само міро- и жизнепониманіе или хотя бы его кусочекъ, а въ томъ, чтобы указать и подвергнуть критикѣ тѣ средства, при помощи которыхъ можетъ быть выработано всестороннее и широкое міросозерцаніе, неограниченное никакими естественно-научными предубѣжденіями и односторонностями. Такой приемъ легко можетъ произвести впечатлѣніе слабого, неувѣреннаго, обезсиленнаго склада мышленія. Къ чему эти долгія размышленія о пути къ изслѣдованію вмѣсто отважной рѣшимости? Не найдется-ли читателей, склонныхъ посовѣтовать философу то-же самое, что Гете совѣтовалъ художнику: поменьше говорить и побольше творить?

Въ самомъ дѣлѣ гносеологическая тенденція (*der erkenntniss-theoretische Zug*), характеризующая современную философію и явственнѣе всего обнаруживающаяся именно во многихъ изъ лучшихъ ея продуктово, быть можетъ, способствовала охладженію интереса къ ней въ широкихъ кругахъ.

И, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, врядъ-ли, можно надѣяться на то, чтобы философія, въ формѣ теоріи позна-

нія, приобрѣла существенное прямое вліяніе на болѣе широкіе круги. Этотъ родъ философствованія не только труденъ, но для бѣлаго взгляда онъ долженъ казаться и крайне непроизводительнымъ. Съ различныхъ сторонъ раздавались заявленія въ томъ смыслѣ, что пора моль, наконецъ, перестать заниматься гносеологическими изслѣдованіями. И, быть можетъ, даже иные изъ тѣхъ, которые сами полагаютъ, что за разрѣшеніе философскихъ проблемъ можно приниматься лишь съ помощью изслѣдованія о знаніи, иной разъ чувствуютъ, насколько тусклы, безцвѣтны и тощи такія стремленія по сравненію съ тѣми системами, въ которыхъ въ эпоху расцвѣта нѣмецкой философіи пытались начертать картину міра и построить на основаніи ея жизнепониманіе. Какой блескъ и какія чары для чувства и фантазіи! Напротивъ того, изъ всѣхъ теорій теорія познанія въ особенности «сѣра». Нами можетъ овладѣвать чувство зависти, когда мы читаемъ, какъ Гегель провозглашалъ, что мужественное отношеніе къ истинѣ есть первое условіе философскаго изслѣдованія и вѣдрялъ въ своихъ слушателяхъ убѣжденіе, что въ скрытой сущности вселенной нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоять отвагѣ познания. Пожалуй, нельзя претендовать ни на кого, если, при воспоминаніи объ этихъ временахъ, наша современная столь осторожная философія не покажется особенно способной вызывать энтузіазмъ. Не слѣдуетъ-ли и намъ попытаться вновь оживить прошлое и, минуя всякую теорію познанія, опять отважно устремиться къ познанію самого міра?

Этого не пожелаетъ тотъ, кому извѣстна исторія духовнаго движенія въ 19-мъ столѣтіи. Быть можетъ, когда либо для философіи вновь наступитъ иное время, нынѣ же гносеологическіе приемы представляются совершенно необходимыми для нея. Мы знаемъ, какъ скоро рушились упомянутыя горделивыя системы нѣмецкаго идеализма. Если, быть можетъ, эти системы и не до такой степени утратили всякое значеніе, кромѣ «историческаго», какъ зачастую думаютъ теперь, то все же философская отвага тогда во всякомъ случаѣ слишкомъ ошиблась въ оцѣнкѣ силы вселенной, и это вызвало самые прискорбные результаты. Наступила эпоха философскаго малодушія и намъ по сію пору приходится страдать отъ все еще сказывающихся ея послѣдствій.

Именно въ наши дни имѣется особое основаніе для осмотрительности въ философіи. Упомянутый періодъ реакціи повидимому

миновать. Возрастает интересъ къ общимъ проблемамъ. Если насъ не обманываютъ всё признаки, кульминаціонный пунктъ развитія чистой спеціализаціи, т. е. такой разработки наукъ, которая принципиально избѣгаетъ всякихъ болѣе широкихъ соображеній, какъ ненаучныхъ, уже оставленъ позади. Хотя естественныя науки все еще стоятъ на переднемъ планѣ, мы все такъ, по крайней мѣрѣ въ этой области, снова отваживаемся братья за философскіе вопросы. Конечно, то обстоятельство, что именно нынѣ неспособные къ болѣе глубокому размышленію позволяютъ себѣ усердно суетиться съ рычагами и винтами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ былое время собирался съ мыслями, готовясь къ энергичному самоанализу, человѣческій духъ, имѣетъ только чисто внѣшнее значеніе. Однако, именно вслѣдствіе того, что вновь возникаетъ это настроеніе, во всякомъ случаѣ оказывающееся благоприятнымъ для успѣховъ философіи, тѣмъ болѣе рискованной является всякая некритическая стремительность. Прочный прогрессъ возможенъ для насъ лишь при условіи осмотрительности и медленности, тщательнаго взвѣшиванія и мотивированія каждаго шага. Прежде чѣмъ сдѣлать какое бы то ни были утвержденіе относительно вещей, мы сначала изслѣдуемъ, насколько наука имѣетъ въ данномъ случаѣ право что-либо высказывать. Всякая *quaestio facti* становится для насъ *quaestio juris*, всякая проблема общаго міросозерцанія и воззрѣнія на жизнь превращается для насъ въ проблему логики, теоріи познанія. У насъ вѣдь уже сломлена отвага познания, по крайней мѣрѣ отвага въ томъ смыслѣ, въ которомъ ею обладалъ Гегель. Теорія познанія стала для насъ дѣломъ добросовѣстности и мы не желаемъ выслушивать никого изъ тѣхъ, которые обходятся безъ оправданія ею своихъ мыслей. Впослѣдствіи— въ болѣе счастливые времена—это, быть можетъ, покажется признакомъ слабости. Тѣ, которые уже нынѣ мнятъ отдѣлаться отъ этой «слабости», еще не представили доказательства того, что и другимъ путемъ возможно двигать науку впередъ. Въ тѣхъ метафизическихъ построеніяхъ міроваго цѣлаго, съ которыми приходится считаться въ настоящее время, обнаруживается подозрительное сходство съ прежними системами, которыя въ большинствѣ случаевъ были гораздо энергичнѣе и поучительнѣе. Нынѣ тѣхъ, которые съ пренебреженіемъ относятся къ гносеологическимъ изслѣдованіямъ, приходится считать фантазерами, которые болѣе опасны для выработки широкаго міро- и жизнепониманія, чѣмъ тѣ слишкомъ легко удовлетворяющіяся и

невзыскательныя натуры, желанія которыхъ вообще не идутъ далѣе развитія спеціализаціи въ наукѣ. Такимъ образомъ и для философіи нашего времени существуетъ Сцилла и Харибда. Ей приходится держать свой путь между фантазерствомъ и спеціализаціей, а иначе она вообще нисколько не подвинется впередъ. Мы нуждаемся не въ той отвагѣ прежняго времени, которая оказалась кичливостью, а въ отвагѣ, которая безпрестанно побуждала бы насъ не бояться тягостнаго и тернистаго пути логики и теоріи познанія. Въ этой области лежатъ важнѣйшія задачи для такой философіи, которая, сознавая свою связь съ великими мыслителями прошлаго и не смущаясь эфемерными модами, продолжаетъ работать надъ старыми проблемами.

Съ другой стороны обязательно, конечно, столь-же энергичски подчеркнуть и то, что и въ этой формѣ философія весьма далека отъ того, чтобы когда либо упускать изъ виду тѣ великія цѣли, въ достиженіи или, по крайней мѣрѣ, въ приближеніи къ достиженію которыхъ всегда усматривали подлинный смыслъ философскихъ изслѣдованій. И нашъ путь долженъ въ концѣ концовъ привести къ широкому жизне- и миро-пониманію. Это такая задача, игнорировать которой не имѣетъ права никакая эпоха. Въ философіи, заслуживающей этого имени, разныя мнѣнія могутъ возникать лишь о пути, но ни въ какомъ случаѣ не о цѣли. А такъ какъ избранный нами путь таковъ, что пожалуй довольно долго могла-бы оставаться неясной та послѣдняя цѣль, къ достиженію которой мы стремимся, то цѣлесообразно будетъ заранѣе по крайней мѣрѣ намѣтить подлинный смыслъ этого изслѣдованія.

Теперь еще нѣсколько словъ относительно развиваемаго нами строя мыслей. Прежде всего мы должны поставить на видъ, что теорія познанія въ нашемъ смыслѣ не есть психологія. Само собой разумѣется, и психологія можетъ сдѣлать познание объектомъ своихъ изслѣдованій; она можетъ задаться вопросомъ, что такое собственно есть процессъ познания, коль скоро онъ разсматривается какъ психическое образованіе, какимъ образомъ онъ имѣетъ мѣсто и въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ совокупности нашей психической жизни. Однако, несмотря на всю цѣнность такого рода изслѣдованій, которыя, къ сожалѣнію, еще не весьма успѣшно производятся для иныхъ формъ познанія, и несмотря на то, что извѣстныя

психологическія соображенія окажутся необходимыми и для наших логическихъ изслѣдованій, психологія, въ качествѣ ученія объ одной лишь части дѣйствительности, какъ бы то ни было, остается спеціальной наукой, а, слѣдовательно, психологія познанаія никогда не могла-бы приводить къ тѣмъ общимъ философскимъ проблемамъ, которыя, будучи послѣднею цѣлью, всегда указываютъ намъ направленіе. Здѣсь для насъ исходнымъ пунктомъ служатъ тѣ задачи, къ разрѣшенію которыхъ стремится научное познанаіе. Намъ интересуетъ то значеніе, или, выражаясь еще точнѣе, та цѣнность, которую имѣютъ различные роды и формы научнаго мышленія для осуществленія этихъ задачъ. Прежде всего мы стремимся выяснитъ себѣ, что должно дать намъ окончательное (eine abschließende) міро- и жизне-пониманіе, и съ точки зрѣнія этой высшей цѣли науки мы оцѣниваемъ различные научные методы, что бы на основаніи этого понять ихъ сущность. Стало быть, для насъ методы изслѣдованія являются не фактами, которые надлежитъ констатировать, описать или же и понять въ ихъ естественно-необходимомъ генезисѣ, но средствами, телеологическую связь (Zweckzusammenhänge) которыхъ съ послѣдними цѣлями научной дѣятельности мы желаемъ понять. Для обозначенія изслѣдованій этого рода лучше всего воспользоваться терминомъ «наукоученіе», который былъ созданъ для этого Фихте. Въ числѣ многихъ преимуществъ на сторонѣ этого термина оказывается и то, что для всякаго свѣдущаго челоѣка, благодаря его употребленію, обозначаема имъ область наивозможно энергичнѣе изолируется отъ всякихъ спеціально психологическихъ трудовъ.

Далѣе, въ самомъ изложеніи должно выяснитъ, что именно мы разумѣемъ подъ философій какъ наукоученіемъ. Здѣсь прежде всего требовалось лишь представить отрицательное удостовѣреніе въ томъ, что дѣло идетъ не о психологіи. Равнымъ образомъ лишь дальнѣйшее изложеніе можетъ выяснитъ, какая связь существуетъ между наукоученіемъ въ нашемъ смыслѣ и самимъ построеніемъ общаго міро- и жизне-пониманія, которое мы признали подлинной цѣлью всякой философской работы. Но уже и здѣсь намъ хотѣлось-бы намѣтитъ ту послѣднюю философскую цѣль, къ достиженію которой мы стремимся въ этомъ трудѣ и притомъ дать такую ея формулировку которая является независимой отъ той спеціальной формы, въ которую мы впоследствии облечемъ нашу проблему и въ которой мы намѣрены,

попытаться ее разрѣшить. Иными словами, намъ хотѣлось бы указать, съ какими изъ тѣхъ давно уже знакомыхъ философскихъ вопросовъ, надъ которыми непрестанно размышлялъ челоѣчскій духъ, находится въ связи наша работа.

Это размышленіе приводитъ къ великимъ противоположностямъ. Для насъ дѣло идетъ о томъ, чтобы установить эту противоположность, поскольку она касается значенія историческаго элемента для философскаго міросозерцанія, въ наивозможно болѣе извѣстной и даже тривиальной формѣ. Поэтому лучше всего будетъ опять взять за исходный пунктъ теоріи тѣхъ философовъ, о которыхъ уже шла рѣчь выше и для міросозерцанія которыхъ особенно характерно ихъ отношеніе къ исторіи. Изъ нихъ у Шопенгауэра, можно сказать, не имѣется рѣшительно никакого отношенія къ исторіи. Поэтому на немъ не приходится останавливаться при нашемъ разсмотрѣніи. Гегель же и Контъ могутъ имѣть для насъ значеніе типичныхъ представителей тѣхъ двухъ направлений, въ которыхъ находить свое явное выраженіе великая дилемма міросозерцанія, именно въ томъ, какимъ образомъ трактуется исторія.

Что такое представляетъ собой всемірная исторія для Гегеля? Прimitивная исторія, въ которой самъ авторъ рассказываетъ пережитое имъ и развѣ что дополняетъ пережитое рассказами другихъ, а также и такая, въ которой дается обзоръ всей исторіи какого либо народа, какой либо страны, или же міра, не удовлетворяютъ Гегеля. И различные виды резонирующей (reflectirenden) исторіи, — прагматическая исторія, которая приводитъ прошлое въ связь съ настоящимъ, критическое изслѣдованіе достовѣрности исторіи, исторія развитія извѣстныхъ спеціальныхъ понятій въ искусствѣ, правѣ, религіи, — все это не можетъ удовлетворить философа. Предпосылкой для него служить положеніе, гласящее, что исторія не просто течетъ, но имѣетъ смыслъ, что разумъ правитъ міромъ. Дѣйствительно, — философская задача состоитъ въ томъ, чтобы отыскать въ исторіи планъ и изложить этотъ планъ, чтобы познать ея духъ. А такъ какъ для Гегеля сущность духа — въ противоположность матеріи — есть свобода, духъ же свободенъ лишь постольку, поскольку онъ самъ сознаетъ себя свободнымъ, — то онъ и хочетъ изобразить намъ исторію какъ процессъ, въ которомъ духъ доходитъ до самосознанія и, благодаря этому, до свободы. Всякое историческое событіе приводится въ связь съ этимъ процессомъ. Нынѣ философія исторіи Гегеля считается уста-

рѣлой и, до известной степени, конечно, основательно. Прежде всего как очень хорошо сознает сам Гегель, принятіе или непринятіе его философіи исторіи находится въ тѣснѣйшей связи съ принятіемъ или непринятіемъ его метафизической системы, которой опредѣляется смыслъ содержанія исторіи. Но, оставляя это въ сторонѣ, современный критикъ будетъ склоненъ поставить еще и дальнѣйшій вопросъ: кто же ручается намъ за то, что въ исторіи вообще есть смыслъ, разумъ, планъ, или что таковыя познаваемы для человѣка? Вслѣдствіе этого возможность всякаго, аналогичнаго Гегелевскому, трактованія исторіи по крайней мѣрѣ становится проблематичной. Такъ какъ у нея отсутствуетъ гносеологическая подкладка, она оказывается безсильной противъ такихъ возраженій.

Совершенно инымъ представляется намъ отношеніе Конта къ исторіи. Съ его точки зрѣнія нѣтъ никакого смысла въ міровомъ цѣломъ и нѣтъ никакого плана въ исторіи. Положительной наукѣ вѣдомы лишь факты и законы. Естественныя науки въ большинствѣ случаевъ уже дошли до пониманія этого, равнымъ образомъ и въ исторической жизни человѣчества слѣдуетъ, наконецъ, искать только фактовъ и законовъ природы. Затѣмъ Контъ выражаетъ такую же увѣренность въ томъ, что ему точно известенъ основной законъ всего историческаго развитія, какъ Гегель въ томъ, что ему известенъ смыслъ исторіи. И въ данномъ случаѣ не только можно будетъ указать на то обстоятельство, что принятіе или непринятіе «соціологіи» Конта (не только) находится въ тѣснѣйшей связи съ принятіемъ или непринятіемъ его известнаго закона трехъ состояній, но и въ данномъ случаѣ нельзя безъ дальнихъ околичностей отдѣлаться отъ гносеологическаго вопроса о томъ, существуютъ ли вообще законы для исторіи или, по крайней мѣрѣ, познаваемы ли эти законы для человѣческаго духа. Контъ не задавался этимъ вопросомъ и только человѣку, весь складъ мышленія котораго односторонне естественнонаученъ, это упущеніе можетъ казаться менѣе подозрительнымъ, чѣмъ некритическая манера Гегеля. Философія исторіи Конта оказывается не менѣе беззащитной противъ критики познанія, чѣмъ философія исторіи нѣмецкаго идеалиста.

Итакъ философія, какъ наукоученіе, прежде всего должна отвергнуть какъ Гегелевскую, такъ и Контовскую манеру трактованія исторіи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ чтобы Гегель и Контъ не могли, при всемъ томъ, имѣть для насъ значеніе, въ

дѣйствіи типичныхъ представителей тѣхъ двухъ направленій въ философіи, между которыми придется сдѣлать выборъ и намъ въ нашемъ изслѣдованіи. Итакъ, мы намѣрены, беря за исходный пунктъ тѣхъ теорій, выяснить ту проблему, о которой идетъ дѣло.

У насъ нѣтъ этикетокъ, при посредствѣ которыхъ можно было бы однозначно (eindeutig) охарактеризовать противоположность между этими двумя направленіями въ наиболѣе общей ея формѣ. Во всякомъ случаѣ, для характеристики того направленія, типичнымъ представителемъ котораго для насъ служить Контъ, возможно будетъ пользоваться здѣсь словомъ «натурализмъ»¹⁾. Слово же «идеализмъ» чересчуръ неопредѣленно и допускаетъ слишкомъ много толкованій для того, чтобы имъ можно было безъ болѣе точнаго объясненія пользоваться для обозначенія другого направленія. Здѣсь мы довольствуемся тѣмъ, что опредѣляемъ противоположность просто при посредствѣ отрицанія, и такого опредѣленія достаточно для этого предварительнаго ориентированія. Пожалуй термины «имманентность» и «трансцендентность» проще всего выражаютъ имѣемую въ виду противоположность. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о томъ, что одинъ родъ мышленія имѣетъ тенденцію придерживаться одного только міра, который принимается имъ за непосредственно данный ему, какъ дѣйствительность. Другое направленіе старается, напротивъ того, привести видимую и осязательную для насъ дѣйствительность въ связь съ инымъ міромъ, который не данъ намъ въ этомъ смыслѣ, причемъ его представители даже думаютъ, что центра тяжести жизни слѣдуетъ искать въ углубленіи въ отношенія къ упомянутому міру.

Само по себѣ понятно, какимъ образомъ эти различныя взгляды должны, коль скоро они проводятся послѣдовательно, находить себѣ выраженіе въ отношеніи къ исторіи, какъ оно проявляется съ одной стороны у Конта, съ другой стороны у Гегеля. Въ одномъ случаѣ мы находимъ понятіе о замкнутомъ въ себѣ, самодовлѣющемъ бытіи, управляемомъ чисто имманентными законами; въ другомъ случаѣ — дѣйствительность какъ теченіе событій, расчленяемое на основаніи тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются между этими событіями

¹⁾ Конечно, насъ не касается здѣсь вопросъ о томъ, послѣдовательно ли развилъ Контъ свои натуралистическія тенденціи, проводя свои мысли.

и трансцендентнымъ принципомъ. Итакъ, въ одномъ случаѣ предъ нами міръ, управляемый вѣчными законами, такъ какъ они необходимы, природа, которая въ сущности всегда одна и та-же, кругооборотъ, для котораго безразлично обиліе единичныхъ формъ, возникающихъ и гибнущихъ и, какъ нѣчто преходящее, ничтожныхъ. Въ другомъ случаѣ предъ нами дѣйствительность, при глубокомысленномъ расчлененіи которой руководящимъ является трансцендентный принципъ, рядъ ступеней развитія, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое значеніе въ своемъ своеобразіи. Если правъ натурализмъ, то изслѣдованіе исторіи въ самомъ дѣлѣ оказывается возможнымъ лишь въ формѣ социологіи, какъ ученіе о законахъ природы, однообразно управляющихъ всякимъ совершающимся въ дѣйствительности процессомъ. Иначе обстоитъ дѣло въ томъ случаѣ, если природу можно привести въ связь съ такимъ міромъ, который выше природы. Тогда и единичное становится интереснымъ въ своемъ индивидуальномъ своеобразіи, смотря по тому положенію, которое оно занимаетъ относительно упомянутого иного міра. Тогда имѣетъ смыслъ истолковывать планъ цѣлаго.

Быть можетъ, эта противоположность взглядовъ явственнѣе всего обнаруживается при разсмотрѣніи специальной проблемы. Совершается ли въ исторіи прогрессъ? Это вопросъ, который часто обсуждался представителями самыхъ различныхъ философскихъ направлений, вопросъ, отъ разрѣшенія котораго не можетъ совершенно уклониться никакая философія. И Коитъ характеризовалъ свою социологию какъ ученіе о прогрессѣ. Однако мы должны, конечно, понимать слово «прогрессъ» въ томъ смыслѣ, что, коль скоро что-либо называется прогрессирующимъ, то благодаря этому между различными состояніями должно быть устанавливаемо различіе по отношенію къ ихъ цѣнности. Въ противномъ случаѣ вопросъ о прогрессѣ въ исторіи не представлялъ-бы особаго интереса. Можетъ-ли натурализмъ, коль скоро онъ послѣдователенъ, устанавливать такія различія по отношенію къ цѣнности, значеніе которыхъ не было-бы чисто произвольно. Не должна-ли всякая имманентная оцѣнка для него являться чѣмъ-то преходящимъ и поэтому ничтожнымъ? Или не долженъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, ограничиваться заявленіемъ, что прогрессъ есть то, что наступаетъ по необходимымъ законамъ и что вслѣдствіе этого болѣе позднее оказывается во всякомъ случаѣ и болѣе прогрессирующимъ? Но не неизбѣжно-ли, что тогда слово «про-

грессъ» утрачиваетъ вышеуказанный смыслъ? Здѣсь не мѣсто для рѣшенія этихъ вопросовъ. Слѣдуетъ только поставить на видъ, что въ данномъ случаѣ, какъ бы то ни было, существуетъ трудность, тогда какъ, напротивъ того, для другого направленія, приводящаго природу въ связь съ находящимся за ея предѣлами міромъ, этой трудности не существуетъ. Вѣдь въ трансцендентномъ мірѣ для этого направленія имѣется опредѣленная цѣль и въ этой цѣли заключается мѣрило такой оцѣнки различныхъ состояній, которая имѣетъ большее значеніе чѣмъ оцѣнка, остающаяся произвольной и преходящей. Единичному надлежитъ отвести его мѣсто въ качествѣ ступени и въ процессѣ развитія, ведущаго къ упомянутой цѣли. Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи вопроса о прогрессѣ въ исторіи, повидимому, нельзя обойти вопроса объ имманентномъ и о трансцендентномъ міросозерцаніяхъ.

Какъ уже замѣчено выше, этотъ вопросъ не служитъ подлинной темой нашего изслѣдованія, да и проблема намѣренно намѣчена здѣсь лишь совершенно вообще, въ формѣ, обнимающей самыя различныя формулировки и вслѣдствіе этого нѣсколько неопредѣленной, но въ концѣ концовъ наше изслѣдованіе приведетъ насъ къ такому пункту, гдѣ мы окажемся вынужденными по меньшей мѣрѣ, извѣстнымъ образомъ, выразить свое отношеніе къ этому вопросу и гдѣ намъ придется еще нѣсколько точнѣе установить его смыслъ. Именно то обстоятельство, что мы приходимъ къ такому пункту и оправдываетъ, какъ намъ кажется, эти логическія изслѣдованія. Для того, чтобы избавить «современнаго» читателя отъ всякой непріятной неожиданности, цѣлесообразно теперь-же намѣтить то направленіе, въ которомъ послѣдуетъ наше окончательное рѣшеніе. На основаніи того, что было сказано выше, само собой понятно, что трактованіе исторіи съ чисто натуралистической точки зрѣнія представляется намъ принципиально ошибочнымъ. Намъ придется обстоятельно доказывать, что историческое изслѣдованіе, какъ естественная наука, оказывается задачей по существу дѣла невозможной, содержащей въ себѣ логическое противорѣчіе. Это означаетъ въ то же время, что наша точка зрѣнія оказывается сродни вышеупомянутому иному направленію, типическимъ представителемъ котораго для насъ былъ Гегель. Конечно, только сродни. Большинство по сію пору сдѣланныхъ попытокъ въ этомъ направленіи и въ особенности система Гегеля не даютъ того, что

онѣ должны были бы давать и даже, если послѣдовательно продумать ихъ до конца, онѣ должны приводить къ такому результату, который не свободенъ отъ всѣхъ невозможностей чистаго натурализма. Но мы, въ самомъ дѣлѣ, думаемъ, что коль скоро исторія вообще должна быть разрабатываема какъ наука, она не можетъ обойтись безъ трансцендентныхъ элементовъ. Имманентный натурализмъ логически не можетъ быть проведенъ до конца. Наукоучение вообще должно привести насъ къ тому результату, что такіе элементы необходимы для всякой науки. Естественныя науки могутъ заблуждаться относительно употребленія этихъ элементовъ, такъ какъ въ нихъ это употребленіе стало до такой степени само собой разумѣющимся, что его въ большинствѣ случаевъ совершенно упускаютъ изъ виду. Историческимъ наукамъ придется специально вдуматься въ значеніе ихъ трансцендентныхъ элементовъ. Указывая на эту необходимость, логика приводитъ къ общей теоріи міросозерцанія (Weltanschauungslehre).

Быть можетъ, этихъ немногихъ указаній будетъ достаточно для того, чтобы въ общемъ ориентировать читателя относительно характера и цѣли этого изслѣдованія и отмѣтить тѣ рамки, въ предѣлахъ которыхъ оно производится. Теперь мы можемъ перейти къ формулировкѣ нашей специальной проблемы. Уже превращеніе общаго вопроса міро-и жизне-пониманія въ логическую проблему явилось ограниченіемъ нашей задачи. Теперь намъ приходится сдѣлать еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи. Не въ системѣ наукоученія намѣрены мы установить границы естествознанія, чтобы, исходя оттуда, достигнуть выясненія сущности историческаго изслѣдованія, но мы выбираемъ одинъ только специальный случай. Однако этотъ случай выбранъ нами такъ, что мы въ состояніи обнаружить на немъ общій принципъ и систематически рассмотреть существенные вопросы. Это относится какъ къ границамъ естественно-научнаго изслѣдованія, такъ и къ логическимъ основнымъ понятіямъ историческихъ наукъ.

Въ логикѣ принято различать между научнымъ изслѣдованіемъ и научнымъ изложеніемъ. Беря слово «изложеніе» не въ томъ вышнемъ смыслѣ, въ которомъ оно означаетъ всего лишь словесную формулировку мыслей, но разумѣя подъ нимъ форму, въ которую

должны въ силу внутренней необходимости облекаться результаты научной работы, мы можемъ сказать, что нашей задачей является здѣсь не изображеніе логической структуры всего процесса естественно-научнаго изслѣдованія, но что мы намѣрены обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на одно изъ средствъ изложенія. Для обозначенія той формы, въ которой нѣкоторымъ образомъ передаются результаты научнаго изслѣдованія, мы пользуемся въ естественныхъ наукахъ названіемъ «понятіе». Образование понятій въ нашемъ смыслѣ всегда оказывается, по крайней мѣрѣ относительно завершеніемъ изслѣдованія, стало быть въ понятіи представляется въ готовомъ видѣ то, что установлено путемъ изслѣдованія. Поскольку всякая естественно-научная работа въ послѣднемъ анализѣ направлена на образование понятій и понятіе въ этомъ смыслѣ можетъ быть рассматриваемо какъ цѣль всѣхъ естественно-научныхъ изслѣдованій, уразумѣніе сущности этого образованія понятій, какъ намъ кажется, весьма способно пролить свѣтъ на своеобразіе естественно-научнаго метода вообще, въ особенности поскольку дѣло идетъ объ его отношеніяхъ къ научному ^{ТРАКТАТЪ} практикованію исторіи. Поэтому, соответственно нашему вышеуказанному намѣренію, мы избрали своей задачей изслѣдованіе о томъ, въ какихъ областяхъ естественно-научное образование понятій имѣетъ смыслъ и въ какихъ областяхъ оно необходимо должно утрачивать этотъ смыслъ, стало быть изслѣдованіе о предѣлахъ естественно-научнаго образованія понятій. Это изслѣдованіе должно обнаружить намъ тотъ пробѣлъ, который необходимо должно оставлять въ нашемъ знаніи и естествознаніи, доведенное до высшей степени совершенства; оно должно приводить насъ къ тому, чѣмъ нельзя овладѣть путемъ естественно-научнаго образованія понятій.

По разрѣшеніи этого вопроса, мы намѣрены показать, какого рода наука способна пополнить этотъ пробѣлъ въ нашемъ знаніи. Мы полагаемъ, что эта задача выпадаетъ на долю историческихъ наукъ. При построеніи положительной теоріи историческаго метода намъ придется особенно останавливаться на томъ, что способно обнаружить противоположность обоихъ методовъ. Благодаря этому прежде всего еще лучше выяснится принципиальное значеніе границъ естественно-научнаго образованія понятій. Далѣе эта противоположность должна пролить свѣтъ и на существенныя особенности историческаго изслѣдованія. Само собой разумѣется, что подъ историческими нау-

ками мы разумѣемъ здѣсь не только исторію въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Напротивъ того, подѣ этимъ названіемъ мы объединяемъ всѣ тѣ опытные науки, которыя не суть естественныя науки. Стало быть, это понятіе обнимаетъ не только значительную часть того, что въ иныхъ случаяхъ называется науками о духѣ, но еще и нѣкоторое другое. Нижеслѣдующее изслѣдованіе должно обстоятельно оправдывать, почему мы избѣгаемъ названія «наука о духѣ» или «науки о культурѣ» и почему мы избираемъ выраженіе «историческія науки». Здѣсь мы намѣрены только подчеркнуть, что и въ этой связи дѣло, можетъ, конечно, идти опять-таки не о систематической логикѣ историческихъ наукъ или о системѣ философіи исторіи въ смыслѣ философіи какъ наукоученія, но что, соотвѣтственно тому ограниченію, которое мы установили для изслѣдованія естествознанія, и въ этихъ частяхъ нашей работы, насъ занимаетъ не столько процессъ находженія результатовъ и изслѣдованія въ историческихъ наукахъ, сколько форма ихъ изложенія, т. е. логическая структура ихъ выводовъ. Намъ хотѣлось-бы прежде всего установить сущность историческаго понятія, если уместно пользоваться этимъ выраженіемъ въ противоположность естественно-научному понятію. Однако, поскольку весь процессъ научной работы и здѣсь оказывается подчиненнымъ той цѣли, достиженіе которой имѣется въ виду при немъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ бы быть подчиненнымъ этой цѣли, уже и при этомъ изслѣдованіи объ изложеніи въ историческихъ наукахъ должно обнаружиться, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ своихъ чертахъ, то, что вообще существенно для логическаго своеобразія этихъ наукъ. Въ этомъ смыслѣ мы дѣлаемъ далѣе попытку дать логическое введеніе въ историческія науки.

Въ новѣйшихъ системахъ логики не принято дѣленіе понятій на естественно-научныя и историческія. Въ тѣхъ отдѣлахъ, въ которыхъ въ этихъ системахъ трактуется ученіе о понятіи вообще, мы находимъ, что разсматривается почти исключительно тотъ родъ образованія понятій, который мы считаемъ необходимымъ охарактеризовать какъ естественно-научное образованіе понятій, да и вся логика, если оставить въ сторонѣ немногія исключенія, по сію пору въ сущности остается логикой естественно-научнаго изслѣдованія. Но даже и поскольку дѣло идетъ объ ученіи объ естественно-научномъ понятіи мы не можемъ безъ дальнихъ околичностей сослаться на общепризнанныя положенія общей логики, такъ какъ въ особенности съ

тѣхъ поръ какъ Зигвартъ въ своемъ трудѣ, которымъ болѣе всего опредѣляется характеръ новѣйшихъ логическихъ теченій, лишилъ ученіе о понятіи мѣста во главѣ системы, почти безспорно принадлежавшаго ему въ традиціонной логикѣ, еще не удалось дать теоріи понятія общепризнанныя положеніе и форму. Относительно того, что такое вообще есть понятіе, или къ чему наиболѣе примѣнимо это выраженіе, мнѣнія значительно расходятся. Слово понятіе употребляется для обозначенія какъ простѣйшихъ составныхъ частей логическаго процесса, такъ и самыхъ сложныхъ построеній мышленія. Оно должно обозначать какъ элементы примитивнаго сужденія, такъ и актъ мышленія, въ которомъ находить свое завершеніе научное изслѣдованіе. Въ самомъ дѣлѣ неопредѣленность смысла этого термина такова, что въ послѣднее время и совершенно избѣгали его употребленія. Съ удовольствіемъ констатируютъ возможность «совершенно не прибѣгая даже и къ помощи слова понятіе»¹⁾ обсуждать такія проблемы, которыя прежде считались главными проблемами ученія о понятіи.

Само собой разумѣется, что дѣло не въ словѣ. Вслѣдствіе влекущей за собой неясность неопредѣленности его смысла, его можно было-бы замѣнить нѣсколькими терминами, каждый изъ которыхъ имѣетъ одно опредѣленное значеніе. Тѣмъ не менѣе трудно, конечно, рѣшиться, совершенно обходиться въ логикѣ безъ выраженій: понятіе, понимать, выраженное въ понятіи (begrifflich) и, быть можетъ, намъ удастся внести въ обсужденіе этого вопроса нѣсколько больше единства и ясности, разъ мы теперь сознательно въ логическомъ спеціальному изслѣдованіи сдѣлаемъ то, что логика въ ея общей части почти безъ исключеній дѣлала, не отмѣчая этого спеціально, а, именно, коль скоро мы въ данномъ случаѣ на первыхъ порахъ всецѣло ограничимся разсмотрѣніемъ естественно-научнаго понятія. Лишь тогда мы будемъ въ состояніи установить предѣлы естественно-научнаго образованія понятій и, исходя отсюда, выяснитъ сущность историческаго мышленія.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія оказывается выясненіе сущности естественно-научнаго образованія понятій. Намѣтивъ общую тенденцію, мы имѣемъ теперь въ виду намѣтить, по

¹⁾ Benno Erdmann, Logik, I. S. 184.

крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ и раздѣленіе излагаемаго ниже строя нашихъ мыслей.

Извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вообще на ряду съ естественно-научнымъ изслѣдованіемъ признается иной родъ научнаго труда, это разграниченіе почти всегда характеризуется, какъ противоположеніе наукъ о духѣ естественнымъ наукамъ. Разъ, благодаря этому обозначенію, природа противопоставляется духу, то подъ духомъ въ большинствѣ случаевъ, конечно, разумѣютъ совокупность психической жизни и соотвѣтственно этому, въ такомъ случаѣ, подъ словомъ природа должно разумѣть лишь тѣлесный міръ. Мы принимаемъ пока эту терминологию и, чтобы избѣжать всякихъ излишнихъ затрудненій, сперва пытаемся изучить естественно-научное образованіе понятій лишь въ его примѣненіи въ той области, которая является объектомъ естественныхъ наукъ въ этомъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ его примѣненіи къ совокупности тѣлесныхъ вещей и процессовъ.

По выясненіи въ первой главѣ познанія этой тѣлесной природы въ понятіяхъ, мы задаемся вопросомъ о томъ, не начинаются ли, быть можетъ, его границы тамъ, гдѣ прекращается тѣлесный міръ. Мы не можемъ обойти этого вопроса, коль скоро мы намѣрены отнестись критически къ обычному противопоставленію наукъ о природѣ и наукъ о духѣ, а это сдѣлать мы должны потому, что лишь такимъ образомъ можетъ быть вполне выяснена сущность историческихъ наукъ. Вѣдь большая часть историческихъ наукъ несомнѣнно имѣетъ дѣло съ душевными процессами. Стало быть историческія науки должны быть причислены къ числу такъ называемыхъ наукъ о духѣ, а поэтому обязательно возникаетъ вопросъ, не могутъ ли онѣ, въ качествѣ наукъ о духѣ, примѣнять естественно-научный методъ. Этотъ вопросъ вполне естественно принимаетъ форму проблемы: полагаетъ ли природа душевной жизни вообще предѣлъ примѣнимому къ тѣлесному міру естественно-научному образованію понятій и можетъ-ли, слѣдовательно, логическое раздѣленіе системы наукъ основываться на противопоставленіи природы и духа. Разрѣшенію этого вопроса посвящена вторая глава. Намъ кажется, что ничто такъ не препятствовало ясному уразумѣнію сущности историческихъ наукъ, какъ то обстоятельство, что въ обсужденіе этихъ проблемъ вносилось противопоставленіе физическихъ и психическихъ процессовъ. Конечно, изъ природы духовныхъ процессовъ вытекаютъ извѣстныя видоизмѣненія методовъ, примѣняемыхъ при изслѣдованіи

тѣлеснаго міра. Но при этомъ дѣло идетъ только о видоизмѣненіяхъ, и эти видоизмѣненія представляются несущественными, по сравненію съ тою принципиальною противоположною, которая должна возникать при разсмотрѣніи съ одной стороны природы, съ другой стороны исторіи.

Наивозможно болѣе рѣзкое обнаруженіе этой противоположности между природой и исторіей составляетъ существеннѣйшую задачу третьей главы. Это приводитъ насъ къ подлинному центральному пункту нашего изслѣдованія. Обнаружится, что здѣсь дѣйствительно имѣется логическая противоположность, которая прежде всего нисколько не касается предметной (sachlichen) противоположности природы и духа. Мы намѣрены доказать, что вообще то различіе между науками естественными и науками историческими, которое коренится въ самомъ общемъ логическомъ понятіи ихъ, состоитъ вовсе не въ томъ, что однѣ имѣютъ дѣло съ иными объектами, чѣмъ другія. Напротивъ того, одинъ и тотъ же процессъ можетъ служить предметомъ научнаго изслѣдованія, пользующагося обоими методами. Для того, чтобы это воочію обнаружилось, мы пытаемся, по мѣрѣ возможности, сперва уяснить себѣ сущность историческаго изслѣдованія на такихъ случаяхъ, въ которыхъ мы мыслимъ себѣ объектами этого изслѣдованія тѣлесные вещи и процессы. Оказывается, что, съ чисто формально-логическихъ точекъ зрѣнія, вся данная дѣйствительность могла-бы стать объектомъ какъ естественно-научнаго, такъ и историческаго изложенія.

Конечно, въ дѣйствительной разработкѣ наукъ, дѣло принимаетъ значительно иной оборотъ. Существуютъ такія области, которыя должны быть трактуемы исключительно естественно-научно; такія области, трактованіе которыхъ должно быть исключительно историческимъ и, наконецъ, такіе области, которыя допускаютъ трактованіе ихъ какъ наукой естественной, такъ и исторической. Изложеніе оснований для этого должно сдѣлать вполне яснымъ различіе между науками естественными и науками историческими. Затѣмъ насъ, главнымъ образомъ, занимаетъ выясненіе того, какія области не только допускаютъ возможность историческаго трактованія, но и необходимо требуютъ такового и благодаря этому мы доходимъ, наконецъ, до историческихъ наукъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, которыя обыкновенно называются науками о духѣ. На долю четвер-

той главы выпадает задача, состоящая в томъ, чтобы развить ихъ логическія основныя понятія и предпосылки.

Какъ уже было упомянуто, при выясненіи этихъ логическихъ особенностей мы въ концѣ концовъ приходимъ къ утверженію необходимости трансцендентныхъ допущеній. Весь вопросъ о томъ, можетъ ли исторія быть признана наукой въ томъ смыслѣ, въ какомъ таковою является естествознаніе, находится въ связи съ этой проблемой. Вслѣдствіе этого мы будемъ вынуждены поставить нашу работу въ связь, по крайней мѣрѣ, съ этой проблемой и это приведетъ насъ къ обсужденію вопросовъ философіи исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Обсужденіе этихъ вопросовъ предполагаетъ предшествующія выводы, касающіеся сущности естественно-научнаго и историческаго труда и въ то же время является попыткой подкрѣпить ихъ нѣкоторыми положеніями общаго наукоученія. Разрѣшенію этой задачи посвящена пятая и послѣдняя глава. Въ то-же время въ ней придется сдѣлать попытку устранить возраженія и недоумѣнія, которыя, быть можетъ, въ иныхъ случаяхъ возникнутъ по поводу предшествующаго изложенія и которыя могутъ быть опровергнуты и разсѣяны лишь въ установленной тогда систематической связи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Познаніе тѣлеснаго міра въ понятіяхъ.

„Наиболѣе глубокимъ было-бы пониманіе того, что все фактическое уже есть теорія“.

Гете.

Мы знаемъ, что наша задача состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы установить сущность естественно-научнаго образованія понятій. Мы приняли, далѣе, рѣшеніе на первыхъ порахъ изучать это образованіе понятій лишь постольку, поскольку оно имѣетъ значеніе для познанія тѣлеснаго міра. Путь къ разрѣшенію этой задачи оказывается преднамѣреннымъ. Такъ какъ мы занимаемся отнюдь не психологическимъ, а логическимъ изслѣдованіемъ, то мы разсматриваемъ естественно-научное понятіе, какъ и всякое логическое образованіе, какъ средство для достиженія нѣкоторой научной цѣли, а изъ этого вытекаетъ, что его сущности надлежитъ искать въ свойственной ему функціи, которую оно выполняетъ для достиженія той цѣли, которую имѣетъ въ виду естественно-научный трудъ. Итакъ заранѣе ясно, что въ этой связи мы никогда не можемъ употреблять слова «понятіе» для обозначенія представленій, значеніе которыхъ сводится къ тому, что они имѣются на лицо, какъ факты, въ нашей душевной жизни, но лишь для обозначенія такихъ образованій, благодаря которымъ что либо уже сдѣлано для цѣлей научнаго познанія. Вѣдь логика, имѣющая въ виду быть наукоученіемъ, въ правѣ употреблять логическіе термины лишь для имѣющихъ важное значеніе въ науч-

номъ отношеніи образованій. Итакъ, первый изъ ставимыхъ нами вопросовъ долженъ гласить: въ чемъ состоитъ задача естественна-научнаго понятія и какимъ путемъ послѣднее разрѣшаетъ ее?

I.

Многообразіе тѣлеснаго міра и упрощеніе его благодаря общему значенію словъ.

Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы исходимъ отъ такого мнѣнія, съ которымъ свыкъся каждый. Человѣкъ имѣетъ предъ собой тѣлесную дѣйствительность, на которую направлено его познаніе. Въ данномъ случаѣ насъ не занимаетъ вопросъ о томъ, образуетъ-ли эта дѣйствительность во всѣхъ отношеніяхъ независимое отъ познающаго субъекта бытіе, которое представляется «въ сознаниі» или вполне или отчасти такъ же, какъ оно существуетъ независимо отъ послѣдняго, или же этотъ міръ есть лишь «явленіе»; человѣческій способъ разсмотрѣнія (*Auffassungsweise*) иного, совершенно неизвѣстнаго намъ реальнаго міра вещей въ себѣ, или же, наконецъ, оказывается-ли непосредственно данная намъ дѣйствительность единственною, которую мы имѣемъ право допускать, и не можетъ-ли поэтому ей соответствовать «скрывающееся за нею» бытіе. Для насъ достаточно того факта, что всякій знаетъ тѣлесный міръ какъ одну простирающуюся въ пространствѣ и времени дѣйствительность, которой свойственны воззрительныя формы (*von anschaulichen Gestaltungen*) и что наукѣ о тѣлахъ, поскольку она есть эмпирическая наука, вѣдома, въ качествѣ объекта ея изслѣдованій, во всякомъ случаѣ только эта одна дѣйствительность. Итакъ въ связи съ этой постановкой вопроса находится то обстоятельство, что совершенно безразлично, называть-ли этотъ міръ опытнымъ, заранѣеходимымъ, даннымъ міромъ или же содержаніемъ сознанія.

Но мы должны, конечно, припомнить одну лежащую въ иномъ направленіи особенность этого тѣлеснаго, даннаго опыту или сознанію міра, которая находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣло идетъ о мірѣ воззрительномъ (*eine anschauliche*), существующемъ въ пространствѣ и времени. Эта особенность легче всего станетъ ясною для насъ, коль скоро мы сдѣлаемъ попытку познать воз-

зрительную тѣлесную дѣйствительность, воспроизводя ее, какъ разъ въ такомъ видѣ, какъ она есть, въ нашихъ представленіяхъ и затѣмъ выражая въ сужденіяхъ все то, что мы представляемъ. Вѣдь намъ приходится при этомъ наталкиваться на затрудненія, которыя скоро оказываются непреодолимыми препятствіями для такого рода познанія міра, при чемъ въ этихъ затрудненіяхъ наилучшимъ образомъ сказывается та особенность тѣлеснаго міра, которую мы имѣемъ въ виду.

Одно изъ этихъ затрудненій извѣстно всякому. Тѣлесный міръ не имѣетъ достижимаго для насъ начала во времени и достижимаго для насъ предѣла въ пространствѣ. Онъ представляется намъ въ видѣ необозримаго многообразія отдѣльныхъ формъ и процессовъ. И, если мы обозначимъ выраженіемъ „бесконечный“,—которымъ, во всякомъ случаѣ, надлежитъ пользоваться осмотрительно,—то, съ чѣмъ необходимо соединяется сужденіе, что мы никогда не въ состояніи его исчерпать, намъ придется охарактеризовать это воззрительное многообразіе тѣлеснаго міра прямо-таки какъ бесконечное. И если бы даже мы были склонны мыслить себѣ количество матеріи, изъ котораго состоитъ міръ, конечнымъ, такъ что въ этомъ отношеніи можно было-бы говорить лишь о временной необозримости, а не о бесконечности, то все-таки и допущеніе конечнаго количества матеріи въ бесконечномъ пространствѣ и бесконечномъ времени заставляетъ насъ предположить и дѣйствительность бесконечнаго числа комбинацій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бесконечнаго числа различныхъ воззрительныхъ единичныхъ формъ¹⁾.

Ясно, что вытекаетъ отсюда для познанія тѣлеснаго міроваго цѣлаго. Познать міръ, представляя себѣ порознь всѣ единичныя формы, въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ,—задача, принципиально неразрѣшимая для конечнаго человѣческаго духа. Всякая попытка въ этомъ направленіи была-бы прямо таки безсмысленна, ибо, какъ значительнымъ мы ни предположили-бы число единичныхъ формъ, воспроизведеніе которыхъ въ нашихъ представленіяхъ могло-бы

¹⁾ Относительно этого см. Riehl, *Kriticismus* II. 2, S 281—317, гдѣ убѣдительно доказано, что изъ допущенія конечности массы въ связи съ временной бесконечностью міра нельзя дѣлать вывода, что должны повторяться тѣ-же самыя міровыя явленія. Впрочемъ то, какъ рѣшается этотъ вопросъ, не существенно для хода нашихъ мыслей. (См. ниже стр. 36 и сл.)

удастся намъ, все-таки имъ противостояло-бы еще принципиально необозримое, стало-быть безконечное многообразіе неизвѣстныхъ вещей и процессовъ, и при этихъ предположеніяхъ никогда нельзя было-бы говорить о прогрессѣ въ познаніи міра. Стало быть тотъ, кто подъ познаніемъ міра разумѣетъ дѣйствительное отображеніе (Abbild) міра, заранѣе долженъ отказаться отъ науки, которая хотя бы только приближалась къ познанію мірового цѣлага.

Однако и отказъ этого рода, и ограниченіе познанія частью міра лишь немного помогли бы удовлетворенію потребности въ отображеніи міра путемъ познанія. И здѣсь мы наталкиваемся на второе затрудненіе, которое оказывается не менѣе важнымъ, чѣмъ то, о которомъ только что шла рѣчь, хотя оно и въ гораздо меньшей степени обращало на себя вниманіе. Вѣдь всякое отдѣльное воззрѣніе (Anschauung), которое мы выхватываемъ изъ безконечнаго множества, представляетъ намъ, какимъ бы простымъ мы его ни выбрали, все-таки еще нѣкоторое многообразіе и, коль скоро мы приступимъ къ болѣе обстоятельному изслѣдованію, мы увидимъ, что это многообразіе становится тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ болѣе мы будемъ въ него углубляться. При этомъ мы имѣемъ въ виду не только многообразіе, присущее всякой единичной вещи благодаря тому, что она находится въ необозримомъ множествѣ отношеній съ другими вещами. Даже если мы и отрѣшимъ какое нибудь единичное воззрѣніе отъ всѣхъ его отношеній и будемъ разсматривать его совершенно изолированно, мы скоро должны будемъ придти къ тому убѣжденію, что и въ малѣйшей части дѣйствительности, которую мы только въ состояніи представить себѣ, *implicite* опять таки заключается многообразіе, котораго нельзя исчерпать и которое, стало-быть, въ этомъ смыслѣ безконечно. Если напр., при разсмотрѣніи какого либо предмета, мы обращаемъ вниманіе лишь на то, что въ немъ видимо для насъ, на поверхность, представляемую имъ нашему взору, то во всякомъ оптическомъ впечатлѣніи мы имѣемъ предъ собой многообразіе принципиально необозримое и при томъ въ двоякомъ отношеніи, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ. Вѣдь мы можемъ разложить всякую поверхность на какое угодно количество частей и, если мы даже подвергнемъ точному изслѣдованію наимельчайшую часть, доступную нашему воспріятію, то ничто не гарантируетъ намъ, что, при еще болѣе точномъ разложеніи, мы не откроемъ чего либо до тѣхъ поръ скрывавшагося

отъ насъ. Съ другой стороны, такъ какъ всякая поверхность окрашена и не существуетъ абсолютно равномерной окраски даже для малѣйшей поверхности, мы должны встрѣтить на ней такое количество оттѣнковъ окраски, что отчетливо представить себѣ ихъ порознь—совершенно невозможно. Изъ этого слѣдуетъ, что и малѣйшая часть міра не можетъ быть познана при посредствѣ отображающихъ (abbilden) представленийъ такъ, какъ она есть. Если, пользуясь выраженіями Юма, наши идеи въ строгомъ смыслѣ должны быть копіями съ впечатлѣній, то и при величайшемъ ограниченіи области познанія мы опять таки стоимъ передъ принципиально неразрѣшимой задачей.

Теорія естественно-научнаго образованія понятій должна исходить изъ этихъ двухъ вышеуказанныхъ особенностей тѣлеснаго міра, на которыя здѣсь нужно было лишь специально обратить вниманіе. Чтобы имѣть удобныя выраженія, мы назовемъ ту особенность міра, о которой дѣло идетъ тогда, когда наше познаніе направлено на цѣлое, „экстенсивнымъ“, а ту особенность, которую представляетъ намъ всякая единичная воззрительная форма, „интенсивнымъ“ многообразіемъ—или „экстенсивной“ и „интенсивной“ безконечностью вещей. Тогда, чтобы резюмировать результатъ этихъ соображеній, мы можемъ сказать, что, если вообще конечному человѣческому духу доступно познаніе міра, то оно можетъ имѣть мѣсто лишь такимъ образомъ, что имъ какъ либо устраняется или преодолевается экстенсивное и интенсивное многообразіе вещей. А мы и усматриваемъ задачу естественно-научнаго понятія именно въ этомъ преодолѣніи экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія вещей въ интересахъ научнаго познанія тѣлеснаго міра. Въ томъ, какимъ образомъ оно разрѣшаетъ эту задачу, намъ и придется усматривать его „сущность“.

Однако, прежде чѣмъ заняться болѣе обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ этого процесса преодолѣнія и постараться понять сущность естественно-научнаго понятія, исходя изъ вышеуказанныхъ особенностей тѣлеснаго міра, оказывается необходимымъ предупредить нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя могли бы вызвать выраженія экстенсивная и интенсивная безконечность, которыми мы пользовались.

Почти самоочевидно, конечно, что въ этой связи слово „интенсивное“ должно означать не только качественное, но и количествен-

ное многообразіе, которое представляет намъ всякое единичное воззрѣніе, какъ бы ни велико оно ни было. Конечно, всегда рискованно употреблять какое нибудь слово въ такомъ значеніи, которое не вполне совпадаетъ съ традиціоннымъ значеніемъ, но другія выраженія, которыя мы могли бы выбрать, какъ напр. внѣшнее и внутреннее многообразіе, кажутся не менѣе невразумительными въ другомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, здѣсь дѣло идетъ лишь о вопросѣ, касающемся терминологіи. То, что мы имѣемъ въ виду, не можетъ вызвать недоразумѣній послѣ предшествующихъ разъясненій.

Далѣе, мы желаемъ специально подчеркнуть, что понятія объ экстенсивномъ и интенсивномъ въ этой связи нѣкоторымъ образомъ относительны. Одно и то-же многообразіе въ тѣлесномъ мірѣ я могу охарактеризовать и какъ экстенсивное, и какъ интенсивное, смотря потому, рассматриваю-ли я соответствующую часть тѣлеснаго міра какъ состоящую изъ нѣсколькихъ единичныхъ вещей или же какъ единую вещь. Въ звѣздномъ небѣ, рассматриваемомъ какъ одна вещь надо мной, я могу назвать различныя небесныя тѣла его интенсивнымъ многообразіемъ. Но я и заранѣе могу рассматривать то, что представляется моимъ взорамъ, какъ экстенсивное многообразіе небесныхъ тѣлъ, каждое изъ которыхъ обладаетъ въ такомъ случаѣ въ свою очередь интенсивнымъ многообразіемъ. Мыслимо даже и такое разсмотрѣніе міра, при которомъ противоположеніе экстенсивнаго интенсивному, повидимому, утрачиваетъ всякій смыслъ. А именно, разъ я рассматриваю весь тѣлесный міръ какъ единую вещь, я могу говорить по отношенію къ этому міру уже не объ экстенсивномъ, а всего лишь объ интенсивномъ многообразіи. И это все, собственно говоря, само собой разумѣется и въ данномъ случаѣ дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы специально принять къ свѣдѣнію, что такія возможности разсмотрѣнія ничуть не касаются того, что для насъ имѣетъ значеніе. Для насъ досточно того, что при всякой представляющейся познанію задачѣ, мы всегда имѣемъ дѣло съ по существу дѣла необозримымъ многообразіемъ, которое безконечно въ вышеуказанномъ смыслѣ и которое, поэтому, какъ таковое недоступно познанію конечнаго ума.

Быть можетъ, нѣсколько болѣе трудностей представитъ предотвращеніе одного послѣдняго недоразумѣнія, которое можетъ связываться со словомъ безконечность. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь оказывается необходимой величайшая осмотрительность при опредѣленіи понятія. Мы

спеціально поставили выше безконечность міра въ связь съ его пространственной и временной природой. Тутъ можно было-бы сказать, что такого рода безконечность является отнюдь не чѣмъ либо-дѣйствительнымъ, а всего лишь продуктомъ отвлеченныхъ соображеній или даже заблужденія. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ, молъ, лишь объ извѣстной возможности мыслить себѣ всякую пространственную и временную непрерывную среду составленной изъ безконечнаго числа раздѣльныхъ точекъ. Допущеніе же, что этимъ точкамъ соответствуетъ и нѣчто реальное въ тѣлесномъ мірѣ, является произвольнымъ. По крайней мѣрѣ, можно было бы сказать, что ту особенность тѣлеснаго міра, изъ которой мы желаемъ исходить въ нашей теоріи понятій, мы не констатировали какъ фактъ, но лишь сами создали благодаря отвлеченному соображенію.

Однако, въ дѣйствительности дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Вышеуказанное, въ самомъ дѣлѣ чисто отвлеченное соображеніе, напротивъ того, вовсе не стоитъ въ прямой связи съ занимающимъ насъ въ данномъ случаѣ вопросомъ. Мы ссылаемся не на безконечное число объективно существующихъ точекъ или что либо въ этомъ родѣ, а лишь на простой фактъ. Фактически мы совершенно неспособны исчислить до конца все встрѣчающееся въ дѣйствительности многообразіе. Конечно, убѣжденіе въ невыполнимости такого исчисления находится въ связи съ природой пространства и времени въ томъ отношеніи, что тѣлесный міръ есть дѣйствительность, находящаяся въ пространствѣ и измѣняющаяся во времени. Но слѣдуетъ тщательно отличать фактическую неспособность нашего сознанія представить себѣ эту дѣйствительность во всемъ ея многообразіи отъ понятія непрерывной среды, разложенной на безконечное множество частей. Въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ лишь наша неспособность а не упомянутое понятіе. Пока мы разумѣемъ подъ безконечностью міра всего лишь вышеупомянутое непосредственное убѣжденіе въ неисчерпаемомъ для насъ многообразіи дѣйствительности, мы обезпечены противъ всякаго возраженія, при которомъ насъ упрекаютъ въ томъ, что мы видимъ назначеніе понятія въ разрѣшеніи такой задачи, которая сама является продуктомъ преобразующей дѣйствительности обработки, производимой при посредствѣ понятій. Безконечность тѣлеснаго міра въ нашемъ смыслѣ есть только выраженіе непосредственнаго переживанія. Отказаться отъ нашихъ дальнѣйшихъ выво-

довъ могъ-бы только тотъ, кто утверждаетъ, что ему невѣдомо это переживаніе. ✓

Теперь мы можемъ перейти къ вопросу: благодаря чему оказывается возможнымъ требуемое преодолѣніе экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія міра научнымъ познаніемъ? Это преодолѣніе вообще не было бы возможно, если бы въ недисциплированномъ еще научно состояніи мы обладали бы лишь такими представленіями о дѣйствительности, значеніе которыхъ сводится къ тому, что они относятся лишь къ какой либо отдѣльной формѣ этой дѣйствительности. Но дѣло обстоитъ иначе. Еще задолго до того, какъ мы принимаемся за научное изслѣдованіе міра, у насъ развились духовныя образованія совершенно иного рода, чѣмъ тѣ, которыя обыкновенно называются общими представленіями. Мы не касаемся вопроса о томъ, удобопримѣнимо-ли это обозначеніе. Здѣсь достаточно указать на тотъ фактъ, что мы обладаемъ словами, которыми мы можемъ обозначать не только какое нибудь единичное опредѣленное воззрѣніе, но множество различныхъ отдѣльныхъ формъ дѣйствительности заразъ. Въ этомъ отношеніи слова можно назвать „общими“. Однако эта общность слова не можетъ обуславливаться самими звуками, входящими въ составъ слова, такъ какъ слово, рассматриваемое само по себѣ, есть совершенно индивидуальное акустическое или оптическое впечатлѣніе, но къ индивидуальнымъ звуковымъ комплексамъ должно присоединяться еще что-то такое, благодаря чему мы ихъ „понимаемъ“, т. е. слова должны имѣть общія „значенія“.

Насъ занимаютъ эти значенія словъ. Именно въ нихъ уже естественное психологическое развитіе начало создавать средство, пользуясь которымъ мы прежде всего можемъ, хотя еще и не преодолѣть въ самомъ дѣлѣ безконечность міра, но въ значительной степени упростить часть экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія вещей. Этотъ процессъ упрощенія имѣетъ для насъ величайшее значеніе. Всякій человѣкъ безпрестанно пользуется этимъ средствомъ, экстенсивное многообразіе окружающаго насъ міра умалывается благодаря тому, что мы обозначаемъ однимъ словомъ множество воззрѣній. Интенсивное многообразіе всякаго единичнаго воззрѣнія преодолѣвается благодаря тому, что, не представляя себѣ специально какого либо объекта во всемъ его воззрительномъ многообразіи, что было бы невозможно, мы все-таки можемъ съ увѣренностью подвести его подъ значеніе слова. Такимъ образомъ благодаря значенію словъ

мы нѣкоторымъ образомъ воспринимаемъ въ себя заразъ множество воззрительныхъ формъ и въ то же время представляемъ себѣ лишь незначительную часть (быть можетъ, ровно ничего) ихъ безконечнаго воззрительнаго содержанія. Теперь мы не задаемся вопросомъ о томъ, благодаря чему возникли эти значенія словъ и на чемъ основывается ихъ способность упрощать міръ. Всякій можетъ во всякое мгновеніе убѣдиться въ томъ, что эта способность существуетъ¹⁾.

Пока упрощеніе даннаго, благодаря значеніямъ словъ, продолжаетъ быть только продуктомъ не сопровождаемаго сознательными логическими цѣлями психологическаго развитія, мы не станемъ здѣсь останавливаться на немъ. Но, коль скоро значеніе словъ примѣняется для цѣлей научнаго познанія міра, то въ немъ мы имѣемъ предъ собой примитивнѣйшую форму процесса мышленія, которую мы признаемъ функцией, свойственной естественно-научному понятію: оно упрощаетъ міръ и благодаря этому придаетъ воззрительной дѣйствительности такую форму, въ которой она становится доступной нашему познанію. Въ этомъ мы усматриваемъ въ наиболѣе общемъ смыслѣ логическую „сущность“ естественно-научнаго понятія.

Пользуясь выраженіями традиціонной логики, мы можемъ, слѣдовательно, охарактеризовать функцію понятія еще и слѣдующимъ образомъ: въ его объемѣ преодолѣвается экстенсивное многообразіе, а въ его содержаніи—интенсивное многообразіе вещей. Конечно, нѣтъ надобности точнѣе объяснять, что такое надлежитъ разумѣть подъ преодолѣніемъ экстенсивнаго многообразія благодаря объему понятія. Выясненіе-же того, что такое означаетъ преодолѣніе интенсивнаго многообразія вещей благодаря содержанію понятія, быть можетъ, лучше всего можетъ быть достигнуто путемъ сравненія образа дѣйствій ученаго съ тѣмъ образомъ дѣйствіемъ, котораго относительно тѣлесной дѣйствительности держится художникъ.

¹⁾ Психологамъ предоставляется случай примѣнить новѣйшее универсальное средство, „Дарвинизмъ“, и къ „объясненію“ общихъ значеній словъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что упрощеніе дѣйствительности облегчаетъ ориентированіе въ мірѣ и благодаря этому становится важнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе. Въ такомъ случаѣ общность и съ психологической точки зрѣнія, оказывалась бы средствомъ для преодолѣнія воззрительнаго многообразія. Но это замѣчаніе отнюдь не должно служить аргументомъ, подкрѣпляющимъ нашу логическую теорію.

При этомъ мы имѣемъ въ виду въ особенности живописца и ваятеля ¹⁾. Его интересъ направленъ на воззрительную форму вещей, и онъ чувствуетъ себя безсильнымъ предъ многообразіемъ воззрѣнія; чувство, известное каждому, кто хотя бы только пытался рисовать съ натуры. И онъ знаетъ, что это воззрѣніе для него неисчерпаемо, и онъ равнымъ образомъ оказывается въ такомъ положеніи, что ему приходится упрощать воззрѣніе. По его мнѣнію, онъ тѣмъ болѣе приближается къ своей цѣли, чѣмъ болѣе онъ углубляется въ это воззрѣніе и, хотя продуктъ его усилій въ концѣ концовъ часто представляетъ чрезвычайно значительное упрощеніе воззрѣнія, онъ все же остается воззрительнымъ упрощеніемъ. Удавшимся художественное произведеніе признается лишь въ томъ случаѣ, если оно вызываетъ по крайней мѣрѣ иллюзію того неисчерпаемаго богатства, которымъ всюду обладаетъ сама дѣйствительность.

Совершенно иначе поступаетъ ученый. Частности воззрительной формы очень мало занимаютъ его. Вѣдь всѣ люди, у которыхъ не развитъ художественный интересъ къ дѣйствительности, знаютъ о воззрительной формѣ даже тѣхъ вещей, съ которыми имъ ежедневно приходится имѣть дѣло, поразительно мало; вѣдь они обращаютъ на нее вниманіе лишь постольку, поскольку для этого оказываются на лицо практическія потребности. Ученый имѣетъ съ ними ту общую черту, что его занимаетъ не воззрѣніе какъ таковое. Скорѣе и его интересъ къ воззрительному обусловливается потребностью и притомъ теоретическою потребностью познанія. Онъ оставляетъ воззрѣніе, коль скоро оно настолько ясно запечатлѣлось въ его сознаниі, что онъ въ состояніи выяснитъ себѣ отношеніе воззрѣнія къ содержанію своихъ понятій. Онъ долженъ имѣть критерій для сужденія о томъ, когда онъ въ правѣ оставлять воззрѣніе, т. е. не обращать вниманія на его частности. Иначе онъ никогда не справился-бы съ изслѣдованіемъ хотя-бы даже и одного единственнаго объекта.

Итакъ безъ понятій въ вышеуказанномъ смыслѣ всякое познаніе міра, всякое усвоеніе тѣлесной дѣйствительности нашимъ духомъ было бы невозможно. Поэтому образованіе понятій необходимо связано съ каждымъ выразимымъ въ словахъ сужденіемъ о дѣйствительности. Конечно, существуютъ такія сужденія, элементы которыхъ относятся

¹⁾ См. весьма интересныя сочиненія Конрада Фидлера: „Ueber die Beurtheilung von Werken der bildendenkunst“ и „Der Ursprung der Künstlerischen Thätigkeit.“

къ единичнымъ воззрѣніямъ. Однако они понятны лишь коль скоро они сопровождаются указательными жестами, стало быть лишь въ тѣхъ случаяхъ, если можно прямо показать имѣемое въ виду воззрѣніе. Во всякомъ сужденіи, которое вразумительно само по себѣ, — а таковыми должны быть всѣ тѣ сужденія, которыя должны имѣть научную цѣнность, — безъ исключения, всегда примѣняются общія значенія словъ, т. е. образованія, въ которыхъ объединяется нѣкоторое число различныхъ воззрѣній, причемъ въ нихъ всегда заключается лишь часть содержанія объединяемыхъ воззрѣній ¹⁾.

Это утвержденіе не опровергается и тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ такія сужденія, въ которыхъ словами желаютъ обозначить лишь одну единичную вещь. Общность въ нашемъ смыслѣ обусловливается не тѣмъ, что слово можетъ быть относимо къ нѣсколькимъ вещамъ, находящимся въ различныхъ мѣстахъ пространства, но упрощеніе дѣйствительности оказывается на лицо и въ томъ случаѣ, если при помощи значенія слова объединяется лишь то многообразіе, которое представляетъ намъ въ различныхъ единичныхъ воззрѣніяхъ при различныхъ обстоятельствахъ какая нибудь единичная вещь. Вѣдь, даже если бы какимъ либо словомъ имѣлось въ виду обозначить только единственную, совершенно индивидуализированную воззрительную форму дѣйствительности, то соответственное сужденіе, разъ оно должно быть понимаемо безъ жеста, указывающаго на соответственное воззрѣніе, все таки состояло бы исключительно изъ общихъ понятій и могло бы предъявлять къ намъ требованіе думать о нѣкоторомъ единичномъ воззрѣніи лишь благодаря опредѣленной комбинаціи значеній словъ ²⁾. Однако намъ не приходится здѣсь подробнѣе

¹⁾ Само собой разумѣется, что при этомъ мы вовсе не касаемся такихъ предложеній, въ которыхъ въ качествѣ субъекта или предиката имѣются въ виду слова, какъ таковыя, какъ данные опредѣленные комплексы звуковъ. См. Sigwart. Logik. 1, 2 Aufl., S. 27 f.

²⁾ Заслугу Фолькедья въ его разсужденіяхъ о понятіи (Erfahrung und Denken, S. 317 ff.), съ которыми я относительно дальнѣйшаго соглашаюсь въ существенныхъ пунктахъ (конечно, болѣе въ результатѣ, чѣмъ въ обоснованіи), составляетъ то, что онъ опять рѣшительно указалъ на общность понятія, или, какъ онъ выражается, на то, что понятіе есть представленіе объ общемъ. Вопросъ о томъ, насколько представленіе о субъектѣ и представленіе о предикатѣ отличаются другъ отъ друга по отношенію къ важности, не имѣетъ значенія для занимающей насъ въ данномъ случаѣ проблемы.

останавливаться на этих случаях, так как, по причинам, которые выяснятся впоследствии, такие суждения вряд-ли встречаются в связи какогонибудь естественно-научного исследования. И понятия, представляющие различные формы лишь одной единичной вещи, очень редки в естествознании и не представляют существенного интереса для этой части наукоучения. И ими мы займемся лишь тогда, когда мы перейдем к рассмотрению значения понятия в исторических науках.

Здесь мы должны подчеркнуть еще следующее. Даже в простейших суждениях, в которых мы, как обыкновенно говорят, всецело ограничиваемся тем, что описываем действительность, мы всегда уже производим далеко идущее упрощение и, если это описание служит для какойлибо научной цели, логическую обработку действительности. В противоположность известным тенденциям новейшей теории познания, клонящимся к тому, чтобы ограничить естествознание „описанием“ мира, необходимо весьма определенно подчеркнуть это. Так как какоенибудь суждение о действительности всегда оказывается возможным лишь с помощью какогонибудь понятия в вышеуказанном смысле, то мы можем также сказать, что все виденное или слышанное всегда входит в какоенибудь суждение лишь в качестве члена какогонибудь класса. Поэтому всякое суждение предполагает уже некоторую классификацию, такую классификацию, конечно, которая, когда дело идет о первоначальных суждениях, может быть лишь продуктом произвольного психологического процесса и которая идет рука об руку с образованием значения слов. Но в силу этого, во всяком случае совершенно невозможно, чтобы построение законченной картины мира в пространстве и во времени в качестве идеала познания предшествовало классификации данного ¹⁾. Напротив того, идеалу всеобъемлющего познания единичного вообще не может быть места в логике.

Конечно, этим отнюдь не устраняется то, что в естествознании называют описанием. Требуется только выяснить себя сущность описания и не воображать, что благодаря этому выражению устраняются некоторые, пожалуй, весьма неудобные гносеологические проблемы. Для того, чтобы слово „описание“ в качестве обозначения

¹⁾ Sigwart Logik II. 2 Aufl. S. 8 f.

первого шага, ведущего к естественно научному познанию вещей, в отличие от второго шага, классификации, имело смысл, под ним можно разуметь лишь тот род классификации, который упрощает формы действительности лишь при помощи значений слов, возникших помимо сознательной логической цели. Психологически это иногда оказывается необходимым в качестве первого шага в развитии знания, но непонятно, почему же это упрощение должно иметь преимущество пред другими. Ограничивать естествознание описанием фактов в этом смысле означало-бы то, что исследование не должно идти далее первоначального, возникшего благодаря внешним сходствам внесения порядка в воззрительное многообразие. Серьезно этого никто не пожелает. Мы можем даже сказать, что при исследовании какойлибо проблемы естествознания такие суждения, в которых утилизируются лишь произвольно возникшие значения слов, будут встречаться только спорадически и только в качестве первого шага и что они представляют интерес для логики разве что в качестве подготовительной ступени для научного мышления. Напротив того, при исследовании какойлибо естественно-научной проблемы мы почти никогда не выхватываем произвольно какоголибо значения слова. Мы выбираем его для определенной цели и утилизируем произведенное в нем упрощение воззрительного многообразия таким образом, что благодаря этой утилизации значение слова получает логическую ценность, которую оно не обладает еще в качестве произвольно возникшего психологического продукта. В таком случае, суждения, в которых встречаются такие значения слов, всегда представляют собой уже нечто большее, чем простое лишь описание в вышеуказанном смысле. Они находятся уже на пути к научной обработке вещей, для которой слово „описание“ служит не особенно удачным обозначением.

Поэтому-то мы и называем уже и те образования, которые, психологически, не отличаются от образований, представляющих собой всего лишь значения слов, понятиями. Этим мы отнюдь не приравниваем друг к другу значений слов и понятий. Одной только общности недостаточно для того, чтобы какоелибо психическое образование становилось понятием. Относительно этого мы совершенно согласны с Зигвартом. Мы называем значения слов понятиями лишь в тех случаях, если произво-

димое благодаря имъ упрощеніе воззрѣнія вышеуказаннымъ образомъ служить познаванію, и, такимъ образомъ, благодаря общности достигается логическая цѣль. Мы полагаемъ, что мы тѣмъ болѣе въ правѣ пользоваться этимъ обозначеніемъ, что и выработанныя понятія естествознанія обязаны своею цѣнностью болѣе всего той самой функции, которую мы признаемъ существенной характеристикой уже и примитивнѣйшаго образованія понятій, а именно—упрощенію интензивнаго и экстензивнаго многообразія вещей. Въ доказательствѣ этого состоитъ задача дальнѣйшаго изложенія.

II.

Опредѣленность понятія.

Мы ознакомились съ наиболѣе примитивнымъ родомъ образованія понятій, т. е. съ утилизованиемъ произвольно возникшихъ значеній словъ для какой либо научной цѣли. Но мы должны также подчеркнуть, что здѣсь дѣло идетъ лишь о первомъ шагѣ на пути къ образованію пригоднаго научнаго понятія. Для того, чтобы быть совершенными понятіями, т. е. выполнять свою задачу, значенія словъ нуждаются въ дальнѣйшей логической обработкѣ. Для пониманія необходимости и рода этой обработки, мы должны нѣсколько точнѣе представить себѣ природу значеній словъ.

При этомъ мы наталкиваемся на весьма трудный психологическій вопросъ, для разрѣшенія котораго со стороны психологіи сдѣлано еще сравнительно мало. Что такое происходитъ въ насъ, когда мы понимаемъ какое-нибудь слово? Что такое, присоединяясь къ изображенію или звукамъ слова, придаетъ имъ значеніе, котораго они сами по себѣ лишены? Для нашихъ цѣлей мы ставимъ здѣсь эту проблему лишь въ формѣ вопроса: можемъ ли мы при пониманіи словъ обходиться совершенно безъ воззрительныхъ представленій? Ясно, почему здѣсь этотъ вопросъ важенъ. Если на него дается отрицательный отвѣтъ, то съ воззрѣніемъ въ понятіе вновь привходитъ и безконечное многообразіе, и цѣнность понятія, которая вѣдь должна состоять именно въ преодолѣніи воззрительнаго многообразія, должна становиться сомнительной. Въ такомъ случаѣ задачу дальнѣйшей обработки понятія слѣдовало-бы усматривать въ устраненіи и этого многообразія.

Но прежде всего, воззрѣніе, повидимому, отнюдь не играетъ существенной роли при пониманіи значеній словъ. Мы склоняемся къ тому, чтобы, вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ¹⁾, Либманномъ²⁾, Рилемъ³⁾ и другими, предположить, что мы покрайней мѣрѣ не всѣ слова понимаемой нами рѣчи переводимъ въ воззрительные образы, такъ какъ въ такомъ случаѣ совершенно не было-бы возможно столь быстрое пониманіе словъ, какъ оно фактически имѣетъ мѣсто. Но благодаря этому обстоятельству проблема значенія словъ, собственно говоря, лишь рѣзче выдвигается на первый планъ. Вѣдь еще никто не былъ въ состояніи сказать, въ чемъ состоитъ значеніе слова, если оно не есть воззрительное представленіе. Однако, быть можетъ, мы вовсе не въ правѣ такимъ образомъ ставить вопросъ. Быть можетъ, значеніе и слово не столь раздѣльны, чтобы можно было спрашивать, что такое есть одно безъ другого. Риль⁴⁾ замѣтилъ, что видимость (Schein) полного отдѣленія слова и значенія можетъ возникать лишь при разсмотрѣніи чужого языка, которымъ мы не вполне владѣемъ. Мы дѣлаемъ значеніе слова чужого языка независимымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ передать это значеніе словами нашего роднаго языка, стало быть поставить на мѣсто одного слова другое. Въ самомъ нашемъ родномъ языкѣ значеніе остается неотдѣлимимъ отъ слова. Это, конечно, правильно и въ значительной степени способствуетъ выясненію вопроса, но и это не есть разрѣшеніе проблемы.

Мы не можемъ дать рѣшенія психологической проблемы въ связи съ занимающимъ насъ вопросомъ. Логика должна попытаться самостоятельно трактовать данный вопросъ. Она можетъ сдѣлать это, такъ какъ тотъ вопросъ, который мы должны поставить здѣсь, въ значительной степени независимъ отъ того, о чемъ только что шла рѣчь. А именно одно достовѣрно: по отношенію къ большинству тѣхъ словъ, которыми мы пользуемся, мы не умѣемъ точно выразить, въ чемъ состоитъ ихъ значеніе. Это самымъ недвусмысленнымъ образомъ доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще могъ возникнуть споръ относительно того, что такое присоединяется къ слову для того, чтобы придать ему значеніе. Положимъ, невоз-

¹⁾ Die Welt als Wille und Vorstellung. I, § 9 S. W. (Griesebach) Bd. I. S. 77 ff.

²⁾ Zur Analyse der Wirklichkeit, 2 Aufl. S. 471 ff.

³⁾ Beiträge zur Logik.

⁴⁾ S. 59.

возможность точнаго указанія значенія можетъ не служить помѣхой въ обыденной жизни, въ сферѣ которой употребленіе словъ тѣмъ не менѣе достаточно обезпечено. Но совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ такимъ словамъ, которыя, въ качествѣ обозначеній понятій должны служить какой либо научной цѣли. Въ такомъ случаѣ недостаточно того, чтобы слова вообще понимались, при чемъ намъ остается неизвѣстнымъ, благодаря чему это происходитъ, такъ какъ при этомъ условіи никогда нельзя вполне устранить возможности неясностей и недоразумѣній. Поэтому наукоученіе не можетъ успокоиться на, быть можетъ, правильномъ, но для него чисто отрицательномъ утвержденіи, гласящемъ, что мы не нуждаемся ни въ какомъ воззрѣніи для того, чтобы понимать слова. Оно должно, напротивъ того, требовать, чтобы наука спеціально занялась выясненіемъ содержанія значеній, чтобы гарантировать вѣрное примѣненіе значеній словъ для всякаго случая. Но она въ состояніи сдѣлать это лишь въ томъ случаѣ, если она выдѣлитъ содержаніе значенія изъ его сліянія со словомъ. Стало быть, если раздѣльность значенія и слова фактически не существуетъ, то она все таки есть логическій идеаль. То, что значенія словъ фактически выполняютъ такъ, что мы не можемъ точно указать при этомъ, благодаря чему они выполняютъ это, мы должны замѣнить въ научномъ изслѣдованіи такими процессами, въ которые мы вникаемъ и которые благодаря этому гарантируютъ необходимую вѣрность выполнения. Итакъ мы занимаемся теперь не фактическимъ ходомъ дѣла при пониманіи словъ, но мы разсматриваемъ этотъ послѣдній нѣкоторымъ образомъ какъ сокращеніе процесса, который требуется отчетливо выяснить.

Каковъ долженъ быть этотъ процессъ, разъ онъ долженъ достигать имѣемыхъ въ виду цѣлей? Что должны мы представлять себѣ, коль скоро мы представляемъ себѣ содержаніе какого либо значенія слова? Мы можемъ попытаться вывести это изъ фактическаго функционированія значеній словъ, ставя вопросъ: какія особенности должно было-бы имѣть въ качествѣ необходимыхъ условій для выполнения своей функціи отдѣленное отъ слова и представимое само по себѣ значеніе? Послѣ вышеприведенныхъ разъясненій это само собой понятно. Преодоленіе экстенсивнаго многообразія возможно лишь благодаря тому, что въ значеніи слова доходитъ до сознанія общее нѣсколькимъ единичнымъ воззрѣніямъ, ибо лишь благодаря этому мы въ состояніи признать воззрѣнія, въ которыхъ оказывается это общее,

относящимися къ соотвѣтственному значенію слова. Мы можемъ также сказать, что общее должно какъ либо выдѣляться изъ вообще представляемаго въ значеніи слова. Но это выдѣленіе есть необходимое условіе и для упрощенія интенсивнаго многообразія единичнаго воззрѣнія. Тогда мы должны обращать вниманіе не на все содержаніе воззрѣнія, а только на эту часть, именно на общее. Какъ уже сказано выше, мы утверждаемъ не то, что это должно непременно психологически происходить такимъ образомъ, а только то, что должно оказываться возможнымъ такимъ образомъ отдавать себѣ отчетъ въ содержаніи значенія слова, коль скоро его примѣненіе должно быть въ достаточной степени обезпечено для цѣлей науки.

Но съ другой стороны мы должны теперь поставить на видъ, что, коль скоро мы въ самомъ дѣлѣ попытаемся представить себѣ содержаніе какого либо возникшаго безъ нашего сознательнаго содѣйствія значенія слова, то общее отнюдь не окажется единственнымъ содержаніемъ значенія слова, и въ силу этого предъ нами снова возникаетъ вопросъ: можемъ-ли мы при пониманіи словъ обходиться безъ эмпирическаго, безконечно разнообразнаго воззрѣнія. Въ этой связи на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ. Коль скоро мы стараемся точно представить себѣ значеніе какого либо слова, нашему сознанію всегда навязывается какое-либо индивидуальное воззрѣніе съ его безконечнымъ многообразиемъ, воззрѣніе, въ которомъ мы представляемъ себѣ общее, которое даже только и дѣлаетъ возможнымъ дѣйствительное представиваніе (Vorstellen) общаго. Его можно назвать заднимъ планомъ (Hintergrund) понятія въ противоположность находящимся на переднемъ планѣ общимъ элементамъ ¹⁾.

Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе для логики. Въ воззрительномъ заднемъ планѣ понятія, который можетъ отсутствовать при пониманіи словъ въ обыденномъ смыслѣ, но который проявляется при всякой попыткѣ отчетливо представить себѣ содержаніе значеній словъ, т. е. при всякой попыткѣ отдѣленія слова и значенія, мы опять имѣемъ предъ собой нѣчто такое, на чемъ мы не можемъ остановиться. Онъ принуждетъ насъ къ дальнѣйшей логической обработкѣ понятія. Если одного лишь пониманія словъ безъ возмож-

¹⁾ Сравни Вепно Erdmann Logik, I, S.44 ff.

ности особливаго указанія значенія было недостаточно для надежности научнаго изслѣдованія, то такого представленія значенія, какъ описанное выше, и полавно недостаточно. Вѣдь мы должны, правда, допустить разграниченіе передняго и задняго плана, извѣстное рельефное выдѣленіе (Sich-Herausheben) общихъ элементовъ въ содержаніи значенія слова, потому что, какъ мы видѣли, безъ этого значенія слова не могутъ выполнять того, что они фактически выполняютъ. Но въ то же время всякій согласится съ тѣмъ, что въ первоначальныхъ понятіяхъ передній планъ не отдѣленъ совершенно ясно отъ задняго плана и что путемъ простаго представиванія мы не въ состояніи представить себѣ выдѣлившіеся общіе элементы такимъ образомъ, чтобы мы дѣйствительно точно и положительно знали, что такое мы представляемъ себѣ какъ общее. Напротивъ того, многообразіе представляемаго содержанія всегда влечетъ за собой нѣкоторую неувѣренность, нѣкоторое колебаніе, и одного этого, быть можетъ, достаточно для доказательства того, что всякое значеніе слова, содержаніе котораго мы точно представили себѣ, пока оно остается образованіемъ, не подвергнутымъ дальнѣйшей логической обработки, обязано своей способностью упрощать многообразіе міра лишь значительной неопредѣленности своего содержанія. Эта неопредѣленность можетъ быть настолько безразличной при утилизованіи значеній словъ для цѣлей обыденной жизни, что можетъ казаться, будто ея вообще не существуетъ. Она постоянно вызывается необходимо проявляющимся избыткомъ воззрительнаго многообразія, безъ котораго мы совершенно не можемъ обойтись при дѣйствительномъ представленіи.

Это многообразіе въ содержаніи понятій съ логическихъ точекъ зрѣнія является недостаткомъ. Оно не только препятствуетъ намъ съ увѣренностью указать объемъ понятія, но прежде всего понятіе, имѣющее неопредѣленное содержаніе способно дать лишь очень мало для преодоленія интенсивнаго многообразія единичныхъ формъ. Стало быть, надлежитъ устранить воззрительное многообразіе изъ содержанія понятій, избавиться отъ „задняго плана“, на которомъ мы представляемъ себѣ общее и изолировать ту часть значенія слова, которая насъ занимаетъ. Надлежитъ еще болѣе отрѣшить понятіе отъ воззрѣнія, чтобы въ самомъ дѣлѣ преодолѣть многообразіе воззрѣнія. Лишь такимъ образомъ намъ удастся построить совершенныя понятія, не содержащія въ себѣ ничего кромѣ того, что обще различнымъ

единичнымъ воззрѣніямъ и поэтому опредѣленно содержащія въ себѣ это общее. Поэтому Зигвартъ вполне правъ, подчеркивая опредѣленность, какъ существенное свойство логически совершеннаго понятія. И Фолькельтъ называетъ понятіе опредѣленнымъ представленіемъ объ общемъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишь опредѣленные понятія даютъ намъ средство, съ помощью котораго мы дѣйствительно въ состояніи преодолѣть воззрительное многообразіе. Такъ какъ мы еще не обладаемъ этимъ средствомъ въ первоначальныхъ значеніяхъ словъ, то мы должны создать его себѣ. Мы должны вызвать такое состояніе, при которомъ попытка представить себѣ содержаніе значенія слова приводитъ насъ не къ воззрительному и поэтому, — коль скоро оно должно быть общимъ, — неопредѣленному многообразію, но къ точно отграниченному и опредѣленному значенію.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: могутъ ли вообще существовать, какъ психическія образованія, такія представленія, какихъ требуетъ логика, а именно представленія, которыя какъ общи такъ и вполне опредѣленны по содержанію. Уже на основаніи того, что только что было выяснено, мы можемъ видѣть, что на этотъ вопросъ придется дать безусловно отрицательный отвѣтъ. Мы напрасно старались бы, дѣйствительно, представить себѣ только общіе элементы. Пока мы пытаемся представлять себѣ, нашему сознанію навязывается и какое нибудь воззрительное многообразіе и снова является задній планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и служащая помѣхой неопредѣленность понятія. Итакъ, повидимому, логика ставитъ предъ нами въ данномъ случаѣ неразрѣшимую задачу. Опредѣленно всегда только индивидуальное воззрѣніе. Общность какого нибудь содержанія сознанія, повидимому необходимо связана съ неопредѣленностью. Стало быть опредѣленныхъ представленій объ общемъ въ качествѣ психическихъ образованій не существуетъ. Изъ этого вытекаетъ, что, коль скоро вообще должны существовать совершенныя понятія, то значеніе слова должно обрабатываться и преобразовываться совершенно инымъ образомъ.

Другими словами, чтобы создать въ самомъ дѣлѣ пригодное понятіе, мы не можемъ остановиться на простомъ представиваніи, такъ какъ всякое представленіе связано съ многообразіемъ, которое служить намъ помѣхой. Но какимъ образомъ мы отдѣляемся отъ этого многообразія? Средство для этого весьма просто и оно безпрестанно примѣняется. Мы перечисляемъ по-одиночкѣ то, изъ чего

состоитъ содержаніе какого нибудь понятія. Благодаря этому, у насъ получается нѣчто совершенно новое. Такое опредѣленіе понятія можетъ быть даваемо лишь благодаря тому, что мы замѣняемъ единичное представленіе множествомъ актовъ мышленія, а именно нѣкоторымъ числомъ слѣдующихъ другъ за другомъ сужденій. Въ нихъ намъ опредѣленно дано содержаніе значенія слова. Теперь воззрительное многообразіе не можетъ уже служить помѣхой. Передній планъ ясно отдѣленъ отъ задняго плана.

Итакъ логически совершенное понятіе никогда не оказывается единичнымъ представленіемъ, но всегда теченіемъ представленій. Если оно дѣйствительно мыслится, оно состоитъ изъ ряда предложеній. Это не должно, конечно, означать, чтобы при примѣненіи понятія въ научномъ изложеніи, всякій разъ когда слышится соотвѣтственное слово, должны были спеціально совершаться сужденія, выражающія содержаніе его значенія. Психологически тогда опять можетъ происходить сокращеніе процесса, на природѣ котораго мы не будемъ здѣсь подробнѣе останавливаться. Только должна существовать возможность, чтобы коль скоро возникаетъ какое либо сомнѣніе относительно содержанія понятія, могли совершаться опредѣляющія сужденія; мы хотимъ только сказать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ потребность въ томъ, чтобы точно представить себѣ содержаніе понятія, это должно происходить не въ формѣ неопредѣленнаго представленія, а въ формѣ сужденій.

Однако, мы должны сдѣлать еще одно ограниченіе. Мы желаемъ на первыхъ порахъ лишь установить, что указаніе содержанія какого либо понятія и всякое дѣйствительное представленіе его содержанія должно принимать форму сужденій. На первыхъ порахъ мы оставляемъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ подлинными сужденіями, т. е. съ такими предложеніями, въ которыхъ утверждается истинность чего либо. Въ данномъ случаѣ мы имѣли въ виду только указать, какое средство мы должны примѣнять, чтобы соединить другъ съ другомъ оба требованія, которыя должны быть предъявляемы къ понятію,—общность и опредѣленность. Если и не существуетъ такихъ представленій, которыя общи и въ тоже время опредѣленны, то взаимнѣе того къ нашимъ услугамъ оказывается комплексъ предложеній, который логически эквивалентенъ общему и въ то же время опредѣленному представленію.

Но въ самомъ-ли дѣлѣ это средство устраняетъ тотъ недостатокъ,

который свойственъ логически необработаннымъ общимъ значеніямъ словъ? Этому, повидимому, не бываетъ въ томъ отношеніи, что каждый изъ элементовъ понятія, которые въ формѣ сужденій отчетливо сознаются нами и совокупность которыхъ составляетъ содержаніе понятія, опять таки долженъ быть значеніемъ слова и слѣдовательно, коль скоро точно представляется его содержаніе, обладать тѣми-же многообразіемъ и неопредѣленностью, какъ и само значенія слова, которое требуется опредѣлить. Мы можемъ, правда, устранить эту неопредѣленность благодаря тому, что мы опять таки опредѣляемъ элементы въ служащихъ для опредѣленія значенія слова сужденіяхъ, указывая, конечно равнымъ образомъ въ формѣ сужденій, ихъ элементы. Но такъ какъ и элементы въ этихъ сужденіяхъ суть общія значенія словъ и стало быть они опять таки неопредѣленны и это, конечно, повторялось-бы при всякомъ новомъ опредѣленіи, то, повидимому, намъ предстоитъ производить безконечный рядъ опредѣленій понятій, чтобы достичь цѣли. Иными словами это означаетъ, что и благодаря превращенію содержанія понятія въ форму сужденій, мы не въ состояніи образовать такія понятія, которыя имѣли-бы вполне опредѣленное содержаніе, что, слѣдовательно, и эти понятія не преодолеваютъ воззрительнаго многообразія.

Въ самомъ дѣлѣ, чисто формально логическое разсмотрѣніе, предъ-являющее ко всякому понятію безъ ограниченія требованіе абсолютной опредѣленности, требуетъ чего то невозможнаго. Но дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, коль скоро мы разсматриваемъ понятіе какъ средство для какой-либо цѣли и что опредѣленность понятій должна лишь гарантировать надежность пользованія ими. Тогда наукоученіе можетъ требовать опредѣленія понятія, очевидно, лишь постольку, чтобы неопредѣленность содержанія понятія перестала служить помѣхой для хода научнаго изслѣдованія. И намъ приходится поставить вопросъ: оказывается-ли для достиженія этой цѣли всегда необходимой абсолютная опредѣленность понятія?

Можно показать, что она не оказывается необходимой по отношенію къ наибольшей части области научнаго изслѣдованія. Мы должны умѣть придавать понятіямъ лишь большую опредѣленность нежели та, которой во многихъ случаяхъ обладаютъ психологически возникшія значенія словъ, но это не требуетъ ихъ абсолютной опредѣленности. Уже заранѣе неопредѣленность значеній словъ, даже если ихъ содержаніе указывается лишь при посредствѣ представленія,

граничена известными предѣлами вслѣдствіе раздѣленія между переднимъ планомъ и заднимъ планомъ и дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы сгнать эти предѣлы. А такое сгнание предѣловъ можетъ быть въ значительной степени достигнуто и путемъ указанія элементовъ, которые сами по себѣ не вполне опредѣлены. Такъ, напр., юристъ сможетъ, правда, не остановиться на неопредѣленномъ значеніи слова „бракъ“, но точно установить его понятіе путемъ указанія соответственныхъ постановленій закона. Однако при этомъ ему неизбѣжно придется оперировать съ неопредѣленными значеніями словъ, въ родѣ мужъ и жена и, если онъ обходится въ данномъ случаѣ безъ нарочитаго опредѣленія понятій, то это обусловливается тѣмъ, что неопредѣленность значеній словъ „мужъ“ и „жена“ никогда не можетъ простираться такъ далеко, чтобы вслѣдствіе этого въ понятіи брака заключалась служащая помѣхой для юриста неопредѣленность¹⁾.

Само собой разумѣется, что, исходя изъ формально-логическихъ точекъ зрѣнія, нельзя рѣшить, гдѣ находится себѣ предѣлъ превращеніе значеній словъ въ форму сужденій, но это возможно установить всегда лишь для отдѣльныхъ наукъ, принимая въ соображеніе особенности ихъ предметовъ. Науки должны относиться къ этому вопросу весьма различнымъ образомъ и попытка указать виды и мотивы этого отношенія являлась бы хотя и связанной съ большими трудностями, но и настолько же интересной задачей науковеденія. Здѣсь достаточно указать на то, что нельзя выводить возраженія противъ нашей теоріи изъ отсутствія абсолютной опредѣленности и изъ необходимой примѣси воззрительнаго многообразія въ содержаніи понятія. Понятія лишь въ томъ случаѣ не нужно выражать въ формѣ сужденій, если они не нуждаются въ формально-ло-

¹⁾ Этимъ примѣромъ пользовался Зигвартъ въ связи съ обсужденіемъ иного вопроса, который будетъ трактоваться лишь въ дальнѣйшемъ отдѣлѣ этой главы. Но имъ нужно было воспользоваться и въ данномъ случаѣ, хотя онъ и не заимствованъ изъ естественныхъ наукъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ обстоитъ дѣло въ естественныхъ наукахъ. Здѣсь дѣло шло лишь о томъ, чтобы въ совершенно общей формѣ показать, что надлежитъ разумѣть подъ сгнаниемъ предѣловъ неопредѣленности понятія путемъ указанія элементовъ, которые сами неопредѣлены. Сравни, помѣщенную Зигвартъ въ журналѣ „Göttingische gelehrte Anzeigen“, 1890, № 2, S. 55 критику моего сочиненія „zur Lehre von der Definition“.

гическомъ совершенствѣ, т. е. въ силу вышеуказанныхъ причинъ могутъ оставаться на стадіи неопредѣленныхъ значеній словъ.

Еще нѣсколько замѣчаній, касающихся лишь естественно-научнаго образованія понятій, которымъ вѣдь мы исключительно и занимаемся теперь. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, дѣло представится такимъ образомъ, что значенія словъ, которыя для одной отрасли естественныхъ наукъ не нужно превращать въ предложенія, ибо ихъ опредѣленность достаточна для ихъ цѣлей, воспринимаются другою отраслью естествознанія для дальнѣйшей переработки въ форму понятій (*begrifflicher Bearbeitung*), причемъ эта отрасль въ свою очередь предоставляетъ другую часть своихъ значеній словъ для переработки ихъ въ форму понятій третьей естественной наукѣ и т. д. Часто значенія словъ, съ которыми одна наука увѣренно оперируетъ несмотря на ихъ неопредѣленность, образуютъ именно труднѣйшія проблемы для другой науки. Можно попытаться произвести съ этой точки зрѣнія систематическое распределеніе отдѣльныхъ естественныхъ наукъ. Пришлось-бы начать съ тѣхъ, въ которыхъ встрѣчается наибольшее количество не подвергаемыхъ обработкѣ значеній словъ, т. е. въ которыхъ дѣло идетъ главнымъ образомъ объ упрощеніи дѣйствительности исключительно съ помощью возникшихъ безъ сознательной цѣли значеній словъ, стало быть объ „описаніи“ въ вышеуказанномъ смыслѣ. Однако при этомъ оказалось-бы, что уже для тѣхъ отраслей знанія, которыя обыкновенно характеризуются какъ описательныя естественныя науки, въ такомъ только случаѣ достаточны значенія словъ, содержаніе которыхъ образуетъ лишь произвольно появляющееся воззрѣніе; если онѣ подводятъ такія вещи, которыя имѣютъ значительное воззрительное сходство другъ съ другомъ, подъ одно понятіе. Однако этой чисто внѣшней общностью можно руководиться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Мышленіе, оперирующее только съ значеніями словъ, причислило-бы, напр., мѣдянку къ змѣямъ, дельфина къ рыбамъ. Такое понятіе, которое соединяетъ мѣдянку съ ящерицей, дельфина съ собакой, не можетъ уже быть всего лишь значеніемъ слова. Элементы уже этихъ понятій должны, напротивъ того, быть точно указаны въ формѣ сужденій. Отсюда можно было-бы затѣмъ перейти къ другимъ наукамъ, которыя стоятъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе въ нихъ неопредѣленныя значенія словъ устранены и замѣнены понятіями, подвергнутыми логической обработкѣ и выразимыми въ формѣ

суждений. Однако полное выяснение этой мысли окажется возможным лишь впоследствии при рассмотрении вопроса о том, насколько суждения, при посредстве которых указываются элементы какого либо понятия, имеют не только форму, но и содержание или сущность суждений, ибо тогда нам впервые обнаружится подлинная сущность понятия, которая отнюдь не исчерпывается определенностью.

Намнить эту мысль уже здесь побуждает то обстоятельство, что она приводит нас к новой трудности и по отношению к определенности понятия. Ведь именно при размышлении о связи и об иерархии естественных наук нам приходится усомниться в том, действительно ли нас может удовлетворить теория, согласно которой одна наука пользуется неопределенными значениями слов, переработку которых в форму понятий она предоставляет какойнибудь другой науке. Мы не имеем права забывать, что различные отрасли естествознания, правда, прежде всего подвергаются действительности обработки с различных сторон, но что, так как телесный мир слѣдует разсматривать как единое целое, все естественные науки должны быть признаны членами одной научной системы, в известном смысле и подготовляющими общую теорию телесного мира, в которую все они вносят свой вклад. Стало быть все-таки должна существовать такая наука, которая действительно старается довести до конца разрешение задачи, состоящей в устранении всего воззрительного многообразия, так как она имеет дело с элементами, переработку которых в форму понятий она не может уже передать никакой другой науке. Эта наука выполняла бы свою задачу лишь в том случае, если бы она оперировала только с такими понятиями, элементы которых были бы как общи, так в то же время и абсолютно определены. Итак мы все же вновь приходим к отвергнутому выше требованию, или, повидимому, предь нами опять стоит безконечный ряд все новых определенных понятий.

Это, конечно, верно. Правда, теперь нам приходится считаться с этим требованием совершенно иначе в том отношении, что оно не может уже быть предъявляемо ко всякому понятию, но оно в самом деле принимает вид мысли о цели, к которой все болѣе и болѣе должна приближаться фундаментальная наука. Нельзя отрицать, что мы должны, как к послѣдному идеалу, стремиться

к образованию таких понятий, элементы которых оказывались бы совершенно свободными от воззрительного многообразия, и это означает не что иное, как то, чтобы они оказывались абсолютно простыми. В том случае, если бы мы обладали такими элементами понятий, мы могли бы выразить содержание понятий таким образом, что оно оказывалось бы абсолютно определенным. Однако разрешением вопроса о том, насколько достижимы когда либо эти послѣдние идеальные элементы понятий и во всех ли отношениях они подходили бы под нашу теорию, мы займемся впоследствии, в связи с обсуждением иных проблем. Мы можем сделать это, так как эти понятия представляют некоторым образом предельный случай. Вообще из них нельзя вывести какого-либо возражения против нашей аргументации, согласно которой существенная функция понятия состоит в упрощении воззрительного многообразия. И определение понятия сводится к все большому и большому упрощению содержания понятия.

То, что упрощение данной действительности составляет истинную сущность естественно-научного понятия станет еще болѣе ясно, коль скоро мы постараемся теперь показать, что, исходя из этого, слѣдует понимать и послѣднее свойство, которое должно принадлежать понятиям на ряду с общностью и определенностью.

III

Обязательность понятия ¹⁾.

Оказывалось ли бы действительно возможным с помощью понятий, которые удовлетворяли бы вышеизложенным требованиям, преодоление экстенсивного и интенсивного многообразия вещей или хотя бы только приближение к этой цели? Допустим, что наук удалось бы найти абсолютно простые и определенные элементы понятий, стало бы вполне достигнуто осуществление идеала формальной логики,—спрашивается, развѣ она была бы в состоянии благодаря этому совершенно преодолѣть хотя бы только интенсивное многообразие какой либо единичной встречающейся в действительности

¹⁾ „Die Geltung des Begriffs.“

формы? Очевидно, что нѣтъ, такъ какъ для того, чтобы довести до конца познаніе какой либо вещи такимъ образомъ, чтобы въ ней не оставалось непонятнымъ никакое необозримое многообразіе, мы нуждаемся не только въ простыхъ и опредѣленныхъ элементахъ понятій, но и въ совершенно доступномъ обзорѣнію, ограниченномъ числѣ ихъ, т. е. для того, чтобы быть увѣренными въ законченности познанія, намъ необходимо имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что никакое дальнѣйшее изслѣдованіе даннаго единичнаго объекта не заставитъ насъ увеличить число элементовъ понятій. А для того, чтобы имѣть возможность хотя бы приблизиться къ достиженію такого состоянія, понятіе, поскольку мы до сихъ поръ ознакомились съ нимъ, не доставляетъ никакихъ средствъ. И все таки мы должны поставить себѣ такое состояніе познанія цѣлью, къ достиженію которой мы могли-бы, по крайней мѣрѣ, приближаться, разъ вообще долженъ существовать прогрессъ въ познаніи. Если, стало быть, эта цѣль не прѣмѣнно существуетъ, то для того, чтобы наше образованіе понятій, могло идти въ направленіи, ведущемъ къ этой цѣли, къ вышеуказаннымъ свойствамъ научно пригоднаго понятія должно присоединяться еще нѣчто такое, на что мы до сихъ поръ не обращали вниманія.

Необходимость этого станетъ намъ еще яснѣе, коль скоро мы примемъ въ соображеніе не только интенсивное, но также и экстенсивное многообразіе вещей. И на первыхъ порахъ мы намѣрены ограничиться разсмотрѣніемъ преодолѣнія этого экстенсивнаго многообразія. Мы можемъ сдѣлать это, такъ какъ вѣдь въ послѣднемъ анализѣ познавательное стремленіе естествознанія никогда не направлено на единичное, но всегда на міровое цѣлое. Мы знаемъ, что тѣлесный міръ состоитъ изъ безконечнаго множества различныхъ формъ. А наши понятія мы всегда можемъ образовывать лишь примѣнительно къ какому либо ограниченному числу единичныхъ формъ. Цѣлое по природѣ своей никогда не можетъ становиться непосредственнымъ предметомъ изслѣдованія. Поэтому мы должны предполагать, что уже по части міра мы можемъ суждать о цѣломъ, т. е. что она дѣлаетъ для насъ возможнымъ образованіе примѣнительно къ ней понятій, которыя служатъ для познанія цѣлаго. На первыхъ порахъ мы не задаемся вопросомъ о томъ, какимъ образомъ это возможно. И въ данномъ случаѣ мы довольствуемся указаніемъ на то обстоятельство, что безъ этой возможности всякая попытка познанія мірового

цѣлаго была-бы бессмысленной и что для достиженія этой цѣли понятія, поскольку они изучены нами до сихъ поръ, оказываются недостаточными.

Вѣдь до сихъ поръ у насъ все время шла рѣчь лишь объ упрощеніи нѣкотораго многообразія вообще. Оно было достижимо благодаря общимъ и опредѣленнымъ значеніямъ словъ. Теперь, когда мы понимаемъ многообразіе міра дѣйствительно въ смыслѣ неисчерпаемости или безконечности, должно выясниться, что этого упрощенія благодаря понятіямъ не достаточно, что благодаря ему еще ничего не сдѣлано для преодоленія безконечности. Общность значеній словъ всегда эмпирически ограничена. Точное опредѣленіе ихъ содержанія путемъ превращенія въ форму сужденій нисколько не измѣняетъ дѣла. Для того, чтобы было возможно преодоленіе безконечнаго обилія явленій, мы должны быть въ состояніи образовывать понятія, необходимо обнимающія собой неограниченное число единичныхъ формъ. Лишь въ томъ случаѣ, если мы найдемъ путь, ведущій къ образованію такихъ понятій, мы можемъ въ силу вышеприведенныхъ основаній говорить о прогрессѣ въ познаніи міра. Въ противномъ случаѣ все, что выполняетъ естествознаніе, окажется совершенно ничтожнымъ по сравненію съ неисчерпаемымъ обиліемъ явленій.

Мы можемъ нѣсколько точнѣе формулировать эту мысль, напомнивъ, что мы мыслимъ себѣ міръ какъ пространственно, такъ и временно необозримымъ. Стало быть, мы предполагаемъ въ естествознаніи, что съ помощью нашихъ понятій, которыя образованы примѣнительно къ непосредственно данному намъ фрагменту вселенной, мы постигли нѣчто повторяющееся на любомъ разстояніи отъ насъ. Иными словами: наши понятія должны быть образованы такимъ образомъ, чтобы они были примѣнимы ко всякой встрѣчающейся въ мірѣ формѣ, гдѣ бы она ни находилась въ пространствѣ. Изъ этого вытекаетъ, что содержаніе выполняющаго это назначеніе понятія, само должно быть свободно отъ всякаго опредѣленія, относящагося только къ той или иной части пространства. И точно такъ же обстоитъ дѣло и по отношенію ко времени. Содержаніе понятія, долженствующаго служить для постиженія мірового цѣлаго, никогда не должно заключать въ себѣ что либо такое, что приурочивало бы его къ какому нибудь опредѣленному времени. Лишь въ такомъ случаѣ къ нему примѣнимо замѣчаніе Шопенгауэра, что надъ нимъ не властно время. Непонятно, какимъ образомъ понятія, обладающія

лишь теми свойствами, которые были до сих пор рассмотрены, могли бы выполнять то, что требуется здесь.

Но чего же еще не хватает подвергнутому вышеуказанным образом логической обработке значению слова для того, чтобы оно стало искомым средством для преодоления бесконечности мира? Каким свойством должно еще обладать понятие для того, чтобы выполнить до конца то назначение, которое оно, как мы видели, начало выполнять в виде произвольно возникших значений слов? Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, мы намерены развить далее ту мысль, что научно пригодное понятие должно иметь форму суждений, или, точнее, во всякое время быть в состоянии принять эту форму. Пока мы оставляли без разрешения вопрос о том, обладает ли определение понятия и логическою сущностью суждения, т. е. может ли оно быть подведено под ту точку зрения, что оно истинно. В самом ли деле, спрашивается теперь, определение понятия есть суждение или же, как доказывал Риль ¹⁾, их словесная оболочка вводит нас в заблуждение относительно их подлинного характера?

Этот вопрос является уже решенным для тех, которые видят в суждении не что иное как сочетание какого нибудь представления с каким нибудь другим представлением, так как они совершенно неспособны различать между подлинным суждением и таким образованием, которое имеет лишь форму суждения. В таком случае различие между понятием и суждением имеет лишь значение словесного различия между словом и предложением. Логическое содержание в обоих одно и то же. ²⁾ Но положение дела представляется совершенно в ином свете, коль скоро полагают, что простое сочетание представлений еще вовсе не есть суждение, но что к нему должен еще присоединиться акт утверждения или отрицания и что в этом-то не имющем характера представления, но „практическом“ элементе и заключается то, что существенно для суждения. Тогда в самом деле можно спросить: состоит ли понятие из суждений?

Прежде всего надлежит точно установить смысл этого вопроса.

¹⁾ Beiträge zur Logik.

²⁾ См. Windelband, Beiträge zur Lehre vom negativen Urtheil, в Strassburger Abhandlungen zur Philosophie S. 170 f.

Приходится заранее признать, что существует различие между суждением и понятием. Само собой разумеется, что понятие лишь способно превращаться в суждения и, как понятие, оно заключает в себя эти суждения не реализованными как таковые (nicht-ausdrückvollzogen). Но, если даже оставить это в стороне, проблема усложняется еще благодаря тому обстоятельству, что и в производимом в словах определении понятия (Begriffsbestimmung), в „определении“ (Definition) ¹⁾, те суждения, которые образуют понятие, по большей части, не в самом деле формулируются порознь, но объединяются в одно предложение и притом таким образом, что это предложение непосредственно выражает не содержание понятия, но значение сочетаемого с понятием слова. Но само собой разумеется, конечно, что указание значения слова не есть то суждение, которое мы имеем в виду. Главная трудность заключается, скорее, в том, что даже если суждения, выражающие содержание понятия, специально совершаются, можно держаться мнения, будто образование понятий состоит лишь в сочетании элементов понятия или признаков, при чем однако не высказывалось бы—благодаря уже этому—ничего относительно научного значения именно этого сочетания.

¹⁾ До сих пор я намеренно избегал этого слова. Прежде я употреблял его как однозначущее с образованием понятия или определением понятия, но охотно соглашаюсь с Зигвартом, что лучше применять его для обозначения предложения, приравнивающего друг к другу значения двух выражений. Впрочем те выводы, к которым я пришел в своем сочинении „Zur Lehre von der Definition“ не приходится значительно изменять по существу дела, раз они, как в данном случае, применяются исключительно к естественно научному понятию.

Примечание переводчика. Зигварт подчеркивает, что „всякое логическое определение есть определение номинальное: требование определения реального основывается на смешении задач метафизической и логической“ и определяет определение как „суждение, в котором значение представляющего понятие слова приравнивается к значению сложного выражения, выражающего отдельные признаки понятия и род их синтеза при посредстве отдельных составляющих выражение слов и рода их грамматического отношения; уравнивание между двумя обозначениями одного и того же понятия, которое именно поэтому и обратимо“. (Sigwart, Logik, I², § 44).

Никто не станетъ, конечно, отрицать, что возможно просто сочетать безъ цѣли элементы понятій или признаки, и, само собой разумѣется, что такого рода образованіе понятій имѣетъ лишь форму сужденій. Однако это обстоятельство не должно скрывать отъ насъ существенный пунктъ. Здѣсь мы разсматриваемъ логику лишь какъ науку — ученіе и понятіе лишь постольку, поскольку оно есть имѣющій важное значеніе членъ въ научномъ контекстѣ и въ данномъ случаѣ возможность образованія понятій путемъ сочетанія признаковъ безъ логической цѣли не имѣетъ существеннаго значенія для нашей проблемы. Наоборотъ, намъ приходится поставить вопросъ о томъ, не составляетъ-ли задачу науки образованіе такихъ понятій, которыя по ихъ логической цѣнности были бы эквивалентны сужденіямъ. Въ такомъ случаѣ этого рода понятія могли бы быть подведены подъ точку зрѣнія истинности и, если мы допустимъ, что истиннымъ можетъ быть лишь утвержденіе или отрицаніе, они должны были-бы, если и не *explicite*, то хотя бы *implicite*, содержать въ себѣ существенную для сужденія оцѣнку (*Beurtheilung*).

Въ нашемъ изслѣдованіи дѣло идетъ о томъ, чтобы показать, что лишь въ томъ случаѣ, если мы разсматриваемъ понятія, пользуясь выраженіемъ, которое встрѣчается уже и у Рила¹⁾, какъ, потенциальныя сужденія, они способны дѣйствительно преодолѣть безконечность воззрительнаго міра. Послѣ предшествующихъ разъясненій легко понять, почему лишь сужденія оказываются пригодными для этого преодолѣнія.

Мы знаемъ, что для высшей продуктивности естественно-научнаго понятія, требуется, чтобы оно было свободно отъ пространственныхъ и временныхъ опредѣленій для того, чтобы такимъ образомъ быть примѣнимымъ ко всякой встрѣчающейся въ дѣйствительности формѣ, какія-бы пространственныя и временныя опредѣленія она ни имѣла. Иными словами, оно должно обладать не только эмпирической, но неограниченной общностью. Общность-же значеній словъ, съ помощью которыхъ мы можемъ упростить данное многообразіе, пока значеніе стоитъ еще въ прямой связи съ воззрѣніемъ, всегда оказывается эмпирически ограниченной и непостижимо, какимъ образомъ неопредѣленное, воззрительно представленное или же всего лишь въ формѣ сужденій выраженное значеніе слова становилось-бы

¹⁾ См. *Kriticismus* II, 1. S. 224.

когда либо болѣе чѣмъ эмпирически общимъ. Поэтому, имѣющія характеръ представленій, образованія не могутъ удовлетворять послѣднимъ цѣлямъ естествознанія не только вслѣдствіе ихъ неопредѣленности, какъ мы уже раньше видѣли, но и вслѣдствіе ихъ всего лишь эмпирической общности.

Но совершенно иную роль, чѣмъ общія представленія играютъ по отношенію къ этой задачѣ познанія общія сужденія. Мы допускаемъ, что мы въ состояніи образовывать не только эмпирически общія, но и безусловно общія сужденія, т. е. сужденія, имѣющія силу для всякихъ процессовъ и вещей, гдѣ бы и когда бы они ни встрѣчались. Изъ этого вытекаетъ, что безконечное многообразіе дѣйствительности преодолимо благодаря общности сужденій. Такія безусловно общія сужденія, въ которыхъ что либо высказывается о дѣйствительности, мы называемъ законами природы. Теперь мы можемъ поэтому сказать также, что мы можемъ охватить безконечное обиліе единичныхъ формъ въ безконечномъ пространствѣ и въ безконечномъ времени въ понятіи лишь при томъ предположеніи, что содержаніе этого понятія состоитъ изъ сужденій, въ которыхъ находитъ свое выраженіе законъ природы. Вѣдь лишь въ этомъ случаѣ можетъ идти рѣчь о томъ, что понятію свойственна безусловно всеобщая приложимость къ дѣйствительности.

Итакъ, поскольку дѣло идетъ о познаніи мірового цѣлаго, т. е. о преодолѣніи экстенсивнаго многообразія міра, мы можемъ теперь сказать: при помощи такихъ понятій, которыя представляютъ собой всего лишь сочетаніе комплексовъ признаковъ, можетъ быть сдѣлана попытка классификаціи только какой либо тѣсно ограниченной части дѣйствительности. Обнимающая весь міръ классификація оказывалась бы возможной съ помощью такихъ признаковъ понятій лишь въ томъ случаѣ, если бы мы знали всѣ встрѣчающіяся въ мірѣ формы по одиночкѣ, что означало-бы осуществленіе вышеупомянутаго, какъ мы видѣли, даже и приблизительно не достижимаго идеала законченной картины міра. Какъ мало возможно и приблизительно осуществленіе упомянутаго идеала, такъ же мало можетъ и естествознаніе, если оно понимаетъ само себя, хотя бы даже стремиться къ простой лишь классификаціи міра. Напротивъ того, цѣннымъ членомъ въ ряду усилій, клонящихся къ познанію всего тѣлеснаго міра, какая нибудь наука можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если она имѣетъ въ виду конечную цѣль всего естествознанія, уразумѣніе со-

отвѣтствующей законамъ природы необходимости вещей, уже при первыхъ шагахъ, ведущихъ къ образованію ея понятій. Но разъ она имѣетъ въ виду эту цѣль, она въ такомъ случаѣ всюду будетъ стремиться къ тому, чтобы какъ можно скорѣе прекратить чисто классификаціонное образованіе понятій, т. е. она никогда не будетъ довольствоваться такими понятіями, которыя представляютъ собой всего лишь комплексы признаковъ, но всякое соединеніе какихъ либо элементовъ въ понятіе всегда будетъ происходить лишь при предположеніи что соединяемые элементы или непосредственно находятся въ соответствующей законамъ природы необходимой, т. е. безусловно общеобязательной связи, или въ своемъ соединеніи по крайней мѣрѣ служатъ подготовительными ступенями къ образованію такихъ понятій, въ которыхъ находятъ свое выраженіе необходимая по законамъ природы связь. Это составляетъ какъ бы молчаливо подразумеваемую предпосылку при всякомъ цѣнномъ научномъ образованіи понятій. Поэтому при немъ отношенія между представленіями не только представляются, но *implicite*, по крайней мѣрѣ въ видѣ опыта, на первый случай, и утверждаются или отрицаются. Разъ только мы предполагаемъ, что задача понятій уже въ примитивнѣйшей ихъ формѣ состоитъ въ томъ, чтобы способствовать достиженію цѣлей научнаго познанія мірового цѣлаго, отъ нихъ, стало быть, во всякомъ случаѣ не отдѣлимъ характерный для сужденія моментъ оцѣнки.

Но какимъ образомъ обстоитъ дѣло, коль скоро мы не будемъ касаться познанія мірового цѣлаго и обратимъ вниманіе лишь на образованіе понятій, играющее роль при научной обработкѣ какой нибудь ограниченной доли дѣйствительности, экстенсивно доступной обзорѣнью (*übersehbarer*) области? Не принимаетъ-ли тогда дѣло иной оборотъ? Не представляютъ-ли собой въ такомъ случаѣ понятія всего лишь комплексовъ признаковъ, не заключая въ себѣ элемента оцѣнки?

Мы видѣли, что понятія были-бы всего лишь комплексами признаковъ, если бы они служили лишь для классификаціи, и возможны, конечно, случаи, въ которыхъ чисто классификаціонное образованіе понятій служить цѣлью въ какой либо области естествознанія. Но не говоря уже о томъ, что такія классификаціи почти всегда играли бы лишь роль временнаго пальятива, и эти случаи не уклоняются отъ нашей теоріи, разъ только они находятся въ какой либо

связи съ дѣйствительно научной работой. Вѣдь при болѣе точномъ разсмотрѣннн все-таки оказывается, что въ сущности не существуетъ такой научной области, въ которой образованіе понятій всецѣло служило-бы исключительно для классификаціи. Во всякомъ случаѣ чисто произвольная классификація не имѣетъ никакой научной цѣнности. А что такое означаетъ выраженіе „произвольная классификація“? Классификація, остающаяся только „классификаціей“ (*eine blosse classification*) всегда произвольна. Необходимую классификацію всегда можно установить лишь принимая въ соображеніе теорію, или, по крайней мѣрѣ, благодаря тому, что образуется понятіе и въ немъ резюмируются отдѣльныя вещи и процессы, уже дѣлается первый шагъ къ построенію теоріи этихъ вещей или процессовъ. А въ такомъ случаѣ оказывается необходимымъ сочетать именно эти элементы понятій, имѣя въ виду теорію, и, слѣдовательно, содержаніе понятія уже не сводится къ отношенію между представленіями, но это отношеніе *implicite* оцѣнивается, какъ истинное. Стало быть, образованіе понятія, а конечно, и понятіе, въ этомъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ лишь о познаніи нѣкоторой доли дѣйствительности, равнымъ образомъ логически эквиваленты сужденію.

Быть можетъ, мы сдѣлаемъ этотъ ходъ мыслей наиболѣе убѣдительнымъ, снова специально разсматривая въ единичныхъ формахъ и процессахъ дѣйствительности то, что мы назвали ихъ интенсивною безконечностью. Допустимъ, что намъ данъ вполне доступный обзорѣнью рядъ вещей, въ научной классификаціи котораго состояла бы наша задача. Если бы мы могли приступить къ этой работѣ безъ всякихъ предположеній, оказалось-бы, что и при доступномъ обзорѣнью числѣ вещей къ нашимъ услугамъ было-бы необозримое число принциповъ для классификаціи этихъ вещей и мы не знали бы непосредственно, какой принципъ мы должны избрать. Это странно звучитъ и тѣмъ не менѣе это несомнѣнно вѣрно. Уяснимъ себѣ только, что и всякая единичная форма обладаетъ неисчерпаемымъ, стало-быть, безконечнымъ многообразіемъ. Въ такомъ случаѣ, если мы приступаемъ къ дѣлу безъ предположеній, должно оставаться произвольнымъ, что такое мы выхватываемъ изъ этого многообразія для того, чтобы найти принципъ сравненія вещей другъ съ другомъ. Всякій тѣлесный процессъ въ необозримо многихъ отношеніяхъ одинаковъ съ какимъ либо инымъ тѣлеснымъ процессомъ и въ столь-же многихъ отношеніяхъ неодинаковъ съ нимъ. Это упустиаютъ изъ

виду вслѣдствіе того обстоятельства, что благодаря тѣмъ значеніямъ словъ, которыми мы обладаемъ, обыкновенно до нашего сознанія доходить лишь ничтожно малая доля этихъ одинаковостей и неодинаковостей. Значеніями словъ обуславливается, поэтому, и то, что изъ многихъ возможныхъ классификацій вещей всегда осуществима лишь небольшая доля. Но мы всегда должны помнить, что въ значеніяхъ словъ дѣйствительность дана намъ уже въ значительной степени упрощенной и что этотъ процессъ упрощенія, съ научныхъ точекъ зрѣнія производимый по большей части случайно, собственно говоря всюду нуждался сперва въ логическомъ оправданіи. У насъ не только должно быть нѣкоторое основаніе для того, чтобы изъ возможныхъ благодаря естественнымъ значеніямъ словъ классификацій отдать предпочтеніе какой либо одной, но и для того, что мы вообще выбираемъ одну изъ этихъ классификацій, а не изъ необозримаго множества тѣхъ, которыя помимо нихъ были бы еще возможны. Однако намъ нѣтъ надобности далѣе развивать эту мысль.

Разъ только мы не будемъ забывать, что и при наибольшемъ ограниченіи области познанія мы всегда имѣемъ предъ собой безконечность, которую надлежитъ преодолѣть путемъ образованія естественно научныхъ понятій, это должно будетъ привести насъ и къ мысли, что познаніе фрагмента дѣйствительности принципиально есть не иная задача, чѣмъ познаніе мірового цѣлага. И для преодолѣнія интенсивной безконечности единичныхъ формъ оказывается необходимой безусловная общность, находящая свое выраженіе въ такъ называемыхъ законахъ природы, такъ какъ лишь безусловно общее сужденіе устраняетъ произвольность при образованіи понятій. Конечно, эти законы природы по содержанію совпадаютъ съ тѣми, которые служатъ намъ для преодолѣнія экстенсивнаго многообразія міра. Такое образованіе понятій, которое не оказывается чисто произвольнымъ, достигая своего высшаго совершенства, преодолѣваетъ всегда оба рода многообразія въ одно и тоже время. Разъ вполне понята какая либо единичная вещь, въ ней постигнуто вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто имѣющее силу для мірового цѣлага. При преодолѣніи интенсивнаго многообразія всегда преодолѣвается вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторая доля экстенсивнаго многообразія. Оба эти процессы нельзя изолировать другъ отъ друга. Конечно, это положеніе оказывается обратимымъ, такъ что можно сказать, что и въ самомъ дѣлѣ научное познаніе единичнаго процесса при

посредствѣ понятій находится въ тѣснѣйшей связи съ стремленіемъ къ познанію мірового цѣлага, такъ какъ безъ безусловно общаго сужденія нельзя обойтись и тогда, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы преодолѣть интенсивную безконечность любого единичнаго процесса.

Такимъ образомъ мы видимъ, что стремленія науки во чтобы то ни стало должны клониться къ построенію безусловно-общеобязательныхъ понятій, т. е. понятій, содержащихъ въ себѣ сужденія, выражающія законы природы. Конечно, отнесеніе міра значеній къ міру возрѣнной образуетъ наше познаніе, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о познаніи въ смыслѣ естественныхъ наукъ, но именно поэтому значенія не могутъ быть представленіями, но по своей логической цѣнности они должны быть такими сужденіями, которыя или содержатъ въ себѣ или готовятъ законы. Вѣдь міръ значеній долженъ быть ограниченъ въ противоположность неограниченному міру возрѣнной и лишь въ формѣ закона мы имѣемъ нѣчто ограниченное, которое мы можемъ относить къ неограниченному. Такимъ образомъ для насъ и послѣднее свойство понятій, ихъ безусловная общеобязательность, опять таки вытекаетъ изъ ихъ логической сущности, т. е. изъ того, что они представляютъ собой средство для преодолѣнія безконечнаго многообразія міра. Объемъ понятія закона заключаетъ въ себѣ необозримое экстенсивное многообразіе, содержаніе же говоритъ намъ, что изъ безконечнаго интенсивнаго многообразія принимается во вниманіе познаніемъ и поэтому позволяетъ намъ вполне обзрѣть естественно-научно и это многообразіе.

Однако и благодаря этому не вполне достигается завершеніе идеала образованія понятій. Мы должны не только быть въ состояніи образовывать понятія законовъ, изъ которыхъ каждое преодолѣваетъ безконечное многообразіе, но мы должны также предположить, что вполне доступный обзрѣнію рядъ законовъ обнимаетъ всѣ единичныя формы, встрѣчающіяся въ безконечной дѣйствительности. Вѣдь было-бы мыслимо, что существуетъ безконечное число совершенно различныхъ понятій законовъ, и при этомъ предположеніи познаніе мірового цѣлага опять-таки не было-бы и приблизительно достижимо. Однако, здѣсь оказывается необходимымъ еще только одно предположеніе, принципиально не отличающееся отъ предположенія, заключающагося въ томъ, что мы вообще можемъ образовывать понятія законовъ. Увѣренность въ томъ, что существуетъ доступный

обозрѣнію рядъ законовъ природы, возможна, коль скоро мы, такъ сказать, допускаемъ законѣрность законовъ, т. е. коль скоро мы въ состояніи установить послѣднее понятіе закона, которое обнимаетъ различные законы природы какъ свои виды, или точнѣе, коль скоро мы въ правѣ предположить, что мы въ состояніи все болѣе и болѣе упрощать законѣрность и благодаря этому все болѣе и болѣе приближаться къ единому послѣднему понятію закона. Во всякомъ случаѣ о д н о послѣднее понятіе должно быть постулируемо въ качествѣ завершения и притомъ съ чисто логическихъ точекъ зрѣнія. Совершенно невѣрно, будто подобное требованіе вытекаетъ лишь изъ эстетической потребности и что множественность послѣднихъ законовъ можетъ удовлетворять научное стремленіе къ познанію. А именно, если въ концѣ концовъ получается нѣсколько послѣднихъ понятій въ качествѣ чего то чисто фактическаго и непонятнаго, то мы никогда не можемъ знать, (не присоединится-ли при дальнѣйшемъ изслѣдованіи еще неограниченное число новыхъ „послѣднихъ“ понятій и въ такомъ случаѣ преодоленіе безконечнаго многообразія ничѣмъ не гарантировано. Если же, напротивъ того, мы знаемъ, почему получается нѣсколько „послѣднихъ“ понятій, то упомянутая множественность оказывается вовсе не послѣдней, а всего лишь предпослѣдней ступеню и тогда въ знаніи того, на чемъ основывается множественность „послѣднихъ“ законовъ понятій, мы имѣемъ дѣйствительно послѣднее понятіе. Оно примѣнимо ко всѣмъ единичнымъ формамъ дѣйствительности, въ немъ преодолено все необозримое многообразіе.

IV.

Понятія вещей и понятія отношеній.

Но чѣмъ рѣшительнѣе мы подчеркиваемъ, что требуемое преодоленіе необозримаго тѣлеснаго многообразія достижимо лишь съ помощью такихъ понятій, которыя содержатъ въ себѣ законы, а стало быть логически эквивалентны безусловно общимъ сужденіямъ, тѣмъ явственнѣе должна обнаруживаться другая трудность, которой мы до сихъ поръ намѣренно не касались. Зигвартъ подчеркнул ее, возражая противъ нашего мнѣнія, которое съ другихъ точекъ

зрѣнія уже ранѣе было отстаиваемо и по которому научное понятіе состоитъ изъ сужденій¹⁾. Его выводы относятся къ теоріи понятій вообще. Конечно, въ томъ, что понятіе слѣдуетъ разсматривать какъ точку соединенія сужденій, много вѣрнаго; но все-таки эта теорія идетъ слишкомъ далеко. Если всякое понятіе представляетъ собой лишь комплексъ сужденій, что такое должны представлять собой субъекты и предикаты этихъ сужденій? Пусть для научной обработки на мѣсто признаковъ непосредственнаго воззрѣнія становятся законы, выражающія причинныя отношенія (Causalgesetze), все же эти законы должны имѣть силу относительно чего-то. Пусть, напр., понятіе тяготѣнія тождественно съ закономъ тяготѣнія; это обусловится лишь тѣмъ, что это понятіе не вещи, а отношенія. Но и оно предполагаетъ всегда тяготѣющія массы, стало быть понятія вещей, такъ же, какъ уже упомянутое въ качествѣ примѣра понятіе брака, должно было предполагать мужа и жену. Итакъ наша теорія оказывалась-бы примѣнимой лишь къ понятіямъ отношеній. Понятія вещей никогда не могли бы сдѣлаться логически совершенными понятіями въ нашемъ смыслѣ, хотя они тѣмъ не менѣе служатъ необходимыми предпосылками понятій отношеній. — Не представляется-ли это выраженіе основательнымъ?

Здѣсь мы, конечно, ограничиваемся тѣмъ, что изъ этихъ соображеній, касающихся общей теоріи понятій, имѣетъ значеніе для естественно-научнаго понятія²⁾. Однако и при этомъ ограниченіи приходится признать, что требуемое Зигвартъ разграниченіе между понятіями вещей и понятіями отношеній совершенно необходимо. Мы уже коснулись того возраженія, которое можетъ быть выведено отсюда противъ нашей теоріи, указавъ на то обстоятельство, что въ естествознаніи уже всякое чисто формальное опредѣленіе понятій, пока дѣло идетъ при этомъ о понятіяхъ о воззрительныхъ вещахъ, можетъ быть производимо лишь при помощи элементовъ, которые сами неопредѣленны, что, стало быть, естественнонаучное понятіе въ нашемъ смыслѣ состоитъ въ такомъ случаѣ изъ такихъ

¹⁾ Ср. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1890. Nr. 2. S. 54 f.

²⁾ Здѣсь понятіе брака, на которомъ мы прежде могли показать, какимъ образомъ всякое понятіе можетъ стать болѣе опредѣленнымъ и благодаря указанію неопредѣленныхъ элементовъ, не представляетъ никакого интереса, такъ какъ это понятіе юридическое, а отнюдь не естественнонаучное.

элементовъ, которые даже не оказываются формально-логически совершенными понятіями. Уже изъ того, что было сказано выше, мы могли, слѣдовательно, усмотрѣть, что полное разложеніе (Auflösung) всѣхъ представленій, при которомъ они принимали-бы хотя-бы только форму сужденій, невозможно. Теперь, когда дѣло идетъ не только о формѣ, но и о содержаніи понятій, въ самомъ дѣлѣ снова появляется это затрудненіе и мы должны остановиться на немъ.

Прежде всего, принимая во вниманіе вышеизложенное, мы можемъ дать возраженію Зигварта еще болѣе общую формулировку. То затрудненіе, на которое мы наталкиваемся, оказывается совершенно параллельнымъ тому, которое обнаруживается при всего лишь формальномъ опредѣленіи понятій. Вещи воззрительны. Поэтому въ понятіяхъ о нихъ всегда содержатся представленныя на первоначальной стадіи понятія воззрѣніями значенія словъ. А разъ мы разрѣшаемъ (auflösen) воззрительныя вещи въ отношенія, въ которыхъ находятся другъ къ другу ихъ части и превращаемъ соотвѣтственно этому представленныя представленіями значенія словъ въ сужденія, указывающія элементы понятія, мы нуждаемся для этого опять таки въ представленіяхъ о воззрительныхъ вещахъ и т. д. и, такимъ образомъ, повидимому, и въ связи съ этой проблемой, предъ нами возникаетъ задача, состоящая въ томъ, чтобы произвести безконечный рядъ все новыхъ образованій понятій, т. е. разрѣшеній представленій въ сужденія. Мы не избавляемся отъ вещей, а съ ними и отъ эмпирическаго воззрѣнія, которое мы желаемъ преодолѣть путемъ образованія понятій.

Однако, формулируя такимъ образомъ вышеприведенное возраженіе, мы, опять таки на основаніи нашихъ прежнихъ разъясненій, находимся уже и на пути къ тому, чтобы по меньшей мѣрѣ значительно ограничить его значеніе для теоріи естественнонаучнаго образованія понятій. Конечно, понятія о воззрительныхъ вещахъ играютъ значительную роль въ естественныхъ наукахъ и дѣло не можетъ обстоять инымъ образомъ во многихъ наукахъ. Однако это обстоятельство еще ничего не доказываетъ противъ нашей теоріи. Могло-бы оказаться, что такія понятія прежде всего имѣются тамъ, гдѣ наукѣ или еще не удалось выработать свои понятія до логическаго совершенства, или гдѣ такая выработка вообще не необходима для специальныхъ цѣлей данной науки. Здѣсь мы можемъ и должны поставить вопросъ лишь о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ

понятіями вещей въ естествознаніи, коль скоро дѣло идетъ о логическомъ идеалѣ естественнонаучнаго понятія.

Конечно, мы должны признать и то, что естествознаніе, какой бы значительный прогрессъ его мы ни представили себѣ, во всякомъ случаѣ должно придерживаться того мнѣнія, что тѣлесный міръ состоитъ изъ вещей, по крайней мѣрѣ, пока оно не сходится съ почвы эмпирическаго реализма и чуждается гносеологическихъ истолкованій и своихъ понятій, т. е. мы признаемъ здѣсь даже предположеніе, гласящее, что никогда нельзя будетъ образовать такого естественно-научнаго понятія о тѣлесномъ мірѣ, въ которомъ совершенно отсутствовало-бы понятіе о вещахъ. Однако и это обстоятельство еще не упраздняетъ нашей теоріи. Вѣдь, во первыхъ, та роль, которую играетъ понятіе о вещахъ въ естествознаніи, которое мыслится логически совершеннымъ, могла-бы оказаться лишь весьма незначительной, и при этомъ дѣло могло бы идти опять таки лишь такъ сказать о предѣльномъ случаѣ, а затѣмъ и въ предѣльномъ случаѣ могло-бы играть роль всего лишь понятіе такого рода, что оно, хотя и будучи понятіемъ вещи, при всемъ томъ не противорѣчило бы нашей теоріи. Намъ придется взвѣсить обѣ эти возможности, прежде чѣмъ мы рѣшимъ вопросъ о значеніи вышеприведеннаго возраженія.

Для того, чтобы прежде всего выяснитъ себѣ, до какой степени должно логически совершенное естествознаніе оперировать съ понятіями вещей, вспомнимъ вышеупомянутое распределеніе различныхъ отраслей естествознанія, при которомъ мы отъ тѣхъ наукъ, которыя оперируютъ главнымъ образомъ съ относительно неопредѣленными общими значеніями словъ, переходимъ къ такимъ наукамъ, въ которыхъ эти примитивныя понятія все болѣе отступаютъ на задній планъ и замѣняются такими понятіями, составныя части которыхъ вполне могутъ быть выражены въ формѣ сужденій. Теперь, когда дѣло идетъ не только о формальной опредѣленности понятій, но о томъ, до какой степени содержаніе естественно-научныхъ понятій можетъ состоять изъ сужденій и до какой степени оно должно сохранять представленія о вещахъ, мы можемъ дать мысли о распределеніи естественныхъ наукъ еще иное направленіе.

Какъ мы знаемъ, всякое понятіе о воззрительныхъ вещахъ всегда еще заключаетъ въ себѣ необозримое многообразіе. Стало-быть въ немъ скрывается нѣчто такое, что можетъ быть лишь допущено, но

не постигнуто въ своей соотвѣтствующей законамъ природы необходимости, какъ бы темное ядро, которое еще ждетъ „объясненія“, разрѣшенія въ отношеніе своихъ элементовъ другъ къ другу. Итакъ, хотя многія науки и оперируютъ съ понятіями вещей, однако слѣдуетъ сказать, что чѣмъ болѣе какой либо наукѣ приходится пользоваться понятіями вещей, тѣмъ болѣе она удалена отъ той цѣли, къ достиженію которой стремится всякая естественная наука: отъ уразумѣнія законмѣрной связи вещей. Какую-бы роль ни играла, стало быть, въ концѣ концовъ категорія вещи и въ такой теоріи тѣлеснаго міра, которая мыслится завершеною, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что естествознаніе стремится и должно стремиться къ тому, что бы все болѣе и болѣе разлагать косныя и постоянныя вещи и понимать ихъ какъ законмѣрно возникающіе и прекращающіеся процессы.

Но это обстоятельство оказывается уже до извѣстной степени имѣющимъ рѣшающее значеніе для того вопроса, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, такъ какъ оно означаетъ не что иное, какъ то, что естествознаніе должно имѣть тенденцію, по мѣрѣ возможности, преобразовывать понятія вещей въ понятія отношеній. Пусть оно фактически еще очень далеко отъ достиженія этой цѣли, пусть нынѣ въ иныхъ научныхъ областяхъ для многихъ понятій оказывается невозможнымъ сдѣлать хотя бы даже и первоначальные шаги, которые вели бы къ такого рода преобразованію, такъ, напр., всеѣмъ наукамъ, занимающимся организмами, приходится оставаться при массѣ такихъ понятій вещей, преобразовать которыя въ понятія отношеній не можеть до сихъ поръ никакая наука,—тѣмъ не менѣе для логики не существуетъ никакого основанія признавать это состояніе окончательнымъ, уже соотвѣтствующимъ логическому идеалу. Хотя-бы это состояніе удовлетворяло какую нибудь специальную науку, поскольку дѣло идетъ объ ея цѣляхъ, его во всякомъ случаѣ придется признавать несовершенствомъ, коль скоро мы рассматриваемъ различныя естественныя науки какъ отрасли одинаго цѣлаго. А именно это мы и имѣемъ въ виду, и съ этой точки зрѣнія въ качествѣ логическаго идеала можно въ такомъ случаѣ мыслить себѣ такое распредѣленіе системы различныхъ естественныхъ наукъ, что понятія вещей, съ которыми оперируетъ и, пока она не смотритъ далѣе той спеціальной задачи, которую она себѣ ставитъ, и должна оперировать кака-либо отрасль, передаются другой наукѣ, которая ставитъ себѣ

болѣе обширныя задачи, и преобразуются послѣднею въ понятія отношеній, что затѣмъ эта отрасль передаетъ свои понятія вещи еще болѣе многообъемлющей наукѣ и т. д., пока теорія, обнимающая весь тѣлесный міръ, не завершитъ, наконецъ, труда образованія понятій. Разъ эта цѣль была-бы достигнута, естественная наука, стоящая во главѣ намѣченной системы, оперировала-бы за однимъ только исключеніемъ, о которомъ тотчасъ будетъ идти рѣчь, только съ понятіями отношеній. Понятія вещей, которыя другія науки могутъ и должны удерживать въ предѣлахъ ихъ сферы, разрѣшались бы въ этой наукѣ, которую мы назовемъ „последней естественной наукой“, въ понятія отношеній¹⁾.

Мы еще нѣсколько точнѣе прослѣдимъ развитіе этой мысли въ частностяхъ, перейдя къ разсмотрѣнію того, до какой степени подобный логическій идеалъ уже осуществленъ въ наукѣ. Здѣсь мы можемъ чисто формально резюмировать эту мысль такимъ образомъ, что хотя въ самомъ дѣлѣ понятія, состоящія изъ сужденій, всегда должны быть и понятіями отношеній и уже не могутъ быть понятіями о воззрительныхъ вещахъ, тѣмъ не менѣе именно вслѣдствіе этого понятія отношеній суть логически наиболѣе совершенныя понятія. Наличие понятій вещей въ естественныхъ наукахъ находится—если оставить въ сторонѣ намѣченное выше исключеніе—въ связи лишь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что различныя науки занимаютъ тѣлеснымъ міромъ съ различныхъ сторонъ и что спеціальныя науки, само собой разумѣется, правомѣрно, всегда ставятъ себѣ при познаніи тѣлеснаго міра лишь какую нибудь ограниченную задачу. Коль скоро онѣ дѣлаютъ это, имъ нѣтъ надобности вырабатывать все ихъ понятія до наивозможно высшаго логическаго совершенства, и онѣ могутъ спокойно оставаться при понятіяхъ вещей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ для ихъ ограниченныхъ цѣлей не оказывается на лицо дальнѣйшихъ проблемъ. Но, коль скоро мы имѣемъ въ виду связь естественныхъ наукъ и то обстоятельство, что все отдѣльныя отрасли

¹⁾ Тѣ, кому желательнее уже теперь сдѣлать себѣ эти соображенія, которыя намѣренно развивались чисто логически, болѣе наглядными на какомъ нибудь примѣрѣ, пусть вспомнятъ о существующей нынѣ въ естественныхъ наукахъ тенденціи понимать совокупность тѣлеснаго бытія и тѣлесныхъ процессовъ какъ механизмъ. Въ такомъ случаѣ механика логически стояла-бы ближе всего къ «последней естественной наукѣ».

могутъ быть приведены въ связь съ общей теоріей тѣлеснаго міра, намъ приходится сказать: понятія о воззрительныхъ вещахъ всегда представляютъ собой еще естественно-научныя проблемы, лишь понятія отношеній ведутъ къ разрѣшенію этихъ проблемъ, и въ томъ случаѣ, если они содержатъ въ себѣ безусловно общія сужденія, т. е. законы природы, они представляютъ собой рѣшенія проблемъ ¹⁾.

Если же мы въ правѣ разсматривать естественно научное образование понятій, имѣя въ виду его послѣднія и наиболѣе общія цѣли, съ той точки зрѣнія, что оно стремится къ устраненію понятій вещей и подготавливаетъ образование понятій отношеній, то и то обстоятельство, что понятія, состоящія изъ сужденій, всегда должны быть понятіями отношеній, уже не оказывается принципиальнымъ возраженіемъ противъ развитой нами теоріи. По крайней мѣрѣ, для логическаго идеала наибольшаго числа естественно-научныхъ понятій наша теорія остается тогда вѣрною, такъ какъ этотъ идеалъ по существу дѣла касается понятій отношеній. Та роль, которую все еще играли бы въ такой естественной наукѣ, которая мыслится логически совершенной, понятія вещей, по крайней мѣрѣ, весьма незначительна. Этимъ въ принципѣ разрѣшается первый вопросъ: до какой степени и такой естественной наукѣ, которая мыслится логически совершенною, все еще приходится оперировать съ понятіями вещей.

Но, какъ указано выше, оказывается одно исключеніе. Главнымъ образомъ, какъ и при обсужденіи вопроса о формальной определенности понятій, и въ данномъ случаѣ именно воспоминаніе о связи и объ іерархіи естественныхъ наукъ опять-таки должно привести насъ къ тому убѣжденію, что мысль о лишь временномъ примѣненіи понятій вещей и все далѣе и далѣе идущемъ преобразованіи ихъ въ понятія отношеній въ концѣ концовъ все же не можетъ удовлетворить насъ. Это преобразование не можетъ производиться до безконечности при посредствѣ ряда все новыхъ наукъ. Какъ въ связи съ обсужденіемъ прежде занимавшей насъ проблемы, такъ и въ данномъ случаѣ, мы принуждены постулировать такую науку, которая нахо-

¹⁾ Съ точки зрѣнія вышеупомянутой тенденціи понимать весь тѣлесный міръ какъ механизмъ, напр. понятіе вещи (организма), становится проблемой, разрѣшеніе которой могло-бы быть найдено лишь благодаря нѣкоторому понятію механическихъ отношеній.

дится въ концѣ ряда, и поэтому уже не можетъ передавать свои понятія вещей какой либо дальнѣйшей наукѣ для разрѣшенія ихъ въ понятія отношеній. Этой послѣдней наукѣ приходилось бы въ качествѣ логической идеальной науки, разрѣшать всѣ естественно-научныя проблемы, отъ которыхъ другія естественныя науки отказываются, какъ отъ несущественныхъ для ихъ специальныхъ цѣлей, стало бы она должна была-бы устранить, какъ прежде уже все воззрительное многообразіе, такъ теперь всѣ понятія вещей безъ всякаго исключенія въ томъ случаѣ, если разрѣшеніе всѣхъ проблемъ въ самомъ дѣлѣ совпадаетъ съ образованіемъ понятій отношеній. Но, такъ какъ мы намѣрены предположить, что полное устраненіе понятій вещей въ естественно-научномъ понятіи міра не можетъ быть признано даже хотя бы только логическою цѣлью научныхъ стремленій, наша теорія въ самомъ дѣлѣ еще должна быть расширена въ одномъ отношеніи. Такъ какъ и послѣдняя естественная наука, даже если ее мыслить достигшей высшаго совершенства, все еще оперировала-бы съ понятіями о вещахъ, то для того, чтобы оказывалась возможной логически совершенная общая теорія тѣлеснаго міра, должны существовать и логически совершенныя естественно-научныя понятія вещей. Постольку, но и всего лишь постольку, вполне законно то возраженіе, съ которымъ намъ въ данномъ случаѣ приходится считаться.

Мы могли-бы, правда, и здѣсь сказать, что въ мысли о послѣдней естественной наукѣ и необходимыхъ для нея логически совершенныхъ понятіяхъ вещей дѣло идетъ лишь о предѣльномъ случаѣ, не затрагивающемъ нашей теоріи вообще. Но для полнаго выясненія хода нашихъ мыслей хорошо будетъ специально разсмотрѣть и этотъ вопросъ объ образованіи понятій въ послѣдней естественной наукѣ, разсмотрѣніе котораго мы отложили при обсужденіи вопроса объ определенности понятій. Это тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что благодаря этому не только можетъ быть окончательно разрѣшенъ вопросъ объ определенности понятій (*Begriffsbestimmung*), но и вся наша теорія, согласно которой сущность естественно научнаго образованія понятій состоитъ въ упрощеніи даннаго тѣлеснаго многообразія, можетъ быть изложена въ совершенно убѣдительно и законченной формѣ лишь этимъ путемъ. Мы увидимъ, что необозримое многообразіе преодолевается не только при посредствѣ понятій законовъ, но и при посредствѣ новаго рода понятій, которыя, въ качествѣ особаго рода поня-

тій вещей, становятся на мѣсто понятій законовъ. Тогда мы сможемъ отвѣтить и на вопросъ: осуществлена ли вторая изъ намѣченныхъ выше возможностей, т. е. таковы-ли эти понятія вещей, безъ которыхъ не въ состояннн обойтись и послѣдняя естественная наука, что и они подходятъ подъ нашу теорію естественно-научнаго образования понятій. Окажется, что и эти понятія лишь подтверждаютъ нашу теорію.

Допустимъ, что естествознанію удалось найти наиболѣе общіе законы, которымъ безъ исключеній подчинены тѣлесные процессы, что понятія вещей какъ можно болѣе вытѣснены и разрѣшены въ понятія отношеній, что, стало быть, послѣдней естественной наукой построено такое понятіе о тѣлесномъ мірѣ, въ которое входятъ всего лишь *тѣ* понятія вещей, которыя не могутъ уже быть устранены никакимъ дальнѣйшимъ процессомъ эмпирической науки. Назовемъ тѣ вещи, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ, собственно говоря, состоитъ, согласно этому понятію о мірѣ, тѣлесный міръ, и по отношенію къ которымъ имѣютъ силу всѣ тѣ законы, которые нашла послѣдняя естественная наука, „п о с л ѣ д н и м и в е щ а м и“. Спращивается теперь, какую форму должны были бы имѣть понятія о нихъ въ томъ случаѣ, если-бы слѣдовало признать разрѣшенную высшую задачу естествознанія, — построеніе совершенно общей теоріи тѣлеснаго міра.

Мы стараемся разрѣшить этотъ вопросъ единственно на основаннн до сихъ поръ сдѣланныхъ предположеній относительно задачи естественно-научнаго понятія и при этомъ на первыхъ порахъ вовсе не касаемся вопроса о томъ, существуютъ ли и на самомъ дѣлѣ вещи, соответствующія построенному нами логическому идеалу. При нижеслѣдующемъ разсмотрѣннн вопроса имѣется въ виду только указать тѣ условія, при которыхъ становится возможнымъ логически совершенное преодолѣніе безконечнаго тѣлеснаго многообразія естествознаніемъ. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду не что иное, какъ построить идеаль, отнюдь не рѣшая вопроса о томъ, осуществимы ли онѣ. Мы держимся лишь того мнѣннн, что естествознаніе должно развиваться въ направленнн, указываемомъ этимъ идеаломъ, чтобы можно было говорить о прогрессѣ въ его понятіяхъ.

Для достиженія этой цѣли будемъ исходить изъ временной природы данныхъ намъ тѣлесныхъ процессовъ. Всѣ вещи, которыя мы знаемъ, измѣняются. Но всякое измѣненіе проходитъ чрезъ необо-

зримое число различныхъ стадій. Необходимо связанное съ этимъ воззрительное многообразіе не можетъ быть свойственно „послѣднимъ“ вещамъ. Напротивъ того, онѣ должны быть неизмѣнны, и, конечно, онѣ должны быть таковыми не только въ теченіе какого нибудь ограниченнаго времени, но и въ прошломъ и въ будущемъ, ибо общая теорія тѣлеснаго міра должна имѣть силу для всѣхъ временъ. Итакъ намъ приходится допустить, что „послѣднія вещи“ не возникли и неуничтожаемы, такъ какъ всякое возникновеніе или уничтоженіе предполагаютъ измѣненіе въ прошедшемъ или въ будущемъ. Само собой понятно, что неизмѣнность послѣднихъ вещей подразумеваетъ и ихъ недѣлимость, такъ какъ всякое дѣленіе было-бы измѣненіемъ. А разъ вещи недѣлимы, то въ послѣднемъ анализѣ одна изъ нихъ не можетъ отличаться отъ другой и количественно, ибо тогда одна была бы больше нежели другая и большая была бы еще дѣлима. Стало быть, послѣднія вещи количественно совершенно одинаковы другъ съ другомъ, поскольку еще можетъ быть рѣчь о количествѣ, когда дѣло идетъ о недѣлимомъ.

Эту количественную одинаковость послѣднихъ вещей другъ съ другомъ можно вывести также изъ пространственной природы тѣлеснаго міра. Всѣ въ эмпирическомъ возрѣнн данныя намъ въ пространствѣ вещи дѣлимы и ихъ дѣлимость подразумеваетъ необозримое многообразіе. А для того, чтобы это многообразіе могло быть постигнуто, послѣднія вещи должны быть предполагаемы недѣлимыми. Это опять-таки подразумеваетъ ихъ количественную одинаковость, какъ мы только что видѣли. Но безцѣльно прослѣживать различныя пути, приводящіе къ однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ, касающимся природы послѣднихъ вещей. При этомъ вѣдь дѣло идетъ о совершенно простыхъ и почти само собой разумѣющихся положеніяхъ.

Мы должны спеціально обратить вниманіе еще на одинъ только пунктъ. Должно быть разсмотрѣно еще качество послѣднихъ вещей. Правда, само собой разумѣется, что всякая единичная послѣдняя вещь должна не допускать не только никакого количественнаго, но и никакого качественного многообразія. Вѣдь всякое качественное многообразіе въ какой-либо вещи необходимо было-бы связано съ измѣненіемъ или по крайней мѣрѣ съ дѣлимостью, которой, какъ мы знаемъ, не можетъ существовать. Но развѣ при всемъ томъ не могли-ли бы различныя „послѣднія“ вещи качественно отличаться другъ отъ друга? Легко можно показать, что должно быть отвергнуто

и это многообразіе послѣднихъ вещей и что мы вынуждены стало быть, не допускать никакого различія въ послѣднихъ вещахъ.

На первый взглядъ можно было-бы думать, что для нашей цѣли достаточно было-бы предположить ограниченное и доступное обозрѣнію число классовъ послѣднихъ вещей, изъ которыхъ каждый обнаруживалъ бы особое качество. Въ такомъ случаѣ необозримое обиліе качествъ даннаго міра понималось-бы на основаніи этого доступнаго обозрѣнію числа качествъ. Это вѣрно, и въ самомъ дѣлѣ при этомъ предположеніи возможна такая естественная наука, которая обладаетъ уже весьма высокимъ совершенствомъ своихъ понятій. Но, коль скоро мы имѣемъ въ виду идеаль совершенно общей теоріи тѣлеснаго міра, мы все-таки не въ состояніи удовлетвориться этимъ какъ бы то ни было весьма значительнымъ упрощеніемъ даннаго многообразія. Вѣдь нужно не только то, чтобы ограниченное число различныхъ качествъ послѣднихъ вещей было дано намъ лишь въ качествѣ эмпирическаго факта, на которомъ мы успокоивались-бы, но мы должны стремиться къ построенію такой теоріи, обладая которой мы были бы увѣрены въ томъ, что намъ ни въ какомъ случаѣ не встрѣтятся гдѣ бы то ни было въ пространствѣ и когда бы то ни было во времени новыя, быть можетъ необозримо многія качества, не подводимыя ни подъ какое изъ нашихъ понятій. Однако такая увѣренность достижима лишь въ томъ случаѣ, если все качества различныя другъ отъ друга вещи подводимы подъ такое понятіе, которое обнимало бы собой всякое мыслимое качество. Въ этомъ понятіи не должно уже, конечно, заключаться никакихъ такихъ составныхъ частей, которыя оказывались-бы понятіями качественно отличныхъ другъ отъ друга вещей, такъ какъ въ противномъ случаѣ для этихъ вещей необходимо было-бы новое понятіе и т. д. А это означаетъ не что иное какъ то, что въ концѣ концовъ должно быть образовано понятіе единаго послѣдняго неразложимаго качества, какъ виды котораго можно было-бы разсматривать все понятія различныхъ качествъ. Стало быть, такія вещи, которыя въ какомъ либо отношеніи все еще оказываются отличными другъ отъ друга, никогда не могутъ быть „послѣдними вещами“ въ томъ смыслѣ, чтобы благодаря понятію о нихъ можно было вполне понять тѣлесный міръ. Напротивъ того, должно оказываться возможнымъ понимать все отличныя другъ отъ друга вещи какъ составлен-

ныя изъ вещей, которыя во всѣхъ отношеніяхъ одинаковы другъ съ другомъ.

Тотъ результатъ, къ которому мы пришли, можно выразить еще и слѣдующимъ образомъ. Для того, чтобы всякое многообразіе тѣлеснаго міра было доступно обозрѣнію, тѣ послѣднія вещи, изъ которыхъ оно состоитъ, должны быть предполагаемы во всѣхъ отношеніяхъ простыми. А такъ какъ простыя вещи никогда не даны намъ въ эмпирическомъ воззрѣніи, но до сихъ поръ разсмотрѣнныя понятія вещей всегда были понятіями о воззрительныхъ, стало быть необозримо многообразныхъ вещахъ, то уже въ силу этого разсмотрѣнный прежде процессъ упрощенія долженъ былъ совпадать съ устраненіемъ понятій вещей. А коль скоро дѣло идетъ о послѣднихъ вещахъ, стало быть устраненіе понятія вещи невозможно, процессъ упрощенія долженъ приводить къ образованію понятій простыхъ вещей. Стало быть допускать понятія вещей должна и „послѣдняя“ естественная наука, но это не должны уже быть понятія о воззрительныхъ вещахъ. Въ этомъ состоитъ новый родъ упрощенія и образованія понятій, съ которымъ мы встрѣчаемся здѣсь. Все многообразныя, воззрительныя вещи должны разрѣшаться въ простыя, не воззрительныя вещи.

Итакъ послѣдняя естественная наука удерживаетъ всего лишь одно понятіе вещи, понятіе простой вещи. Этотъ результатъ какъ разъ соответствуетъ тому, къ чему мы пришли при разсмотрѣніи понятій законовъ, причемъ и основаніе оказывается тѣмъ же, которое, при разсмотрѣніи прежде занимавшей насъ проблемы, не позволяло намъ успокоиться на множественности послѣднихъ понятій законовъ. Оказалось необходимымъ одно понятіе закона, которому, въ качествѣ его видовъ, подчинены все другія понятія законовъ. Можетъ остаться только одно понятіе вещи, подъ которое могутъ быть подведены все различныя тѣлесныя вещи въ мірѣ. И то и другое — требованія чисто логическія, такъ какъ лишь въ такомъ понятіи о мірѣ совершенно преодѣвалось-бы все многообразіе воззрительной дѣйствительности и дѣйствительно дѣлался бы понятнымъ въ цѣломъ и въ частностяхъ тѣлесный міръ.

Мы должны еще указать на одинъ лишь пунктъ, чтобы дополнить выработанное такимъ образомъ понятіе міра и выяснить сущность естественно-научнаго образованія понятій въ ея наиболѣе совершенной формѣ. Вѣдь и въ этомъ понятіи міра все еще заключается много-

образіе и при томъ оно оказывается на лицо даже въ двоякомъ отношеніи. Если даже всякая послѣдняя вещь сама по себѣ совершенно проста и одинакова съ каждой другой, то все-же прежде всего число послѣднихъ вещей остается неограниченнымъ, или, если бы это оспаривалось на томъ основаніи, что въ понятіи неограниченнаго числа заключается противорѣчіе, это число во всякомъ случаѣ остается эмпирически необозримымъ, а затѣмъ необозримо многія вещи могутъ вступить въ необозримо многія отношенія другъ къ другу. Безконечность тѣлеснаго міра какъ бы скрылась въ этомъ числѣ послѣднихъ вещей и тѣхъ отношеній, въ которыхъ онѣ находятся другъ къ другу. Это было необходимо, такъ какъ она вѣдь должна была гдѣ либо найти свое мѣсто. Вѣдь мы сочли-бы, что естественно-научное образованіе понятій изображаетъ міръ въ ложномъ свѣтѣ, если бы необозримая вселенная представлялась въ понятіяхъ въ формѣ ограниченной дѣйствительности. Почему-же насъ уже не смущаетъ это многообразіе послѣднихъ вещей и это многообразіе ихъ взаимныхъ отношеній?

Разрѣшеніе этого вопроса приводитъ насъ къ проблемѣ, обстоятельное обсужденіе которой въ связи съ этимъ вопросомъ не входитъ въ нашу задачу, но которую мы должны по крайней мѣрѣ намѣтить, чтобы довести до конца этотъ критическій обзоръ. Дѣло идетъ о значеніи математики для образованія понятій естествознанія. До сихъ поръ мы намѣренно не касались математическихъ понятій, такъ какъ ихъ логическія особенности не имѣютъ значенія для нашей цѣли. Здѣсь, однако, заходитъ вопросъ и о математикѣ, какъ о средствѣ для упрощенія тѣлеснаго міра и, поскольку она имѣетъ это значеніе, мы должны по крайней мѣрѣ указать на него. Однако здѣсь мы довольствуемся установленіемъ факта, не изслѣдуя детальнѣе, на чемъ онъ основывается. Математика вѣдь не принадлежитъ къ естественнымъ наукамъ въ нашемъ смыслѣ. Она имѣетъ дѣло не съ дѣйствительными тѣлами и поэтому у ея объектовъ отсутствуетъ тотъ родъ многообразія, которымъ обладаетъ всякое эмпирическое воззрѣніе.

Разсмотримъ прежде всего число послѣднихъ вещей. Во всякомъ случаѣ его многообразіе потому уже не оказывается служащимъ помѣхой элементамъ въ понятіи о тѣлесномъ мірѣ, что рядъ чиселъ никогда не бываетъ необозримымъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ необозримо эмпирическое воззрѣніе. Мы знаемъ законъ этого ряда чи-

сель, т. е. мы знаемъ, что сколько-бы мы ни считали, въ ряду чиселъ намъ никогда не можетъ встрѣтиться что либо принципиально новое ¹⁾. Достаточно поэтому, если упрощеніе произведено на столько, что остается всего лишь многообразіе ряда чиселъ. Но, если послѣднія вещи просты и совершенно одинаковы между собой, дѣло обстоитъ именно такъ. Тогда-то число ихъ, которое образуетъ міровое цѣлое или какую-либо часть тѣлеснаго міра, можетъ имѣть любую величину, такъ какъ всякое число подходитъ подъ такое понятіе, которое обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что оно обнимаетъ любую

¹⁾ При этомъ, конечно, сдѣлано предположеніе, что извѣстныя повѣйшія математическія понятія, какъ-то понятіе „сверхконечныхъ чиселъ“ (transfinite Zahlen) не приложимы къ дѣйствительности. Но вѣдь никто, конечно, не станетъ думать, чтобы имѣло смыслъ говорить, что какое-нибудь тѣло состоитъ изъ ω или изъ $\omega + 1$ послѣднихъ вещей. См. G. Cantor. Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre и B. Kerry. System einer Theorie der Grenzbegriffe, S. 38 ff. Die Unendlichkeit der Anzahlenreihe.

Примѣчаніе переводчика. Это предположеніе Риккертга о неприменимости сверхконечныхъ чиселъ къ дѣйствительности отнюдь не раздѣляется самимъ основателемъ теоріи „сверхконечныхъ чиселъ“. „Считаю необходимымъ резюмировать основныя положенія этой теоріи (конечно въ выраженіяхъ самого Г. Кантора), поскольку такое резюмирование осуществимо безъ приведенія специально-математическихъ доказательствъ положеній этой теоріи. Въ статьѣ „Ueber unendliche Punktmannigfaltigkeiten“ (Mathematische Annalen XXI Bd., S. Heft: 1883, 5, § 1) Г. Канторъ говоритъ: „Изложеніе моихъ изслѣдованій по теоріи многообразія*) дошло до такого пункта, гдѣ его продолженіе требуетъ расширенія понятія дѣйствительнаго цѣлаго числа за до сихъ поръ полагаемые ему предѣлы, при чемъ это расширеніе совершается въ такомъ направленіи, въ которомъ его, насколько мнѣ извѣстно, никто не пытался производить... Дѣло

*) Подъ многообразіемъ разумѣю вообще всякое многое, которое можетъ мыслиться какъ единое, т. е. всякую совокупность опредѣленныхъ элементовъ, которая можетъ быть объединена въ нѣкоторое цѣлое по нѣкоторому закону, а я полагаю, что я опредѣляю при этомъ нѣчто родственное Платоновскому εἶδος или ἰδέα, а также и тому, что Платонъ въ своемъ діалогѣ «Филебъ или высшее благо» называетъ σοφρον. Онъ противопоставляетъ это послѣднее тому, что онъ называетъ ἀπειρον, т. е. неограниченному, неопредѣленному, которое я называю безконечнымъ въ переносномъ смыслѣ (uneigentlich-unendliches), а равно и τετρας, т. е. предѣлу и признаетъ его упорядоченнымъ «смѣшеніемъ» этихъ послѣднихъ».

величину. Тогда, как мы можем теперь сказать, всякій процесс тѣлеснаго міра можетъ быть подведенъ подъ понятіе комплексовъ послѣднихъ вещей, которые, что касается этихъ вещей, отличаются другъ отъ друга лишь числомъ ихъ и, слѣдовательно, математически понятны.

Однако въ мірѣ остается многообразіе не только въ числѣ вещей, но, какъ уже было указано, оно оказывается на лицо и въ различіи тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся другъ къ другу послѣднія вещи и въ измѣненіи этихъ отношеній. Правда, въ понятіяхъ законовъ мы уже открыли средство для преодоленія такого многообразія.

идеть о продолженіи ряда дѣйствительныхъ цѣлыхъ чиселъ далѣе безконечности и, какъ бы смѣлымъ это ни казалось, я не могу не выразить не только надежды, но и твердаго убѣжденія, что современемъ это расширеніе понятія числа придется признать вполне простымъ, цѣлесообразнымъ и естественнымъ. Что касается математическаго безконечнаго, поскольку оно по сію пору находило себѣ законное примѣненіе въ наукѣ и способствовало пользѣ послѣдней, оно, какъ мнѣ кажется, играло роль главнымъ образомъ въ значеніи нѣкоторой переменнѣй, или возрастающей далѣе зѣскаго предѣла, или какъ угодно убывающей, но всегда остающейся конечной величины. Я называю это безконечное безконечнымъ въ переносномъ смыслѣ (*das Uneigentlich-unendliche*). Но наряду съ нимъ за послѣднее время, какъ въ геометріи, такъ и специально въ теоріи функцій, выработался иной столь же правомѣрный родъ понятій о безконечности, напр., при изслѣдованіи аналитической функціи комплексной переменнѣй величины необходимо и стало общепринятымъ мыслить себѣ на плоскости комплекснаго переменнаго одну единственную, безконечно удаленную, но опредѣленную точку и изслѣдовать характеръ функціи въ смежности съ этой точкой точно такъ же, какъ и въ смежности съ любой иной точкой: при этомъ оказывается, что характеръ функціи въ смежности съ безконечно удаленной точкой, представляетъ какъ разъ такія же свойства, какъ и во всякой другой, расположенной на конечномъ разстояніи точкѣ, такъ что отсюда вытекаетъ, что вполне правомѣрно мыслить себѣ безконечное въ этомъ случаѣ въ совершенно опредѣленной точкѣ. Если безконечное является въ такой опредѣленной формѣ, я называю его безконечнымъ въ подлинномъ смыслѣ (*Das Eigentlich-unendliche*).—Эти два вида безконечнаго слѣдуетъ строго различить другъ отъ друга для пониманія дальнѣйшаго. Въ

Но лишь узнавъ природу послѣднихъ вещей, можно точнѣе указать, въ какомъ смыслѣ и множественность ихъ отношеній не оказывается необозримой и непостижимой, и благодаря этому еще нѣсколько дополнить то, что мы сказали относительно понятій отношеній и законовъ, необходимыхъ для преодоленія эмпирическаго многообразія.

Какъ мы знаемъ, дѣло идетъ о тѣлесномъ мірѣ въ пространствѣ и во времени. Такъ какъ въ послѣднихъ вещахъ не можетъ оказываться на лицо качественныхъ различій, то и все различіе и всякое измѣненіе въ отношеніяхъ этихъ послѣднихъ вещей должны быть сводимы на различныя пространственныя и временныя опредѣленія,

первой формѣ, какъ безконечное въ переносномъ смыслѣ, оно представляется переменнымъ конечнымъ, во второй формѣ, въ которой я называю его безконечнымъ въ подлинномъ смыслѣ, оно является, какъ совершенно опредѣленное безконечное. Безконечныя дѣйствительныя цѣлыя числа, которыя я опредѣляю далѣе, и къ допущенію которыхъ я пришелъ уже много лѣтъ тому назадъ, не сознавая однако, что это—конкретныя числа, имѣющія реальное значеніе. Я называлъ ихъ до сихъ поръ „опредѣленными символами безконечности“ (*bestimmt definirte Unendlichkeitsymbole*). (См. *Math Ann.* Bd. XVII, 357, Bd. XX, p. 113, Bd. XXI, p. 54), не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ первой изъ этихъ двухъ формъ, съ безконечнымъ въ переносномъ смыслѣ; напротивъ того, имъ свойствененъ тотъ же характеръ опредѣленности, какой мы находимъ въ безконечно удаленной точкѣ въ аналитической теоріи функцій, стало быть, они принадлежатъ къ видамъ безконечнаго въ подлинномъ смыслѣ.—Но тогда какъ безконечно удаленная точка на плоскости комплекснаго переменнаго одиноко противостоитъ всѣмъ расположеннымъ на конечныхъ разстояніяхъ точкамъ, у насъ получается не одно только единственное безконечное число, но безконечный рядъ безконечныхъ чиселъ, которыя отличны другъ отъ друга и находятся въ законномъ отношеніяхъ какъ другъ къ другу, такъ и къ конечнымъ цѣлымъ числамъ, при чемъ разсмотрѣніе этихъ отношеній составляетъ задачу теоріи чиселъ. Эти отношенія отнюдь не сводимы на отношенія конечныхъ чиселъ другъ къ другу... но по существу дѣла отличаются отъ зависимостей, существующихъ между конечными числами, хотя мыслимо, что сами конечныя дѣйствительныя числа могутъ получить нѣкоторыя новыя опредѣленія благодаря опредѣленно-безконечнымъ числамъ. Тѣ

т. е. надлежит мыслить себѣ, что и изъ отношеній вещей другъ къ другу удалено всякое качественное многообразіе. Или: неизмѣнное можетъ измѣнять лишь свое положеніе въ пространствѣ, стало-быть, всякое измѣненіе въ отношеніяхъ послѣднихъ вещей другъ къ другу должно оказываться движеніемъ.

Приходится, правда, предположить необозримо большое число различныхъ движеній. Въ этомъ многообразіи скрывается необозримость эмпирическаго измѣненія вещей въ томъ же смыслѣ, какъ прежде многообразіе бесконечно многихъ единичныхъ формъ — въ необозримо большомъ числѣ послѣднихъ вещей. Но это многообразіе движеній

два принципа образованія чиселъ, при помощи которыхъ опредѣляются новыя опредѣленно бесконечныя числа, таковы, что, благодаря ихъ совокупному дѣйствию, можно преодолѣть всякій предѣлъ при образованіи дѣйствительныхъ цѣлыхъ чиселъ; къ счастью, однако, къ нимъ присоединяется третій принципъ, который я называю принципомъ ограниченія, благодаря которому вполне бесконечному процессу образованія полагаются извѣстные послѣдовательные предѣлы, такъ что у насъ получаютъ естественные отдѣлы въ абсолютно-бесконечной послѣдовательности цѣлыхъ дѣйствительныхъ чиселъ, и эти отдѣлы я называю классами чиселъ.

Первый классъ чиселъ (I) — множество конечныхъ цѣлыхъ чиселъ: 1, 2, 3, . . . , ν , . . . , за ними слѣдуетъ второй классъ чиселъ (II), состоящій изъ извѣстныхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ опредѣленной послѣдовательности, бесконечныхъ цѣлыхъ чиселъ, затѣмъ, лишь по опредѣленіи второго класса чиселъ, мы переходимъ къ третьему, четвертому и т. д. Затѣмъ Канторъ опредѣляетъ понятіе о „мощности“ („Mächtigkeit“), свойственной всякому „множеству“ („Menge“), какъ то общее понятіе, которое вытекаетъ изъ „множества“ M (т. е. всякаго объединенія M опредѣленныхъ различныхъ объектовъ m нашего воззрѣнія или нашего мышленія, которые называются „элементами“ M , въ нѣкоторое цѣлое) благодаря нашей активной мыслительной способности такимъ образомъ, что мы отвлекаемся при разсмотрѣніи множества отъ природы его различныхъ элементовъ m „а также и отъ всѣхъ отношеній, элементовъ, какъ другъ къ другу, такъ и къ другимъ вещамъ, стало быть въ частности и отъ порядка, въ которомъ расположены элементы и обращаемъ вниманіе лишь на то, что есть общаго во всѣхъ множествахъ, эквивалентныхъ M . А два множества я называю эквивалентными, когда они могутъ быть взаимно приурочены другъ къ другу, элементъ къ элементу“, (Mathematische Annalen, 46 Band. 1895.

оказывается необозримымъ опять таки не въ томъ смыслѣ, въ которомъ необозрима воззрительная дѣйствительность. Напротивъ того, движенія послѣднихъ вещей могутъ быть выражены какъ математическія величины, у которыхъ нѣтъ многообразія эмпирическаго воззрѣнія. Ихъ можно мыслить себѣ распределенными въ ряды такимъ образомъ, что они образуютъ нѣчто непрерывное (ein Continuum), причемъ понятіе такового обнимаетъ движенія всякой мыслимой или какой угодно величины. И здѣсь, стало-быть, мы приходимъ къ тому, что всякое отношеніе послѣднихъ вещей другъ къ другу подводимо подъ понятіе нѣкотораго непрерывнаго ряда. И съ этой точки зрѣнія

Zur Begründung der Transfiniten Mengenlehre. § 1). Оказывается, что „для конечныхъ „множествъ“ „мощность“ совпадаетъ съ числомъ элементовъ, ибо такія „множества“ имѣютъ одно и то же число элементовъ при любомъ порядкѣ (Anordnung). Когда же дѣло идетъ о бесконечныхъ „множествахъ“, то до сихъ поръ вообще не было рѣчи о точно опредѣленномъ количествѣ элементовъ, но и имъ можно было приписать опредѣленную, совершенно независимую отъ ихъ порядка „мощность“. Наименьшую „мощность“ бесконечныхъ „множествъ“ надлежало приписать тѣмъ „множествамъ“, которыя взаимно однозначно приурочиваются къ первому классу чиселъ и поэтому имѣютъ съ нимъ одинаковую мощность.

Далѣе Канторъ опредѣляетъ мощности высшаго порядка и вводитъ понятіе о количествѣ (Anzahl) элементовъ „упорядоченнаго Wohlgeordnete) бесконечнаго многообразія“, Существеннѣйшее различіе между конечными и бесконечными множествами оказывается въ томъ, что конечное множество представляетъ одно и то же количество элементовъ, при всякой послѣдовательности, которую можно дать ихъ элементамъ, напротивъ того, множеству, состоящему изъ бесконечно многихъ элементовъ, соотвѣтствуютъ различныя количества элементовъ, смотря по той послѣдовательности, въ которой берутся элементы... Каждое множество, обладающее мощностью первого класса, исчислимо при посредствѣ чиселъ второго класса и лишь при посредствѣ таковыхъ, и при томъ множеству всегда можетъ быть придана такая послѣдовательность его элементовъ, что въ этой послѣдовательности оно исчисляется любымъ даннымъ числомъ второго класса чиселъ, выражающимъ количество элементовъ множества по отношенію къ этой послѣдовательности. Аналогичные же законы имѣютъ силу и для множествъ высшихъ мощностей. Такъ всякое упорядоченное множество мощности второго

необозримое многообразіе міра опять таки превращается въ математическое и, слѣдовательно, доступное обозрѣнію многообразіе. Вѣдь какъ бы далеко мы ни продолжали такой рядъ, въ немъ такъ же мало, какъ и въ рядѣ чиселъ можетъ встрѣтиться намъ что-либо принципиально новое или неизвѣстное. Напротивъ того, обиліе различныхъ движеній вполне постижимо въ системѣ математически сформулированныхъ законовъ движенія.

Благодаря этому мы дошли наконецъ до завершения понятія о мірѣ, которое мы должны установить въ качествѣ логическаго идеала естественно-научнаго образованія понятій и въ приближеніи къ кото-

класса исчислимо при посредствѣ чиселъ третьяго класса и лишь при посредствѣ таковыхъ и множеству всегда можетъ быть придана такая послѣдовательность его элементовъ, что оно въ этой послѣдовательности исчисляется при посредствѣ любого даннаго числа третьяго класса чиселъ, опредѣляющаго количество элементовъ множества по отношенію къ указанной послѣдовательности.

Основнымъ понятіемъ всего ученія о многообразіи оказывается понятіе „упорядоченнаго множества“ (der Wohlgeordneten Menge)... Изъ этого понятія простѣйшимъ образомъ вытекаютъ основныя дѣйствія съ цѣлыми, конечными или опредѣленно-безконечными числами и законы этихъ дѣйствій выводятся съ аподиктической достовѣрностью изъ непосредственной интуиціи (innere Anschauung). Пусть даны два упорядоченныя множества M и M' которымъ, какъ количества элементовъ соотвѣтствуютъ α и β , тогда $M + M'$, опять-таки есть упорядоченное множество, возникающее, если сперва полагается множество M , а затѣмъ полагается множество M' и присоединяется къ множеству M . Въ такомъ случаѣ множеству $M + M'$, по отношенію къ имѣющейся тогда послѣдовательности его элементовъ, соотвѣтствуетъ, какъ количество элементовъ, опредѣленное число: это число называется суммой α и β и обозначается $\alpha + \beta$; при этомъ оказывается, что если α и β не суть оба конечны, то $\alpha + \beta$ вообще отлично отъ $\beta + \alpha$. Итакъ коммутативный законъ перестаетъ вообще имѣть силу уже для сложенія... Ассоціативный законъ вообще оказывается имѣющимъ силу. Въ частности $\alpha + (\beta\gamma) = (\alpha + \beta) + \gamma$...

Въ вообще отлично отъ $\alpha\beta$; напротивъ того $\alpha(\alpha\gamma) = (\alpha\beta)\gamma$... Нѣкоторыя изъ новыхъ чиселъ отличаются отъ другихъ тѣмъ, что они суть числа первоначальныя, но здѣсь свойство послѣднихъ должно

рому состоитъ логическая задача „последней естественной науки“.

Послѣ того, какъ мы выработали это понятіе, вернемся еще разъ къ мысли, намѣченной нами въ началѣ этого изслѣдованія. Тамъ мы должны были предотвратить недоразумѣніе, состоящее въ томъ, будто утверждаемое нами безконечное многообразіе воззрительной дѣйствительности есть не что иное, какъ понятіе нѣкоторой, разложимой на безконечное множество математическихъ точекъ, непрерывной среды. Теперь мы можемъ вполне ясно видѣть, какъ мало общаго имѣютъ другъ съ другомъ оба эти рода безконечности, изъ которыхъ одинъ мы можемъ охарактеризовать какъ безконечность эм-

быть охарактеризовано опредѣленнѣе, при чемъ подъ первоначальнымъ числомъ разумѣется такое число α , для котораго разложене $\alpha = \beta\gamma$, гдѣ β есть множитель, возможно не иначе, какъ въ случаѣ, если $\beta = 1$ или $\beta = \alpha$; напротивъ того, множимое и когда дѣло идетъ о первоначальныхъ числахъ α остается до нѣкоторой степени неопредѣленнымъ... Оказывается, что существуютъ два рода опредѣленно безконечныхъ первоначальныхъ чиселъ, изъ которыхъ одинъ болѣе приближается къ конечнымъ первоначальнымъ числамъ, тогда какъ первоначальныя числа второго рода имѣютъ совершенно иной характеръ *). Я нахожу точки соприкосновенія съ моими взглядами въ философскихъ воззрѣніяхъ Платона, Николая Кузанскаго и Джордано Бруно. Но существенное различіе состоитъ въ томъ, что я разъ навсегда фиксирую въ понятіяхъ различныя градациі безконечнаго въ подлинномъ смыслѣ въ классахъ чиселъ (I), (II), (III) и т. д. и впервые ставлю себѣ задачей не только математически изслѣдовать отношенія свѣрхконечныхъ чиселъ, но и констатировать и прослѣживать ихъ всюду, гдѣ они встрѣчаются въ природѣ“. Далѣе, разбирая возраженія Аристотеля противъ реальности безконечнаго, Канторъ говоритъ: „къ безконечному числу, если оно мыслится, какъ опредѣленное и законченное, конечно, можетъ быть прибавлено и соединено съ нимъ конечное число, при чемъ послѣднее вовсе не уничтожается; напротивъ того, безконечное число видоизмѣняется благодаря такому

*) А именно: если η есть такое первоначальное число второго рода, то всегда $\eta x = \eta$, коль скоро x есть какое либо число, меньшее, чѣмъ η ; изъ этого слѣдуетъ, что, если α и β суть какія либо два числа, которыя оба меньше чѣмъ η , то всегда и произведеніе $\alpha\beta$ меньше чѣмъ η . Эти

числа суть: ω ω^2 ω^3 ...
 ω , ω , ω

пирическаго воззрѣнія, а другой — какъ безконечность математически — отвлеченную (*begriffliche*). Напротивъ того, мы должны прямо таки противопоставить ихъ другъ другу, такъ какъ одного рода безконечность исключаетъ другую. Благодаря математической обработкѣ естественныхъ наукъ, мы удаляемъ ту безконечность, которую представляетъ намъ воззрительная дѣйствительность и которую мы, при неспособности нашего сознанія дать себѣ ясный отчетъ въ многообразіи дѣйствительности во всѣхъ его деталяхъ, переживаемъ какъ фактъ. Мы ставимъ на ея мѣсто математическое понятіе нѣкотораго состоящаго изъ сколькихъ угодно частей непре-

присоединенію къ нему конечнаго числа; лишь обратный процессъ, присоединеніе безконечнаго числа къ конечному, если это послѣднее полагается сперва, вызываетъ уничтоженіе его, при чемъ безконечное число не измѣняется.—Это истинное соотношеніе между конечнымъ и безконечнымъ, которое совершенно упустилъ изъ виду Аристотель, могло бы оказаться плодотворнымъ не только въ анализѣ, но и въ другихъ наукахъ, въ особенности въ естествознаніи...“

„Къ мысли о томъ, чтобы разсматривать безконечно-великое не только въ формѣ неограниченно возрастающихъ и въ находящейся въ тѣсной связи съ нею формѣ впервые введенныхъ въ XVII-мъ столѣтіи сходящихся безконечныхъ рядовъ, но и въ опредѣленной формѣ законченно-безконечнаго математически фиксировать его въ числахъ, я логически принужденъ былъ послѣ многолѣтнихъ усилій и попытокъ придти почти вопреки своему желанію, такъ какъ эта мысль находилась въ противорѣчій со ставшими дорогими мнѣ традиціями. Говоря о традиціяхъ, я имѣю въ виду въ особенности мнѣнія основателей новѣйшей философіи. Вотъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ мѣстъ первоисточниковъ: *Locke, Essay o. h. u. lib. II. Cap. XVI, и XVII. Descartes Principia I, 26. Spinoza, письмо XXIX, cogitata metaph. pars. I и II. Leibnitz, Ed. Erdmann. p. 138, 244, 436, 744, Hobbes de Cortore, Cap. VII, 11; Berkeley, treatise on the princ. of hum. Knowledge CXX VIII—CXXXI*

Болѣе убѣдительныхъ основаній противъ введенія безконечныхъ чиселъ, какъ тѣ, которыя формулированы этими писателями, и теперь нельзя придумать... Какъ ни различны ученія этихъ авторовъ, они согласны между собой по вопросу о конечномъ и безконечномъ въ томъ отношеніи, что понятіе числа требуетъ его конечности... Я же утверждаю, что за конечнымъ и безконечнымъ находится *Trans-*

рывнаго ряда, чтобы, такимъ образомъ, исполнѣ упростить данную дѣйствительность. Поэтому мы можемъ прямо таки признать обращеніе всякой необозримой безконечности эмпирическаго воззрѣнія въ доступную обзорѣнію математическую безконечность послѣдней и окончательной задачей обработки тѣлеснаго міра при посредствѣ понятій. Безконечность дѣйствительности необозрима потому, что всякая изъ ея частей имѣетъ свою своеобразную форму и отличается отъ всѣхъ другихъ частей. Математическая безконечность нѣкотораго непрерывнаго ряда доступна обзорѣнію потому, что мы можемъ выхватить какой угодно членъ и въ немъ найти уже все, что касается всѣхъ членовъ ряда.

finitum (которое можно назвать также *Supra finitum*), т. е. неограниченная градація модусовъ, которые по своей природѣ не конечны, но безконечны, но которые, такъ же какъ и конечное, могутъ быть опредѣлены при посредствѣ исполнѣ опредѣленныхъ и отличныхъ другъ отъ друга чиселъ. Итакъ, по моему убѣжденію, конечными величинами не исчерпывается область допускающихъ опредѣленіе величинъ... Если ω есть первое число второго класса чиселъ, то имѣемъ: $1 + \omega = \omega$ напротивъ того, $\omega + 1 = (\omega + 1)$, гдѣ $(\omega + 1)$ есть число исполнѣ отличное отъ ω . Итакъ, вся суть въ положеніи конечнаго относительно безконечнаго... Въ силу совершенно своеобразной природы новыхъ чиселъ часто въ одномъ и томъ же числѣ совмѣщаются признаки, оказывающіеся диспаратными, когда дѣло идетъ о конечныхъ числахъ... Число $\omega = \omega$, 2 и $\omega = 1 + \omega$, 2. Итакъ, ω можетъ быть разсматриваемо и какъ четное и какъ нечетное число. Съ другой точки зрѣнія, если 2 берется, какъ множитель, можно сказать также, что ω не есть ни четное, ни нечетное число, такъ какъ ω не можетъ быть представлено ни въ формѣ 2. α , ни въ формѣ $2\alpha + 1$. Затѣмъ Канторъ характеризуетъ отношеніе своей теоріи „безконечнаго въ подлинномъ смыслѣ“ къ воззрѣніямъ Спинозы (спеціально къ теоріи модусовъ послѣдняго), Лейбница, въ особенности же Болъцано (*Paradoxien des Unendlichen 1851*)... Классы чиселъ получаютъ слѣдующимъ образомъ: рядъ цѣлыхъ положительныхъ дѣйствительныхъ чиселъ 1, 2, 3 . . . ν , . . . возникаетъ благодаря повторяемому полаганію (*Setzung*) и объединенію единицъ, число ν есть выраженіе какъ для опредѣленнаго конечнаго количества такихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ единицъ, такъ и для объединенія полагаемыхъ единицъ. Итакъ, образованіе конечныхъ цѣлыхъ дѣйствительныхъ чиселъ основывается на принципѣ при-

Въ концѣ этого отдѣла намъ приходится еще заняться теперь вопросомъ: насколько найденное понятіе послѣднихъ вещей, безъ котораго не можетъ обойтись и логически совершенная общая теорія тѣлеснаго міра, можетъ быть подведено подъ нашу теорію, согласно которой логическій идеаль естественно-научнаго понятія состоитъ изъ сужденій, которыя опредѣляютъ его и въ то же время благодаря ихъ обязательности (Geltung), придаютъ ему необходимую безусловную общность.

При разрѣшеніи этого вопроса прежде всего подлежитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что содержаніе такого понятія, кото-

соединенія единицы къ имѣющемуся уже образованному числу; я называю этотъ моментъ, играющій роль и при образованіи цѣлыхъ чиселъ вышихъ классовъ, первымъ принципомъ образованія. Количество должствующихъ такимъ образомъ быть образованными чиселъ класса (I) безконечно велико, и между ними нѣтъ наибольшаго числа. Какъ ни противорѣчиво было-бы, слѣдовательно, говорить о наибольшемъ числѣ класса (I), однако, съ другой стороны, нѣтъ ничего страннаго мыслить себѣ нѣкоторое новое число—назовемъ его ω —*) которое должно служить выраженіемъ того, что дана вся совокупность (I) въ его естественной законмѣрной послѣдовательности. (Подобно тому какъ ν служитъ выраженіемъ того, что нѣкоторое конечное количество единицъ сочетается въ одно цѣлое). Можно даже мыслить себѣ вновь образованное число ω , какъ предѣлъ, къ которому стремятся числа ν , если подъ этимъ разумѣть не что иное, какъ то, что ω должно быть первымъ цѣлымъ числомъ, которое слѣдуетъ за всѣми числами ν , „причемъ $\omega - \nu$ всегда равно ω “ (Mittheilungen zur Lehre vom Transfiniten, т. е. должно быть названо большимъ, чѣмъ каждое изъ чиселъ ν . Затѣмъ, съ помощью перваго принципа образованія получаютъ дальнѣйшія числа

$$\omega + 1, \omega + 2, \dots, \omega + \nu, \dots;$$

Такъ какъ при этомъ у насъ не получается наибольшаго числа, то мы мыслимъ себѣ новое число, которое можно назвать 2ω и которое должно быть первымъ числомъ, слѣдующимъ за всѣми пред-

*) Знакъ ∞ , которымъ я прежде пользовался, я замѣняю отнынѣ знакомъ ω , такъ какъ знакъ ∞ зачастую употребляется уже для обозначенія неопредѣленныхъ безконечныхъ.—(Въ статьѣ Beiträge Zur Begründung der transfiniten Mengenlehre, (Math. Ann. 46 Bd.), Канторъ обозначаетъ совокупность всѣхъ конечныхъ цѣлыхъ дѣйствительныхъ чиселъ знакомъ \aleph_0 (Alef null) и доказываетъ, что это число \aleph_0 есть наименьшее свѣрхконечное число.

рое не относится къ возрительнымъ вещамъ, также никогда не можетъ состоять изъ представленій, при чемъ для такого понятія послѣднихъ вещей нельзя найти даже замѣщающихъ представленій (eine Vorstellungsmässige Stellvertretung). Прежде всего мы можемъ судить на основаніи этого, насколько достигимъ съ помощью такихъ понятій вещей окончательный идеаль совершеннаго опредѣленія понятія. Совершенное опредѣленіе понятія было невыполнимо, пока изъ содержанія понятія нельзя было устранить возрительнаго замѣщенія, которымъ всегда должно служить неопредѣленное значеніе слова. Представляя же себѣ содержаніе понятія послѣднихъ вещей, мы должны при этомъ

шествовавшими числами ν и $\omega + \nu$; примѣняя затѣмъ къ числу 2ω первый принципъ, послѣдовательно получаемъ:

$$2\omega + 1, 2\omega + 2, \dots, 2\omega + \nu, \dots,$$

какъ продолженіе предшествовавшихъ чиселъ.

Очевидно, что логическая функція, доставившая намъ оба числа ω и 2ω отлична отъ перваго принципа образованія; я называю ее вторымъ принципомъ образованія цѣлыхъ дѣйствительныхъ чиселъ и опредѣляю его такимъ образомъ: если имѣется какая либо опредѣленная послѣдовательность опредѣленныхъ цѣлыхъ дѣйствительныхъ чиселъ, изъ которыхъ нѣтъ наибольшаго, то на основаніи этого втораго принципа образованія образуется новое число, которое мыслится, какъ предѣлъ упомянутыхъ чиселъ, т. е. опредѣляется, какъ ближайшее большее всѣхъ ихъ число.

Благодаря комбинированному примѣненію обоихъ принциповъ образованія, послѣдовательно получаютъ слѣдующія продолженія нашихъ до сихъ поръ образованныхъ чиселъ:

$$\begin{aligned} & 3\omega, 3\omega + 1, \dots, 3\omega + \nu, \dots \\ & \dots \\ & \mu\omega, \mu\omega + 1, \dots, \mu\omega + \nu, \dots \\ & \dots \end{aligned}$$

Но и этимъ не достигается завершеніе, такъ какъ изъ чиселъ $\mu\omega + \nu$ равнымъ образомъ ни одно не есть наибольшее. Итакъ, второй принципъ образованія побуждаетъ насъ къ введенію ближайшаго, слѣдующаго за всѣми числами $\mu\omega + \nu$ числа, которое можно назвать ω^2 , къ которому въ опредѣленной послѣдовательности примыкаютъ числа,

$$\lambda\omega^2 + \mu\omega + \nu,$$

и, примѣняя оба принципа образованія чиселъ, мы очевидно, приходимъ къ числамъ слѣдующей формы:

$$\nu_0\omega^{\mu_0} + \nu_1\omega^{\mu_1} - 1 + \nu_{\mu} - 1\omega + \nu_{\mu}$$

отрицать все, что намъ извѣстно о данныхъ въ эмпирическомъ воззрѣніи многообразныхъ вещахъ. Последнія вещи не дѣлимы, не измѣнны, не возникли, не уничтожаемы и т. д. Въ примѣненіи къ тѣламъ и, повидимому, положительный признакъ простоты оказывается такъ же лишь отрицаніемъ. Такимъ образомъ, изъ содержанія понятія послѣднихъ вещей исключено все, что могло-бы влечь за собой неопредѣленность. Правда, опредѣленіе сплошь отрицательно, но тѣмъ не менѣе оно вполне однозначно, такъ какъ въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ пригодныхъ отрицательныхъ понятіяхъ, дѣло идетъ о двучленныхъ дисъюнкціяхъ. Всѣ вещи, которыя даны намъ, многообразны

но второй принципъ побуждаетъ насъ затѣмъ къ полаганію новаго числа, долженствующаго быть ближайшимъ большимъ, чѣмъ всѣ эти числа и которое можно обозначить:

$$\omega^\omega.$$

Образованіе новыхъ чиселъ не имѣетъ конца; благодаря примѣненію общихъ принциповъ образованія, получаютъ все новые числа и ряды чиселъ, имѣющіе вполне опредѣленную послѣдовательность. Сперва кажется, будто при этомъ способѣ образованія новыхъ цѣлыхъ опредѣленно-бесконечныхъ чиселъ, мы не въ состояніи хотя бы временно извѣстнымъ образомъ завершить этотъ бесконечный процессъ, чтобы получить, благодаря этому ограниченію, аналогичное тому, которое, по отношенію къ классу чиселъ (I), въ извѣстномъ смыслѣ фактически существовало: тамъ примѣнялся лишь первый принципъ образованія и благодаря этому было невозможно выйти изъ ряда (I). Но второй принципъ образованія долженъ былъ не только вести за предѣлы прежней области чиселъ, но и, во всякомъ случаѣ, оказываться средствомъ, которое въ соединеніи съ первымъ принципомъ образованія даетъ возможность итти далѣе всякаго предѣла въ образованіи понятій цѣлыхъ дѣйствительныхъ чиселъ.

Замѣтивъ однако, что всѣ до сихъ поръ полученные числа и непосредственно слѣдующія за ними удовлетворяютъ одному условію, при чемъ это условіе, разъ оно обращается въ требованіе, которому должны удовлетворять всѣ непосредственно за тѣмъ долженствующія быть образованными числа, оказывается третьимъ принципомъ, присоединяющимся къ двумъ вышеупомянутымъ: мы назовемъ его принципъ задержки или ограниченія. Этотъ принципъ обуславливаетъ, что опредѣляемый при его участіи второй классъ чиселъ

и обнаруживаютъ все, чего не должны имѣть послѣднія вещи. Поэтому совершенно исключена возможность того, чтобы понятіе послѣдней вещи когда либо было смѣшиваемо съ понятіемъ другой вещи. Но то, что еще остается отъ тѣлеснаго міра въ понятіи, которое мыслится логически совершеннымъ, сводится къ чисто-математическимъ многообразіямъ, которыя не только доступны обзорѣнію, но равнымъ образомъ и совершенно свободны отъ неопредѣленности, такъ какъ въ нихъ не содержится никакого эмпирическаго воззрѣнія. Вѣдь неопредѣленность получалась у насъ лишь какъ слѣдствіе эмпирическаго воззрѣнія. Стало-быть, понятіе послѣднихъ вещей прежде

не только получаетъ высшую мощностъ, чѣмъ (I), но и какъ разъ ближайшую мощностъ, стало быть вторую.

Упомянутое условіе, которому удовлетворяетъ каждое изъ опредѣленныхъ до сихъ поръ бесконечныхъ чиселъ α заключается въ томъ, что множество чиселъ, предшествующихъ этому числу въ послѣдовательности предшествующихъ чиселъ имѣетъ мощностъ перваго класса чиселъ (I)... Мы опредѣляемъ второй классъ чиселъ (II) какъ совокупность всѣхъ образуемыхъ съ помощью обоихъ принциповъ образованія слѣдующихъ другъ за другомъ въ опредѣленной послѣдовательности чиселъ α :

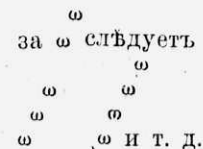
$$\omega, \omega + 1, \dots, \nu_0 \omega^\mu + \nu_1 \omega^{\mu-1} + \dots + \nu_{\mu-1} \omega + \nu_\mu, \dots, \omega^\omega, \dots, \alpha \dots$$

которыя подчинены условію, что всѣ предшествующія числу α числа, отъ 1, образуютъ множество, имѣющее мощностъ класса чиселъ (I), причемъ $\nu_0, \nu_1, \dots, \nu_\mu$ принимаютъ всѣ конечныя цѣлыя численныя значенія со включеніемъ нуля и заключеніемъ комбинаціи:

$$\nu_0 = \nu_1 = \dots = \nu_\mu = 0$$

Новый классъ (II) имѣетъ мощностъ, отличную отъ мощности перваго класса чиселъ (I)...

При соблюденіи трехъ вышеупомянутыхъ принциповъ можно съ наибольшею увѣренностью и очевидностью получать все новые и новые классы чиселъ

всего завершает нашу теорию в том отношении, что с его помощью может быть достигнута совершенная формальная определенность понятий.

Но еще болѣе важнымъ оказывается нѣчто иное. Если содержаніе понятія послѣднихъ вещей можно представить себѣ отиудь не путемъ нагляднаго представленія чего либо, а лишь путемъ отрицанія въ послѣдней вещи всего того, что мы знаемъ объ эмпирическомъ возрѣніи, то это понятіе, коль скоро мы въ самомъ дѣлѣ мыслимъ его, всецѣло слагается, равно какъ и другія логически совершенныя понятія естествознанія, изъ однихъ только сужденій. Въ

безъ конца. И весьма важно замѣтить, что эту вавилонскую башню такъ называемыхъ „сверконечныхъ чиселъ“ можно воздвигать не только потому, что бумага все терпитъ и математики мнятъ себя обладающими въ нѣкоторыхъ буквахъ съ рядомъ точекъ между ними адекватными символами безконечности, но для любого изъ сверхъ-конечныхъ чиселъ можно указать исчислимое имъ и такимъ образомъ предать его понятію реальность. Примѣромъ множества, мощность котораго выше первой, служитъ совокупность всѣхъ дробей и алгебраическихъ ирраціональныхъ чиселъ и, кромѣ того, тѣхъ ирраціональныхъ чиселъ, которыя не могутъ быть рѣшеніями алгебраическихъ уравненій (трансцендентныхъ чиселъ). *) И при помощи ихъ доходить до всѣхъ встрѣчающихся въ тѣлесной и духовной природѣ различныхъ, послѣдовательно восходящихъ мощностей, и получаемыя при этомъ новыя числа въ такомъ случаѣ всегда обладаютъ совершенно такою же конкретною определенностью и вещественною реальностью, какъ прежнія числа. И я право не знаю, что должно было бы удерживать насъ отъ этого образованія новыхъ чиселъ, коль скоро оказывается, что для прогресса наукъ введеніе какого либо новаго изъ этихъ безчисленныхъ классовъ чиселъ при изслѣдованіяхъ стало желательнымъ или даже необходимою“.

Впервые на существенное отличіе между конечными и сверхъ-конечными множествами Канторъ указалъ въ 84-омъ томѣ журнала Крелля (1877 г. стр. 242). Теорія дѣйствій съ мощностями изложена Г. Канторомъ въ 46-омъ томѣ „Mathematische Annalen“ (1895). Тамъ же дано и болѣе строгое обоснованіе вышеизложенныхъ принциповъ при помощи теорій „типовъ порядка“ и „основныхъ рядовъ“. Ср. такъ же статью В. Керри „Ueber G. Cantor's Mannigfaltigkeitsuntersuchungen“ въ Vierteljahrschrift für wiss-Phil..

*) (В. Kerry. System einer Theorie der Grenzbegriffe III. Capitel).

качествѣ вещи, о которой эти сужденія нѣчто высказываютъ, остается лишь нѣчто такое, что мы тщетно стараемся представить себѣ и чего намъ вовсе не нужно представлять себѣ, хотя бы мы даже вполне дали себѣ отчетъ (vergegenwärtigt haben) въ содержаніи понятія. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что и здѣсь въ сущности мы имѣемъ дѣло съ понятіемъ отношенія, причемъ это понятіе отношенія отличается отъ другихъ понятій отношеній лишь тѣмъ, что мы трактуемъ его такъ, какъ будто-бы оно было понятіемъ вещи. Намъ приходится говорить о вещи, такъ какъ мы можемъ мыслить себѣ міръ не иначе, какъ состоящимъ изъ вещей, но лишь содержаніе тѣхъ сужденій, которыя мы составляемъ о вещи и ихъ обязательность, имѣетъ цѣнность въ научномъ контекстѣ. Конечно, на основаніи формально логическихъ точекъ зрѣнія нельзя рѣшить, какимъ образомъ надлежитъ обосновать обязательность этихъ сужденій. Но вѣдь дѣло идетъ лишь о томъ, что вообще сужденія и ихъ обязательность составляютъ существенное и въ понятіи послѣдней вещи.

Такимъ образомъ естествознаніе поступаетъ со своими послѣдними вещами не иначе, какъ и со всякими вещами: оно разрѣшаетъ

1885. Кромѣ того Г. Канторъ помѣстилъ въ 88-омъ, 90-омъ и 91-омъ томахъ Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik „Mittheilungen zur Lehre vom Transfiniten“, гдѣ онъ даетъ разъясненія по поводу различныхъ недоумѣній и возраженій, вызванныхъ его теоріями, подчеркивая, что „понятіе ω совершенно чуждо всякой неопределенности, что въ немъ нѣтъ ничего переменнаго, ничего потенциальнаго, что оно не $\alpha\pi\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\nu$, но $\alpha\phi\omega\rho\delta\iota\sigma\tau\omicron\nu$, какъ и всѣ другія сверконечныя числа, что оно, подобно всякому конечному числу напр. 1 или 3 образуетъ противоположность неопределеннымъ знакамъ x , a , b , счисленія при помощи буквъ. И протестуя противъ смѣшенія понятій у Вундта въ логикѣ (Vd. II. 126—129), не разобравшагося въ основномъ различіи между „безконечнымъ“ въ переносномъ смыслѣ=переменнымъ безконечнымъ=synkategorematische infinitum ($\alpha\pi\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\nu$) и безконечнымъ въ подлинномъ смыслѣ=Transfinitum=закончено—безконечнымъ=безконечно сущимъ=kategorematische infinitum“. По мнѣнію Кантора „Вундтъ ошибается, полагая, что Transfinitum не имѣетъ никакого физическаго значенія. „Канторъ протестуетъ и противъ сближенія своихъ работъ съ новѣйшими „метаматическими умозрѣніями. — Статьи Кантора изданы Миттагъ-Леффлеромъ въ „Acta mathematica“ II.

понятія о нихъ въ сужденія. И при томъ именно этотъ, повидимому, противорѣчащій нашей теоріи предѣльный случай образованія понятій наиболѣе выясняетъ дѣло. Разъ естествознаніе дошло до своихъ послѣднихъ понятій вещей, оно при ихъ образованіи можетъ производить лишь сужденія, и при томъ въ данномъ случаѣ нельзя даже найти замѣщающихъ представлений, оказывающихся на лицо въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о другихъ понятіяхъ вещей. Вещи, изъ которыхъ, согласно логически совершенной теоріи, только и можетъ состоять тѣлесный міръ, фигурируютъ въ наукѣ лишь какъ пустое ничто (ein leeres Etwas). Собственно говоря, имѣютъ значеніе лишь тѣ отношенія, въ которыя вступаютъ другъ къ другу эти вещи. Но эти отношенія выражаются всегда равнымъ образомъ при посредствѣ сужденій. Такимъ образомъ оказывается, что, стало быть, и этотъ предѣльный случай вполне подходитъ подъ нашу теорію. Содержаніе всѣхъ логически совершенныхъ естественно-научныхъ понятій состоитъ изъ сужденій.

Если такимъ образомъ, въ противоположность традиціонному пониманію, видящему въ понятіи представленіе, наукоученіе признаетъ подлинною сущностью, по крайней мѣрѣ, естественно-научнаго понятія акты сужденія, то, по существу дѣла, въ этомъ лишь находитъ свое выраженіе пониманіе, свойственное современной наукѣ, въ противоположность античному пониманію, на почвѣ котораго выросла традиціонная логика. Быть можетъ, сказанное выше станетъ еще яснѣе благодаря краткому историческому обзору.

Какова была та теорія понятій, которую излагалъ Сократъ, мы врядъ-ли можемъ установить абсолютно достовѣрно. Рѣшающее значеніе для будущаго имѣло то направленіе, которое дало размышленію о логическихъ вопросахъ ученіе Платона объ идеяхъ. Аристотель въ этомъ отношеніи оказывается вполне зависимымъ отъ Платона¹⁾. Единичная вещь не имѣетъ значенія для познанія, она, съ точки зрѣнія Платона, собственно говоря, вовсе не существуетъ. Истинная дѣйствительность для Платона — міръ общихъ въ то же время (воззрительныхъ формъ (Gestaltungen); эти „идеи“ суть общія вещи и эти вещи служатъ предметомъ познанія²⁾. Пониманіе этихъ вещей

¹⁾ См. Windelband, Geschichte der alten Philosophie, 2 Aufl. S. 149 (München 1894).

²⁾ Примѣчаніе переводчика. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Platos Ideenlehre. Eine Einführung in den Idealismus“ (1903). Н. В.

могло быть болѣе трансцендентнымъ или болѣе имманентнымъ, цѣль же познанія могла состоять лишь въ томъ, чтобы воспроизводить первообразы въ наглядныхъ представленіяхъ. И для Аристотеля предметомъ познанія служитъ вещь. Соответственно этому, чтобы выполнить свое назначеніе, понятія должны были быть образованіями, имѣющими характеръ образовъ (Bildartige Gebilde) воззрѣній, во всякомъ случаѣ представлений. Ихъ задача состояла въ томъ, чтобы отобразить предметъ познанія. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что Лотце невѣрно истолковываетъ въ одной изъ глубокомысленнѣйшихъ главъ своей логики платоновскую идею какъ то, что имѣетъ силу (gilt) въ противоположность тому, что есть¹⁾. Какъ разъ эта мысль напротивъ того, совершенно не въ духѣ Платона: съ точки зрѣнія Платона идеи суть дѣйствительно сущее.

Тѣмъ болѣе цѣннымъ оказывается, напротивъ того, проводимое Лотце различеніе между бытіемъ и обязательностью (Selten) для такого наукоученія, въ которомъ должны найти свое выраженіе тенденціи новѣйшаго естествознанія, въ томъ видѣ, какъ оно развилось со временъ возрожденія. Представленія суть, сужденія имѣютъ силу. Конечно и естествоиспытатель новѣйшаго времени — платоникъ въ томъ отношеніи, что его интересъ всегда направленъ на общее. Но мы не признаемъ никакихъ общихъ вещей наряду съ единичными вещами или въ послѣднихъ. Единичныя вещи для насъ дѣйствительность и притомъ единственная дѣйствительность, о которой идетъ дѣло, по крайней мѣрѣ, для эмпирическихъ наукъ. Поэтому общее для насъ не есть, но оно имѣетъ силу (gilt), т. е., коль скоро мы отдаемъ себѣ отчетъ въ нашихъ желаніяхъ, мы имѣемъ въ виду не познавать вещи, но совершать тѣ безусловно общеобязательныя сужденія, въ которыхъ мы понимаемъ то, что мы называемъ господствующими въ природѣ законами. Вещь для насъ представляетъ собою лишь опредѣленную стадію нѣкотораго законмѣрнаго процесса, единичныя вещи интересуютъ насъ въ естествознаніи лишь постольку, поскольку въ нихъ выражается нѣкоторое общее,

торпъ обстоятельно доказываетъ несостоятельность традиціоннаго, восходящаго къ Аристотелю, пониманія „идеи“ какъ „общихъ вещей“, въ которомъ онъ видитъ „вѣчную неспособность догматизма вообще проникнуть въ точку зрѣнія критической философіи“. (S. 366).

¹⁾ См. Lotze, System der Philosophie, 2 Aufl., Bd I, Die Ideenwelt, S. 505 ff.

непреложное отношеніе. Соотвѣтственно этому, наши естественно-научныя понятія должны представлять собой нѣчто иное, нежели античныя понятія. Они могутъ содержать въ себѣ уже не имѣющіе характеръ представленій снимки съ вещей, но лишь знаніе законовъ или, по крайней мѣрѣ, подготовительныя ступени, ведущія къ такого рода знанію. Но всякое знаніе есть сужденіе. Итакъ въ свойственномъ новѣйшему естествознанію познавательномъ процессѣ „понятіе“ имѣетъ существенное значеніе лишь въ качествѣ особой формы сужденія.

И наше преобразование традиціонной теоріи понятій не только оправдывается тенденціей новѣйшаго естествознанія познавать законы, но оно находится также въ связи съ тѣми мыслями, которыя, исходя отъ Канта, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія въ частностяхъ, все же придаютъ характерный отпечатокъ нашимъ новѣйшимъ гносеологическимъ (erkenntnisstheoretischen) или метафизическимъ стремленіямъ. Извѣстно, что во второмъ изданіи своей критики разума Кантъ выразился, что логикѣ со временъ Аристотеля нельзя было сдѣлать ни одного шага назадъ. Извѣстно также, что благодаря тому труду, въ которомъ формулировано это положеніе, началось движеніе, поколебавшее логику Аристотеля въ ея существенныхъ основаніяхъ. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду то разрушеніе понятія вещи (въ томъ видѣ, какъ оно господствуетъ и будетъ господствовать въ наивномъ сознаніи), піонеромъ котораго былъ Кантъ. Вещь, которая для наивной метафизики есть субстанція—носительница свойствъ, стала для Канта правиломъ соединенія представленій ¹⁾. Стало быть предметомъ нашего познанія служатъ правила соединенія представленій. Заранѣе ясно, что мы можемъ отдать себѣ отчетъ въ этихъ правилахъ ни въ коемъ случаѣ не при посредствѣ отображающихъ наглядныхъ (abbildende anschauliche) представленій, но лишь при посредствѣ сужденій, которыя указываютъ, какимъ образомъ представленія принадлежатъ другъ къ другу. Разрѣшеніе вещи въ необходимыя отношенія, въ которыхъ находятся другъ къ другу ея свойства, соотвѣтствуетъ разрѣшенію понятія въ сужденія. Конечно, эти сужденія могутъ имѣть цѣнность для по-

¹⁾ Чрезвычайно важное значеніе именно этой мысли Канта съ наибольшею убѣдительностью обнаружена В и н д е л ь б а н д о м ъ. Смъ въ особенности: Präludien S. 112 ff. (erste Ausgabe).

знанія лишь въ томъ случаѣ, если они въ самомъ дѣлѣ оказываются сужденіями, т. е. если они истинны.

Такимъ образомъ легко привести нашу теорію понятій въ связь съ болѣе широкимъ строемъ мыслей. Однако дальнѣйшее прослѣживаніе этой связи привело-бы насъ къ гносеологическому истолкованію того понятія о мірѣ, которое должно построить естествознаніе для того, чтобы преодолѣть многообразіе эмпирическаго воззрѣнія. Тогда пришлось-бы также поставить вопросъ о томъ, насколько можетъ идти рѣчь о «реальности» послѣднихъ, уже не воззрительныхъ вещей естествознанія. Но такое истолкованіе не входитъ уже въ этотъ строй мыслей. Здѣсь дѣло идетъ лишь объ установленіи и обоснованіи естественно-научнаго метода и объ указаніи тѣхъ идеаловъ, къ достиженію которыхъ должно на почвѣ эмпирическаго реализма съ помощью этого метода стараться приблизиться естествознаніе. Въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія мы, чтобы отграничить другъ отъ друга различныя проблемы, временно продолжаемъ тщательно придерживаться того мнѣнія, что тѣлесный міръ состоитъ изъ вещей и что эти вещи суть тѣлесныя субстанціи — носительницы свойствъ.

V.

Механическое пониманіе природы.

До сихъ поръ мы старались придать развиваемымъ въ этой главѣ мыслямъ, по мѣрѣ возможности, формальный характеръ. Мы пользовались лишь двумя предположеніями опредѣленнаго содержанія. Исходя съ одной стороны изъ того факта, что мы имѣемъ предъ собой измѣняющееся во времени интенсивное и экстенсивное многообразіе тѣлъ въ пространствѣ и съ другой стороны изъ требованія, гласящаго, что, такъ какъ это многообразіе необозримо какъ воззрѣніе, оно должно быть охвачено совершенно доступной обозрѣнію системой понятій, мы конструировали идеалъ общей теоріи тѣлеснаго міра ¹⁾.

¹⁾ Строго говоря, лишь въ 4-омъ отдѣлѣ мы воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что данное многообразіе состоитъ изъ протяженныхъ вещей въ пространствѣ, стало быть изъ тѣлъ. Содержаніе перваго, втс-

При этомъ мы дошли до понятія въ томъ видѣ, какъ оно фактически, въ болѣе или менѣе выработанной формѣ, зачастую находить уже себѣ примѣненіе въ естествознаніи. Вѣдь и естествознаніе учитъ, что міръ, представляющійся намъ въ воззрѣніи столь безконечно многообразнымъ, въ сущности вездѣ и всегда оказывается однимъ и тѣмъ же. Всякое различіе и всякое измѣненіе основывается на движеніи неизмѣннаго элементарнаго субстрата въ пространствѣ. Это движеніе подчинено единообразнымъ законамъ, причѣмъ отысканіе, математическая формулировка и приведеніе въ систему этихъ единообразныхъ законовъ составляетъ задачу науки. Стало быть, тѣлесная природа должна быть понимаема какъ механизмъ.

Здѣсь не оказывается необходимымъ оправдывать согласія нашей логической дедукціи съ этими ученіями. Мы должны только предотвратить недоразумѣніе, будто мы полагаемъ, что основныя понятія механическаго пониманія природы обязаны своимъ существованіемъ такого рода логическимъ соображеніямъ, какъ тѣ, которыя мы формулировали. Напротивъ того, мы знаемъ, что эти понятія возникли инымъ путемъ, который мы отчасти можемъ явственно прослѣдить. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не генетическое, а телеологическое разсмотрѣніе; изложеніе возникновенія какого-либо взгляда есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ его логическое обоснованіе. Мы оставляемъ нерѣшеннымъ и вопросъ о томъ, выработана-ли нами въ данномъ случаѣ единственная логическая точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ разсматривать логическій идеалъ общей теоріи тѣлеснаго міра. Достаточно, если это лишь точка зрѣнія, оказывающаяся правильной

рого и третьяго отдѣловъ формулировано такимъ образомъ, что при установленіи различныхъ моментовъ понятія общности, определенности и обязательности не приходилось спеціально принимать во вниманіе своеобразие именно тѣлеснаго міра. На это обстоятельство мы будемъ въ состояніи сослаться, обсуждая во 2-ой главѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ естественно-научное образованіе понятій пригодно для обработки духовной жизни. Заранѣе обсуждать этотъ вопросъ, по мѣрѣ возможности, въ связи съ обработкой тѣлеснаго міра при посредствѣ понятій казалось нецѣлесообразнымъ потому, что понятіе предмета психологій не оказывается столь-же само собою разумѣющимся, какъ понятіе воззрительно даннаго тѣлеснаго міра. Однако, во избѣжаніе недоразумѣній, мы уже теперь указываемъ на то обстоятельство, что изъ предметной особенности тѣлеснаго міра выведены лишь нѣкоторыя спеціальныя особенности, а отнюдь не общія свойства естественно-научнаго понятія.

на ряду съ другими точками зрѣнія, которыя, быть можетъ, на столько-же правильны. Мы выбрали эту точку зрѣнія потому, что такимъ образомъ мы лучше всего могли выяснитъ то, что намъ понадобится впоследствии при указаніи границъ естественно-научнаго образованія понятій. Вѣдь въ нашъ планъ не входитъ исчерпывающее предметъ изложеніе естественно-научнаго метода. Значеніе изложенной здѣсь части для нашей цѣли можетъ выяснитъ лишь въ связи съ проблемами, которыми мы займемся позднѣе.

Мы можемъ теперь закончить изслѣдованіе о познаніи тѣлеснаго міра въ понятіяхъ обзоромъ, резюмирующимъ существенныя результаты. Но мы намѣрены сперва спеціально привести найденное нами, логическимъ путемъ общее понятіе тѣлеснаго міра въ связь съ нѣкоторыми понятіями дѣйствительно оказывающагося на лицо естествознанія. Если мы будемъ оперировать съ нѣсколько менѣе абстрактными понятіями, то благодаря этому, быть можетъ, ходъ нашихъ мыслей станетъ болѣе удобопонятнымъ, пожалуй, даже онъ станетъ и болѣе убѣдительнымъ, если мы сможемъ показать, что онъ оказывается въ согласіи съ теоріями эмпирической науки. Затѣмъ мы должны принимать во вниманіе дѣйствительно оказывающуюся на лицо науку еще и потому, что могло бы показаться, будто наши логическія, выводы не достаточно общи, т. е. будто наше наиболѣе общее понятіе о тѣлесномъ мірѣ не обнимаетъ собой всѣхъ тѣхъ общихъ понятій, до которыхъ дошла наука и даже оказывается въ противорѣчій съ нѣкоторыми изъ нихъ. Вѣдь именно за послѣднее время механическое пониманіе природы стало предметомъ нападокъ и со стороны естествоиспытателей. Намъ придется показать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывается на лицо такое противорѣчіе, оно направляется не противъ эмпирически обоснованныхъ или могущихъ быть эмпирически обоснованными теорій, а противъ логическихъ недостатковъ этихъ теорій. Въ общемъ, однако, мы можемъ констатировать болѣе согласія чѣмъ противорѣчій.

Конечно, формулировка развиваемыхъ далѣе мыслей зависитъ отъ современнаго состоянія науки, т. е. между тѣмъ какъ то, что было сказано до сихъ поръ, можетъ быть измѣнено или опровергнуто лишь благодаря тому, что въ немъ была бы обнаружена логическая непосредственность, частности этого отдѣла могутъ быть опровергнуты благодаря измѣненіямъ въ эмпирическихъ наукахъ. Это можетъ показаться неудобствомъ. И при томъ къ этому присоединяется еще нѣчто,

увеличивающее это неудобство. Конечно, наша задача и теперь ограничена в томъ смыслѣ, на которой мы уже неоднократно указывали, т. е. при разсмотрѣніи естественныхъ наукъ мы и здѣсь опять таки не будемъ обращать вниманія на такія изслѣдованія, которыя принимаются для разработки спеціальныхъ проблемъ, еще ждуть включенія въ цѣлое соотвѣтственной науки и въ сущности могутъ быть признаны собираніемъ матеріала для болѣе обширныхъ теорій; но мы должны отыскивать тѣ естественно-научныя идеи (Gedankengänge), въ которыхъ усматривается теоретическое завершеніе науки или которыя, по крайней мѣрѣ, намѣчаютъ таковое. Но при этомъ дѣло будетъ идти главнымъ образомъ о такихъ теоріяхъ, въ которыхъ чрезвычайно значительную роль играютъ гипотетическіе элементы. Мы должны поэтому даже предпочитать именно такія области науки, работать въ которыхъ пожалуй непривлекательно для иного изслѣдователя спеціалиста, такъ какъ въ нихъ онъ имѣетъ подъ собою еще слишкомъ ненадежную почву.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что отношеніе наукоученія къ такимъ теоріямъ, къ которымъ въ значительной степени примѣшиваются гипотетическіе элементы, должно быть существенно инымъ, чѣмъ отношеніе къ нимъ ученаго спеціалиста въ томъ случаѣ, если послѣдній не руководится равнымъ образомъ логическими интересами. Вѣдь то, что спеціалисту кажется опрометчивой гипотезой, быть можетъ, даже фантазіей. Съ логическихъ точекъ зрѣнія можетъ стать интереснымъ потому, что путемъ изученія такихъ мыслей, клонящихся къ теоретическому завершенію науки, часто можно лучше выяснитъ себѣ общія тенденціи и послѣднія цѣли науки чѣмъ изъ удостовѣренныхъ отдѣльныхъ результатовъ. Вѣдь въ данномъ случаѣ мы стремимся понять сущность науки изъ ея цѣли. Поэтому для насъ интересно видѣть, въ какомъ направленіи произойдетъ, по мнѣнію самихъ изслѣдователей спеціалистовъ, завершеніе ихъ науки или, по крайней мѣрѣ, ея будущее развитіе. Въ особенности важное значеніе получаютъ съ этой точки зрѣнія теоремы выдающихся изслѣдователей уже въ качествѣ заявленій личныя мнѣній, т. е. онѣ имѣютъ цѣнность, какъ построенія, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно находятъ свое выраженіе руководящія логическія точки зрѣнія и онѣ сохраняютъ эту цѣнность и въ томъ случаѣ, если бы, быть можетъ, содержаніе ихъ оказалось ошибочнымъ. Разъ только мы можемъ открыть въ такого рода мысляхъ логическую структуру, которая находится въ согласіи съ выве-

деннымъ нами логическимъ идеаломъ, мы будемъ въ правѣ видѣть въ нихъ уже нѣкотораго рода подтвержденіе нашихъ взглядовъ и ссылаться на нихъ. Мы вѣдь ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ въ виду развивать изъ теорій естествознанія „философскія слѣдствія“, но желаемъ понять только логическую сторону этихъ теорій. Слѣдовательно, наше предпріятіе не представляется рискованнымъ, разъ мы прямо дѣлаемъ оговорку, что развиваемыя далѣе мысли могутъ претендовать на обязательность лишь постольку, поскольку онѣ въ правѣ предполагать вѣрность принимаемыхъ во вниманіе теорій естественныхъ наукъ. Вообще тѣ мысли, которыя развиваются въ этомъ отдѣлѣ, должны служить болѣе для уясненія и подтвержденія, чѣмъ для расширенія того, что было сказано въ предыдущемъ изложеніи.

Изъ различныхъ отраслей естествознанія сформулированному нами логическому идеалу, несомнѣнно, болѣе всего соотвѣтствуетъ теоретическая механика, такъ какъ понятія этой науки не обнимаютъ собою уже ничего такого, что встрѣчалось-бы только здѣсь или тамъ, тогда или теперь въ пространствѣ или во времени. Напротивъ того, ея понятія абсолютно общи, поскольку дѣло идетъ о тѣлесномъ мірѣ вообще. Механика можетъ подводить подъ свои понятія какую угодно долю тѣлеснаго міра или его совокупность, всякое интенсивное или экстенсивное тѣлесное многообразіе и такимъ образомъ обнять въ совершенно доступной обзорѣнію системѣ понятій безконечное многообразіе. Въ повѣйшее же время мы даже встрѣчаемъ попытку придать механикѣ въ ея основныхъ понятіяхъ такую форму, при которой она вполне соотвѣтствуетъ конструированному нами идеалу совершенной естественной науки. Поэтому мы коснемся въ нѣсколькихъ словахъ этой попытки.

Въ своихъ „Prinzipien der Mechanik“ Генрихъ Герцъ ¹⁾ пытается вывести всѣ частныя спеціальныя законы этой науки изъ одного единственнаго основнаго закона, какъ это выразительно подчеркиваетъ, въ качествѣ характеристики системы, въ своемъ предисловіи къ этому труду Гельмгольцъ. Стало быть, что касается понятій отношеній, въ этой системѣ, вѣрность содержанія которой насъ, конечно, не занимаетъ въ данномъ случаѣ, тѣлесный міръ упрощенъ какъ разъ въ томъ смыслѣ, какъ мы требовали этого, исходя изъ логическихъ основаній. Дѣлается попытка найти послѣднее по-

¹⁾ Gesammelte Werke, Bd. III.

нiе закона, какъ виды котораго должны быть понимаемы всѣ другiе законы. Не иначе обстоитъ дѣло и съ понятiями вещей. Вѣдь кромѣ понятiй законовъ въ этой системѣ въ качествѣ не допускающихъ дальнѣйшаго дедуцированiя понятiй остаются только пространство, время и масса. Понятiе силы или энергiи въ качествѣ самостоятельнаго основнаго представлениа устраняется; оно играетъ роль лишь „въ качествѣ вспомогательнаго математическаго построениа“, въ качествѣ „лишь мыслено допускаемаго промежуточнаго члена между двумя движенiями“ ¹⁾. Пространство же и время вовсе не представляютъ собой проблемъ для общей теорiи тѣлеснаго мiра, такъ какъ въ ней дѣло идетъ о понимании не пространства и времени, а мiра въ пространствѣ и во времени. Поэтому здѣсь намъ вообще совѣмъ не приходится заниматься ими. Итакъ, въ этой системѣ изъ естественно-научныхъ понятiй на ряду съ единымъ понятiемъ закона, обнимающимъ собой всѣ отношенiя вещей, оказывается на лицо всего лишь одно понятiе вещи, а именно, понятiе вещи, подъ которое подводятся всѣ другiя понятiя вещей. Поэтому, не останавливаясь далѣе на частностяхъ этой системы, мы можемъ констатировать въ ней попытку совершенной, въ нашемъ смыслѣ, теорiи безконечнаго многообразiя.

Но развѣ въ томъ случаѣ, если-бы эта система оказалась не только формально совершенною, но и по своему содержанiю правильною, уже въ ней разрѣшалась-бы задача, состоящая въ томъ, чтобы придать „последней естественной наукѣ“ такую форму, чтобы она могла разрѣшить въ понятiя отношенiй всѣ понятiя вещей другихъ наукъ за единственнымъ исключенiемъ понятiя массы? Развѣ этимъ въ принципѣ завершался бы трудъ полнаго упрощенiя всего тѣлеснаго мiра при посредствѣ понятiй и, если упрощенiе при посредствѣ понятiй въ самомъ дѣлѣ составляетъ задачу естествознаниа, развѣ заканчивалась-ли бы этимъ выработка естествознаниемъ наиболѣе общихъ понятiй? Само собой разумѣется, что нѣтъ, и для насъ представляетъ интересъ увидѣть, чего уже съ чисто формальныхъ точекъ зрѣнiя недостаетъ и Герцевской механикѣ для выполненiя этой задачи.

Можно сказать, что упрощенiе мiра куплено въ механикѣ дорогою цѣною. Построемое этою наукою понятiе массы, правда, обни-

маетъ собою необозримое многообразiе тѣлъ, но, поскольку дѣло идетъ о непосредственно данной дѣйствительности, оно дѣлаетъ это многообразiе понятнымъ лишь по отношенiю къ тому, что уже въ эмпирическомъ воззрѣнiи представляется движенiемъ или покоемъ тѣлъ, а помимо того старается всего лишь понять то „скрытое нѣчто“, которое за предѣлами нашихъ чувствъ играетъ роль въ качествѣ „тайнаго соучастника“, какъ движенiе и массу ¹⁾. Стало быть, изъ видимаго и осязательнаго, словомъ изъ всего воззрительнаго многообразiя тѣлеснаго мiра выхвачено лишь то, что по указаннымъ основаниамъ легче всего допускаетъ полное упрощенiе путемъ образованиа понятiй: совокупность количественнаго.

Но изъ этого слѣдуетъ, что для такого упрощенiя того, что не представляется намъ въ тѣлесномъ мiрѣ непосредственно какъ движенiе, которое не было бы совершенно произвольнымъ, въ данномъ случаѣ не сдѣлано еще ровно ничего. По словамъ Гельмгольца же, «придется еще преодолѣть значительныя трудности, стараясь, исходя изъ развитыхъ Герцемъ основныхъ положенiй, дать объясненiя для специальныхъ отдѣловъ физики» ²⁾. Другими словами: оптическiе, акустическiе, термическiе, электрическiе процессы противостоятъ намъ еще какъ нѣкое многообразiе, которое не въ самомъ дѣлѣ преодолѣно благодаря научному понятiю закона, но которое просто игнорируется въ общемъ значенiи слова масса. Если и не для теоретической механики, то по отношенiю къ качественному многообразiю въ болѣе тѣсномъ смыслѣ физическихъ вещей и процессовъ, понятiе массы оказывается лишь неопредѣленнымъ общимъ значенiемъ слова, такъ какъ положенiя механики, не будучи приложимы къ свѣтящемуся, звучащему, теплomu, электрическому тѣлесному мiру, не даютъ намъ и выработанныхъ механическихъ понятiй о свѣтѣ, звукѣ, теплотѣ, электричествѣ.

Этому соответствуетъ состоянiе физики. Ей еще очень далеко до достиженiя формулированнаго нами логическаго идеала. Она различаетъ нѣсколько различныхъ областей, изъ которыхъ почти каждая имѣетъ свои особые законы. И такъ, ея понятiя отношенiй еще не приведены въ единую систему и столь же мало дошла она и до выработки единства въ понятiяхъ вещей. Правда, совершенно вообще, она разсматриваетъ свѣтъ и звукъ какъ движенiе массъ, но понятiе

¹⁾ См. Herz. a. a. O. S. 30.

²⁾ Helmholtz a. a. O. S. XXII.

¹⁾ а. а. О. S. XIX.

единого, общаго для этихъ движеній субстрата, понятіе „послѣднихъ вещей“ еще не выработано и не приложимо. Поэтому вовсе не приходится еще говорить о дѣйствительно общей теоріи всего тѣлеснаго многообразія. Напротивъ того, между механикой и физикой въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оказывается еще значительный пробѣлъ.

Но, какъ ни несомнѣнно то, что состояніе физики по отношенію къ логическому идеалу, несовершенно и, быть можетъ, всегда должно оставаться таковымъ до извѣстной степени, столь же несомнѣнно и то, что стремленія науки клонятся къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ограничивать это несовершенство въ нашемъ смыслѣ и создать нѣчто въ родѣ того, что мы назвали послѣдней естественной наукой, все болѣе и болѣе упрощающей многообразіе въ построяемыхъ физикой понятіяхъ вещей и отношеній. Требуется найти нѣкоторое общее механикѣ и физикѣ понятіе массы, которое устанавливало-бы между ними болѣе тѣсную связь. Далѣе, требуется также формулировать такія понятія отношеній, которыя обнимали-бы не только отдѣльныя области физическаго многообразія. Эта тенденція опять таки подтверждаетъ наши логическіе выводы. Всякое открытіе, устанавливающее нѣчто общее между двумя, повидимому, принципиально отличными другъ отъ друга процессами, привѣтствуется, какъ составляющій эпоху прогрессъ науки. Вѣдь при немъ всякій разъ удается произвести все новое упрощеніе воззрительнаго многообразія.

За примѣромъ мы можемъ обратиться опять таки къ Генриху Герцу, а именно, къ тому, что онъ училъ объ отношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ. Нѣтъ надобности обстоятельнѣй доказывать, что это ученіе представляетъ собой значительный прогрессъ въ упрощеніи физическихъ теорій какъ относительно понятій отношеній, такъ и относительно понятій вещей. И, въ связи съ этими изслѣдованіями, Герцъ даже намѣтилъ уже такое упрощеніе тѣлеснаго многообразія, которое не только лежитъ въ направленіи логически конструированнаго нами идеала, но и опять таки совершенно совпадаетъ съ этимъ идеаломъ по своей логической структурѣ, т. е. онъ указалъ на такое понятіе о мѣрѣ, выработавъ которое механическое пониманіе природы могло бы въ самомъ дѣлѣ обнимать не только то, что уже въ возрѣніи дано, какъ движеніе. А именно: въ непосредственной связи съ вопросомъ о сущности электрическихъ силъ въ пространствѣ для Герца возникаетъ — „великій главный вопросъ“ о сущности эѳира, т. е. „на-

полняющей пространство среды“, изъ котораго должны состоять всѣ тѣлесныя вещи и процессы. „Все болѣе и болѣе начинаетъ казаться, что этотъ вопросъ превышаетъ по своему значенію всѣ остальные и что познаніе эѳира должно открыть намъ не только сущность прежнихъ „невѣсомыхъ“, но и сущность самой матеріи и ея сокровениѣйшихъ свойствъ, тяжести и коности. Квинтъ-эссенція древнѣйшихъ физическихъ докторовъ сохранилась для насъ въ изрѣченіяхъ, гласящихъ, что все, что есть, создано изъ воды, изъ огня. Современная физика не далека уже до постановки вопроса: не создано-ли все, что есть изъ эѳира“¹⁾.

Врядъ-ли требуется специально обращать вниманіе на то, въ какой связи находятся эти положенія съ развиваемыми нами мыслями. Если бы была выработана теорія въ этомъ смыслѣ, то въ такомъ случаѣ все многообразіе тѣлеснаго міра должно было-бы мыслиться состоящимъ изъ элементарныхъ составныхъ частей эѳира. Дѣло шло-бы лишь о томъ, чтобы узнать законы тѣхъ различныхъ движеній эѳира, которыя мы характеризуемъ какъ свѣтъ или теплоту, электричество или звукъ. Въ такомъ случаѣ это физическое многообразіе уже не игнорировалось-бы въ неопредѣленномъ значеніи слова, но нашло-бы себѣ механическое объясненіе въ понятіяхъ отношеній, содержащихъ законы. И атомы тѣлъ или атомы вещества (Massenatome) въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ составныя части вѣсомой матеріи, надлежало-бы разсматривать, какъ „центры конденсаціи“ („Verdichtungszentren“) единой массы эѳира и поэтому, равнымъ образомъ какъ звукъ и теплота, свѣтъ и электричество, они понимались-бы какъ особыя формы движенія эѳира. Стало-быть въ эѳирѣ мы имѣли бы то понятіе, благодаря которому заполнялся бы и понынѣ существующій пробѣлъ между механикой и физикой, т. е. въ немъ, выражаясь сообразно нашей терминологіи, была бы найдена та логически постулируемая „послѣдняя вещь“²⁾, съ помощью кото-

¹⁾ H. Hertz, Ueber die Beziehungen zwischen Licht und Elektrizität, S. 26 f.

²⁾ Само собой разумѣется, намъ не приходится въ данномъ случаѣ рѣшать вопросъ о значеніи ни «гипотезъ непрерывности», ни атомистики, поскольку она противопоставляется послѣднимъ. Если тотъ субстратъ, изъ котораго состоитъ тѣлесный мѣръ, разсматривается, какъ непрерывный, то о немъ можно говорить, какъ объ единой „послѣдней вещи“. Но это не противорѣчитъ развиваемымъ нами мыслямъ. И съ точки зрѣнія гипотезы непрерывности ея субстратъ долженъ мыслиться какъ либо состоящимъ изъ частей и поэтому она не можетъ вполнѣ обходиться безъ

рой возможно механически преодолѣть все многообразіе тѣлеснаго міра, не впадая въ произвольность. И если бы тогда все эти движенія ээира объяснялись въ послѣднемъ анализѣ однимъ основнымъ закономъ ¹⁾ Герцевской механики, то мы обладали-бы логически совершеннымъ понятіемъ о мірѣ, подъ которое подводились-бы все мыслимыя вещи и процессы тѣлеснаго міра.

Мы не задаемся вопросомъ о томъ, достигимъ-ли когда либо для естествознанія построенный Герцомъ идеаль. Для насъ дѣло идетъ только о томъ, что во всѣхъ существенныхъ пунктахъ онъ находится въ согласіи съ конструированнымъ нами логическимъ идеаломъ, и что принципиальный прогрессъ въ общихъ теоріяхъ тѣлеснаго міра означаетъ шагъ въ направленіи къ этой цѣли.

Однако, какъ уже отмѣчено, въ новѣйшемъ естествознаніи можно найти и такія теоріи, для которыхъ характерны инныя тенденціи. Поэтому еще большому выясненію развиваемыхъ нами выводовъ будетъ способствовать краткое обсужденіе и этого направленія, которое, повидимому, противорѣчитъ нашимъ логическимъ конструкціямъ. И въ данномъ случаѣ мы намѣрены ограничиться однимъ примѣромъ и притомъ мы выбираемъ такую теорію, которая наивозможно болѣе расходится съ мыслями Герца. Разъ мы въ состояніи показать, что даже и она неспособна поколебать наши логическіе выводы, то этимъ будутъ сведены счеты и съ теоріями, занимающими промежуточное положеніе между нею и взглядами Герца.

Оствальдъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противопоставляетъ свою „энергетику“ тому взгляду, согласно которому разрѣшеніе явле-

понятія „атома“. (Ср. относительно этого Wundt, Logik. II 1, 2 Aufl. S. 427 ff. *) Стало бытъ, ту множественность „послѣднихъ вещей“, о которой мы говоримъ, надлежитъ мыслить себѣ тождественной съ множественностью атомовъ въ наиболѣе общемъ значеніи этого слова, при чемъ остается совершенно нерѣшеннымъ, существуетъ-ли между «атомами» пустое пространство или нѣтъ.

¹⁾ Вопросъ о томъ, въ самомъ-ли дѣлѣ „просто“ содержаніе этого основнаго закона, или же при болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи оно оказывается комплексомъ нѣсколькихъ законовъ, не имѣетъ никакого значенія для логическихъ тенденцій Герцевской механики, но касается лишь вѣрности ея содержанія.

^{*)} Примѣчаніе переводчика. См. также Вундтъ, Система философіи, стр. 275 и слѣд. русскаго перевода.

ній въ систему движущихся точекъ массы составляетъ цѣль, которой могло-бы достигнуть объясненіе природы. Онъ желаетъ устранить „механическое міропониманіе“ и замѣнить его, энергетическимъ“, т. е., по его мнѣнію, на мѣсто понятія матеріи или движущейся массы, должно стать понятіе энергіи. Согласно этой точкѣ зрѣнія, наиболѣе общее понятіе о мірѣ приняло-бы такую форму, что „все совершающееся въ мірѣ состоитъ лишь въ измѣненіяхъ энергіи въ пространствахъ и во времени и стало бытъ эти три величины суть наиболѣе общія основныя понятія“ ¹⁾.

Прежде всего мы видимъ, что въ существенномъ и этотъ взглядъ находится въ согласіи съ самыми общими выводами изъ нашихъ логическихъ соображеній. Оказывается даже, что Оствальдъ неоднократно ясно формулируетъ ту мысль, что задача науки состоитъ въ томъ, чтобы мысленно преодолѣть неограниченное многообразіе міра явленій. Хотя онъ и не уяснилъ себѣ, что упрощеніе міра состоитъ въ преодолѣннн міра путемъ образованія понятій, но, повидимому, полагаетъ, что въ самой непосредственно данной дѣйствительности можно встрѣтить нѣчто простое и постоянное, однако это разногласіе относится болѣе къ гносеологическому истолкованію естественно-научныхъ теорій, чѣмъ къ той формѣ, которую принимаютъ сами эти теоріи, а потому мы можемъ не касаться его здѣсь.

Притомъ, въ извѣстномъ отношеніи, энергетика, повидимому, даже еще болѣе приближается къ нашимъ взглядамъ, чѣмъ механическое пониманіе природы, а именно въ отношеніи устраненія представлений о вещахъ. Здѣсь понятія вещей до такой степени вполне разрѣшены въ понятія отношеній, какъ будто для этого не оказывалось предѣловъ и какъ будто для естествознанія вовсе не существовало необходимости сохранить понятіе послѣдней вещи, такъ какъ вѣдь понятіе энергіи отнюдь не должно бытъ понятіемъ вещи. Если, стало бытъ, понятіе

¹⁾ Ostwald, Lehrbuch der allgemeinen Chemie, Bd. II 1: chemische Energie, 2 Aufl. S. VI См. далѣе: Studien zur Energetik, Berichte über die Verhandlungen der königl Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Math.—physische Klasse, Bd. 43 (1891) S. 271 ff и Bd. 44 (1892) S. 211 ff. Популярное изложеніе своихъ взглядовъ Оствальдъ далъ въ своей лекціи на тему „die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus“ (1895) *).

^{*)} Примѣчаніе переводчика. См. также Vorlesungen über Naturphilosophie von W. Ostwald. 1902. Критическое обсужденіе „энергетики“ даетъ Вундтъ: Система философіи стр. 299—304 русскаго перевода.

массы совершенно замѣняется понятіемъ энергіи и въ энергіи усматривается то, что образуетъ подлинную „реальность“ тѣлеснаго міра, то дѣло, повидимому, въ самомъ дѣлѣ обстоитъ такимъ образомъ, какъ будто была выработана такая общая теорія тѣлеснаго міра, которая оперируетъ всего лишь съ понятіями отношеній.

Итакъ, могло бы показаться, что въ виду этого вовсе не было надобности въ нашемъ ограниченіи, касающемся превращенія понятій вещей въ понятія отношеній. Если бы мы только не сдѣлали этого ограниченія, энергетика еще болѣе, чѣмъ теорія ээира, подтверждала бы правильность нашихъ логическихъ дедукцій. Тогда мы могли бы остаться при томъ, что сказано выше, и сослаться и на энергетику, какъ на такую согласную съ нашимъ логическимъ идеаломъ общую теорію тѣлеснаго міра, въ которой устранено даже понятіе послѣдней вещи. Во всякомъ случаѣ, энергетика не противорѣчитъ тому мнѣнію, согласно которому сущность естественно-научнаго образованія понятій состоитъ въ упрощеніи даннаго многообразія путемъ превращенія понятій вещей въ понятія отношеній.

Тѣмъ не менѣе, мы намѣрены попытаться доказать, что совершенное устраненіе понятій вещей благодаря энергетикѣ удалось лишь въ воображеніи и что слѣдовательно, наше ограниченіе было совершенно необходимо. Но при этомъ мы должны сдѣлать одну оговорку. Въ данномъ случаѣ въ нашу задачу не можетъ входить оцѣнка того значенія, которое имѣетъ энергетика для разрѣшенія специальныхъ естественно-научныхъ проблемъ. Естествознанію часто приходится идти такими путями, которые вовсе не должны непременно совпадать съ тѣми путями, которые представляются кратчайшими съ логическихъ точекъ зрѣнія. Лишь въ отношеніи того послѣдняго идеала, къ достиженію котораго стремится обнимающая все частныя теоріи наука, логика должна сходиться въ концѣ концовъ съ эмпирической наукой, въ иныхъ же отношеніяхъ весьма возможно, что теорія логически совершенная оказывается иной разъ еще совершенно непригодной для временныхъ цѣлей въ предѣлахъ специальной науки. Итакъ, если бы теорія ээира, въ смыслѣ Герца, оказалась болѣе бесплодной для занимающихъ въ данный моментъ естествознаніе проблемъ, чѣмъ энергетика Оствальда, то это рѣшительно ничего не доказывало бы противъ нашихъ логическихъ соображеній. Теорія ээира все же могла бы сохранить свое значеніе въ качествѣ выраженія послѣдней цѣли естественно-научнаго труда. Мы желаемъ показать лишь то, что съ

помощью энергетики нельзя дойти до окончательной, совершенно общей теоріи тѣлеснаго міра, но что энергетика, для того, чтобы стать совершенно общей теоріей тѣлеснаго міра, по крайней мѣрѣ, пока она намѣрена оставаться на почвѣ эмпирическаго реализма и разсматривать тѣлесный міръ въ пространствѣ трехъ измѣреній какъ абсолютную реальность, также въ концѣ концовъ должна придти къ тому, чтобы понимать все тѣлесные процессы какъ движеніе „послѣднихъ вещей“, стало быть механически.

Прежде всего, какъ мы уже обращали на это вниманіе читателя, эмпирическая наука никогда не въ состояніи обходиться совершенно безъ понятія о вещахъ. Та „наполняющая пространство среда“, относительно которой въ послѣднемъ счетѣ имѣютъ силу все законы, должна непремѣнно быть вещью. Если, стало быть, энергія должна быть подлинной „реальностью“ тѣлеснаго міра, то сама она должна мыслиться какъ тѣлесная вещь или какъ состоящая изъ вещей. Утвержденіе Оствальда, гласящее, что о матеріальныхъ вещахъ мы не знаемъ ничего, но всегда имѣемъ дѣло въ опытѣ лишь съ энергіей или „чувствуемъ“, „fühlen“, лишь энергію ¹⁾, совершенно выходитъ изъ области физики и въ самомъ благопріятномъ случаѣ приводитъ къ гносеологическимъ толкованіямъ, у Оствальда же—къ весьма рискованнымъ спиритуалистически окрашеннымъ метафизическимъ утвержденіямъ, которыя, какъ таковыя, нисколько не касаются челоѣка науки. Если Оствальдъ желаетъ ограничить науку тѣмъ, что онъ и другіе люди „чувствуютъ“, то онъ превращаетъ этимъ все объекты науки въ психическіе процессы. Это уже не естествознаніе. Съ естественно-научной же точки зрѣнія непремѣнно требуется тѣлесный „носитель“ тѣлесныхъ свойствъ и совершенно безразлично, какое гносеологическое толкованіе желаютъ дать этому понятію носителя.

Но не должно-ли, быть можетъ, слово „чувствовать“ имѣть то значеніе, что при его посредствѣ содержанію чувствуемаго придается смыслъ чего то такого, что уже не есть тѣло? Если такъ, то въ такомъ случаѣ замѣну слова матерія словомъ энергія слѣдуетъ разсматривать какъ всего лишь измѣненіе въ терминологіи. Тогда по существу дѣла все остается по старому. Въ такомъ случаѣ энергія оказывается лишь новымъ наименованіемъ для тѣлесной вещи, ко-

¹⁾ Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus. S 29.

торая, въ качествѣ подлинной реальности, лежитъ въ основѣ всего тѣлеснаго міра. Но эта терминологія неудачна. Въ особенности въ популярномъ изложеніи энергетики Оствальдомъ безъ разбора перемѣшаны естественно-научныя, гносеологическія и метафизическія мысли. Правда и механическое пониманіе тѣлеснаго міра, въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно понимается, вовсе не свободно отъ метафизическихъ элементовъ но въ немъ господствуетъ матеріалистическая метафизика, которая безвредна при естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ и которой приходится отдать значительное предпочтеніе по сравненію съ метафизикой спиритуалистической. Во всякомъ случаѣ эмпирически-естественно-научная общая теорія тѣлеснаго міра должна сохранять матеріальныя вещи, о которыхъ она предполагаетъ, что изъ нихъ состоитъ тѣлесный міръ и относительно которыхъ имѣютъ силу всѣ законы.

Еще явственнѣе обнаруживается, что при сохраненіи эмпирической точки зрѣнія и послѣдовательномъ ея развитіи энергетика по своей логической структурѣ должна въ концѣ концовъ совпадать съ механической теоріей, коль скоро мы обратимъ вниманіе на то, чего не хватаетъ у нея для того, чтобы стать совершенно общей теоріей тѣлеснаго міра. А именно—она оперируетъ съ нѣсколькими различными формами энергіи, изъ которыхъ, однако, одна должна быть въ состояніи превращаться въ другую. А если она имѣетъ въ виду сдѣлать превращеніе одной формы энергіи въ другую понятнымъ такимъ образомъ, чтобы въ вышеуказанномъ смыслѣ не оставалось уже непонятнымъ никакое многообразіе, то въ концѣ концовъ она должна свести всѣ различныя формы энергіи къ одному послѣднему виду энергіи. А если остается лишь единая энергія, лежащая въ основѣ всѣхъ формъ энергіи, то какимъ-же образомъ приходится тогда понимать различныя формы энергіи иначе, чѣмъ какъ комплексы „послѣднихъ“ элементовъ энергіи, отличающіеся другъ отъ друга лишь своимъ пространственнымъ порядкомъ и движеніемъ? И такъ, разъ не имѣется въ виду объявить превращеніе непостижимымъ, приходится опять-таки, подобно тому какъ въ теоріи эфирнаго разрѣшата тѣлесный міръ въ систему движущихся послѣднихъ частей, совершенно одинаковыхъ между собой. Назвать-ли въ такомъ случаѣ этотъ субстратъ эфиромъ или энергіей, это, по отношенію къ общей теоріи тѣлеснаго міра, вопросъ опять таки чисто терминологическій.

Во всякомъ случаѣ, стало быть, и благодаря энергетикѣ оказывается невозможнымъ вполне разрѣшить понятія вещей въ понятія отношеній, и общая теорія тѣлеснаго міра не можетъ обойтись безъ допущенія движущихся частицъ массы. Конечно, эти „послѣднія“ вещи можно игнорировать при спеціальномъ изслѣдованіи и обращать вниманіе лишь на тѣ количественныя опредѣленія (Massbestimmungen), которыми выражается эквивалентность различныхъ процессовъ природы; конечно, энергетика можетъ устранить изъ своихъ вычисленій понятіе массы, и для спеціальныхъ естественно-научныхъ цѣлей это можетъ оказываться значительнымъ преимуществомъ; но всегда молчаливо предполагаются послѣднія частицы массы какъ то, что пребываетъ при смѣнѣ процессовъ. И такъ, какою-бы значительную цѣнность мы ни приписывали энергетикѣ для временнаго прогресса въ наукахъ о тѣлесномъ мірѣ, она все-таки никогда не смогла-бы вполне вытѣснить механическое пониманіе природы. Послѣднее, напротивъ того, остается въ полной силѣ, по крайней мѣрѣ въ качествѣ той послѣдней цѣли, къ которой, каковы бы ни были избираемые нами обходные пути, мы должны приближаться. А объ этомъ только и идетъ дѣло у насъ. Энергетика никогда не можетъ представлять собой нѣчто большее, чѣмъ, быть можетъ, необходимый обходный путь, ведущій къ достиженію послѣдней цѣли. Таково, впрочемъ, и мнѣніе самого Оствальда: „вѣдь и онъ полагаетъ, что энергетика «вѣроятно окажется частнымъ случаемъ еще болѣе общихъ соотношеній“¹⁾. Только, по его мнѣнію, „мы врядъ-ли можемъ теперь составить себѣ какую-либо догадку о о формѣ этихъ соотношеній“¹⁾.

Послѣ того какъ мы увидѣли, какую форму принялъ и долженъ принять идеалъ послѣдней естественной науки въ фактически оказывающейся на лицо разработкѣ наукъ, мы намѣрены еще бросить взглядъ на то отношеніе, въ которомъ находятся къ этой послѣдней наукѣ единичныя отрасли естествознанія, чтобы благодаря этому также выяснитъ на примѣрахъ мысль о распредѣленіи различныхъ наукъ сообразно логическому совершенству ихъ понятій.

Въ принципѣ эта мысль должна выясниться, разъ мы вдумаемся въ отношеніе между физикою въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и общей теоріей тѣлеснаго міра, положимъ, въ смыслѣ Герцевской теоріи

¹⁾ Die Ueberwindung u. s. w. S. 35.

эфира. Если физика занимается только отдельными областями тѣлеснаго міра, то она можетъ по отношенію къ нѣкоторымъ понятіямъ обходиться безъ логическаго совершенства, т. е. довольствоваться общими представленіями воззрительныхъ многообразій. Оптика и электричество достигли значительныхъ результатовъ прежде, нежели было найдено общее понятіе для свѣта и электричества. Наоборотъ, если отдѣлы физики приводятся въ связь съ всеобъемлющей теоріей тѣлеснаго міра, то должна пробудиться потребность въ подведеніи всѣхъ ея понятій подъ единообразныя понятія отношеній или законовъ и въ устраненіи всякаго лишь общаго представленія.

Однако, съ другой стороны, хотя бы даже удалось такое превращеніе понятій, тѣ изслѣдованія, которыя были произведены лишь въ предѣлахъ какой-либо доли дѣйствительности и тѣ законы, которые были найдены для этой доли, никогда не утратили бы своей самостоятельной цѣнности. Другими словами, общая теорія тѣлеснаго міра ни въ какомъ случаѣ не смогла-бы сдѣлать излишними спеціальныя физическія теоріи или цѣликомъ превратить физику въ механику. Почему это такъ, можетъ быть вполне выяснено лишь въ связи съ постановкой проблемы объ установленіи границъ естественнонаучнаго образованія понятій, причемъ мы увидимъ, что навсегда должно остаться непонятнымъ даже и для теоріи тѣлеснаго міра, которая мыслится достигнутою высшаго совершенства. Здѣсь, гдѣ дѣло идетъ лишь о самыхъ общихъ тенденціяхъ этого образованія понятій, мы стараемся только показать, какимъ образомъ каждая спеціальная наука стремится выйти изъ собственныхъ предѣловъ, чтобы по крайней мѣрѣ найти связь съ чисто механическимъ пониманіемъ природы. Лишь постольку, поэтому, мы и рассмотрѣли отношеніе физики въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова къ абсолютно общей теоріи тѣлеснаго міра, развитіе же этого ряда мыслей читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Такое же отношеніе, какъ то, которое существуетъ между физикой и механикой, обнаруживается намъ и при рассмотрѣніи понятій химіи. Мы займемся ими, имѣя въ виду разъяснить при этомъ и то, что было сказано о качествѣ «послѣднихъ вещей». Какъ физическое многообразіе представляетъ собой новое многообразіе по сравненію съ механическимъ, такъ химическія свойства вещей представляютъ собой новое воззрительное многообразіе по сравненію съ обоими до сихъ поръ рассмотрѣнными видами многообразія. Это качества вѣсо-

мыхъ веществъ. Онѣ произвольно не принимаются въ расчетъ при рассмотрѣніи тѣль не только въ чистой механикѣ но и въ физикѣ. Химія, какъ новая наука, ставитъ себѣ задачу обработать въ понятіяхъ и это многообразіе.

Благодаря понятію химическаго „элемента“, какъ понятія неразложимыхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ извѣстныя вещества, ей уже удалось произвести весьма значительное упрощеніе даннаго многообразія и для своихъ спеціальныхъ цѣлей она можетъ вполне удовлетворяться такого рода упрощеніемъ. Необозримое множество данныхъ различныхъ веществъ сведено къ сравнительно небольшому числу элементовъ. Все химическое многообразіе, непосредственно доступное опыту, можетъ быть подведено подъ понятія закономѣрно происходящихъ соединеній этихъ элементовъ.

Но при этомъ химія все еще оперируетъ съ сравнительно значительнымъ числомъ понятій вещей, такъ какъ ея элементы даны какъ многообразіе различныхъ вещей другъ возлѣ друга, безъ связи между собой, иногда же открываются даже и новые элементы. Итакъ, еще не существуетъ въ самомъ дѣлѣ законченнаго понятія закона, подъ которое можно было-бы подвести многообразіе химическихъ элементовъ и которое допускало бы и включеніе всякаго вновь открываемаго химическаго элемента. Какъ между чисто механической и физической наукой, точно такъ же и между химическимъ рассмотрѣніемъ и механически-физической теоріей не вполне еще установлена связь.

Но и въ химіи, равнымъ образомъ, существуетъ стремленіе къ образованію такого понятія, которое дѣлало-бы возможнымъ установленіе безусловно общихъ положеній относительно химическаго многообразія и въ этомъ стремленіи опять таки сказывается какъ разъ та же самая тенденція, которую мы постулировали въ силу логическихъ основаній. Прежде всего дѣлается попытка расположить качественно отличающіеся другъ отъ друга и поэтому находящіеся другъ возлѣ друга, какъ чисто фактическое многообразіе, химическіе элементы въ приведенный въ порядокъ рядъ. Это стало возможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ свойства элементовъ могутъ разсматриваться какъ періодическая функція ихъ атомныхъ вѣсовъ. Атомный вѣсъ съ естественной необходимостью указываетъ каждому элементу его мѣсто въ „стройномъ ряду“. Но въ связи съ этимъ находится и нѣчто дальнѣйшее. „Уразумѣніе принадлежности всѣхъ химическихъ элемен-

товъ къ одному ряду, которую послѣ открытія періодическаго закона врядь ли рѣшится отрицать хоть одинъ химикъ... укрѣпило убѣжденіе въ томъ, что всеѣмъ имъ присуще нѣчто общее и благодаря этому придало будущему разложенію элементовъ значеніе незыблемой, хотя быть можетъ и далекой цѣлью научнаго изслѣдованія¹⁾.

Итакъ химія уже образовала понятіе, подъ которое подводится

¹⁾ Victor Meyer. Probleme der Atomistik. S. 20 *). Болѣе детальное обсужденіе, выработанныхъ Менделѣевымъ и Лотаромъ Мейеромъ, теорій, о которыхъ идетъ дѣло въ данномъ случаѣ, не способствовало-бы большому выясненію того логическаго принципа, который единственно имѣетъ значеніе здѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ я, по мѣрѣ возможности, нарочно ограничился разсмотрѣніемъ такихъ представленій, которыя принадлежатъ авторитетнымъ изслѣдователямъ и вызваны потребностью привести ихъ спеціальныя проблемы въ связь съ болѣе общими вопросами. Здѣсь логикъ находить свой лучший матеріалъ. Самого его ничто не заставляеть пестрить свое изложеніе наивозможно большимъ количествомъ цитатъ изъ спеціальныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе что, при той многосторонности, которая для него обязательна, его эрудиція въ области спеціальныхъ наукъ лишь рѣдко можетъ достигнуть свойственной специалисту основательности. Напротивъ того, онъ вѣрнѣе всего избѣгнетъ видимости диллетантизма, цитируя спеціальныя изслѣдованія лишь постольку, поскольку это оказывается необходимымъ для того, чтобы пояснить свою теорію примѣрами.

*) Примѣчаніе переводчика. Ср. однако замѣчаніе Д. И. Менделѣева: „въ періодическомъ законѣ столь же мало видно указаній на единую матерію и на сложность нашихъ элементарныхъ тѣлъ, какъ и въ законностяхъ Авогадро-Жерара, или хотя-бы въ законѣ теплоемкости, даже въ выводахъ самой спектроскопіи... изъ всего, выше сказаннаго, равно какъ изъ тщетности или несостоятельности множества попытокъ найти опытные и умозрительныя доказательства мысли о сложности элементовъ и о первичной матеріи, по моему мнѣнію, очевиденъ тотъ выводъ, что эта мысль должна быть нынѣ отнесена къ числу утопическихъ... Химія нашла отвѣты на вопросы о причинѣ множества и она, держась понятія о многихъ элементахъ, подчиненныхъ дисциплинѣ общаго закона, указываетъ выходъ изъ индійскаго исчезанія во всеобщемъ, даетъ свое мѣсто индивидуальному. Это мѣсто индивидуальности при томъ столь ограничено охватывающимъ, всеильнымъ—всеобщимъ, что составляетъ не болѣе какъ точку опоры для того, чтобы понять множество въ единствѣ“ (Faraday Lecture въ англійскомъ химическомъ обществѣ 23 мая—4 июня 1889 г. проф. Д. Менделѣева. Ср. также очеркъ развитія химическихъ воззрѣній проф. Н. Меншуткина, 1888 г., стр. 333 и сл. глава: гипотезы о сложности элементовъ).

всякій элементъ, какъ членъ ряда, опредѣляемый атомнымъ вѣсомъ, т. е. лишь количественно. Если предположить, что эти теоріи доведены до наибольшаго совершенства, то и для химіи въ концѣ концовъ, какъ „нѣчто общее“ во всеѣхъ элементахъ, осталось бы всего лишь одно единственное понятіе вещи, понятіе „первичнаго элемента“, являющагося въ различномъ количествѣ и распредѣленіи въ различныхъ веществахъ, которыя теперь еще разсматриваются какъ „элементы“. Тогда все многообразіе представляемое всеѣми вообще возможными химическими процессами мыслилось бы какъ состоящее изъ множества существующихъ въ неограниченномъ числѣ, но совершенно одинаковыхъ между собою атомовъ первичнаго элемента. Если-же затѣмъ привести понятіе первичнаго элемента въ связь съ совершенно общей теоріей матеріи въ смыслѣ теоріи ээира Герца, то первичный элементъ пришлось-бы постольку отождествить съ самимъ ээиромъ, поскольку онъ представляетъ собой то видоизмѣненіе ээира, которое характеризуется, какъ вѣсомая матерія. Наконецъ и тѣ законы, согласно которымъ образуются различныя химическія вещества, конечно, равнымъ образомъ должны были бы оказаться тѣми же механическими законами, которымъ вообще подчинены движенія ээира. Въ такомъ случаѣ и все химическое многообразіе обнималось бы чисто механическимъ пониманіемъ природы и благодаря этому было-бы вполне понято.

Однако, опять таки и химія, благодаря этому, столь же мало утратила бы свойственный ей, какъ самостоятельной, наукѣ характеръ, какъ мало теряютъ его оптика или акустика по отношенію къ механикѣ. Химія какъ таковая останавливается на свойствахъ химическихъ веществъ и предоставляетъ свое послѣднее понятіе вещи, химическое вещество вообще или первичный элементъ, послѣдней естественной наукѣ, которая превращала-бы его въ понятіе отношенія. Здѣсь дѣло идетъ только о томъ, что, коль скоро общая теорія тѣлеснаго міра мыслится совершенной, то въ ней все понятія какъ химіи такъ и физики могли-бы быть превращены въ понятія отношеній или законовъ.

Но, хотя-бы даже все эти теоріи и были совершенно выработаны, этимъ все еще не достигалось бы завершеніе естественно-научной работы. Данная въ эмпирическомъ воззрѣніи дѣйствительность представляетъ намъ все новыя многообразія, до сихъ поръ не допускающія подведенія подъ разсмотрѣнныя здѣсь понятія. Прежде

всего міръ организмовъ, „царство“ живыхъ тѣлъ, ставитъ предъ наукой новые вопросы. Допускаютъ ли и эти тѣла механическое объясненіе? Но здѣсь мы не станемъ прослѣживать дальнѣйшаго развитія этихъ мыслей. Намъ опять придется вернуться къ нимъ въ связи съ обсужденіемъ иныхъ проблемъ и лишь тогда мы будемъ въ состояніи вполне выяснитъ мысль о систематической классификаціи всѣхъ различныхъ естественныхъ наукъ. Для этого мы сперва должны выработать понятіе объ историческомъ. Оно, въ наиболѣе широкомъ его смыслѣ, играетъ роль уже когда дѣло идетъ о мысли о возникновеніи различныхъ химическихъ элементовъ изъ одного первичнаго элемента; еще менѣе того можетъ обойтись безъ него выясненіе логическихъ принциповъ біологіи, которая вѣдь находится нынѣ подъ знакомъ исторіи развитія. Здѣсь пока дѣло шло лишь о томъ, чтобы видѣть, насколько наши теоріи о понятіяхъ вещей и понятіяхъ отношеній могутъ быть пояснены нѣкоторыми понятіями естествознанія. Еще разъ обращаемъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что при этомъ мы совершенно оставили въ сторонѣ вѣрность содержанія разсматриваемыхъ естественно-научныхъ теорій. Это изслѣдованіе всего менѣе задается построеніемъ какихъ либо натуръ-философскихъ умозрѣній. Напротивъ того, чисто логическое должно быть наивозможно тщательнѣе ограничиваемо отъ всякаго предметнаго содержанія.

VI.

Описаніе и объясненіе.

Результатъ предшествующаго изслѣдованія мы можемъ резюмировать такимъ образомъ. Мы разсмотрѣли естественно-научное понятіе какъ средство, при помощи котораго конечный духъ способенъ преодолѣть безконечное многообразіе тѣлеснаго міра, и благодаря этому, обнимать своими сужденіями дѣйствительность. Итакъ мы усматриваемъ подлинную логическую «сущность» естественно-научнаго понятія не въ общности, не въ опредѣленности и не въ обязательности, но въ его задачѣ, состоящей въ томъ, чтобы упрощать міръ и дѣлать его доступнымъ обозрѣнію. Общность, опредѣленность и обязательность должны быть понимаемы лишь какъ необходимые средства для достиженія этой первоначальной цѣли.

Мы можемъ различать три различныя стадіи, на которыхъ понятія все въ болѣе и болѣе высокой степени справляются со своей задачей. Первая стадія понятія, будучи разсматриваема какъ психологическое образованіе, совершенно совпадаетъ съ значеніемъ слова, возникшемъ въ естественномъ теченіи нашей духовной жизни. Въ этомъ значеніи слова насъ интересуетъ его (эмпирическая) общность, т. е. то обстоятельство, что оно есть представленіе объ общемъ въ различныхъ формахъ. Но логическую цѣнность и благодаря этому право на то, чтобы быть называемымъ понятіемъ, оно пріобрѣтаетъ лишь благодаря той научной связи, въ которую оно приводится и той научной цѣли, которую оно выполняетъ.

Затѣмъ мы видѣли, что значеніе словъ, въ томъ видѣ, какъ оно возникло при естественномъ ходѣ мышленія, лишь въ немногихъ случаяхъ можетъ вполне выполнять логическую задачу понятія. Такъ какъ его содержаніе при попыткѣ отчетливо представить его себѣ всегда оказывается воззрительнымъ многообразіемъ, при чемъ общее не выдѣляется изъ послѣдняго съ требуемою опредѣленностью, а стало бытъ мы не знаемъ точно, что именно изъ безконечнаго множества мы должны охватить нашимъ познаніемъ, то должна возникнуть потребность упрощать и это воззрительное многообразіе, т. е. специально выдѣлять изъ него его существенныя составныя части. Требуемая, такимъ образомъ, опредѣленность, присоединяющаяся на ряду съ эмпирической общностью въ качествѣ второго свойства естественно-научнаго понятія, можетъ быть получена лишь посредствомъ нѣсколькихъ предложеній. Такимъ образомъ возникаетъ понятіе, въ томъ видѣ, какъ оно извѣстно традиціонной логикѣ въ качествѣ комплекса признаковъ,—образованіе, которое хотя и отличается психологически отъ естественнаго значенія слова, но съ логическихъ точекъ зрѣнія, т. е. будучи разсматриваемо по отношенію къ своему значенію, которое оно имѣетъ для цѣли науки, представляетъ собой лишь болѣе высокую ступень первой функціи понятія. А именно, если съ помощью логически необработанныхъ значеній словъ мы можемъ только однозначно резюмировать и упрощать члены нѣкотораго многообразія, между которымъ существуетъ значительное воззрительное сходство, то на этой второй стадіи понятія дѣлаютъ возможнымъ упорядоченіе и упрощеніе, т. е., такъ называемую, классификацію всякаго доступнаго обозрѣнію воззрительнаго многообразія.

Наконецъ третья стадія понятія дѣлаетъ возможнымъ завершение начатаго на первой и второй стадіяхъ труда упрощенія. Естествознаніе не только сопоставляетъ признаки, чтобы благодаря этому сдѣлать опредѣленнымъ содержаніе понятія, но и объединяетъ нѣкоторое число принадлежащихъ другъ къ другу элементовъ и этимъ подготавливаетъ такого рода образованіе понятій, которое въ концѣ концовъ можетъ приводить къ понятіямъ, въ которыхъ содержатся безусловно общія сужденія или законы природы. Благодаря этому становится возможнымъ не только упрощать какое нибудь доступное обозрѣнію многообразіе, но и производить упорядоченіе и упрощеніе міра, распространяющееся на безконечное множество формъ и этимъ завершающее преодолѣніе воззрительнаго многообразія. Совершенное понятіе должно не только содержать въ себѣ и притомъ опредѣленно общее нѣкоторому доступному обозрѣнію, но кромѣ того оно должно и обладать безусловно общою обязательностью. Но эта обязательность всегда оказывается обязательностью сужденія. И въ понятіяхъ о вещахъ для естествознанія дѣло въ концѣ концовъ идетъ лишь объ обязательности относящихся къ вещи сужденій.

Мы неоднократно подчеркивали, что для насъ въ этихъ изслѣдованіяхъ о познаніи тѣлеснаго міра въ понятіяхъ дѣло идетъ только о томъ, чтобы понять методъ естествознанія по отношенію къ его послѣднимъ цѣлямъ. Такъ какъ мы ограничились образованіемъ понятій, стало-быть разсмотрѣли лишь одну сторону этого метода, то наше изложеніе должно было и могло стать одностороннимъ. Само собою разумѣется, что не всякое естественно-научное изслѣдованіе заранѣе исключительно задается тенденціей какъ можно скорѣе перейти отъ многообразія формъ къ разсмотрѣнію наиболѣе общихъ понятій. Конечно, естествознаніе удѣляетъ надлежащее вниманіе и многообразію единичныхъ вещей и почти повсюду точное наблюденіе и анализъ единичнаго служатъ для выработки общихъ теорій основаніемъ, безъ котораго послѣдняя не можетъ обойтись. Мы имѣемъ въ виду лишь то обстоятельство, что эти процессы въ естествознаніи никогда не служатъ самоцѣлью, но всегда лишь средствомъ для образованія общихъ понятій и во всякомъ случаѣ намъ не приходится обстоятельнѣе разсматривать ихъ здѣсь, гдѣ наше изслѣдованіе направлено лишь на образованіе понятій и послѣднія цѣли естествознанія.

Но, можно было-бы думать, что, помимо этой намѣренной и законной односторонности, наше изложеніе осталось одностороннимъ и по отношенію къ самому образованію понятій и къ цѣлямъ естествознанія. А именно, мы до сихъ поръ лишь бѣгло коснулись одного различенія, нерѣдко играющаго важную роль въ логическихъ изслѣдованіяхъ, а именно различенія между описаніемъ природы и объясненіемъ природы. Поэтому противъ развиваемыхъ нами мыслей, быть можетъ, послѣдуетъ возраженіе, что они имѣютъ въ виду лишь понятія тѣхъ естественныхъ наукъ, которыя ставятъ себѣ задачей объяснять, но что ими, напротивъ того, упускается изъ виду образованіе понятій при описаніи вещей. А вѣдь и описаніе есть дѣло естествознанія, но оно имѣетъ, моль, иныя цѣли и задачи, чѣмъ объясненіе, а соотвѣтственно этому и его понятія должны быть разсматриваемы особо. Не подобаетъ, моль, третировать, какъ мы это дѣлали, описаніе лишь какъ работу, подготавливающую объясненіе. Возможно даже и еще далѣе идущее возраженіе. Утверждалось вѣдь, что все естествознаніе ограничивается описаніемъ дѣйствительности и что естествознаніе вовсе не можетъ объяснять. Не дѣлаютъ-ли эти утвержденія, послѣднее изъ которыхъ зачастую отстаивалось весьма рѣшительно, какъ замѣчательное открытіе, наши результаты проблематичными?

Мы держимся, конечно, того мнѣнія, что, когда дѣло идетъ объ образованіи понятій и о послѣднихъ цѣляхъ естествознанія, нельзя устанавливать принципиальнаго различенія между описаніемъ и объясненіемъ. И, въ извѣстномъ отношеніи, даже главная цѣль этихъ изслѣдованій состояла въ томъ, чтобы показать, что всѣ стремленія естествознанія клонятся къ достиженію цѣли, для обозначенія которой неудачно выбрано слово описаніе. Утвержденіе же, гласящее, что все естествознаніе сводится къ описанію и никогда не можетъ стать чѣмъ либо инымъ, кажется намъ совершенно несостоятельнымъ. И такъ, мы не думаемъ, что указаніе на различіе между описаніемъ и объясненіемъ имѣетъ существенное значеніе для нашей теоріи.

Но съ другой стороны нельзя отрицать и того, что не слѣдуетъ безъ дальнихъ околичностей сводить все естествознаніе къ объясненію и что поэтому различію между описаніемъ и объясненіемъ въ извѣстномъ отношеніи фактически соотвѣтствуетъ различіе двухъ отличающихся другъ отъ друга видовъ естествознанія. Такъ какъ теперь этому различію зачастую приписывается особое значеніе, то, быть

можетъ, цѣлесообразно будетъ специально постольку разобрать эти два утверждения, гласящія, или что естествознаніе всецѣло сводится къ описанію, или что описаніе по крайней мѣрѣ, надлежитъ отдѣлять отъ объясненія, поскольку при этомъ дѣло идетъ объ образованіи понятій. Конечно, мы не можемъ уже сказать относительно этого чего либо принципиально новаго. Нижеслѣдующее должно быть разсматриваемо главнымъ образомъ, какъ резюме этой главы и выводъ нѣкоторыхъ слѣдствій, касающихся вопроса объ отношеніи описанія и объясненія, при чемъ мы стараемся представить существенные результаты нашего изслѣдованія о познаніи тѣлеснаго міра въ понятіяхъ въ такой формѣ, въ которой они пригодятся намъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло должно идти о противоположеніи описанія и объясненія, то мы намѣрены сперва вкратцѣ указать, что по нашей теоріи надлежитъ разумѣть подъ естественно научнымъ объясненіемъ. Тогда мы легче всего сможемъ установить понятіе естественно-научнаго описанія въ его отношеніи къ понятію объясненія.

Во первыхъ, объяснять что либо, конечно, можетъ означать для насъ не что иное, какъ понимать его въ выше указанномъ смыслѣ, и притомъ называть всякое пониманіе объясненіемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ словоупотребленію. Иногда мы удовлетворяемся уже такимъ объясненіемъ, которое называетъ какую либо вещь извѣстнымъ намъ именемъ, т. е. всего лишь подводитъ ее подъ какое нибудь общее значеніе слова. Такъ млечный путь на небѣ объясненъ, коль скоро намъ говорятъ, что онъ представляетъ собой скопленіе „звѣздъ“. Еще болѣе удовлетворяетъ объясненіе въ томъ случаѣ, если изъ многообразія какого нибудь явленія, которое мы на первыхъ порахъ смогли только допускать, специально выдѣлены опредѣленные признаки и въ то же время намъ указываютъ на другія извѣстныя намъ явленія, въ которыхъ равнымъ образомъ оказываются на лицо эти признаки. Тогда въ самомъ дѣлѣ можно говорить объ „объясненіи“ въ томъ смыслѣ, что въ какомъ нибудь неисчерпаемомъ и необозримомъ многообразіи рельефно и ясно выдѣляются „существенныя“ составныя части. Итакъ, объясненіемъ можетъ становиться уже всякое подведеніе подъ какое нибудь понятіе на первой или на второй стадіи.

Однако намъ нельзя употреблять слово объясненіе въ этомъ наиболѣе широкомъ смыслѣ здѣсь, гдѣ мы намѣрены противоположить

понятіе объясненія понятію описанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы совершенно не были бы въ состояніи отличить объясненіе отъ естественно-научнаго описанія. Вѣдь мы показали, что вообще безъ примѣненія понятій невозможно никакое естественно-научное мышленіе. Поэтому мы будемъ примѣнять слово объясненіе лишь для особаго рода пониманія и притомъ мы должны сказать, что естественно-научное объясненіе имѣется лишь тамъ, гдѣ удалось подвести какое либо явленіе подъ такое понятіе, которое уже находится на третьей стадіи, которое, стало быть, представляетъ собой не только значеніе слова или комплексъ признаковъ, но служить выраженіемъ „необходимой“ связи, т. е. безусловно обще-обязательнаго закона природы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это удалось, дано такъ называемое „причинное“ объясненіе, т. е. разъ мы подвели что либо подъ понятіе какого нибудь закона, мы знаемъ, почему оно должно имѣть именно тотъ или иной характеръ. Въ этомъ смыслѣ удивительная игра красокъ, возникающая, когда дождь идетъ при солнечномъ освѣщеніи, объяснена, коль скоро мы можемъ подвести явленіе радуги подъ общіе понятія законовъ преломленія лучей свѣта. Изъ даннаго многообразія выдѣлены въ такомъ случаѣ тѣ элементы, между которыми оказывается всегда и повсюду встрѣчающаяся связь и мы стало быть, уразумѣли „необходимость“ радуги при озареніи падающаго дождя солнцемъ.

Такое объясненіе, конечно, оказывается тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ болѣе обширны и общи тѣ понятія, которыми пользуются при немъ. „Послѣдніе“ законы природы оказывались бы способными все въ этомъ смыслѣ совершенно объяснить. Такъ, напр., организмъ теперь еще не объясненъ, такъ какъ онъ кажется исключеніемъ изъ тѣлеснаго міра, который въ остальномъ мыслится механически. Итакъ мы имѣли бы его объясненіе въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось подвести его подъ наиболѣе общія понятія тѣлесной природы. Тогда онъ представлялъ-бы собой всего лишь особый случай всегда и всюду происходящихъ механическихъ процессовъ и оказывался бы въ одномъ ряду со всѣми другими частями безконечнаго экстенсивнаго многообразія. Изъ его интенсивнаго многообразія было-бы, въ качествѣ его „сущности“, выдѣлено то, что приводитъ его въ связь съ „сущностью“ міроваго цѣлага. Иного лучшаго объясненія, чѣмъ то, которое состоитъ въ подведеніи подъ наиболѣе общія понятія законовъ, не въ состояніи дать естествознаніе. Въ немъ

уразумѣніе „необходимости“ какого нибудь процесса всегда можетъ состоять лишь въ познаніи тѣхъ законовъ, которые имъ управляютъ ¹⁾.

Что-же такое приходится намъ теперь разумѣть подъ естественно-научнымъ описаніемъ въ противоположность такому объясненію? Совершенно вообще, мы должны обозначать этимъ словомъ всякій родъ изображенія дѣйствительности, при которомъ обходятся безъ примѣненія безусловно общеобязательныхъ сужденій, т. е. понятій законовъ. Стало быть, такъ какъ и описаніе не можетъ обойтись безъ понятій въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, оно пользовалось бы въ такомъ случаѣ понятіями на первой или на второй стадіи и притомъ только таковыми. Инымъ образомъ ограничить описаніе отъ объясненія мы не въ состояніи и мы полагаемъ, что это отличие почти всегда имѣется въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда вообще естественно-научное описаніе противопоставляется объясненію. Объясненіе всегда нуждается въ такихъ понятіяхъ, которыя болѣе чѣмъ эмпирически общеобязательны. Описаніе-же вещей, напротивъ того, считаетъ для себя возможнымъ обойтись безъ сверхъ-эмпирическаго (überempirische) элемента.

Во всякомъ случаѣ это различіе, болѣе или менѣе ясно сознаваемое, лежитъ прежде всего въ основѣ того утвержденія, которое гласитъ, что естествознаніе вообще не въ состояніи дать что либо иное, чѣмъ описаніе и должно отказаться отъ всякаго объясненія, т. е. уразумѣнія какой нибудь „необходимой“ связи. Именно болѣе чѣмъ эмпирическая обязательность понятій законовъ служитъ камнемъ преткновенія для извѣстныхъ логическихъ направленій и ее-то хотѣли бы устранить. Утверждается, что описаніе должно стать на мѣсто объясненія, такъ какъ оно, повидимому, не нуждается въ сверхъ-эмпирическомъ элементѣ.

¹⁾ Конечно, быть можетъ, возможно объясненіе еще въ совершенно особомъ смыслѣ, а именно въ тѣхъ случаяхъ, если тѣ законы, которыми пользуются при этомъ, сами кажутся непосредственно необходимыми, и можно было бы думать, что именно „последнимъ законамъ“ должна быть свойственна эта необходимость. Однако здѣсь мы можемъ оставить въ сторонѣ такую возможность, такъ какъ во всякомъ случаѣ употребленіе слова объясненіе нельзя было бы ограничить этими случаями, но въ этихъ случаяхъ мы всегда имѣли бы дѣло лишь съ особымъ родомъ объясненія.

Но, если естествознаніе ограничиваютъ описаніемъ и, несмотря на это, требуютъ отъ него изображенія тѣлеснаго міра въ томъ смыслѣ, что описываться должны не только единичные, тамъ и сямъ встрѣчающіеся факты, но элементы, общіе всѣмъ тѣлеснымъ вещамъ и процессамъ, то, согласно тѣмъ выводамъ, къ которымъ мы пришли относительно необозримаго многообразія, легко видѣть, что дѣло сводится къ тому, что новой терминологіей только затемняется подлинный центральный пунктъ проблемы. Вѣдь проблема кроется въ распространеніи „описанія“ на всѣ части тѣлеснаго міра, т. е. въ понятіи полнаго описанія природы. Благодаря тому только, что избѣгается слово объясненіе, врядъ-ли измѣнится сколько-нибудь то обстоятельство, что „полное описаніе“ тѣлеснаго міра вслѣдствіе интензивной и экстензивной безконечности вещей оказывается, въ качествѣ цѣли естествознанія, логически невозможнымъ безъ примѣненія болѣе чѣмъ эмпирически общихъ понятій.

Наиболѣе явственно это обнаруживается, если подумать, что и задачи механики сводятъ исключительно къ описанію. Полагаютъ при этомъ, что обязательность положеній механики ограничивается тѣми процессами движенія, которые до сихъ поръ можно было непосредственно наблюдать. Тогда понятія механики, конечно, казались-бы лишь эмпирически общими и тогда имѣло бы смыслъ называть механику описаніемъ. Но вѣдь никто не можетъ серьезно такъ думать ¹⁾. Механика теряетъ всякій смыслъ, коль скоро ея понятія имѣютъ силу не для всѣхъ тѣлъ безъ исключеній, въ томъ числѣ и для тѣхъ, которыя никогда не были и никогда не могутъ быть непосредственно наблюдаемы. Но, разъ понятіямъ механики свойственна такая обязательность, они должны быть и болѣе чѣмъ эмпирически общими. Итакъ, если слову объясненіе придается то

¹⁾ Таковымъ, во всякомъ случаѣ, не было мнѣніе Г. Кирхгофа, къ которому въ большинствѣ случаевъ приурочиваютъ попытки ограничить все естествознаніе описаніемъ. Вѣдь онъ характеризуетъ задачу механики, какъ состоящую въ томъ, чтобы „полно и простѣйшимъ образомъ описать совершающіяся въ природѣ движенія“. (Analytische Mechanik. S. 1). *) Какъ физикъ, онъ имѣлъ право игнорировать ту логическую проблему, которая содержится въ понятіи полнаго описанія. Но логику непроизвольно успокаивать на подобномъ словѣ.

*) Примѣчаніе переводчика. См. Н. А. Умовъ. Вопросы познанія въ области естественныхъ наукъ. Вопросы философіи и психологіи, XXII (1894, Мартъ).

значение, въ которомъ оно только и можетъ употребляться въ естествознаніи, то совершенно бессмысленно избѣгать его для механики и для всѣхъ другихъ наукъ, оперирующихъ съ такимъ матеріаломъ, который въ его экстенсивномъ и интенсивномъ многообразіи никогда не можетъ быть даже и приблизительно вполне разсмотрѣнъ въ деталяхъ, и поэтому безъ произвольности можетъ быть подведенъ подъ доступную обзорнѣю систему понятій лишь при посредствѣ понятій законовъ.

Итакъ, намъ не приходится далѣе заниматься разборомъ утверждения, гласящаго, что все естествознаніе сводится къ описанію. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ лишь о спорѣ изъ за словъ и о попыткѣ ввести сбивчивую терминологию. Мы намѣрены, напротивъ того, разумѣть подъ описаніемъ теперь лишь родъ научнаго изложенія, при которомъ стараются обработать данный матеріалъ безъ примѣненія понятій законовъ. Однако и въ такомъ случаѣ слово описаніе имѣетъ еще два значенія, которыя мы, равнымъ образомъ, должны тщательно отличать другъ отъ друга. А именно, во первыхъ, имѣется описаніе въ смыслѣ, такъ называемыхъ „описательныхъ естественныхъ наукъ“. Эти послѣднія усматриваютъ цѣль своего образованія понятій въ полной классификаціи даннаго экстенсивнаго многообразія. Затѣмъ имѣется такого рода описаніе, при которомъ вообще не стремятся къ систематическому изображенію и расчлененію въ понятіяхъ какого-нибудь экстенсивнаго многообразія, но которое имѣетъ своей задачей только наблюденіе и анализъ отдѣльныхъ процессовъ и ихъ интенсивнаго многообразія. Этого рода описаніе ограничивается констатированіемъ того, что дѣйствительно существуетъ въ томъ или иномъ мѣстѣ и его можно также охарактеризовать какъ описаніе или установленіе фактовъ. Мы стараемся выяснитъ отношеніе обоихъ родовъ описанія къ объясненію, поскольку при этомъ дѣло идетъ объ образованіи понятій.

Мы уже замѣтили, что въ новѣйшемъ естествознаніи простую только классификацію почти всегда надлежитъ разсматривать лишь какъ подготовительную научную работу. Здѣсь мы, конечно, не принимаемъ этого въ расчетъ, такъ какъ, пока мы продолжаемъ держаться того мнѣнія, что знаніе безусловно общихъ сужденій въ качествѣ послѣдней цѣли лежитъ въ основѣ всякаго естественнонаучнаго изслѣдованія, лишь мало по малу можетъ установиться различіе между понятіями, съ которыми оперируетъ классификація и

понятіями законовъ, и при этомъ предположеніи уже не было бы надобности въ особомъ изслѣдованіи, посвященномъ этому вопросу. Но, допуская здѣсь, что описательныя науки имѣютъ своей задачей только классификацію своихъ объектовъ, а поэтому ограничивая ихъ, по отношенію къ ихъ послѣднимъ цѣлямъ, отъ объясняющихъ наукъ, мы должны теперь поставить вопросъ, отличаются-ли онѣ въ такомъ случаѣ отъ послѣднихъ и по своей логической структурѣ до такой степени, что ихъ понятія принципиально отличны отъ тѣхъ понятій, которыя мы разсматривали до сихъ поръ. Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы намѣрены на нѣсколькихъ примѣрахъ выяснитъ свойственное описанію образованіе понятій. Зоологіей и ботаникой можно заниматься такимъ образомъ, что задача ихъ сводится къ классификаціи оказывающихся на лицо растений и животныхъ. Прежде всего, само собою разумѣется, что и въ такомъ случаѣ эти науки столь же мало, какъ и объясняющее естествознаніе, въ состояніи разсматривать все многообразіе ихъ матеріала въ частностяхъ, т. е. и для нихъ оказывается невозможнымъ такого рода описаніе, которое состояло бы въ томъ, чтобы онѣ старались изобразить всякое отдѣльное животное или всякое отдѣльное растеніе. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой области возможна, по крайней мѣрѣ, приблизительно полная обработка въ понятіяхъ даннаго этимъ понятіямъ многообразія безусловно общеобязательныхъ понятій. На чемъ это основывается, мы должны понять изъ природы матеріала этихъ наукъ. Тогда мы уразумѣемъ сущность свойственнаго имъ образованія понятій.

Прежде всего, что касается экстенсивнаго многообразія ихъ объектовъ, изслѣдованіе направлено лишь на небольшую долю тѣлеснаго міра, пространственно и временно заключающуюся въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Тогда какъ понятія оптики должны быть настолько же обязательны для свѣта любого мірового тѣла, какъ и для лампы, стоящей возлѣ насъ, описательная зоологія—или ботаника—имѣетъ дѣло лишь съ [тѣми животными или растеніями, которыя встрѣчаются въ извѣстныхъ эпохи на землѣ. Далѣе, то, что надлежитъ разсматривать, какъ животное или какъ растеніе, можно, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, уже заранѣе предполагать извѣстнымъ, т. е. для описательной науки имѣютъ значеніе лишь вполне опредѣленныя формы тѣлеснаго міра, которыя именно и называются животными или растеніями. Такимъ образомъ у нихъ ма-

теріала оказывається сравнительно немного. Познаніє опредѣлен-
ныхъ формъ допускаетъ выборъ существенныхъ образованийъ изъ
многообразія вещей. Такимъ образомъ эмпирическое установленіе
всѣхъ различныхъ формъ становится цѣлью, къ достиженію которой
можно по крайней мѣрѣ приближаться. Существеннымъ пунктомъ
оказывается то обстоятельство, что въ данной области экстенсивное
многообразіе вещей не безконечно. Поэтому при его преодоленіи
можно обходиться безъ понятій законовъ, такъ какъ вѣдь они были
бы необходимы лишь для упрощенія безконечнаго многообразія.

Однако эта ограниченность экстенсивнаго многообразія оказы-
вается еще недостаточной для того, чтобы понять упрощеніе безъ
понятій законовъ. Остается еще интенсивное многообразіе единич-
ныхъ вещей, и, конечно, это многообразіе въ данной области, какъ и
повсюду, необозримо. Какимъ образомъ выдѣлить изъ него то, что
существенно для образованія понятій и выработать принципъ для
классификаціи? Здѣсь мы должны принять во вниманіе слѣдующее.
Описательное естествознаніе мало занимается тѣмъ безконечнымъ мно-
гообразіемъ, которое находится въ связи съ измѣненіемъ вещей и ко-
торое мы можемъ назвать временнымъ. Его занимаютъ лишь въ дан-
ный моментъ оказывающіяся на лицо формы, которыя принимаются
имъ за неизмѣнныя, или на измѣненія которыхъ оно, по крайней
мѣрѣ, не обращаетъ вниманія. Правда въ извѣстномъ отношеніи оно
рассматриваетъ и измѣненіе вещей. Такъ ботаника знаетъ, конечно,
что вишневое дерево не таково въ періодъ цвѣтенія, какъ зимою, но
здѣсь дѣло идетъ о такихъ измѣненіяхъ, различныя стадіи которыхъ
повторяются въ теченіи одного года. Большою частью изъ смѣны
формъ выбираются лишь немногія стадіи ряда и притомъ такія, ко-
торыя всегда возвращаются. И такъ, необозримымъ остается, собственно
говоря, всего лишь интенсивное многообразіе пространственнаго сло-
женія (Gestaltung). И оно въ данномъ случаѣ не оказывається не-
преодолимымъ. Такъ какъ для описательныхъ наукъ дѣло идетъ лишь
объ уже заранѣе опредѣленныхъ формахъ тѣлъ, которыя въ извѣст-
ныхъ границахъ фиксированы, то эти формы даютъ и средство, дѣ-
лающее возможнымъ путемъ чисто эмпирическаго сравненія раз-
личныхъ вещей другъ съ другомъ выдѣлить изъ ихъ интенсивнаго
многообразія то, что существенно по отношенію къ этимъ формамъ,
опять таки безъ примѣненія безусловно общихъ понятій.

Тѣмъ не менѣе и матеріалъ описательныхъ наукъ, въ особен-

ности по отношенію къ экстенсивному многообразію, оказывається не-
обозримымъ. Вѣдь никогда нельзя знать, не окажется-ли гдѣ либо на
землѣ еще какая либо форма, которая совершенно отличается отъ
всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ формъ и все-же должна быть при-
числена къ животнымъ или растеніямъ. Въ такомъ случаѣ требуются
еще особыя средства для того, чтобы создать такую систему понятій,
которая не только обнимала бы всѣ непосредственно данныя формы,
но дѣлала бы возможнымъ и включеніе всѣхъ вновь открываемыхъ
животныхъ или растеній безъ примѣненія понятій законовъ. Мы
должны стараться понять логическую сущность и этихъ средствъ.

Разсмотримъ въ этомъ отношеніи, на примѣръ, ботаническую си-
стему. Въ ней построены понятія, находящіяся другъ къ другу
въ отношеніи противорѣчивой противоположности. Конечно, при по-
средствѣ такихъ двучленныхъ дисъюнкцій легко можно охватить всѣ
мыслимыя растенія. Согласно началу исключеннаго третьяго, ра-
стенія должны быть или цвѣтковыми или безцвѣтковыми, цвѣтко-
вые должны быть или скрыто-сѣменными или голосѣменными и т. д.,
и т. д. Система понятій перестаетъ быть примѣнимой лишь въ томъ
случаѣ, если оказывається такая вещь, о которой нельзя уже сказать,
принадлежитъ ли она вообще къ растеніямъ. Съ логическихъ то-
чекъ зрѣнія интересна также мысль выбрать изъ многообразія цвѣт-
ковъ число тычинокъ и на основаніи его классифицировать ра-
стенія. Здѣсь упрощеніе многообразія въ извѣстномъ отношеніи осно-
вывается на томъ же самомъ принципѣ, который мы констатировали,
когда дѣло шло о наисовершеннѣйшихъ понятіяхъ объясняющихъ
наукъ. Всякое растеніе, которое вообще имѣетъ тычинки, находитъ
свое мѣсто въ этой системѣ понятій, такъ какъ въ одномъ числѣ
никогда не можетъ заключаться что либо способное ниспровергнуть
систему. Такимъ образомъ, для того, чтобы распространить систему
понятій на такія явленія, которыя еще не были непосредственно
наблюдаемы, созданъ какъ бы суррогатъ понятій закона, безъ кото-
рыхъ при этомъ иначе нельзя обойтись.

Этихъ замѣчаній объ описательныхъ естественныхъ наукахъ, по-
жалуй, достаточно для выясненія занимающаго насъ вопроса. Мы
видимъ, что свойства понятій и въ нихъ вполне объяснимы изъ того
обстоятельства, что послѣднія служатъ средствами для преодоленія
и упрощенія экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія. Слѣдовательно,
понятія во всякомъ случаѣ должны быть общими и опредѣленными.

То, чего у нихъ не хватаетъ по сравненію съ до сихъ поръ разсмотрѣнными понятіями, а именно безусловная общеобязательность, можетъ отсутствовать у нихъ потому, что она не оказывается необходимой для достиженія той цѣли, къ которой стремятся въ этихъ наукахъ. Въ этомъ заключается все различіе. Но мы отнюдь не можемъ сказать, что этимъ понятіямъ вообще не свойственна обязательность и что они, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи принципиально отличны отъ понятій законовъ. Вѣдь коль скоро они выполняютъ ту цѣль, для которой они образованы, и они имѣютъ силу. А эта цѣль заключается въ упрощеніи, и въ этомъ-то для насъ все дѣло, такъ какъ мы не должны забывать, что мы разсматривали и безусловную обязательность понятій законовъ лишь какъ средство для упрощенія многообразія. Итакъ образованіе понятій въ описательныхъ наукахъ вполне аналогично образованію понятій въ объясняющихъ наукахъ.

Конечно, остается одно различіе. Обязательность этихъ понятій — иного рода, такъ какъ она существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ мысль о томъ, что „царство“ растений или животныхъ не въ самомъ дѣлѣ образуетъ нѣчто неизмѣнное и замкнутое въ себѣ, но, вѣроятно, имѣетъ начало и конецъ, и во всякомъ случаѣ должно быть разсматриваемо какъ членъ природы въ ея цѣломъ. А разъ возникаетъ эта мысль, всякая система понятій только описательнаго естествознанія, конечно, должна представляться произвольной и понятія утрачиваютъ свою обязательность. Но вѣдь въ такомъ случаѣ описательныя науки, какъ такія науки, которыя имѣютъ иную цѣль чѣмъ объясненіе, вообще перестаютъ существовать, т. е. благодаря тому, что вводятся понятія законовъ, описаніе переходитъ въ объясненіе или въ попытку дать таковое. Поэтому намъ приходится въ данномъ случаѣ не касаться этого. И въ противоположность объясненія описаніе сохраняетъ свою цѣнность всюду въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тотъ матеріалъ, который требуется описать, допускаетъ полное упрощеніе своего многообразія безъ понятій законовъ, такъ какъ для такого матеріала описаніе способно выполнить нѣчто вполне соответствующее объясненію при посредствѣ понятій законовъ, потому и нельзя уже признавать чисто произвольными тѣ понятія, которыя примѣняются при этомъ, разъ только они выполняютъ свою задачу. Притомъ вѣдь безъ примѣненія понятій законовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя, конечно, вполне избѣжать произвольности, но въ опи-

сательныхъ наукахъ произвольность все же заключается лишь въ томъ, что научною цѣлью признается всего лишь классификація нѣкотораго многообразія постоянныхъ формъ, т. е. произвольность заключается только въ постановкѣ цѣли, а не въ самомъ образованіи понятій.

Итакъ, съ той точки зрѣнія, что вообще сущность естественно-научнаго образованія понятій должна быть понимаема изъ цѣли упрощенія, существованіе описательныхъ наукъ во всякомъ случаѣ не возраженіе противъ правильности нашей теоріи понятія. И ихъ понятія, подобно всѣмъ другимъ понятіямъ, на ряду съ общностью и опредѣленностью, обладаютъ извѣстною обязательностью, если они выполняютъ цѣль, состоящую въ упрощеніи. Поэтому между ними и понятіями законовъ объясняющихъ наукъ не оказывается принципиальнаго различія и ничто не заставляло насъ разсматривать ихъ особо.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ остается всего лишь того рода описаніе, которое изображаетъ результаты наблюденія и анализа единичныхъ процессовъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, ограничивается констатированіемъ фактовъ. Однако, если такого рода описаніе производится въ интересахъ какого нибудь естественно-научнаго изслѣдованія, оно никогда не можетъ быть разсматриваемо какъ научная цѣль, но всегда лишь какъ подготовительная работа для какой либо или объясняющей или описательной науки. А въ такомъ случаѣ, собственно говоря, само собою разумѣется, что ея понятія развѣ что по степени могутъ отличаться отъ тѣхъ понятій, которыя были до сихъ поръ разсмотрѣны. Тѣмъ не менѣе, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ вполне опредѣлить понятіе естественно-научнаго описанія, мы намѣрены еще специально указать на одинъ пунктъ, имѣющій при этомъ важное значеніе.

Мы видѣли раньше, что безъ понятій невозможно никакое усвоеніе дѣйствительности нашимъ духомъ путемъ логическаго мышленія. Свойственная понятію функція, — упрощеніе воззрительнаго многообразія, — оказывается благодаря этому существеннымъ моментомъ во всякомъ научномъ мышленіи. Такъ какъ всякое научное мышленіе есть мышленіе въ понятіяхъ, то оно есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ всего лишь представлѣніе (Vorstellen) дѣйствительности. Если же и въ силу этого всякое описаніе приводитъ къ упрощенію дѣйствительности,

то вѣдь можетъ быть сдѣлана попытка по мѣрѣ возможности ограничить возникающее благодаря значеніямъ словъ упрощеніе и, въ случаѣ надобности, опять совершенно упразднить его. Это возможно благодаря тому, что, какъ мы равнымъ образомъ уже указали, описаніе благодаря определенной комбинаціи общихъ значеній пробуждаетъ мысль о всемъ многообразіи единичныхъ дѣйствительныхъ воззрѣній. Однако, чтобы эта цѣль дѣйствительно достигалась, мы должны думать при этомъ о безконечно большемъ числѣ воззрѣній, чѣмъ то, которое когда либо возможно непосредственно описать, т. е. наша фантазія должна сперва дополнять то, что дано описаніемъ, и нѣкоторымъ образомъ облекать его въ воззрѣніе для того, чтобы дойти до представленія о конкретной дѣйствительности. Собственно говоря, такого рода описаніе можетъ только давать определенное направленіе фантазіи и направить свободную игру нашихъ представлений на желательную колею.

Само собой разумѣется, что такого рода описаніе отнюдь не лишено цѣнности, и, быть можетъ, иные будутъ склонны къ тому, чтобы пользоваться выраженіемъ описаніе лишь для изображенія этого рода. Однако слѣдуетъ уяснить себѣ, что въ этомъ значеніи выраженіе описаніе отнюдь не можетъ быть естественно-научнымъ терминомъ. Прежде всего вѣдь и какое угодно точное описаніе все еще оставляетъ сравнительно большой просторъ для дѣятельности фантазіи и это должно вызывать неопредѣленность. А затѣмъ, благодаря этому описанію, сознается, именно, безконечное многообразіе воззрѣній, которое должно преодолеваться благодаря естественно-научному образованію понятій. Стало быть, такого рода описаніе не можетъ, даже лишь въ качествѣ подготовительной работы, оказывать какія либо услуги ни объясняющей, ни описательной наукѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какое значеніе имѣетъ оно для науки вообще. Здѣсь дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы отдѣлить его отъ естественно-научнаго описанія.

Естественно-научное описаніе во чтобы то ни стало задается упрощеніемъ дѣйствительности. Пусть благодаря ему при наблюденіи единичнаго отчетливо сознается многое такое, что практикъ всегда упускаетъ изъ виду въ вещахъ, однако его стремленія никогда не могутъ клониться къ изображенію всего воззрительнаго многообразія, но безконечно многое въ воззрѣніи и при самомъ точномъ наблюденіи оставляется имъ въ сторонѣ, какъ несущественное. Это само

собою разумѣется, когда дѣло идетъ объ описаніи, которое должно служить подготовительною работою для объясненія. Но не иначе обстоитъ дѣло и въ отношеніи описанія, которое должно доставлять на основаніи наивозможно болѣе точнаго наблюденія лишь матеріаль для описательныхъ наукъ. И оно всегда имѣетъ въ виду лишь доставить признаки для различныхъ видовъ и родовъ классовъ растений или животныхъ, и его цѣлью всегда служить лишь образованіе общихъ понятій. Если мы иной разъ упускаемъ это изъ виду, то это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ описательныхъ наукахъ къ чисто научному интересу къ формамъ часто присоединяется эстетическій интересъ, причѣмъ само воззрительное многообразіе вещей доставляетъ наслажденіе, а затѣмъ естественно-научное описаніе произвольно переходитъ въ уже не чисто научное изображеніе интенсивнаго многообразія¹⁾. Не слѣдуетъ однако, чтобы это обстоятельство скрывало отъ насъ ихъ логическую структуру.

Итакъ, въ естествознаніи мы уже благодаря установленію „фактовъ“, преобразовываемъ дѣйствительность. Изъ этого ясно, насколько безсодержательно столь излюбленное нынѣ утвержденіе, гласящее, что естествознаніе вообще имѣетъ дѣло только съ фактами. Логика всегда должна особенно недовѣрчиво относиться къ такого рода лозунгамъ научной моды. Чѣмъ чаще они раздаются, тѣмъ менѣе въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, смысла. Точно такъ же какъ слово описаніе, въ особенности слово фактъ, нерѣдко употребляется для того, чтобы затемнять и игнорировать проблемы, вмѣсто того, чтобы служить для выясненія научнаго метода. Уже въ связи съ обсужденіемъ иной проблемы я попытался показать, что слово „фактъ“, будучи разсматриваемо гносеологически, вовсе не есть что либо столь простое, какъ это думаютъ. Вѣдь въ констатированіи любого факта кроется уже гносеологическая или, если угодно, метафизическая проблема²⁾, такъ какъ при этомъ дѣло всегда идетъ о сужденіи, а

¹⁾ См. относительно этого тонкія замѣчанія Мэбиуса объ „эстетическомъ разсмотрѣніи животныхъ“. „Когда зоологи снабжаютъ свои книги рисунками, они... переходятъ за предѣлы познаваемыхъ и выразимыхъ въ понятіяхъ законовъ природы животныхъ въ область эстетически воззрительнаго индивидуальнаго“. (Math. u. naturwiss. Mitth. a. d. Sitzungsberichten d. Königl. preuss. Akademie d. Wiss. zu Berlin. 1895. IX. S. 458).

²⁾ См. H. Rickert, Der Gegenstand der Erkenntniss. S. 71.

слѣдовательно и о „необходимости сужденія“, выводящей за предѣлы индивидуальнаго содержанія сознанія. Въ разсматриваемой въ данномъ случаѣ связи факты и ихъ описаніе представляются проблематическими еще въ иномъ смыслѣ. Вѣдь если подъ фактомъ разумѣть единичный дѣйствительный воззрительный процессъ въ мірѣ, то можно сказать, что для фактовъ, какъ они суть, вовсе нѣтъ мѣста въ понятіяхъ естествознанія. Если требовать, чтобы естественно-научное описаніе фактовъ заключало въ себѣ все то, что мы видимъ, слышимъ и т. д., то придется сказать, что съ помощью естественно-научныхъ понятій мы вовсе не въ состояніи описывать „факты“. Нельзя думать, будто въ какомъ нибудь естественно-научномъ изслѣдованіи оказывается возможнымъ оперировать не съ абстрактными понятіями, а съ фактами, которые представляли бы собой нѣчто принципиально отличающееся отъ абстракцій. Строго говоря, даже положеніе, гласящее, что изслѣдованіе должно имѣть своимъ начальнымъ пунктомъ не абстракціи, а непосредственно находимое какъ данное, требуетъ вѣдь невозможнаго. Лишь извѣстныхъ видовъ абстракцій можно желать избѣгать, но всегда уже начальнымъ пунктомъ естественно-научной работы должны служить общія понятія, хотя бы ея цѣлью была только классификація нѣкаго ограниченнаго многообразія.

Къ этому присоединяется еще нѣчто иное. Если въ естествознаніи описаніе единичнаго должно быть разсматриваемо лишь какъ подготовительная работа или для объясненія или для классификаціи, то уже понятіе на первой стадіи, т. е. произвольно возникшее значеніе слова, коль скоро оно логически утилизируется имѣетъ тенденцію объединять принадлежащее другъ къ другу. Итакъ, въ своей примитивнѣйшей формѣ, какъ составная часть простѣйшаго реализованнаго естественно-научнаго сужденія (*ausdrücklich vollzogenen*), которое только констатируетъ какой нибудь фактъ, естественно-научное сужденіе не только доставляетъ вообще безусловно необходимую для акта сужденія примитивную классификацію; но, такъ какъ имъ готовится классификація, имѣющая силу въ вышеуказанномъ смыслѣ, то почти всегда уже при образованіи его оказывается необходимымъ имѣть въ виду какую либо „теорію“. А въ такомъ случаѣ оно наряду съ реализованнымъ актомъ сужденія, составную часть котораго оно образуетъ уже и на этой стадіи, заключаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ *implicite*, еще и второе сужденіе, на ко-

торое, конечно, вовсе не всегда обращаютъ вниманіе. Можно, слѣдовательно, сказать, что и въ тѣхъ понятіяхъ, въ которыхъ дѣло еще не дошло даже до выраженнаго предикативнаго разложенія ихъ содержанія которыя, стало быть, даже не получили формы сужденія, уже кроется тенденція (*Ansatz*) къ сужденію. А въ такомъ случаѣ и этимъ понятіямъ свойственна нѣкотораго рода обязательность.

Не иначе обстоитъ въ послѣднемъ анализѣ дѣло и по отношенію къ ихъ опредѣленности. И произвольно возникшія значенія словъ, коль скоро они логически утилизируются, должны уже обладать извѣстною опредѣленностью. Вѣдь значенія словъ мы называемъ понятіями лишь въ тѣхъ случаяхъ, если оказывается возможнымъ ихъ логическое примѣненіе. Но это примѣненіе не было бы возможно ни въ какомъ случаѣ, гдѣ неопредѣленность значеній словъ оказывалась бы безграничною.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всякое понятіе естествознанія уже первоначально содержитъ въ себѣ все то, что ясно обнаруживается лишь въ естественно-научныхъ понятіяхъ законовъ, т. е. что естественно-научное понятіе всегда оказывается не только эмпирически общимъ, но и всегда имѣетъ тенденцію по крайней мѣрѣ приближаться къ опредѣленности и обязательности. А такъ какъ безъ понятій естественно-научное мышленіе вообще невозможно, то естественно-научное мышленіе никогда не бываетъ направлено на отображеніе дѣйствительности, но всегда на постиженіе (*Erfassen*) общеобязательныхъ сужденій. Думаютъ, правда, будто понятіе должно замѣщать голый фактъ, и затѣмъ ставятъ естествознанію задачу, состоящую въ томъ, чтобы описывать факты, но, какъ мы видѣли, единичный фактъ, какъ таковой, вовсе не входитъ и въ тѣ естественно-научныя сужденія, которыя констатируютъ „факты“. Напротивъ того, для логики естественныхъ наукъ имѣетъ силу изреченіе— „наиболѣе глубокимъ было бы пониманіе того, что все фактическое уже есть теорія“¹⁾.

Этимъ мы можемъ заключить изслѣдованіе о познаніи тѣлеснаго міра въ понятіяхъ. Мы выяснили то, что было необходимо для на-

¹⁾ Мы знаемъ, конечно, что Гёте придавалъ этому изреченію иной смыслъ. Но вовсе не случайно то обстоятельство, что имъ буквально можно воспользоваться и для выраженія того мнѣнія, которое Гёте, впрочемъ въ силу основаній, которыя не всегда взвѣшивались, оспаривалъ.

ших цѣлей. Мы помнимъ, въ связи съ чѣмъ мы занялись обсужденіемъ этой проблемы. Мы намѣрены изучить границы естественно-научнаго образованія понятій, чтобы, беря ихъ за исходный пунктъ, понять сущность тѣхъ наукъ, на которыя, по нашему мнѣнію, логика до сихъ поръ обращала слишкомъ мало вниманія, т. е. мы стараемся преодолѣть односторонность естественно-научной логики. Но, такъ какъ логика лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сознаетъ свою односторонность, мы не могли безъ дальнихъ околичностей извлечь изъ нея общепризнанныя положенія даже для естественно-научнаго понятія и поэтому намъ пришлось прежде всего выяснить сущность самого естественно-научнаго понятія. И въ этомъ лишь подготовительномъ изслѣдованіи, мы не побоялись обстоятельнаго разсмотрѣнія частныхъ и подробнаго изложенія, такъ какъ, чѣмъ основательнѣе мы понимаемъ сущность естественно-научнаго образованія понятій, тѣмъ легче мы будемъ въ состояніи установить его границы.

Можно было бы непосредственно перейти къ констатированію его границъ. Вѣдь мы уже не разъ намѣчали тотъ пунктъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло. Мы были въ состояніи показать, что естествознаніе всюду, имѣетъ-ли оно въ виду объясненіе или описаніе вещей, занимается общимъ, и что эта тенденція господствуетъ во всемъ его образованіе понятій. Коль скоро предметомъ, на который направляется научный интересъ, становится единичное, какъ таковое, — съ этими понятіями нельзя далеко уйти. Уже въ своей примитивнѣйшей формѣ естественно-научное понятіе совершенно не подходитъ къ единичнымъ вещамъ въ ихъ воззрительной дѣйствительности и, чѣмъ болѣе совершенную форму оно принимаетъ, тѣмъ болѣе оно удаляется отъ нихъ, чтобы охватывать все болѣе и болѣе общее. Подлинную его задачу составляетъ не описаніе единичнаго, но объясненіе, исходящее изъ цѣлаго. Однако, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему развитію этой мысли, мы должны отвѣтить еще на одинъ иной вопросъ.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Природа и духъ.

«Naturae leges et regulae sunt ubique et semper eadem, atque adeo una eademque etiam debet esse ratio rerum qualiumcumque naturam intelligendi»¹⁾.

Spinoza.

До сихъ поръ при выясненіи сущности естественно-научнаго образованія понятій мы намѣренно ограничивались ихъ значеніемъ для познанія тѣлесныхъ вещей и процессовъ, т. е., соотвѣтственно изложенному во введеніи плану, мы усвоили ту терминологию, согласно которой подъ природой надлежитъ разумѣть лишь физическій міръ. Разсмотрѣнный методъ пониманія сперва былъ выработанъ при научномъ трактованіи тѣлъ и поэтому его можно было легче и проще всего понять, на первыхъ порахъ имѣя въ виду при его логическомъ выясненіи лишь это послѣднее. Послѣ того какъ это сдѣлано, мы должны расширить наше разсмотрѣніе. Такъ какъ мы изучаемъ границы естественно-научнаго образованія понятій, т. е. желаемъ уста-

¹⁾ „Законы и правила природы всюду и всегда одни и тѣ-же, и столь же единообразенъ долженъ быть и способъ пониманія природы какихъ-бы то ни было вещей“.

новить, при какого рода научной работѣ оно не можетъ быть примѣняемо, то наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы изслѣдовать, представляютъ-ли тѣ предметы, съ которыми имѣютъ дѣло другія эмпирическія науки, такія особенности, которыя исключаютъ примѣненіе естественно-научнаго образованія понятій и поэтому требуютъ иной логической формы научнаго изложенія. Тогда благодаря этому можно будетъ разрѣшить вопросъ о томъ, имѣются-ли вообще въ доступномъ эмпирическимъ наукамъ матеріалѣ предметныя различія такого рода, что ихъ слѣдуетъ полагать въ основу логическаго раздѣленія наукъ?

Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, съ какимъ правомъ можно утверждать, что эмпирической наукѣ даны еще другіе предметы, чѣмъ тѣла. Мы упомянули уже, что взгляды, не желающій признавать никакого иного бытія, кромѣ тѣлеснаго, имѣетъ всего лишь не многихъ серьезныхъ сторонниковъ и полемика съ матеріализмомъ во всякомъ случаѣ не входитъ въ наши намѣренія. Мы тѣмъ болѣе можемъ не вести здѣсь этой полемики, что и матеріалисту его метафизическія убѣжденія не могутъ помѣшать одобрить наши дальнѣйшія изслѣдованія. Вѣдь тѣ проблемы, которыя разсматриваются въ этой главѣ, для него вообще не существуютъ, такъ какъ въ томъ случаѣ, если, какъ онъ полагаетъ, для науки вообще не существуетъ никакого иного матеріала кромѣ тѣлъ, то заранее ясно, что границы естественно-научнаго образованія понятій состоятъ не въ природѣ какихъ-либо особыхъ предметовъ изслѣдованія, и что наиболѣе общій принципъ для подраздѣленія наукъ не можетъ вытекать изъ какого-нибудь предметнаго различія научнаго матеріала. А только это мы вѣдь и намѣрены доказать въ этой главѣ. Итакъ матеріалистъ можетъ пропустить эти разсужденія и непосредственно перейти къ третьей главѣ.

Каковъ же иной матеріалъ эмпирической науки, о которомъ у насъ еще должна идти рѣчь? Если вообще что либо, кромѣ тѣлеснаго міра, признается существующимъ, то это то, что принято называть душевыми или духовными бытіемъ. На первыхъ порахъ, какъ это зачастую дѣлаютъ, мы намѣрены употреблять выраженія: душа и духъ, а равнымъ образомъ и выраженія душевный и духовный, какъ равнозначія. Правда, слова духъ и духовный могутъ употребляться и въ такомъ смыслѣ, который вовсе не совпадаетъ со смысломъ словъ „душа“ и „душевный“ и эти два понятія могутъ даже

прямо таки противоположаться другъ другу. Однако на первыхъ порахъ мы оставляемъ это въ сторонѣ и далѣе мы предполагаемъ, что двучленнымъ дѣленіемъ на тѣлесные и на духовные, или на физическіе и психическіе процессы должна исчерпываться та область, которая доступна эмпирическимъ наукамъ и поэтому, какъ духовное, характеризуется все то, что не есть тѣло. Итакъ нашъ вопросъ можетъ состоять лишь въ томъ, допустимо-ли и если да, то до какой степени допустимо при изслѣдованіи духовной жизни того же рода образованіе понятій, какъ при изслѣдованіи тѣлъ, т. е. та предметная противоположность, логическимъ значеніемъ которой мы занимаемся, — противоположность природы и духа.

Мы должны обратить вниманіе на эту противоположность еще и потому, что вѣдь мы намѣреваемся установить границы естественно-научнаго образованія понятій съ цѣлью уразумѣть сущность историческихъ наукъ. Однако большинство историческихъ дисциплинъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, имѣетъ дѣло съ психическими процессами и, если вообще признается принципиальное различіе между естествознаніемъ и исторіей, то какъ на основаніе для необходимости особливаго историческаго метода указываютъ большею частью на то обстоятельство, что исторія принадлежитъ къ наукамъ о духѣ. Правильный-ли это путь для уразумѣнія логической структуры историческихъ наукъ? Конечно, этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь тогда, когда намъ извѣстно, въ какомъ отношеніи находится естественно-научное образованіе понятій къ духовной жизни вообще.

Такимъ образомъ преднамѣчается, стало быть, ходъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія. Полагаетъ-ли духовное бытіе предѣлъ естествознанію? Это тотъ вопросъ, о которомъ идетъ дѣло ¹⁾. Наиболѣе обширную по своему содержанію науку о духовномъ называютъ вообще психологіей. Поэтому мы должны обратить вниманіе на психологическое образованіе понятій.

Правда, мнѣніе, согласно которому психологія можетъ и должна быть разрабатываема сообразно естественно-научному методу, весьма распространено въ настоящее время. Однако, на ряду съ этимъ именно

¹⁾ Уже въ введеніи мы подчеркнули, что нашъ вопросъ не имѣетъ ничего общаго съ «проблемой», заключающейся въ томъ, какимъ образомъ изъ движенія атомовъ можетъ возникнуть ощущеніе, но что мы говоримъ о „границахъ“ естествознанія въ совершенно иномъ смыслѣ.

въ новѣйшее время нѣтъ недостатка въ рѣшительныхъ возраженіяхъ противъ этого взгляда, и особенно полемизировали противъ естественно-научнаго трактованія душевной жизни, исходя изъ той точки зрѣнія, что психологія должна служить основной для наукъ о духѣ¹⁾. Въ самомъ-ли дѣлѣ эти соображенія примѣнимы къ душевной жизни или же, наоборотъ, быть можетъ логическія особенности, несомнѣнно существующія въ историческихъ наукахъ, неосновательно сводятся на то обстоятельство, что эти науки имѣютъ дѣло съ духовными процессами? Чтобы выяснитъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ этому вопросу, мы должны настолько изучить предметныя особенности духовной жизни, насколько это необходимо для того, чтобы видѣть, въ какомъ отношеніи съ логическихъ точекъ зрѣнія ее можно противополжить тѣлесному міру. Итакъ, мы прежде всего дѣлаемъ попытку опредѣлить понятія о физическомъ и о психическомъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу, имѣя при этомъ въ виду выясненіе вопроса о томъ, представляетъ-ли уже матеріаль психологіи, какъ таковой, имѣющее важное значеніе для противополжности методовъ отличіе отъ матеріала естественныхъ наукъ.

Разрѣшивъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, мы можемъ перейти къ изслѣдованію о познаніи въ понятіяхъ душевной жизни и въ концѣ концовъ, на основаніи этихъ изслѣдованій, мы должны выяснитъ вопросъ о томъ, возможно-ли вообще и если да, то въ какомъ смыслѣ съ логическихъ точекъ зрѣнія противополгать науку о духѣ естествознанію. Лишь показавъ, что предметное различіе между природою и духомъ непригодно для всеобъемлющаго логическаго раздѣленія эмпирическихъ наукъ, мы сможемъ заняться въ третьей главѣ тою логическою противополжностью, въ которой находятся другъ къ другу природа и исторія. Итакъ, существенная задача этой второй главы сводится къ тому только, чтобы показать, гдѣ не лежатъ границы естественно-

zweite Abtheilung: Logik der Geisteswissenschaften; и Philosophie Studien, Bd XII, Ueber die Definition der Psychologie *).

*) Примѣчаніе переводчика. Съ наибольшей послѣдовательностью проводить эту точку зрѣнія Липпсъ, см. стр. 7—20 его рѣчи „Психологія, наука и жизнь“.

¹⁾ См. въ особенности W. Dilthey, Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie (Sitzungsberichte „der königl. preuss. Akademie der Wiss. 1894, S. 139 ff.). Далѣе W. Wundt, Logik, 2 Aufl. Bd. II. Methodenlehre,

научнаго образованія понятій. Изслѣдованія же относительно этого оказываются тѣмъ болѣе необходимыми, чѣмъ болѣе распространент тотъ взглядъ, согласно которому противополжность между природою и духомъ должна имѣть принципиальное значеніе и для наукоученія.

1.

Физическое и психическое.

Когда въ началѣ первой главы дѣло шло о томъ, чтобы опредѣлить матеріаль естественныхъ наукъ, мы могли ограничиться указаніемъ на тотъ фактъ, что всякому знакомъ тѣлесный міръ, какъ простирающаяся въ пространствѣ и во времени дѣйствительность воззрительныхъ вещей и процессовъ. Когда дѣло идетъ объ опредѣленіи понятія душевной жизни въ противополжность тѣлесному міру, такое указаніе на фактъ оказывается недостаточнымъ. Вообще нельзя безъ дальнихъ околичностей вполне однозначно указать, въ чемъ состоитъ матеріаль психологіи. Судя по буквальному смыслу слова, эта наука трактуетъ о душѣ, но о душахъ нынѣшняя психологія, поскольку она есть эмпирическая наука, не знаетъ ничего такъ какъ души никогда не бываютъ даны въ опытѣ подобно тому, какъ даны въ опытѣ тѣла. Ей вѣдомы, напротивъ того, лишь такъ называемые „психическіе“ или „душевные“ процессы и, какъ ни употребительны стали эти выраженія, мы все таки должны уяснитъ себѣ, что, разъ душа есть нѣчто неизвѣстное, то и производныя отъ нея слова душевный или психическій, равнымъ образомъ, не могутъ быть чѣмъ либо инымъ какъ только названіями, которыми ни въ какомъ случаѣ не опредѣляется содержаніе понятія подводимыхъ подъ него процессовъ¹⁾.

Правда, если пристрастіе къ какимъ либо теоріямъ, не внесло полной путаницы въ наше сужденіе, мы точно знаемъ, что когда кто либо говоритъ о нѣкоемъ „сужденіи“ или о нѣкой „боли“, онъ

¹⁾ См. R. Avonarius, Bemerkungen zum Begriff des Gegenstandes der Psychologie. (Первая статья). Vierteljahrsschrift f. wiss. Philos. Bd. XVIII. S. 141: „Поэтому выраженіе психическій чисто условно; само по себѣ оно ничего не значитъ по элиминаціи души“.

имѣть при этомъ въ виду нѣчто такое, что не есть тѣло. Далѣе мы не сомнѣваемся и въ томъ, что существуетъ множество процессовъ, которые, равно какъ и нѣкое сужденіе или нѣкая боль недвусмысленнымъ образомъ отличаются отъ всякаго тѣлеснаго процесса и въ то же время въ противоположность тѣламъ имѣютъ нѣчто общее. Однако мнѣнія весьма расходятся относительно того, въ чемъ состоитъ это общее въ содержаніи различныхъ психическихъ процессовъ и въ чемъ заключается его противоположность тому, что оказывается общимъ всему тѣлесному бытію, и во всякомъ случаѣ отнюдь не имѣется такого вполне однозначнаго и общепризнаннаго опредѣленія понятія о психическомъ, которое мы могли бы положить въ основу изслѣдованія объ образованіи понятій психологіи.

И мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ въ виду дать такое опредѣленіе понятія, но, по вышеприведеннымъ основаніямъ, мы должны по крайней мѣрѣ настолько разобраться въ вопросѣ о томъ, что такое собственно душевная жизнь, насколько это необходимо для того, чтобы доказать, что неосновательно утверждали, будто между физическими и психическими процессами существуютъ извѣстные различія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ общій методъ научнаго трактованія, въ особенности же естественно-научную психологію.

Въ сущности мы можемъ ограничиться при этомъ доказательствъ выясненіемъ одного имѣющаго рѣшающее значеніе пункта. Въдѣ признаніе невозможности естественно-научной психологіи нерѣдко опирается на утвержденіе, гласящее, что психическое бытіе болѣе непосредственно дано познающему субъекту, чѣмъ тѣлесный міръ, и притомъ этотъ взглядъ отстаивается именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ противоположностью между природою и духомъ руководятся при логическомъ раздѣленіи наукъ и при установленіи особенностей ихъ методовъ. Напр., Дилтей говоритъ, что въ естественныхъ наукахъ „факты даны намъ извнѣ, при посредствѣ чувствъ, какъ феномены и порознь“, тогда какъ въ наукахъ о духѣ они выступаютъ „изнутри какъ реальности и какъ живая связь originaliter“. ¹⁾ Подобный же характеръ имѣютъ и мысли Вундта. Онъ ставитъ естествознанію задачу, состоящую въ томъ, чтобы оно изслѣдовало „объекты“, причемъ оно должно отвлекаться отъ „субъекта“ и полагаетъ, что вслѣд-

¹⁾ Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie, a. a. O. S. 1313. Подобныя же мысли проводятся во всей статьѣ.

ствіе этого „ему свойственно познаніе опосредствованное... и оно имѣетъ дѣло съ отвлеченно мыслимымъ въ понятіяхъ“. Напротивъ того, психологія вновь объявляетъ недѣйствительнымъ это отвлеченіе, „чтобы изслѣдовать опытъ въ его непосредственной дѣйствительности“. Итакъ, ей „въ противоположность способу познанія естествознанія свойствененъ непосредственный и... воззрительный“ ¹⁾.

Не требуется никакихъ объясненій относительно того, почему для насъ имѣютъ въ данномъ случаѣ значеніе именно этотъ взглядъ и подобные ему. Если бы они были правильны, то мы, конечно, должны были бы допустить принципиальное различіе между естествознаніемъ и психологіей, такъ какъ въдѣ мы сдѣлали попытку подробно показать, что способъ познанія, который можно охарактеризовать, какъ непосредственный и воззрительный, въ самомъ дѣлѣ непримѣнимъ для естественныхъ наукъ о тѣлесномъ мірѣ. Итакъ, намъ приходится поставить вопросъ о томъ, вѣрно-ли, что психологія должна познавать душевную жизнь всегда непосредственно и воззрительно?

Мы отнюдь не отрицаемъ, что въ основѣ тѣхъ разсужденій, о критической оцѣнкѣ которыхъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, лежитъ правильная мысль въ томъ отношеніи, что различіемъ между способомъ познанія при посредствѣ отвлеченныхъ понятій и воззрительнымъ способомъ познанія, конечно, намѣчается очень важная логическая противоположность научныхъ методовъ, на которую до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія, но мы вовсе не думаемъ, чтобы эта мысль при послѣдовательномъ ея проведеніи была способна вызывать противоположеніе именно психологіи естествознанію. Далѣе мы вполне раздѣляемъ и тотъ взглядъ, согласно которому разрабатываемая по естественно-научному методу психологія не была бы въ состояніи дать намъ то, чего мы должны требовать отъ такой науки, которая должна служить основой для историческихъ дисциплинъ, и мы намѣрены даже впоследствии показать, почему естественно-научная психологія совершенно не въ состояніи справиться съ этою задачею, которую считаютъ необходимымъ ставить ей. Но, намъ кажется, это вовсе еще не доказываетъ, что и вообще не должно существовать никакой естественной науки о душевной жизни, въ особенности же, это вовсе еще не доказываетъ, что душевная жизнь, какъ таковая,

¹⁾ См. Wundt, Ueber die Definition der Psychologie, a. a. O. S. 11 f. *).

²⁾ См. также В. Вундтъ. „Очеркъ психологіи“ § 1,3а

не допускает естественно-научного образования понятий. Напротив того, надлежит строго отделять друг от друга вопрос о методологии психологии и вопрос о значении этой науки для закладки фундамента для наук о духе. Мы должны прежде всего рассмотреть образование понятий психологии, на первых порах совершенно не касаясь вопроса о том, что эта наука в состоянии выполнить для так называемых наук о духе. Лишь таким образом можно составить себе о ней беспристрастное суждение, и мы имеем тем более побуждений к такому разграничению проблем, что мы намерены отнестись скептически именно к почти всеми раздвеляемому и, повидимому, принимаемому за само собой разумеющееся предположению, согласно которому психология должна служить основой для исторических наук.

В самом ли деле психическое бытие отличается от телесного мира таким образом, чтобы это различие имело значение для логики? В особенности же: верно ли то, что психическое бытие дано более непосредственно, чем телесный мир? Можно сделать попытку обосновать правильность этого утверждения, заявляя, что, тогда как материал естественных наук состоит лишь из мира объектов, которые подступают к субъекту, как нечто чуждое, психология, в противоположность этому, имеет дело с самим непосредственно известным субъектом.

Во всяком случае это противоположение субъекта и объекта не непосредственно ложно, так как душа или совокупность психических процессов, конечно, может быть в противоположность телесным объектам названа субъектом. Однако, как бы правильно оно ни было, оно в тоже время с логических точек зрения не имеет никакого значения, коль скоро нельзя совершенно точно указать, в каком смысле имеют в виду употреблять в этой связи слова субъект и объект. Ведь оба эти термина весьма многозначны и вовсе не каждое из их значений могло бы служить опорой для обоснования методологического различия. И мы думаем даже, что те взгляды, против которых мы здесь возражаем, в сущности основаны на некоторой неясности относительно понятий о субъекте и объекте и об их взаимном отношении. Поэтому, чтобы выяснить логическое значение указанного различия, мы намерены несколько обстоятельнее рассмотреть различные значения слов субъект и объект.

При этом нам придется привести и некоторые гносеологи-

ческие соображения ¹⁾. Может показаться странным, что исследование этого рода необходимо в данном случае, где дело идет лишь об установлении материала эмпирической науки. В предшествующей главе мы отклонили всякое гносеологическое истолкование бытия телесного мира и для того, чтобы сделать наши исследования наивозможно более простыми, до сих пор продолжали избегать таких истолкований. Пожалуй уже из того обстоятельства, что это не оказывается возможным в связи с обсуждением в данном случае занимающего нас вопроса, захотят вывести принципиальное различие между естествознанием и психологией.

Однако при этом следует прежде всего принять в соображение то обстоятельство, что психология лишь сравнительно недавно начала отделяться от философии и что поэтому нельзя удивляться, если философские и в особенности гносеологические элементы еще играют в ней более значительную роль, чем в науках о телесном мире, для которых этот процесс обособления от философии большею частью уже давно совершился. Здесь гносеологические соображения должны казаться тем менее рискованными, что главной целью их должно служить устранение некоторых, служащих помехой, метафизических утверждений и остатков устаревших философских рассуждений. Собственно говоря, мы нуждаемся в гносеологических соображениях лишь для того, чтобы, имея в виду логические интересы, установить те отношения, в которых находятся друг к другу понятия о физическом и психическом.

Далее мы должны поставить на вид, что принципиального различия, по отношению к необходимости гносеологических исследований, между психологией с одной стороны и естественными науками с другой стороны вообще не существует. И в естественных науках мы находим такие области, в которых недостаток в гносеологических понятиях не только вызывает развитие довольно безвредной здесь метафизики материализма, но, равным обра-

¹⁾ Довольно затруднительно установить резкое различие между „логическим“, в более телесном смысле, и „гносеологическим“. Здесь достаточно поставить на вид, что гносеологическими должны называться все те ряды мыслей науки-учения, которые, выходя за пределы учения о методах, приводят к таким проблемам, для обозначения которых употребительно выражение „метафизическая“, причем однако эти проблемы трактуются лишь с точки зрения науки-учения.

зомъ какъ въ психологіи, можетъ приводить къ совершенно сбивающимъ съ толку и служащимъ помѣхою метафизическимъ утверждениямъ. Это бываетъ въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о послѣднихъ и конечныхъ вопросахъ, касающихся тѣлеснаго міра. Такъ напр. въ „энергетикѣ“ Оствальда мы встрѣтимъ мысль о томъ, что мы ничего не знаемъ о матеріальныхъ вещахъ, но всегда лишь „чувствуемъ“ энергію. Это мнѣніе можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ отсутствуютъ гносеологическія понятія и притомъ въ сущности дѣло идетъ о тѣхъ же самыхъ понятіяхъ, изслѣдованіемъ значенія которыхъ мы и намѣрены заняться здѣсь, а именно о понятіяхъ субъекта и объекта. И такъ, если даже въ наукахъ о тѣлесномъ мірѣ иногда нельзя обойтись безъ гносеологическихъ соображеній, то нельзя, конечно, удивляться тому, что мы не можемъ обойтись безъ нихъ въ изслѣдованіяхъ объ отношеніи психическаго къ физическому.

Наконецъ—и это важнѣе всего—оказывается, что и понятіе тѣлеснаго міра является само собою разумѣющимся и однозначнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока не обращаютъ вниманія на его отношеніе къ понятію душевной жизни, но, напротивъ того, коль скоро это происходитъ, тѣлесное бытіе нерѣдко надѣляется такими свойствами, которыя совершенно невѣдомы эмпирической наукѣ. Далѣе намъ придется стараться какъ охранять понятіе тѣлеснаго міра отъ ошибочныхъ истолкованій, такъ и оберегать отъ таковыхъ понятіе душевной жизни, при чемъ первая задача окажется даже болѣе трудной. И такъ мы видимъ, что между естествознаніемъ и психологіей отнюдь не оказывается существеннаго различія, поскольку дѣло идетъ объ ихъ отношеніи къ теоріи познанія. То обстоятельство, что въ первой главѣ мы были въ состояніи обойтись безъ гносеологическихъ соображеній, обуславливалось лишь тѣмъ, что намъ вовсе не приходилось имѣть въ виду отношеніе тѣлеснаго міра къ душевной жизни.

Теперь мы приступаемъ къ выясненію различныхъ значеній понятій субъекта и объекта и обращаемъ при этомъ вниманіе прежде всего на три пары понятій, смѣшеніе которыхъ другъ съ другомъ во многихъ случаяхъ становилось источникомъ многочисленныхъ заблужденій¹⁾. Вѣдь субъектомъ называется, во первыхъ, одуше-

¹⁾ Тройкою противоположностью между субъектомъ и объектомъ, лежащую въ основѣ дальнѣйшей аргументаціи, я пытался выяснить уже въ

ленное тѣло въ противоположность пространственно окружающему его внѣшнему міру. Далѣе, слово субъектъ можетъ означать „душу“ въ противоположность тѣлу, къ которому она приурочена, и, наконецъ, въ третьихъ, субъектомъ называютъ и сознаніе, причемъ ему должны противопоставляться тѣ объекты, у которыхъ нѣтъ сознанія. Какое изъ этихъ трехъ понятій о субъектѣ можно приравнять къ матеріалу эмпирической психологіи, т. е. къ „психическимъ“ процессамъ?

Собственно говоря, само собою разумѣется, что одушевленное тѣло не можетъ быть тѣмъ субъектомъ, который составляетъ предметъ психологіи, и устраненіе этого понятія субъекта не можетъ представлять никакихъ затрудненій. Тѣмъ не менѣе мы должны коснуться въ нѣсколькихъ словахъ и той противоположности, въ которой одушевленное тѣло находится по отношенію къ пространственно окружающему его внѣшнему міру, такъ какъ и она играетъ довольно существенную роль въ опредѣленіяхъ понятія о психическомъ. Вѣдь не всегда отдають себѣ отчетъ въ томъ, что въ эмпирической наукѣ слово душа можетъ-быть употребляемо лишь въ качествѣ названія, собирающаго воедино непосредственно данные психическіе процессы. Напротивъ того, душа нерѣдко мыслится какъ нѣкая вещь, подобно тѣлу занимающая опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, и притомъ предполагается, что она находится внутри тѣла, которыя считаются одушевленными. Тогда, въ противоположность пространственной душѣ, окружающія одушевленное тѣло вещи можно называть внѣшнимъ міромъ и къ нему причислять, конечно, и чужія одушевленные тѣла. А такъ какъ, далѣе, съ мѣстной точки зрѣнія чужихъ душъ и собственное тѣло, равнымъ образомъ, должно быть рассматриваемо какъ внѣшній міръ, то названіе внѣшній міръ

моей книжкѣ „der Gegenstand der Erkenntniss“ но нижеслѣдующее изложеніе отнюдь не состоитъ въ повтореніи прежнихъ разсужденій. Тамъ вѣдь дѣло шло о разграниченіи различныхъ понятій о субъектѣ и объ объектѣ по отношенію къ проблемѣ философской трансцендентности. Здѣсь изслѣдованіе производится съ другихъ точекъ зрѣнія и при немъ имѣется въ виду опредѣленіе понятія предмета эмпирической психологіи, а потому на первый планъ здѣсь должны быть выдвигаемы такіе пункты, которые тогда могли отступить на задній планъ. Однако въ существенномъ оба эти отличающіяся другъ отъ друга изложенія приводятъ, конечно къ одному и тому же результату.

въ концѣ концовъ переносится на всѣ тѣла. При этомъ предположеніи только души въ противоположность внѣшнему міру остаются міромъ внутреннимъ и, такимъ образомъ, имѣетъ смыслъ характеризовать душевную жизнь какъ внутренній міръ.

Но мы давно уже перестали вообще говорить о душахъ въ эмпирической психологіи и этимъ, конечно, *implicite*, исключается возможность пространственно приурочивать психическое къ опредѣленному мѣсту внутри какого либо тѣла. Поэтому намъ не приходится считаться со всѣми тѣми предположеніями, которыя отождествляли противоположность тѣла и души съ противоположностью внѣшняго и внутренняго міра, и одни только придавали этому отождествленію понятный смыслъ. Тѣмъ не менѣе мы удержали словесныя обозначенія. Тѣла все еще называются „внѣшнимъ міромъ“ и душевная жизнь все еще называется „внутреннею жизнью“, какъ будто бы дѣло шло здѣсь о противоположности между нѣкоторою частью пространства и другими окружающими ее частями пространства.

Въ языкѣ обыденной жизни встрѣчается множество выраженій, объяснимыхъ приравниваніемъ душевныхъ процессовъ внутреннему міру. Въ особенности же и то различіе по цѣнности, которое мы привыкли устанавливать между душевнымъ и матеріальнымъ бытіемъ, переносилось на внутренность и внѣшность вещей. Мы придаемъ мало значенія тому, что „внѣшне“ и „поверхностно“, и то, что должно быть „основательнымъ“, должно „глубоко“ проникать во „внутренность“ вещей. Само собою разумѣется, никакому разсудительному человѣку не придетъ въ голову порицать употребленіе такихъ образныхъ выраженій. Немного осталось бы отъ нашего языка, если бы мы пожелали изгнать изъ него всѣ тѣ выраженія, которыя, коренясь въ непосредственномъ воззрѣніи на пространственныя отношенія, позднѣе употребляются и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя уже имѣть въ виду ничего пространственнаго. Но дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, коль скоро рѣчь идетъ объ употребленіи такихъ словъ въ научной терминологіи и тогда, какъ въ нашемъ случаѣ выраженія, которымъ дается лишь образное значеніе, именно благодаря ихъ побочному смыслу, оказываютъ столь значительное вліяніе на научныя теоріи, что возникаютъ взгляды, согласно которымъ, существуетъ, молъ, не только тѣлесный міръ внѣ насъ и душевная жизнь внутри насъ, но кромѣ того существуютъ еще и два совершенно различныхъ „чувства“ для того, чтобы что либо

узнавать объ этихъ двухъ мірахъ. Утверждаютъ, что благодаря „внѣшнему чувству“ мы знаемъ что-то о тѣлахъ, а благодаря „внутреннему чувству“—о душевной жизни. И въ концѣ концовъ, мы встречаемся въ книгахъ по психологіи даже съ выраженіями внутренней и внѣшней опыты для обозначенія различія между физическимъ и психическимъ при изложеніи важныхъ и имѣющихъ рѣшающее значеніе мыслей. Благодаря этому терминологія получаетъ такое значеніе, котораго за нею ни въ какомъ случаѣ нельзя признать. Существуетъ опасность забыть, что при употребленіи этихъ словъ дѣло можетъ идти лишь о пользованіи образнымъ выраженіемъ.

Въ противоположность этому мы самымъ рѣшительнымъ образомъ должны придерживаться того взгляда, согласно которому выраженія внутренній міръ и внѣшній міръ имѣютъ опредѣленный и подлинный смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если они относятся къ двумъ различнымъ частямъ пространственнаго міра. Но этого значенія нельзя имѣть въ виду, а, напротивъ того, его именно, надлежитъ тщательно избѣгать, коль скоро словомъ внутренній міръ обозначается душевная жизнь въ противоположность тѣлесному міру. Развѣ не лучше всего было-бы, слѣдовательно, вообще не употреблять этого термина въ психологическихъ изслѣдованіяхъ и въ то же время благодаря этому отказаться отъ различенія тѣхъ двухъ различныхъ чувствъ и родовъ опыта, о которыхъ ничего не знаетъ ни одинъ человѣкъ, безъ предвзятыхъ сужденій, старающійся констатировать свои переживанія? Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, перестали-бы также думать, что содержится что-то многозначительное въ насмѣшкахъ надъ психологомъ, вызываемыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для того, чтобы имѣть возможность изслѣдовать свою душевную жизнь, ему приходится устремлять свой взоръ во „внутрь“.

Въ философіи уже имѣется черезчуръ много такихъ терминовъ, которые можно понимать лишь въ переносномъ смыслѣ и поэтому намъ не слѣдовало-бы бояться искоренять тѣ изъ нихъ, безъ которыхъ мы безъ затрудненій можемъ обойтись, хотя бы даже они и настолько укоренились, какъ укоренились выраженія внутренняя жизнь и внѣшній міръ. По крайней мѣрѣ мы должны употреблять ихъ съ большою осторожностью. Тотъ, кто когда либо занимался проблемой философской трансцендентности, знаетъ, какаю путаницу вызвана тутъ употребляемымъ въ переносномъ смыслѣ словомъ „внѣшній міръ“ и вопросомъ о „реальности внѣшняго міра“. Вѣдь не

только существование тѣлеснаго міра для иныхъ еще представляетъ собой серьезную научную проблему, но и стало настолько обычнымъ дѣломъ отождествлять вопросъ о существованіи трансцендентныхъ вещей съ этой проблемой, что и понынь еще всякій, считающій необходимымъ отвергать существование трансцендентныхъ вещей, заподозривается въ томъ, что онъ въ здоровомъ умѣ сомнѣвается въ существованіи окружающаго-его пространственнаго внѣшняго міра, т. е. тѣлеснаго міра.

Почти настолько же значительны тѣ вредныя послѣдствія, которыя могутъ возникать для психологическихъ изслѣдованій благодаря понятію внутренняго міра. Конечно, имѣеть смыслъ приводить душевную жизнь въ особенно тѣсную связь съ тѣми и тѣлесными процессами, которые совершаются подъ кожей человѣка въ его внутреннихъ органахъ, но и при этомъ предположеніи психическое представляется развѣ что „зависящимъ“ отъ внутренняго и ни въ какомъ случаѣ оно не есть само это внутреннее. Итакъ будемъ держаться того взгляда, что внутреннее человѣка—это его мозгъ, его нервы, его мускулы, его внутренности, но не его душевная жизнь и уяснимъ себѣ, что то противоположеніе субъекта и объекта, при которомъ имѣется въ виду одушевленное тѣло и пространственно окружающій его внѣшній міръ, не должно имѣть никакого значенія для различенія психической жизни отъ физической. Оно можетъ играть роль только въ физиологической психологіи или въ психофизикѣ. Поэтому мы намѣрены называть субъектъ въ этомъ смыслѣ психофизическимъ субъектомъ, чтобы отличать его отъ психологическаго субъекта.

Во всякомъ случаѣ, если психологія и естествознаніе должны быть отдѣляемы другъ отъ друга въ силу того, что тѣла даны намъ извнѣ, а психическіе процессы, напротивъ того, изнутри, намъ вовсе нѣтъ надобности признавать, что на основаніи этого различенія можетъ быть допускаема какая либо противоположность между методами этихъ наукъ. Напротивъ того, утверженіе, что, молъ, психологія и науки о духѣ имѣютъ дѣло съ внутреннею жизнью, естественныя-же науки, напротивъ того, съ внѣшнимъ міромъ, не имѣеть ровно никакого логическаго значенія ¹⁾.

¹⁾ И относительно понятія о «внутреннемъ» какъ предметѣ психологіи можно найти дѣльныя замѣчанія у Авенаріуса (а. а. О.

Однако въ большинствѣ случаевъ, утверждая это, имѣютъ въ виду только то, что, молъ, психическое дано намъ болѣе непосредственно, чѣмъ физическое и, конечно, вопросъ о законности этого различенія еще не рѣшается тѣмъ, что отвергается противоположность внутренняго и внѣшняго міра. Напротивъ того, чтобы добраться до болѣе глубокаго смысла того различенія, о которомъ здѣсь должна идти рѣчь, мы должны теперь перейти къ третьему изъ вышеупомянутыхъ понятій о субъектѣ къ его отношенію къ матеріалу психологіи, а именно, къ понятію о субъектѣ, какъ сознаніи. И это понятіе о субъектѣ надлежитъ тщательно отграничить отъ понятія о душевной жизни, къ которому оно нерѣдко совершенно приравнивается. При этомъ намъ предстоитъ преодолѣть нѣсколько болѣе значительныя трудности, чѣмъ при отграниченіи психологическаго субъекта отъ психофизическаго.

Обыкновенно говорятъ, что одушевленные существа обладаютъ сознаніемъ или сознательны въ противоположность безсознательнымъ и поэтому неодушевленнымъ тѣламъ. И возникновеніе душевной жизни разсматривается какъ тождественное съ возникновеніемъ сознанія. Если же напротивъ того, какое либо существо безсознательно, то оно и не ощущаетъ, не хочетъ, не чувствуетъ, т. е. уже не оказывается на лицо никакой душевной жизни. Во снѣ сознаніе покидаетъ человѣка, тогда спитъ и душа и, разъ въ моментъ смерти сознаніе навсегда исчезло, не возвращается уже никогда и душевная жизнь. Изъ всѣхъ этихъ положеній явственно обнаруживается, что приравниваніе другъ къ другу сознанія и души совершенно соответствуетъ словоупотребленію, и поэтому не приходится удивляться, если душевная жизнь нерѣдко прямо таки опредѣляется какъ процессъ въ сознаніи (*Bewusstseinsvorgang*)^{*)}. И мы намѣрены на первыхъ порахъ допустить правильность этого опредѣленія и посмотрѣть, что вытекаетъ изъ него для нашей проблемы.

S. 150 ff.). Вообще его ученіе о необходимомъ «удаленіи интродекціи» заключаетъ въ себѣ весьма цѣнные элементы. Только мнѣ кажется совершенно необоснованнымъ утверженіе, будто съ интродекціей должна быть устранена и противоположность субъекта и объекта вообще.

^{*)} Обыкновенно это выраженіе переводятъ „явленіе сознанія“, но въ данномъ случаѣ такая передача была бы нецѣлесообразна, такъ какъ ниже идетъ рѣчь объ отношеніи между „*Bewusstseinsvorgänge*“ и „*Erscheinungen*“.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать, что слово сознание въ одномъ отношеніи болѣе пригодно для опредѣленія понятія о психическомъ, чѣмъ выраженіе внутренняя жизнь. Вѣдь, тогда какъ это послѣднее, разъ оно не примѣняется къ какой-либо части пространства, не имѣетъ уже никакого подлиннаго значенія, во всякомъ случаѣ будетъ совершенно понятно и недвусмысленно, если мы охарактеризуемъ что либо, какъ процессъ въ сознаніи. Мы не въ состояніи, правда, точнѣе объяснить, что мы имѣемъ въ виду, употребляя слово сознание, но тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что всякій настолько же понимаетъ насъ, какъ въ томъ случаѣ, если мы называемъ что либо тѣломъ, и именно это обстоятельство, повидимому, дѣлаетъ выраженіе сознания пригоднымъ для цѣлей психологіи.

Однако при этомъ мы не должны упускать [изъ виду, что это опредѣленіе понятія имѣетъ послѣдствія, сказывающіяся далеко за предѣлами психологіи. Слово сознание въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе безвредно, чѣмъ слово тѣлесный міръ. Вѣдь понятность его значенія доходить до того, что мы не способны уже понимать, если намъ говорятъ, что существуетъ нѣчто такое, что не есть процессъ въ сознаніи (*Bewusstseinsvorgang*). По крайней мѣрѣ въ опытѣ мы не знаемъ никакого бытія, которое мы могли бы противоположить процессамъ въ сознаніи, но мы находимъ, что все то, что мы испытываемъ или переживаемъ, состоитъ изъ процессовъ сознанія. Поэтому и тѣлесный міръ, какъ онъ данъ намъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ въ сознаніи. Но изъ этого слѣдуетъ, что, если мы опредѣляемъ психическіе процессы, какъ процессы въ сознаніи, мы должны также сказать, что весь непосредственно данный намъ и извѣстный изъ опыта тѣлесный міръ, равнымъ образомъ, обнимается понятіемъ о психическомъ.

А разъ мы допустили это, опредѣленіе понятія тотчасъ побуждаетъ насъ сдѣлать и еще одинъ шагъ дальше. Такъ какъ никто не можетъ серьезно думать, что между тѣлеснымъ и душевнымъ бытіемъ вообще не существуетъ никакого различія, т. е. полагать, что тѣлесный міръ есть не что иное, какъ психическій процессъ, то неизбѣжнымъ представляется допущеніе, согласно которому тѣлесный міръ есть нѣчто большее, чѣмъ то, что непосредственно дано намъ въ опытѣ, какъ воззрительный міръ пространственныхъ вещей и процессовъ, и намъ приходится даже утверждать, что тѣла на самомъ дѣлѣ суть вовсе не то, что мы знаемъ о нихъ. То, что дано

въ опытѣ, скорѣе есть лишь ихъ отображеніе въ душевной жизни или ихъ „явленіе“. Затѣмъ изъ этого тотчасъ вытекаетъ тотъ взглядъ на принципиальное различіе между матеріаломъ психологіи и матеріаломъ естественныхъ наукъ, который мы намѣрены здѣсь рассмотреть и опровергнуть. Если всякое непосредственно данное бытіе есть процессъ въ сознаніи и всякій процессъ въ сознаніи есть нѣчто психическое, то лишь душевная жизнь можетъ быть дана намъ непосредственно, тѣлесный же міръ, напротивъ того, можетъ быть данъ намъ лишь опосредствованно.

Итакъ приравненіе психическаго бытія къ процессамъ въ сознаніи привело насъ къ принципиальному различію между душевною жизнью и тѣлеснымъ міромъ, которое лежитъ въ гносеологической области и, коль скоро мы прослѣдимъ эту мысль далѣе, то именно съ гносеологическихъ точекъ зрѣнія только что формулированное слѣдствіе кажется неизбѣжнымъ. Никакая теорія познанія не обходится вполнѣ безъ положенія, гласящаго, что всякій непосредственно данный объектъ, стало быть и тѣлесный міръ, поскольку мы имѣли съ нимъ дѣло въ опытѣ, необходимо мыслить въ отношеніи къ нѣкому субъекту, и противъ этого положенія врядъ-ли можно что либо возразить. Но, разъ этотъ субъектъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно, приравнивается къ сознанію, то изъ этого слѣдуетъ также, что данныя тѣла существуютъ лишь для сознанія или какъ процессы „въ“ сознаніи (*als Vorgänge im Bewusstsein*), а если затѣмъ это сознание рассматривается, какъ тождественное съ душевною жизнью, то нельзя избѣжать и утвержденія, гласящаго, что, въ томъ случаѣ, если тѣлесный міръ не оказывается психическимъ процессомъ, что нелѣпо, — онъ существуетъ для насъ лишь какъ феноменъ. Въ такомъ случаѣ одна только душевная жизнь дана намъ какъ процессъ въ сознаніи и непосредственно въ своей реальности.

Быть можетъ, еще яснѣе представится необходимость признавать душевную жизнь реальностью, тѣла же, напротивъ того, лишь феноменами, коль скоро отождествленіе субъекта, сознанія и души формулируется такимъ образомъ, что тѣлесный міръ данъ лишь въ моемъ сознаніи или что я оказываюсь тѣмъ субъектомъ, къ которому онъ долженъ быть относимъ. Вѣдь если „мое сознание“ требуется для всего опыта, то весь опытъ становится не только психическимъ, но и зависящимъ отъ меня. Если бы я желалъ въ такомъ случаѣ рассматривать бытіе тѣлеснаго міра не какъ нѣчто такое, что лишь „яв-

ляется“ мнѣ, и истинная реальность чего скрыта отъ меня, то вѣдь благодаря этому мнѣ пришлось бы не только отрицать самостоятельное существованіе тѣлеснаго міра, но тогда вообще не могло бы существовать ничего кромѣ моей душевной жизни. Извѣстно, какую роль играли подобныя соображенія въ теоріи познанія. Кто, принимая эти предположенія, не хочетъ признавать никакого иного бытія кромѣ того, которое непосредственно дано въ опытѣ, тотъ долженъ придти къ тому, что окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса оказывается солипсизмъ, а кто не отважится на такую нелѣпость, тотъ все же скорѣе признаетъ лишь феноменальное существованіе тѣлеснаго міра ¹⁾. Итакъ, не оказывается-ли по нѣкоторымъ соображеніямъ основательнымъ принципиальное различіе физическаго и психическаго бытія по отношенію къ реальности и феноменальности?

Въ самомъ дѣлѣ, отмѣченныя слѣдствія неизбѣжны, разъ признано то предположеніе на которомъ они основываются. Но правильно-ли это предположеніе? Можетъ-ли тотъ субъектъ, который необходимо требуется для всего непосредственно даннаго бытія и который можно, конечно, охарактеризовать, какъ сознаніе, быть приравниваемъ къ тому субъекту и къ тому сознанію, которое образуетъ матеріаль эмпирической психологій? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ дать безусловно отрицательный отвѣтъ. Можно показать, что здѣсь играетъ роль еще третье понятіе субъекта, которое есть не что иное, какъ продуктъ гносеологическаго размышленія и которое имѣетъ не болѣе общаго съ предметомъ психологій, чѣмъ съ матеріаломъ наукъ о тѣлахъ. Поэтому мы намѣрены назвать это всеобъемлющее сознаніе, чтобы отличить его отъ обоихъ другихъ субъектовъ, гносеологическимъ ²⁾ субъектомъ и постараться установить въ особенности его отношеніе къ психологическому субъекту. При этомъ намъ придется коснуться проблемы, которая вызвала много разсужденій и трудна, но мы займемся ею не болѣе, чѣмъ это необходимо для нашей цѣли. Быть можетъ, для достиженія нашей цѣли, проще всего будетъ еще разъ вернуться къ понятію о психофизическомъ субъектѣ и къ его отношенію къ психологическому субъекту и показать, что между психологическимъ субъектомъ и гно-

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Выясненію этого вопроса посвящена статья Шуппе „der Solipsismus“ въ Zeitschrift für immanente Philosophie, III 3.

²⁾ См. примѣчаніе на стр. 143.

сеологическимъ субъектомъ до нѣкоторой степени существуетъ отношеніе, вполне аналогичное тому, которое существуетъ между обоими разсмотрѣнными выше.

Съ этой цѣлью будемъ разсматривать субъектъ совершенно вообще, какъ активное начало (das Aktive), которое что либо дѣлаетъ, объектъ же, напротивъ того, какъ пассивное начало (das Passive), съ которымъ что либо дѣлается. Это значеніе можетъ быть признано общимъ вѣмъ тремъ парамъ понятій. Какъ активный мы можемъ разсматривать во первыхъ психофизическій субъектъ, поскольку онъ что либо производитъ съ пространственно окружающимъ его пассивнымъ внѣшнимъ міромъ. Однако активнымъ можетъ представляться и одна душа въ противоположность какъ ея тѣлу, которое мыслится пассивнымъ, такъ и всему тѣлесному міру.

Однако, это не единственно возможные точки зрѣнія. Мы можемъ не только иной разъ признавать активнымъ все наше тѣло вмѣстѣ съ душою, иной разъ, напротивъ того, признавать активной только нашу душу, но кромѣ того мы можемъ образовывать еще различныя пары понятій, занимающія промежуточное положеніе между этими двумя крайностями. Во первыхъ, я могу мыслить какъ нѣчто пассивное лишь часть моего тѣла, еще приписывая приэтомъ другой части тѣла, вмѣстѣ съ душою, активность. Далѣе я могу все болѣе и болѣе уменьшать ту часть тѣла, которую я причисляю къ субъекту и такимъ образомъ мало по малу дойти до того, что въ концѣ концовъ все тѣлесное стало объектомъ, и въ качествѣ субъекта осталось лишь психическое. Иными словами отъ одного субъекта къ другому можно найти переходъ при посредствѣ множества различныхъ паръ понятій о субъектѣ и объектѣ, въ которыхъ съ одной стороны все болѣе и болѣе сужается понятіе о дѣятельномъ началѣ или о субъектѣ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, получаетъ все болѣе и болѣе обширный объемъ понятіе о пассивномъ началѣ или объектѣ. Итакъ, отъ того психофизическаго субъекта, который обнимаетъ собой все тѣло вмѣстѣ съ душою, рядъ другихъ психофизическихъ понятій о субъектѣ, въ которыхъ физическое все уменьшается, мало по малу приводитъ насъ въ концѣ концовъ къ чисто психологическому субъекту, въ которомъ уже нѣтъ ничего тѣлеснаго. Поэтому понятіе о психологическомъ субъектѣ можно прямо такъ опредѣлить такимъ образомъ, что его характеризуютъ какъ конечный членъ или предѣльное понятіе указаннаго ряда психофизическихъ понятій о субъектѣ.

Сама по себѣ мысль объ этомъ построении ряда и о находящемся въ связи съ нимъ опредѣленіи психологическаго субъекта не существенна здѣсь. Мы отмѣтили её лишь для того, чтобы показать, что вовсе нѣтъ надобности въ томъ, чтобы рядъ заканчивался понятіемъ о душѣ, какъ о субъектѣ, но что и далѣе психологическаго субъекта его можно продолжать совершенно аналогичнымъ образомъ какъ до этого послѣдняго. Коль скоро это происходитъ, этотъ рядъ становится интереснымъ для насъ, такъ какъ тогда новая часть ряда мало по малу должна приводить насъ къ понятію о такомъ субъектѣ, который такимъ же образомъ служить конечнымъ членомъ ряда психологическихъ субъектовъ, какъ прежде разсмотрѣнный психологическій субъектъ былъ послѣднимъ членомъ вышеуказаннаго ряда психофизическихъ субъектовъ. Итакъ, мы намѣрены постараться опредѣлить и понятіе о гносеологическомъ субъектѣ, видя въ немъ конечный членъ или предѣльное понятіе ряда понятій о субъектѣ. Такимъ образомъ мы настолько же вѣрно отличимъ его отъ психологическаго понятія о субъектѣ, какъ мы смогли отличить это послѣднее отъ психофизическаго понятія о субъектѣ.

Тотъ фактъ, отъ котораго мы исходимъ при этомъ, не оспаривается. Не только душа или психологическій субъектъ въ своей совокупности можетъ разсматриваться какъ активное начало въ противоположность пассивнымъ тѣламъ или объектамъ, но и въ самомъ психологическомъ субъектѣ можно различать нѣчто активное и нѣчто пассивное, субъектъ и объектъ. Мы ограничиваемся здѣсь тѣмъ случаемъ, когда чувствованіе и хотѣніе не играютъ роли, но активное начало или субъектъ означаетъ *percipiens*, а пассивное начало— *perceptum*. Если бы мы могли обращать въ объектъ только наше тѣло, но не душу,—не могло бы существовать эмпирической науки о послѣдней. Итакъ, возможность эмпирической психологіи основывается на возможности раздѣленія души на *percipiens* и *perceptum*. Но это не означаетъ, что *percipiens* и *perceptum* при этомъ тождественны, такъ какъ перцепированіе самого себя (*Selbstwahrnehmung*) или самонаблюденіе въ строгомъ смыслѣ суть понятія полныя противорѣчій. Напротивъ того въ этомъ случаѣ субъектомъ становится одна часть душевной жизни, между тѣмъ какъ другая часть образуетъ объектъ, точно такъ же, какъ, въ ранѣе разсмотрѣнномъ психологическомъ ряду, часть тѣла могла становиться объектомъ между тѣмъ, какъ другая часть еще принадлежала къ субъекту.

Требуется сдѣлать всего лишь одинъ шагъ далѣе, чтобы перейти отъ этого факта къ понятію гносеологическаго субъекта. Для того, чтобы мы ознакомились со всей душевной жизнью, необходимо, чтобы было возможно разсматривать какъ объектъ, всякую часть психологическаго субъекта. То, что не можетъ быть сдѣлано объектомъ въ этомъ смыслѣ, во всякомъ случаѣ, будучи недоступнымъ эмпирической наукѣ, не можетъ быть причислено и къ тому субъекту, который образуетъ матеріалъ эмпирической психологіи и, именно, этотъ пунктъ существененъ для насъ. Переходъ къ искомому нами третьему понятію о субъектѣ мы находимъ благодаря тому, что мы мыслимъ себѣ процессъ объективированія душевной жизни все далѣе и далѣе продолженнымъ, такъ что, между тѣмъ какъ объектъ въ душевной жизни все увеличивается, психическое въ субъектѣ все уменьшается, точно такъ же, какъ въ ранѣе разсмотрѣнномъ ряду физическое постепенно исчезало изъ субъекта. Представимъ себѣ, наконецъ, что процессъ объективированія завершенъ и допустимъ, что матеріалъ психологіи, т. е. психологическій субъектъ цѣликомъ сталъ объектомъ. Тогда, какъ необходимое соотносительное по отношенію къ этому объекту, понятіе, или какъ конечный членъ и предѣльное понятіе психологическаго ряда субъектовъ, мы получаемъ понятіе о нѣкоемъ *percipiens*, для котораго все эмпирическое бытіе есть *perceptum*, о субъектѣ, для котораго объектомъ служить не только весь тѣлесный міръ, но и вся душевная жизнь, которая вообще можетъ становиться матеріаломъ эмпирической психологіи, стало быть, о субъектѣ, который самъ уже не содержитъ въ себѣ никакого эмпирическаго бытія, ни физическаго, ни психическаго и никогда не можетъ стать предметомъ эмпирической науки. Это *percipiens* мы характеризуемъ какъ гносеологическій субъектъ. О немъ можно сказать, что онъ обнимаетъ собой весь эмпирический міръ и, если мы назовемъ его сознаниемъ, то мы должны охарактеризовать все данное бытіе какъ „содержаніе сознанія“¹⁾, но это сознаніе должно быть тщательно отличаемо отъ психологическаго субъекта, такъ какъ оно

¹⁾ И въ этомъ терминѣ содержится образное выраженіе. Само собою разумѣется, что сознаніе вовсе не пространство, въ которомъ что либо могло бы быть. Но данный терминъ не можетъ, конечно, вызывать недоразумѣнія въ этомъ направленіи. Мы очень далеки отъ того, чтобы утверждать какого либо рода „интроспекцію“.

содержитъ въ себѣ столь же мало психическаго, какъ психологическаго, какъ психологическій субъектъ—физическаго.

Въ сущности и это простая и даже само собою разумѣющаяся мысль. Та трудность, которая связана съ нею, состоитъ лишь въ томъ, что объективированіе всей душевной жизни никогда не можетъ быть произведено такимъ образомъ, чтобы гносеологическій субъектъ оставался въ качествѣ эмпирической реальности, противостоящей психологическому субъекту, какъ точно такой же реальности, какъ это возможно было при отдѣленіи психофизическаго субъекта отъ психологическаго субъекта; напротивъ того, отдѣленіе психологическаго субъекта отъ гносеологическаго возможно лишь въ понятіяхъ, т. е. хотя всякая часть душевной жизни и можетъ становиться объектомъ, однако мы не въ правѣ предполагать, что можно сразу и одновременно объективировать всѣ части душевной жизни. Напротивъ того, съ гносеологическимъ субъектомъ всегда остается, такъ сказать, связанной нѣкоторая часть психологическаго субъекта, или гносеологическій субъектъ никогда не выступаетъ изолированно.

Мы должны особенно подчеркнуть это для того, чтобы предотвратить недоразумѣнія. Иначе могъ бы возникнуть вопросъ, не думаемъ-ли мы, что гносеологическій субъектъ есть тотъ, который дѣйствительно занимается психологіей. Само собою разумѣется, что психологическое изслѣдованіе никогда не можетъ производиться гносеологическимъ субъектомъ, но для этого всегда необходимъ психологическій субъектъ. Если психологъ наблюдаетъ „самого себя“, какъ обыкновенно выражаются, то всегда одна часть его души наблюдаетъ другую. Стало быть, наблюдающій субъектъ никогда не теряетъ своей эмпирической реальности. Но въ то же время мы должны подчеркнуть и то, что это обстоятельство не имѣетъ значенія для того, что существенно для насъ. Во всякомъ случаѣ противъ отдѣленія гносеологическаго субъекта отъ психологическаго субъекта, мыслимаго въ понятіяхъ, нельзя возражать, и само понятіе о гносеологическомъ субъектѣ должно было стать совершенно однозначнымъ. А для нашихъ цѣлей намъ и не нужно ничего кромѣ этого понятія.

Вернемся же теперь съ нимъ еще разъ къ тому ряду мыслей, изъ котораго, повидимому, необходимо, вытекало, что душевная жизнь есть единственная непосредственная реальность и что тѣлесный міръ существуетъ лишь какъ феноменъ. Прежде всего, мы видимъ, что очевидно неправильно придавать положенію, гласящему, что все бытіе

существуетъ лишь по отношенію къ нѣкому субъекту или какъ содержаніе сознанія, такую форму, что тѣлесный міръ оказывается на лицо лишь въ моемъ сознаніи, или что я есмь тотъ субъектъ, для котораго только онъ оказывается на лицо. Напротивъ того, во всякомъ эмпирическомъ я субъектъ или объектъ, или сознаніе и содержаніе сознанія, должны быть тщательно ограничиваемы другъ отъ друга и все, что индивидуально, должно причисляться къ объекту. Субъектъ въ гносеологическомъ смыслѣ не содержитъ въ себѣ ничего, свойственнаго мнѣ, какъ опредѣленной личности, и лишь къ этому безличному субъекту можетъ быть относимъ тѣлесный міръ. Благодаря этому оказываются совершенно несостоятельными всѣ такіа предположенія какъ солипсизмъ и т. п., для избѣжанія которыхъ могло казаться необходимымъ предположеніе лишь феноменальнаго существованія тѣлеснаго міра. Индивидуальное я настолько не тождественно съ гносеологическимъ субъектомъ и съ тѣмъ сознаніемъ, содержаніемъ котораго можетъ признаваться міръ, что для этого субъекта оно можетъ быть только объектомъ на ряду съ другими объектами. Итакъ, совершенно ошибочно говорить, что непосредственно данный міръ есть мое содержаніе сознанія.

Настолько же невѣрно и то, что изъ тезиса, согласно которому всякая данная намъ дѣйствительность есть процессъ въ сознаніи (Bewusstseinsvorgang), можно заключить, что она есть психическій процессъ. Вѣдь то сознаніе, только о которомъ мы можемъ сказать, что оно обнимаетъ собой всю извѣстную дѣйствительность, будучи свободно отъ всѣхъ индивидуальныхъ составныхъ частей, не содержитъ въ себѣ такъ же уже и ничего психическаго. Его вообще нисколько не касается противоположность между физическимъ и психическимъ, оно есть субъектъ не въ противоположность тѣламъ, но въ противоположность в сѣмъ объектамъ. И изъ того, что гносеологическій субъектъ, который неотдѣлимъ отъ всякаго предмета опыта, на самомъ дѣлѣ всегда встрѣчается лишь вмѣстѣ съ какой либо долей душевной жизни, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ предметы опыта суть нѣчто психическое.

Если, наконецъ, слово „сознаніе“ употребляется для обозначенія гносеологическаго субъекта, то, хотя и приходится охарактеризовать міръ опыта въ его совокупности какъ содержаніе сознанія, однако въ такомъ случаѣ слово „сознаніе“ вѣдь есть не что иное, какъ наименованіе, служащее для обозначенія всей данной въ опытѣ дѣй-

ствительности, и, если при этомъ предположеніи тѣла и должны быть названы содержаніями сознанія, они отнюдь не перестаютъ вслѣдствіе этого сохранять свою непосредственную реальность, какъ тѣла. Напротивъ того, благодаря отграниченію другъ отъ друга двухъ понятій о субъектѣ, исчезаетъ всякое основаніе для того, чтобы отличать физическое и психическое другъ отъ друга такимъ образомъ, что одно признается лишь феноменомъ, а только другое реальностью. И физическое и психическое, какъ бы они ни опредѣлялись, во всякомъ случаѣ даны одинаково непосредственно. Опредѣленіе психическаго лишь посредствомъ содержанія сознанія не только не достаточно, но и должно вести къ недоразумѣніямъ, если не прибавляется, что кромѣ психическаго существуетъ еще и иное содержаніе сознанія: тѣлесный міръ. Сознаніе можетъ служить въ опредѣленіи психическаго развѣ что *genus proximum*, видовой же признакъ еще долженъ быть найденъ. Опредѣленіе психическаго какъ процессовъ въ сознаніи во всякомъ случаѣ оказывается слишкомъ обширнымъ и совершенно непригоднымъ для отграниченія его отъ тѣлеснаго міра. Напротивъ того, все, что вытекаетъ изъ этого опредѣленія для понятія о психическомъ, приложимо и къ понятію о физическомъ: и физическое есть непосредственно данная реальность.

И, чтобъ показать, насколько не удовлетворительна характеристика физическаго какъ лишь опосредствованнаго по сравненію съ психическимъ, мы можемъ сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ. Если вообще захотѣть установить различіе между физическими и психическими процессами въ томъ отношеніи, что они даны болѣе или менѣе непосредственно, то пришлось бы сказать, что тѣлесный міръ есть та часть содержанія сознанія, которая дана въ опытѣ непосредственно и какъ общая всѣмъ людямъ. Напротивъ того, душевная жизнь непосредственно дана всякому индивидууму лишь постольку, поскольку она образуетъ его собственную душевную жизнь, остальное же мы знаемъ лишь опосредствованно, благодаря истолкованію непосредственно данныхъ тѣлесныхъ процессовъ; мы должны умозаключать о немъ по аналогіи съ нашей собственной душевной жизнью. На первыхъ порахъ мы не касаемся того, вытекаетъ-ли изъ этого обстоятельства для метода психологіи принципиальныя отличія въ противоположность методу естественныхъ наукъ, мы отмѣтили его здѣсь лишь для того, чтобы показать, насколько ошибочно отождест-

вленіе психическаго съ непосредственнымъ бытіемъ, въ противоположность тѣлесному міру, о которомъ утверждается, что онъ извѣстенъ намъ лишь опосредствованно.

Мы намѣрены упомянуть еще только одно обстоятельство, которое равнымъ образомъ можетъ вызывать путаницу во взглядахъ на то отношеніе, въ которомъ матеріаль психологіи съ логическихъ точекъ зрѣнія находится къ матеріалу естественныхъ наукъ, и которое, пожалуй, иногда сбиваетъ съ толку именно за неимѣвшихся: эмпирической наукой. Должно было-бы быть само собой разумѣющимся, что, если въ логическомъ интересѣ желаютъ установить, какъ относится понятіе о психическомъ къ понятію о физическомъ, при этомъ физическое всегда можно брать лишь такъ, какъ оно представляется намъ въ видѣ еще непреобразованнаго научно матеріала, равнымъ образомъ какъ и психическое вѣдь берется такъ, какъ оно оказывается на лицо. Однако это условіе вовсе не всегда выполняется. На мѣсто тѣлеснаго міра, какъ онъ непосредственно данъ въ качествѣ эмпирической дѣйствительности, произвольно становится понятіе о тѣлесномъ мірѣ, какъ его уже болѣе или менѣе обработало естествознаніе. А мы видѣли уже, что этотъ процессъ обработки съ самаго начала клонится къ тому, чтобы все болѣе и болѣе вытѣснять воззрительные элементы тѣлесныхъ вещей и процессовъ, необходимо свойственные имъ, какъ непосредственно даннымъ содержаніямъ сознанія. Если затѣмъ сравнивать эти естественно-научныя понятія съ непосредственно даннымъ воззрительнымъ матеріаломъ психологіи, то, конечно, должна возникнуть иллюзія, будто физическое и психическое принципиально отличны другъ отъ друга. Но нѣтъ надобности обстоятельнѣе обосновывать, что такое сравненіе совершенно неправомѣрно. Только воззрительный, еще не подвергнутый обработкѣ при посредствѣ понятій тѣлесный міръ, составляетъ матеріаль естественныхъ наукъ, и лишь его можно сравнивать съ равнымъ образомъ воззрительнымъ и не подвергнутымъ обработкѣ при посредствѣ понятій міромъ душевной жизни, который образуетъ матеріаль психологіи.

Само собой разумѣется, что мы отнюдь не имѣемъ въ виду разрѣшить этими замѣчаніями всѣ тѣ гносеологическіе вопросы, которые могутъ и должны представляться въ связи съ разсматриваемой проблемой. Напротивъ того, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы удалить изъ опредѣленій понятій о психическомъ и о

физическомъ гносеологическую или, лучше сказать, метафизическую противоположность между реальностью и феноменальностью. При этомъ, конечно, нельзя игнорировать одного обстоятельства. Та форма въ которую мы облекли этотъ результатъ, содержитъ въ себѣ значительную примѣсь парадоксальности. Приравниваніе тѣлеснаго міра къ части содержанія сознания звучитъ столь же странно, какъ утвержденіе, гласящее, что психическое не можетъ быть безъ дальнихъ околичностей отождествляемо съ сознаниемъ и, хотя-бы даже странность этихъ положеній обуславливалась, быть можетъ, только терминологіей, все же возникнетъ вопросъ, почему необходима такая терминологія для того, чтобы выразить нѣчто въ сущности столь простое, какъ утвержденіе непосредственной реальности тѣлеснаго міра. Не лучше-ли было-бы избѣгать выраженія „содержаніе сознания“ для обозначенія тѣлеснаго міра и ограничить его значеніе душевною жизнью?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что можно спорить о цѣлесообразности нашей терминологіи, но отнюдь не легко замѣнить ее лучшею. Вѣдь выраженіе „содержаніе сознания“ имѣетъ два совершенно различныя значенія, и притомъ одно изъ нихъ болѣе обширно, а другое болѣе тѣсно. Но лишь его болѣе обширное значеніе имѣетъ то преимущество, что оно непосредственно понятно, какъ наименованіе, служащее для обозначенія всей эмпирической реальности. Напротивъ того, въ своемъ болѣе тѣсномъ значеніи, будучи отождествляемо съ выраженіемъ „душевная жизнь“, слово „сознаніе“, равно какъ слово „психическое“ лишь условно. Поэтому, если оно употребляется для обозначенія матеріала психологіи, всегда существуетъ опасность подмѣна наименованія, не имѣющаго значенія, когда дѣло идетъ о психологическихъ проблемахъ, болѣе обширнымъ гносеологическимъ понятіемъ, значеніе котораго понятно каждому; причемъ, благодаря этому незамѣтно открывается доступъ для отстаиваемой именно мнимыми позитивистами и сторонниками чистаго опыта спиритуалистической метафизики, склонной выдавать все бытіе за психическое. Такъ какъ это можетъ вызывать лишь путаницу въ наукоученіи, то слѣдуетъ напрямикъ сказать, что выраженіе „сознаніе“ оказывается наиболѣе рискованнымъ изъ всѣхъ наименованій для обозначенія предмета психологіи. Поэтому, если мы вообще не желаемъ избѣгать его въ философіи вслѣдствіе его двусмысленности, было бы очень хорошо пріучиться къ терминологіи, согласно которой

подъ содержаніемъ сознания надлежитъ разумѣть всю эмпирическую дѣйствительность, которая, равнымъ образомъ, обнимаетъ собою какъ физическіе такъ и психическіе процессы и согласно которой сознаніе, какъ гносеологическій субъектъ, само не можетъ быть ни психическимъ, ни физическимъ. Тогда, быть можетъ, прекратились-бы и разсужденія о томъ, что, такъ какъ вѣдь все то, чѣмъ занимается философія, есть процессъ въ сознаниі, истинная философія можетъ быть только психологіей¹⁾, аргументъ, который лишь тогда могъ бы до нѣкоторой степени претендовать на послѣдовательность, если бы физика или біологія также признавались частями психологіи“²⁾.

Но, какого бы мнѣнія ни держаться въ концѣ концовъ о терминологіи, мы намѣрены здѣсь, гдѣ возможны недоразумѣнія, совершенно избѣгать слова „сознаніе“ и ограничиться опроверженіемъ утвержденія, гласящаго, что, такъ какъ опытный міръ есть процессъ въ сознаниі, лишь душевной жизни свойственна непосредственная реальность. Мы продолжаемъ держаться того мнѣнія, что слово „психическое“ теряетъ всякій смыслъ, коль скоро оно не ограничивается частью данной дѣйствительности, что тѣлесный міръ данъ намъ столь же непосредственно, какъ и душевная жизнь и что этотъ тѣлесный міръ образуетъ единственный матеріалъ эмпирическихъ естественныхъ наукъ. То, что съ гносеологическихъ точекъ зрѣнія привыкли характеризовать какъ содержаніе сознания, мы, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое спиритуалистическое истолкованіе, называемъ эмпирическою дѣйствительностью.

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Наиболѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ этого взгляда является Липпсъ.

²⁾ Тамъ, гдѣ это происходитъ, приравниваніе психическаго къ сознанию, конечно, не подвергается уже сомнѣнію. „Психическое“ становится тогда обозначеніемъ всей эмпирической дѣйствительности, и это, конечно, весьма неудачная терминологія. Удивительно что эта терминологія примѣнялась и естественными учеными. Такъ М. Ферворнъ въ своей „Allgemeine Physiologie“ (Leua 1895) стр. 38 заявляетъ: „существуетъ лишь одно, а именно душа (Psyche)“ и надѣется, „что эта основная мысль будетъ все болѣе и болѣе встрѣчаться признаніе и въ естествовѣдѣніи“. При этомъ замѣчательно всего то обстоятельство, что Ферворнъ подкрѣпляетъ эту „основную мысль“ ссылкой на „критику чистаго опыта“ Авенаріуса, т. е. на книгу, въ которой самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаются взгляды этого рода.

Насъ не занимаетъ далѣе въ данномъ случаѣ раздѣленіе на реальности и на феномены, послѣ того какъ мы доказали, что оно не имѣетъ значенія для нашей проблемы. Мы оставляемъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, правомѣрно-ли оно вообще въ какомъ-либо отношеніи. Для насъ достаточно того, что мы можемъ показать, что во всякомъ случаѣ на основаніи его нельзя отграничить физическое отъ психическаго. Мы непосредственно находимъ даннымъ міръ, состоящій изъ тѣлъ и изъ иныхъ образованій, которыя мы называемъ психическими. Мы не имѣемъ въ виду равнымъ образомъ и дать болѣе обстоятельное опредѣленіе понятія о психическомъ, и мы желаемъ даже особенно подчеркнуть, что задачей нашихъ изслѣдованій вовсе не служить опредѣленіе содержанія этого понятія. Мы знаемъ, что психическое настолько же есть часть эмпирической дѣйствительности, какъ тѣла, и мы ограничиваемся заявленіемъ, что психическіе объекты — это всё не физическіе объекты. Здѣсь это отрицательное опредѣленіе вполне достаточно.

Наконецъ, чтобы резюмировать результатъ этихъ разсужденій, рассмотримъ еще спеціально ту формулировку, изъ которой мы исходили. Отличіе психологіи отъ естествознанія усматривалось въ томъ, что матеріаломъ послѣдняго служатъ объекты, которые подступаютъ къ субъекту, какъ нѣчто чуждое, между тѣмъ какъ психологія, напротивъ того, имѣетъ дѣло съ самимъ непосредственно даннымъ субъектомъ. Мы знаемъ, лишь при какихъ условіяхъ это положеніе могло бы пріобрѣсти значеніе для логики. Если подъ субъектомъ разумѣютъ психофизическій субъектъ, то захотятъ принципиально отличать внутреннюю жизнь отъ внѣшняго міра. Если имѣется въ виду гносеологическій субъектъ, то душевная жизнь, какъ единственно непосредственно данное бытіе, должна противопоставляться міру тѣлъ, данному только какъ явленіе. Однако, какъ мы видѣли, для психологіи не имѣютъ значенія оба эти понятія о субъектѣ. Не субъективное, какъ внутреннее, служитъ предметомъ психологіи, ибо утверждать это имѣлъ бы право лишь матеріализмъ, усматривающій душевное въ процессахъ въ мозгу и въ нервной системѣ. Не субъективное, какъ процессъ въ сознаніи, служитъ предметомъ психологіи, такъ какъ это опредѣленіе приравниваетъ всю эмпирическую реальность къ душевной жизни и было-бы правомѣрно лишь съ спиритуалистической точки зрѣнія. Итакъ, оба эти опредѣленія понятій оказываются метафизическими и поэтому они неумѣстны здѣсь.

Напротивъ того, какъ психическое, можно охарактеризовать лишь то, что мы могли отличить какъ психологическій субъектъ отъ обоихъ другихъ субъектовъ. Лишь такимъ образомъ мы находимъ точку зрѣнія, съ которой возможно эмпирическое опредѣленіе понятія о психическомъ.

Разъ мы придерживаемся этого взгляда, мы знаемъ также, что положеніе, гласящее, что психологія имѣетъ дѣло съ субъектами, естественныя же науки, напротивъ того, съ объектами, поскольку оно правильно, не имѣетъ никакого значенія для ученія о методѣ. Конечно, естествознаніе изслѣдуетъ лишь объекты въ гносеологическомъ смыслѣ и, если оно есть наука о тѣлахъ, ему, само собою разумѣется, нѣтъ никакого дѣла и до психологическаго субъекта. Правда, гносеологическій субъектъ требуется для понятія о всякой эмпирической дѣйствительности, но спеціальныя науки (*Einzelwissenschaften*) всегда должны отвлекаться отъ него. Итакъ, науки о тѣлахъ отвлекаются какъ отъ психологическаго, такъ и отъ гносеологическаго субъекта. Однако, совершенно ошибочно было-бы утвержденіе, гласящее, что вслѣдствіе этого ихъ способъ познанія — опосредствованный и онѣ имѣютъ дѣло съ мыслимымъ въ отвлеченныхъ понятіяхъ. Не игнорированіе психологическаго субъекта и не игнорированіе гносеологическаго субъекта принуждаетъ къ образованію понятій, которыя становятся на мѣсто воззрѣнія, но на это оказываютъ рѣшающее вліяніе тѣ основанія, которыя мы подробно изложили въ предыдущей главѣ. Отвлеченіе отъ психологическаго и гносеологическаго субъектовъ само по себѣ вовсе не служитъ препятствіемъ для попытки непосредственнаго познанаія тѣлеснаго міра. Можно сдѣлать попытку описывать тѣлесные процессы, какъ они даны воззрительно, такимъ образомъ, чтобы, благодаря описанію, возникало наглядное изображеніе ихъ непосредственной дѣйствительности. Но это можно дѣлать всегда лишь съ отдѣльными вещами и процессами и мы видѣли, почему такія описанія не имѣютъ значенія для естествознанія.

Какимъ же образомъ обстоитъ дѣло съ субъектами въ психологіи? Какъ естествознаніе не занимается психологическимъ субъектомъ, такъ психологія должна отвлекаться отъ тѣлесныхъ процессовъ. Затѣмъ психологія должна равнымъ образомъ отвлечься и отъ гносеологическаго субъекта, такъ какъ въ противномъ случаѣ она отнюдь не была бы эмпирическою психологіей, т. е. она должна

обращать въ объектъ все то, что она должна изслѣдовать и, хотя бы отдѣленіе психологическаго матеріала отъ познающаго субъекта и оказывалось болѣе труднымъ, оно, вслѣдствіе этого отнюдь не менѣе необходимо. Однако, благодаря этому отдѣленію и отвлеченію отъ гносеологическаго субъекта, матеріаль психологіи, конечно, столь же мало лишается своей непосредственности, какъ матеріаль естественныхъ наукъ. И здѣсь, само собой разумѣется, возможно непосредственное познаніе отдѣльныхъ психическихъ объектовъ по отвлеченію отъ гносеологическаго субъекта. Единичные непосредственно ереживаемые психическіе факты можно описывать такимъ же образомъ, какъ физическіе факты такъ, чтобы благодаря этому возникали наглядныя изображенія психологическихъ дѣйствительностей. Но развѣ здѣсь этотъ не естественно-научный способъ описанія единичныхъ фактовъ долженъ быть единственнымъ родомъ познанія? Развѣ объективированный міръ психическаго не долженъ быть равнымъ образомъ, какъ объективированный міръ физическаго, изслѣдуемъ въ своей совокупности и, по крайней мѣрѣ, быть подвергаемъ описанію на манеръ естественныхъ наукъ, а въ случаѣ надобности и естественно-научному объясненію? Нѣтъ ли малѣйшаго основанія дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. То обстоятельство, что мы не въ состояніи сдѣлать объектомъ всю душевную жизнь сразу, не можетъ служить препятствіемъ для естественно-научной обработки, такъ какъ и тѣлесная дѣйствительность никогда не бываетъ доступна опыту одновременно въ своей совокупности.

Итакъ, установивъ, что въ матеріалѣ психологіи, какъ таковомъ, не оказывается ничего такого, вслѣдствіе чего его естественно-научное трактованіе заранѣе представлялось-бы менѣе возможнымъ, чѣмъ естественно-научное трактованіе тѣлеснаго міра; мы должны теперь обратиться къ вопросу о томъ, не оказывается-ли эта обработка не только возможной, но и насколько она необходима для того, чтобы вообще можно было говорить о научномъ познаніи душевной жизни.

II.

Познаніе душевной жизни въ понятіяхъ.

Никто не станеть отрицать, что между методомъ наукъ о тѣлесномъ мірѣ и методомъ психологіи существуютъ значительныя различія. Уже то обстоятельство, что необходимое для всякой эмпирической

науки объективированіе ея матеріала въ психологіи связано съ трудностями, которыхъ не знаютъ науки о мірѣ, должно болѣе или менѣе оказывать вліяніе и на методы и, конечно, представляетъ интересъ задача, состоящая въ томъ, чтобы прослѣдить въ частности вытекающія отсюда логическія особенности. Но насъ не занимаетъ здѣсь эта часть психологическаго изслѣдованія. Напротивъ того, соотвѣтственно неоднократно подчеркнутому ограниченію нашей задачи, мы заранѣе предполагаемъ психологическій матеріаль въ вышеуказанномъ смыслѣ, какъ сдѣланный доступнымъ научной обработкѣ и насъ занимаетъ не столько вопросъ о средствахъ и путяхъ психологическаго изслѣдованія, сколько, напротивъ того, вопросъ о логической структурѣ изложенія, придаваемой психологіей ея матеріалу. Мы знаемъ, конечно, что различныя части научной работы именно въ этой наукѣ, быть можетъ, еще менѣе могутъ быть фактически отдѣлены другъ отъ друга, чѣмъ гдѣ либо, но что онѣ отдѣлимы другъ отъ друга лишь въ понятіяхъ, однако это обстоятельство не мѣшаетъ намъ разсматривать ихъ, какъ логически раздѣльныя другъ отъ друга.

Однако, даже если мы займемся только изложеніемъ и образованіемъ понятій въ психологіи, то и по отношенію къ нимъ—въ этой наукѣ изложенія и образованія несомнѣнно оказываются значительныя логическія отличія отъ изложенія и образованія понятій въ естественныхъ наукахъ. Мы менѣе всего намѣрены въ данномъ случаѣ отстаивать не критическое перенесеніе методовъ изъ одной области научнаго труда въ другую, но мы полагаемъ, что своеобразныя особенности методовъ въ частности всегда должны развиваться въ зависимости отъ своеобразныхъ особенностей подлежащаго обработкѣ матеріала. Однако это мнѣніе не можетъ помѣшать намъ поставить вопросъ о томъ, имѣютъ ли логическія противоположности, оказывающіяся при обработкѣ при посредствѣ понятій съ одной стороны тѣлеснаго міра, съ другой стороны душевной жизни, такое принципиальное значеніе, чтобы на нихъ могло основываться раздѣленіе всѣхъ эмпирическихъ наукъ на двѣ главныя группы: науки о природѣ и науки о духѣ, или-же, быть можетъ, существуетъ еще болѣе глубокая логическая противоположность между областями научнаго труда, по сравненію съ которой различія между естествознаніемъ и психологіей представляются настолько несущественными, что мы въ правѣ съ логическихъ тѣчекъ зрѣнія разсматривать эти науки какъ подходящія подъ

одну рубрику („zusammengehörige“). Не касаясь пока вопроса о болѣе глубокомъ различіи, мы прежде всего пытаемся показать, что у психологіи съ естественными науками есть общаго, въ особенности же въ какихъ пунктахъ должно оказываться согласіе между обработкой душевной жизни при посредствѣ понятій и обработкой тѣлеснаго міра при посредствѣ понятій. Для этого достаточно будетъ разсмотрѣть, до какой степени развитія въ первой главѣ соображенія относительно познанія тѣлеснаго міра при посредствѣ понятій приложимы къ познанію душевной жизни.

Въ первой главѣ мы исходили изъ того, что обработка и упрощеніе экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія тѣлеснаго бытія оказываются необходимыми потому, что лишь благодаря этому становится возможнымъ усвоеніе его конечнымъ человѣческимъ духомъ. Поэтому нашъ первый вопросъ долженъ гласить: представляетъ ли намъ и душевная жизнь такое многообразіе, которое, чтобы вообще стать доступнымъ наукѣ, какъ цѣлое, дѣлаетъ необходимыми упрощеніе и обработку.

Надъ разрѣшеніемъ этого вопроса не приходится долго останавливаться. И душевные процессы состоятъ въ воззрительномъ (anschaulichen) ¹⁾ многообразіи и, равнымъ образомъ, какъ въ тѣлесномъ мірѣ, это многообразіе оказывается на лицо въ двойномъ отношеніи, т. е. какъ экстенсивная и интенсивная необозримость. Такъ обстоитъ дѣло уже тогда, когда мы на первыхъ порахъ разсматриваемъ лишь психическія образованія, которыя непосредственно доступны намъ въ собственной душевной жизни. Мы соображаемъ, что въ прошломъ мы переживали необозримое число различныхъ душевныхъ процессовъ, и далѣе мы въ каждый моментъ въ настоящемъ находимъ какъ данное необозримое въ его деталяхъ обиліе психической жизни. Ни одинъ психологъ не можетъ помышлять о томъ, чтобы включить въ свою науку порознь и точно всѣ тѣ сужденія, которыя онъ когда либо составлялъ, всѣ печали и радости, которыя

¹⁾ Слово „воззрительное“ („anschaulich“) употреблено здѣсь въ томъ, нынѣ, конечно, почти общепринятомъ значеніи, въ которомъ оно не имѣетъ ничего общаго съ „глядѣть“ (sehen). Мы называемъ воззрительнымъ все то, что въ гносеологическомъ смыслѣ можетъ становиться непосредственнымъ объектомъ. все равно, идетъ-ли дѣло о чемъ либо физическомъ или психическомъ.

его волновали. Мы спрашиваемъ не о томъ, бесконечно-ли многообразіе этихъ образованій въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы могли утверждать это относительно тѣлесныхъ процессовъ. Достаточно, что каждая попытка охватить ихъ совокупность, хотя бы даже приблизительно въ деталяхъ путемъ отображающаго (abbildende) познанія должна представляться здѣсь настолько же бессмысленною и безнадежною, какъ это было раньше по отношенію къ тѣлеснымъ процессамъ. Тотъ, кто подъ познаніемъ душевной жизни разумѣетъ подлинное отображеніе, долженъ во всякомъ случаѣ отказаться отъ познанія цѣлаго.

И здѣсь дѣло столь же мало измѣнилось бы благодаря отказу отъ познанія всѣхъ процессовъ и разсмотрѣнію лишь ограниченной ихъ части, какъ и прежде, такъ какъ и при этомъ предположеніи мы все таки имѣли бы предъ собой необозримое многообразіе. Всякій переживаемый нами единичный душевный процессъ, какимъ бы простымъ мы его ни выбрали, все-же оказывается очень сложнымъ. Накакое чувствованіе не одинаково съ другимъ чувствованіемъ, никакое обнаруженіе воли не повторяется какъ разъ такъ, какъ оно уже было, но всякій процессъ имѣетъ свою особенность, которая можетъ основываться лишь на чрезвычайномъ многообразіи. Поэтому невозможно отчетливо представить себѣ что либо во всѣхъ его деталяхъ. Уже то обстоятельство, что вся душевная жизнь течетъ во времени, доказываетъ это, такъ какъ всякій процессъ проходитъ при этомъ чрезъ необозримо большое число различныхъ стадій. Итакъ мы видимъ, что даже въ томъ случаѣ, если мы разсматриваемъ многообразіе собственной душевной жизни, относительно познанія, получается какъ разъ тотъ же самый результатъ, къ которому мы раньше пришли при разсмотрѣніи тѣлеснаго міра.

Переходя же теперь отъ собственной душевной жизни къ чужой, мы должны признать, что отображающее познаніе всего психическаго многообразія невозможно еще и въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣло шло о тѣлахъ. Совокупность душевныхъ процессовъ всѣхъ различныхъ существъ не только неисчерпаема въ своемъ интенсивномъ и экстенсивномъ многообразіи, но при томъ изъ ея необозримаго обилія отдѣльному изслѣдователю прямо доступна, какъ непосредственное переживаніе, лишь сравнительно весьма небольшая доля, а именно та, которая образуетъ его собственную душевную жизнь, и, хотя мы и въ состояніи до такой

степени умозаключать о душевной жизни и некоторых других, что съ помощью фантазіи можемъ построить, по крайней мѣрѣ, приблизительно сходное ея изображеніе, однако наибольшая часть совокупности душевныхъ процессовъ все же остается для насъ совершенно неизвѣстною. То, для чего мы не находимъ ничего аналогичнаго у самихъ себя, мы никогда не будемъ въ состояніи хотя бы даже угадать, и поэтому оно какъ бы не существуетъ въ качествѣ матеріала для науки. Уже поэтому было бы совершенно невозможно включать въ психологію, которая вѣдь должна изображать не только индивидуальную душевную жизнь единичнаго человѣка, психическіе процессы, какъ мы ихъ переживаемъ. При этомъ изъ экстенсивнаго многообразія процессовъ, даже еслибы оно не было необозримо велико, можно было бы разсмотрѣть лишь незначительную долю, интенсивное же многообразіе этой доли въ своемъ своеобразіи совершенно зависѣло бы отъ своеобразія даннаго изслѣдователя, а, слѣдовательно, необходимо отличалось-бы отъ всѣхъ иныхъ проявленій психической жизни въ мірѣ. Вслѣдствіе этого у всякаго психолога, если бы онъ задался изображеніемъ въ формѣ копіи душевной жизни, непосредственно доступной ему или о которой онъ можетъ умозаключать, получалась бы такая психологія, которая должна была бы отличаться отъ психологіи всякаго другого психолога.

Намъ нѣтъ надобности обстоятельнѣе развивать эту мысль, такъ какъ все то, что мы доказали въ первой главѣ для непосредственнаго тѣлеснаго міра, должно, поскольку оно существенно здѣсь, имѣть силу въ приложеніи къ міру психическихъ процессовъ. Изъ этого во всякомъ случаѣ вытекаетъ, что непосредственный и воззрительный способъ познанія въ психологіи возможенъ настолько-же, какъ въ естествознаніи. Поэтому, когда Дилтей говоритъ „необходима психологическая систематика, въ которой находила-бы себѣ мѣсто вся содержательность (Inhaltlichkeit) душевной жизни“, онъ требуетъ этимъ чего-то такого, осуществленіе чего, быть можетъ, было бы весьма желательно въ интересахъ наукъ о духѣ, поскольку онѣ суть историческія науки, въ силу основаній, которыми мы еще займемся впослѣдствіи, но въ тоже время онъ требуетъ чего то такого, что логически невозможно ¹⁾). Можно попытаться, по крайней

¹⁾ Ср. Dilthey, a. a. O. S. 1326. Тѣмъ не менѣе эти соображенія кажутся намъ въ высшей степени заслуживающими вниманія, такъ какъ, хотя мы и не можемъ признать, что Дилтею удалось обнару-

мѣрѣ, приблизительно изобразить путемъ возбуждающаго фантазію описанія отрывки бытія, непосредственно доступнаго опыту, или о которомъ можно умозаключать, какъ они тамъ и сямъ многообразно даны въ воззрѣніи. Но совокупность душевной жизни, такъ же какъ и тѣлесный міръ, не поддается никакому изображенію, въ которомъ должна была-бы найти себѣ мѣсто „вся содержательность“ ея. Она принципиально неисчерпаема, и невозможно даже и приближеніе къ подобной цѣли. Психологія должна, напротивъ того, во всякомъ случаѣ производить преобразование даннаго ей матеріала и, вслѣдствіе экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія послѣдняго, это преобразование, такъ же, какъ въ естественныхъ наукахъ, можетъ быть лишь упрощеніемъ.

Этимъ мы разрѣшили вопросъ о необходимости преобразования душевной жизни и должны теперь посмотрѣть, въ какомъ направленіи должно происходить это преобразование. Прежде всего мы разсмотримъ опять-таки лишь то многообразіе, которое непосредственно дано психологу въ собственной его душевной жизни. Оно должно быть понято въ принципѣ какъ разъ такимъ же способомъ, какъ многообразіе тѣль и это, поскольку дѣло идетъ объ общности и опредѣленности понятій, вытекаетъ опять-таки уже изъ соображеній, развитыхъ въ первой главѣ. Хотя въ силу вышеуказанныхъ основаній, мы ранѣе ограничивались познаніемъ тѣлеснаго міра, однако уже тамъ мы, насколько возможно, намѣренно формулировали наши мысли такимъ образомъ, чтобы наши выводы должны были имѣть силу для познанія въ понятіяхъ всякаго воззрительнаго многообразія.

жить логическое значеніе противоположности природы и духа, мы рѣшительно соглашаемся съ нимъ относительно того, что естественно-научная психологія не можетъ служить основой наукъ о духѣ, по крайней мѣрѣ, роль скоро дѣло идетъ объ историческихъ наукахъ. Конечно, и историкъ долженъ быть знатокомъ душевной жизни; ему, какъ мы покажемъ, нужно нѣчто такое, что можно охарактеризовать какъ „историческую психологію“, но возможно-ли сдѣлать этого рода психологію систематической наукой? Не основана-ли, скорѣе, ея сила на отсутствіи въ ней систематики? Ниже намъ придется еще разъ вернуться къ этому пункту. Странно, что критика, совершенно проглядѣвшая центральный пунктъ развиваемыхъ Дилтеемъ взглядовъ, принадлежавшая стороннику естественно-научной психологіи, могла быть признана «уничтожающею» именно однимъ историкомъ. См. Л а м п р е х т ь, *Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft*. S. 18. Anm.

Итакъ, благодаря констатированію того, что психическое дано намъ равнымъ образомъ какъ и физическое, какъ необозримое воззрительное многообразіе, уже доказана, по крайней мѣрѣ, отчасти и необходимость естественно-научнаго образованія понятій въ психологіи.

Разъ требуется подвести подъ нѣкоторую теорію совокупность собственной душевной жизни, прежде всего уже при примитивнѣйшемъ описаніи значенія словъ должны быть выбираемы такимъ образомъ, чтобы они, какъ представленія о томъ, что есть общаго въ различныхъ процессахъ, выполняли цѣль, состоящую въ упрощеніи даннаго возрѣнія, и здѣсь, конечно, задача описанія часто будетъ состоять въ томъ, чтобы давать отчетъ въ большей долѣ воззрительнаго многообразія душевной жизни, чѣмъ отчетливо подмѣчаетъ человѣкъ-практикъ. Но и здѣсь дѣло никогда не можетъ идти о такомъ описаніи, которое побуждало бы фантазію къ тому, чтобы дѣйствительно представлять себѣ или заднимъ числомъ переживать индивидуальное многообразіе единичныхъ психическихъ процессовъ. Слѣдовательно, и здѣсь описаніе, разъ отъ него требуется, чтобы оно служило интересамъ изслѣдованія всей душевной жизни, должно быть естественно-научнымъ описаніемъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. оперировать съ понятіями, логически однородными естественно-научнымъ понятіямъ на первой стадіи.

Далѣе и въ психологіи окажется, что значенія словъ, какъ они возникли помимо логическихъ цѣлей, вслѣдствіе ихъ неопредѣленности, не удовлетворяютъ цѣлямъ образованія понятій и поэтому, равнымъ образомъ какъ и въ естественныхъ наукахъ, должны быть превращены путемъ преобразованія ихъ въ форму сужденій въ формально-логически совершенныя, т. е. точно опредѣленныя понятія. Это формальное опредѣленіе, благодаря которому понятіе переходитъ во вторую стадію, большею частью оказывается даже имѣющимъ гораздо большее значеніе въ психологіи, чѣмъ въ наукахъ о тѣлесномъ мірѣ. По причинамъ, опять-таки находящимися въ связи съ трудностями объективированія психологическаго матеріала, часто бываетъ очень трудно отчетливо отграничить другъ отъ друга психологическія понятія и поэтому существенную задачу психологіи составляетъ прежде всего созданіе путемъ опредѣленія понятій возможно болѣе однозначной терминологіи. Конечно, и этотъ родъ образованія понятій ни въ какомъ отношеніи не отличается принципиально отъ

естественно-научнаго образованія понятій. Напротивъ того, положенія, относящіяся къ опредѣленности естественно-научнаго понятія, съ несущественными измѣненіями примѣнимы къ образованію понятій психологіи.

Поэтому, разъ мы могли констатировать между естествознаніемъ и психологіей согласіе какъ по отношенію къ необозримому многообразію и его преодолѣнію, благодаря общему значенію словъ, такъ и по отношенію къ опредѣленности понятія, особое изслѣдованіе оказывается необходимымъ всего лишь по отношенію къ третьему моменту естественно-научнаго понятія, къ обязательности (Geltung).

Относительно этого можно думать, что психологія въ противоположность естествознанію никогда не идетъ далѣе описанія душевной жизни съ помощью системы опредѣленныхъ понятій, т. е. что она не въ состояніи объяснять душевные процессы путемъ подведенія ихъ подъ понятія законовъ. Однако, мы могли бы спокойно признать, что это утвержденіе вѣрно, такъ какъ и при этомъ предположеніи не существовало-бы никакого принципиальнаго различія между образованіемъ понятій естествознанія и образованіемъ понятій психологіи. Въ такомъ случаѣ психологію по ея логической структурѣ пришлось бы только приравнять къ менѣе совершеннымъ, т. е. къ описательнымъ естественнымъ наукамъ и ея понятія имѣли-бы силу правда не безусловно вообще, подобно понятіямъ законовъ, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣютъ силу понятія описательной зоологіи или ботаники, а именно по отношенію къ той цѣли, для которой они образованы. Въ такомъ случаѣ при этомъ ограниченіи образованіе понятій психологіи все же было бы постольку совершенно однородно съ образованіемъ понятій естественныхъ наукъ, поскольку и въ психологіи и въ естественныхъ наукахъ познаніе могло-бы быть лишь отвлеченнымъ, оперирующимъ съ понятіями, а ни въ какомъ случаѣ не воззрительнымъ или непосредственнымъ. Итакъ между психологіей и естествознаніемъ слѣдовало-бы признать лишь различіе по степени.

Однако, болѣе обстоятельное разсмотрѣніе показываетъ, что даже это различіе не существуетъ въ той степени, какъ это можетъ показаться, если не считать возможнымъ образованія психологическихъ понятій законовъ. Вѣдь даже въ томъ случаѣ, еслибы психологія не

могла давать ничего большаго чѣмъ полную классификацію душевныхъ процессовъ, она все же не была бы, описательной наукой въ смыслѣ описательной зоологіи или ботаники, но, что касается обязательности ея понятій, она должна была бы по крайней мѣрѣ ближе стоять къ объясняющимъ естественнымъ наукамъ, чѣмъ упомянутыя естественныя науки. Здѣсь учению о методахъ опять таки приходится считаться съ тѣмъ уже отмѣченнымъ обстоятельствомъ, что всякому изслѣдователю непосредственно доступна лишь его собственная душевная жизнь и притомъ теперь оказывается, что изъ этого обстоятельства отнюдь не вытекаетъ принципиальной противоположности между образованіемъ понятій психологіи и образованіемъ понятій естественныхъ наукъ. Вѣдь если въ зоологіи или ботаникѣ дѣло идетъ о классификаціи, могущей претендовать на нѣкоторую полноту, то при этомъ, какъ мы видѣли, существующее и вышеуказаннымъ образомъ непосредственно доступное наблюденію многообразіе предполагается какъ объектъ, который долженъ быть подведенъ подъ систему понятій и для достиженія этой цѣли, какъ мы знаемъ, достаточно понятій, имѣющихъ лишь эмпирическую общеобязательность. Для многообразія же животныхъ или растений, которое не можетъ быть непосредственно наблюдаемо, понятія съ которыми оперируетъ простая только классификація, не имѣли бы рѣшительно никакого значенія. Если бы, напр., на какой либо иной планетѣ организмы были приведены въ систему лишь эмпирически общихъ понятій, то, даже если мы представимъ себѣ существа, занимающіяся тамъ разработкой науки, совершенно подобными намъ, нѣтъ никакого основанія допускать, что эта система понятій какимъ либо образомъ соответствуетъ нашей, тогда какъ въ объясняющихъ наукахъ понятія законовъ свѣта или звука должны быть одними и тѣми же на всѣхъ небесныхъ тѣлахъ, гдѣ подобнымъ намъ существамъ вообще извѣстны свѣтъ и звукъ. Итакъ если отъ зоологіи или ботаники требуется, чтобы онѣ высказывали объ организмахъ нѣчто такое, обязательность чего неограничивалась бы непосредственно наблюдаемыми животными и растениями нашей земли, то и онѣ должны были бы стремиться къ тому, чтобы дать нѣчто большее, чѣмъ только описаніе и классификацію.

Въ подобномъ же положеніи, въ какомъ находится зоологъ или ботаникъ, по отношенію къ организмамъ другихъ небесныхъ тѣлъ психологъ оказывался бы по отношенію къ душевной жизни другихъ су-

ществъ, если бы его роль сводилась всего лишь къ описанію и классификаціи. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы построить лишь понятія, обязательность которыхъ не простирается далѣе непосредственно доступной опыту собственной душевной жизни, и эти понятія не имѣли бы никакой цѣнности для науки. Но вѣдь и такъ называемая описательная психологія должна обнимать собой общее различнымъ душамъ. Итакъ, система понятій, которая должна быть построена на основаніи ничтожно малой доли душевной жизни и однако должна имѣть силу для такого многообразія, котораго никогда нельзя непосредственно наблюдать, не можетъ состоять изъ всего лишь комплексовъ. Напротивъ того, психологъ всегда долженъ стремиться къ тому, чтобы доставить своимъ понятіямъ болѣе чѣмъ эмпирическую обязательность. Мы не касаемся вопроса о томъ, какіе пути онъ долженъ выбирать для достиженія этой цѣли. Намъ занимаетъ лишь логическая структура добытаго результата. Понятія, образованныя примѣнительно къ собственной душевной жизни, должны имѣть силу для душевной жизни вообще, въ противномъ же случаѣ психологія какъ наука совершенно невозможна.

Эту мысль можно выразить еще и слѣдующимъ образомъ. Высказывался взглядъ, согласно которому вся психологія, собственно говоря, есть индивидуальная психологія ¹⁾ и это вѣрно, такъ какъ мы всегда ограничены наблюденіемъ индивидуальной душевной жизни, а поэтому психологическія понятія въ самомъ дѣлѣ всегда могутъ быть лишь понятіями о такихъ дѣятельностяхъ или процессахъ, которые дѣйствительно открыло размышленіе о насъ самихъ. Итакъ, хотя психологу, что касается непосредственнаго опыта, и приходится всегда ограничиваться разсмотрѣніемъ самого себя, но столь же вѣрно и то, что онъ стремится изобразить въ наукѣ не себя самого, но всегда душевную жизнь вообще, т. е. „индивидуальная психологія“ никогда не есть психологія индивидуума. Если-бы пожелали не выходить за пределы опыта именно такъ, какъ это происходитъ въ „объясняющихъ“ естественныхъ наукахъ, то, такъ какъ всякій индивидуумъ отличается отъ всякаго другого индивидуума, и содержаніе всякой „описательной“ психологіи должно было бы отличаться отъ содержанія всякой другой описательной психологіи. Если разсматривать психологическія системы нашего времени, то конечно, пожалуй можно подумать, что

¹⁾ См. Sigwart, Logik. II. 2 Aufl. S. 192.

наука еще не очень далеко ушла впередъ по сравненію съ этимъ состояніемъ. Однако, вѣдь не захотятъ, конечно, видѣть въ этомъ состояніи логической идеаль.

Итакъ, во всякомъ случаѣ и психологія старается присоединить къ общности и опредѣленности своихъ понятій безусловную обязательность, и это означаетъ не что иное какъ то, что психологическія понятія, коль скоро ихъ содержаніе дѣйствительно мыслится, должны имѣть форму болѣе чѣмъ эмпирически общихъ сужденій. А этимъ доказано, что, какъ цѣли психологическаго образованія понятій, такъ и всѣ средства, съ помощью которыхъ оно старается достигъ этихъ цѣлей, въ общемъ, оказываются тѣми же самыми, какъ тѣ, съ которыми мы ознакомились при разсмотрѣніи наукъ о тѣлесномъ мірѣ, т. е. къ общности, опредѣленности и обязательности своихъ понятій психологія стремится въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ естествознаніе, и даже понятія повидимому лишь описательной психологіи вслѣдствіе ихъ болѣе чѣмъ эмпирической обязательности логически стоятъ ближе къ понятіямъ объясняющихъ наукъ о тѣлахъ, чѣмъ понятія описательной зоологіи или ботаники къ понятіямъ механики или физики.

Однако мы не разсмотрѣли еще одного вопроса. Когда мы трактовали о познаніи тѣлеснаго міра въ понятіяхъ, мы не ограничивались только дедуцированіемъ общности, опредѣленности и обязательности, которыми должно болѣе или менѣе обладать всякое естественно-научное понятіе, но и сдѣлали попытку конструировать идеаль завершающей теоріи тѣлеснаго міра. Тогда, имѣя въ виду этотъ идеаль, можно было показать, какимъ путемъ естествознаніе способно не только построить лишь относительно опредѣленные и обязательныя понятія, но и приближаться къ абсолютной опредѣленности и безусловной общеобязательности своихъ понятій. Согласно и логическая структура той «послѣдней науки», которой разрѣшались бы всѣ проблемы психологіи, съ логическимъ идеаломъ естествознанія и возможно-ли намѣтить направленіе того пути, который въ психологіи приближаетъ къ такому логическому идеалу? Лишь благодаря разрѣшенію этого вопроса наше изслѣдованіе получило бы систематическое завершеніе. Но при этомъ мы уже не могли бы сослаться на соображенія, развитыя въ первой главѣ, такъ какъ тамъ построеніе послѣдней естественной науки было возможно лишь при специальномъ принятіи во вниманіе предметныхъ особенностей

тѣлеснаго міра, въ особенности же того обстоятельства, что дѣло идетъ о мірѣ, наполняющемъ пространство. Итакъ, при обсужденіи вопроса о психологической идеальной наукѣ и о построеніи логически совершенной системы понятій психологіи пришлось бы принять въ соображеніе и предметныя особенности психическаго. Поэтому намъ приходится не касаться здѣсь такого построенія. У насъ нѣтъ такого понятія о психическомъ, содержаніе котораго достаточно опредѣленно для этой цѣли и вообще психологія еще слишкомъ мало разработана для того, чтобы оказывалось возможнымъ общеобязательное логическое обсужденіе ея послѣднихъ цѣлей. Вѣроятно, пройдетъ еще много времени, пока въ психологіи хотя лишь до нѣкоторой степени достигнуто будетъ соглашеніе, которое можно признать достигнутымъ по отношенію къ этимъ вопросамъ въ наукахъ о тѣлахъ.

Несмотря на это мы ^{не} въ правѣ совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о психической идеальной наукѣ, но должны по крайней мѣрѣ попытаться показать одно, а именно то, что, если въ психологіи будетъ установлена такая система понятій, которая должна быть въ состояніи обнять всѣ душевные процессы, то этотъ идеаль по своей логической структурѣ не можетъ существенно отличаться отъ идеала естественныхъ наукъ. Безцѣльно прослѣживать здѣсь въ деталяхъ различныя попытки, которыя были сдѣланы въ этомъ направленіи. Мы желаемъ лишь попытаться выяснитъ на специальномъ случаѣ тотъ общій принципъ, изъ котораго вытекаетъ необходимость совершенно естественно-научнаго характера психологическаго образованія понятій завершающей теоріи и при этомъ въ особенности выяснитъ одинъ пунктъ, который опять-таки находится въ связи съ ложною противоположностью между опосредственностью и непосредственностью, которая устанавливается между физическимъ и психическимъ бытіемъ.

При этомъ нѣтъ необходимости останавливаться на тѣхъ психологическихъ теоріяхъ, которыя представляютъ собой попытки привести психическую жизнь въ связи съ тѣлесными процессами, т. е. на основаніи физиологическихъ теорій, въ замкнутую систему понятій. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ исходнымъ пунктомъ для подобныхъ попытокъ не служитъ матеріалистическая метафизика, онѣ основываются на той мысли, что, такъ какъ психическое какимъ-либо образомъ должно быть разсматриваемо, какъ «зависящее» отъ физическаго, установленная для тѣлеснаго міра закономерность можетъ быть пере-

носима и на душевную жизнь и, благодаря этому, послѣдняя можетъ быть какъ бы обходнымъ путемъ подведена подъ понятіе законовъ и объяснена. Намъ уже потому нѣтъ надобности входить здѣсь въ обсужденіе „психофизическаго матеріализма“, какъ называли принципъ такихъ изслѣдованій въ противоположность метафизическому матеріализму, что, какую бы форму онъ ни принималъ въ частностяхъ и чтобы онъ ни давалъ для познанія душевной жизни, нельзя сомнѣваться въ естественно-научномъ характерѣ его метода.

Итакъ, насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ лишь то, какой видъ должна принять теорія, ставящая себѣ задачею, охватить психическое бытіе въ системѣ понятій, не обращая вниманія на его зависимость отъ законмѣрности физическаго бытія. Заранѣе ясно, что эта теорія будетъ стремиться, если только это какимъ-либо образомъ возможно, подвести всю душевную жизнь подъ единое понятіе, подобно тому, какъ послѣдняя естественная наука старается подвести тѣлесный міръ подъ понятіе механизма. Правда въ ней не можетъ быть рѣчи о „послѣднихъ вещахъ“, но она образуетъ понятія объ „элементахъ“, т. е. о простыхъ составныхъ частяхъ душевной жизни, изъ которыхъ должно состоять все необозримое многообразіе. Въ томъ случаѣ, если нельзя найти единый элементъ, оно предположить число элементарныхъ факторовъ настолько малымъ, насколько это возможно, но во всякомъ случаѣ ограниченнымъ, такъ какъ лишь при этомъ предположеніи можетъ, въ силу тѣхъ основаній, о которыхъ мы знаемъ уже изъ первой главы, возникнуть дѣйствительно общая теорія душевной жизни.

Разсматривая теперь съ этой стороны теорію психологіи, мы въ самомъ дѣлѣ находимъ попытки, которыя уже въ высокой степени удовлетворяютъ этому логическому идеалу. Напр., уже въ прежнія времена пытались мыслить всю душевную жизнь состоящею изъ ощущеній, и за послѣднее время эти попытки повторяются. Полагаютъ, что воля отнюдь не есть что-либо, принципиально отличающееся отъ представлений, но должна быть понимаема какъ комплексъ ощущений, а точно такъ же должно обстоять дѣло и съ ощущеніями удовольствія и неудовольствія, вообще со всѣми психическими процессами. Итакъ „простыя ощущенія“ служили бы для психологіи понятіемъ, вполне соответствующимъ понятію „послѣдней вещи“ въ естествознаніи. Равнымъ образомъ стремятся и къ объединенію понятій отношеній: утверждаютъ, что отношенія, въ которыхъ на-

ходятся другъ къ другу ощущенія, должны сплошь подводиться подъ понятіе ассоціаціи. Такимъ образомъ всю необходимую душевную жизнь всюду можно было бы разсматривать какъ нѣкоторый комплексъ ощущений, подчиненный законамъ ассоціаціи. Въ особенности Мюнстербергъ ¹⁾ руководился въ своихъ работахъ идеаломъ такой психологической системы понятій, логическое согласіе которой съ идеаломъ механическаго пониманія природы бросается въ глаза, при чемъ эта система понятій все болѣе [и болѣе разрабатывалась имъ въ его сочиненіяхъ ²⁾].

Конечно, не наше дѣло здѣсь судить о тѣхъ возраженіяхъ, которыя можетъ дѣлать противъ этого рода теорій осторожная специальная наука. Но,—не говоря уже о томъ, что въ юной наукѣ „осторожность“, пожалуй, не всегда порождаетъ мудрость, ведущую къ цѣннымъ гипотезамъ, съ логическихъ точекъ зрѣнія эти попытки, какъ бы то ни было, остаются интересными и могутъ служить намъ для выясненія нѣкоторыхъ принципиальныхъ вопросовъ. Посмотримъ, какія предположенія непременно необходимы, для того, чтобы вообще можно было приступить къ проведенію такихъ гипотезъ. Здѣсь можно особенно ясно показать, что ихъ логическая структура должна быть во всѣхъ отношеніяхъ одинаковою съ логическою структурою „послѣдней естественной науки“.

Мы знаемъ, что при обработкѣ тѣлеснаго міра при посредствѣ понятій, процессъ упрощенія совпадаетъ съ устраненіемъ воззрительныхъ вещей. Понятіе „послѣдней вещи“ построено лишь путемъ отрицанія всего того, что дано намъ въ эмпирическомъ воззрѣніи. Въ

¹⁾ Кажется, что можно эмпирически установить, что въ этихъ явленіяхъ чувства (Gemüthes) и воли не встрѣчается никакого психическаго элемента, который не содержался бы равнымъ образомъ и въ какихъ-либо представленіяхъ. Это означало бы, что и чувствованіе, воля и т. д. не возникаютъ изъ особыхъ психологическихъ элементарныхъ фактовъ, но равнымъ образомъ суть сочетанія ощущеній, которыя отличаются отъ представлений лишь ихъ порядкомъ (Anordnung). См. статью Мюнстерберга подъ заглавіемъ «Ощущеніе» въ „Real-Lexicon der medizinischen Propädeutik“, изданномъ J. Gad'омъ.

²⁾ Примѣчаніе переводчика:

Русскій читатель найдетъ изложеніе и критическую оцѣнку взглядовъ Мюнстерберга въ статьѣ. Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологіи“. П. Соколова, помѣщенной въ Вопр. фил. и Псих. (4, 1893).

правѣ-ли и психологія дѣлать такой шагъ къ тому, что уже не воззрительно и допускать никогда недоступныя опыту психическія составныя части, къ которымъ сводимо все многообразіе душевной жизни? Очень распространено мнѣніе, согласно которому, это невозможно, и отношеніе Мюнстерберга къ этому вопросу не вполне ясно выражается въ его сочиненіяхъ. „Психологическій феноменъ“, говоритъ онъ одинъ разъ ¹⁾, „никогда не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, нежели то, чѣмъ онъ кажется нашему сознанию“. Очевидно, что это положеніе лишь тогда было бы согласимо съ теоріей, по которой вся душевная жизнь мыслится состоящей изъ ощущений (Empfindungslehre), если бы только непривычный наблюдатель полагалъ, что въ волѣ или въ чувствованіи онъ испытываетъ нѣчто такое, что не есть комплексъ ощущений, психологъ же, придерживающійся научныхъ приемовъ (der wissenschaftliche Psychologe), напротивъ того, при точномъ анализѣ въ самомъ дѣлѣ всюду открывалъ бы не что иное, какъ распорядки ощущений, такъ какъ лишь при этомъ предположеніи психическіе процессы могли бы „казаться нашему сознанию“ тѣмъ, чѣмъ они должны быть согласно теоріямъ психологіи.

Само собою разумѣется, почему для насъ въ связи съ обсуждаемой нами проблемой имѣетъ значеніе выясненіе вопроса о допустимости этого пониманія душевной жизни. Если бы было вѣрно, что все психическое бытіе въ сознаніи можетъ „казаться“ комплексомъ ощущений, то изъ этого опять таки вытекало бы какъ разъ то принципиальное различіе между естествознаніемъ и психологіей, которое мы именно оспариваемъ здѣсь, такъ какъ тогда свойственный психологіи способъ познанія вѣдь въ самомъ дѣлѣ пришлось бы охарактеризовать какъ воззрительный и непосредственный по сравненію со способомъ познанія, свойственнымъ наукамъ о тѣлахъ.

Но въ самомъ-ли дѣлѣ правильно вышеуказанное пониманіе? Мы не можемъ найти какого либо основанія, которое можно было бы привести въ его пользу. Напротивъ того, намъ кажется, что именно въ интересѣ этихъ психологическихъ теорій было-бы подчеркивать ихъ полное логическое согласіе съ общими теоріями тѣлеснаго міра, такъ какъ лишь благодаря этому онѣ могли бы доказать свое право

на существованіе. Вѣдь утвержденіе, гласящее, что душевная жизнь въ опытѣ воззрительно (anschaulich) представляется привычному наблюдателю, какъ комплексъ ощущений, совершенно недоказуемо, и, конечно, всякій непредубѣжденный человекъ даже будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривать его. Воля и представленіе, какъ они непосредственно даны намъ въ опытѣ, принципиально отличны другъ отъ друга. Таковымъ-же должно быть и мнѣніе Мюнстерберга, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ специально подчеркиваетъ то обстоятельство, что ощущеніе существуетъ лишь въ абстракціи и прибавляетъ: „оно есть научное вспомогательное понятіе, подобно тому какъ атомъ естествоиспытателя“ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, это единственно правильное пониманіе. Непосредственному опыту совершенно невѣдомы комплексы ощущений, съ которыми оперируетъ психологія, равно какъ ему невѣдомо и то, что физическіе процессы суть комбинаціи атомовъ эфира. Итакъ здѣсь не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ способѣ познанія будто бы свойственномъ психологіи по сравненію съ естествознаніемъ.

Страхъ предъ допущеніемъ недоступныхъ опыту психическихъ элементовъ несомнѣнно основывается опять таки на томъ неудачномъ опредѣленіи психического какъ процесса въ сознаніи, которымъ мы уже занимались, т. е. здѣсь играетъ роль спорный вопросъ о „безсознательныхъ“ психическихъ процессахъ ²⁾. Если „простыя ощущенія“ недоступны опыту, то они, конечно, никогда не могутъ становиться содержаніями сознанія въ гносеологическомъ смыслѣ и, если психическое опредѣляется такъ процессъ въ сознаніи (Bewusstseinsvorgang), понятіе „безсознательнаго ощущенія“, въ самомъ дѣлѣ становится *contradictio in adjecto*. Въ такомъ случаѣ не требуется особенной пронизательности для того, чтобы доказать, что нельзя построить понятіе психического бытія, которое не есть содержаніе сознанія. Но, если отвлечься отъ этого опредѣленія психического, понятіе о недоступномъ опыту психическомъ элементѣ ока-

¹⁾ См. статью „Ощущеніе“ а. а. о.

²⁾ Конечно, этотъ вопросъ можно ставить и въ иномъ смыслѣ *) но это не имѣетъ значенія для даннаго контекста.

*) Примѣчаніе переводчика. См. Вундтъ, Очеркъ психологіи, III § 15, 3—4—5, Система философіи стр. 349—353, E. V. Hartmann, die Moderne Psychologie; въ особенности же Th. Lipps Grundthat-sachen des Seelenlebens, 1889 Стр. III.

¹⁾ Aufgaben und Methoden der Psychologie. S. 20.

зывается отнюдь не болѣе рискованнымъ, чѣмъ многія понятія естественныхъ наукъ. Обнимаемое имъ психическое „безсознательно“ въ томъ смыслѣ, что оно никогда не можетъ быть непосредственно дано, какъ содержаніе сознанія. Итакъ вопросъ объ его существованіи столь же правомѣренъ, какъ и вопросъ о томъ, въ правѣ ли мы предполагать тѣлесныя вещи, которыя никогда недоступны опыту или воспріятію. Мы оставляемъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, насколько вообще что либо недоступное опыту можетъ быть разсматриваемо, какъ существующее. Мы полагаемъ только, что, если мы не боимся мысленно прибавлять къ непосредственно данному, какъ эмпирическая дѣйствительность, тѣлесному міру въ интересѣ его объясненія недоступный опыту субстратъ, не существуетъ никакого основанія для того, чтобы воспретить аналогичное образованіе понятія научной обработкѣ душевной жизни. Тѣла никогда не бываютъ даны намъ какъ комплексы атомовъ, и тѣмъ не менѣе безъ понятія атома не можетъ обойтись естествознаніе. Поэтому, съ чисто логическихъ точекъ зрѣнія допущеніе „безсознательныхъ психическихъ элементовъ“ въ вышеуказанномъ смыслѣ не должно быть отвергаемо, и его научная цѣнность можетъ опредѣляться лишь въ зависимости отъ того, что оно въ состояніи дать для объясненія душевной жизни.

Намъ представляется еще только одинъ вопросъ. Элементарныя составныя части психическаго характеризуются какъ ощущенія не только въ томъ случаѣ, который мы привели въ качествѣ примѣра, но и во многихъ случаяхъ помимо этого. Однако мы называемъ ощущеніемъ и нѣчто такое, что мы непосредственно переживаемъ и съ увѣренностью отличаемъ отъ столь же непосредственно переживаемыхъ чувствованій или волевыхъ процессовъ. Не лучше-ли было-бы въ данномъ случаѣ выбрать для элементарнаго субстрата, долженствующаго лежать въ основѣ всей душевной жизни, такое наименованіе, которое не употребляется въ то же время и для обозначенія нѣкоторой части непосредственно извѣстныхъ психическихъ процессовъ? Въ такомъ случаѣ уже благодаря наименованію не оставалось бы никакого сомнѣнія въ томъ, что для даннаго понятія въ воззрительномъ многообразіи душевной жизни не существуетъ даже и замѣщенія и благодаря этому предотвращались бы недоразумѣнія, будто бы чувствованіе или волевой процессъ должны состоять изъ ощущеній, которыя мы можемъ непосредственно переживать. И въ томъ случаѣ, если для объясненія душевной жизни вмѣ-

сто ощущеній пользуются „безсознательной волей“, эта воля не можетъ быть тѣмъ, что дано намъ въ опытѣ, какъ воля, но это понятіе можетъ носить наименованіе воли, развѣ что потому, что его содержаніе слѣдуетъ мыслить какъ болѣе всего сходное съ тѣмъ, что мы переживаемъ, хотя (Wollend).

Само собой разумѣется, однако, что изъ этихъ замѣчаній вовсе не вытекаетъ утвержденіе, что и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторое единое научно пригодное понятіе въ состояніи охватить всю душевную жизнь. Напротивъ того, мы должны поставить на видъ, что мы и здѣсь совершенно не касаемся вопроса о вѣрности содержанія разсматриваемыхъ теорій. Рѣшить вопросъ о томъ, имѣетъ-ли разсмотрѣніе душевной жизни какъ комплекса ощущеній или какихъ либо иныхъ элементовъ научную цѣнность, можетъ психологія, но ни въ какомъ случаѣ не логика. Если психологія не въ состояніи образовывать одно послѣднее понятіе, занимающее собой всѣ психическіе процессы и если, быть можетъ, представленія, чувствованія и волевые акты или же и какіе либо иные психическіе процессы останутся навсегда другъ возлѣ друга, особнякомъ, какъ послѣдніе виды, то психологія никогда не пойдетъ далѣе того состоянія, въ которомъ находится напр. физика, пока она не въ состояніи подвести свѣтъ, звукъ, электричество и т. д. подъ одно общее понятіе. Но и это обстоятельство отнюдь не можетъ уничтожить естествонаучный характеръ психологическихъ теорій, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ ихъ задачею остается охватить всю необозримую душевную жизнь ограниченнымъ и доступнымъ обзорѣнью числомъ понятій.

Конечно, понятія психологіи всегда будутъ отличаться отъ понятій естествознанія въ одномъ отношеніи, и мы должны еще коснуться этого пункта въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ именно въ отношеніи его нерѣдко утверждается принципиальное различіе между естествознаніемъ и психологіей. Мы видѣли, что при обработкѣ тѣлеснаго міра при посредствѣ понятій, полное преодоленіе всей воззрительной необозримости можетъ быть достигнуто лишь благодаря тому, что въ „послѣдней“ естественной наукѣ устраняется всякое качественное многообразіе и сохраняется всего лишь количественное многообразіе простыхъ вещей, единственное измѣненіе которыхъ равнымъ образомъ разсматривается какъ чисто количественное, а именно какъ движеніе. Тогда въ этой системѣ понятій достижима и абсолютная опредѣленность понятій. Когда дѣло идетъ

о томъ, чтобы отграничить другъ отъ друга психологію и естествознание, невозможность хотя-бы только стремленія къ достиженію этого идеала въ психологіи всегда выдвигается на первый планъ и, конечно, нельзя отрицать, что здѣсь существуетъ различіе. Тѣла наполняютъ пространство. Если мы отвлечемся отъ всѣхъ качествъ, то у насъ все-таки остается понятіе о наполняющемъ пространство. Хотя такая „наполняющая пространство среда“ уже и не эмпирически воззрительна, однако понятіе о ней имѣетъ самостоятельное содержаніе. Психическое-же, напротивъ того, никогда не наполняетъ пространства. Если мы и по отношенію къ нему отвлечемся отъ качествъ, то у насъ не только не останется ничего эмпирически воззрительнаго, но мы и не въ состояніи образовать никакого, имѣющаго положительное содержаніе, понятія о томъ, что тогда должно еще оставаться. Въ понятіи бытія, которое некачественно и не наполняетъ пространства, не содержится не только ничего эмпирически воззрительнаго, но и вообще уже рѣшительно ничего. Итакъ это различіе между естествознаніемъ и психологіей въ самомъ дѣлѣ оказывается необходимымъ согласно нашимъ выводамъ. То, что наполняетъ пространство, т. е. тѣлесный міръ, есть единственная дѣйствительность, по отношенію къ которой цѣлью образованія понятій можетъ служить логически совершенное упрощеніе путемъ квантификаціи.

Но развѣ отсюда вытекаетъ, что между естествознаніемъ и психологіей надлежитъ логически установить принципиальное различіе? Это не такъ въ силу двухъ основаній. Прежде всего, если бы возможность квантификаціи слѣдовало признать имѣющей рѣшающее значеніе для вопроса о томъ, есть ли какая-либо наука естественная наука или нѣтъ, то благодаря этому понятіе „естествознание“ стало бы настолько узкимъ, что оно оказалось бы уже неприложимымъ къ значительной части наукъ о тѣлесномъ мірѣ. Правда, совершенно общая теорія тѣлеснаго міра должна поставить своей задачей квантификацію своего матеріала, и съ точки зрѣнія этого логическаго идеала, конечно, и понятія остальныхъ наукъ должны быть подводимы подъ чисто механическое пониманіе природы. Но съ другой стороны мы столь же рѣшительно поставили на видъ и то обстоятельство, что спеціальныя науки, ограничивающія свое изслѣдованіе, никогда не могутъ утратить свою самостоятельную цѣнность по отношенію къ чисто механическому пони-

манію природы, и мы знаемъ даже, что еще вовсе не существуетъ и, быть можетъ, никогда не будетъ существовать науки о тѣлахъ, оперирующей только съ количествами. Въ очень многихъ естественныхъ наукахъ квантификація во всякомъ случаѣ играетъ лишь незначительную роль при образованіи понятій и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи не существуетъ никакого принципиальнаго различія между ними и психологіей.

Однако еще важнѣе для того логическаго отношенія, въ которомъ находятся другъ къ другу относительно квантификаціи естествознание и психологія, нѣчто иное. Мы должны имѣть въ виду то обстоятельство, что мы разсматривали квантификацію не какъ нѣчто имѣющее значеніе ради ея самой, но исключительно какъ средство, служащее для упрощенія. А съ этой точки зрѣнія она есть лишь одинъ изъ видовъ научной обработки на ряду съ другими, которые всѣ преслѣдуютъ одну и ту же цѣль. Такъ какъ мы понимаемъ сущность какого либо метода всегда лишь на основаніи его цѣли, то и квантификація, въ качествѣ простого лишь средства, можетъ обосновываться между естествознаніемъ и психологіей лишь различіе по степени. Правда мыслимое наисовершеннѣйшее упрощеніе всего воззрительнаго многообразія недоступно психологіи, но, по мѣрѣ возможности, и она стремится приблизиться къ упрощенію своего матеріала путемъ образованія понятій, и насъ здѣсь занимаетъ только эта тенденція. Достаточно, если мы сможемъ показать, что эта тенденція оказывается общей у наукъ о тѣлесномъ мірѣ и психологическихъ дисциплинъ.

Наконецъ, требуется спеціально упомянуть еще одинъ только пунктъ. Въ какомъ отношеніи находятся изслѣдованія, вносящія вкладъ въ совершенно общую теорію душевной жизни къ совокупной работѣ психологическихъ наукъ? Клонится-ли вся психологическая работа лишь къ выработкѣ „последней“ теоріи, или же изслѣдованіе расчленяется такимъ образомъ, что существуютъ спеціальныя отдѣлы психологіи, болѣе или менѣе далекіе отъ всеобъемлющей теоріи душевной жизни? Стоитъ лишь поставить этотъ вопросъ, чтобы увидѣть, что и здѣсь логическая структура психологическаго труда въ существенномъ опять таки согласуется съ тѣмъ, что мы узнали при разсмотрѣніи наукъ о тѣлесномъ мірѣ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы удалось понять всю душевную жизнь, какъ состоящую изъ единаго психическаго субстрата, подчиненнаго

опредѣленнымъ законамъ, спеціальная психологія, напр. психологія воли или психологія чувствованія столь же мало утратила бы свою цѣнность, какъ мало оптика или акустика могутъ утратить таковую благодаря возникновенію обнимающей все физическое бытіе теоріи ээира. Всегда продолжаетъ имѣть смыслъ подводить многообразіе нѣкоторой части душевной жизни, разсматриваемое само по себѣ, подъ систему понятій и предоставлять самое общее понятіе, за предѣлы объема котораго не выходятъ при этомъ, обработкѣ болѣе обширной психологической теоріи. Найденное для спеціальныхъ областей должно оставаться обязательнымъ, какой бы видъ ни принимала въ концѣ концовъ обширѣйшая теорія. Точно такъ же, какъ въ наукахъ о тѣлесномъ мірѣ можно разсматривать совокупность различныхъ психологическихъ дисциплинъ съ одной стороны какъ единое цѣлое, всѣ члены котораго способствуютъ изслѣдованію сущности душевной жизни вообще, а съ другой стороны приписывать и различнымъ единичнымъ дисциплинамъ, которыя ставятъ себѣ ограниченныя задачи въ предѣлахъ спеціальной области, самостоятельное значеніе. Здѣсь мы не обсуждаемъ обстоятельнѣе этого раздѣленія психологическихъ наукъ. Чтобы вполне выяснитъ его принципъ, мы должны сперва найти такое понятіе объ историческомъ, лишь благодаря которому можетъ, какъ мы раньше замѣтили, вполне выясниться и логическое раздѣленіе наукъ о тѣлахъ.

Теперь можно резюмировать результатъ этого отдѣла такимъ образомъ, что психическіе процессы не только допускаютъ нѣкотораго рода обработку при посредствѣ понятій, принципиально одинаковую съ тою, которая должна быть примѣняема, когда дѣло идетъ о тѣлесныхъ процессахъ, но что безъ естественно-научнаго образованія понятій и нельзя обойтись, коль скоро надлежитъ стремиться къ познанію душевной жизни вообще. Пусть психологія никогда не будетъ въ состояніи достигнуть той совершеннѣйшей формы упрощенія, которая состоитъ въ сведеніи всего качественного многообразія на чисто количественное, пусть она никогда не будетъ въ состояніи даже и обходнымъ путемъ, при посредствѣ психофизики, по крайней мѣрѣ косвенно приблизиться къ этой формѣ обработки при посредствѣ понятій, однако это отдаляетъ психологію лишь отъ высшихъ цѣлей теоретической физики, а не отъ тѣхъ отдѣловъ естествознанія, которые никогда не могутъ безъ остатка обратиться въ теоретическую физику. Напротивъ того, приемы психологіи ока-

зываются логически совершенно аналогичными приемамъ этихъ естественныхъ наукъ и притомъ не только въ томъ случаѣ, если въ ней видятъ „объясняющую“ науку, формулирующую законы (Gesetzeswissenschaft), но и въ томъ случаѣ, если ее ограничиваютъ описаніемъ душевныхъ процессовъ. Вообще для насъ противоположность между объясняющими и описательными науками оказалась лишь относительною и впоследствии еще яснѣе обнаружится, какъ мало принципиальнаго значенія она имѣетъ для наиболѣе общаго раздѣленія наукъ, когда въ третьей главѣ мы выяснимъ логическую противоположность, которая, правда, рѣдко совершенно игнорируется въ методологическихъ изслѣдованіяхъ о наукахъ природы и наукахъ о духѣ, но которая столь же рѣдко вполне выясняется. Но, прежде чѣмъ перейти къ этой логической противоположности, мы намѣрены еще на основаніи предшествующихъ изслѣдованій отчетливо разобратъ въ вопросѣ о томъ, какое логическое значеніе могутъ имѣть понятія: естествознаніе и наука о духѣ.

III.

Естествознаніе и наука о духѣ.

Прежде всего мы сдѣлаемъ попытку установить понятіе объ естествознаніи въ его логическомъ значеніи и съ этою цѣлью нѣсколько обстоятельнѣе разсмотримъ понятіе о природѣ. Въ началѣ нашего изслѣдованія мы употребляли это слово какъ имѣющее тоже самое значеніе, что и тѣлесный міръ, но не подлежитъ сомнѣнію, что это не единственное его значеніе. И врядъ ли даже кто-либо будетъ склоненъ одобрять полное приравненіе природы и тѣлеснаго міра другъ къ другу. У насъ здѣсь оказывается тѣмъ болѣе причинъ, побуждающихъ насъ поставить вопросъ и о другихъ значеніяхъ, которыя можетъ имѣть слово «природа», что понятіе о природѣ не можетъ стать имѣющимъ существенное значеніе для полнаго логическаго раздѣленія научныхъ методовъ, если подъ нимъ разумѣется лишь тѣлесный міръ. Въ этомъ случаѣ, если примѣнимость метода естественныхъ наукъ не ограничивается тѣлеснымъ міромъ, въ наукоученіи, разъ природа означаетъ лишь тѣлесный міръ, безцѣльно говорить объ „естественно-научномъ методѣ“. Итакъ, если слово „естествознаніе“ вообще должно находить себѣ примѣ-

неніе въ качествѣ логическаго термина, то слово „природа“ должно быть употребляемо въ иномъ смыслѣ, чѣмъ его употребляли до сихъ поръ.

Подобно разсмотрѣнному выше выраженію «субъектъ», выраженіе «природа» принадлежитъ къ тѣмъ выраженіямъ, значеніе которыхъ вполне опредѣляется лишь коль скоро упоминается, чему они противопоставляются. Если природа противопоставляется душевной жизни, то само собою понятно, что подъ нею разумѣется лишь тѣлесный міръ. Но помимо этой противоположности между природой и духомъ, мы говоримъ не только о природѣ и исторіи, но и о природѣ и искусствѣ, природѣ и культурѣ, природѣ и обычаяхъ, природѣ и нравственности, природѣ и Богѣ и возможно, конечно, найти еще и другія пары противоположностей, въ которыхъ природа образуетъ одинъ членъ, но названныхъ достаточно для того, чтобы мы отдали себѣ отчетъ въ томъ, насколько многозначно слово „природа“. Но въ тоже время мы видимъ также, что природа имѣетъ значеніе тѣлеснаго бытія лишь въ томъ случаѣ, если она противопоставляется духу и духовное означаетъ не что иное, какъ душевное или психическое. Поэтому придется сказать, что въ этомъ случаѣ значеніе неподобающимъ образомъ сужено. Когда природу противопоставляютъ культурѣ, искусству, обычаю, Богу и т. д. подъ природой никоимъ образомъ нельзя разумѣть лишь что-либо тѣлесное и даже, быть можетъ, противоположеніе природы духу вообще не было бы употребительно, если бы слово „духъ“ означало лишь психическое, что, какъ мы выяснимъ впоследствии, совершенно неправильно. Во всякомъ случаѣ въ другихъ парахъ противоположностей душевная жизнь такъ же относится къ природѣ какъ и тѣлесный міръ и понятіе природы, слѣдовательно, приложимо ко всѣмъ доступнымъ опыту объектамъ, такъ какъ вѣдь мы знаемъ лишь психическіе или физическіе процессы въ опытѣ.

При такомъ положеніи дѣла весьма понятно, что подъ природою зачастую разумѣли эмпирическую дѣйствительность вообще. Въ такомъ случаѣ ей могла бы противопоставляться или дѣйствительность иного рода нежели данная и извѣстная намъ или же и лишь нѣчто недѣйствительное. Но и это опять таки не есть то значеніе, которое слово „природа“ имѣетъ, будучи противопоставляемо вышеупомянутымъ понятіямъ. Такъ, напр., произведеніе искусства или какой либо иной продуктъ культуры есть доля эмпирической дѣйствительности и однако его никогда не называютъ природою. И такъ, какъ

обозначеніе для всей эмпирической дѣйствительности, слово „природа“ было бы слишкомъ обширно. И притомъ тогда оно настолько же не имѣло бы существеннаго значенія для раздѣленія эмпирическихъ наукъ, какъ и въ томъ случаѣ, если оно употребляется лишь для обозначенія тѣлеснаго міра. Слѣдовательно, разъ слова „природа“ и „естествознаніе“ должны употребляться въ нѣкоторой логической связи, мы должны искать еще и третьяго ихъ значенія.

При этомъ заранѣе ясно одно. Если слово „природа“, будучи употребляемо лишь для обозначенія тѣлеснаго міра, имѣетъ слишкомъ узкій смыслъ, будучи же употребляемо для обозначенія эмпирической дѣйствительности вообще, напротивъ того, слишкомъ обширный смыслъ, о приравненіи же его къ душевной жизни, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи, то не остается ничего кромѣ того, что оно обозначаетъ дѣйствительность, рассматриваемую съ опредѣленной точки зрѣнія, и это, въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего соответствовало-бы и словоупотребленію. Конечно, врядъ-ли возможно найти значеніе, обнимающее все то, что это слово имѣетъ общаго во всѣхъ различныхъ парахъ противоположностей, которыя мы перечислили. Но въ большинствѣ случаевъ, подъ природою можно разумѣть дѣйствительность, рассматриваемую съ той точки зрѣнія, что она, какъ мы уже намѣтили это въ введеніи, представляетъ собой замкнутое въ себѣ, подчиненное чисто имманентнымъ законамъ, бытіе. „Природнымъ“, въ противоположность искусству или культурѣ, мы называемъ то, что возникаетъ само собою и не создано другими. «Единственно» то, что имѣемъ свою опору въ самомъ себѣ (*in sich ruht*) и само себѣ довлѣетъ, помимо отношенія къ добру или злу, будучи такимъ образомъ противоположною нравственному или Богу. Почти всегда дѣло идетъ о чуждомъ противорѣчій, единомъ, остающимся всюду равнымъ себѣ и всегда возвращающемся. Итакъ, разъ мы намѣрены употреблять это слово какъ логическій терминъ въ наукоученіи, мы въ правѣ будемъ сказать, что природа есть дѣйствительность, рассматриваемая такъ, что имѣется въ виду ея закономѣрная связь. Это значеніе мы находимъ, на примѣръ, въ выраженіи „законъ природы“. А въ такомъ случаѣ мы можемъ назвать природою вещей и то, что входитъ въ понятія, или наиболѣе кратко выразиться слѣдующимъ образомъ: природа есть дѣйствительность, рассматриваемая такъ, что имѣется въ виду общее. Тогда слово «природа» впервые получаетъ логическое значеніе.

Разъ мы допускаемъ это, можно придать положенію, гласящему, что существуетъ естественно-научная психологія, еще и иной смыслъ, чѣмъ придававшійся ему до сихъ поръ. Мы показали, что тотъ методъ, который былъ выработанъ при изслѣдованіи тѣлеснаго міра, долженъ примѣняться и при изслѣдованіи душевной жизни. При этомъ предположеніи мы могли говорить объ естественно-научной психологіи постольку, поскольку психологія разрабатывается согласно методу, употребительному въ естественныхъ наукахъ. Но, если мы будемъ разумѣть подъ природой дѣйствительность, разсматриваемую такъ, что при этомъ имѣется въ виду общее, психологія должна быть названа естественной наукой потому, что она есть наука о «природѣ» душевной жизни, т. е. наука о душевной жизни, поскольку она разсматривается, какъ противопоставляемая не тѣлесному міру, но искусству, культурѣ, обычаю, исторіи и т. д., т. е. какъ имѣющій въ себѣ самомъ свою опору, все изъ самого себя производящій, подчиненный имманентнымъ законамъ комплексъ (*Zusammenhang*) и поскольку дѣло идетъ о томъ, чтобы понять душевную жизнь, какъ цѣлое, имѣя въ виду общее. Именно въ этомъ смыслѣ мы и причисляемъ психологію къ естественнымъ наукамъ.

Нельзя отрицать, что эта терминологія не находится въ полномъ согласіи со словоупотребленіемъ, но было бы весьма желательно, чтобы стало употребительнымъ называть психологію естественной наукой, такъ какъ лишь такимъ образомъ возможно было бы послѣдовательное употребленіе слова „природа“ въ наукоученіи. Несомнѣнно вѣдь, что если изъ понятія о природѣ кѣмъ либо исключается душевная жизнь, то такое исключеніе должно производить впечатлѣніе чего-то противнаго духу языка, такъ какъ лишь въ выраженіи „наука о природѣ“, значеніе слова „природа“ имѣетъ отнѣнокъ, приводящій его въ особенно близкое отношеніе къ тѣлесному міру и это очень понятно уже потому, что науки о тѣлесной природѣ возникли раньше. Но, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ выраженіе „природа“ употребляется какъ для обозначенія душевной жизни, такъ и для обозначенія тѣлеснаго міра, сообразно этому слѣдовало бы употреблять и слово „естествознаніе“. Въ такомъ случаѣ словоупотребленіе сообразовалось бы лишь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ душевная жизнь изслѣдуется согласно тому же самому методу, какъ тѣлесный міръ. И душевная жизнь есть нѣчто естественное, она возникаетъ и уничтожается сама собой. Она мо-

жетъ быть разсматриваема такъ, что при этомъ не имѣется въ виду ни добро, ни зло, ни какая либо противоположность. Итакъ, если разсматривать ея общее понятіе, она отличается отъ культуры, искусства, обычая, равно какъ и тѣлесный міръ. Поэтому и она есть природа, равнымъ образомъ какъ тѣлесный міръ, и о ней, точно такъ же, какъ о тѣлахъ, должна существовать естественная наука.

Это употребленіе слова „природа“ въ вышеуказанномъ значеніи можетъ быть вполне оправдано лишь далѣе развиваемыми соображеніями относительно противоположности между природой и исторіей. Здѣсь мы довольствуемся указаніемъ на то обстоятельство, что мы нуждаемся въ общемъ терминѣ для тѣхъ наукъ, которыя разрабатываются сообразно методамъ, испытаннымъ на тѣлесномъ мірѣ и что изъ оказывающихся на лицо словъ, которыя мы можемъ выбрать, слово естествознаніе наиболѣе пригодно. Мы будемъ пользоваться имъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука разсматриваетъ свои объекты въ отношеніи ихъ находящей въ себѣ самой свою опору закономѣрной связи и стремится къ тому, чтобы подвести дѣйствительность подъ стройную систему понятій, въ которой выражается закономѣрная связь, сущность или „природа“ вещей.

Утвержденіе, гласящее, что и душевная жизнь должна быть разсматриваема какъ природа, побуждаетъ насъ тотчасъ сдѣлать еще одинъ шагъ далѣе. Такъ какъ вся доступная опыту дѣйствительность оказывается или психической или физической и, слѣдовательно, если мы правы, въ ней вообще не существуетъ ничего такого, что не можетъ быть разсматриваемо какъ природа и подвергаемо обработкѣ при посредствѣ естественно-научнаго образованія понятій, то долженъ возникнуть вопросъ, въ самомъ ли дѣлѣ возможно изслѣдовать дѣйствительность какъ природу единственно такимъ образомъ, что при этомъ разсматривается или только физическое или только психическое. Не обнимаетъ-ли собой наиболѣе общее понятіе о природѣ какъ свои члены и тѣлесный и душевный міръ вмѣстѣ. Не есть ли дѣйствительность въ своей совокупности единое цѣлое, изслѣдованіе котораго какъ природы составляетъ правомѣрную и необходимую задачу? Это несомнѣнно такой вопросъ, который не можетъ быть безъ дальнихъ околичностей отклоненъ. Напротивъ того, наряду съ наукой о тѣлахъ и съ психологіей, возможна еще третья наука, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы при посредствѣ понятій упрощать многообразіе всей дѣйствительности и приводить его

въ единую систему, слѣдовательно познать „природу“ или сущность дѣйствительности вообще.

Науку, ставящую себѣ эту задачу, обыкновенно называютъ метафизикой. Съ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія возможно, конечно, отводить метафизикѣ проблемы, въ которыхъ заключаются правомѣрные научные вопросы. Само собой разумѣется, что для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, пришлось бы пользоваться естественно-научнымъ методомъ, т. е. надлежало-бы сдѣлать попытку выразить сущность дѣйствительности въ обнимающей собой все многообразіе и обязательной (gültigen) системѣ понятій, точно такъ же, какъ къ этому стремятся науки о тѣлахъ для физическаго міра и психологія для душевной жизни. Важная задача этой науки могла-бы состоять напѣ въ томъ, чтобы подвести тѣло и духъ, которые мы до сихъ поръ могли, какъ двѣ принципиально раздѣльныя области, лишь допускать какъ факты, подъ одно обнимающее ихъ понятіе, подъ понятіе „Абсолюта“, благодаря которому физическая и душевная жизнь понимались бы какъ проявленія единой общей Первоосновы ¹⁾. И о наукѣ, ставящей себѣ такого рода задачу, имѣетъ смыслъ сказать, что она есть опытная наука въ томъ же смыслѣ, какъ физика или психологія. Конечно, она опирается на опытъ не въ томъ смыслѣ, чтобы она была въ состояніи дать копію дѣйствительности, такъ какъ этого не

¹⁾ И Фолькельтъ поставилъ метафизикѣ задачу, состоящую въ томъ, чтобы привести „извѣстныя наиболѣе многообъемлющія міровыя противоположности, на которыя распадается вся дѣйствительность въ единую связь и дойти до „Всеединого какъ силы, живущей во всемъ конечномъ и единичномъ“. (Vorträge zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart S. 63 ff.). Но метафизика въ вышеуказанномъ смыслѣ врядъ-ли могла бы разрѣшить дальнѣйшую задачу, которую онъ желаетъ навязать ей и которая состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать понятія, общія всѣмъ наукамъ, какъ то понятія вещи и свойства, субстанціи и измѣненія и т. д. Мы полагаемъ, что этимъ во всякомъ случаѣ должна заниматься теорія познанія. Совершенно неправильно, будто задача теоріи познанія по отношенію къ этимъ понятіямъ состоитъ лишь въ анализѣ представленій. Наукоученіе должно разрѣшать именно вопросы, касающіеся ихъ объективной цѣнности для познанія, изслѣдуя эти понятія, какъ средства познанія, въ отношеніи ихъ обязательности (Gültigkeit). Фолькельтъ приводитъ вѣсскіе доводы въ пользу метафизики, какъ науки принципиально не отличающейся отъ естествознанія. Но, какъ естествознаніе, она должна отвлекаться отъ всѣхъ цѣнностей, а потому она и не способна судить о цѣнности для познанія такихъ понятій какъ вещь и т. д.

можетъ дѣлать ни естествознаніе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, ни психологія. Напротивъ того, общая всѣмъ этимъ наукамъ черта заключается въ томъ, что онѣ, исходя изъ непосредственно даннаго, стараются построить понятія, имѣющія силу для даннаго. Мы видѣли, что всѣ науки, даже если онѣ изслѣдуютъ ограниченныя области и стремятся къ объясненію этихъ областей, должны при посредствѣ безусловно общихъ сужденій или болѣе чѣмъ эмпирически обязательныхъ понятій выходить за предѣлы опыта. Нѣтъ никакихъ оснований для того, чтобы желать воспретить такого рода переходъ за предѣлы опыта наукѣ, отличающейся отъ другихъ объясняющихъ наукъ лишь тѣмъ, что, вмѣсто нѣкоторой части дѣйствительности, она дѣлаетъ предметомъ своего изслѣдованія и обработки при посредствѣ понятій цѣлое. Не кто иной какъ Эдуардъ Целлеръ еще недавно выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ „метафизики какъ опытной науки“. Онъ основательно замѣчаетъ, что тотъ, кто принципиально допускаетъ возможность знанія, не имѣетъ никакого права „заключать знаніе въ неподвижныя рамки относительно его объема или его достовѣрности“ ¹⁾.

Однако, мы привели эти соображенія не для того, чтобы отстаивать ими правомѣрность метафизики. Быть можетъ, при болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи оказалось-бы, что въ данномъ случаѣ гораздо легче поставить проблему, чѣмъ успѣшно работать надъ ея разрѣшеніемъ. Мы должны даже во избѣжаніе недоразумѣній сдѣлать еще нѣсколько ограничительныхъ дополненій. Метафизика въ вышеуказанномъ смыслѣ всегда задавалась бы лишь обработкой при посредствѣ понятій того, что можетъ становиться объектомъ въ томъ смыслѣ, который можетъ соединять съ этимъ словомъ теорія познанія. Итакъ, и этой метафизикѣ пришлось бы вполне отвѣститься отъ гносеологическаго субъекта и, хотя она стояла бы выше другихъ опытныхъ наукъ, будучи обширнѣе ихъ, она занимала бы, напротивъ того, совершенно подчиненное положеніе относительно теоріи познанія. Далѣе, непонятно, какимъ образомъ эта метафизика должна обнимать собой философію природы и философію духа такимъ образомъ, чтобы первая доводила до завершения естественныя науки въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, а вторая психологію. То, что вообще можетъ быть выполнено для тѣлеснаго міра и для душевной жизни опытною наукою, должны

¹⁾ Archiv für systematische Philosophie, Bd. I. S. 12.

выполнять сами науки о тѣлахъ и психологія, и эти науки могутъ переходить въ философію лишь такимъ образомъ, что ихъ „последнія“ понятія оказываются выяснимыми лишь путемъ „гносеологическихъ соображеній, т. е. по отношенію къ гносеологическому субъекту. Но тогда примѣняется совершенно иной методъ, чѣмъ методъ опытныхъ наукъ, и такія изслѣдованія нельзя уже называть метафизическими въ вышеуказанномъ смыслѣ. Напротивъ того, метафизикѣ, какъ опытной наукѣ, можно ставить особую задачу лишь въ томъ отношеніи, что она должна единообразно (einheitlich) понять дѣйствительность, не касаясь противоположности физическаго и психическаго и прямо таки весьма сомнительно, окажется-ли она въ состояніи оперировать съ понятіями, при образованіи которыхъ другими науками имѣлись въ виду исключительно или тѣла или душевная жизнь. Если бы этого не оказывалось, то уже въ силу этого обстоятельства она не могла бы обнимать собой философію духа и природы, долженствующую завершать психологію и физику.

Однако намъ нѣтъ надобности далѣе развивать здѣсь всѣ эти мысли. Намъ занимаетъ лишь вопросъ о томъ, гдѣ не лежатъ границы естествознанія. Мы намѣрены признать за естествознаніемъ всѣ тѣ права, на которыя оно только можетъ какимъ либо образомъ претендовать, и лишь поэтому мы сдѣлали попытку показать, что, разъ существуетъ метафизика какъ наука о дѣйствительности въ ея цѣломъ, вполне возможна и разработка ея согласно естественно-научному методу. Благодаря этому должно лишь выясниться, сколько могутъ границы естественно-научнаго образованія понятій быть выведены изъ свойствъ того матеріала, который данъ наукѣ для обработки. Итакъ, мы беремъ слово „природа“ въ наиболѣе обширномъ смыслѣ, въ какомъ его только можно себѣ мыслить, чтобы быть въ состояніи тѣмъ надежнѣе отграничить отъ него понятіе объ исторіи и чтобы показать, что, даже въ томъ случаѣ, если бы разработка всѣхъ наукъ о тѣлахъ, всѣхъ психологическихъ дисциплинъ и метафизики въ вышеуказанномъ смыслѣ была путемъ примѣненія естественно-научнаго метода доведена до мыслимо наивысшаго совершенства, благодаря этому ни одна проблема историческихъ наукъ не только не разрѣшалась бы, но даже еще не понималась бы, какъ проблема.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ выясненію противоположности между природой и исторіей, мы должны въ концѣ концовъ размот-

трѣтъ еще понятіе наукъ о духѣ, чтобы отчетливо установить ихъ логическое отношеніе къ естественнымъ наукамъ. Если мы употребляемъ слово естествознаніе въ такомъ смыслѣ, что оно обнимаетъ собою всякую науку, рассматривающую свои объекты по отношенію къ общему и, по мѣрѣ возможности, старающуюся постичь въ понятіяхъ законовъ сущность вещей, и если, далѣе, слово „духъ“ должно означать тоже самое, что и „душевное“ или „психическое“, мы можемъ теперь признать само собою разумѣющимся, что выраженіе „наукъ о духѣ“ не можетъ имѣть никакого логическаго значенія. Такъ какъ душевная жизнь подобно тѣлесному міру должна быть рассматриваема какъ природа, то „науки о духѣ“, какъ науки о душевной жизни, также должны быть разрабатываемы сообразно естественно-научному методу. Или: то лишь обстоятельство, что наука имѣетъ дѣло съ духовными процессами, само по себѣ, никогда не можетъ обосновать принципиальнаго различія метода, такъ какъ слово „духъ“ какъ и слово „тѣло“, логически индифферентно.

Поэтому, если исторію характеризуютъ какъ науку о духѣ и какъ объектъ историческихъ наукъ опредѣляютъ нѣкоторую часть человѣческой духовной жизни, совершенно невозможно логически отграничить исторію отъ естествознанія принципиально. Тогда она можетъ рассматриваться лишь какъ часть психологическихъ дисциплинъ и непонятно, почему бы ей не сдѣлать попытки подвести жизнь народовъ и личностей (Menschen) подъ общія понятія и, если возможно, изучить законы этой жизни. Поэтому мы очень хорошо понимаемъ, что Д. С. Милль, который, первый, конечно, сдѣлалъ попытку создать систематическую логику наукъ о духѣ, видѣлъ въ перенесеніи естественно-научныхъ методовъ въ историческія науки путь, ведущій къ тому, чтобы сдѣлать и ихъ истинными науками. Онъ могъ основательно не находить въ душевной жизни какъ таковой ничего требующаго иныхъ методовъ, чѣмъ тѣ, которые испытаны въ естественныхъ наукахъ. Итакъ логика наукъ о духѣ должна была стать для него простымъ придаткомъ къ логикѣ естественныхъ наукъ, такъ какъ, если не признается никакой иной противоположности, такъ какъ, если не признается никакой иной противоположности, кромѣ противоположности между науками, имѣющими дѣло съ физическими процессами, и науками, имѣющими дѣло съ психическими процессами, то совершенно послѣдовательно утвержденіе, гласящее, что всѣ науки суть естественныя науки. Но столь же достовѣрно и

то, что въ такомъ случаѣ еще совершенно упускается изъ виду та логическая проблема, о которой здѣсь идетъ дѣло. Итакъ, противоположность между природой и духомъ непригодна для того, чтобы на ней основывать раздѣленіе наукъ.

Мы можемъ даже сдѣлать еще одинъ шагъ дальше и утверждать, что и обычное раздѣленіе наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ вовсе не возникло бы, если бы слово „духъ“ имѣло лишь разсмотрѣнное до сихъ поръ значеніе психическаго, а слово „природа“, лишь значеніе физическаго. Мы уже указывали на многозначность слова „природа“. Теперь мы должны разсмотрѣть тѣ значенія, которыя имѣетъ слово „духъ“, чтобы показать, насколько безсодержательнень терминъ „науки о духѣ“, коль скоро онъ не объясняется точнѣе.

Прежде всего и слово „духъ“ имѣетъ два изъ тѣхъ значеній, которыя можетъ имѣть слово „субъектъ“, т. е. помимо души подъ словомъ „духъ“ можно разумѣть и гносеологическій субъектъ. Такъ какъ мы можемъ отграничить наукоученіе отъ опытныхъ наукъ такимъ образомъ, что первая нарочито принимаетъ въ соображеніе гносеологическій субъектъ, тогда какъ послѣднія нарочито отвлекаются отъ него, то наукоученіе можно было бы охарактеризовать, какъ науку о духѣ въ противоположность „естественнымъ наукамъ“, къ которымъ пришлось бы причислить всѣ эмпирическія науки со включеніемъ метафизики въ вышеуказанномъ смыслѣ. И эта противоположность можетъ болѣе или менѣе играть роль въ тѣхъ случаяхъ, когда приписывается цѣнность раздѣленію наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ. Однако и эта терминологія не удачна. Тогда противоположность между природой и духомъ была бы совершенно непригодна для того, чтобы на ней основывать раздѣленіе эмпирическихъ наукъ, такъ какъ къ естественнымъ наукамъ пришлось бы сообразно этому причислить всѣ науки, ограничивающіяся разсмотрѣніемъ объектовъ въ гносеологическомъ смыслѣ, и тогда это понятіе обнимало бы собой не только психологію, но и исторію.

Собственно говоря, слово „духъ“ имѣетъ еще третье значеніе, не совпадающее ни съ значеніемъ психическаго бытія вообще, ни съ значеніемъ гносеологическаго субъекта, но въ которомъ оно обозначаетъ особый родъ психическаго бытія и не подлежитъ сомнѣнію, что прежде всего этимъ значеніемъ обуславливается то обстоятельство, что стало столь обычнымъ раздѣленіе наукъ на науки о при-

родѣ и науки о духѣ. Извѣстно, какую роль играетъ выраженіе „духъ“, напр., въ Гегелевской философіи. Гегель признаетъ три различныя формы духа: субъективный, объективный и абсолютный духъ. Однако развѣ только субъективный духъ можно отождествлять съ тѣмъ, что мы называемъ психическимъ и этотъ субъективный духъ по ученію Гегеля вовсе не оказывается противоположнымъ природѣ, но даже называется „естественнымъ духомъ“ и лишь постольку, поскольку изъ него можетъ развиваться нѣчто иное чѣмъ природа, его можно противопоставлять природѣ. Лишь коль скоро духъ выходитъ изъ формы субъективности, т. е. коль скоро онъ перестаетъ быть тождественнымъ съ только психическимъ, онъ, по ученію Гегеля, есть духъ въ противоположность природѣ; какъ объективный духъ онъ воплощается въ правѣ, морали и нравственности, какъ абсолютный духъ онъ реализуется въ искусствѣ, религіи и философіи. Въ такомъ случаѣ можно, конечно, охарактеризовать какъ науки о духѣ, науки, трактующія объ этихъ предметахъ, но ихъ слѣдовало бы непременно противопоставлять ученію о субъективномъ духѣ, т. е. психологіи. И такъ, поскольку гегелевская терминологія способствовала тому, что выраженіе „науки о духѣ“ стало устремительнымъ, собственно говоря, заключается нѣкотораго рода недоразумѣніе въ томъ, что науки, объекты которыхъ суть психическіе процессы, характеризуются какъ науки о духѣ. И вѣдь это недоразумѣніе слѣдовало бы устранить. Конечно, въ связи съ терминологіей Гегеля выраженіе „науки о духѣ“ имѣетъ смыслъ и даже, поскольку право, мораль и т. д. суть лишь продукты исторіи, а слѣдовательно науки о духѣ должны были бы разсматривать душевную жизнь на особой ступени ея развитія, это понятіе находилось бы въ тѣснѣйшей связи съ понятіемъ исторической науки. Но, разъ отвергается то значеніе, которое соединяетъ со словомъ „духъ“ Гегель, въ наукоученіи приходится отказаться и отъ выраженія „науки о духѣ“ въ противоположность наукѣ о всего лишь психическомъ, а, слѣдовательно, и вообще.

Конечно, въ нѣмецкомъ языкѣ еще и теперь не исчезло чувство того, что слово „духъ“ (Geist) означаетъ нѣчто въ противоположность всего лишь психическому. Если бы, напр., кто нибудь пожелалъ причислить „изображеніе психическихъ процессовъ у пауковъ“ или изслѣдованія о „душевной жизни протистовъ“ къ наукамъ о духѣ, то это произвело бы впечатлѣніе не выдерживающей критики термино-

логии. „Эго естествознание“, сказали-бы вообще. И наоборот, когда напр. Эйкенъ пишетъ книгу о „борьбѣ за духовное содержаніе жизни“¹⁾, всякій заранее знаетъ, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду не борьба за психическое содержаніе жизни. Послѣднимъ обладаетъ всякое животное и поэтому за него нѣтъ надобности бороться. И такъ и для насъ слово „духъ“ означаетъ еще психическую жизнь особаго рода, по крайней мѣрѣ тою душевною жизнью, которую мы называемъ духовною, должна быть человѣческая жизнь, и этимъ обуславливается также то обстоятельство, что выраженіе „наука о духѣ“ удержалось въ противоположность естествознанію. Однако этими замѣчаніями имѣется въ виду вовсе не сохранить для логики этотъ терминъ или оправдать пользованіе имъ, а только объяснить, вслѣдствіе чего инымъ, быть можетъ, будетъ трудно разстаться съ выраженіемъ „наука о духѣ“. Невѣроятно, чтобы оно вообще исчезло изъ языка и собственно говоря, не объ этомъ идетъ дѣло. Только въ настоящее время не слѣдовало-бы употреблять его въ логикѣ для обозначенія не естественно-научныхъ дисциплинъ, такъ какъ онъ сталъ слишкомъ неопредѣленнымъ, а, главное, можетъ вызывать недоразумѣніе будто-бы подъ науками о духѣ разумются науки о психической жизни и будто бы поэтому прежде всего психологія сама принадлежитъ къ наукамъ о духѣ, а не къ наукамъ о природѣ.

Быть можетъ, слово „духъ“, въ противоположность не физической только, но и психической природѣ когда либо снова получить опредѣленный, общепризнанный и понятный смыслъ. Въ настоящее время у насъ тѣмъ болѣе имѣется поводъ избѣгать его въ наукоученіи, что словомъ „исторія“ совершенно достаточно характеризуется имѣющая логическое значеніе противоположность природѣ, заставляющая насъ различать двѣ группы наукъ. Это, конечно, не исключаетъ того обстоятельства, что для историческихъ наукъ, поскольку онѣ зани-

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. „Въ послѣднемъ сочиненіи Эйкенъ рѣшительно становится на сторону идеализма, только болѣе существеннаго, чѣмъ обыкновенный. Онъ находитъ, что слѣдуетъ допустить самостоятельную духовность, благодаря которой возможно обращеніе къ себѣ бытія, проникновеніе жизненнаго процесса въ корень вещей; она должна также возгнать въ насъ новую жизнь. Долженъ произойти поворотъ жизни, обращеніе къ обосновывающей субстанціи. При этомъ цѣль и содержаніе новой жизни открываются въ болѣе ясной формѣ“. Ибервегъ Гейнце. Исторія Новой философіи. Выпускъ 2-ой. Переводъ Я. К. Олубовскаго.

маются психическими процессами, матеріаломъ служить почти исключительно тотъ родъ психическаго, для обозначенія котораго, принимая въ соображеніе бывшую прежде употребительной психологию, очень хорошо можно было бы пользоваться выраженіемъ „духовное“ въ противоположность всего лишь психическому. Но такая терминологія, какъ бы то ни было, предполагаетъ опредѣленія понятій, которыми мы можемъ заняться лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Во всякомъ случаѣ логика не можетъ исходить изъ положенія, гласящаго, что помимо естественныхъ наукъ существуютъ еще и другія науки, имѣющія своимъ предметомъ душевную жизнь, и что обѣ эти группы обнимаютъ собой всѣ эмпирическія науки. Въ особенности же взгляды на методъ психологіи вовсе не должны оказывать вліяніе на возрѣнія на историческій методъ.

Этимъ мы можемъ закончить разсмотрѣніе противоположности между природою и духомъ. Быть можетъ, будутъ находить, что мы черезчуръ пространно обсуждали отчасти чисто терминологическіе вопросы, и въ самомъ дѣлѣ ученый специалистъ можетъ обходиться безъ такого рода соображеній. Но они не излишни для науко-ученія. Черезчуръ легко вмѣстѣ съ неподходящей терминологіей вкрадывается и ошибочная теорія, или по крайней мѣрѣ противникъ открываетъ въ терминологіи такое мѣсто, къ которому онъ можетъ придаться. Поэтому для полемики противъ односторонне естественно-научнаго мышленія важно подчеркнуть, что на вопросъ о томъ, обуславливаетъ-ли свойственный исторіи характеръ науки о духѣ неприложимость къ ней естественно-научнаго образованія понятій, надлежитъ дать отрицательный отвѣтъ, но что, напротивъ того, и душевная жизнь въ ея необозримомъ многообразіи непремѣнно должна быть подведена подъ систему понятій, какъ и тѣлесный міръ, естествознаніемъ и что вообще никакой доступный опыту матеріалъ въ силу своихъ предметныхъ особенностей не полагаетъ принципіальныхъ границъ обработкѣ при посредствѣ естественно-научнаго образованія понятій. Вслѣдствіе этого становятся безпредметными всѣ тѣ возраженія противъ самостоятельнаго логическаго положенія историческихъ наукъ, которыя опираются на то соображеніе, что, такъ какъ вся дѣйствительность представляетъ собой единое цѣлое, человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ какъ членъ природы и его судьбы не должны быть изъяты изъ естественно-научнаго трактованія. Противъ такого рода аргументовъ съ точки зрѣнія наукъ о духѣ въ самомъ дѣлѣ ничего

нельзя возразить, и тогда такіе сторонники естественно-научнаго универсальнаго метода как Контъ, Милль, Спенсеръ, и ихъ послѣдователи, легко могутъ показаться побѣдителями. Поэтому мы должны были обстоятельно выяснить, что своеобразіе духовной жизни прежде всего вовсе не должно касаться логики историческихъ наукъ. Вниманіе должно быть, напротивъ того, обращено на рядъ мыслей, совершенно независимый отъ тѣхъ спорныхъ вопросовъ, которые выдвигаются на первый планъ въ иныхъ случаяхъ. Лишь этимъ путемъ тогда окажется возможнымъ логически обосновать самостоятельность историческихъ наукъ. Быть можетъ, тотъ путь, который мы избрали для достиженія этой цѣли, покажется нѣсколько долгимъ, но, разъ только намъ удастся, идя имъ, навѣрное достигнуть цѣли,—мы готовы снести этотъ упрекъ.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Природа и исторія.

„Правда, разумъ требуетъ единства, но природа требуетъ многообразія и человѣку приходится считаться и съ тѣмъ и съ другимъ законодательствомъ. Законъ разума запечатлѣваетъ въ немъ неподкупное сознаніе, законъ природы—неискоренимое чувство“.

Шиллеръ.

Но, если мы не имѣемъ права съ логическихъ точекъ зрѣнія принципиально отграничивать науки о духѣ отъ естественныхъ наукъ, почему же мы въ такомъ случаѣ вообще ищемъ иного метода кромѣ естественно-научнаго и въ чемъ можетъ состоять этотъ методъ? Развѣ именно непризнаніе противоположности между естествознаніемъ и наукой о духѣ не указываетъ на то, что правы тѣ, которые считаютъ естествознаніе единственной подлинной наукой и не доказываетъ, что не существуетъ границъ естествознанія, дѣлающихъ необходимымъ иной методъ? Обращаясь къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, мы наконецъ приходимъ къ основной мысли нашего труда. Все предшествующее изложеніе имѣло цѣлью лишь привести къ ней, и теперь она должна вытекать изъ нихъ какъ самоочевидное, для нѣкоторыхъ, быть можетъ, черезчуръ самоочевидное слѣдствіе.

У насъ не можетъ быть сомнѣній относительно того пути, котораго мы должны держаться. Такъ какъ мы знаемъ, что границы есте-

ственно-научного образования понятій не могутъ быть установлены путемъ разсмотрѣнія предметныхъ особенностей, представляемыхъ намъ лишь нѣкоторою частью эмпирическаго міра, то теперь намъ приходится обращать вниманіе только на то, въ какомъ отношеніи находится естественно-научное образование понятій къ эмпирической дѣйствительности вообще. Это единственный путь, который остается намъ.

Уяснивъ себѣ это отношеніе, мы стараемся показать, что поскольку то, что въ силу чисто логическихъ основаній никогда не можетъ войти въ естественно-научное понятіе, вообще должно становиться предметомъ науки, оно можетъ быть выражено лишь въ наукахъ, которыя мы должны охарактеризовать какъ историческія, такъ какъ понятіе о томъ, что полагаетъ предѣль естествознанію, точно совпадаетъ съ понятіемъ объ историческомъ въ наиболѣе широкомъ, логическомъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ у насъ получается принципиальная противоположность между природой и исторіей, имѣющая чисто логическое значеніе.

Исходя изъ этого, мы переходимъ затѣмъ къ разрѣшенію задачи, состоящей въ томъ, чтобы съ помощью этой противоположности найти принципъ для логическаго раздѣленія фактически существующихъ эмпирическихъ наукъ. Прежде всего окажется что въ извѣстномъ отношеніи понятія природы и исторіи относительны и что поэтому въ естественныхъ наукахъ играютъ роль историческія составныя части и что они даже дѣлаютъ возможнымъ логическое раздѣленіе самихъ естественныхъ наукъ. Это, конечно, имѣетъ силу какъ по отношенію къ наукамъ о тѣлахъ, такъ и по отношенію къ психологическимъ дисциплинамъ. Подобно тому какъ наше понятіе природы одинаково обнимаетъ собой и физическое и психическое, такъ и логическое понятіе объ историческомъ въ наиболѣе широкомъ его значеніи совершенно независитъ отъ противоположности между тѣломъ и духомъ. Мы находимъ болѣе или менѣе историческіе элементы во всѣхъ тѣхъ наукахъ, которыя разсматриваютъ дѣйствительность какъ природу въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Однако въ концѣ концовъ можно показать, что эта относительность понятій: природа и исторія—не уничтожаетъ ихъ логическаго значенія. Ибо, какъ бы ни опредѣлялось въ частностяхъ понятіе историческихъ наукъ, естественно-научное трактованіе исторіи ни въ

какомъ случаѣ недопустимо, а потому естествознание и историческая наука всегда должны находиться въ принципиальной логической противоположности между собой. Установивъ прежде всего понятіе о такой научной задачѣ, которая разрѣшима не посредствомъ естественно-научного метода, мы въ четвертой главѣ можемъ перейти къ положительнымъ тезисамъ (Aufstellungen) относительно сущности историческихъ наукъ и вывести ихъ логическія основныя понятія и предпосылки въ противоположность своеобразнымъ особенностямъ естественно-научного метода.

I.

Естественно-научное образование понятій и эмпирическая дѣйствительность.

Что такое полагаетъ естественно-научному образованию понятій предѣль, дальше котораго оно никогда не можетъ пойти? Мы сказали, что изъ соображеній, развитыхъ въ двухъ первыхъ главахъ долженъ вытекать отвѣтъ на этотъ вопросъ и при томъ какъ нѣчто почти само собою разумѣющееся. Какъ мы знаемъ, весь матеріаль эмпирическихъ наукъ состоитъ изъ необозримаго многообразія единичныхъ воззрительныхъ образованій. Но естественно-научное образование ставитъ себѣ задачею привести этотъ матеріаль, все равно оказывается-ли онъ физическимъ или психическимъ, въ доступную обзорѣнію систему, и для достиженія этой цѣли необходимы преобразование и упрощеніе. До сихъ поръ мы постоянно выдвигали на первый планъ лишь тѣ преимущества, которыя вытекаютъ изъ этого для построенія естественно-научныхъ теорій. Чтобы понять, гдѣ находятся границы естественно-научнаго образования понятій, мы обращаемъ теперь наше вниманіе на то, что необходимо утрачивается благодаря преобразованію и упрощенію при естественно-научномъ изложеніи и въ системахъ естествознанія. Чего не можетъ вводить въ содержаніе своихъ понятій наука, коль скоро она разсматриваетъ эмпирическую дѣйствительность съ той точки зрѣнія, что эта дѣйствительность есть природа? Благодаря разрѣшенію этого вопроса мы узнаемъ границы естественно-научнаго образования понятій. Стало быть намъ нужно лишь разсмотрѣть изнанку научнаго процесса, который мы изслѣдовали до сихъ поръ.

Для достиженія этой цѣли мы исходимъ изъ того отношенія, въ которомъ естественно-научное образованіе понятій находится къ воззрительнымъ элементамъ эмпирическаго міра. Уже примитивнѣйшія понятія, такъ, напр., примѣняемые при естественно-научномъ „описаніи“ произвольно возникшія общія значенія словъ отвлекаются отъ того воззрительнаго многообразія, которое непосредственно представляетъ намъ всякое единичное образованіе. Они дѣлаютъ это для того, чтобы охватить общее различнымъ вещамъ и процессамъ. Но это общее уже не воззрительно. Конечно, первоначальныя понятія во многихъ случаяхъ еще представлены въ процессѣ мышленія многообразіемъ единичныхъ воззрѣній, но это замѣщающее воззрѣніе не только оказывается несущественнымъ, но даже благодаря его многообразію можетъ прямо таки становиться помѣхою. Поэтому, какъ мы уже показали, устраненіе его составляетъ дальнѣйшую задачу, которую должно поставить себѣ образованіе понятій. Разъ и эта задача разрѣшена благодаря опредѣленію (Definition), то уже невозможно адекватно представить себѣ содержаніе понятія путемъ представленія какой либо воззрительной дѣйствительности. Тогда воззрѣніями могутъ замѣщаться развѣ что единичныя составныя части понятія, „признаки“, но и эти воззрительные элементы могутъ быть въ самомъ благопріятномъ случаѣ разсматриваемы какъ остатки, не имѣющіе значенія для науки. Они тѣмъ въ большей степени исчезаютъ, чѣмъ далѣе подвигается впередъ образованіе понятій и, если мы въ концѣ концовъ мысленно представимъ себѣ достигнутымъ логической идеаль естественно-научной теоріи, — въ содержаніи ея понятій не окажется уже никакихъ слѣдовъ того воззрѣнія, которое непосредственно представляется намъ въ опытѣ. Поэтому мы можемъ прямо таки сказать, что логическое совершенство естественно-научнаго понятія зависитъ отъ той степени, въ какой изъ его содержанія исчезло эмпирическое воззрѣніе. Упрощеніе благодаря образованію понятій необходимо идетъ рука объ руку съ уничтоженіемъ воззрительнаго.

Хотя это положеніе есть не что иное, какъ слѣдствіе, вытекающее изъ прежде развитыхъ нами соображеній, тѣмъ не менѣе мы намѣрены нѣсколько точнѣе пояснить его въ частностяхъ. Вѣдь можно было-бы думать, что оно не одинаково примѣнимо ко всѣмъ естественно-научнымъ наукамъ. Правда, будетъ признано безъ дальнѣйшихъ оцѣнокъ, что завершающее образованіе понятій понятіе „Абсолюта“, какъ его должна построить пользующаяся естественно-научнымъ ме-

тодомъ метафизика, должно мыслиться свободнымъ отъ всѣхъ элементовъ эмпирическаго воззрѣнія. Однако это обстоятельство не имѣетъ большого значенія для занимающей насъ въ данномъ случаѣ проблемы, такъ какъ мы вѣдь говорили о метафизикѣ лишь какъ о логической возможности; кромѣ того обыкновенно самымъ рѣшительнымъ образомъ противопоставляютъ естествознаніе метафизикѣ. Поэтому мы не будемъ подробнѣе останавливаться на этомъ и ограничимся разсмотрѣніемъ воззрительныхъ элементовъ содержанія психологическихъ и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова естественно-научныхъ теорій.

Для психологіи трудно показать, что ея понятія, коль скоро они логически совершенны, не содержатъ въ себѣ никакихъ воззрительныхъ элементовъ, такъ какъ въ этой наукѣ до сихъ поръ не существуетъ еще пользующагося общимъ признаніемъ идеала логически совершенныхъ понятій. Кто полагаетъ, что невозможно подвести всю психическую жизнь подъ единое понятіе и, напр., разсматриваетъ представленіе, чувствованіе и волю или нѣсколько какихъ-либо иныхъ группъ психическихъ процессовъ, какъ послѣдніе классы, которыхъ не можетъ объять собою никакое высшее понятіе, тотъ, конечно, никогда не пожелаетъ волюнѣ удалить изъ психологическихъ понятій эмпирическое воззрѣніе. Содержаніе такихъ „послѣднихъ“ понятій можетъ быть найдено лишь благодаря тому, что мыслятъ себѣ какой-либо единичный воззрительный психическій процессъ, принадлежащій къ тому или иному изъ послѣднихъ классовъ. Вообще при этомъ предположеніи можно образовать наиболѣе общее понятіе психическаго процесса, лишь благодаря тому, что содержаніе понятія замѣщается или какимъ-либо представленіемъ, или какимъ-либо чувствованіемъ, или какимъ-либо волевымъ актомъ и въ то же время принимается въ соображеніе, что дѣло не въ томъ, какой именно процессъ избранъ для этой цѣли. Въ такомъ случаѣ наиболѣе общее понятіе о психическомъ не имѣетъ самостоятельнаго научнаго содержанія.

Но дѣло обстоитъ инымъ образомъ, коль скоро дѣлается попытка подвести всю психическую жизнь подъ единое понятіе, независящее отъ этихъ составныхъ частей, т. е. коль скоро полагаютъ, что въ чувствованіяхъ и волевыхъ актахъ, какъ и вообще во всѣхъ психическихъ процессахъ, не можетъ встрѣчаться ни одного психическаго элемента, который не содержался-бы равнымъ образомъ въ какихъ-

либо представленийъ, и основываютъ это утверждение — мы возвращаемся къ разсмотрѣнной уже въ видѣ примѣра теоріи — на томъ, что всѣ психическіе процессы слѣдовало-бы понимать, какъ комплексы всего лишь ощущенія. Въ такомъ понятіи душевной жизни не держалось-бы уже никакого воззрительнаго элемента, такъ какъ коль скоро ощущенія должны быть „последними“ элементами в с е й душевной жизни они, какъ послѣднія вещи должны быть опредѣляемы какъ нѣчто простое, и благодаря этому образуется понятіе о чемъ-то такомъ, чего мы никогда не можемъ наглядно представить себѣ. Разъ психологическая теорія вообще ставитъ своей задачей подведение всѣхъ психическихъ процессовъ подъ понятія, содержащія въ себѣ всего лишь „простые“ элементы психического, она должна стремиться къ тому, чтобы все болѣе удалять то, что дано намъ въ воззрѣніи какъ психическое, т. е. по отношенію къ естественно-научной психологіи во всякомъ случаѣ оказывается правильнымъ, что въ ея сравнительно примитивныя понятія входитъ всегда лишь нѣкоторая часть эмпирическаго воззрѣнія, играющая въ немъ лишь роль замѣщенія и что процессъ въ логическомъ совершенствѣ образованія понятій совпадаетъ съ удаленіемъ этого воззрѣнія изъ содержанія понятій.

Сильнѣйшія возраженія встрѣтить утверждение, что эмпирическое воззрѣніе тѣмъ менѣе входитъ и въ тѣ понятія, въ которыхъ естествознаніе мыслить о тѣлесномъ мірѣ, чѣмъ они совершеннѣе. Нерѣдко вѣдь выдвигается на первый планъ именно воззрительный характеръ (*Anschaulichkeit*) этихъ наукъ и даже утверждаютъ, что тѣлесный міръ становится для насъ тѣмъ болѣе воззрительнымъ, чѣмъ далѣе выдвигается впередъ естественно-научное образование понятій и что въ особенности совершенное естественно-научное, т. е. механическое объясненіе какого нибудь физическаго процесса должно быть прямо-таки отождествляемо съ нагляднымъ его изображеніемъ (*Veranschaulichung*). Такъ, напр., можно сказать, что пока нѣтъ механической теоріи, совершенно нельзя представить себѣ, благодаря чему изъ смѣси двухъ химическихъ веществъ при опредѣленныхъ условіяхъ возникаетъ третье вещество, не имѣющее уже никакого воззрительнаго сходства съ обоими взятыми веществами. Напротивъ того, разъ удастся свести всѣ процессы такого рода на движеніе послѣднихъ вещей, они станутъ благодаря этому въ тоже время и наглядно представимыми. Итакъ, повидимому, лишь по-

нятіе послѣдней науки о мірѣ даетъ намъ подлинное воззрѣніе — которымъ мы еще не обладаемъ въ непосредственномъ опытѣ — на процессы тѣлеснаго міра.

Само собой разумѣется, что мы очень далеки отъ того, чтобы вообще отрицать воззрительный характеръ механическаго естествознанія и мы имѣемъ въ виду лишь то, что существенное содержаніе его понятій, коль скоро мы отвлекаемся отъ всѣхъ замѣщеній, имѣетъ тѣмъ менѣе общаго съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое мы непосредственно знаемъ изъ міра, даннаго опыту, чѣмъ болѣе совершеннымъ мы мыслимъ себѣ механическое пониманіе природы въ вышеуказанномъ смыслѣ. Чтобы выяснитъ это, намъ нужно лишь опять таки отграничить, въ механическомъ понятіи о мірѣ, понятія отношеній отъ понятій вещей. Мы знаемъ, что понятіе „последнихъ вещей“ не содержитъ уже въ себѣ ничего воззрительнаго. Однако дѣло обстоитъ, конечно, инымъ образомъ съ понятіями отношеній, коль скоро мы предполагаемъ, что всѣ отношенія между вещами состоятъ изъ движеній, такъ какъ вѣдь то, что такое движеніе, извѣстно намъ лишь изъ эмпирическаго воззрѣнія. Тѣмъ не менѣе между тѣми движеніями, которыя мы знаемъ, и тѣми движеніями, которыя встрѣчаются въ содержаніи понятій послѣдней естественной науки, существуетъ значительное различіе. Дѣйствительно наглядно представимо всегда лишь движеніе наглядно представимаго тѣла. Но, такъ какъ при чисто механическомъ пониманіи природы дѣло всегда идетъ лишь о движеніи тѣлъ, которыя не могутъ быть даны ни въ какомъ воззрѣніи, то и понятія отношеній, съ которыми оперируетъ послѣдняя естественная наука, не содержатъ уже въ себѣ ничего такого, что было-бы воззрительно въ томъ смыслѣ, какъ эмпирическая дѣйствительность.

Напротивъ того, воззрительное въ содержаніи совершенно механическаго понятія о мірѣ оказывается лишь математическимъ и, слѣдовательно, оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ всегда качественно-многообразнымъ воззрѣніемъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ мірѣ, данномъ опыту ¹⁾.

¹⁾ Мы надѣемся, что не многихъ читателей этого сочиненія смутитъ то обстоятельство, что мы безъ доказательства предполагаемъ принципиальную противоположность между математическимъ и эмпириче-

Мы не намѣрены, конечно, отрицать при этомъ, что всегда существуетъ склонность ставить на мѣсто естественно-научныхъ понятій представленія, которыя и эмпирически наглядны. Въмѣсто того, чтобы построить понятіе простыхъ или послѣднихъ вещей, мы очень легко мыслимъ себѣ маленькія, но все-же еще воззрительныя тѣла и такимъ образомъ ставимъ на мѣсто въ дѣйствительности совершенно не нагляднаго понятія о мірѣ, въ высокой степени наглядный образъ множества шаровъ или чего либо аналогичнаго, ударяющихся другъ отъ друга, могущихъ притягивать другъ друга и т. д. Мы и не намѣрены отрицать, что при постепенномъ возникновеніи механическаго пониманія природы возможность такого эмпирически нагляднаго замѣщенія наряду съ математическою наглядностью понятія о мірѣ имѣла большое значеніе, да и теперь еще быть можетъ, механическое пониманіе природы не было-бы столь популярнымъ, если-бы его понятія не допускали подстановки на ихъ мѣсто этого эмпирически нагляднаго замѣщенія. Въ концѣ концовъ нельзя даже отрицать, что эмпирически наглядное изображеніе во многихъ случаяхъ будетъ облегчать естественно-научное пониманіе и способствовать ему. Въдѣ въ математически естественно-научныхъ понятіяхъ отсутствуетъ то, благодаря чему появленіе воззрѣній въ иныхъ случаяхъ такъ легко представляется помѣхой для надежнаго примѣненія понятій. Такъ какъ мы знаемъ, что эти понятія, собственно говоря, должны быть свободны отъ всего эмпирическаго воззрѣнія, мы не можемъ никогда и сомнѣваться относительно того, какія части воззрѣнія существенны и какія нѣтъ. Равнымъ образомъ и въ самой математикѣ многообразіе эмпирическаго воззрѣнія, къ помощи котораго прибѣгаютъ для облегченія мышленія, никогда не можетъ вслѣдствіе этого вызывать научную неопредѣленность понятій.

Но все это должно лишь объяснить, почему могутъ существовать различныя мнѣнія относительно наглядности естественно-научнаго понятія о мірѣ и показать, что, коль скоро мы отвлечемся отъ замѣщающихъ образовъ, цѣль наукъ о тѣлахъ, равно какъ и цѣль другихъ естественныхъ наукъ, состоитъ въ удаленіи эмпирическаго

скимъ воззрѣніемъ. Мы не можемъ остановиться здѣсь на обсужденіи тѣхъ возраженій, которыя все еще высказываются противъ этого. *)
 *) Примѣчаніе переводчика. Ср. въ особенности В. Кергу. „Ueber Anschauung und ihre psychische Verarbeitung (Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Psychologie). 1885. 14.

воззрѣнія изъ содержанія ихъ понятій. Поэтому тотъ результатъ, къ которому мы пришли и при разрѣшеніи вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи естественно-научное образованіе понятій находится къ наглядности, одинаково имѣетъ силу для всякой естественной науки. Смысль и цѣль естествознанія и состоитъ именно въ томъ, чтобы наивозможно болѣе рѣзко выработать противоположность между содержаніемъ понятій съ одной стороны и данной воззрительной дѣйствительностью съ другой стороны. Такого рода разладъ возникаетъ какъ необходимый результатъ всякаго разсмотрѣнія дѣйствительности какъ природы, т. е. такого разсмотрѣнія, при которомъ имѣется въ виду общее. Каково бы ни было содержаніе понятій, — существуетъ полная противоположность между нимъ и эмпирическимъ міромъ воззрительнаго.

Съ этимъ непосредственно связано и нѣчто иное, впервые совершенно выясняющее значеніе этой противоположности для насъ. Въдѣ устраненіе эмпирическаго воззрѣнія есть въ то же время устраненіе индивидуальнаго характера данной дѣйствительности и понятія естествознанія содержатъ въ себѣ тѣмъ менѣе какъ элементовъ эмпирическаго воззрѣнія, такъ равнымъ образомъ и всего индивидуальнаго, чѣмъ болѣе совершенными они становятся. Индивидуальное въ строгомъ смыслѣ исчезаетъ уже благодаря примитивнѣйшему образованію понятій и въ концѣ концовъ естествознание приходитъ къ тому, что въ сущности вся дѣйствительность всегда и всюду одна и та же, а стало быть не содержитъ въ себѣ уже ничего индивидуальнаго. Нѣтъ надобности въ частности по-дробнѣе выяснять это для различныхъ наукъ. Мы видѣли, что какую-бы часть того пестраго міра, въ которомъ мы живемъ, мы ни разсматривали, мы всюду имѣемъ предъ собой, сообразно естественно-научному взгляду, когда дѣло идетъ о тѣлахъ, не что иное какъ только движеніе атомовъ; по отношенію же къ душевной жизни по крайней мѣрѣ дѣлаются попытки провести аналогичное пониманіе. Коль скоро что-либо понято естественно-научно, то въ понятіи вмѣстѣ съ многообразіемъ эмпирическаго воззрѣнія исчезло, слѣдовательно, и все то, что дѣлаетъ его индивидуумомъ.

При этомъ мы должны отчетливо выяснить еще одинъ только пунктъ. При словѣ „индивидуумъ“ мы привыкли имѣть въ виду прежде всего личность. Однако здѣсь на первыхъ порахъ у насъ дѣло идетъ вовсе не объ этомъ значеніи, но то понятіе индиви-

дуума, которое мы имѣемъ въ виду, гораздо болѣе обширно, такъ что человѣческой индивидуумъ образуетъ лишь одинъ изъ его видовъ. Мы должны, напротивъ того, принять въ соображеніе, что всякій тѣлесный или духовный процессъ, какъ онъ данъ намъ въ опытѣ, есть индивидуумъ, т. е. нѣчто такое, что встрѣчается лишь одинъ разъ въ данномъ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени и отличается отъ всякаго иного тѣлеснаго или духовнаго бытія, что, слѣдовательно, никогда не повторяется и, коль скоро оно разрушается, оказывается навсегда утраченнымъ. Собственно говоря, вѣдь и это есть нѣчто абсолютно само собою разумѹющееся и тѣмъ не менѣе мы очень легко упускаемъ это изъ виду. Мы склонны соединять понятіе объ индивидуальности, какъ о томъ, что единственно и отлично отъ всего другого, лишь съ нѣкоторою частью дѣйствительности и насъ пріучило къ этому именно естественно-научное разсмотрѣніе дѣйствительности. Вѣдь коль скоро въ естествознаніи мы отвлекаемся отъ индивидуальной формы вещей, это въ большинствѣ случаевъ не смущаетъ насъ и въ особенности, когда дѣло идетъ о тѣлахъ, мы едва замѣчаемъ это. Насъ не интересуетъ, что всякій листъ на какомъ нибудь деревѣ выглядитъ иначе, чѣмъ листья возлѣ него, что ни одинъ кусочекъ какого нибудь химическаго вещества, бросаемый въ реторту, не одинаковъ съ какимъ либо другимъ кусочкомъ того же самаго вещества. Для насъ достаточно общаго наименованія и насъ занимаетъ лишь то, что должно оказываться на лицо, коль скоро должно употребляться данное наименованіе, т. е. мы произвольно превращаемъ дѣйствительность въ понятія и затѣмъ думаемъ, что, такъ какъ мы всякій разъ снова находимъ нѣчто соответствующее нашимъ понятіямъ, повторяется и сама дѣйствительность.

Но дѣло обстоитъ вовсе не такъ и, коль скоро мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что всякая доля дѣйствительности въ своей воззрительной формѣ отличается отъ всякой иной формы, и что единичное, воззрительное и индивидуальное образуетъ единственную дѣйствительность, которую мы знаемъ, мы должны дать себѣ отчетъ и въ значеніи того факта, что всякое образованіе понятій уничтожаетъ индивидуальность дѣйствительности. Вѣдь если въ содержаніе естественно-научныхъ понятій не входитъ ничего индивидуальнаго и воззрительнаго, то изъ этого вытекаетъ, что въ него не входитъ ничего дѣйствительнаго. Итакъ, разладъ между по-

нятіями и индивидуумами, долженствующій возникать благодаря естествознанію, есть разладъ между понятіями и дѣйствительностью вообще.

Благодаря этому мы приходимъ къ слѣдующему результату. Дѣйствительность, конечно, можетъ быть непосредственно переживаема нами или дана намъ въ опытѣ, но мы должны уяснить себѣ, что, коль скоро мы дѣлаемъ попытку понять ее при посредствѣ естествознанія, отъ насъ всегда ускользаетъ изъ нея какъ разъ то, что дѣлаетъ ее дѣйствительностью. Насъ приближаетъ къ ней лишь непосредственная жизнь, но ни въ какомъ случаѣ не естествознаніе. Все то, что мы были въ состояніи сказать объ отношеніи естественно-научнаго образованія понятій къ воззрительнымъ элементамъ и къ индивидуальности, имѣетъ силу и для отношенія этого образованія понятій къ самой эмпирической дѣйствительности. И чѣмъ большее совершенство мы придаемъ нашимъ естественно-научнымъ теоріямъ, тѣмъ болѣе мы удаляемся отъ дѣйствительности и тѣмъ несомнѣннѣе ускользаетъ она изъ нашихъ рукъ при разработкѣ этихъ теорій. Если мы оперируемъ съ одними только значеніями словъ, то въ нихъ мы удерживаемъ еще значительную долю дѣйствительности: безпрестанно навязываются воззрительныя замѣщенія понятій, въ которыхъ намъ данъ образъ воззрительнаго многообразія дѣйствительности. Однако они не занимаютъ насъ, но даже служатъ намъ помѣхой и мы ставимъ на мѣсто ихъ комплексы признаковъ, не держащіе уже въ себѣ ничего дѣйствительнаго. И по завершеніи естественно-научныхъ теорій мы говоримъ о вещахъ или процессахъ, по отношенію къ которымъ мы тщательно отрицаемъ все то изъ дѣйствительности, что на каждомъ шагу всюду представляетъ намъ непосредственный опытъ. Мы прежде уже подробно показали это и поэтому здѣсь можемъ лишь вкратцѣ сказать: то, что естествознаніе еще содержитъ въ себѣ изъ дѣйствительности, еще и не понято ею; разъ образовано понятіе, изъ его содержанія исчезло все дѣйствительное. Благодаря этому, мы въ тоже время находимъ и отвѣтъ на вопросъ; составляющій центральный пунктъ нашего изслѣдованія. Предѣлъ, котораго никогда не способно перешагнуть естественно-научное образованіе понятій, ему полагаетъ не что иное какъ сама эмпирическая дѣйствительность.

Сперва результатъ этого изслѣдованія долженъ произвести впечатлѣннѣе парадокса. Развѣ понятія естествознанія тѣмъ болѣе совершенны, чѣмъ менѣе въ нихъ содержится элементовъ дѣйствительности, для познанія которой мы образовали ихъ? Это не можетъ быть правильнымъ, такъ какъ вѣдь при этомъ предположеніи естествознаніе совершенно не достигало бы своей цѣли. Вѣдь оно должно приводить насъ къ дѣйствительности, а не удалять отъ нея.

Поэтому его цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть такая система понятій, содержаніе которой противоположно дѣйствительности. Противъ развитыхъ нами соображеній тотчасъ будутъ высказаны такія и подобныя мысли.

Возразить на нихъ мы можемъ лишь указаніемъ на то обстоятельство, что, конечно, всякій воленъ разумѣть подъ естествознаніемъ все, что ему угодно, и что поэтому могутъ отвергать наше опредѣленіе естествознанія, согласно которому оно для того, чтобы познать необозримую дѣйствительность въ ея цѣломъ, должно разсматривать эту дѣйствительность такъ, что при этомъ имѣется въ виду общее и, если возможно, открывать ея законы. Но въ тоже время мы можемъ и констатировать какъ фактъ, что всюду тѣ науки, которыя стараются познать законы дѣйствительности, характеризуются какъ естественныя науки и мы знаемъ, что цѣлью этихъ наукъ не можетъ быть то, чтобы сама дѣйствительность входила въ ихъ теоріи. Напротивъ того, для каждой научной работы, которая находится въ существенной связи съ такого рода изслѣдованіями, т. е., слѣдовательно, для всякаго изслѣдованія, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы систематически выразить при посредствѣ понятій какую-либо долю дѣйствительности, необходимо признать имѣющимъ силу выводъ изъ нашихъ разсужденій. Въ силу чисто логическихъ основаній всякая попытка построения системы неразрывно связана съ отвлеченіемъ отъ индивидуальности (*individuellen Gestalt*) дѣйствительности и столь же несомнѣнно и то, что вся дѣйствительность, которую мы знаемъ, состоитъ лишь изъ индивидуально сформированныхъ образованій. Нельзя отрицать, что вслѣдствіе этого эмпирическая дѣйствительность, какъ она есть, не можетъ входить ни въ какую систему понятій и что поэтому она образуетъ предѣлъ всякаго познанія при посредствѣ понятій, а только это и существенно для насъ. Если не желать называть такія изслѣдованія естественно-научными, нельзя будетъ и вообще требо-

вать отъ естествознанія познанія тѣлеснаго міра или душевной жизни.

Для того, кто тѣмъ не менѣе требуетъ этого отъ естествознанія и несмотря на это хотѣлъ-бы продолжать признавать положеніе, гласящее, что его задача состоитъ въ томъ, чтобы приближать насъ къ дѣйствительности, а не удалять насъ отъ послѣдней, остается еще одинъ только исходъ, чтобы избѣгнуть выведенныхъ нами слѣдствій. Онъ признаетъ, что эмпирическая дѣйствительность въ теоріяхъ естествознанія необходимо исчезаетъ, но въ тоже время поставитъ вопросъ о томъ, оказывается ли эта эмпирическая дѣйствительность единственною дѣйствительностью и не доказываетъ-ли, напротивъ того, именно естествознаніе, что существуетъ еще нѣчто иное, чѣмъ непосредственно переживаемый чувственный міръ и даже не должно ли лишь это иное быть признано истинною дѣйствительностью. Разъ дѣлается это предположеніе, можно будетъ сказать, что истинная дѣйствительность столь мало оказывается предѣломъ, полагаемымъ естественно-научному образованію понятій, что, напротивъ того, лишь понятія естествознанія знакомятъ насъ съ нею. Міръ есть нѣчто иное нежели то, чѣмъ онъ кажется намъ. Онъ есть не то пестрое многообразіе, которое мы воспринимаемъ, но, поскольку онъ тѣлесенъ, онъ представляетъ собою комплексъ простыхъ вещей, а поскольку онъ есть душевная жизнь, — равнымъ образомъ состоящее изъ простыхъ психическихъ элементовъ, всюду одинаковое бытіе ¹⁾. Тогда можно спокойно признать, что естествознаніе, правда, старается по мѣрѣ возможности удалять воззрительные и индивидуальныя элементы дѣйствительности изъ содержанія своихъ понятій, такъ какъ при этомъ будутъ прибавлять, что благодаря этому оно отнюдь не удаляется отъ дѣйствительности, но, напротивъ того, отдѣляется отъ міра видимости и приходитъ къ дѣйствительности. Мнимой границей ея является именно лишь то,

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ особенно поставить на видъ, что эта противоположность между бытіемъ и видимостью не имѣетъ ничего общаго съ кантовскою противоположностью между „вещью въ себѣ“ и „явленіемъ“. Само собою разумѣется, что пространственный міръ атомовъ принадлежитъ къ тому, что Кантъ называетъ „явленіемъ“, и элементы душевной жизни также должны быть причислены къ нему, какъ нѣчто, данное во времени.

что ей слѣдуетъ преодолѣть, и въ этомъ восхожденіи отъ видимости къ бытію состоитъ сущность всего истиннаго естествознанія.

Въ особенности метафизика будетъ склонна устанавливать это различіе между видимостью и дѣйствительностью и заявлять притязаніе на то, что благодаря своему понятію Абсолюта она постигаетъ истинную реальность въ противоположность лишь въ опытѣ данному міру. Психологія и науки о тѣлесномъ мірѣ лишь неохотно будутъ претендовать на это и, пожалуй, рѣшительно откажутся отъ подобнаго притязанія. Но, если онѣ утверждаютъ, что, образуя свои понятія, онѣ не удаляются при этомъ отъ дѣйствительности, а все болѣе и болѣе приближаются къ ней, онѣ не имѣютъ, конечно, никакого права на такой отказъ. Тогда онѣ, напротивъ того, держатся какъ разъ тѣхъ же самыхъ приемовъ, которыхъ желаетъ держаться метафизика, что вещи суть нѣчто иное чѣмъ то, что представляется опыту, а кромѣ того онѣ утверждаютъ, что истинная дѣйствительность образуетъ крайнюю противоположность эмпирически данной дѣйствительности.

Необходимо, чтобы мы совершенно выяснили себѣ значеніе этой противоположности. Въ той дѣйствительности, которую мы знаемъ, все наглядно представимо и всякій отдѣльный процессъ какъ индивидуумъ отличенъ отъ всякаго другого. Если же, напротивъ того, подлинная душевная жизнь должна состоять не изъ чего иного какъ изъ однихъ только простыхъ ощущеній или психическихъ „элементовъ“, а всякая тѣлесная вещь слагается изъ послѣднихъ вещей или физическихъ атомовъ, подобно тому какъ домъ состоитъ изъ кирпичей, то истинная дѣйствительность, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ тою дѣйствительностью, которая дана въ опытѣ. Это въ особенности ясно по отношенію къ тѣлесному міру и притомъ именно потому, что наука о немъ должна быть признана логически болѣе совершенною естественною наукою. Всякое тѣло, которое мы знаемъ, обладаетъ индивидуальностью (*ist individuell gestaltet*) и, если бы даже и существовали двѣ вещи, которыя были бы одинаковы другъ съ другомъ во всѣхъ отношеніяхъ, этого никогда нельзя было бы доказать вслѣдствіе ихъ необозримаго многообразія. Напротивъ того, ~~а то~~ мы совершенно одинаковы другъ съ другомъ. Хотя слова атомъ и индивидуумъ¹⁾ повидимому означаютъ одно и то же,

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Иной смыслъ имѣетъ противопоставленіе значеній терминовъ „атомъ“ и „индивидуумъ“ у Д. И. Мен-

однако то, что обозначается тѣмъ и другимъ, настолько различно, какъ только можетъ отличаться что либо одно отъ чего либо другого. Необходимо настоятельнѣйшимъ образомъ подчеркивать, что содержаніе одного изъ этихъ понятій настолько противоположно содержанію другого понятія, какъ только можно мыслить себѣ. Между тѣмъ какъ атомъ, разъ онъ—мы ограничиваемся упоминаніемъ этого пункта—долженъ уже не заключать въ себѣ естественно-научную проблему, но служить для разрѣшенія проблемъ, долженъ предполагаться простымъ, всякій индивидуумъ всегда многообразенъ и сложенъ, такъ какъ онъ отличается отъ всѣхъ другихъ индивидуумовъ. Итакъ наука, переходящая отъ міра индивидуумовъ къ міру атомовъ, не удерживаетъ уже ничего изъ первоначально данной ей и доступной опыту дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ нельзя устанавливать принципиальнаго различія между метафизикой и естествознаніемъ, поскольку и метафизика и естествознаніе ставятъ себѣ задачей, исходя изъ міра, даннаго опыту, дойти до недоступнаго опыту міра.

Въ данномъ случаѣ въ нашу задачу не входитъ обсужденіе вопроса о томъ, насколько правомѣрно допущеніе иной дѣйствительности, чѣмъ та, которая доступна опыту. Для насъ дѣло идетъ лишь объ отношеніи естественно-научнаго образованія понятій къ эмпирической дѣйствительности и реальность какого либо міра, достигаемаго лишь при посредствѣ образованія понятій, не вноситъ рѣшительно никакого измѣненія въ это отношеніе. Продолжаетъ имѣть силу положеніе, гласящее, что въ понятія естествознанія изъ того міра, который мы знаемъ, входитъ тѣмъ меньше, чѣмъ совершеннѣе эти понятія. Если въ виду этихъ или иныхъ основаній отрицается истинная реальность даннаго опыту міра, то во всякомъ случаѣ этотъ міръ остается тою дѣйствительностью, въ которой мы живемъ, изъ ко-

делъева. См. Основы Химіи. 5-ое изданіе гл. 4 примѣчаніе 31-ое. „Лучше было бы назвать атомы индивидуумами, недѣлимыми. Греческое атомъ=индивидууму латинскому по суммѣ и смыслу словъ. Исторически этимъ двумъ словамъ приданъ разный смыслъ. Индивидуумъ механически и геометрически дѣлимъ и только въ опредѣленномъ реальномъ смыслѣ недѣлимъ. Земля, солнце, человѣкъ, муха суть индивидуумы, хотя геометрически дѣлимы. Такъ атомы современныхъ естествоиспытателей, недѣлимые въ физико-химическомъ смыслѣ, составляютъ тѣ единицы, съ которыми имѣютъ дѣло при разсмотрѣніи естественныхъ явленій вещества, подобно тому какъ при разсмотрѣніи людскихъ отношеній человѣкъ есть недѣлимая единица, или, какъ въ астрономіи, единицею служатъ свѣтила, планеты, звѣзды.“

торой проистекают наши радости и наши печали. Итакъ, хотя бы естествознаніе и восходило отъ этого міра къ истинной дѣйствительности, какъ бы то ни было, ей придется отказаться отъ того, чтобы вводить въ свои теоріи то, что мы непосредственно переживаемъ, а лишь это мы и желаемъ установить. Почему мы можемъ ограничиться этимъ выводомъ, мы увидимъ, коль скоро мы поставимъ вопросъ о томъ, что должно вытекать для метода историческихъ наукъ уже изъ этого факта.

Однако сперва мы хотимъ рассмотреть отношеніе образованія понятій къ дѣйствительности еще съ иной стороны. Вѣдь даже если мы вышеупомянутымъ образомъ ограничимъ нашъ выводъ, утверждая, что лишь эмпирическая дѣйствительность составляетъ границу естественно-научнаго образованія понятій, наша аргументація, вѣроятно, все еще многимъ продолжаетъ казаться парадоксальною. Вѣдь эмпирическія науки не безъ колебанія производятъ отдѣленіе „истинной“ дѣйствительности отъ данной. Поэтому то мнѣніе, согласно которому міръ атомовъ, не имѣющій уже ничего общаго съ тѣмъ міромъ, который доступенъ опыту, представляетъ собою истинную дѣйствительность, должно все болѣе и болѣе терять подъ собою почву и въ естественно-научныхъ кругахъ, да и психологъ равнымъ образомъ не отважится объявить видимостью все дѣйствительно переживаемое психическое бытіе. Гораздо сподручнѣе размаривать понятія послѣдней вещи, а равнымъ образомъ и понятіе простого ощущенія лишь какъ завершеніе того процесса, который клонится къ тому, чтобы подводить данную дѣйствительность подъ все болѣе и болѣе обширныя понятія. Въ такомъ случаѣ, сообразно этому пониманію, послѣднія вещи или простыя ощущенія столь же мало существовали бы какъ дѣйствительности, какъ мало понятію растенія или химическаго элемента или воли когда либо соответствуетъ иная дѣйствительность чѣмъ вполне особыя индивидуальныя растенія или вполне особыя индивидуальныя множества опредѣленныхъ веществъ или отдѣльныя личныя проявленія воли, вкратцѣ говоря, — вещи и процессы, которые мы можемъ непосредственно находить какъ данныя, воспринимать или переживать. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы отнюдь не признавать атомы и простыя отношенія предметами познанія, но разсматривать понятія о нихъ лишь какъ средства познанія, а тогда задача естествознанія уже не состояла

бы въ томъ, чтобы открывать недоступную опыту дѣйствительность, но и для него реальностью обладалъ бы лишь эмирической міръ.

Однако, коль скоро мы допустимъ это, какъ уже указано, опять таки покажется, будто-бы естествознаніе утрачиваетъ всякій смыслъ, т. е. будто-бы благодаря естественно-научному образованію понятій достигается противоположное тому, что имѣется въ виду. Само собою разумѣется, что наше мнѣніе не таково, и дѣло идетъ лишь объ устраненіи кажущейся парадоксальности результата нашего изслѣдованія и при томъ предположеніи, что эмпирическая дѣйствительность есть единственная дѣйствительность, съ которою имѣеть дѣло естествознаніе. Тѣ мысли, которыя намъ приходится выдвигать на первый планъ для достиженія этой цѣли, какъ и все вышеупомянутое, въ существенномъ опять таки вытекаютъ уже изъ тѣхъ соображеній, которыя были развиты въ предшествующихъ главахъ.

Мнѣніе, согласно которому естественно-научная теорія не достигаетъ своей цѣли, коль скоро ей не удастся изображеніе самой дѣйствительности, можетъ возникнуть лишь при предположеніи одного совершенно опредѣленнаго понятія о познаніи, а именно при предположеніи, что задача познанія состоитъ въ томъ, чтобы отобразить (abzubilden) дѣйствительность¹⁾. Само собою разумѣется, что копія тѣмъ болѣе совершенна, чѣмъ болѣе она воспроизводитъ оригиналь, какъ онъ есть. Но можетъ-ли научное познаніе быть приравниваемо къ отображенію? На этотъ вопросъ приходится дать категорически отрицательный отвѣтъ. Наши предшествующія соображенія направлялись настолько-же противъ этого пониманія познанія, какъ и противъ мнѣнія, согласно которому естествознаніе можетъ вводить въ свои теоріи воззрительное и индивидуальное.

Уже исходя изъ совершенно общихъ логическихъ точекъ зрѣнія можно показать, что, такъ какъ всякое познаніе должно принимать форму сужденія, оно совершенно не способно давать копію или истинность познанія отнюдь не можетъ состоять, какъ принято выражаться, въ „согласіи между представленіемъ и его предметомъ“. Мы познаемъ не посредствомъ представленій, а посредствомъ сужденій и между дѣйствительностью и тѣми сужденіями, которыя составляютъ о ней, никогда не можетъ существовать такого отноше-

*) Примѣчаніе переводчика. См. въ особенности. „Die Abbildtheorie und ihr Recht in der Wissenschaftslehre. Von D-r Martin Keibel (Zeitschrift für immanente Philosophie 1898).“

нія, какъ между оригиналомъ и копіей. Можно, конечно, благодаря особаго рода описанію и посредствомъ сужденій выразить дѣйствительность такимъ образомъ, что мы получаемъ нѣкотораго рода изображеніе ея. Только, какъ мы обстоятельно показали, такого рода описаніе никогда не бываетъ естественно-научнымъ. Поэтому развитая выше теорія понятій, повидимому, пригодна для того, чтобы поколебать теорію отображенія въ ея основаніяхъ еще съ одной специальной стороны. Познаніе природы всегда можетъ производить обработку и преобразование дѣйствительности, такъ какъ міровое цѣлое вообще не поддается отображенію: желать отображать безконечное и необозримое есть логически бессмысленное предпріятіе. Въ самомъ дѣлѣ естествознаніе до сихъ поръ не выполнило-бы ничего, если-бы познание природы состояло въ отображеніи міра. Если-же отказаться отъ теоріи отображенія, то изъ того, что сама дѣйствительность не можетъ входить въ понятія познания, отнюдь не вытекаетъ, чтобы вслѣдствіе этого познание не имѣло никакой цѣнности. Изъ тѣхъ двухъ положеній, которыя гласятъ, что съ одной стороны въ дѣйствительности намъ всюду обнаруживается безконечное многообразіе, а съ другой стороны, что естественно-научная теорія стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ она проще, въ качествѣ само собой разумѣющагося вывода вытекаетъ, что естественно-научная теорія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ меньше дѣйствительности содержатъ въ себѣ ея понятія. Коль скоро это выяснилось, результатъ нашего изслѣдованія долженъ утратить значительнѣйшую долю своей кажущейся парадоксальности.

Онъ долженъ совершенно перестать казаться парадоксальнымъ, коль скоро мы отчетливо поставимъ на видъ еще одну мысль. Хотя-бы понятія естествознанія содержали въ себѣ лишь немного изъ эмпирической дѣйствительности, однако они, само собой разумѣется, входятъ въ тѣснѣйшей связи съ этой дѣйствительностью и отнюдь не суть продукты произвола. Какъ рѣшительно ни должны мы отвергнуть мысль о томъ, что разсмотрѣніе дѣйствительности, при которомъ имѣется въ виду общее, можетъ дать изображеніе самой этой дѣйствительности, мы столь-же рѣшительно должны настаивать на томъ, что такое разсмотрѣніе имѣетъ смыслъ лишь коль скоро выражаемому имъ общему свойственна обязательность. Что касается этого отношенія между бытіемъ и обязательностью, новѣйшая

теорія познанія почти всюду находится еще какъ-бы на переходной стадіи. Зачастую стараются устранить платоновскій реализмъ въ теоріи понятій (Begriffsrealismus), но это не вездѣ совершается съ необходимой послѣдовательностью, причемъ въ тѣхъ случаяхъ гдѣ это совершается, большею частью возникаетъ настроеніе, долженствующее вызывать склонность къ скептическимъ нападеніямъ на значеніе всей науки, въ особенности же естествознанія. Легко обнаружить, на чемъ это основывается. Недостаточно отвергнуть платоновскій реализмъ въ теоріи понятій, но слѣдуетъ также постараться поставить на его мѣсто нѣчто новое, пригодное для того, чтобы взять на себя ту функцію, которую онъ до сихъ поръ выполнялъ, а именно обоснованіе „объективности“ естествознанія. Пока этого не сдѣлано, съ гносеологическихъ точекъ зрѣнія всякая оперирующая съ понятіями систематическая наука кажется не имѣющей подъ собой солидной основы. Конечно, мы не можемъ заняться здѣсь самимъ построеніемъ новой гносеологической концепціи. Мы должны удовольствоваться указаніемъ на то, что на мѣсто сущаго, не выразаемаго въ понятіяхъ, должна стать та обязательность, которая должна быть свойственна понятіямъ; естественно-научныя понятія истинны не вслѣдствіе того, что они отображаютъ дѣйствительность, но вслѣдствіе того, что они имѣютъ силу по отношенію къ дѣйствительности. Коль скоро они удовлетворяютъ этому условію, нѣтъ болѣе надобности въ томъ чтобы они сами содержали въ себѣ дѣйствительность. Съ устраненіемъ ложнаго понятія объ истинности наши выводы должны совершенно перестать казаться парадоксальными.

Въ сущности вѣдь здѣсь находить себѣ выраженіе не что иное какъ весьма древняя мысль, которая притомъ столь мало парадоксальна, что скорѣе ее можно было бы назвать тривиальной. Со временъ Сократа противоположность между общимъ и частнымъ имѣетъ значеніе центрального пункта логики и если мы говоримъ, что все частное, т. е. все воззрительное и индивидуальное непонятно въ смыслѣ естествознанія, то этимъ мы, собственно говоря, выражаемъ не что иное, какъ то, что общее не есть частное. Это положеніе получаетъ значеніе лишь благодаря тому, что нынѣ мы не признаемъ уже никакихъ общихъ дѣйствительностей, но для насъ все дѣйствительное заключается въ воззрительномъ и индивидуальномъ, слѣдовательно въ частномъ. Въ существенномъ дѣло идетъ о томъ, чтобы

показать, что до сих порь логика принимала въ соображеніе почти исключительно такія науки, которыя ставятъ себѣ задачей выраженіе общаго и обязательнаго и упускала изъ виду, что всегда должно утрачиваться при этомъ выраженіи. Такъ какъ, если оставить въ сторонѣ немногія исключенія, логика до сих порь разсматривала лишь научный процессъ, благодаря которому частное растворяется въ общемъ, она должна была стать одностороннею и принять форму логики естественныхъ наукъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы намѣрены установить, въ какомъ направленіи надлежитъ искать того дополненія, которое устраняло бы эту односторонность.

II.

Понятіе объ историческомъ.

Если мы поставимъ вопросъ о томъ, что вытекаетъ изъ вышеизложенныхъ соображеній для иного метода, чѣмъ естественнонаучный, то оказывается, что уразумѣніе сущности естественнонаучнаго образованія понятій прежде всего нѣкоторымъ образомъ расчистило поле для этого иного метода. Вѣдь пока задачу познаванія усматриваютъ въ томъ, чтобы доставлять копію дѣйствительности, утвержденіе, гласящее, что могутъ существовать два противоположныхъ другъ другу научныхъ метода и въ особенности два противоположныхъ другъ другу вида научнаго изложенія, должно представляться неприемлемымъ. Разъ наука должна отображать, то, такъ какъ лишь одна копія вѣрна, всякій научный методъ можетъ преслѣдовать лишь одну и ту же цѣль. Тогда методологическія различія всегда выводимы лишь изъ предметныхъ особенностей матеріала, представляющаго для изслѣдованія въ разныхъ пунктахъ разные трудности. Но дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, коль скоро мы откажемся отъ теоріи отображенія. Тогда совершенно нестижимо, почему обработка и преобразование данной дѣйствительности наукою должны имѣть мѣсто лишь съ одной точки зрѣнія и въ одномъ направленіи. Итакъ, констатированіе того, что естествознаніе отображаетъ дѣйствительность, выясняетъ въ тоже

время и возможность держащейся совершенно иныхъ приемовъ науки.

Но разъ мы узнаемъ далѣе не только сущность, но и границы естественнонаучнаго образованія понятій и разъ мы въ состояніи указать на такіе вопросы, дать отвѣты на которые навсегда должно остаться невозможнымъ для естествознанія, эта возможность превращается въ необходимость. Теперь само собою разумѣется, о какихъ вопросахъ идетъ дѣло при этомъ, какой пробѣлъ навсегда должно оставлять въ нашемъ знаніи естествознаніе, даже въ томъ случаѣ, если это слово берется въ вышеуказанномъ мыслимо наиболѣе широкомъ смыслѣ. Существуетъ множество вещей и процессовъ, интересующихъ насъ не только со стороны того, въ какомъ отношеніи находятся они къ общему понятію или системѣ понятій, но имѣющихъ для насъ значеніе и какъ воззрительныя и индивидуальныя формы, т. е. какъ дѣйствительности. Но всюду, гдѣ оказывается на лицо этотъ интересъ естественнонаучное образованіе понятій безсильно помочь намъ. Этимъ мы отнюдь не имѣемъ въ виду, какъ это всякій разъ приходится подчеркивать, умалять цѣнность естествознанія, но только обнаружить своеобразіе, а благодаря этому, конечно, односторонность его приемовъ. Мы намѣрены лишь выяснитъ, что наука о томъ, что не приурочено ни къ какому определенному времени, но имѣетъ силу всюду и навсегда, при всей ея цѣнности, не способна высказывать рѣшительно ничего относительно того, что дѣйствительно существуетъ въ определенныхъ пунктахъ пространства и времени и что произошло лишь одинъ разъ въ томъ или иномъ мѣстѣ, въ тотъ или иной моментъ. Что дѣйствительно происходитъ и что прежде происходило въ мірѣ? Что было и какъ возникло сущее? И это такіе вопросы, которые мы можемъ поставить. Однако естествознаніе никогда не можетъ отвѣтить на эти вопросы, такъ какъ всякій дѣйствительный процессъ въ своей воззрительной и индивидуальной формѣ полагаетъ предѣлы его понятіямъ; но, если вообще долженъ существовать отвѣтъ на эти вопросы, его можетъ дать лишь наука, по формѣ своего изложенія отличающаяся отъ естествознанія, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ. Отнынѣ наша задача заключается въ томъ, чтобы изучить логическую структуру этой науки, въ особенности же методъ ея изложенія, отграничить ее отъ естествознанія и благодаря этому найти принципъ для логическаго раздѣленія эмпирическихъ наукъ.

Не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію и то, какое имя должна будетъ носить эта наука: въ языкѣ мы находимъ для нея лишь одно единственное слово. Все то, что сообщаетъ намъ о процессахъ въ опредѣленныхъ пунктахъ пространства и времени, мы называемъ исторіей и поэтому, если должна существовать наука, объ этихъ процессахъ она должна будетъ называться историческою наукою. Къ исторіи мы обращаемся всюду въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нашъ интересъ не удовлетворяется естествознаніемъ, такъ какъ этотъ интересъ направленъ на воззрительное и индивидуальное, т. е. когда насъ интересуетъ сама дѣйствительность. Только исторія способна заполнить тотъ пробѣлъ, который должно оставлять въ нашемъ знаніи естествознаніе. Исторія разсматриваетъ дѣйствительность съ совершенно иной точки зрѣнія и пользуется совершенно инымъ методомъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, въ чемъ состоитъ этотъ методъ въ частности. Уже теперь можно установить, что его наиболѣе общая точка зрѣнія должна отличаться отъ наиболѣе общей точки зрѣнія естественныхъ наукъ и даже быть противоположна послѣдней. Исторія можетъ пытаться изображать дѣйствительность не такимъ образомъ, чтобы при этомъ имѣлось въ виду общее, но лишь такимъ образомъ, что при этомъ имѣется въ виду частное, такъ какъ лишь частное дѣйствительно происходитъ.

Конечно, сообразно развитымъ выше соображеніямъ это повидимому, немного даетъ для логическаго обоснованія исторіи какъ особой науки. Быть можетъ, сторонники естественно-научнаго метода скажутъ, что противъ этихъ опредѣленій понятій ничего нельзя возразить, но что благодаря имъ исторія по существу дѣла заранѣе лишается научности. Пусть разсмотрѣніе дѣйствительности какъ природы, т. е. такъ, что при этомъ имѣется въ виду общее, односторонне. Но можно полагать что именно въ этой односторонности состоитъ сущность науки и дѣло въ томъ, чтобы примѣнить этотъ односторонній методъ и къ предметамъ, которые до сихъ поръ трактовались „лишь“ исторически. Однако мы не думаемъ, чтобы это возраженіе имѣло существенное значеніе. Считая его правильнымъ, пришлось бы въ то же время и утверждать, что никоимъ образомъ нельзя признавать исторію наукой. Но мы не касаемся этого вопроса и на первыхъ порахъ ограничиваемся указаніемъ на то, что названіе „исторія“ во всякомъ случаѣ можетъ быть употребляемо лишь для обозначенія такой науки, которая сообщаетъ намъ то, что

дѣйствительно произошло. Вся исторія ставила себѣ эту задачу. Разъ мы знаемъ границы естественно-научнаго образованія понятій, мы знаемъ, что эта задача не по силамъ естествознанію и этого для насъ достаточно. Характеризовать какую либо часть естествознанія какъ исторію кажется намъ произвольной терминологіей. Мы предполагаемъ здѣсь, что исторія должна трактоваться какъ наука о дѣйствительныхъ процессахъ именно потому, что предметомъ научнаго интереса служить не только общее, но и частное. Мы живемъ среди индивидуальнаго и мы дѣйствительны лишь какъ индивидуумы. Требовалось бы еще доказать неправомѣрность интереса къ частному. Пока это не доказано, утвержденія въ родѣ того, что только общее можетъ служить предметомъ научнаго изображенія не имѣютъ никакого значенія, но содержать въ себѣ лишь *petitio principii* наихудшаго рода, что конечно, зачастую встрѣчается въ сочиненіяхъ естественно-научныхъ „историковъ“.

Напротивъ того, болѣе значенія имѣетъ другое непосредственно представляющееся возраженіе. Развѣ въ томъ случаѣ, если исторія, какъ изображеніе дѣйствительныхъ процессовъ, должна быть наукою, мы не приходимъ благодаря этому къ понятію о такой, задачѣ которая полна логическихъ противорѣчій именно согласно нашимъ прежнимъ разсужденіямъ? Вѣдь, какъ мы обстоятельно показали, дѣйствительность въ ея воззрительной и индивидуальной формѣ не входитъ ни въ какую науку. Изъ этого положенія мы были въ состояніи вывести необходимость и своеобразіе естественно-научнаго метода. Вѣдь во всякомъ случаѣ экстенсивное многообразіе міра доступно лишь естествознанію, такъ какъ такая наука, которая не ищетъ законовъ, вообще неспособна преодолѣть этой необозримости. Тамъ гдѣ задача состоитъ въ томъ, чтобы изучить совокупность эмпирической дѣйствительности, можетъ быть примѣняемъ лишь естественно-научный методъ и изъ этого прежде всего вытекаетъ, что эмпирическая наука, которая не есть естественная наука, можетъ дѣлать своимъ предметомъ развѣ что небольшую часть міра.

Далѣе: хотя бы мы и отвлеклись отъ экстенсивнаго многообразія дѣйствительности и ограничились исторію частью міра, понятіе иного метода, чѣмъ естественно-научный, все же вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Вѣдь мы знаемъ, что интенсивная необозримость всякаго единичнаго процесса равнымъ образомъ полагаетъ непреодолимые предѣлы познанію, стремящемуся къ изображенію дѣйствительности, какъ

она есть, и отсюда вытекает, что и не естественно-научныя или историческія дисциплины должны производить преобразование и обработку данной имъ дѣйствительности. Спрашивается, можетъ ли эта обработка не клониться равнымъ образомъ только къ упрощенію и не остается-ли слѣдовательно понятіе исторіи совершенно проблематическимъ?

Конечно, пока мы нашли всего лишь проблему,—а въ этомъ суть дѣла разъ мы ограничиваемъ историческую науку частью дѣйствительности,—ея задача уже не оказывается полной противорѣчій: лишь тамъ, гдѣ требовалось одновременно преодолѣть экстенсивное и интенсивное многообразіе міра, законъ природы долженъ былъ казаться единственнымъ логически совершеннымъ средствомъ для разрѣшенія этой задачи и цѣль всей работы науки могла состоять лишь въ образованіи общихъ понятій. Но тамъ, гдѣ нѣтъ рѣчи объ экстенсивной необозримости, по крайней мѣрѣ не исключена возможность того, что существуетъ родъ научной обработки, который находится въ совершенно иномъ, такъ сказать, болѣе близкомъ отношеніи къ эмпирической дѣйствительности, чѣмъ естествознаніе и которому, хотя онъ и не можетъ охватить всего интенсивнаго многообразія своего матеріала, тѣмъ не менѣе никогда не приходится имѣть тенденцію все болѣе и болѣе удаляться отъ эмпирической дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ эта обработка, быть можетъ, способна дать нѣчто, имѣющее для насъ такое значеніе, какъ будто благодаря ему представлена сама дѣйствительность. Чтобы указать, въ какомъ направленіи это напр. было бы возможно, слѣдуетъ лишь напомнить разсмотрѣнный выше не естественно-научный родъ описанія, при чемъ на первыхъ порахъ мы можемъ остаться при понятіи объ исторической наукѣ, какъ о понятіи о необходимой проблемѣ наукоученія. Пока для насъ достаточно того, что это понятіе не содержитъ въ себѣ никакого логическаго противорѣчія. Точнѣе мы разовьемъ его лишь въ четвертой главѣ. Здѣсь мы только желаемъ для того, чтобы найти противоположность естествознанію, констатировать такой интересъ, котораго не могутъ удовлетворить понятія естествознанія и указать на такое изображеніе дѣйствительности, которое способно доставить удовлетвореніе этому интересу къ дѣйствительнымъ процессамъ, не останавливаясь, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, подробнѣе на логической структурѣ этого изложенія.

Итакъ, въ непосредственной связи съ установленіемъ сущности и

границъ естественно-научнаго образованія понятій, у насъ получается понятіе исторіи и, хотя мы дошли всего лишь до постановки проблемы, однако въ общемъ уже установлена противоположность между исторіей и естествознаніемъ. Исторія никогда не можетъ пытаться приводить свой матеріалъ въ систему общихъ понятій, которая тѣмъ болѣе совершенна, чѣмъ менѣе содержится въ ней эмпирической дѣйствительности, но она старается, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ изображенію самой дѣйствительности. Поэтому ее, по сравненію съ естествознаніемъ, восходящимъ отъ частнаго къ общему, отъ дѣйствительнаго къ обязательному, можно охарактеризовать и какъ подлинную науку о дѣйствительности (*eigentliche Wirklichkeitswissenschaft*). Ту противоположность, о которой идетъ дѣло, пожалуй, лучше всего формулировать слѣдующимъ образомъ: вся эмпирическая дѣйствительность можетъ быть подведена еще и подъ иную логическую точку зрѣнія, чѣмъ та, сообразно которой эта эмпирическая дѣйствительность есть природа. Она становится природой, коль скоро мы разсматриваемъ ее такимъ образомъ, что при этомъ имѣется въ виду общее; она становится исторіей, коль скоро мы разсматриваемъ ее такимъ образомъ, что при этомъ въ виду частное. Всякая эмпирическая наука беретъ за исходный пунктъ непосредственно данную въ опытѣ дѣйствительность; наиболѣе общаго различія методовъ слѣдуетъ искать лишь въ томъ, что производить съ этою дѣйствительностью различныя науки, т. е. дѣло идетъ лишь о томъ, ищутъ-ли онѣ общаго и недѣйствительнаго въ понятіи или дѣйствительнаго въ частномъ и единичномъ. Одна задача выпадаетъ на долю естествознанія, другая—на долю исторической науки.

Какъ это само собою разумѣется, мы беремъ здѣсь понятіе исторіи въ мыслимо наиболѣе широкомъ и чисто логическомъ значеніи и соотвѣтственно этому мы имѣемъ въ виду примѣнять и понятіе объ „историческомъ“. Такъ мы можемъ назвать предметъ исторіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двусмысленность этого слова дѣлаетъ сомнительнымъ, имѣемъ-ли мы въ виду науку или ея объектъ. Конечно, это понятіе объ историческомъ обнимаетъ собой не только ту часть дѣйствительности, которая составляетъ объектъ историческихъ наукъ въ употребительномъ смыслѣ слова, но, въ своей чисто логической формѣ, оно примѣнимо и къ любой части всей эмпирической дѣйствительности, поскольку мы имѣемъ въ виду то, что она всюду со-

стоитъ изъ воззрительныхъ и индивидуальныхъ образованій. И даже вся дѣйствительность съ этой точки зрѣнія есть историческій процессъ, хотя и не можетъ существовать всеобщей исторіи его. Лишь при болѣе точномъ опредѣленіи понятія объ историческихъ наукахъ можетъ выясниться, какою частью этого историческаго занимается исторія и что такое, слѣдовательно, есть исторія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Но уже здѣсь мы видимъ, что, чѣмъ-бы ни занималась исторія и какъ-бы ни опредѣлялось точнѣе понятіе о ней, понятіе объ историческомъ въ наиболѣе общемъ его значеніи совершенно не зависитъ отъ всѣхъ предметныхъ различій, какъ, напр., отъ различія между природою и духомъ. При опредѣленіи этого понятія, насъ вообще не занимаютъ какія бы то ни было свойства, которыми обладаетъ лишь нѣкоторая часть эмпирической дѣйствительности, такъ какъ лишь такое чисто логическое понятіе можетъ служить намъ для того, чтобы понимать эмпирическія науки въ ихъ методологическихъ особенностяхъ.

Для того, чтобы сдѣлать вполнѣ вразумительнымъ наше понятіе объ историческомъ, мы должны еще уяснить себѣ, что вышеприведенныя основанія суть единственныя дѣйствительно имѣющія рѣшающее значеніе основанія, препятствующія намъ трактовать исторію сообразно естественно-историческому методу. Вѣдь нерѣдко говорятъ, что „историческая жизнь“, т. е. дѣйствительность, которой занимается исторія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, въ силу какихъ либо основаній не единообразна подобно природѣ, а потому и невозможно подвести подъ понятія законовъ. Такъ, напр., и Зигвартъ полагаетъ, что, когда дѣло идетъ о предметахъ историческаго изслѣдованія, мы „не можемъ напередъ предполагать подобную же правильность, какъ въ области природы¹⁾. Это, конечно, вѣрно постольку, поскольку открытіе законовъ, имѣющихъ силу для той дѣйствительности, которую большею частью занимается исторія, можетъ представлять гораздо большія трудности, чѣмъ открытіе законовъ, имѣющихъ силу для той дѣйствительности, съ которою имѣютъ дѣло естественныя науки, въ особенности же науки о тѣлахъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ основывать на этомъ обстоятельстве принципальную противоположность между природою и исторіей и устанавливать логическое значеніе историческаго. Напротивъ того, во-

преки подобнымъ аргументамъ, всегда будетъ оставаться правильнымъ тотъ взглядъ, согласно которому историческая жизнь есть часть дѣйствительности, равнымъ образомъ какъ и все иное и, хотя, быть можетъ, труднѣе открывать ея законы, однако нѣтъ ни малѣйшаго основанія признавать навсегда невозможнымъ разрѣшеніе этой задачи. Напротивъ того, чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ привлекательнѣе отвѣтиться взять на себя ея разрѣшеніе.

Въ противоположность этому мы должны поставить на видъ, что разсужденія относительно большей или меньшей трудности науки, формулирующей законы, (einer Gesetzeswissenschaft) не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ тѣмъ, что мы желаемъ установить. Конечно, „историческая жизнь“ есть доля дѣйствительности, какъ всякая иная; но это не имѣетъ въ этомъ контекстѣ никакого значенія потому, что именно вся дѣйствительность исторична въ нашемъ смыслѣ. Далѣе, конечно, можно пытаться открывать законы для всякой дѣйствительности и конечно подъ понятія можетъ быть подведена и та дѣйствительность, съ которою имѣетъ дѣло исторія. Только то, что получается при этомъ образованіи понятій, никогда не можетъ быть исторіей. Тамъ, гдѣ дѣйствительность должна быть постигнута въ ея индивидуальности и конкретности (Besonderheit), бессмысленно подводить ее подъ общіе законы или устанавливать законы историческаго, которые, какъ мы знаемъ, суть не что иное какъ такія общія понятія, которымъ свойственна безусловная обязательность. Вѣдь эти понятія законовъ, какъ всякія понятія, выражали бы всегда лишь то, что никогда не происходитъ дѣйствительно, и поэтому цѣль историческихъ наукъ тѣмъ несомнѣннѣе оказывалась бы недостигнутою, чѣмъ болѣе удавалось-бы открывать законы той дѣйствительности, исторію которой желаютъ изучить. Не въ томъ дѣло, чтобы было болѣе или менѣе трудно открывать законы исторіи, но въ томъ, что понятіе „историческаго закона“ есть *contradictio in adjecto* т. е. историческая наука и наука, формулирующая законы, суть понятія, взаимно исключаютія другъ друга.

Мы намѣрены еще примѣнить этотъ общій принципъ къ одному спеціальному случаю, для котораго онъ имѣетъ особое значеніе. Нерѣдко можно слышать, что отдѣльныя историческія личности, не могутъ быть поняты естествознаніемъ, такъ какъ онѣ слишкомъ сложны для того, чтобы ихъ можно было вполнѣ обзрѣть, между

¹⁾ Sigwart, Logik I, 2 Aufl. S. 608.

тѣмъ какъ тѣлесные процессы вслѣдствіе ихъ простоты напротивъ того не представляютъ такихъ трудностей. И это мнѣніе должно быть отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ; не говоря уже о вышеуказанныхъ основаніяхъ и принимая въ соображеніе то, что мы установили относительно понятія индивидуума, мы тотчасъ же поймемъ насколько оно ошибочно. Всякій листъ на деревѣ, всякій кусокъ сѣры, съ которымъ имѣетъ дѣло въ своей ретортѣ химикъ, есть индивидуумъ и, какъ индивидуумъ, столь же мало входитъ въ какое либо понятіе, какъ и какая либо великая историческая личность. Коль скоро мы имѣемъ предъ собой листья или куски сѣры, мы, правда, непроизвольно превращаемъ данные намъ единичные индивидуумы въ понятія, т. е. мы не обращаемъ вниманія на то, что дѣлаетъ ихъ индивидуумами, и мы должны дѣлать это, такъ какъ лишь такимъ образомъ мы впервые получаемъ „сѣру“ или „листья“ въ смыслѣ естествознанія. Такъ какъ индивидуумы здѣсь вообще не интересуютъ насъ, то мы забываемъ потомъ, что мы сдѣлали и не дѣлаемъ никакого различія между листомъ въ смыслѣ естествознанія и даннымъ опредѣленнымъ листомъ какъ историческимъ фактомъ. Напротивъ того, когда дѣло идетъ о другихъ индивидуумахъ, въ особенности о личностяхъ, трудно и даже невозможно упустить изъ виду это различіе. Обративъ индивидуумъ, напр. Гете въ понятіе, мы должны тотчасъ замѣтить это, такъ какъ тогда у насъ остается всего лишь поэтъ, министръ, человѣкъ, но уже не Гете. Но это различіе не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно того, что процессъ, благодаря которому мы поставили на мѣсто этого листа и этой сѣры „листъ“ или „сѣру“ въ смыслѣ естествознанія, логически совершенно одинаковъ съ тѣмъ процессомъ, благодаря которому мы ставимъ на мѣсто Гете поэта.

Какимъ же образомъ происходитъ, что мы такъ легко упускаемъ изъ виду это, хотя оно въ сущности само-собою разумѣется. Въ большинствѣ случаевъ это вытекаетъ изъ одного совершенно внѣшняго обстоятельства. Существуютъ индивидуумы, носящіе лишь нарицательныя имена. Разъ мы образовали изъ нихъ понятіе, наименованіе остается однимъ и тѣмъ же какъ для понятія, такъ и для индивидуума. Напротивъ того, когда дѣло идетъ объ индивидуумахъ, имѣющихъ собственныя имена, наименованіе мѣняется и это обстоятельство должно тотчасъ обращать наше вниманіе на то, что мы сдѣлали. Но, по отношенію къ тому, о чемъ здѣсь идетъ дѣло, эта перемена

наименованія совершенно случайна. Чисто логически совершенно безразлично, говоримъ ли мы о сѣрѣ вообще вмѣсто того, чтобы говорить о данномъ кускѣ сѣры, или же о человѣкѣ, или о поэтѣ вообще вмѣсто того, чтобы говорить о Гете. Поэтому когда говорятъ, что выдающаяся историческая личность слишкомъ сложна для того, чтобы ее могли охватить понятія естествознанія, тѣлесный же процессъ, напротивъ того, простъ, это свидѣтельствуетъ о чрезвычайной путаницѣ понятій. Вѣдь это не исключало бы возможности въ послѣдствіи понять и личности и въ этомъ заключалось бы утвержденіе, гласящее, что существуетъ различіе между тѣми индивидуумами, съ которыми имѣетъ дѣло исторія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и другими вещами, которыя равнымъ образомъ суть историческіе индивидуумы въ наиболѣе общемъ значеніи слова. Но именно это мнѣніе мы и оспариваемъ здѣсь. Историческое лицо непонятно не какъ сложная личность, но какъ индивидуумъ, т. е. оно раздѣляетъ эту непонятность со всемъ дѣйствительнымъ. Вѣдь не можетъ быть ничего „болѣе простаго“ чѣмъ кусокъ сѣры и тѣмъ не менѣе всякій кусокъ сѣры, который мы разсматриваемъ такъ, что при этомъ имѣется въ виду не природа сѣры, но его индивидуальныя особенности, есть неозримое многообразіе и поэтому онъ совершенно такъ же непонятенъ какъ напр., Гете или Кантъ. Итакъ, непонятность вообще никогда не бываетъ въ болѣе высокой степени присуща какимъ либо особымъ вещамъ, напр. личностямъ, естественно-научное же трактованіе всегда по отношенію ко всей дѣйствительности даетъ намъ лишь то, что уже не интересуетъ историка. Ницше замѣчаетъ: „коль скоро устранены индивидуумы, тогда можно разгадать ходъ исторіи, такъ какъ, тогда устраненъ единственный иррациональный факторъ“¹⁾. Это положеніе ложно, такъ какъ, говоря объ индивидуумахъ, Ницше, конечно, имѣетъ въ виду выдающіяся личности. А эти личности вовсе не оказываются единственнымъ иррациональнымъ факторомъ, но вся дѣйствительность и вслѣдствіе этого все историческое, подобно личностямъ, „иррациональны“.

Наконецъ, мы должны отличать наше опредѣленіе понятія объ историческомъ не только отъ всѣхъ тѣхъ взглядовъ, сторонники которыхъ желаютъ понять сущность историческихъ наукъ изъ своеобразія особаго матеріала, напр. человѣчества или т. п., но мы должны

¹⁾ Werke, Bd. X, S. 290.

вкратцѣ формулировать еще и наше отношеніе къ зачастую отстаиваемому пониманію, старающемуся выработать дѣйствительно логическое понятіе объ историческомъ. Напримѣръ Бернгеймъ говоритъ: „обозрѣвая различныя науки, мы замѣчаемъ, что существуетъ три различныхъ рода разсмотрѣнія наукою ея объектовъ, смотря потому, что она желаетъ знать о послѣднихъ: 1) каковы объекты сами по себѣ и какія свойства они имѣютъ, ихъ бытіе; 2) какъ они стали, или становятся, тѣмъ, что они суть, ихъ развитіе; 3) что означаютъ они въ ихъ связи другъ съ другомъ, въ міровой связи. Сообразно этому отграничиваются другъ отъ друга естественнонаучный, историческій, философскій роды разсмотрѣнія“¹⁾.

Несомнѣнно, вышеприведенное различеніе между естествознаніемъ и исторіей съ логическихъ точекъ зрѣнія оказывается наилучшимъ изъ употребительныхъ различеній именно потому, что оно принимаетъ въ соображеніе методъ, а не матеріаль, но въ строгомъ смыслѣ мы не можемъ признать этой противоположности между бытіемъ и становленіемъ, когда дѣло идетъ объ объектахъ эмпирической дѣйствительности. Все эмпирическое бытіе есть также становленіе и процессъ (Geschehen), такъ какъ всякій дѣйствительный процессъ (Vorgang) измѣняется медленно или быстро, и это бытіе эмпирическихъ объектовъ не входитъ въ понятія. Оставать вышеупомянутое опредѣленіе понятій исторіи и естествознанія въ строгомъ смыслѣ можно было бы лишь въ томъ смыслѣ, что естествознанію ставилась бы задача, состоящая въ томъ, чтобы восходить отъ эмпирическаго міра становленія и процессовъ (Werdens und Geschehens) къ недоступному опыту міру постоянного бытія, тогда какъ исторія остается при эмпирическомъ бытіи. Однако это истолкованіе, какъ мы видѣли, вызываетъ значительныя возраженія, и притомъ очевидно, что не оно имѣется въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ естествознанія признается бытіе, а объектомъ исторіи — становленіе и процессъ (Geschehen).

Собственно говоря, если не допускать недоступнаго опыту бытія въ качествѣ предмета естествознанія, противоположность между тѣмъ, что вещи суть и тѣмъ, чѣмъ онѣ становятся, оказывается на лицо лишь въ тѣхъ различныхъ словесныхъ выраженіяхъ, въ которыя

¹⁾ Lehrbuch der historischen Methode. 2 Aufl. S. 1.

обыкновенно облачаютъ свои сужденія съ одной стороны естественныя науки, съ другой стороны историческія науки. Высказыванія, въ которыя входятъ понятія (die begrifflichen Aussagen), принимаютъ такую форму, что то или иное такъ или иначе есть, между тѣмъ какъ историческое повѣствованіе сообщаетъ, что то или иное было. Но въ первомъ случаѣ словомъ „sein“ выражается лишь не зависящая отъ времени (zeitlose) обязательность, и словесная формулировка не должна скрывать отъ насъ, что естествознаніе не имѣетъ въ виду самой дѣйствительности, но образуетъ понятія, которыя оно противопоставляетъ измѣнчивому бытію, какъ стойкое и постоянное. Конечно, та иллюзія, будто бы естествознаніе трактуетъ о постоянномъ, остающемся равномъ самому себѣ бытіи, весьма объяснима. Разъ его понятія имѣютъ силу, то оно находитъ въ дѣйствительности такія образованія, которыя могутъ быть подведены подъ нихъ. Тогда оно легко доходитъ до утвержденія, гласящаго, что существуютъ вещи и процессы, всегда одинаковыя и постоянныя, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ въ нихъ то, что составляетъ содержаніе понятій, всегда опять встрѣчается во многихъ пунктахъ пространства и времени. Напротивъ того историкъ, котораго интересуется не то, что вообще нѣсколькимъ формамъ, находитъ все въ становленіи и измѣненіи, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постоянны лишь понятія и что этимъ понятіямъ вовсе не соответствуютъ одинаковыя и постоянныя дѣйствительности какъ историческія факты. „Въ химіи“, говоритъ напр. Оствальдъ¹⁾ „одинаковыми признаются такія тѣла, свойства которыхъ, если оставить въ сторонѣ произвольныя количество и форму, совершенно согласуются“. Конечно они признаются одинаковыми, но фактически ни одно тѣло не одинаково съ другимъ тѣломъ, такъ какъ оно дѣйствительно лишь въ «произвольныхъ» формѣ и количествѣ, и то, что естествоиспытателю кажется произвольнымъ, для историка можетъ быть именно тѣмъ, что его занимаетъ.

Итакъ, если исторія отграничивается отъ естествознанія такимъ образомъ, что исторія должна изслѣдовать процессы (Geschehen) и становленіе, а естествознаніе — бытіе, то эта противоположность по крайней мѣрѣ не точно формулирована. Въ ней или еще кроется остатокъ платоновскаго реализма въ теоріи понятій, который обра-

¹⁾ Lehrbuch der allgemeinen Chemie. Bd. I. S. 1.

щаетъ то, что никогда не бываетъ дѣйствительнымъ въ всегда сущее и устраненіе котораго есть одна изъ существеннѣйшихъ предпосылокъ для выясненія научныхъ методовъ, или эта формулировка вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что для выраженія имѣющихъ силу независимо отъ времени (zeitlos) положеній естествознанія, мы пользуемся глаголомъ „быть“ въ настоящемъ времени, изъ чего, конечно, никоимъ образомъ нельзя выводить логической сущности естественныхъ наукъ. Различеніе, устанавливаемое между естествознаніемъ и исторіей, должно основываться не на противоположности между бытіемъ и становленіемъ, которая по меньшей мѣрѣ можетъ вызывать недоразумѣнія, но лишь на противоположности между постоянно имѣющими силу понятіями и всегда измѣняющеюся и становящеюся дѣйствительностью. Разъ мы беремъ слово „понятіе“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы исключительно употребляли его до сихъ поръ и разумѣемъ подъ дѣйствительностью лишь доступный опыту міръ, то открытая нами принципиальная логическая противоположность можетъ быть охарактеризована и какъ противоположность между наукой, имѣющею дѣло съ понятіями, и наукою, имѣющею дѣло съ дѣйствительностью.

Этого, пожалуй достаточно для выясненія понятій природы и исторіи въ ихъ наиболѣе общемъ значеніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣло идетъ о томъ, чтобы показать, какимъ образомъ съ помощью этого можно установить логическое раздѣленіе эмпирическихъ наукъ.

III.

Историческія составныя части въ естественныхъ наукахъ.

Приступая къ этой задачѣ, мы напередъ должны уяснить себѣ, что раздѣленіе наукъ съ точки зрѣнія чисто логической противоположности между природою и исторіей должно имѣть одно неудобство по сравненію съ употребительными въ иныхъ случаяхъ раздѣленіями. Вѣдь сами науки всегда оказываются на лицо до размышленія объ ихъ логической структурѣ. Раздѣленіе научнаго труда во всякомъ случаѣ сперва стоитъ въ связи съ предметными различіями данной дѣйствительности, и единичный изслѣдователь часто

будетъ разсматривать тотъ матеріалъ, который ему знакомъ и съ которымъ онъ справляется съ различныхъ логическихъ точекъ зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это происходитъ, долженъ возникать конфликтъ между логическимъ раздѣленіемъ и дѣйствительно существующимъ раздѣленіемъ научнаго труда. Поэтому здѣсь нельзя будетъ такимъ образомъ отграничить естественно-научныя изслѣдованія отъ историческихъ, чтобы одна часть изслѣдователей имѣла дѣло исключительно съ первыми, а другая — исключительно съ послѣдними. Однако это такой недостатокъ, отъ котораго, конечно, не свободно никакое раздѣленіе наукъ, берущее за исходный пунктъ не предметныя особенности матеріала, но логическія точки зрѣнія.

Наша задача еще болѣе усложняется благодаря другому, еще болѣе важному обстоятельству. Для того, чтобы прежде всего чисто логически ясно установить понятія природы и исторіи, мы должны были быть до нѣкоторой степени односторонними, т. е. подчеркивать противоположность между наукою, имѣющею дѣло съ понятіями, и наукою, имѣющею дѣло съ дѣйствительностью, рѣзче, чѣмъ эта противоположность можетъ обнаруживаться въ значительномъ большинствѣ эмпирическихъ наукъ. Помимо того, что вѣдь понятіе науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, пока еще есть не что иное какъ логическая проблема, и отношеніе естественныхъ наукъ къ историческому или къ эмпирической дѣйствительности, еще требуетъ болѣе точнаго разсмотрѣнія, которое въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть признано ограниченіемъ до сихъ поръ найденнаго результата. Основаніе для этого должно равнымъ образомъ вытекать уже изъ разъясненій относительно сущности естественно-научнаго образованія понятій. Необходимо однако еще отчетливо формулировать тотъ логическій принципъ, о которомъ въ данномъ случаѣ идетъ дѣло и пояснить его на примѣрахъ.

Центральный пунктъ можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. Мы уже неоднократно указывали на то обстоятельство, что понятія естествознанія какъ при обработкѣ тѣлеснаго міра, такъ и при обработкѣ душевной жизни, должны быть признаваемы болѣе или менѣе логически совершенными, разъ имѣется въ виду идеалъ всеобъемлющей механической или психологической теоріи. Лишь коль скоро вся дѣйствительность физическаго или психическаго подведена подъ одно обширное понятіе, этимъ понятіемъ преодолѣ-

вается все необозримое многообразіе и, соотвѣтственно этому, оно не содержитъ въ себѣ рѣшительно ничего изъ эмпирической дѣйствительности. Но всякая естественная наука, оперирующая съ такими понятіями, которыя болѣе или менѣе далеки отъ этого идеала, вводитъ въ свои теоріи въ большей или меньшей степени и многообразіе эмпирическаго возрѣнія. А такъ какъ это возрительное и индивидуальное многообразіе совпадаетъ съ эмпирическою дѣйствительностью и такъ какъ, далѣе, эмпирическая дѣйствительность тождественна для насъ съ логическимъ понятіемъ объ историческомъ въ наиболѣе общемъ его значеніи, мы можемъ теперь формулировать это положеніе такимъ образомъ, что въ различныхъ естественныхъ наукахъ въ большей или меньшей степени оказываются историческія составныя части и при томъ это надлежитъ понимать такимъ образомъ, что ихъ совершенство, измѣряемое по сравненію съ идеаломъ естествознанія зависитъ отъ той степени, въ которой имъ удалось удалить историческіе элементы изъ своихъ понятій. Въ такомъ случаѣ, соотвѣтственно тому, до какой степени научныя теоріи содержатъ въ себѣ историческія составныя части, мы можемъ охарактеризовать и самыя науки какъ болѣе или менѣе естественно-научныя. Чисто естественно-научнымъ надлежитъ называть лишь такое трактованіе дѣйствительности, при которомъ имѣется въ виду ея наиболѣе общее понятіе. Если напротивъ того, для какой-нибудь науки дѣло идетъ лишь объ общемъ нѣкоторой части тѣлеснаго міра или душевной жизни, то въ понятіяхъ, имѣющихъ силу для этой части, всегда оказываются на лицо еще и историческія составныя части.

Конечно, аналогичное соображеніе имѣетъ силу и для историческихъ наукъ. Такъ какъ наши понятія объ естественно-научномъ и объ историческомъ суть лишь понятія соотносительныя, то, подобно тому какъ существуетъ болѣе или менѣе естественно-научное, должно существовать и болѣе или менѣе историческое. И такъ, и историческое есть нѣчто, имѣющее степени, т. е. не только возможно абсолютно историческое разсмотрѣніе, при которомъ дѣйствительность разсматривается такимъ образомъ, что при этомъ имѣется въ виду индивидуальное и единичное, но историческимъ же слѣдуетъ называть и такое разсмотрѣніе, при которомъ хотя и имѣется въ виду нѣчто общее, но это отношеніе разсматривается какъ нѣчто частное по сравненію съ еще болѣе общимъ. Такимъ образомъ понятіе исторіи

становится столь-же относительнымъ, какъ и понятіе естествознанія и, подобно тому какъ въ естественныхъ наукахъ имѣются историческіе элементы, мы найдемъ и естественно-научныя элементы въ историческихъ наукахъ. Однако значеніе этого послѣдняго обстоятельства можно точнѣе обнаружить лишь въ связи съ выясненіемъ логическихъ основныхъ понятій самихъ историческихъ наукъ. Здѣсь, гдѣ наше вниманіе направлено еще на границы естественно-научнаго образованія понятій и на принципиальную противоположность между природой и исторіей, мы стараемся прежде всего понять значеніе историческихъ составныхъ частей въ естественныхъ наукахъ.

И въ данномъ случаѣ мы опять поступаемъ такъ-же, какъ прежде, т. е. на первыхъ порахъ мы развиваемъ наши мысли, имѣя въ виду лишь науки о тѣлесномъ мірѣ. Для примѣненія этого нѣсколько необычнаго въ изслѣдованіяхъ о методѣ историческихъ наукъ рода разсмотрѣнія у насъ имѣется нѣсколько основаній. Прежде всего, если наши предшествующія утвержденія правильны, должно быть по крайней мѣрѣ безразличнымъ, выясняемъ-ли мы логическій принципъ на наукахъ о тѣлахъ или на наукахъ о духѣ, такъ какъ противоположность между природой и исторіей въ ея наиболѣе общемъ значеніи не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ противоположностью между тѣломъ и душою. А кромѣ того науки о тѣлахъ по сравненію съ психологическими дисциплинами обладаютъ еще тѣмъ значительнымъ преимуществомъ, что онѣ значительно опередили эти послѣднія по логическому совершенству образованія своихъ понятій и что въ особенности идеаль познанія тѣлеснаго міра въ понятіяхъ, понимаемый нами какъ упрощеніе возрительнаго многообразія, благодаря возможности квантификаціи, обнаруживается здѣсь гораздо явственнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обработкѣ душевной жизни при посредствѣ понятій. Наконецъ мы предпочитаемъ науки о тѣлахъ именно потому еще, что не принято примѣнять къ нимъ понятіе объ историческомъ. Вѣдь чѣмъ необычнѣе тотъ матеріалъ, пользуясь которымъ мы развиваемъ наши понятія, тѣмъ явственнѣе должны выясняться ихъ независимое отъ матеріала логическое значеніе и такимъ образомъ снова должна обнаруживаться противоположность, существующая между нашимъ логическимъ раздѣленіемъ наукъ и употребительнымъ въ иныхъ случаяхъ раздѣленіемъ ихъ на науки о духѣ.

Обратимся прежде всего къ развитымъ нами въ первой главѣ соображеніямъ, относительно понятій вещей и понятій отношеній. Какъ мы знаемъ, устраненіе понятій вещей путемъ превращенія ихъ въ понятія отношеній есть тотъ путь, идя которымъ естественныя науки о тѣлесномъ мірѣ приближаются къ логическому совершенству. Подъ понятія объ отношеніяхъ „последнихъ“ вещей должно быть по мѣрѣ возможности подведено все тѣлесное бытіе. Итакъ, чѣмъ болѣе какая нибудь наука еще пользуется понятіями о воззрительныхъ вещахъ, тѣмъ болѣе она удалена отъ пониманія всеобъемлющей, соотвѣтствующей законамъ природы связи тѣлеснаго міра. Понятія-же, которыя еще не стали понятіями отношеній, мы можемъ теперь охарактеризовать и какъ историческія составныя части естественно-научныхъ теорій и сказать, что разрѣшеніе понятій вещей въ понятія отношеній должно быть приравнимо къ устраненію историческихъ элементовъ. Соотвѣтственно этому съ помощью нашего понятія объ историческомъ можно затѣмъ также построить логическую идеальную систему различныхъ естественныхъ наукъ. Разъ мы разсматриваемъ спеціальныя дисциплины какъ части единого цѣлаго, мы должны мыслить себѣ ихъ распредѣленіе въ системѣ нижеслѣдующимъ образомъ. Историческіе элементы, которые еще оказываются на лицо въ понятіяхъ вещей, съ которыми оперируетъ какая нибудь наука, и которые, пока эта наука не идетъ далѣе той спеціальной задачи, которую она ставитъ себѣ, и должны оказываться на лицо, устраняются наукою, ставящею себѣ болѣе обширныя задачи и замѣняются понятіями отношеній, въ меньшей степени содержащими въ себѣ историческія составныя части. Затѣмъ эта наука передаетъ свои историческіе элементы еще болѣе обширной наукѣ, долженствующей построить новыя понятія отношеній, въ которыя входитъ все меньше и меньше историческихъ составныхъ частей, пока наконецъ въ теоріи, обнимающей весь тѣлесный міръ, не удаляются всѣ понятія объ эмпирическихъ вещахъ и благодаря этому всѣ историческіе элементы. Итакъ, лишь „последнюю естественную науку“ надлежитъ мыслить себѣ совершенно свободной отъ историческихъ элементовъ и характеризовать какъ „чисто“ естественно-научную.

Но въ то же время мы видимъ, что съ этой точки зрѣнія лишь последняя естественная наука не обладаетъ уже никакими историческими элементами. Во всѣхъ другихъ естественныхъ наукахъ не только оказывается большее или меньшее количество ихъ, но, пока онѣ ста-

вать себѣ какую нибудь ограниченную задачу, онѣ и должны сохранять ихъ въ своихъ понятіяхъ о воззрительныхъ вещахъ. Но вслѣдствіе этого онѣ не перестаютъ быть естественными науками въ нашемъ смыслѣ. Онѣ имѣютъ въ виду построить лишь понятія для нѣкоторой части дѣйствительности и поэтому тамъ, гдѣ для ихъ ограниченныхъ цѣлей не оказывается уже на лицо никакихъ проблемъ, онѣ могутъ оставлять понятія вещей, не принимая въ соображеніе того обстоятельства, что, съ точки зрѣнія последней естественной науки, въ нихъ содержатся еще историческіе элементы. И, какъ спеціальныя науки, онѣ не только имѣютъ право обходиться безъ примѣненія чисто механическаго способа разсмотрѣнія, но и вообще могутъ становиться естественными науками о нѣкоторой части тѣлеснаго міра лишь благодаря тому, что онѣ ищутъ общее въ предѣлахъ чего либо частнаго, природу въ предѣлахъ чего либо историческаго и вовсе не смущаются при этомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что та область, лишь въ примѣненіи къ которой имѣютъ силу ихъ понятія, также можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто историческое. Итакъ, въ этомъ отношеніи историческія составныя части понятій еще не уничтожаютъ естественно-научнаго характера тѣхъ дисциплинъ, въ которыхъ онѣ встрѣчаются. Однако въ тѣхъ наукахъ которыя имѣютъ дѣло съ „относительно-историческимъ“, этотъ приемъ не оказывается единственно возможнымъ и лишь благодаря этому мы приходимъ къ тому пункту, гдѣ, повидимому, не можетъ быть проведено принципиальное противоположеніе науки, имѣющей дѣло съ понятіями и науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью. Въдѣ чѣмъ болѣе далеки спеціальныя дисциплины отъ идеала последней естественной науки, тѣмъ большую важность должно имѣть въ нихъ историческое и тѣмъ труднѣе должно становиться найти природу въ предѣлахъ этого историческаго. Эмпирическое воззрѣніе все болѣе и болѣе входитъ въ содержаніе понятія. Во первыхъ благодаря этому понятія не только становятся менѣе опредѣленными, но и ихъ болѣе чѣмъ эмпирическая обязательность должна становиться тѣмъ менѣе надежной, чѣмъ дальше она отъ обязательности математически формулированныхъ законовъ движенія, а затѣмъ—и это имѣетъ рѣшающее значеніе—непроизвольно начинаетъ играть роль и иная точка зрѣнія разсмотрѣнія, чѣмъ естественно-научная въ нашемъ смыслѣ. Историческій характеръ того, что для ограниченныхъ задачъ спеціальной

науки не есть естественно-научная проблема, уже не игнорируется и, коль скоро это происходит, приемы самой науки должны стать историческими, т. е. тогда исследователь не только ищет природу въ предѣлахъ частной области, но и размышляетъ о возникновеніи и исторіи своего матеріала. Итакъ, къ историческому характеру матеріала присоединяется и историческій методъ. Правда въ большинствѣ случаевъ матеріаль все еще подводится подъ понятія, разсмотрѣніе особенностей отдѣльныхъ индивидуумовъ играетъ роль въ наукахъ о тѣлахъ развѣ что въ исключительныхъ случаяхъ и соотвѣтственно этому методъ изложенія также можетъ быть лишь „относительно историческимъ“, но онъ не оказывается уже и естественно-научнымъ въ нашемъ смыслѣ. Съ чисто логическихъ точекъ зрѣнія, напротивъ того, историческое изложеніе возможно для области всякой естественной науки за исключеніемъ „последней“ и принципиальная противоположность между естествознаніемъ и исторіей, повидому, исчезаетъ для эмпирическихъ наукъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не только понятія естествознанія содержатъ въ себѣ историческіе элементы, но и специально обращается вниманіе на историческій характеръ этихъ элементовъ.

Не трудно показать, что несмотря на это, значеніе этой противоположности для наукоученія остается въ полной силѣ и мы еще легче будемъ въ состояніи сдѣлать это, если сначала постараемся пояснить тотъ принципъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, на нѣсколькихъ примѣрахъ. При дѣйствительной разработкѣ естественныхъ наукъ о тѣлесномъ мірѣ историческое изложеніе играетъ значительную роль прежде всего въ біологическихъ дисциплинахъ и здѣсь логическія особенности біологіи имѣютъ значеніе еще и потому, что хотя врядъ-ли можно серьезно утверждать, что исторія должна быть разрабатываема какъ физика или химія, однако за то, тѣмъ болѣе усматривали ту науку, методъ которой долженъ быть примѣнимъ къ историческимъ наукамъ, въ біологіи. Несмотря на это, развѣ изслѣдованіе ставитъ себѣ задачей выясненіе логической структуры біологіи, оно не можетъ ограничиваться этой наукой, но должно показать, что въ ней лишь находить свое особенно явственное выраженіе то, что въ болѣе или менѣе выраженной формѣ можно найти и въ другихъ естественныхъ наукахъ.

Поэтому мы дѣлаемъ попытку констатировать историческіе элементы и въ химіи и, какъ логическую возможность, даже въ физикѣ.

При этомъ мы можемъ сослаться на тѣ соображенія, которыя мы развили въ первой главѣ относительно идеала общей теоріи тѣлеснаго міра и ея отношенія къ физикѣ и химіи и въ тоже время мы будемъ въ состояніи дополнить теперь то, что было сказано тамъ. Конечно, при этомъ мы опять-таки совершенно не касаемся вѣрности приведенныхъ примѣровъ со стороны ихъ содержанія.

Возьмемъ за исходный пунктъ мысль о чисто механическомъ пониманіи природы, въ томъ видѣ, какъ она намѣчена Герцгомомъ,— въ формѣ теоріи ээира—и постараемся мало-по-малу, разсматривая физику и химію какъ промежуточные области, найти дорогу отъ этого идеала къ біологіи.

Механическое понятіе тѣлеснаго міра, согласно которому всякій физическій процессъ слѣдуетъ мыслить себѣ какъ движеніе „последнихъ вещей“, не содержитъ въ себѣ, какъ мы знаемъ, ничего эмпирически воззрительнаго и ничего индивидуальнаго. Если, несмотря на это, мы все-таки желаемъ еще признавать дѣйствительностью „ээиръ“ въ смыслѣ всего лишь „наполняющей пространство среды“, т. е. какъ субстратъ абсолютно общей теоріи, то онъ во всякомъ случаѣ есть дѣйствительность, не имѣющая рѣшительно ничего общаго съ извѣстнымъ намъ міромъ¹⁾. Мы можемъ сказать, что онъ былъ-бы совершенно „не историческою дѣйствительностью“, такъ какъ не имѣло бы никакого смысла изслѣдовать его, имѣя въ виду единичное и частное. Вѣдь, согласно понятію его, каждая его часть должна содержать въ себѣ совершенно тоже самое, что всякая другая часть.

Но въ то же время понятіе ээира есть и единственное естественно-научное понятіе вещи, не содержащее въ себѣ уже ничего воззрительнаго и эмпирически дѣйствительнаго. Уже коль скоро мы обратимся къ тому многообразію, о которомъ трактуютъ различныя части физики, мы находимъ, что свѣтъ, звукъ, магнетизмъ, электричество, вѣсовая матерія суть, понятія, правда, весьма общія, обнимающія

¹⁾ Правда, Геккель (*der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft*, S. 16) говоритъ: „если посредствомъ воздушнаго насоса мы удалимъ массу атмосфернаго воздуха изъ стекляннаго колокола, то количество свѣта (Lichtmenge) внутри послѣдняго остается неизмѣннымъ: мы видимъ колеблющійся ээиръ!“ Однако этого нельзя, конечно, утверждать, но я полагаю, что видимъ мы всегда „количество свѣта“ и лишь мыслимъ себѣ его состоящимъ изъ колеблющагося ээира.

собой необозримое множество различныхъ единичныхъ вещей и процессовъ, но все еще содержащія въ себѣ воззрительные и индивидуальныя, слѣдовательно, историческіе элементы въ нашемъ смыслѣ. Совершенно оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что до сихъ поръ еще не удалось подвести все многообразіе физическихъ процессовъ подъ одно общее понятіе, свѣтъ, звукъ и т. д. какъ воззрительныя образованія всегда должны приниматься лишь за нѣчто фактическое. Почему происходятъ именно эти физическіе процессы, а не иные, настолько же отличающіеся отъ извѣстныхъ процессовъ, насколько эти послѣдніе отличаются другъ отъ друга, этого мы не знаемъ и никогда не можемъ знать. Еслибы была совершенно выработана теорія ээира, то мы, правда, имѣли-бы такое понятіе, подъ которое можно было бы подвести любой тѣлесный процессъ, и благодаря этому достигалось-бы преодолѣніе экстенсивнаго многообразія тѣлеснаго міра въ его совокупности; однако не только благодаря этому не стало-бы извѣстно, какіе-же физическіе процессы дѣйствительно происходятъ, но сама теорія не заключала-бы въ себѣ даже того, о чемъ мы знаемъ, что оно дѣйствительно. Понятія о свѣтѣ, звукѣ и т. д. въ теоріи ээира состояли-бы изъ чиселъ и формулъ, относящихся къ тому дѣйствительному, которое мы знаемъ, но не могущихъ уже имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что дано намъ въ опытѣ какъ свѣтъ, звукъ и т. д. Физическіе процессы понятны всегда лишь по отношенію къ тому, что они раздѣляютъ съ другими. Кто никогда не видѣлъ свѣта или не слышалъ звуковъ, тотъ не узналъ-бы изъ содержанія понятій, которыя могла бы построить абсолютно общая теорія матеріи, рѣшительно ничего о томъ, что такое суть свѣтъ и звукъ, какъ эмпирическія дѣйствительности.

Мы имѣемъ въ виду это, когда мы говоримъ, что физическія спеціальныя дисциплины, которыя не суть теорія ээира, содержатъ еще историческіе элементы и въ своихъ наиболѣе общихъ понятіяхъ. Исходнымъ пунктомъ для каждой изъ нихъ служить нѣкоторымъ образомъ историческій фактъ и, какъ ни обще, напр., понятіе свѣта, оптика для того, чтобы быть какъ ученіе о свѣтѣ естественной наукой въ нашемъ смыслѣ, должна совершенно отвлекаться отъ того, что ея матеріаль, быть можетъ, слѣдуетъ разсматривать лишь какъ историческое видоизмѣненіе ээира. Она должна ограничиваться установленіемъ того, что имѣетъ силу тамъ, гдѣ вообще бываетъ свѣтъ. Затѣмъ она постигаетъ въ немъ природу въ предѣлахъ относительно

историческаго процесса. Во-первыхъ, изъ этого вытекаетъ, почему изслѣдованія, имѣющія силу лишь для нѣкоторой части дѣйствительности, никогда не могутъ утратить свою самостоятельную цѣнность и почему невозможно совершенно разрѣшить спеціальныя физическія теоріи въ чистую механику. Но въ то же время это свидѣтельствуетъ намъ и о томъ, что мысль объ исторіи свѣта логически вовсе не бессмысленна. Вѣдь еслибы всѣ естественно-научныя проблемы относительно свѣта были разрѣшены, оставался-бы еще безъ отвѣта рядъ вопросовъ относительно свѣта. Всегда-ли былъ свѣтъ? Когда и гдѣ его можно въ первый разъ констатировать? Сколько свѣта оказывается на лицо и въ какихъ мѣстахъ міра онъ встрѣчается? Все это историческіе вопросы, относительно которыхъ оптика, какъ естественная наука, не можетъ рѣшительно ничего сказать.

Само собой разумѣется, что никакому физикъ, конечно не придетъ въ голову дѣйствительно ставить такіе вопросы, такъ какъ помимо того, что по непосредственно очевиднымъ причинамъ отсутствуютъ „свидѣтельства“, относящіяся къ исторіи свѣта, такая наука, быть можетъ, никого не интересовала-бы. Но здѣсь дѣло идетъ не объ этомъ. Мы желаемъ лишь показать, что для всего, что еще содержитъ въ себѣ эмпирическую дѣйствительность, также возможно историческое разсмотрѣніе. То обстоятельство, что по отношенію къ такому понятію, какъ понятіе свѣта, дѣло идетъ лишь о логической возможности, не вноситъ никакого измѣненія въ нашъ результатъ. Напротивъ того, наши выводы имѣютъ силу относительно всего того міра, съ которымъ имѣетъ дѣло физика въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. И вѣсомая матерія, чтобы взять то, что, быть можетъ, всего страннѣе звучитъ для насъ, коль скоро атомы массы разсматриваются какъ центры конденсаціи (Verdichtungscentren) ээира, по сравненію съ вѣчнымъ ээиромъ, есть равнымъ образомъ лишь историческій процессъ, который, пожалуй, имѣетъ начало и конецъ, какъ все частное, и о которомъ, слѣдовательно, также могла-бы существовать исторія.

Мы уже сказали, что мы не придавали бы этимъ мыслямъ никакой цѣнности, если бы тотъ логическій принципъ, о которомъ въ данномъ случаѣ идетъ дѣло у насъ, во всѣхъ наукахъ былъ бы настолько же лишень значенія, какъ въ физикѣ. Но дѣло обстоитъ иначе. Уже если мы перейдемъ отъ физическаго многообразія къ химическому, то историческія составныя части получаютъ большее значеніе и въ дѣйствительной наукѣ. Разсмотримъ то тракто-

ваніе, при которомъ необозримое качественное многообразіе вѣсомой матеріи, понимается такимъ образомъ, что оно сводится къ ограниченному числу качествъ, т. е. къ химическимъ „элементамъ“. Его методъ остается чисто естественно-научнымъ лишь благодаря тому, что оно разсматриваетъ элементы какъ нѣчто постоянное и не историческое. Оно находитъ въ нихъ „природу“ химическаго и въ состояніи такъ же игнорировать возможность ихъ возникновенія, какъ оптика игнорируетъ возникновеніе свѣта. Однако съ другой стороны эти постоянные элементы не только съ точки зрѣнія мыслимой логически совершенной, а, слѣдовательно, абсолютно не исторической теоріи ээира, но уже и съ физическихъ точекъ зрѣнія содержать въ себѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова историческія составныя части. Вѣдь поскольку уже понятіе вѣсомой матеріи какъ видоизмѣненія ээира есть нѣчто относительно-историческое, химическіе элементы, коль скоро мы представимъ себѣ, что кромѣ теоріи ээира получила развитіе также теорія „первичныхъ элементовъ“, должны быть разсматриваемы какъ эмпирическія видоизмѣненія чего то такого, что по сравненію съ ээиромъ само уже было историческимъ видоизмѣненіемъ. Поэтому можно охарактеризовать многообразіе химическихъ элементовъ по сравненію съ физическими процессами и какъ нѣчто историческое высшаго или второго порядка и, какъ мы уже отмѣтили, мысль объ ихъ исторіи представляетъ собой не только всего лишь логическую возможность, какъ мысль объ исторіи свѣта, но эмпирическая наука сама уже занималась этимъ вопросомъ, и совершенно не историческое разсмотрѣніе элементовъ даже все болѣе и болѣе оттѣняется на задній планъ.

Тѣ попытки, о которыхъ идетъ дѣло въ данномъ случаѣ, находятся въ связи съ одной стороны съ теоріями Лотара Мейера и Менделѣева, съ другой стороны—съ перенесеніемъ исторической точки зрѣнія на разсмотрѣніе нашей земли и нашей солнечной системы, или же онѣ вообще вытекаютъ изъ размышленія о томъ, что вся эмпирическая дѣйствительность, въ которой мы живемъ, должна быть разсматриваема какъ историческій, слѣдовательно, вѣчно измѣняющійся процессъ. Развѣ и сами элементы не могли возникнуть подобно тому, какъ небесныя тѣла возникли изъ элементовъ? Это дѣлаетъ возможнымъ историческое разсмотрѣніе. Возникаетъ вопросъ: нельзя ли было бы знать что либо относительно этого возникновенія? Какіе элементы были на лицо сперва, какіе

позднѣе? Пытались давать отвѣты на этого рода вопросы ¹⁾. Хотя въ данномъ случаѣ въ нашу задачу и не входитъ сужденіе о цѣнности этихъ попытокъ, однако съ логическихъ точекъ зрѣнія интересень уже и самый фактъ, что вообще существуютъ химическіе труды, въ которыхъ не только тѣ понятія, подъ которыя подходятъ подлежащіе изслѣдованію объекты, содержатъ въ себѣ нѣчто относительно историческое, но въ которыхъ это относительно исторически же и трактуется. Въ такихъ изслѣдованіяхъ изложеніе должно принимать форму историческаго повѣствованія, т. е. здѣсь химія даетъ не только понятія, навсегда имѣющія силу, но и рассказываетъ о томъ, что нѣкогда дѣйствительно происходило въ прежнія времена.

Послѣ того какъ мы такимъ образомъ ознакомились съ историческими составными частями въ физикѣ и въ химіи, мы можемъ перейти къ біологіи, въ которой находить свое наиболѣе явственное выраженіе занимающей насъ логическій принципъ. Теперь мы въ состояніи понимать особенности этой науки какъ нѣчто такое, благодаря чему она отличается отъ остальныхъ естественныхъ наукъ по степени, но отнюдь не принципиально. До сихъ поръ эмпирическое естествознаніе, понятія котораго не содержатъ въ себѣ никакихъ историческихъ составныхъ частей, существуетъ лишь какъ логическій идеаль ²⁾: уже въ наиболѣе общихъ понятіяхъ физики оказывается нѣчто относительно историческое; въ понятіяхъ же химіи оказывается уже и нѣчто историческое высшаго порядка. Если и форма изложенія современной науки объ организмахъ представляетъ значительно иную картину чѣмъ форма изложенія физики и химіи, то въ существенномъ это зависитъ лишь отъ того, что въ данномъ случаѣ предметомъ изслѣдованія служитъ историческое еще болѣе высокаго, если угодно, третьяго

¹⁾ Конечно, до сихъ поръ повидимому не достигнуто еще согласіе между отвѣтами въ существенныхъ пунктахъ. Что касается сочиненія Крукса о „генезисѣ элементовъ“, то и тѣ, которые находятъ его „въ высшей степени заслуживающимъ вниманія“, относятся къ нему скептически, какъ „къ черезчуръ смѣлому паренію его фантазіи“. Ср. далѣе. G. Wendt „die Entwicklung der Elemente. Entwurf zu einer biogenetischen Grundlage für Chemie und Physik“. Въ этой статьѣ проблема ясно формулирована.

²⁾ Само собой разумѣется, что мы оставляемъ въ сторонѣ не только математику, но и чисто математическую механику. Къ эмпирическимъ наукамъ мы причисляемъ лишь тѣ, которыя дѣлаютъ попытку подводить эмпирическую дѣйствительность подъ понятія.

порядка и соответственно этому историческія составныя части играютъ еще болѣе значительную роль въ этой наукѣ. Итакъ, съ этой точки зрѣнія біологія включается въ идеальную систему естественныхъ наукъ, которую мы были въ состояніи установить съ помощью нашего понятія объ относительно историческомъ.

Правда, то обстоятельство, что мы характеризуемъ организмы какъ относительно историческое, быть можетъ, вызоветъ недоумѣніе. Вѣдь это обозначеніе предполагаетъ, что различіе между „безжизненною“ и „живою“ природою принципиально не отличается отъ различія между электричествомъ и золотомъ, и это предположеніе съ логическихъ точекъ зрѣнія можетъ быть оправдано лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что, если бы оно было ошибочно, совершенно общей теоріи физическаго міра нельзя было-бы установить даже въ качествѣ идеала. Если мы вообще намѣрены стремиться къ тому, чтобы подвести всё тѣла подъ единую систему понятій, то мы должны допустить, что не только электричество и золото, но и процессы въ организмахъ можно мыслить себѣ какъ особые виды движенія „послѣднихъ“ вещей.

Почему же нельзя было бы сдѣлать это предположеніе? Повидимому, допущеніе принципиальной одинаковости физико-химическихъ и органическихъ процессовъ вызываетъ наиболѣе рѣзкія возраженія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сторонники механическаго пониманія природы утверждаютъ, что можно безъ остатка разрѣшить въ химическіе и физическіе процессы и процессы въ живомъ тѣлѣ, въ томъ видѣ, какъ они даны намъ, какъ эмпирическая дѣйствительность¹⁾.

Однако, именно по нашей теоріи это вовсе не необходимо для того, чтобы можно было характеризовать органическое какъ относительно историческое, такъ какъ и химическій міръ какъ эмпирическая дѣйствительность, есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что физика можетъ вводить въ свои понятія, а равнымъ образомъ и физическій міръ какъ эмпирическая дѣйствительность есть нѣчто иное, чѣмъ движеніе атомовъ. Конечно, органическое, въ своемъ воззрительномъ своеобразіи,

¹⁾ «Витализмъ» или «нео-витализмъ» правъ, коль скоро онъ утверждаетъ, что это невозможно. Желательно было-бы только, чтобы въ сочиненіяхъ виталистовъ вопросъ о механическомъ характерѣ живыхъ тѣлъ тщательно отличался отъ вопросовъ объ одушевленіи тѣлъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого не бываетъ, какъ напр. у Bunge (Vitalismus und Mechanismus) и Rindfleisch'a («Neo-Vitalismus»), оказывается невозможною даже и правильная постановка проблемы.

зні, какъ оно воззрительно дано, не входитъ ни въ какое понятіе, такъ какъ все индивидуальное и воззрительное полагаетъ предѣлъ естественно-научному образованію понятій. Но—и въ этомъ то въ данномъ случаѣ и состоитъ суть дѣла—нѣтъ надобности, чтобы оно въ этомъ отношеніи еще спеціально отличалось отъ иныхъ видовъ дѣйствительности, отъ физическаго въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и отъ химическаго¹⁾.

Вѣдь въ естествознаніи мы всюду предполагаемъ, что изъ извѣстныхъ вещей образуются иныя новыя вещи, воззрительная дѣйствительность которыхъ принципиально отлична отъ той, изъ которой онѣ возникли. Итакъ, если мы не останавливаемся предъ тѣмъ, чтобы мыслить свѣтъ какъ движеніе эфира, хотя мы должны совершенно отдѣлять его эмпирическую дѣйствительность отъ эфира, нѣтъ и никакого основанія, которое препятствуетъ намъ*) мыслить органическое, хотя мы никогда не можемъ приравнивать его въ его эмпирической дѣйствительности къ физически-химическимъ процессамъ, тѣмъ не менѣе возникшимъ изъ нихъ. Разъ мы дѣлаемъ это, мы въ правѣ и говорить объ органическомъ, какъ объ историческомъ высшаго порядка по сравненію съ физическими и химическими процессами. Итакъ, ничто не препятствуетъ намъ разсматривать логическую структуру современной біологіи какъ особое обнаруженіе общаго принципа, болѣе или менѣе проходящаго чрезъ все естествознаніе.

До сихъ поръ изъ тѣхъ наукъ, которыя занимаютъ живыми существами, мы коснулись лишь описательной зоологіи и ботаники. Онѣ довольствуются подведеніемъ извѣстнаго имъ многообразія подъ систему эмпирически общихъ понятій и хотя предметомъ изложенія служить относительно историческое болѣе высокаго порядка, все-таки ихъ приемы вполне естественно-научны, какъ мы

¹⁾ Понятіе цѣлесообразности мы можемъ выяснитъ лишь въ связи съ логическими предпосылками историческихъ наукъ.

^{*)} Примѣчаніе переводчика. Подчеркнутыя слова отсутствуютъ въ подлинникѣ, но проф. Риккертъ былъ настолько любезенъ, что въ письмѣ отъ 19 $\frac{8}{11}$ 03 выразилъ мнѣ свое согласіе съ правильностью моей конъюктуры. Онъ пишетъ: „es sind dort einige Worte ausgefallen, die den Satz unverständlich machen und Sie haben das, was ich sagen wollte, richtig interpretiert. Der Satz muss heissen: so liegt auch kein Grund vor, der uns hindert, das Organische u. s. w.“ (курсивъ проф. Риккерта). А. Б.

раньше показали это. Онѣ достигаютъ этого благодаря тому, что онѣ не только игнорируютъ историческій характеръ живого вообще, но кромѣ того разсматриваютъ значительное число различныхъ формъ живыхъ существъ въ извѣстныхъ границахъ какъ навѣки стойкія и постоянныя, хотя эти „виды“ по сравненію съ общимъ понятіемъ о живомъ должны быть разсматриваемы какъ историческое еще болѣе высокаго порядка. Но, въ силу основаній, которыя мы можемъ предположить извѣстными, постоянство видовъ стало проблемой и уже благодаря этому историческая точка зрѣнія, а именно вопросъ о „происхожденіи видовъ“ выдвинулась на первый планъ въ біологіи. Отсюда не далеко было и до того, чтобы въ связи съ этимъ обратить вниманіе и на историческій характеръ живого вообще, и въ самомъ дѣлѣ теперь въ біологіи стало общепринятымъ разсматривать міръ живыхъ существъ какъ однократный историческій процессъ, имѣвшій свое начало въ опредѣленный моментъ въ исторіи развитія земли и вѣроятно долженствующій когда либо имѣть конецъ. Поэтому стараются и изучить исторію этого процесса.

Интересъ къ этому рода трактованію долженъ быть болѣе значительнымъ, что при этомъ дѣло повидимому идетъ о процессѣ развитія, который отъ примитивнѣйшихъ стадій органической жизни постепенно приводитъ къ человѣку. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ впоследствии, даже имѣетъ совершенно принципиальное значеніе для историческаго характера біологіи ¹⁾. Однако здѣсь дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы указать на тотъ фактъ, что изложеніе „родословнаго дерева организмовъ“, „происхожденія человѣка“ и т. п. стало существенной задачей біологіи. Какую роль уже нѣсколько

¹⁾ А именно имъ обуславливается то, что иное біологическое трактованіе «исторіи развитія» должно быть причисляемо къ историческимъ дисциплинамъ еще и въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ напр. историческое трактованіе въ химіи. Мы сможемъ указать то, на чемъ это основывается лишь коль скоро мы точно опредѣлимъ и отчетливо отграничимъ другъ отъ другъ тѣ понятія временной послѣдовательности развитія и прогресса, которыя нынѣ нерѣдко смѣшиваются другъ съ другомъ. Мы не касаемся вопроса о томъ, насколько естественное въ правѣ, имѣя въ виду нѣчто большее чѣмъ простую преемственность явленій, говорить о развитіи или даже о прогрессѣ и употребляемъ здѣсь слово «развитіе» въ томъ довольно неопредѣленномъ смыслѣ, въ которомъ оно нынѣ обыкновенно употребляется въ сочиненіяхъ по естествознанію и философіи природы.

десятилѣтій играютъ эти изложенія въ біологіи настолько извѣстно, что намъ нѣтъ надобности подробнѣе останавливаться на этомъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что они не естественно-научны въ нашемъ смыслѣ. Скорѣе такую книгу, какъ „*Natürliche Schöpfungsgeschichte*“ Геккеля, упоминая наиболѣе извѣстный примѣръ, слѣдуетъ, согласно сдѣланнымъ нами до сихъ поръ опредѣленіямъ понятій, отчасти отнести къ историческимъ наукамъ въ наиболѣе общемъ значеніи слова, хотя ея предметомъ въ существенномъ служить лишь нѣчто относительно историческое.

Но съ другой стороны въ біологіи равнымъ образомъ оказывается и въ нашемъ смыслѣ естественно-научная сторона. И тамъ, гдѣ перестали слѣдовать естественно-научно-описательному методу, не ограничиваются изложеніемъ исторіи живыхъ существъ, но стараются открыть законы, которымъ подчинена жизнь организмовъ или по крайней мѣрѣ образовать понятія, которыя должны имѣть силу тамъ, гдѣ вообще оказываются на лицо организмы. Въ такомъ случаѣ приходится отвѣчаться если не отъ историческаго характера различныхъ видовъ, то все же отъ историческаго характера живого вообще. Тенденція науки можетъ напр. клониться къ тому, чтобы сводить множество безпрестанно измѣняющихся формъ на процессы, которые, какъ органическіе процессы, хотя съ точки зрѣнія общей теоріи тѣлеснаго міра и должны всегда оставаться чѣмъ то относительно-историческимъ, но по сравненію съ безпрестанно измѣняющимися формами единичныхъ организмовъ должны быть разсматриваемы какъ нѣчто прочное и непреходящее. Тогда дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ въ физикѣ или въ химіи. Біологія ищетъ природы въ предѣлахъ историческаго, чтобы, какъ біологія, стать естественной наукой въ томъ смыслѣ, въ какомъ упомянутыя науки суть естественныя науки.

Этотъ логическій принципъ находитъ свое отчетливое выраженіе въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Вейсмана. Его ученіе о непрерывности зародышевой плазмы должно быть разсматриваемо не только какъ теорія, въ которой естественно-научно трактуется нѣчто относительно-историческое, но въ которой прямо таки выражена возможность двоякаго способа разсмотрѣнія. Поэтому на этой теоріи мы можемъ показать, что въ нашихъ соображеніяхъ дѣло идетъ не только о логическомъ построеніи.

Для Вейсмана зародышевая плазма есть „безсмертная часть“ ¹⁾ организма, но онъ тщательно отграничиваетъ понятіе „безсмертія“ отъ понятія „вѣчности“ и ставитъ на видъ, „что земныя формы жизни имѣли начало“. Безсмертіе есть „чисто біологическое понятіе и его надлежитъ отграничивать отъ вѣчности мертвой, т. е. неорганической природы“. Изъ объектовъ естествознанія ничто не вѣчно кромѣ самыхъ маленькихъ частицъ матеріи и ея силъ ²⁾.

Тотъ логическій принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, быть можетъ еще отчетливѣе чѣмъ въ этомъ изслѣдованіи, находитъ свое выраженіе въ одномъ прежнемъ сочиненіи Вейсмана, касающемся не спеціально зародышевой плазмы, но жизни клѣточекъ. Тамъ эта жизнь характеризуется, какъ „вѣчная“, но въ заключеніе Вейсманъ прибавляетъ характерныя положенія: „я неоднократно говорилъ о вѣчности съ одной стороны одноклѣточныхъ организмовъ, съ другой стороны воспроизводительныхъ клѣточекъ. Этимъ я желалъ охарактеризовать прежде всего лишь продолжительность жизни, кажущуюся безконечною нашему человѣческому взору. Этимъ не имѣлось въ виду предвосхищать разрѣшенія вопроса о теллурическомъ или космическомъ происхожденіи земной жизни. А очевидно, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣло-бы то, слѣдуетъ-ли намъ разсматривать способность упомянутыхъ клѣточекъ къ размноженію какъ дѣйствительно вѣчную или лишь какъ чрезвычайно долго длящуюся, такъ какъ лишь то, что не имѣетъ начала, можетъ и должно также не имѣть и конца“ ³⁾. Затѣмъ Вейсманъ даже прямо заявляетъ, что для него „первичное зарожденіе, несмотря на неудачу всѣхъ попытокъ доказать его, все еще представляетъ собой логическій постулатъ. Для меня органическое какъ вѣчная субстанція наряду съ неорганическимъ, какъ равнымъ образомъ вѣчной субстанціей, — немислимое представленіе и притомъ потому, что органическое безпрестанно безъ остатка разрѣшается въ неорганическое... Отсюда вытекало бы, что органическое должно было нѣкогда возникнуть“.

¹⁾ См. „Die Kontinuität des Keimplasmas als Grundlage einer Theorie der Vererbung“. Въ статьяхъ Вейсмана о наследственности и сродныхъ біологическихъ вопросахъ. S. 248.

²⁾ „Bemerkungen zu einigen Tagesproblemen“ ebenda. S. 643 f.

³⁾ „Ueber die Dauer des Lebens“, а. а. О. S. 40.

Итакъ, по мнѣнію Вейсмана, который самъ въ предѣлахъ біологическаго изслѣдованія безъ колебанія говоритъ о „вѣчности“ жизни, съ болѣе общихъ точекъ зрѣнія надлежитъ отрицать въ собственномъ смыслѣ этого слова вѣчную продолжительность существованія органическаго и приписывать ему лишь чрезвычайно долго длящееся существованіе ¹⁾. Мы констатируемъ въ данномъ случаѣ именно то, что мы попытались показать. Наряду съ полнымъ пониманіемъ того, что данному понятію въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ ничего такого, что оказывается на лицо во всѣ времена, въ спеціальной наукѣ, все же игнорируется вопросъ объ историческомъ происхожденіи соотвѣтственныхъ объектовъ и для того, чтобы было возможно установить для біологическихъ процессовъ общую естественно-научную теорію, историческое разсматривается какъ „безсмертное“ или „вѣчное“. Оно, какъ мы можемъ также сказать, есть безсмертно, поскольку дѣло идетъ о нѣкоторой особой части дѣйствительности, или оно есть вѣчно одинаковая природа» въ предѣлахъ нѣкотораго историческаго процесса.

Мы не прослѣживаемъ далѣе логическаго раздѣленія наукъ о тѣлесномъ мірѣ съ этой точки зрѣнія, такъ какъ въ нашъ планъ не входитъ построеніе полной системы. Мы имѣли въ виду лишь выяснить нѣкоторыми примѣрами, какое значеніе имѣютъ историческія составныя части въ предѣлахъ естественныхъ наукъ и насколько противоположность между наукою, имѣющею дѣло съ понятіями и наукою, имѣющею дѣло съ дѣйствительностью, должна быть ограничена и ослаблена при ея примѣненіи въ ученіи о методѣ. Само собою разумѣется, что наряду съ общей біологіей могутъ существовать еще спеціальныя дисциплины, старающіяся изслѣдовать природу историческаго все болѣе и болѣе высокаго порядка. Конечно, и въ мірѣ безжизненныхъ тѣлъ возможно сдѣлать предметомъ изслѣдованія относительно историческое высшаго порядка, чѣмъ тотъ, который свойствененъ химическимъ процессамъ вообще. Какъ на примѣръ можно указать хотя бы на геологію ²⁾. Далѣе совер-

¹⁾ А. а. О. S. 41.

²⁾ Если мы прежде говорили объ относительно историческомъ второго и третьяго порядковъ, то эти члн сл а, конечно, отнюдь не имѣютъ абсолютнаго значенія, но должны лишь выражать то, что одно историческое оказывается историческимъ болѣе или менѣе высокаго порядка, чѣмъ другое. Лишь въ исполнѣ разработанной съ этой точки зрѣнія въ

шенно особый интерес представляет астрономія, которая вѣдь въ известномъ отношеніи, а именно поскольку она имѣетъ дѣло съ единичными небесными тѣлами, разсматриваетъ индивидуумы въ строгомъ смыслѣ, слѣдовательно нѣчто абсолютно историческое, и все же опять таки стоитъ ближе къ «последней» естественной наукѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ она отвлекается отъ всего качественного многообразія міровыхъ тѣлъ. Она можетъ дѣлать это, такъ какъ тѣ качества, которыя не допускаютъ математическаго трактованія, не оказываютъ никакого существеннаго вліянія на движенія звѣздъ, которыя изслѣдователь старается вычислить. Впрочемъ, вслѣдствіе ея въ известномъ отношеніи весьма историческаго характера, намъ еще разъ придется коснуться астрономіи при изслѣдованіи о логическихъ основаніяхъ историческихъ наукъ въ связи съ понятіемъ развитія.

Теперь мы прежде всего оставляемъ науки о тѣлахъ, чтобы примѣнить результатъ, полученный пока намѣренно лишь по отношенію къ нимъ, и къ научному изложенію духовныхъ процессовъ. При этомъ для логики не получится ничего принципиально новаго и поэтому мы можемъ ограничиться немногими замѣчаніями.

Конечно, абсолютно не историческая психологическая дисциплина, понятія которой не заключали бы уже въ себѣ ничего изъ данной въ опытѣ душевной жизни, можетъ служить идеаломъ, къ которому должна приближаться наука, лишь при предположеніи возможности подведенія всей душевной жизни подъ единое понятіе. Но если, напр., какая либо теорія требуетъ отъ насъ, чтобы мы мыслили всю душевную жизнь состоящею изъ простыхъ ощущеній, понятія представленія, воли, чувствованія по сравненію съ абсолютно общимъ понятіемъ еще содержать въ себѣ историческіе элементы. Мыслимо было-бы, что когда либо еще не существовало представленій, волевыхъ актовъ или чувствованій, и тогда можно было бы поставить вопросъ объ ихъ исторіи ¹⁾. Однако, съ другой

деталей системъ естественныхъ наукъ можно было бы обозначить различныя области изслѣдованія посредствомъ чиселъ и благодаря этому указать ихъ положеніе въ системѣ. Но и тогда возникновеніе какой-либо новой спеціальной науки во всякое время могло бы измѣнить абсолютное значеніе чиселъ.

¹⁾ Съ точки зрѣнія обнимающей собой всю дѣйствительность метафизики можно было-бы, пожалуй, поставить вопросъ и о возникновеніи

стороны и историческую точку зрѣнія можно вполне игнорировать, и психологія можетъ пытаться порознь подводить подъ систему понятій волевые процессы или представленія или какой либо иной родъ психическаго бытія. Однако мы не прослѣживаемъ дальнѣйшаго развитія этой мысли, такъ какъ все то, что мы прежде сказали о наукахъ о тѣлахъ, съ весьма несущественными измѣненіями примѣнимо и къ психологическимъ дисциплинамъ.

Мы отмѣчаемъ еще одну лишь изъ этихъ дисциплинъ. Само собой разумѣется, что и при научномъ трактованіи духовной жизни предметомъ спеціального естественно-научнаго изслѣдованія можно дѣлать историческое все болѣе и болѣе высокаго порядка, и изъ ряда объектовъ, о которыхъ шла рѣчь при этомъ, мы выбираемъ человѣческую духовную жизнь, какъ она складывается въ обществѣ. При этомъ дѣло идетъ объ особомъ психическомъ бытіи, которое несомнѣнно не всегда существовало, но постепенно возникло, при чемъ изъ самаго общаго понятія о немъ вытекаетъ необходимость разсматривать его какъ нѣчто относительно историческое довольно высокаго порядка. Его историческое трактованіе не только логически возможно, но эта духовная жизнь признается подлиннымъ объектомъ той науки, которую называютъ исторіей въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Но именно поэтому мы должны поставить на видъ, что вполне возможно пытаться построить и систему понятій, въ которой находили бы выраженіе природа общественной жизни, т. е. общее ея различнымъ формамъ и, если возможно, ея законы.

Попытки этого рода характеризуютъ какъ „соціологію“. Хотя эта, не могущая особенно похвалиться своимъ наименованіемъ наука, не можетъ особенно похвалиться и до сихъ поръ достигнутыми ею результатами, однако съ логическихъ точекъ зрѣнія не приходится возражать противъ естественно-научнаго трактованія обществен-

психическихъ процессовъ вообще, а, слѣдовательно, и простыхъ ощущеній, но тогда возможно было бы поставить вопросъ также и о возникновеніи „последнихъ“ тѣлесныхъ вещей. Но не представляетъ интереса обстоятельнѣе останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи этой возможности. Вопросъ о возникновеніи психическаго изъ физическаго во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла въ естествознаніи не потому, что то и другое, какъ эмпирическія дѣйствительности, принципиально отличаются другъ отъ друга, а потому, что механическое понятіе физическаго не совмѣстимо съ понятіемъ психическаго.

ной действительности. Конечно можно сомневаться, возможно ли прийти в этой области до понятий законов, которым с некоторым вѣроятіемъ можно было бы приписать болѣе чѣмъ эмпирическую обязательность, такъ какъ вообще естественно-научное трактованіе будетъ имѣть тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ обширнѣе то понятіе, подъ которое подходит его матеріаль, и тѣмъ труднѣе будетъ дойти до понятий законовъ, чѣмъ болѣе высокаго порядка то историческое, которое намѣреваются естественно-научно трактовать. Но при такого рода соображеніяхъ дѣло всегда идетъ лишь о различіяхъ по степени, и естественно-научное трактованіе относительно историческаго болѣе высокаго порядка, каковымъ оказывается жизнь человѣческаго общества, уже потому никогда не бываетъ совершенно невозможно, что вѣдь всегда можно построить понятія, которыя по крайней мѣрѣ эмпирически имѣютъ силу всюду, гдѣ до сихъ поръ вообще оказывалась на лицо общественная жизнь.

Наконецъ мы должны даже еще прибавить, что человѣческое общество вообще вовсе не должно уже быть относительно-историческимъ наивысшаго порядка, допускающимъ естественно-научное трактованіе. Напротивъ того, точно такъ же какъ въ біологій, и въ предѣлахъ „соціологій“ могутъ существовать еще спеціальныя науки, стремящіяся къ тому, чтобы изобразить природу какихъ либо особыхъ процессовъ общественной жизни, напр. политики, экономической жизни, искусства, науки и т. д., т. е. пытаться подводить соответственные процессы подъ систему общихъ понятий. Вѣдь принципиально духовная жизнь нигдѣ не оказывается недопускающей естественно-научнаго трактованія и слѣдовательно никто не можетъ воспретить естествознанію изслѣдованіе объектовъ, съ которыми имѣетъ дѣло исторія въ обычномъ смыслѣ слова.

Тѣмъ не менѣе эти изображенія никогда не могутъ становиться на мѣсто исторіи. Мы намѣрены отчетливо выяснить, почему это такъ, и этимъ, по крайней мѣрѣ покаместъ, завершить наше изслѣдованіе объ отношеніи между природою и исторіей, поскольку это возможно безъ формулировки положительнаго понятія историческихъ наукъ.

IV.

Естествознаніе и историческая наука.

Ознакомившись съ историческими элементами въ естественныхъ

наукахъ, мы знаемъ, какому ограниченію должна подвергнуться наша первая формулировка противоположности естествознанія и исторіи, коль скоро требуется приложить чисто логически найденный принципъ къ фактически оказывающемуся на лицо научному изслѣдованію, но въ то же время становится ясно, что благодаря этому не можетъ стать проблематичнымъ принципиальное различіе между обоими методами. Правда относительно-историческое, даже и болѣе высокаго порядка, не исключаетъ естественно-научнаго трактованія, и примѣненіе историческаго изложенія не ограничено эмпирической действительностью, какъ она дана какъ воззрительное и индивидуальное бытіе въ единичномъ, такъ какъ даже нѣчто столь общее, какъ то, что обозначается словомъ „свѣтъ“, мыслимо какъ предметъ исторіи. Однако ряды мыслей, относящіяся съ одной стороны къ действительному временному теченію процессовъ, а съ другой стороны къ общимъ отношеніямъ, выражаемымъ въ понятіяхъ, всегда должны расходиться въ научномъ изложеніи если и не фактически, то все же по отношенію къ ихъ логической структурѣ.

Это обнаруживается во всѣхъ тѣхъ различныхъ областяхъ, въ которыхъ возможно или действительно имѣетъ мѣсто двойное трактованіе матеріала. Оставаясь сперва въ области наукъ о тѣлахъ, мы видѣли, что естественная наука о свѣтѣ существуетъ лишь коль скоро совѣмъ не обращаютъ вниманія на возникновеніе и на действительное наличное существованіе (Vorhandensein) свѣта. Понятія и законы могутъ, правда, быть открываемы лишь примѣнительно къ какому либо действительному свѣту, но разъ они открыты, они столь мало имѣютъ дѣла съ историческою действительностью свѣта, что ихъ обязательность совершенно независима отъ того, гдѣ и когда существуетъ свѣтъ, да и вообще существуетъ-ли гдѣ либо свѣтъ въ мірѣ. Естественно-научная теорія не въ состояніи рѣшительно ничего сообщить намъ объ исторіи свѣта. Точно такъ же обстоитъ дѣло въ химіи и не иначе оно можетъ обстоять и въ біологій. При этомъ мы конечно не отрицаемъ, что въ химіи и еще болѣе въ біологій историческія положенія часто оказываются столь тѣсно связанными съ естественно-научными, что иногда трудно обособить обѣ составныя части. Съ изложеніемъ действительнаго однократнаго развитія тѣсно переплетается изложеніе законовъ, которымъ должно подчиняться всякое развитіе. Однако съ логическихъ точекъ зрѣнія разъ дѣло

идеть о пониманіи историческихъ наукъ оказывается необходимымъ разграниченіе, въ особенности для біологіи.

Итакъ выяснимъ себѣ, что логическая структура изложенія, которое, напримѣръ, сообщаетъ намъ, что первыми живыми существами были амёбы, что затѣмъ появились живыя существа стадіи *Moraea* („*Moraeiden*“), затѣмъ—живыя существа стадіи *Blastaea* („*Blasteaiden*“) ¹⁾ и т. д. принципиально отличается отъ логической структуры такихъ положеній, въ которыхъ намъ сообщается, что, напр., изъ чрезвычайно большого числа живыхъ существъ всегда могутъ сохраняться лишь тѣ, которыя наилучшимъ образомъ „приспособлены“ къ окружающей ихъ средѣ и что этимъ слѣдуетъ объяснять цѣлесообразность организмовъ. И такъ называемые „законы развитія“ рѣшительно ничего не говорятъ намъ о дѣйствительномъ развитіи. Мыслимо, что, хотя бы естественно-научная біологія вполнѣ познала всѣ законы, управляющіе жизнью организмовъ, ей тѣмъ не менѣе было бы извѣстно лишь очень небольшое относительно исторіи организмовъ. И наоборотъ, кто либо могъ бы знать однократное развитіе живыхъ существъ на нашей землѣ, причѣмъ это знаніе могло бы не сообщать ему ничего существеннаго о біологическихъ законахъ. Поэтому съ логическихъ точекъ зрѣнія мы должны дѣлать различіе между исторической и естественно-научной біологіей.

Мы можемъ даже сдѣлать еще шагъ дальше и сказать, что, быть можетъ, при этомъ разграниченіи [между естественно-научными и историческими составными частями въ біологіи играетъ роль не только логическій интересъ. Если прослѣдить новѣйшія біологическія тенденціи, то, повидимому, дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что все болѣе и болѣе проявляется направленіе, клонящееся къ тому, чтобы удалить изъ біологіи историческія изложенія. Эти тенденціи должны представляться совершенно правомѣрными, если біологія должна стать естественной наукой въ томъ смыслѣ, въ какомъ физика, а также и химія суть естественныя науки. При этомъ мы имѣемъ въ виду не попытку находить въ живыхъ тѣлахъ физическіе и хими-

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Дѣло идетъ о стадіяхъ филогенезиса. См. Haesckel. *Natürliche Schöpfungsgeschichte* S. 505. (XX). *Parallellismus der Ontogenese und Phylogenese*: стадіямъ филогенезиса: 1) *Cytataea*, 2) *Moraea*, 3) *Blastaea* какъ стадіи онтогенезиса соотвѣтствуютъ: 1) *Cytula*; 2) *Morula*; 3) *Blastula*.

ческие процессы. Мы имѣемъ въ виду и не возможность такого построения понятій, при которомъ все живое представляется особымъ родомъ физико-химическихъ процессовъ, такъ какъ, и построивъ эти понятія, изслѣдователь выходилъ бы за предѣлы біологіи и переходилъ бы въ область физики и химіи. Напротивъ того, говоря объ устраненіи историческаго элемента въ біологіи, мы имѣемъ въ виду не устраненіе біологическаго матеріала, представляющаго относительно историческій характеръ, но усилія, клонящіяся къ тому, чтобы удалить изъ біологіи историческій методъ и изучать лишь законы въ предѣлахъ органическаго міра.

Быть можетъ, такія зачастую употребляемая нынѣ выраженія, какъ, напр., „механика развитія“ и тому подобныя въ которыхъ называются эти тенденціи, неудачно выбраны, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло никогда не можетъ идти о механикѣ въ строгомъ смыслѣ ¹⁾, но мы понимаемъ, конечно, почему развитіе организмовъ какъ однократный историческій процессъ становится совершенно безразличнымъ для біолога и почему онъ смѣется надъ „галлерейми предковъ“, которыя, какъ онъ утверждаетъ, скучны, такъ какъ онѣ вѣдь не служатъ отвѣтомъ ни на какой вопросъ: „почему“ и не даютъ никакого объясненія ²⁾. Та рѣзкость, съ которой противъ Дарвина иногда полемизируютъ именно естествоиспытатели отчасти объясняется преобладаніемъ историческихъ точекъ зрѣнія, которыя еще болѣе чѣмъ у него самого можно констатировать у нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей, напр., у Геккеля. Конечно, въ этой полемикѣ съ одной стороны сказывается полное отсутствіе пониманія цѣнности историческаго, такъ какъ галереи предковъ не всегда скучны и происхожденіе человѣка во всякомъ случаѣ представляетъ научный интересъ. Однако, съ другой стороны нельзя отрицать, что часто повѣствованія о постепенномъ развитіи различныхъ формъ ни мало не могутъ способствовать тому, чтобы біологія сдѣлалась наукой, формулирующей законы и поэтому, конечно, представляется возможнымъ, что постепенно біологія историческая и біологія естественно-научная и фактически будутъ все болѣе и болѣе обособляться другъ отъ друга.

¹⁾ Ср. Roux. „Введение“ въ „*Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen*. (1894).

²⁾ См. H. Driesch. „*Die Biologie als selbstständige Grund-Wissenschaft*“ (1893). S. 29. f.

Но, какъ бы ни обстояло дѣло въ этомъ отношеніи, изъ этихъ соображеній во всякомъ случаѣ долженъ вытекать одинъ опредѣленный результатъ. Если исторіи рекомендуется естественно-научный методъ на томъ основаніи, что между нею и біологіей нѣтъ никакого существеннаго различія, то это равно ничего не означаетъ. Если дѣло идетъ о примѣненіи біологическаго метода, то надлежитъ сперва поставить вопросъ о томъ, имѣется-ли въ виду методъ естественно-научной или исторической біологіи. Первый методъ совершенно непригоденъ для исторіи. Противъ второго возможнаго утвержденія, гласящаго, что исторія должна быть разрабатываема согласно методу исторической біологіи, немного, конечно, можно принципиально возразить; однако о перенесеніи біологическихъ методовъ въ историческія науки не подобаетъ говорить потому, что болѣе точное изслѣдованіе обнаружило бы, конечно, что напротивъ того скорѣе историческіе методы были перенесены въ біологію. Мы еще увидимъ впоследствии, въ какой значительной степени это имѣло мѣсто.

Наконецъ, теперь нѣтъ надобности въ специальномъ обсужденіи того, что и въ психологическихъ дисциплинахъ, равнымъ образомъ какъ въ наукахъ о тѣлесномъ мірѣ, по крайней мѣрѣ, логически должно быть произведено отграниченіе естественно-научныхъ составныхъ частей отъ историческихъ, и мы намѣрены еще вкратцѣ специально указать лишь на то обстоятельство, что и логическая возможность „соціологіи“ какъ естественной науки нисколько не можетъ измѣнить установленной принципиальной противоположности между естествознаніемъ и исторіей.

Правда, логически мы ничего не можемъ возразить противъ естественно-научнаго трактованія жизни человѣчества, но въ тоже время мы должны отрицать способность этой науки сообщить намъ, что дѣйствительно происходило въ мірѣ. Если и общество есть нѣчто относительно-историческое высокаго порядка, то все же изъ той общественной жизни, которая интересуетъ историка, въ понятія „соціологіи“ входитъ тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе совершенною послѣдняя стала какъ естественная наука, т. е. чѣмъ общеобязательнѣе ея понятія. Итакъ, мы должны дѣлать точно такое же различіе между естественно-научнымъ и историческимъ трактованіемъ человѣческаго общества, какое мы дѣлали между естественно-научной и исторической біологіей. То обстоятельство, что и естествознаніе можетъ сдѣлать своимъ предметомъ общественную жизнь, не имѣетъ

ровно никакого значенія для метода историческихъ наукъ. Итакъ, сколь мало можемъ мы — по крайней мѣрѣ, съ чисто логическихъ точекъ зрѣнія — возразить противъ естественно-научной „соціологіи“, столь рѣшительно держимся мы убѣжденія въ невозможности естественно-научной исторіи: соціологія никогда не можетъ становиться на мѣсто исторіи. Поэтому противъ нея надлежитъ самымъ энергичнымъ образомъ бороться, коль скоро она заявляетъ притязаніе на то, что она есть единственная наука объ общественной жизни людей или даже историческая наука ¹⁾.

Наконецъ, мы должны разсмотрѣть еще одно только возраженіе. Такъ какъ и относительно-историческое высокаго порядка не исключаетъ естественно-научнаго трактованія, то является вопросъ, не можетъ ли и существующій у насъ интересъ къ самой дѣйствительности быть удовлетворенъ наукой, разрабатываемой согласно естественно-научному методу. Правильность этого допущенія можно было бы основывать на томъ, что, если предметомъ изслѣдованія дѣлается историческое все болѣе и болѣе высокаго порядка, благодаря этому мы, съ помощью естествознанія все болѣе и болѣе приближаемся къ дѣйствительности. Однако, при всей правильности этого утвержденія, оно не можетъ ни измѣнить достигнутого нами до сихъ поръ результата, ни служить аргументомъ въ пользу естественно-научнаго трактованія исторіи.

Прежде всего, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, оказывается, что трактованіе согласно естественно-научному методу допускаетъ лишь относительно историческое, но отнюдь не абсолютно-историческое высшаго порядка, т. е. дѣйствительность, какъ таковую, а это означаетъ, что никакое естественно-научное изслѣдованіе не можетъ удѣлять мѣсто единичнымъ историческимъ личностямъ. Мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи послѣднія не занимаютъ исключительнаго положенія, но что невозможность войти въ естественно-научную теорію есть черта, общая у нихъ съ каждою единичною вещью и съ каждымъ процессомъ эмпирической дѣйстви-

¹⁾ Итакъ, съ этой точки зрѣнія нельзя одобрить того, что неестественно-научныя дисциплины характеризуютъ тѣмъ, что ихъ объектомъ служитъ „общественно-историческая дѣйствительность“ и говорятъ объ исторически-общественныхъ наукахъ, какъ это дѣлаетъ Дилтей въ своемъ „введеніи въ историческія науки“. Логически общественная наука и историческая наука могутъ совершенно не совпадать другъ съ другомъ.

тельности: понятно вѣдь лишь то, что можно сравнить съ чѣмъ либо другимъ и оно понятно лишь постольку, поскольку оно одинаково съ другимъ. Непонятенъ поэтому свѣтъ въ томъ, что обособляетъ его отъ звука, непонятна органическая жизнь въ томъ, что обособляетъ ее отъ безжизненнаго тѣлеснаго міра, и столь же непонятна всякая единичная личность въ томъ, что отличаетъ ее отъ другихъ личностей. Но, между тѣмъ какъ о свѣтѣ и объ организмахъ существуетъ естественная наука, такъ какъ они вѣдь представляютъ собой нѣчто лишь относительно историческое, а поэтому въ предѣлахъ историческаго можно изслѣдовать и природу того, что подчинено понятіямъ,—объ индивидуумахъ не существуетъ никакой естественной науки, такъ какъ подъ нихъ не можетъ быть подведено ничто частное, по сравненію съ которымъ ихъ слѣдовало бы еще разсматривать какъ общее понятіе или какъ „природу“.

Однако, и признавая это, быть можетъ, будутъ держаться того мнѣнія, что этимъ немного доказано, ибо единичныя личности имѣютъ мало значенія для исторіи. Впослѣдствіи намъ придется вернуться къ этому вопросу. Здѣсь мы готовы временно допустить, что идеаль исторической науки можетъ состоять въ стремленіи достигнуть такого изложенія, въ которомъ уже нѣтъ рѣчи объ единичныхъ личностяхъ, или по крайней мѣрѣ идетъ рѣчь лишь о томъ, что общаго имѣютъ эти личности съ другими или даже съ массой. Развѣ тогда устранялось бы то, что препятствуетъ удовлетворенію нашего интереса къ дѣйствительности естественно-научнымъ трактованіемъ человѣческой жизни?

Мы дѣлали прежде различіе между индивидуумами, носящими лишь нарицательныя имена, и такими индивидуумами, которые носятъ собственные имена. Для насъ подведеніе индивидуумовъ, носящихъ нарицательныя имена, подъ общія понятія настолько само собой разумѣется, что мы едва замѣчаемъ его и даже почти всегда превращаемъ въ понятіе то, что имѣетъ лишь нарицательное имя. Напротивъ того, по отношенію къ индивидуумамъ, носящимъ собственные имена, мы не можемъ дѣлать этого, такъ какъ благодаря этому они утрачиваютъ свои собственные имена. На первыхъ порахъ въ этомъ можно видѣть лишь нѣчто внѣшнее, но здѣсь этого достаточно для того, чтобы показать, что, хотя бы даже наука о человѣческой жизни пожелала игнорировать индивидуумы въ строгомъ смыслѣ слова, одного этого еще не было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать

возможнымъ естественно научное трактованіе ея предмета. Вѣдь не только абсолютно историческое, но и нѣкоторое изъ того, что, повидимому, представляетъ собой лишь нѣчто относительно историческое, все же обладаетъ собственнымъ именемъ, поскольку его имя не тождественно съ наименованіемъ естественно научнаго понятія, подъ которое подходили бы обозначаемые имъ объекты. Или развѣ естественно-научное понятіе обо всѣхъ вещахъ и процессахъ, обозначаемыхъ нами выраженіями „греческое“ или „нѣмецкое“, пригодно въ изложеніи греческой или нѣмецкой исторіи, которое могло-бы удовлетворить нашъ интересъ къ тому, что у этихъ народовъ есть особеннаго и индивидуальнаго?

Конечно, намъ приходится дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ естественно-научное понятіе о нѣмцахъ могло бы заключать въ себѣ лишь то, что есть общаго у всѣхъ нѣмцевъ и, если бы это понятіе было построено, то оно было бы довольно неинтересно и врядъ-ли отличалось-бы отъ естественно-научнаго понятія о французѣ или, быть можетъ, и объ европейцѣ. Итакъ, разумѣемъ-ли мы подъ греческимъ или нѣмецкимъ то, что мы находимъ у всѣхъ грековъ или нѣмцевъ? Врядъ-ли кто либо будетъ склоненъ дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Устанавливать „природу“ нѣмца въ томъ смыслѣ, въ какомъ оптика изслѣдуетъ природу свѣта, значило-бы игнорировать то, что мы имѣемъ въ виду выразить словомъ „нѣмецкое“. И греки или нѣмцы столь же мало допускаютъ естественно-научное трактованіе, какъ и единичныя личности. Изъ естественно-научнаго изложенія исторіи вмѣстѣ съ собственными именами личностей должны были-бы исчезнуть и собственные имена народовъ и въ такомъ случаѣ нельзя уже будетъ утверждать, что такая наука еще была-бы въ состояніи удовлетворять тотъ интересъ, который существуетъ у насъ къ особенному и индивидуальному, встрѣчающемуся въ дѣйствительности.

Полное разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые напрашиваются здѣсь, можетъ быть дано лишь впослѣдствіи. Лишь одно мы видимъ уже теперь: понятіе объ относительно историческомъ и возможность естественно-научнаго трактованія относительно историческаго, отнюдь не устраняетъ потребности въ наукѣ, стоящей къ эмпирической дѣйствительности въ совершенно иномъ отношеніи, чѣмъ естествознаніе. Лишь анонимное можетъ становиться объектомъ есте-

ствознания, и относительно — историческое, носящее собственное имя, а пожалуй даже еще и нѣкоторое иное, какъ бы то ни было, не доступно ему. Итакъ, положеніе, гласящее, что всѣ эмпирическія науки должны держаться или естественно-научнаго или историческаго метода, не должно, правда, быть понимаемо въ томъ смыслѣ, будто существуютъ одна чисто естественно-научная группа наукъ и другая, чисто историческая группа наукъ, но это подраздѣленіе имѣетъ силу лишь въ томъ смыслѣ, что имъ имѣется въ виду охарактеризовать двѣ главныя тенденціи научной работы. Но въ этомъ отношеніи оно имѣетъ силу и абсолютно. Естественно-научнымъ мы будемъ называть всякое изслѣдованіе, стремящееся, въ предѣлахъ разрабатываемой имъ области какъ можно далѣе восходить къ общему, въ изслѣдованіи же историческомъ, эта тенденція отсутствуетъ. Хотя это опредѣленіе лишь отрицательно, оно не лишено значенія для выясненія историческаго метода въ противоположность методу естественныхъ наукъ.

Лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи обнаружится, насколько исторія должна вникать въ частное. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что тамъ, гдѣ естественно-научное образованіе понятій находитъ свой предѣлъ, въ большинствѣ случаевъ лишь начинается историческій интересъ. Такимъ образомъ оба эти рода наукъ взаимно дополняютъ другъ друга и въ то же время ими обнимаются всѣ тѣ научныя задачи, которыя ставитъ намъ эмпирическая дѣйствительность. Итакъ, раздѣленіе согласно особенностямъ природы и духа оказывается и полнымъ и исчерпывающимъ постольку, поскольку эмпирическія науки могутъ разсматривать дѣйствительность или такимъ образомъ, что имѣется въ виду общее, или такимъ образомъ, что имѣется въ виду частное. О какомъ либо третьемъ родѣ эмпирически-научнаго трактованія даннаго намъ міра объектовъ мы не въ состояніи составить себѣ никакаго понятія.

Прежде чѣмъ покончить эти разсужденія относительно природы и исторіи, мы сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе. Такъ какъ мы довольно часто подчеркивали, что въ ученіи о методѣ слишкомъ мало вниманія обращаютъ на логическую противоположность между природой и исторіей и что большею частью на первый планъ выдвигается предметная противоположность между природою и духомъ, то мы въ концѣ концовъ хотимъ указать и на нѣкото-

рыхъ сочиненія новѣйшаго времени, которыя стремятся къ логическому раздѣленію наукъ, согласно установленному нами здѣсь принципу ¹⁾.

Въ небольшомъ трактатѣ о классификаціи наукъ Адрианъ Навилль ²⁾ различаетъ три группы: „histoire“, „théorématique“ и „sciences régulatives“. Последнюю группу мы можемъ здѣсь оставить въ сторонѣ, но тѣмъ важнѣе объ первыя. По мнѣнію Навилля, исторія состоитъ изъ наукъ о дѣйствительности, въ противоположность этому вторая группа обнимаетъ собой то, что мы назвали естествознаніемъ: науки о необходимыхъ условіяхъ возможнаго или науки, формулирующія законы. Конечно, съ этихъ точекъ зрѣнія получается раздѣленіе наукъ, весьма отличающееся отъ обычнаго. Къ исторіи, по мнѣнію Навилля, принадлежитъ, напр., и статистика, какъ выраженіе дѣйствительныхъ числовыхъ соотношеній, и въ качествѣ науки, формулирующей законы, ей соотвѣтствуетъ ариметика, имѣющая дѣло съ возможными числовыми соотношеніями. Къ исторіи же принадлежатъ, кромѣ тѣхъ наукъ, которыя обыкновенно причисляются къ ней, еще и геодезія, астрономія, геологія и даже ботаника и зоологія, такъ какъ онѣ трактуютъ о дѣйствительныхъ тѣлахъ, тогда какъ механика, физика, химія и біологія ищутъ законы и поэтому, вмѣстѣ съ психологіей и соціологіей, которыя равнымъ образомъ дѣлаютъ это, должны образовать иную группу наукъ.

¹⁾ Само собой разумѣется, что этимъ не имѣется въ виду исчерпать рядъ тѣхъ трудовъ, въ которыхъ встрѣчаются цѣнныя указанія, способствующія логическому отграниченію историческихъ дисциплинъ отъ естественныхъ наукъ. Я желалъ бы отмѣтить лишь тѣ сочиненія, которыя находятся въ особенно близкой связи съ выдвигаемыми здѣсь на первый планъ мыслями. Далѣе слѣдуетъ указать на чрезвычайно поучительныя разъясненія, данныя Зигвартомъ во второмъ изданіи его ученія о методѣ (Logik, Bd II, Aufl. 5559 ff.) относительно „объясненія въ области исторіи“, въ особенности же на „Einleitung in die Geisteswissenschaften“ Дилтея и на „Logik der Geisteswissenschaften“ Вундта (Logik, 2 Aufl, Bd II, 2 Abth), тѣмъ болѣе, что я въ нѣкоторыхъ пунктахъ долженъ былъ полемизировать противъ взглядовъ этихъ двухъ авторовъ.

²⁾ De la classification des sciences. Étude logique (Généve-Bâle. 1888). Это оригинальное сочиненіе, повидимому, осталось почти незамѣченнымъ въ Германіи.

Ясно, насколько радикально устранена здѣсь противоположность, обыкновенно устанавливаемая между науками о природѣ и науками о духѣ и насколько исключительно логическая точка зрѣнія становится руководящей при классификаціи. Несмотря на это мы не можемъ согласиться съ этимъ раздѣленіемъ во всѣхъ пунктахъ. Нельзя причислять къ исторіи и все то, что не устанавливаетъ законовъ, такъ какъ законъ есть высшая форма естественно-научнаго понятія и поэтому логически необходимо отводить классифицирующимъ наукамъ, какъ то ботаникѣ и зоологіи, мѣсто наряду съ науками, формулирующими законы. Съ исторіей онѣ имѣютъ менѣе общаго, чѣмъ „эволюціонистская“ („Entwicklungsgeschichtliche“) биологія. Навиллю недостаетъ понятія объ относительно-историческомъ и онъ принимаетъ въ соображеніе лишь полярныя крайности (dis äussersten Extreme). Это и привело его къ тому, что онъ не ограничиваетъ математики и чистой механики отъ физики и химии, хотя отношеніе къ дѣйствительности въ этихъ наукахъ вовсе не всюду одно и тоже. Но здѣсь насъ занимаетъ не столько подчеркиваніе разногласій, сколько констатированіе согласія.

Затѣмъ превосходныя замѣчанія относительно сущности историческихъ наукъ встрѣчаются въ одномъ сочиненіи Георга Зиммеля¹⁾. Въ этомъ сочиненіи также ясно выражается пониманіе того, что между наукой повѣствовательной и наукой, формулирующей законы, съ логической точки зрѣнія (logisch-begrifflich angesehen), существуетъ величайшее различіе, какое только можетъ существовать въ области знанія. „Итакъ, поскольку историческая наука, будучи наукою, занимающеюся единственно дѣйствительностью, должна описывать то, что дѣйствительно произошло, между нею и всякою наукою, формулирующею законы, обнаруживается самая рѣзкая противоположность, какую только можно представить себѣ“¹⁾.

Въ частностяхъ же мы не можемъ, правда, всюду согласиться и съ Зиммелемъ. Намъ кажется неудачнымъ, что и онъ еще исходитъ изъ психологическихъ предпосылокъ въ историческомъ изслѣдованіи, а кромѣ того противоположность между исторіей и наукой, формулирующей законы у него—обратно тому, какъ у Навилля, опять до такой степени ограничивается и ослабляется,

¹⁾ Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnistheoretische Studie. 1892.

²⁾ A. a. O. S. 43.

что она, повидимому, почти утрачиваетъ свое значеніе. Это отчасти находится въ связи съ взглядомъ Зиммеля на теорію познанія, которая, какъ онъ утверждаетъ, должна давать лишь „описаніе“ познанія, но отнюдь не устанавливать нормъ. Но, помимо этого, въ особенности вторая глава сочиненія Зиммеля, трактующая объ историческихъ законахъ“, должна быть признана въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ ученіе о методѣ историческихъ наукъ. Какъ ни противится Зиммель намѣренію устанавливать нормы для познанія, онъ, къ счастью будучи непоследователенъ, доставилъ цѣнное оружіе именно для борьбы противъ единовластія естественно-научнаго метода,—борьбы, которую, конечно, можно вести лишь благодаря установленію нормъ.

Наконецъ, самое лучшее изъ того, что было сказано о противоположности между естествознаніемъ и историческою наукою, какъ намъ кажется, принадлежитъ Виндельбанду. Уже его изложеніе философскихъ понятій и проблемъ въ ихъ развитіи отъ грековъ до настоящаго времени заканчивается противоположеніемъ природы и исторіи¹⁾ и недавно онъ сдѣлалъ эту тему предметомъ особаго изслѣдованія²⁾. Онъ хочетъ отказаться отъ обычнаго раздѣленія наукъ на естественныя науки и науки о духѣ, главнымъ образомъ потому, что невозможно отвести въ немъ мѣсто психологіи. Его должно замѣнить различіе между „науками, занимающимися событиями“ („Ereignisswissenschaften“) и „науками, формулирующими законы“ („Gesetzeswissenschaften“), причѣмъ методъ однихъ долженъ называться „идіографическимъ“, а методъ другихъ — „номотетичес-

¹⁾ См. Windelbaud. Geschichte der Philosophie (1892). S. 500 ff. (§ 45 стр. 599 etc. русскаго перевода Г. П. Рудина.

²⁾ Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburger Rectoratsrede. 1894. Имѣющій рѣшающее значеніе пунктъ принципиально уже настолько выясненъ въ этой рѣчи, что для того, кто дѣйствительно продумалъ развитія Виндельбандомъ мысли, нѣкоторыя части этого моего сочиненія могутъ показаться излишними. Если, несмотря на это, я не измѣнилъ, составленнаго уже за нѣсколько лѣтъ до того плана этого труда и послѣ появленія рѣчи Виндельбанда, то я руководился при этомъ между прочимъ тѣмъ соображеніемъ, что, вслѣдствіе обусловленнаго формою рѣчи мѣстами скорѣе намѣчающаго, чѣмъ проводящаго мысли изложенія Виндельбанда, быть можетъ, не всякому, который не задумывался уже самъ надъ этими вопросами, удалось постигнуть мысли, развиваемыя въ этой рѣчи, во всемъ ихъ значеніи.

кимъ». Выраженіе „наука, формулирующая законы“, конечно, адекватно постольку, поскольку высшій идеаль естествознанія состоитъ въ установленіи законовъ, но, строго говоря, оно слишкомъ узко, такъ какъ вѣдь „описательныя науки равнымъ образомъ должны быть противопологаемы идиографическимъ“. Что же касается термина „idiographisch“, то въ извѣстномъ отношеніи онъ, въ силу указанныхъ нами основаній, обозначаетъ лишь проблему, или по крайней мѣрѣ, выражаетъ сущность историческаго метода лишь съ одной стороны. Однако это не существенныя замѣчанія и кромѣ того Виндельбандъ еще подчеркнул, что, противопоставляя ~~мо~~мотетическія дисциплины идиографическимъ, онъ желалъ лишь обозначить полярныя, служащія для ориентированія, пункты, посредниѣ между которыми имѣетъ мѣсто методическая работа многочисленныхъ наукъ ¹⁾.

Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе соображеній, касающихся общей логической противоположности между природой и исторіей. Мы настолько выяснили предѣлы естественно-научнаго образованія понятій, насколько это необходимо для того, чтобы показать, въ чемъ не можетъ состоять логическая сущность историческихъ наукъ. Благодаря этому оказывается разрѣшенной первая изъ тѣхъ задачъ, которыя мы поставили себѣ во введеніи. Мы знаемъ, въ какихъ областяхъ образованіе естественно-научныхъ понятій имѣетъ смыслъ и въ какихъ областяхъ оно необходимо должно утрачивать этотъ смыслъ. По отношенію къ логическому введенію въ историческія науки можно также охарактеризовать вышеизложенное какъ отрицательную часть этого труда. Правда, мы уже знаемъ, какая наука способна пополнить тотъ пробѣлъ, который навсегда должно оставлять въ нашемъ знаніи естествознаніе. Но до сихъ поръ понятіе объ историческихъ наукахъ оказывалось лишь логической проблемой и, такъ какъ существенной задачей, которую ставитъ себѣ этотъ

¹⁾ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft. 1894. IV. 112. Можно было заранѣе предвидѣть, что мысли Виндельбанда вызовутъ противорѣчіе. Но если Людвигъ Штейнъ (Das Prinzip der Entwicklung in der Geistesgeschichte. Deutsche Rundschau, Juni 1895) пишетъ относительно понятія науки, занимающейся событиями: „Виндельбандъ упускаетъ изъ виду, (!), что и событія имѣютъ свои законы“, то это все же неожиданно и не можетъ быть оправдываемо даже сжатостью изложенія Виндельбанда.

трудъ, служить, какъ мы сказали во введеніи, выясненіе недостаточности чисто естественно-научнаго способа разсмотрѣнія міра, мы не можемъ остановиться на такомъ чисто проблематическомъ понятіи объ исторіи. Напротивъ того, беря за исходный пунктъ опредѣленіе границъ естественно-научнаго образованія понятій, мы должны изучить сущность самихъ историческихъ наукъ по крайней мѣрѣ въ ихъ основныхъ чертахъ для того, чтобы выяснилось все значеніе односторонности естественно-научнаго мышленія.

Пока мы знаемъ лишь то, что исторія начинается тамъ, гдѣ прекращается естествознаніе. Стоитъ ли заниматься этой работой, начинающейся на рубежѣ естественно-научнаго образованія понятій, стоитъ-ли труда эта наука, имѣющая дѣло съ самою дѣйствительностью? Лишь давъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы можемъ сказать, какое значеніе имѣетъ установленіе границъ естествознанія. Поэтому во второй положительной части этого труда мы попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ, поскольку это возможно съ логическихъ точекъ зрѣнія, т. е. мы намѣреваемся выяснитъ логическія основы и предпосылки научной исторіи. Такимъ образомъ къ изслѣдованію о границахъ естественно-научнаго образованія понятій примыкаетъ логическое введеніе въ историческія науки.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Историческое образование понятій.

„...μᾶλλον Ἕλληνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδείου τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας“.

Isocrates ¹⁾.

Для того, чтобы дать и положительное опредѣленіе понятія объ исторіи, съ которымъ мы до сихъ поръ ознакомились лишь какъ съ понятіемъ о научной задачѣ, мы должны сперва опять таки отнести различныя логическія проблемы, которыя оно содержитъ въ себѣ, къ одной главной проблемѣ. А эта проблема будетъ соответствовать той проблемѣ, которую мы выдвинули на первый планъ при выясненіи сущности естествознанія, т. е. и здѣсь, какъ мы уже замѣтили во введеніи, насъ занимаетъ не исканіе историческаго матеріала, но форма его изложенія. То образованіе, въ которомъ находятъ свое выраженіе предварительныя или окончательныя результаты естествознанія, мы назвали „понятіемъ“ и, соответственно этому, теперь мы намѣрены установить принципы историческаго образованія понятій. Закрывающееся въ этомъ обозначеніи расширеніе слово-

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Приводимое Риккертомъ мѣсто находится въ концѣ 13-го параграфа панегирика Исократы. Перевожу это мѣсто начиная съ послѣдней точки передъ приводимыми Риккертомъ словами: „Нашъ городъ (Аѣны) настолько превозшелъ всѣхъ остальныхъ людей въ отношеніи мышленія и краснорѣчія, что ученики его стали учителями другихъ и благодаря ему имя эллиновъ, повидимому, стало наименованіемъ уже не племени, а образа мыслей и эллинами называются скорѣе тѣ, которые причастны нашей культурѣ, нежели тѣ, которые имѣютъ общее съ нами происхожденіе“.

употребленія оправдываются тѣмъ, что новая проблема совершенно аналогична той, которая получилась при попыткѣ логически понять естествознаніе изъ размышленія о необозримомъ многообразіи бытія и побудила насъ ограничиться тамъ процессомъ образованія понятій.

Тогда разрѣшеніе проблемы расчленяется слѣдующимъ образомъ. Для того, чтобы ея логическое содержаніе обнаружилось въ возможно болѣе чистомъ видѣ, мы сперва опять таки отвлекаемся отъ всѣхъ предметныхъ особенностей матеріала историческихъ наукъ, при чемъ мы еще тщательнѣе, чѣмъ при изслѣдованіи естествознанія, должны отграничить предметное (den sachlichen) понятіе исторіи отъ логическаго и на первыхъ порахъ совершенно оставить первое въ сторонѣ. Поэтому мы беремъ за исходный пунктъ то, что оказывается границею всякаго естественно-научнаго образованія понятій, т. е. индивидуумъ въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова, въ которомъ оно обозначаетъ любую однократную и особливую дѣйствительность. Такъ какъ, во-первыхъ, не всѣ индивидуальныя дѣйствительности представляютъ собой предметъ исторіи, то намъ надлежитъ показать, какимъ образомъ для историческаго изложенія изъ необозримаго экстенсивнаго многообразія объектовъ выдѣляется особый родъ, который можетъ быть охарактеризованъ нами какъ „историческіе индивидуумы“ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Такъ какъ, во-вторыхъ, и эти историческія дѣйствительности не могутъ быть изображены во всемъ ихъ интенсивномъ многообразіи, то мы должны далѣе понять, какимъ образомъ изъ многообразія единичнаго индивидуума выдѣляется ограниченное число опредѣленій и объединяется въ понятіе, содержаніе котораго оказывается не общимъ, но индивидуальнымъ, и которое поэтому можетъ быть охарактеризовано какъ историческое понятіе.

Затѣмъ, вслѣдствіе этого новаго рода отличенія существенныхъ признаковъ отъ несущественныхъ, оказывается возможнымъ изображеніе особливаго и индивидуальнаго, стало быть историческаго въ логическомъ смыслѣ и при этомъ обнаружится, что образованіе понятій съ индивидуальнымъ содержаніемъ имѣетъ мѣсто лишь благодаря „отнесенію“ объектовъ къ цѣнностямъ, сущность котораго должна быть точно опредѣлена, и поскольку оно должно быть охарактеризовано какъ „телеологическое образованіе понятій“. Однако этотъ историко-телеологическій моментъ, само собою разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ лишь спорадически (nur hin

und wieder) встрѣчающеюся и часто оспариваемою историческою телеологіею, но дѣло можетъ идти лишь о чисто научномъ телеологическомъ принципѣ, который, правда, часто не замѣчается, но къ которому необходимо прибѣгаетъ всякій историкъ, какъ бы онъ ни противился всякой телеологіи, вслѣдствіе чего логика исторіи должна прежде всего выяснить его.

Пойти далѣе насъ заставляетъ то обстоятельство, что въ извѣстной намъ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчаются изолированные индивидуумы и что поэтому и всѣ объекты исторіи должны быть частями нѣкотораго болѣе обширнаго цѣлага, съ которымъ они находятся въ нѣкоторой связи. Итакъ, лишь выражая историческую связь, исторія можетъ стать наукой о дѣйствительныхъ процессахъ и въ особенности надлежитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что всякій индивидуальный объектъ каузально связанъ съ другими индивидуальными объектами. Но эти историческія каузальныя связи опять таки должны быть тщательно отличаемы отъ естественно-научныхъ отношеній каузальныхъ законовъ, такъ какъ установленіе каузальныхъ связей вовсе не совпадаетъ, какъ зачастую думаютъ, съ изслѣдованіемъ дѣйствительности какъ природы. Наконецъ въ понятіи развитія объединяются основные принципы историческаго изложенія. Однако и это обстоятельство равнымъ образомъ отнюдь не сближаетъ историческаго и естественно-научнаго методовъ другъ съ другомъ. Во-первыхъ, историческое развитіе состоитъ изъ однократныхъ и индивидуальныхъ процессовъ становленія (Werdegängen), а во-вторыхъ, и эти послѣдніе вслѣдствіе отнесенія ихъ къ нѣкоторой цѣнности содержатъ въ себѣ телеологическій моментъ. Это понятіе развитія чуждо въ логическомъ смыслѣ естественно-научнымъ изложеніямъ и, если оно, несмотря на это, нынѣ играетъ роль въ нѣкоторыхъ частяхъ науки о тѣлахъ, это вытекаетъ лишь изъ того, что и физическій міръ можетъ быть подводимъ и подводился подъ историческія точки зрѣнія.

Опредѣливъ посредствомъ понятія исторіи развитія наиболѣе общую логическую сущность всякаго изложенія, мы переходимъ къ тѣмъ ограниченіямъ, которыя должны быть сдѣланы, разъ наше понятіе должно прилагаться къ дѣйствительно оказывающейся на лицо исторической наукѣ, т. е. мы распространяемъ его, перенося его съ абсолютно историческаго, которое мы сперва исключительно разсматриваемъ, на относительно-историческое, и благодаря этому

мы ознакомляемся съ естественно-научными составными частями въ историческихъ наукахъ, которыя настолько же важны, какъ тѣ историческія составныя части, которыя содержатъ въ себѣ естественныя науки. Однако, несмотря на всѣ переходы и промежуточныя формы, продолжаетъ существовать принципиальная логическая противоположность между естествознаніемъ и историческою наукою. Пусть многія историческія понятія, пожалуй даже большинство ихъ, имѣютъ общее содержаніе постольку, поскольку онѣ обнимаютъ собою то, что есть общаго въ множествѣ индивидуальныхъ дѣйствительностей, однако въ исторической связи однократнаго ряда развитія это общее всегда имѣетъ значеніе лишь какъ нѣчто относительно частное и поэтому оно точно такъ же, какъ и абсолютно историческое и индивидуальное, должно полагать предѣлъ естествознанію.

Этимъ выясненіемъ заканчивается затѣмъ чисто логическій трудъ четвертой главы. Однако, разъ мы желаемъ понять не только сущность, но и значеніе и необходимость историческаго образованія понятій, мы должны наконецъ также знать и то, для какой же именно части дѣйствительности оказывается необходимымъ историческое изложеніе и эта необходимость можетъ основываться лишь на особыхъ, касающихся содержанія (inhaltlichen) опредѣленіяхъ извѣстныхъ предметовъ. Итакъ, мы должны поставить вопросъ о томъ, до какой степени существуетъ связь между содержаніемъ и формою историческихъ изложеній, а такимъ образомъ выработать и предметное понятіе исторіи. Прежде всего при этомъ приходится принять въ соображеніе то обстоятельство, что исторія фактически отнюдь не индифферентна (gleichgültig) къ оставленному сначала въ сторонѣ различію между тѣломъ и духомъ, но въ существенномъ имѣетъ дѣло съ духовными процессами и постольку могла бы быть охарактеризована и какъ наука о духѣ. Мы должны установить, вслѣдствіе чего это происходитъ, и оказываетъ-ли это обстоятельство существенное вліяніе и на историческій методъ. Однако при этомъ снова обнаружиться, что различіе между естествознаніемъ и наукой о духѣ никоимъ образомъ не можетъ быть признано имѣющимъ рѣшающее значеніе даже и тогда, когда дѣло идетъ о раздѣленіи эмпирическихъ наукъ на двѣ группы, содержаніе которыхъ различно. Напротивъ того, тѣ объекты, съ которыми имѣютъ дѣло историческія науки, должны быть, въ противоположность объектамъ

естествознанія, подведены подъ понятіе культуры, такъ какъ содержаніе тѣхъ цѣнностей, которыми руководится историческое образованіе понятій и въ то же время опредѣляется, что становится объектомъ исторіи, цѣликомъ заимствовано изъ культурной жизни. Конечно, и культура, какъ всякая дѣйствительность, можетъ быть подведена подъ естественно-научныя понятія, однако для нея только такого рода трактованіе никогда не оказывается достаточнымъ, но ея значеніе обнаруживается лишь при историческомъ изслѣдованіи. Поэтому именно историческія науки о культурѣ должны быть противопоставлены естественнымъ наукамъ какъ по отношенію къ методу, такъ и по отношенію къ ихъ содержанію, и онѣ подходятъ подъ предметное понятіе исторіи. Само собою разумѣется, что и это предметное понятіе еще остается формальнымъ, такъ какъ мы можемъ установить лишь формальное понятіе культуры.

По выясненіи этого возникаетъ еще новая проблема. Во всякомъ естественно-научномъ и историческомъ изложеніи мы составляемъ рядъ предпосылокъ, которыя должны имѣть силу, коль скоро притязаніе этихъ дисциплинъ на необходимость и общеобязательность должно оказываться правомѣрнымъ, и которыя должны быть охарактеризованы, какъ атрибуты научнаго образованія понятій. Эти предпосылки заключаются главнымъ образомъ съ одной стороны въ понятіи о законѣ природы и съ другой стороны въ понятіи цѣнности культуры, въ отношеніе къ которому приводится всякій историческій объектъ. Можно ставить вопросъ не только вообще объ обязательности этихъ предпосылокъ, но вслѣдствіе особаго характера, который онѣ имѣютъ въ исторической наукѣ, научная объективность историческаго изложенія по сравненію съ естествознаніемъ представится проблематической. Это опять таки дѣлаетъ проблематической цѣнность исторіи какъ науки и слѣдовательно для насъ возникаетъ такимъ образомъ задача, понять отношеніе между естествознаніемъ и исторіей и со стороны научной объективности ихъ выводовъ. Но это уже не находится въ связи съ обсужденіемъ чисто методологическихъ проблемъ. Поэтому лишь въ послѣдней главѣ проблемы философіи природы и философіи исторіи, къ которымъ насъ приводитъ обсужденіе вопроса объ объективности историческаго образованія понятій, будутъ разсматриваться отдѣльно отъ чисто методологическихъ проблемъ и этимъ закончится изложеніе хода нашихъ мыслей.

I.

Проблема историческаго образованія понятій.

Для того, чтобы прежде всего точно сформулировать нашу специальную методологическую проблему, оказывается необходимымъ обозрѣть и совокупность тѣхъ вопросовъ, которые ставятъ логикѣ историческая наука и затѣмъ отграничить то, что мы разумѣемъ подъ историческимъ образованіемъ понятій, отъ другихъ формъ историческаго мышленія. Согласно мнѣнію Дройзена въ методикѣ историческаго изслѣдованія четыре части, а именно эвристика, критика, истолкованіе и изложеніе ¹⁾ и Бернгеймъ также принимаетъ это раздѣленіе. Онъ объединяетъ „отдѣльныя основоположенія и операціи, которыя составляютъ прикладную методологію или методикѣ“, въ четыре различныя группы: ученіе объ источникахъ или [эвристику, которое обнимаетъ собраніе матеріала и принятіе его къ свѣдѣнію (Kenntnissnahme); критику, которая занимается разсмотрѣніемъ (Sichtung) и констатированіемъ фактическаго, пониманіе (Auffassung) ²⁾, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы познавать значеніе и связь фактовъ; и изложеніе (Darstellung), которое воспроизводитъ познанные въ ихъ связи факты, выражая ихъ соотвѣтствующимъ требованіямъ познанія образомъ (in erkennt-

¹⁾ См. I. G. Droysen. Grundriss der Historik 1875. Въ третьемъ изданіи, 1881, расположеніе частей нѣсколько измѣнено и «изложеніе» изъ «методики» перенесено въ «топику». Но по существу дѣла это ничего не измѣняетъ.

²⁾ Примѣчаніе переводчика. Бернгеймъ говоритъ, что пользуется выраженіемъ „Auffassung“ за отсутствіемъ болѣе подходящаго обозначенія и прибавляетъ, что французы употребляютъ въ этомъ смыслѣ выраженіе „Synthèse“ (Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie, III. Aufl. 5.194).

nissgemäßem Ausdruck) ¹⁾. Для обзора мы можем принять это разделение и должны только несколько точнее определить значение некоторых терминов.

Противоположность между материалом (Stoff) и рассмотрением по своему наиболее общему смыслу совпадает с противоположностью между материей и формой. Как материал науки, мы всюду рассматриваем эмпирическую действительность, которая, если дело идет, напр., о телесном мире, состоит из „множества“ вещей. Существует такая гносеологическая точка зрения, с которой эта действительность, представляющая собой лишь материал для специальных наук, может быть рассматриваема уже как оформленный материал, так что тогда, напр., множественность и „вещность“ („Dinghaftigkeit“) оказывались бы формами, привносимыми к материалу, доставляемому ощущениями, лишь „сознанием вообще“ („Bewusstsein überhaupt“) ²⁾ и эта гносеологическая противоположность материала и формы должна быть отличима от их методологической противоположности. Ведь для исследования, которое имеет в виду обнаружить формы, свойственные исторической науке (geschichtswissenschaftlichen Formen) в противоположность естественно-научным формам, может стать важным знать, как формы требуются для всякого понимания действительности, так как тогда эти формы оказываются общими естествознанию и истории. Конечно, граница должна быть проводима здесь не таким образом, чтобы мы ставили вопрос о систематических формах,

¹⁾ E. Bernheim: Lehrbuch der historischen Methode, 2 Aufl., 1894 s. 180 f. Так как я лишь в исключительных случаях специально останавливался на рассмотрении чужих взглядов, то я раз навсегда указываю на этот труд, который должен быть чрезвычайно ценным для всякого, занимающегося вопросами исторического метода. Примечание переводчика. См. также ряд статей Бернгейма в Zeitschrift für immanente Philosophie 1893 поставленных „Seschrictwissenschaft und Erkenntnisstheorie“.

²⁾ Примечание переводчика. Бернгейм (Zeitschr. f. immanente Philosophie III. Bd. Heft III. S. 262, 263 рекомендует желающим разобраться в этих вопросах „штудировать Шуппе“. Относительно тех недоразумений, которые продолжает вызывать понятие „Bewusstsein überhaupt“ см. в особенности разъяснения Шуппе в „Der Zusammenhang von Leib und Seele das Grundproblem der Psychologie. Wiesbaden. 1902. S. 25—26.“

но мы можем производить разграничение лишь для тех единичных случаев, к которым нас приведет исследование. Необходимо однако теперь же заранее указать на то обстоятельство, что, если мы в нижеследующем изложении без более обстоятельного определения говорим о формах понимания, то никогда не имеем в виду общия гносеологическая, но лишь специальные, или свойственные исторической науке, или естественно-научные формы, и поэтому с гносеологических точек зрения уже оформленный материал в методологическом исследовании может быть характеризовать, как материал вообще.

Однако и тогда выражение „материал“ исторической науки еще не однозначно. Ведь под ним можно разуметь как тот материал, который непосредственно дан историком и из которого последний черпает свое знание тех вещей и процессов, которые он желает изобразить, так и сами эти вещи и процессы, которые для учения о методах равным образом служат лишь материалом до тех пор, пока они не обработаны посредством специфически свойственных исторической науке форм. Поэтому мы характеризуем непосредственно данный материал, который сам не излагается исторически, как материал, представляемый источниками (Quellenmaterial); вещи же и процессы, которые желает изображать история, напротив того, как ее объекты Или, чтобы отметить противоположность форм, свойственной исторической науке, мы характеризуем их, как фактический материал, так что, когда речь идет об историческом материале в противоположность исторической форме, под ним никогда нельзя разуметь ни простого лишь источника, ни уже исторически рассмотренного или обработанного объекта, а лишь индивидуальную историческую действительность, как таковую.

Наконец, что касается терминологии, следует еще отметить, что слово „изложение“ (Darstellung) ¹⁾ мы употребляем для обозначения не только внешней формы сообщения но и „понимания“, разумя, следовательно, под ним то, что имеется в виду, когда идет речь о „значении“ и „связи“ фактов. Тогда, имея в виду

¹⁾ Примечание переводчика. В некоторых случаях контекст требовал передачи слова „Darstellung“ посредством слов „изображение“, „выражение“, „трактование“.

четыре вышеуказанные группы, мы можем формулировать нашу проблему таким образом, что дело идет не о двух первых группах, следовательно не об эвристике и критике, но о двух последних, т. е. о понимании и изложении. Мы в праве не касаться вопроса о том, каким образом из источников получается знание фактов или долженствующей быть изображенной действительности. Как ни интересно детально проследить технику собирания материалов и критики, все же различия, оказывающиеся здесь между методом естествознания и методом истории, не имеют и приблизительно столь принципиального значения, как те различия, которые обнаруживаются при понимании и изложении найденного материала. Ведь для отыскания и удостоверения фактов оказывается одинаковым образом желательным и правомырым всякий путь, прямой и обходный, раз только он приводит к цели и лишь тогда, когда одни науки рассматривают свой материал как природу, а другие как историю, возникают основные методологические различия. Лишь в дальнейшем изложении обнаружится, что надлежит точнее разуметь под „пониманием“ („Auffassung“) и в особенности под весьма многозначными выражениями „значение“ („Bedeutung“) и „связь“ („Zusammenhang“). Здесь достаточно указания на то, что наша проблема начинается с того пункта, когда дело доходит до постановки вопроса о том, каким образом открытые и критически проверенные факты претворяются в науку, или, если и в истории назвать научно оформленный и постольку „понятый“ материал понятием, с постановки вопроса о том, каким образом историк построит свои понятия из своего фактического материала. Лишь таким образом наша проблема будет соответствовать той, которая трактовалась при исследовании естествознания.

Но можно поставить вопрос и о том, имеет ли смысл даже и логически (begrifflich) только отграничивать друг от друга установление фактов и образование понятий в истории. Ведь, если мы обратимся к историческим трудам, историк, повидимому, часто излагает все то, что он узнал о своих объектах, а часто даже он знает о них меньше, чем ему хотелось бы знать, и тогда ему никогда не придет мысль о том, что ему следует еще упростить свой фактический материал процессом выбора. Развѣ он не выполнил своей работы, коль скоро из источников найдены и подвергнуты критике факты и развѣ изложение не есть лишь форма

сообщения, которая, пожалуй, требует умелости и вкуса, но не может быть признана в самом деле научной работой. И развѣ наиболее верным и наиболее правдивым научным изложением не будет то, которое прямо ограничится передачей критически рассмотренного материала и лишь повѣствует, „как на самом деле было“? Когда дело идет об естествознании, то правомырно поставить вопрос о том, что из необозримого обилия материала оно выбирает, как существенное, и усматривать центр тяжести его работы в правильном образовании им его понятий. Но исторические факты не необозримо многообразны и поэтому те проблемы, с которыми приходилось иметь дело естествознанию, повидимому не существуют для исторических наук.

В самом деле, простого указания на необозримое многообразие эмпирической действительности не достаточно для того, чтобы выяснить нашу проблему столь же отчетливо, как проблему естественно-научного образования понятий. Правда, мы могли бы сказать, что если не факты, то по крайней мере источники даны историку как интенсивно необозримым многообразиям и что, следовательно, он, как бы то ни было, нуждается в принципе выбора для того, чтобы отделить в них существенное от несущественного и быть в состоянии пользоваться ими для установления фактов. Но у нас еще не получалось бы благодаря этому такой постановки проблемы, чтобы можно было бы вполне провести параллель между нею и тем вопросом, который возникает для естественно-научного образования понятий, и с логических точек зрения это было бы недостатком. И то, каким образом факты даны истории, отличает ее от естествознания и поэтому мы должны стараться понять это различие, поскольку оно находится в связи с наиболее общей логической противоположностью между природою и историею.

Решающее значение при этом имеет следующая точка. То, в чем состоит „природа“ действительности и что должно знать естествознание для образования своих понятий, всегда оказывается у множества объектов и в особенности материал для открытия законов природы, имеющих силу не временно (zeitlos), окажется на лицо во многих местах. Напротив того, то особое и индивидуальное, которым интересуется история, поскольку речь идет об абсолютно исторических понятиях, имело место лишь один

разъ, и поэтому знаніе о немъ можетъ быть приобрѣтено лишь съ большимъ трудомъ, или же его совершенно невозможно приобрѣсти. Изъ этого слѣдуетъ, что для естественно научнаго трактованія какого-либо предмета матеріалъ можетъ полностью оказываться на лицо, тогда какъ для историческаго трактованія того же самаго предмета этотъ матеріалъ можетъ оказаться весьма неполнымъ.

Конечно, при этомъ дѣло идетъ не о такой противоположности, которая исключала-бы промежуточные звенья, но полнота матеріала въ различныхъ отрасляхъ естествознанія различно велика, и при томъ его неполнота будетъ возрастать приблизительно въ той же самой степени, въ которой умножаются относительно — историческіе элементы въ понятіяхъ. Если сперва имѣть въ виду опять таки лишь науки о тѣлахъ, то чистая механика, будучи абсолютно свободной отъ историческихъ элементовъ, вообще не нуждается ни въ какомъ иномъ матеріалѣ кромѣ возрѣній пространства и времени (*Anschauungen von Raum und Zeit*) и понятій массы и движенія или силы, для построенія которыхъ можетъ служить любой тѣлесный процессъ. Физика въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ ученіе о звукѣ, о теплѣ и т. д. уже не можетъ обходиться безъ спеціальнаго матеріала, но, какъ наука, все же еще имѣющая дѣло съ очень общими понятіями, она находитъ его почти всюду, или, по крайней мѣрѣ, можетъ доставать этотъ матеріалъ всюду, гдѣ въ ея распоряженіи оказываются соотвѣтствующіе аппараты, такъ какъ и вновь открываемые физическіе процессы, какъ напр. Рентгеновскіе лучи, можно дѣлать доступными воспріятію въ любомъ мѣстѣ и въ любое время, разъ стали извѣстными условія ихъ наблюденія. Напротивъ того, уже химикъ, трактующій относительно-историческое болѣе высокаго порядка, даже если онъ снабженъ всеми аппаратами, не вездѣ можетъ достать именно тотъ матеріалъ, который его интересуетъ, а въ біологическихъ наукахъ собираніе матеріала наталкивается уже на затрудненія. Такъ напр. эмбриологу часто приходится производить долгіе поиски, прежде чѣмъ онъ получаетъ ту или иную опредѣленную стадію въ развитіи организма, нужную ему для образованія полнаго общаго понятія о соотвѣтственномъ родѣ и такимъ образомъ при дальнѣйшей спецификаціи трудность собиранія матеріала можетъ становиться все болѣе и болѣе значительной.

Но съ другой стороны несмотря на эту относительность остается одно принципиальное различіе. И въ предѣлахъ наукъ о тѣлахъ,

матеріалъ которыхъ оказывается относительно историческимъ, мы должны всегда разграничивать естественно-научный и историческій методъ. Лишь въ такихъ наукахъ, какъ палеонтологія, приходится имѣть дѣло съ признаками такихъ вещей, которыя могутъ быть не доступны, такъ какъ онѣ существуютъ лишь въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, или же ихъ уже вообще не оказывается на лицо. Однако это лишь тогда оказываетъ имѣющее рѣшающее значеніе вліяніе на науки о тѣлахъ, когда онѣ ставятъ себѣ задачи, которыя, какъ мы показали, съ логическихъ точекъ зрѣнія относятся къ исторіи, и это различіе между естествознаніемъ и исторіей организмовъ столь мало основывается на логической конструкціи, что игнорированіе его можетъ даже приводить къ ошибочнымъ взглядамъ на цѣнность естественно-научныхъ теорій. Такъ, напр., методологически ошибочно требовать отъ теоріи происхожденія (*Descendenztheorie*) констатированія дѣйствительной наличности чуждаго пробѣловъ историческаго ряда живыхъ существъ со всеми промежуточными и переходными формами. Какъ естественно-научная теорія, она даетъ достаточно, коль скоро она можетъ показать, въ силу какихъ основаній вообще долженъ быть допускаемъ переходъ одного вида въ другой, и коль скоро образовала понятія, благодаря которымъ такіе переходы представляются гармонирующими съ прочими предположеніями относительно ноорганическихъ процессовъ. И, коль скоро переходъ одного вида въ другой былъ бы достовѣрно констатированъ хотя бы лишь на сравнительно незначительномъ количествѣ примѣровъ, указаніе чуждаго пробѣловъ историческаго ряда развивавшихся формъ въ принципѣ уже существенно не подкрѣпляло бы обязательность (*Geltung*) общей теоріи¹⁾. Разрѣшенію же

¹⁾ Этотъ взглядъ я нахожу даже у Геккеля, который въ иныхъ случаяхъ очень склоненъ преувеличивать значеніе исторической біологіи для естественно-научныхъ проблемъ. Онъ выразился недавно: „Вызывающее опасенія происхожденіе человѣка отъ обезьяны — этотъ важнѣйшій (!) выводъ современнаго ученія о развитіи — столь же достовѣренъ и ясенъ и помимо черепа и бедренной кости ископаемаго *Pithecantropus*’а, какъ и при ихъ наличности. Несравненно болѣе сильные аргументы сравнительной анатоміи и онтогеніи устанавливаютъ это, вызвавшее много споровъ, происхожденіе для всякаго компетентнаго и способнаго къ сужденію изслѣдователя гораздо яснѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать полный рядъ ископаемыхъ промежуточныхъ формъ между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами“. (*Aus Insulinde*.)

множества других проблем естественно-научной биологии, как напр. вопросов об унаследовании приобретенных свойств, о значении полового отбора и т. п. отнюдь не может способствовать знанию исторического развития. Всегда лишь для исторического разсмотрѣнія имѣетъ значеніе полнота однократнаго ряда развивавшихся формъ. Резюмируя это вкратцѣ, можно сказать, что то, что представляетъ собой исключеніе, когда дѣло идетъ объ естествознаніи, оказывается правиломъ, когда дѣло идетъ объ исторіи: историческаго очень часто оказывается утраченнымъ всякій слѣдъ, природы же, напротивъ того, почти никогда.

Не трудно показать, что и въ предѣлахъ придерживающейся приемовъ естествознанія психологіи неполнота матеріала возрастаетъ въ той же самой степени, въ какой убываетъ общность теорій. Для тѣхъ частей „индивидуальной психологіи“¹⁾, въ которыхъ имѣется въ виду изображать не то, что составляетъ специфическую особенность отдѣльныхъ индивидуумовъ, но лишь то, что оказывается налицо во всякой душевной жизни, психологъ обладаетъ полнымъ матеріаломъ во всегда доступной ему собственной душевной жизни. Необходимое сравненіе этого матеріала съ душевною жизнью другихъ людей имѣетъ цѣлью выдѣлить чисто индивидуальное, и поэтому можно прямо таки сказать, что и благодаря тѣмъ экспериментамъ, которые приходится производить въ интересахъ этого, къ матеріалу не прибавляется что либо принципиально новое, но напротивъ того, онъ такъ уменьшается, что для обработки при посредствѣ понятій остается лишь то, что оказывается общимъ всѣмъ индивидуумамъ. Если, напротивъ того, объектомъ становится что-либо относительно-историческое, какъ напр. свойственное лишь душевной жизни ребенка, то психологъ находится въ зависимости отъ особливаго матеріала, котораго, быть можетъ, въ иныхъ случаяхъ, нельзя тотчасъ достать. При этомъ мы конечно отвлекаемся отъ

Malayische Reisebriefe. Deutsche Rundschau. Februar, 1901). Въ тоже время въ этомъ заявленіи (implicite) заключается разграниченіе естественно-научной и исторической биологіи и именно потому, что у Геккеля отсутствуетъ ясное сознание этихъ различій, оно можетъ служить для подтвержденія нашихъ прежнихъ соображеній.

¹⁾ Очевидно, что это выраженіе, ставшее обычнымъ въ особенности въ противоположность „соціальной психологіи“, можетъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ. См. ниже отдѣлъ VII.

принципальной недоступности чужой душевной жизни и ограничиваемся лишь полнотою тѣхъ физическихъ (physischen) фактовъ, которые оказываются налицо для психологическаго толкованія. Все таки сравнительно легко найти дѣтей, которыхъ можно наблюдать и спрашивать. Напротивъ того, коль скоро требуется естественно-научно изслѣдовать художественную фантазію или безуміе цезарей, количество того матеріала, которымъ можно располагать для этого, окажется уже весьма незначительнымъ. Итакъ, получаются какъ разъ такія же самыя соотношенія, какъ при изложеніи тѣлеснаго міра, т. е. чѣмъ спеціальнѣе психологическія теоріи, тѣмъ менѣе оказывается для нихъ матеріала для познанія искомымъ фактовъ.

Однако съ другой стороны и когда дѣло идетъ о наиболѣе спеціальныхъ естественно-научно-психологическихъ теоріяхъ, въ принципѣ никогда не исключена полнота необходимаго для психологическаго толкованія матеріала, такъ какъ и мыслимо наиболѣе спеціальная теорія все же еще оказывается общою. Напр. теорія безумія цезарей ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ въ виду изобразить то, что свойственно лишь одной душевной жизни, напр. душевной жизни Нерона, какъ таковое, но единичная личность принимается ею въ расчетъ лишь какъ экземпляръ общаго понятія¹⁾. Неронъ не пред-

¹⁾ Правда, Мюнстербергъ, чтобы показать несостоятельность моихъ взглядовъ, говоритъ (Grundzüge der Psychologie, I, S. 113) о „спеціальномъ законѣ, который можетъ лишь одинъ разъ проявиться въ нашемъ опытѣ“. Однако понятіе такого закона заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе. Самый спеціальнѣйшій законъ все еще оказывается общимъ, т. е. обнимаемые имъ процессы могутъ повторяться какъ угодно часто. Конечно, психологъ, пользовавшійся при выработкѣ своей теоріи разсмотрѣніемъ „психоза Нерона“ утверждаетъ и практическое существованіе утилизированнаго имъ матеріала, но это экзистенціальное сужденіе есть молчаливая предпосылка, а не содержаніе его теоріи, и для правильности этой теоріи не имѣетъ никакого значенія обстоятельство, что въ данномъ случаѣ существовало нѣчто такое, что могло быть лишь одинъ разъ въ историческомъ прошломъ“. Въдѣ самъ Мюнстербергъ совершенно правильно говоритъ, что „было бы бессмысленно высказывать что либо, если бы оно не было дѣйствительнымъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ“ и это „по крайней мѣрѣ одинъ разъ“ противорѣчитъ именно словамъ „лишь одинъ разъ“. Возможно, конечно, и то, что въ исторической дѣйствительности извѣстенъ лишь одинъ экземпляръ общаго естественно-научнаго понятія, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что это понятіе можетъ имѣть силу лишь для одного случая. Хотя Мюнстербергъ такъ ясно, какъ

ставлялъ бы для нея никакого интереса, если бы его нельзя было разсматривать как экземпляръ рода. Лишь тогда, когда дѣло идетъ объ исторіи, изложеніе должно оставаться навсегда невозможнымъ въ томъ случаѣ, если совершенно утраченъ матеріалъ, необходимый для того, чтобы умозаключить о какомъ либо однократномъ психическомъ процессѣ. Такимъ образомъ то, что мы знаемъ о Неронѣ, правда, весьма неполно, но если его дополнить свѣдѣніями относительно другихъ индивидуумовъ, оно можетъ оказаться весьма цѣннымъ для естественно-научной теоріи безумія цезарей. Но для историческаго изображенія Нерона, которое имѣетъ дѣло не съ экземпляромъ рода, но съ индивидуумомъ, мы знаемъ слишкомъ мало, и такъ какъ принципиально невозможно пополнить пробѣлы этого историческаго знанія свѣдѣніями относительно другихъ индивидуумовъ, то мыслимо, что какой либо историкъ сочтетъ необходимымъ, совершенно отказаться отъ изображенія Нерона. Вслѣдствіе того обстоятельства, что душевная жизнь оказывается быстро преходящей, абсолютная историческая полнота психическаго матеріала, собственно говоря, можетъ существовать лишь когда дѣло идетъ объ автобіографіи или объ изображеніи людей, освѣдомляющихъ историка своими отвѣтами на любой вопросъ о любомъ фактѣ, да и при этомъ предполагается, конечно, никогда не оказывающаяся на лицо абсолютная вѣрность памяти. Что же касается всякой иной индивидуальной жизни, принадлежащей прошлому, то историку всегда могутъ становиться извѣстными лишь сравнительно незначительные

немногіе, понявъ, что естествознаніе даетъ лишь абстракціи, онъ все же не вполне еще отрѣшился весьма распространеннаго естественно-научнаго раціонализма. И онъ еще смѣшиваетъ понятіе и дѣйствительность. Какъ могъ бы онъ иначе (S. 38) отрицать, что „многообразіе отдѣльнаго воззрѣнія безконечно и слѣдовательно описаніе при посредствѣ понятій принципиально не въ состояніи справиться съ нимъ“ и утверждать, что „описаніе при посредствѣ понятій нигдѣ не оставляетъ воззрительнаго остатка, который самъ не можетъ быть въ свою очередь охарактеризованъ при посредствѣ понятій“. Стоитъ только на самомъ дѣлѣ попробовать описать мыслимо простѣйшій объектъ и „реконструировать“ его путемъ „связыванія понятій“ такимъ образомъ, чтобы „нигдѣ не оставалось никакого воззрительнаго остатка“,—тогда скоро станетъ несомнѣнной полная ирраціональность всего дѣйствительнаго. Нельзя только принимать то, что для насъ существуетъ именно въ какомъ либо объектѣ, за самый объектъ, какъ это дѣлаетъ раціонализмъ.

ея отрывки и поэтому существуетъ немного случаевъ, въ которыхъ ему не приходится прибѣгать къ проблематическимъ предположеніямъ, или же заранѣе отказываться отъ воспроизведенія значительныхъ частей своего предмета. Итакъ, здѣсь мы видимъ, какъ для исторіи возникаютъ трудности, невѣдомыя естествознанію. У того, кто изслѣдуетъ природу, въ большинствѣ случаевъ оказывается больше матеріала, чѣмъ ему нужно. Тотъ, кто желаетъ знать исторію, въ большинствѣ случаевъ, узнаетъ слишкомъ мало о ней, и это необходимо вытекаетъ изъ сущности исторіи, какъ науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью ¹⁾.

Если мы вернемся теперь къ нашей проблемѣ историческаго изложенія, то намъ станетъ понятно и то, какъ происходитъ, что исторія въ большинствѣ случаевъ не можетъ прямо узнавать, какъ естествознаніе, свои факты, но почти всегда должна лишь умозаключать къ нимъ отъ сохранившихся слѣдовъ и почему она въ силу этого имѣетъ предъ собой какъ необозримое многообразіе не фактической матеріалъ, а матеріалъ, представляемый источниками лишь въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. Тотъ предметъ, для котораго она образуетъ свои понятія, есть въ то же время и тотъ предметъ, на основаніи (a priori) котораго она можетъ образовывать ихъ. Обыкновенно объектъ наблюденія и объектъ историческаго изложенія, стало быть, источникъ и фактъ, не совпадаютъ. Благодаря этому можетъ возникнуть мнѣніе, согласно которому историкъ долженъ излагать о своихъ объектахъ все то, что только какимъ бы то ни было образомъ можетъ быть дознано, и въ такомъ случаѣ мы, повидимому, не имѣемъ никакого права хотя бы лишь въ понятіяхъ проводить различіе между историческимъ образованіемъ понятій и установленіемъ фактовъ.

Тѣмъ не менѣе такого рода право можетъ быть доказано. На

¹⁾ Этимъ обстоятельствомъ объясняется и то, что въ области историческаго изслѣдованія (in der Geschichtsforschung) существуютъ „вспомогательныя науки“, существенная задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы собирать матеріалъ и дѣлать его доступнымъ. Такого рода раздѣленіе труда вообще чуждо естествознанію. Конечно, оно, пожалуй, также можетъ когда либо возникнуть въ тѣхъ дисциплинахъ, которыя имѣютъ дѣло съ относительно-историческимъ болѣе высокаго порядка. Но пока въ области естествознанія въ большинствѣ случаевъ факты собираются лишь тѣмъ, кто научно излагаетъ ихъ.

первых порах, конечно, из неполноты исторического материала вытекает лишь новая трудность, повидимому дѣлающая совершенно проблематическимъ смыслъ всего нашего изслѣдованія. Вѣдь нельзя понять, почему, разъ источники и факты не совпадаютъ, для историка всегда должны оказываться на лицо источники для того, чтобы хотя бы и не вполне добыть именно тотъ фактической матеріалъ, который его интересуетъ, и поэтому съ логическихъ точекъ зрѣнія представляется случайнымъ, какія процессы онъ въ состояніи изложить. Но изъ этой случайности должны вытекать такія особенности исторіи, которыхъ нельзя вывести изъ ея цѣлей и которыхъ поэтому вообще нельзя логически понять. Эти особенности способствуютъ тому, что исторія походитъ на ἀρίεθδος ἔλη и это обстоятельство слѣдуетъ самымъ тщательнымъ образомъ принимать въ соображеніе, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы понять отношеніе логического идеала исторического изложенія къ дѣйствительно оказывающемуся на лицо историческимъ наукамъ, такъ какъ здѣсь гораздо труднѣе достигнуть того, чтобы идеаль и дѣйствительность совпадали другъ съ другомъ, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ естественно-научномъ образованіи понятій.

Но отсюда не вытекаетъ, чтобы вообще было невозможно установить логической идеаль исторического изложенія. А именно, пытаясь выработать этотъ идеаль, мы какъ разъ потому, что хотя неполнота матеріала въ общемъ объяснима на основаніи понятія науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, но въ частностяхъ совершенно случайна, имѣемъ право отвлекаться отъ нея и въ частностяхъ и допускать фикцію, что для историка въ какомъ угодно случаѣ оказывается возможнымъ добыть изъ источниковъ любой фактической матеріалъ, такъ какъ вѣдь случайно могли-бы какъ нибудь сохраниться все необходимые для этого источники. Тогда для такого мыслимаго случая мы прежде всего устанавливаемъ логической идеаль, чтобы затѣмъ, при сравненіи съ дѣйствительностью прибавить ограниченія, необходимыя по отношенію къ оказывающемуся въ большинствѣ случаевъ недостатку матеріала.

А, если можно допустить эту фикцію, благодаря ей въ тоже время устраняется и та, возникшая для нашей постановки проблемы, трудность, съ констатированія которой мы начали. Правда, лишь матеріалу, представляемому источниками, а не фактическому матеріалу исторіи, свойственно то необозримое многообразіе, которое об-

наруживаетъ проблема естественно-научнаго образованія понятій, но, если это обозначаетъ лишь неполноту фактического матеріала, именно потому, что въ каждомъ частномъ случаѣ неполнота ускользаетъ отъ логического пониманія, намъ нѣтъ надобности и приписывать ей какое либо вліяніе на логическую разработку теоріи исторического изложенія. Напротивъ того, мы можемъ опять таки поставить совершенно тотъ же самый вопросъ, который мы поставили при выясненіи естественно-научнаго образованія понятій: почему историческая наука всегда стремится лишь къ дознанію (Feststellung) нѣкоторой доли дѣйствительности въ ея индивидуальной формѣ и какая эта доля? Если здѣсь неумѣтна произвольность, то долженъ существовать научный принципъ, согласно которому совершается выборъ.

Однако, если упомянутая фикція и правомѣрна въ логическомъ интересѣ, тѣмъ не менѣе хорошо будетъ прибавить, что мы нуждаемся въ ней лишь для того, чтобы имѣть возможность поставить нашу проблемы совершенно вообще, и что почти всегда и фактически для историка оказывалось бы возможнымъ извлекать изъ источниковъ гораздо больше фактовъ, чѣмъ онъ излагаетъ, а слѣдовательно въ самомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ принципа упрощенія. При этомъ, конечно, слѣдуетъ отличать другъ отъ друга нѣсколько случаевъ. Необходимость упрощенія самоочевидна, коль скоро источникъ и фактъ совпадаютъ. Если историкъ можетъ спрашивать тѣхъ людей, которые служатъ для него объектомъ, или если ему приходится имѣть дѣло съ неизмѣнно сохранившимся географическими аренами историческихъ событій, или съ продуктами культуры, какъ то: съ постройками, произведеніями искусства, утварью и т. п., не только какъ съ источниками, но и какъ съ историческими фактами, то онъ точно такъ же какъ и естествоиспытатель имѣетъ ихъ предъ собой многообразіе. Точно такъ же о всѣхъ тѣхъ историческихъ процессахъ, которые и онъ пережилъ, онъ всегда знаетъ гораздо больше, чѣмъ онъ хочетъ и можетъ излагать. Напр. всякій, кто самъ видѣлъ Бисмарка, знаетъ о немъ множество фактовъ, не входящихъ ни въ какую исторію. Но не особенно отличается отъ этого положеніе дѣла и по отношенію къ очень многимъ историческимъ процессамъ, которыхъ мы сами, правда, не переживали, но которые произошли недавно. И здѣсь мы могли бы узнать изъ достоверныхъ источниковъ множество частныхъ, не представляющихъ ни малѣйшаго исторического интереса и отъ историка всегда бу-

дуть требовать, чтобы онъ умѣлъ отличать существенное отъ не существеннаго. Напр. то обстоятельство, что Фридрихъ Вильгельмъ IV, отказался отъ германской императорской короны, есть „историческое“ событіе, но совершенно безразлично, какіе портные шили его сюртуки, хотя и это мы еще могли бы точно узнать. Итакъ, историческое понятіе объ этомъ королѣ не можетъ, конечно, состоять изъ всего того, что можно было бы достовѣрно установить относительно него.

Дѣло, повидимому, обстоитъ инымъ образомъ лишь тогда, когда источники очень скудны. Тогда въ самомъ дѣлѣ не опустятъ негодной индивидуальной черты, которую только можно какимъ либо образомъ узнать и вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ даже самое маловажное приобретаетъ въ такихъ случаяхъ значеніе, котораго оно, быть можетъ, не имѣло бы при обилии наличныхъ свѣдѣній. Но можно-ли въ самомъ дѣлѣ сказать, что въ этихъ случаяхъ историкъ излагаетъ все то, что онъ знаетъ или могъ бы знать? И здѣсь голый фактъ еще ничего не означаетъ и даже о совершенно „неизвѣстныхъ“ вещахъ все же можно узнать гораздо больше того, что должно входить въ исторію. О всякомъ человѣкѣ можно съ увѣренностью утверждать все то, что естествознаніе сообщаетъ о тѣлахъ и общая психологія о душевной жизни, и однако историкъ совершенно игнорируетъ это знаніе. Итакъ, даже тогда, когда исторія знаетъ о своихъ объектахъ слишкомъ мало, она въ тоже время знаетъ о нихъ слишкомъ много. Поэтому она никогда не можетъ ограничиваться разсказомъ о томъ, „какъ собственно было“, но всюду ея задачу составляетъ отличеніе существеннаго отъ несущественнаго. Но для такого отличенія должны существовать руководящія точки зрѣнія и надлежитъ ясно дать себѣ отчетъ въ этихъ точкахъ зрѣнія, какъ принципахъ историческаго изложенія. Такимъ образомъ, если оставить въ сторонѣ правомѣрную въ логическомъ интересѣ фикцію, ясно обнаруживается проблема историческаго изложенія.

Но имѣемъ-ли мы поэтому и право говорить объ историческомъ образованіи понятій? Именно на основаніи прежде развитыхъ нами соображеній можно было бы возразить приблизительно слѣдующее. Правда, само собою разумѣется, что всякая эмпирическая наука имѣетъ дѣло съ дѣйствительными вещами и процессами, поскольку ея понятія должны имѣть силу только въ примѣненіи къ дѣйствительности и лишь въ примѣненіи къ послѣдней, такъ какъ, если бы

кто либо пожелалъ выразить въ системѣ общихъ понятій образы фантазіи, ни одинъ человѣкъ не назвалъ бы этого естествознаніемъ или вообще наукой и, слѣдовательно, если обращать вниманіе лишь на матеріалъ наукъ, всякая эмпирическая наука должна быть характеризована, какъ наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью.

Однако естествознаніе все же, въ противоположность исторіи, есть наука, оперирующая съ понятіями, поскольку не только содержаніе ея понятій тѣмъ менѣе одинаково съ содержаніемъ эмпирической дѣйствительности, чѣмъ обширнѣе становятся эти понятія, но и поскольку нѣтъ надобности специально подчеркивать въ сужденіяхъ существованіе его объектовъ. Такія положенія, какъ напр.: существуетъ тѣлесный міръ, существуетъ вода, или живутъ люди, составляютъ не содержаніе, но молчаливую предпосылку естественныхъ наукъ, занимающихся тѣлеснымъ міромъ вообще, водою или человѣкомъ, такъ какъ именно потому, что это—сужденія абсолютно само собою разумѣющіяся, они уже неумѣстны въ этихъ наукахъ. Итакъ въ естествознаніи центръ тяжести проблемъ всюду заключается въ вопросѣ объ обязательности понятій, но не въ вопросѣ о существованіи объектовъ. Напротивъ того, въ исторической наукѣ сужденія всего лишь экзистенціальныя¹⁾ имѣютъ принципиально иное значеніе. Историкъ постоянно говоритъ: „это было такъ, а то было иначе“ и для него суть дѣла состоитъ именно въ утвержденіи и обоснованіи чисто фактической истинности такихъ сужденій. Итакъ, въ противоположность естествознанію, центръ тяжести проблемъ заключается здѣсь въ вопросѣ о существованіи объектовъ, а не въ вопросѣ объ обязательности понятій, а поэтому и нельзя, повидимому, провести параллель между историческимъ образованіемъ понятій и естественно научнымъ образованіемъ понятій.

Конечно, существуетъ принципиальное различіе въ отношеніи къ эмпирической дѣйствительности, даже все наше изложеніе клонилось къ тому, чтобы обнаружить это принципиальное различіе, однако оно не можетъ припятствовать намъ охарактеризовать тотъ процессъ, благодаря которому въ исторіи производится выборъ, отдѣляющій существенное отъ несущественнаго и обуславливающій то,

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Относительно „экзистенціальныхъ сужденій“ см. Т. Липшевъ. „Основы логики“. (Переводъ Н. О. Лоскаго. Глава XIII). Sigwart, Logik I. 80, 89, 387, 392, II. 328 ff.; Н. Cornelius. Versuch einer Theorie der Existentialurtheil.

что какое либо историческое изложение состоит именно из этих, а не из иных экзистенциальных предложений (Existentialsätzen). Конечно, до сих пор мы употребляли слово „понятие“ всегда лишь в таком смыслѣ, что оно означало нѣкоторую мысль, имѣющую общее содержаніе, такъ какъ когда логика говоритъ о научныхъ понятіяхъ, она почти исключительно принимаетъ въ соображеніе то, въ чемъ состоитъ своеобразие естественно-научнаго понятія. Но въдѣ въ этомъ мы видимъ именно ту односторонность, которую мы желаемъ преодолѣть. Итакъ, хотя исторія не образуетъ общихъ понятій, но съ другой стороны ея объекты, напр. цезарь или тридцатилѣтняя война, или возникновеніе дворянскихъ имѣній, или нидерландская живопись сами, какъ дѣйствительности, столь же мало могутъ входить въ ея изложеніе, какъ мало могутъ входить въ изложеніе естествознанія сами ея объекты, исторія также должна формировать мысли о Цезарѣ или о возникновеніи дворянскихъ имѣній и, такъ какъ эти мысли никогда не могутъ вполне совпадать съ необозримо многообразными дѣйствительными процессами, и онѣ, хотя у нихъ нѣтъ никакого общаго содержанія, все-таки суть понятія въ томъ смыслѣ, что въ нихъ изъ дѣйствительности выдѣлено и объединено существенное для исторіи. Само собою разумѣется, что эти историческія понятія дѣйствительно мыслимы, лишь коль скоро они разрѣшаются въ экзистенциальныя сужденія, повѣстствующія о выражаемыхъ ими вещахъ и процессахъ, но, какъ мы показали, превращеніе въ сужденія необходимо и при дѣйствительномъ мышленіи естественно научныхъ понятій. Если въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о сужденіяхъ, при образованіи которыхъ имѣлась въ виду цѣль естествознанія, состоящая въ томъ, чтобы постичь общее, а въ другомъ случаѣ, напротивъ того, о сужденіяхъ, повѣстующихъ объ особой и индивидуальной дѣйствительности, то въ этомъ именно лишь обнаруживается различіе между естественно-научнымъ и историческимъ мышленіемъ вообще. Но для выработки дѣйствительно всеобъемлющей и всесторонней теоріи образованія понятій мы желаемъ, чтобы именно это различіе не касалось термина „понятие“ и поэтому въ логическомъ интересѣ правомѣрно называть понятіями какъ тѣ, строяемыя мышленіемъ, образованія, въ которыхъ находятъ свое выраженіе общая природа вещей, такъ равнымъ образомъ и тѣ, строяемыя мышленіемъ, образованія, въ которыхъ схвачена историческая сущность дѣйствитель-

ности. Оба эти логическіе процесса имѣютъ цѣлью преобразовать и упростить эмпирическую дѣйствительность такимъ образомъ, чтобы она допускала научное трактованіе, и въ этой задачѣ мы съ самаго начала усматривали наиболѣе общую сущность образованія понятій. Слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ всякое мышленіе должно происходить въ понятіяхъ и дѣйствительность можетъ трактоваться наукою, имѣющею дѣло съ дѣйствительностью, также лишь въ формѣ понятія.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ тому, чтобы развить логическіе принципы историческаго образованія понятій, мы предварительно еще разъ точно установимъ тотъ смыслъ, который только и можетъ имѣть эта попытка. Прежде всего мы ни отъ чего такъ не далеки, какъ отъ того, чтобы изобрѣтать какой либо еще никогда не примѣнявшійся новый методъ историческаго трактованія, и отъ того, чтобы выдавать его за единственно правомѣрный въ противоположность нынѣ употребительнымъ приемамъ. Напротивъ того, точно такъ же, какъ при изслѣдованіи естествознанія, мы руководимся лишь намѣреніемъ понять дѣйствительно имѣющую мѣсто научную дѣятельность, т. е. изучить логическую структуру, которая должна обнаруживаться во всякомъ историческомъ изложеніи. Иного отношенія никогда не можетъ быть между логикой и эмпирическимъ изслѣдованіемъ. Развѣ что размышленіе о логическихъ особенностяхъ изслѣдованія можетъ идти рука объ руку съ этимъ послѣднимъ и благодаря этому дѣлать его болѣе цѣлесознательнымъ. Но въ значительномъ большинствѣ случаевъ науки оказываются достигшими высокой степени развитія, прежде чѣмъ начинается размышленіе относительно ихъ логической структуры. И то обстоятельство, что мы приписываемъ логикѣ критическій и нормативный характеръ, не вноситъ въ эти соотношенія никакого измѣненія, такъ какъ всюду, гдѣ мы производимъ логическую оцѣнку, мы лишь повѣряемъ формальное согласіе между цѣлями и средствами науки и стараемся благодаря этому выяснитъ эти логически-телеологическія связи. И даже тогда, когда теорія познанія ставитъ вопросъ объ обоснованіи извѣстныхъ предпосылокъ науки, и при этомъ пытается представлять ихъ обязательность проблематической въ философски правомѣрномъ интересѣ возможно наибольшей свободы отъ предпосылокъ, она все же нисколько не касается значенія наукъ, поскольку дѣло идетъ о свойственномъ имъ характерѣ эмпирическихъ специальныхъ изслѣдо-

ваний, такъ что и тогда она не заявляетъ притязанія на роль руководительницы, указывающей наукѣ пути, но желаетъ лишь, понимая ее, слѣдовать за нею.

Это можетъ показаться настолько само собою разумѣющимся, что не стоило бы его высказывать. Но именно для логики историческихъ наукъ имѣются основанія подчеркивать и само собою разумѣющееся. Все еще продолжаютъ стремиться къ тому, чтобы наконецъ „возвести исторію“ „на степень науки“, прославляя никогда не примѣняемый ею методъ. Если такія попытки, коренящіяся въ неисторичной философіи, свойственной эпохѣ просвѣщенія, уже сами по себѣ представляются нѣсколько удивительными и въ высшей степени реакционными въ такую эпоху, когда историческія науки достигли чрезвычайно высокаго развитія, то въ особенности изумительно, что эти методологическія построения исходятъ не отъ умозрительныхъ, презирающихъ опытъ метафизиковъ, но или отъ философовъ, гордящихся тѣмъ, что они не теряютъ изъ виду опытныхъ наукъ, или даже отъ самихъ историковъ, наиболѣе рѣшительно подчеркивающихъ свою антипатію къ философскимъ построениямъ. Очень понятно, что вслѣдствіе этого иные историки стали нѣсколько недовѣрчиво относиться ко всѣмъ методологическимъ изслѣдованіямъ и поэтому, пожалуй, разъ уже скромная опытная философія приводитъ къ такимъ рискованнымъ результатамъ, какъ „новый историческій методъ“, будутъ ждать еще худшаго отъ логики, которая прямо заявляетъ притязаніе на критику и установленіе нормъ. Поэтому мы заранее указываемъ на то обстоятельство, что лишь натуралисты и мнимые эмпиристы (Empiristen)¹⁾ настолько далеки отъ пониманія оказывающихся на лицо историческихъ наукъ, чтобы требовать новаго метода, критическая же и нормативная логика, напротивъ того, не можетъ имѣть наготовѣ рѣшительно ничего такого, что должно было бы вызвать новую эру историческаго изслѣдованія.

Это отнюдь не означаетъ того, чтобы она намѣревалась санкционировать приемы какого либо единичнаго историка, напримѣръ Ранке, или особый методъ, свойственный такъ называемому „старому направленію“, какъ обязательный для всѣхъ временъ, и

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Относительно различія понятій „эмпирикъ“ и „эмпиристъ“ см. А. И. Введенскій „о мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“. Вопр. фил. и псих. кн. 56 стр. 1 ч.

объявить неправомѣрнымъ внесеніе новыхъ точекъ зрѣнія въ историческую науку, такъ какъ это было бы настолько же безнадежной попыткой предписывать наукѣ, какъ напр. провозглашеніе научнаго универсальнаго метода или попытка исключить изъ науки труды Ранке. Напротивъ того, понятіе наше объ исторіи должно быть настолько же обширнымъ, какъ и наше понятіе объ естествознаніи, такъ, чтобы оно обнимало собой и „новѣйшія“ тенденціи, какъ напр. тенденціи экономической исторіи, „культурной исторіи“, географическаго и „материалистическаго“ пониманія исторіи. Но именно поэтому по существу дѣла невозможно, чтобы мы пришли къ установленію логическихъ нормъ, непримѣнимыхъ къ такой исторіи, какъ ее писали Ранке или другіе представители „прежняго“ направленія. Напротивъ того, мы можемъ показать, что новыя точки зрѣнія въ исторической наукѣ, какъ напр. обращеніе большаго вниманія на экономическую жизнь, противъ котораго логика не можетъ рѣшительно ничего возразить, означаютъ лишь то, что вводится новый матеріаль, а отнюдь не то, что вводится новый методъ и что, даже и радикальнѣйшіе сторонники „новаго метода“ на практикѣ пока только они вообще пишутъ исторію, работаютъ согласно тому методу, который всегда примѣнялся исторіей и который отвергается ими въ теоріи.

Надлежитъ, конечно, равнымъ образомъ съ удареніемъ подчеркнуть и нѣчто другое, что, пожалуй, покажется значительнымъ ограниченіемъ только что сказаннаго. Вѣдь если мы стремимся, въ качествѣ результата изслѣдованія достигъ „лишь“ согласія логическихъ теорій съ методомъ дѣйствительно оказывающихся на лицо историческихъ наукъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы тотъ путь, которымъ мы доходимъ до понятій, пригодныхъ для логическаго пониманія исторической науки, могъ состоять въ простомъ лишь только описаніи оказывающейся на лицо исторической дѣятельности. И мы даже полагаемъ, что изслѣдованіе, которое пожелали-бы назвать съ такого описанія, никогда не могло бы достигнуть имѣющихся значенія результатовъ. Если никакая наука не состоитъ въ простой лишь передачѣ своего матеріала, то уже въ силу этого и логика не можетъ быть простымъ лишь описаніемъ. Вѣдь сами науки суть часть исторической дѣятельности, при чемъ эта часть, какъ мы знаемъ, совершенно не доступна описанію безъ принципа выбора. Понятіе „чистой индукціи“, какъ гласитъ все еще не исчезнувшій

лозунгъ, на самомъ дѣлѣ есть лишь идеаль пользующагося чисто дедуктивнымъ методомъ, радикально эмпиристическаго умозрѣнія, не имѣющаго уже никакихъ точекъ соприкосновенія съ дѣйствительнымъ научнымъ мышленіемъ, что же касается попытки держаться чисто индуктивнаго метода въ логикѣ, то она должна оставаться вполне безплодной въ силу совершенно особыхъ основаній. Какимъ образомъ можно было бы желать просто вычитать (ablesen) логическую структуру наукъ, когда дѣло идетъ о выясненіи двухъ взаимно противоположныхъ другъ другу методовъ? Вѣдь раздѣленіе научнаго труда сперва находится въ связи не съ логическими различіями, а съ различіями матеріала и эти предметныя различія необходимо должны выдвигаться на первый планъ, коль скоро дѣлается попытка „индуктивно“ описать различныя науки. Поэтому на первыхъ порахъ можно лишь чисто формально, не касаясь оказывающихся на лицо единичныхъ наукъ, конструировать логическія противоположности въ ихъ элементарнѣйшемъ видѣ, чтобы онѣ вообще обнаружились ¹⁾. Въ общихъ отдѣлахъ логики къ этому приему и привыкли, какъ къ чему то само собою разумѣющемуся, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ученіе о методѣ занимается болѣе специальными научными формами, мы часто находимъ, что съ самаго начала главную роль играетъ содержаніе тѣхъ наукъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Тогда такія изслѣдованія представляютъ собою скорѣе энциклопедическое обозрѣніе различныхъ дисциплинъ, нежели развитіе логическихъ понятій, и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы стараемся тщательно избѣгать именно этого энциклопедическаго характера, чтобы дѣйствительно дать логическое ученіе о методѣ. Эмпирический матеріалъ всегда можетъ играть роль лишь примѣра, служащаго для поясненія прежде установленнаго логическаго принципа.

¹⁾ Формальныя конструкціи этого рода мы можемъ найти и у ученыхъ специалистовъ, которые пытаются разобраться въ методѣ своей работы. Напр., Бэкъ въ связи съ своимъ извѣстнымъ опредѣленіемъ филологіи какъ „познанія познаннаго“ говоритъ: „необходимо было сперва установить чуждое ограниченій понятіе о филологіи, чтобы удалить всѣ произвольныя опредѣленія и найти подлинную сущность науки“ (Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften. 1877. S. 20). Такую же попытку дѣлаемъ здѣсь и мы, при чемъ мы имѣемъ право на это, разъ только мы всегда имѣемъ въ виду, что, какъ опять таки говорилъ Бэкъ, „чѣмъ неограниченнѣе понятіе, тѣмъ болѣе обязательно ограничивать его при его проведеніи“.

Къ этому присоединяется еще и другое основаніе, побуждающее насъ на первыхъ порахъ трактовать проблемы формально или „дедуктивно“. Тамъ, гдѣ наукоученіе приступало къ своей работѣ съ заранѣе установленными понятіями, оно въ большинствѣ случаевъ не сознавало этого, но произвольно разматривало отношеніе общаго къ частному такимъ образомъ, что оно принимало въ соображеніе лишь подведеніе частнаго подъ общее понятіе. Вслѣдствіе этого подъ схему подходило лишь естественно-научное образованіе понятій. Все же остальное оно напротивъ того совершенно игнорировало или же пыталось подогнать подъ свою схему. Мы желаемъ именно благодаря нашему сознательно дедуктивному методу, принимающему въ соображеніе не одинъ только, но заранѣе всѣ мыслимо возможные роды изложенія, преодолѣть эту односторонность и надлежащимъ образомъ отнестись къ дѣйствительно оказывающимся на лицо наукамъ. Поэтому мы сперва конструируемъ чисто логическое понятіе историческаго метода и затѣмъ примѣняемъ его къ эмпирической наукѣ, т. е. наши приемы діаметрально противоположны именно приемамъ логическихъ натуралистовъ, сперва провозглашающихъ чистый эмпиризмъ, чтобы затѣмъ дойти до чисто умозрительнаго постулированія такой исторической науки, которая, если отъ нея требуется, чтобы она разрѣшала выпадающія на долю исторіи задачи, никогда не можетъ быть осуществлена.

Сперва это формальное трактованіе можетъ, конечно, показаться менѣе продуктивнымъ, когда дѣло идетъ объ историческихъ наукахъ, чѣмъ когда дѣло идетъ объ естественныхъ наукахъ, такъ какъ въ силу тѣхъ основаній, которыя намъ выяснятся, историку при обработкѣ его матеріала дано болѣе простора для обнаруженія индивидуальныхъ особенностей, которыя вообще неподводимы подъ логическія формулы. Если же мы будемъ игнорировать все это и въ то же время отрѣшимся отъ всякаго частнаго содержанія науки, то, быть можетъ, покажется, что въ началѣ нашихъ разсужденій нельзя найти рѣшительно ничего, касающагося исторической дѣятельности. Однако это еще не есть возраженіе противъ нашихъ тезисовъ (Aufstellungen) и не противорѣчитъ ихъ цѣли, хотя бы даже правильность ихъ оспаривалась тѣми историками, которые, точно такъ же какъ и мы, не намѣрены признавать новаго метода. Ученые-специалисты могутъ не отдавать себѣ яснаго отчета въ логическихъ осо-

бенностяхъ примѣняемаго ими метода. И приверженцы стараго метода часто будутъ оперировать со многими не сознаваемыми ими отчетливо предпосылками, подобно тому, какъ это всегда дѣлають сторонники новаго направления и мнимаго новаго метода. Если бы логика имѣла въ виду лишь устанавливать то, что уже знаетъ всякій историкъ, она была бы безцѣльна.

Но прежде всего надлежитъ не упускать изъ виду того обстоятельства, что логическое изслѣдованіе не можетъ сказать все сразу, и поэтому хорошо будетъ отложить сужденіе о томъ, дѣйствительно ли здѣсь формулировано то, что дѣлаетъ всякій историкъ, до конца нашего изложенія. Тотъ, кому тяжело было бы дышать въ атмосферѣ логическихъ аргументовъ (Gedankengänge), которая необходимо оказывается нѣсколько разрѣженной, пусть не ставитъ этого въ вину логикѣ. Она разсматриваетъ свои проблемы прежде всего ради ихъ самихъ, а отнюдь не для того, чтобы показать ученому специалисту, какіхъ пріемовъ онъ долженъ держаться при своей работѣ. Если изъ связи цѣлага вытекаетъ и что либо цѣнное въ этомъ отношеніи, то это, конечно, отрадно, но въ логическомъ интересѣ это остается лишь побочнымъ результатомъ.

II.

Историческій индивидуумъ.

Историческое въ его мыслимо наиболѣе обширномъ значеніи, въ которомъ оно совпадаетъ съ самою эмпирическою дѣйствительностью, оказывалось границею естественно-научнаго образованія понятій, какъ вслѣдствіе того, что оно воззрительно, такъ и вслѣдствіе того, что оно индивидуально. Дѣйствительное эмпирическое воззрѣніе не можетъ быть изображено такъ, какъ оно есть, никакой наукой, ибо оно, какъ бы то ни было, остается необозримо многообразнымъ. Напротивъ того, дѣло обстоитъ инымъ образомъ относительно индивидуальности. Хотя она всегда дана намъ воззрительно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была тождественна съ воззрѣніемъ. Итакъ, проблема историческаго образованія понятій заключается въ томъ, возможно-ли научное трактованіе и упрощеніе воззрительной дѣйствительности, при которыхъ не утрачивалось бы, какъ въ естествознаніи, въ то же время и индивидуальность, т. е. могутъ ли опредѣ-

ленные составныя части изъ необозримаго многообразія воззрительнаго содержанія выдѣляться и объединяться въ понятія, такимъ образомъ, чтобы ими выражалось не общее нѣкоторому множеству, а лишь оказывающееся на лицо въ какомъ либо индивидуумѣ. Лишь такимъ образомъ возникнуть построения мышленіемъ образованія (Dankgebilde), имѣющія притязаніе на то, чтобы именоваться историческими понятіями.

Но здѣсь, повидимому, тотчасъ возникаетъ возраженіе. Не заключается ли въ задачѣ, состоящей въ образованіи понятій, имѣющихъ индивидуальное содержаніе, внутреннихъ противорѣчій? Можетъ-ли существовать научное мышленіе безъ общихъ понятій? Не связана-ли, напротивъ того, всякая научная обработка дѣйствительности съ устраненіемъ индивидуальнаго?

Само собой разумѣется, что мы очень далеки отъ того, чтобы оспаривать необходимость чего либо общаго для всякой науки. Уже бѣглый взглядъ на историческое изложеніе показываетъ, что и оно почти сплошь состоитъ изъ словъ, которыя имѣютъ общее значеніе и это не можетъ быть иначе, такъ какъ лишь такія слова понятны всѣмъ. Правда, наряду съ ними встрѣчаются собственныя имена и эти послѣднія, повидимому, образуютъ исключеніе. Однако они означаютъ что либо лишь для того, кому обозначаемый этимъ именемъ индивидуумъ извѣстенъ изъ воспріятія, и кто въ состояніи воспроизвести въ воспоминаніи возникшее благодаря этому воззрѣніе. Однако историкъ никогда не можетъ предполагать знанія такихъ индивидуальныхъ воззрѣній и, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ обладалъ таковымъ, что возможно лишь тогда, когда матеріаль фактической и матеріаль, представляемый источниками, совпадаютъ, онъ все же можетъ передать его другимъ, лишь выражая его содержаніе съ помощью общихъ значеній словъ. Итакъ, и собственныя имена въ историческомъ изложеніи могутъ играть роль лишь въ качествѣ замѣстителей нѣкотораго комплекса словъ, имѣющихъ общее значеніе, ибо лишь въ такомъ случаѣ изложеніе понятно для всякаго, кто слышитъ или читаетъ его.

И мы должны даже сказать еще болѣе того. Не одно только это внѣшнее обстоятельство принуждаетъ историка выражать все съ помощью общихъ понятій. Мы нашли прежде ²⁾, что для вся-

²⁾ См. стр. 41 и сл. (русскаго печатнаго текста).

каго сужденія необходимо что-либо общее, и уже поэтому тѣ элементы, которые служатъ намъ для образованія какого нибудь общаго естественно-научнаго понятія, сами всегда оказываются общими. Но если это первое общее необходимо для всякаго логическаго мышленія вообще, то оно, само собой разумѣется, столь же мало можетъ отсутствовать при историческомъ изложеніи, какъ и при естественно-научномъ образованіи понятій. Напротивъ того, всякое научное мышленіе должно быть мышленіемъ въ общихъ понятіяхъ въ томъ смыслѣ, что элементы сужденій и понятій общи и, слѣдовательно, если бы исторіи указывалась задача, состоящая въ томъ, чтобы давать не что иное какъ только индивидуальныя представленія, понятіе исторической науки въ самомъ дѣлѣ оказывалось-бы *contradictio in adjecto*. Еще разъ приходится повторить: сама дѣйствительность, какъ воззрительная и индивидуальная, не входитъ ни въ какую науку ¹⁾.

Но развѣ отсюда вытекаетъ, что примѣненіе произвольно возникшихъ общихъ значеній словъ или необходимыхъ для всякаго мышленія общихъ элементовъ понятій возможно лишь въ одномъ направленіи, а именно въ томъ, которое мы находимъ въ естествознаніи? Конечно, элементы нашего мышленія, взятые сами по себѣ, должны быть общими, но вѣдь мы видѣли прежде, что сами они вовсе еще не суть научныя понятія, но лишь въ своемъ сочетаніи означаютъ нѣчто для науки, и это сочетание отнюдь не должно всегда производиться такимъ образомъ, чтобы благодаря ему опять возникло понятіе, имѣющее общее содержаніе. Напротивъ того, оно можетъ производиться и такимъ образомъ, что получающійся комплексъ общихъ элементовъ, какъ цѣлое, имѣетъ содержаніе, оказывающееся лишь въ одномъ однократномъ и особливомъ объектѣ и, слѣдовательно, выражающее именно то, благодаря чему

¹⁾ Я еще разъ съ удареніемъ подчеркиваю это, хотя это уже было достаточно выяснено выше. Вѣдь въ нѣкоторыхъ критикахъ первыхъ главъ этой книги мнѣ, въ качествѣ единственнаго возраженія, встрѣчалось утвержденіе, будто бы я ставлю исторіи задачу, въ которой содержится внутреннее противорѣчіе, такъ какъ вѣдь всякая наука нуждается въ принципѣ выбора. Какимъ образомъ такого рода недоразумѣніе могло возникнуть у внимательнаго читателя, не пойметъ, конечно, ни одинъ человекъ, хотя бы бѣгло прочитавшій страницы 349 — 355 (русскаго рукописнаго текста) этой книги.

этотъ объектъ отличается отъ всѣхъ другихъ объектовъ. А въ чемъ либо больше, нежели эта возможность, мы и не нуждаемся для того, чтобы продолжать признавать принципиальную противоположность между естествознаніемъ и исторіей и поскольку дѣло идетъ объ образованіи понятій. Затѣмъ, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что всякое мышленіе нуждается въ общемъ, мы можемъ формулировать эту противоположность такимъ образомъ: въ естествознаніи общее, оказывающееся на лицо уже въ произвольно возникшихъ значеніяхъ словъ, есть въ тоже время то, что наука старается подвергнуть дальнѣйшей разработкѣ, т. е. общее понятіе, подъ которое можетъ быть подведено обиліе единичнаго, есть ея цѣль. Напротивъ того, хотя исторія и равнымъ образомъ пользуется общимъ для того, чтобы вообще быть въ состояніи научно мыслить и производить акты сужденія независимо отъ недопускающихъ передачи индивидуальныхъ воззрѣній, однако для нея это общее служитъ лишь средствомъ. Это тотъ обходный путь, идя которымъ, она опять старается вернуться къ индивидуальному, какъ къ своему подлинному предмету, при чемъ она должна идти этимъ путемъ лишь вслѣдствіе особаго характера нашей рѣчи и нашего мышленія. Здѣсь мы желаемъ охарактеризовать науки, имѣя въ виду не обходные пути, къ которымъ онѣ прибѣгаютъ, но ихъ цѣли. Такія утвержденія, какъ то, что всякое научное мышленіе оперируетъ съ общими понятіями, правда, безспорны, но, въ такой неопредѣленной формулировкѣ, они лишены всякаго значенія для вопроса о томъ, преслѣдуетъ ли историческая наука тѣ же самыя цѣли, какъ естествознаніе. Всѣ понятія должны быть разрѣшмы въ сужденія, послѣднія составныя части которыхъ общи, но въ своей совокупности эти сужденія могутъ выражать какъ нѣчто общее, такъ и нѣчто однократное и особливое.

Тѣмъ не менѣе именно то обстоятельство, что всякое сужденіе содержитъ въ себѣ общія понятія, желали прямо таки положить въ основу методологіи исторіи, причемъ въ особенности достопримѣчательно то, что возможность изображенія индивидуальнаго отнюдь не отрицается, но признается задачей искусства. Если имѣется въ виду не только изобразительное искусство, но и поэзія, то именно указаніемъ на нее доказывается возможность изображенія индивидуальнаго съ помощью общаго. Развѣ поэзія не пользуется общими значеніями словъ для того, чтобы быть понятною всякому читателю

или слушателю, и развѣ она тѣмъ не менѣе не даетъ изображеній, которыя именно согласно утвержденіямъ сторонниковъ естественно-научныхъ тенденцій въ теоріи исторіи, содержатъ въ себѣ нѣчто особенное и индивидуальное? Конечно, поэзія не есть исторія, уже по той простой причинѣ, что высказыванія исторіи должны быть истинными, но уже одно лишь существованіе поэзіи достаточно для того, чтобы опровергнуть указанные теоріи. Если бы уже необходимость общихъ значеній словъ для человѣческаго мышленія служила возраженіемъ противъ возможности изображенія индивидуальнаго, то поэзія столь же мало могла бы существовать, какъ и исторія. Итакъ, проблемы ученія о методѣ отнюдь не разрѣшаются указаніемъ на то обстоятельство, что всякое сужденіе должно заключать въ себѣ общія значенія словъ.

Слѣдуетъ прибавить еще лишь одно замѣчаніе, долженствующее объяснить, какъ могли полагать, что вслѣдствіе неизбежнаго примѣненія общихъ понятій исторія должна обратиться въ естественную науку. Такъ какъ употребляемые какъ средства выраженія общія значенія словъ всегда болѣе или менѣе неопредѣленны, то не исключена и возможность того, что историкъ старается въ интересахъ большей опредѣленности замѣнить ихъ дѣйствительно естественно-научными общими понятіями. Можно было бы даже утверждать, что, такъ какъ естествознаніе мало по малу оказываетъ вліяніе и на словоупотребленіе, то его результаты должны оказывать нѣкоторое вліяніе на историческія изложенія даже и тогда, когда историкъ не сознаетъ этого. Но, быть можетъ, то обстоятельство, что до сихъ поръ исторія мало утилизировала результаты естествознанія, дѣйствительно есть недостатокъ и во всякомъ случаѣ нельзя будетъ отрицать, что возможно, что въ той же самой степени, въ какой извѣстныя естественно-научныя общія понятія становятся болѣе совершенными, возрастаетъ и научная опредѣленность историческаго изложенія. Итакъ въ принципѣ не исключено, что естествознаніе можетъ способствовать исторіи. Тѣмъ не менѣе намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на этомъ, такъ какъ въ какихъ бы значительныхъ размѣрахъ ни стали примѣняться естественно-научныя понятія въ историческомъ изложеніи, все же эти общія естественно-научныя составныя части, пока съ ихъ помощью долженъ изображаться лишь однократный процессъ, не могутъ внести ни малѣйшаго измѣненія въ логическое отношеніе между естествознаніемъ и

исторіею. Съ логическихъ точекъ зрѣнія та роль, которую онѣ играютъ, не отличается отъ той роли, которую играютъ общіе элементы понятій вообще, т. е. хотя онѣ, будучи разсматриваемы сами по себѣ, оказываются общими, онѣ никогда не служатъ цѣлью историческаго изложенія и, въ своей совокупности, онѣ всегда должны опять таки сочетаться въ историческія понятія или въ понятія, содержаніе которыхъ индивидуально.

Наша проблема начинается лишь съ вопроса о томъ, какой принципъ оказывается руководящимъ при сочетаніи историческихъ элементовъ понятій. И въ исторіи эти элементы должны образовывать нѣкоторое единство и, слѣдовательно, для насъ дѣло идетъ о той связи, которая сочетаетъ ихъ въ одно понятіе, имѣющее индивидуальное содержаніе. Въ чемъ состоитъ это единство, если принадлежность элементовъ другъ къ другу не основывается, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о какомъ либо естественно-научномъ понятіи, на томъ, что въ элементахъ понятія заключается общее множеству индивидуумовъ? Для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ совершенно вообще, мы опять таки беремъ за исходный пунктъ мыслимо наиболѣе обширное понятіе объ историческомъ, а именно понятіе индивидуума и притомъ мы подчеркиваемъ, что это слово имѣетъ не только то значеніе, которое мы исключительно принимали въ соображеніе до сихъ поръ, а именно значеніе особеннаго и единственнаго въ своемъ родѣ, но и значеніе недѣлимаго.

Мы знаемъ, что всякая дѣйствительность, чтобы быть единственною въ своемъ родѣ, должна быть сложною, такъ какъ простое, какъ атомъ, не имѣетъ индивидуальности. Поэтому естественно представляется вопросъ о томъ, не есть-ли, быть можетъ, нѣчто большее, чѣмъ случайность, то обстоятельство, что въ словѣ индивидуумъ кроются тѣ два значенія, сочетанія которыхъ необходимо требуетъ наша проблема историческаго понятія, а именно: значеніе единства нѣкотораго многообразія и значеніе единственности въ своемъ родѣ (der Einzigartigkeit). Вѣдь по меньшей мѣрѣ странно, что то, что всегда многообразно, мы въ тоже время называемъ индивидуумомъ. Утратило-ли это выраженіе свой буквальный смыслъ, коль скоро имъ пользуются для обозначенія единственныхъ въ своемъ родѣ многообразій, и только-ли простой атомъ недѣлимъ, или же, быть можетъ, существуютъ индивидуумы и въ томъ смыслѣ, что

ихъ многообразіе образуетъ единство вслѣдствіе ихъ единственности въ своемъ родѣ? Если это такъ, то въ данномъ случаѣ единственность въ своемъ родѣ и единство нѣкотораго многообразія оказывались бы связанными другъ съ другомъ такимъ образомъ, какъ они должны быть связуемы и въ историческомъ понятіи. Итакъ, быть можетъ, принципъ, связующій въ историческомъ матеріалѣ принадлежащее другъ къ другу и благодаря этому отдѣляющій его отъ того, что всего лишь встрѣчается другъ возлѣ друга (они bloss zusammengeathenen) заключается уже въ самомъ понятіи индивидуума? Мы стараемся установить, можетъ-ли понятіе единства и недѣлимости такимъ образомъ сочетаться съ понятіемъ единственности въ своемъ родѣ, чтобы единственность въ своемъ родѣ оказывалась основаніемъ или предпосылкой недѣлимости и единства.

Для того, чтобы индивидуальныя формы разсматривались, какъ единства, можно привести много основаній и всѣ они могутъ способствовать упроченію того словоупотребленія, которое обозначаетъ однимъ выраженіемъ единственность въ своемъ родѣ и недѣлимость. Такимъ образомъ для развитого сознанія дѣйствительность, составляющая объектъ всякой эмпирической науки, состоитъ изъ индивидуальныхъ вещей, которыя, правда, связаны другъ съ другомъ, но въ тоже время и замкнуты въ себѣ, такъ какъ всякая вещь есть вещь лишь благодаря тому, что она представляетъ единство чего либо многообразнаго. И такъ, пожалуй, искомымъ нами единствомъ можетъ оказаться вещьность (Dinghaftigkeit)? Если мы прежде всего будемъ имѣть въ виду лишь тѣла, то на этотъ вопросъ приходится безъ дальнихъ околичностей дать отрицательный отвѣтъ. Единство физической вещи не индивидуально. Тотъ синтезъ многообразія, который мы называемъ вещью, совмѣстимъ съ наиразличнѣйшими индивидуальными содержаніями, т. е. тѣлесная вещь никогда не перестаетъ благодаря дѣленію быть вещью, но изъ нея возникаютъ двѣ вещи или нѣсколько вещей. И, наоборотъ, благодаря сочетанію нѣсколькихъ вещей можно образовать новую вещь, которая опять таки нова лишь благодаря комплексу своихъ свойствъ, но не вслѣдствіе своей вещьности. И такъ благодаря дѣленію или соединенію съ другими вещами какая нибудь вещь перестаетъ, правда, быть этою опредѣленною вещью, но единство въ ней, кроющееся въ вещьности какъ таковой, можетъ сочетаться съ любымъ индивидуальнымъ тѣлеснымъ бытіемъ, а потому въ ней и не заключается ничего

такого, что имѣло бы значеніе для нашей цѣли, т. е., если мы разсматриваемъ какое либо тѣло какъ индивидуумъ, то это не можетъ основываться на его вещьности.

Но какимъ образомъ обстоитъ дѣло относительно связи между единствомъ и единственностью въ своемъ родѣ въ тѣхъ вещахъ, на которыя расчленяется духовная жизнь? Развѣ „души“ не оказываются недѣлимыми и притомъ еще совершенно инымъ образомъ чѣмъ тѣла и развѣ ихъ единство не связано неразрывно съ ихъ единственностью въ своемъ родѣ? Вѣдь здѣсь части не расположены другъ возлѣ друга, и о фактической дѣлимости, тотчасъ дѣлающей намъ яснымъ, какимъ образомъ неиндивидуальное единство сочетается съ любымъ индивидуальнымъ частичнымъ содержаніемъ, здѣсь нельзя говорить такимъ образомъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о тѣлесныхъ вещахъ. И мысль объ единствѣ, находящая свое выраженіе въ словѣ „индивидуумъ“ можетъ относиться въ особенности къ недѣлимой душѣ, и во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что мы называемъ индивидуумами скорѣе души, чѣмъ тѣла. Это обстоятельство имѣетъ для насъ значеніе, такъ какъ душевная жизнь преимущественно образуетъ объектъ историческаго изложенія. И такъ, мы должны установить, кроется-ли искомое единство единственнаго въ своемъ родѣ многообразія уже въ психическомъ какъ въ таковомъ, или не оказывается-ли возможнымъ и здѣсь логически (begrifflich) какъ отдѣлить единство души отъ ея индивидуальнаго содержанія, такъ и мыслить себѣ это индивидуальное содержаніе въ свою очередь раздѣленнымъ такимъ образомъ, что тогда единство можетъ быть совершенно изолировано отъ единственности въ своемъ родѣ.

Для разрѣшенія вопроса, не кроется ли, быть можетъ, искомое единство индивидуума въ понятіи субъекта, вернемся къ критикѣ тѣхъ взглядовъ, тенденція которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы принципиальныя методологическія различія между науками о тѣлахъ и науками о духѣ выводились изъ того, что тѣлесное бытіе состоитъ изъ объектовъ, душевное же бытіе, напротивъ того, изъ субъектовъ. Мы дѣлали различіе между психологическимъ и гносеологическимъ субъектомъ и, конечно, нельзя сомнѣваться въ единствѣ гносеологическаго субъекта. Очевидно однако, что для исторіи дѣло идетъ лишь о психологическомъ субъектѣ, ибо лишь онъ индивидуаленъ, а кромѣ того историкъ, равнымъ образомъ какъ и психологъ,

должен объективировать свой материал, чтобы быть в состоянии трактовать его. Итак, если единство субъекта равносильно единству сознания, мы находим, что это единство не имеет ничего общего с единством психической индивидуальности. Оно принадлежит лишь такому субъекту, который, по своему понятию, никогда не может быть объектом, никогда не может быть индивидуальным и вообще никогда не может быть материалом эмпирической науки.

Правда, полному разграничению того и другого субъекта приходится считаться с тою трудностью, что мы фактически никогда не можем производить объективирования нашей собственной душевной жизни таким образом, чтобы все ее части становились объектами в одно и то же время. Гносеологический объект фактически всегда остается приуроченным к некоторой части психологического субъекта, а поэтому и сверх-индивидуальное гносеологическое единство сознания неразрывно сливается с индивидуальным психологическим субъектом. Но это может лишь побудить нас к тому, чтобы отграничивать друг от друга фактическую и логическую (begriffliche) отдѣлимость того и другого субъекта и, коль скоро это происходит, многообразіе индивидуальной душевной жизни во всяком случаѣ логически (begrifflich) не содержит въ себѣ ничего такого, что свойственно единству сознания. Мы можем даже сказать, что и фактически всю нашу индивидуальную душевную жизнь надлежит отграничивать от гносеологического субъекта. Вѣдь та часть психологического субъекта, которая остается въ слияніи с гносеологическим субъектом, переменна, и принципиально не оказывается ничего препятствующаго попыткѣ такимъ образомъ варьировать ее, чтобы въ концѣ концовъ всякая часть нашей индивидуальной душевной жизни когда либо объективировалась и благодаря этому отрѣшалась от гносеологического субъекта. Такимъ образомъ и въ психологическомъ субъектѣ мы можем настолько же полно отграничивать единство сознания от многообразія эмпирической души, какъ въ какомъ либо тѣлѣ, единство вещи от многообразія ея свойствъ, и поэтому въ обоихъ случаяхъ исключена возможность того, чтобы единство было настолько связано съ индивидуальностью, чтобы оно на ней основывалось.

Если же мы оставимъ въ сторонѣ гносеологическій субъектъ и будемъ держаться того взгляда, что гносеологическіе синтезы пси-

хического не могутъ имѣть для нашей цѣли иного значенія, чѣмъ гносеологическіе синтезы физического, то, несмотря на эту гносеологическую координацію обѣихъ областей, даже и объективированное психическое многообразіе все же, повидимому, образуетъ единство еще совершенно инымъ образомъ, чѣмъ многообразіе какого нибудь тѣла. Правда, не будутъ отрицать, что всякая индивидуальная душевная жизнь фактически безпрестано измѣняется, т. е. теряетъ извѣстныя составныя части и обогащается иными составными частями. Но не смотря на это будутъ полагать, что эти дѣлимость и измѣненіе имѣютъ предѣлы, и что подлинное индивидуальное „ядро“ („Kern“) души образуетъ единое цѣлое. Соотвѣтственно этому психическую индивидуальность слѣдовало бы разсматривать нѣкоторымъ образомъ какъ недѣлимый центръ души, и лишь на периферіи происходили бы процессы измѣненія. Тогда здѣсь единственность въ своемъ родѣ дѣйствительно сочеталось бы съ недѣлимостью и слово „индивидуумъ“ въ обоихъ значеніяхъ было бы примѣнимо къ личности. Итакъ намъ приходится заняться вопросомъ о томъ, что должно означать для нашей проблемы это отграниченіе единого центра и измѣнчивой периферіи въ объективированномъ наличномъ бытіи (Dasein) души.

Ядро психического многообразія можетъ быть понимаемо различнымъ образомъ. Возможно принципиально отличать его, какъ абсолютно неизмѣнную реальность, отъ допускающихъ эмпирическое констатированіе психическихъ процессовъ, такъ что оно, какъ трансцендентная сущность, противопоставляется переменному явленію душевной жизни и полагается въ его основу. Что же касается вопроса о томъ, насколько правомѣрно допущеніе такой, лежащей за предѣлами міра опыта, стало быть метафизической индивидуальной души, то мы можемъ оставить его здѣсь безъ рассмотрѣнія, ибо, если такая душа и существуетъ, она вѣдь столь же мало, какъ и гносеологическій субъектъ, можетъ быть причисляема къ материалу эмпирической науки. Такого единства душевной жизни, которое имѣло бы значеніе для исторіи, можно искать лишь въ предѣлахъ допускающихъ эмпирическое констатированіе психическихъ процессовъ.

Но нельзя ли и здѣсь установить различіе между центромъ и периферіей? По крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ о развитыхъ и знакомыхъ намъ людяхъ, мы всюду будемъ отграничивать случайныя составныя части отъ принадлежащихъ другъ къ другу,

стало быть выдѣлять изъ совокупности душевной жизни индивидуальное ядро, въ которомъ для насъ состоитъ подлинная личность даннаго человѣка. Итакъ, дѣло, повидимому, обстоитъ такимъ образомъ, что между физическими и психическими многообразіями оказывается на лицо различіе и по отношенію къ сочетанію единственности въ своемъ родѣ и единства. Сообразно этому, многообразіе всякаго тѣла было-бы хотя единственно въ своемъ родѣ, но дѣлимо; многообразіе же всякой души оказывалось бы не только единственнымъ въ своемъ родѣ, но и цѣльнымъ (einheitlich) и, слѣдовательно, души были бы индивидуумами принципиально инымъ образомъ, чѣмъ тѣла. И даже прежде намъ уже встрѣтился одинъ фактъ, повидимому подтверждающій этотъ взглядъ. Мы должны были сперва отчетливо выяснитъ себѣ, что и всякое тѣло есть индивидуумъ. Примѣненіе этого выраженія для обозначенія орѣха или куска сѣры звучало парадоксально, между тѣмъ какъ всѣ личности могутъ быть безъ дальнихъ околичностей названы индивидуумами. Основывается ли это, быть можетъ, на томъ, что тѣло не есть индивидуумъ, но всегда лишь у душъ съ единственностью въ своемъ родѣ сочетается и единство.

Нельзя отрицать, что въ самомъ дѣлѣ нежеланіе называть любое тѣло индивидуумомъ отчасти можетъ быть объяснено тѣмъ, что у него отсутствуетъ единство индивидуальнаго многообразія его содержанія. Однако, несмотря на это, противоположность между духовнымъ и тѣлеснымъ не обуславливаетъ еще различія между единственностью въ своемъ родѣ и цѣльною единственностью въ своемъ родѣ, но это различіе сводимо къ такому принципу, который одинаково приложимъ какъ къ тѣлеснымъ, такъ и къ духовнымъ дѣйствительностямъ. Вѣдь съ одной стороны существуютъ и тѣла, единственное въ своемъ родѣ многообразіе которыхъ образуетъ единство, такъ что единство основывается на единственности въ своемъ родѣ, и которыя благодаря этому отличаются отъ другихъ всего лишь единственныхъ въ своемъ родѣ тѣлъ, а съ другой стороны не всякая душевная жизнь обладаетъ уже тѣмъ единствомъ своей единственности въ своемъ родѣ (die Einheit seiner Einzigartigkeit), которая явственно обнаруживается намъ въ личностяхъ. Напротивъ того, совершенно вообще индивидуумы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ могутъ быть отличаемы отъ индивидуумовъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, такъ что лишь одинъ родъ дѣйствительно состоитъ изъ индивидуумовъ, и мы мо-

жемъ даже сперва на противопоставленіи двухъ тѣлъ выяснитъ себѣ тотъ принципъ, на которомъ основывается возникающее благодаря единственности въ своемъ родѣ единство.

Пусть эти тѣла будутъ опредѣленный кусокъ угля и опредѣленный большой алмазъ напр. извѣстный кохинуръ. Этотъ кусокъ угля столь же мало существуетъ дважды въ мірѣ, какъ и алмазъ, такъ какъ, подобно алмазу, онъ, по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ отличается не только отъ всѣхъ иного рода вещей, но и отъ всѣхъ кусковъ угля. Итакъ, что касается единственности въ своемъ родѣ, оба тѣла суть индивидуумы въ совершенно одномъ и томъ же смыслѣ. Совершенно инымъ образомъ, напротивъ того, обстоитъ дѣло относительно ихъ цѣльности (Einheitlichkeit). Правда, они могутъ оба быть раздѣлены: ударъ молотомъ раздробилъ бы какъ одинъ индивидуумъ такъ и другой. Однако, между тѣмъ какъ раздѣленіе куска угля на части было бы весьма безразличнымъ событіемъ, отъ него будутъ тщательно предохранять алмазъ и при томъ не хотѣть, чтобы онъ былъ раздѣленъ на части потому, что онъ единствененъ въ своемъ родѣ. И такъ въ алмазѣ единство его индивидуальнаго многообразія дѣйствительно столь тѣсно связано съ его единственностью въ своемъ родѣ, что его единство основано на его единственности въ своемъ родѣ. Напротивъ того, въ кускѣ угля единственность въ своемъ родѣ, правда, также оказывается на лицо, но его вовсе не относятъ какъ единство къ могущему совершиться дѣленію на части. Но это основывается на томъ, что кусокъ угля во всякое время можетъ быть замѣненъ другимъ кускомъ угля, другого-же кохинура, напротивъ того, никогда нельзя достать, и благодаря этому должно выясниться различіе между двумя родами индивидуумовъ. Единственное въ своемъ родѣ ^{тѣло} необходимо оказывается ~~тѣло~~ вмѣстѣ съ тѣмъ и нераздѣльнымъ (ein nicht zu theilendes), или индивидуумомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, тогда, ~~тѣло~~ его единственности въ своемъ родѣ свойственно незамѣнимое значеніе. Итакъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что не только души, но и тѣла образуютъ индивидуальныя единства.

Само собой разумѣется, что это различіе между двумя родами индивидуумовъ примѣнимо не только къ единичному случаю, но ко всѣмъ тѣламъ, такъ что, слѣдовательно, весь физическій міръ распадается на двѣ группы дѣйствительностей. Изъ необходимаго экстенсивнаго многообразія вещей выдѣляется опредѣленное количество

ихъ. Наибольшее число тѣлъ имѣетъ значеніе лишь какъ экземпляры общихъ понятій, но мы не будемъ подводить подъ общія понятія тѣ тѣла, которыя не только единственны въ своемъ родѣ, но вслѣдствіе своей единственности въ своемъ родѣ и цѣльны. И мы можемъ даже сказать еще болѣе того. Если мы станемъ еще обстоятельнѣе разсматривать индивидуумъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, слѣдовательно, напр. опять таки алмазь, то мы найдемъ, что значеніе его индивидуальности отнюдь не основывается на совокупности того, что составляетъ свойственное его содержанію многообразіе. Вѣдь это многообразіе, какъ и многообразіе всякой вещи, состоитъ изъ необозримо многихъ опредѣленій и то, отъ чего зависитъ его незамѣнимость, можетъ быть лишь частью послѣднихъ. Когда мы описываемъ алмазь, мы разсматриваемъ лишь эту часть. Множество того, изъ чего онъ состоитъ помимо того, могло бы быть и иначе, при чемъ то значеніе, которое онъ имѣетъ, отнюдь не измѣнялось бы и не уничтожалось благодаря этому. Если же то единство, которое свойственно ему вслѣдствіе его индивидуальности, обнимаетъ собой лишь нѣкоторую часть его, то искомый принципъ доставляетъ намъ не только возможность разсматривать его индивидуальность вообще какъ единство, но и сочетать ограниченное и точное опредѣленное число его составныхъ частей въ индивидуальное единство. Конечно, должно оказаться возможнымъ установить и это различіе между признаками лишь сосуществующими и признаками, принадлежащими другъ къ другу, опять таки по отношенію къ каждому тѣлу, представляющему собой индивидуумъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Итакъ, мы видимъ, какимъ образомъ изъ всего извѣстнаго намъ тѣлеснаго міра выдѣляется опредѣленное количество единственныхъ въ своемъ родѣ и цѣльныхъ многообразій, каждое изъ которыхъ имѣетъ опредѣленное и доступное обозрѣнію содержаніе.

Если наконецъ мы сдѣлаемъ попытку отчетливо сформулировать тотъ принципъ, который лежитъ въ основѣ этого, то, разъ мы будемъ имѣть въ виду опять таки тотъ примѣръ, которымъ мы пользовались, ясно, что то значеніе, которымъ обладаетъ алмазь, основывается лишь на той цѣнности (Werth), къ которой мы относимъ его ничѣмъ не замѣнимую единственность въ своемъ родѣ. Алмазь не долженъ быть раздѣляемъ на части и это должно также имѣть силу для всѣхъ тѣхъ тѣлъ, которыя суть индивидуумы: лишь благодаря тому, что ихъ единственность въ своемъ родѣ при-

водится въ связь съ нѣкоторою цѣнностью, можетъ возникать охарактеризованный родъ единства. Этимъ не имѣется въ виду отрицать, что существуютъ также еще и другія основанія, въ силу которыхъ какое либо тѣло становится нераздѣльнымъ единствомъ. Такъ напр. организмы не могутъ быть раздѣляемы на части, разъ они не должны перестать быть организмами, и тоже самое имѣетъ силу и относительно орудій и машинъ. Но здѣсь это единство не занимаетъ насъ, такъ какъ оно не касается единственности въ своемъ родѣ опредѣленной индивидуальной вещи. Мы ставимъ вопросъ лишь о томъ, какимъ образомъ единственность въ своемъ родѣ можетъ служить основаніемъ для единства, и отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ гласить: индивидуумы всегда суть индивидуумы, относимые къ нѣкоторой цѣнности.

Можно-ли провести это различіе и для всѣхъ мыслимыхъ эмпирическихъ дѣйствительностей, и въ особенности можетъ-ли оно быть перенесено и на психическое бытіе? Если это не бросается тотчасъ въ глаза, то это вытекаетъ изъ того обстоятельства, что изъ ближе знакомыхъ намъ и наблюдаемыхъ нами психическихъ существъ (Seelenwesen) не окажется, конечно, ни одной такой, въ индивидуальномъ своеобразіи которой нѣкоторая часть составныхъ частей не обособляется отъ остальныхъ и не сочетается въ единственное въ своемъ родѣ индивидуальное единство. Въ особенности не существуетъ никакого извѣстнаго намъ человѣка, въ индивидуальности котораго не заключалось бы существеннаго ядра, въ качествѣ подлинной личности, въ противоположность несущественнымъ периферическимъ процессамъ и, находя это единство во всякой человеческой душевной жизни, мы поэтому полагаемъ, что она свойственна той сущности психическаго. Если же мы отвлечемся какъ отъ гносеологическаго единства сознанія, такъ и отъ всякаго метафизическаго единства, то для отграниченія центра и периферіи въ эмпирическомъ многообразіи какой либо человеческой души не оказывается никакого иного основанія, кромѣ того, съ которымъ мы ознакомились при сравненіи алмаза съ кускомъ угля, т. е. единство личности равнымъ образомъ основывается не на чемъ иномъ, какъ на томъ, что мы относимъ его къ нѣкоторой цѣнности и что, вслѣдствіе этого, незамѣнимыя по отношенію къ этой цѣнности составныя части образуютъ цѣлое, которое не должно быть раздѣляемо на части. Вкратцѣ говоря, личности свойственно не иное единство,

чѣмъ единство индивидуума вообще, относимаго къ нѣкоторой цѣнности. Различіе между индивидуумомъ тѣлеснымъ и индивидуумомъ психическимъ состоитъ лишь въ томъ, что индивидуальность никакого человѣка не безразлична для насъ настолько, насколько для насъ безразлична индивидуальность куска угля. А изъ этого слѣдуетъ, что въ психическомъ, какъ таковомъ, единство еще не связано съ единственностью въ своемъ родѣ. Отвлекаясь отъ цѣнности, мы можемъ не только мыслить себѣ логически (begrifflich) единственную въ своемъ родѣ душевную жизнь, въ которой вовсе нѣтъ индивидуальнаго единства, но, если мы напр. станемъ разсматривать животныхъ, и фактически очень часто не оказывается на лицо никакой связи, дѣлающей единственность въ своемъ родѣ единствомъ. Въ данномъ случаѣ безразлично, почему в сѣ люди бываютъ относимы къ цѣностямъ и вслѣдствіе этого они оказываются для насъ индивидуумами. Дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы показать, что нашъ принципъ дѣйствительно оказывается совершенно общимъ, и что поэтому любая дѣйствительность, все равно физическая или психическая, можетъ быть раздѣлена на индивидуумы въ болѣе тѣсномъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Мы понимаемъ тогда также, почему мы такъ легко забываемъ, что по отношенію къ единственности въ своемъ родѣ всѣ дѣйствительности существуютъ совершенно одинаковымъ образомъ какъ индивидуумы. Вѣдь болшею частью они лишь единственны въ своемъ родѣ и, такъ какъ намъ представляется поводъ обращать вниманіе на единственность въ своемъ родѣ и давать себѣ въ ней ясный отчетъ лишь тогда, когда эти дѣйствительности относятся нами къ какой-либо цѣнности и благодаря этому становятся цѣльными въ своей единственности въ своемъ родѣ, то звучитъ парадоксально, когда мы называемъ индивидуумами листья или орѣхи.

На первыхъ порахъ, благодаря выясненію того принципа, на которомъ основывается раздѣленіе на два различныхъ рода индивидуумовъ, мы отдаемъ себѣ отчетъ не въ чемъ иномъ, какъ въ той точкѣ зрѣнія, которою руководится всякій чувствующій, хотящій и дѣйствующій, вкратцѣ говоря всякій ориентирующійся (stellungnehmende), слѣдовательно, всякій дѣйствительный человѣкъ при своемъ разсмотрѣніи міра, и съ которой сущее раздѣляется для него на существенныя составныя части. Тотъ, кто живетъ, т. е. ставитъ себѣ цѣли и желаетъ осуществить ихъ, никогда не можетъ разсматривать міръ

лишь такъ, что бы при этомъ имѣлось бы въ виду общее, но онъ долженъ разсматривать его и имѣя въ виду частное, такъ какъ лишь такимъ образомъ онъ можетъ ориентироваться и дѣйствовать въ всюду индивидуальной дѣйствительности. И для него одна часть объектовъ имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку эти объекты суть экземпляры родовыхъ понятій; другіе же напротивъ того становятся важны благодаря своей единственности въ своемъ родѣ и поэтому они суть необходимо цѣльные индивидуумы. Это разграниченіе происходитъ какъ настолько само собою разумѣющееся, что на него лишь рѣдко обращаютъ вниманіе, и вовсе не думаютъ о томъ, что выборомъ при этомъ руководятъ точки зрѣнія, съ которыхъ производится оцѣнка (Werthgesichtspunkte). Таково въ самомъ дѣлѣ и первоначальнѣйшее пониманіе (Auffassung) дѣйствительности, и для дѣйствительнаго человѣка, который всегда оказывается хотящимъ, производящимъ оцѣнку, ориентирующимся, понимаемая вышеуказаннымъ образомъ дѣйствительность становится прямо таки дѣйствительностью вообще. Поэтому надлежитъ сперва отчетливо уяснить себѣ, что этотъ міръ, равнымъ образомъ какъ и художественно созерцаемая или мыслимая въ общихъ понятіяхъ дѣйствительность, такъ же представляетъ собой лишь определенное пониманіе (Auffassung), которое мы можемъ поставить наряду съ естественно-научнымъ и художественнымъ пониманіемъ какъ третье, принципиально отъ нихъ отличающееся, и охарактеризовать какъ міръ дѣйствительной жизни.

Но въ чемъ же состоитъ связь этого пониманія дѣйствительности съ проблемою историческаго образованія понятій? Наша аргументація клонится къ тому, чтобы, беря за исходный пунктъ понятіе предѣловъ естественныхъ наукъ, путемъ постепенной детерминаціи установить понятіе исторической науки, и теперь мы можемъ сказать, что если индивидуальную дѣйствительность какъ таковую слѣдовало приравнять къ наиболѣе общему понятію историческаго объекта, то индивидуализирующее пониманіе дѣйствительности должно быть охарактеризовано какъ первоначальнѣйшее историческое пониманіе. Мы приравнивали историческій интересъ къ интересу индивидуальному, и поэтому мы можемъ назвать историческими индивидуумами тѣхъ индивидуумовъ, которые суть индивидуумы для хотящаго и производящаго оцѣнку человѣка. Конечно, и это болѣе узкое понятіе индивидуума на первыхъ порахъ не имѣетъ еще ника-

кого значенія для понятія научной исторіи, однако оно тѣмъ не менѣе важно, такъ какъ, имѣя его въ виду, мы можемъ опредѣлить наиболѣе обширное логическое понятіе объ историческомъ, которое до сихъ поръ заключало въ себѣ лишь проблему, такимъ образомъ, что мы приблизимся къ разрѣшенію проблемы. Если мы прежде характеризовали какъ природу дѣйствительность, разсматриваемую такъ, что имѣется въ виду общее, а какъ исторію—дѣйствительность, разсматриваемую такъ, что имѣется въ виду особенное, то въ этой формулировкѣ содержалось лишь самое общее понятіе естествознанія, но не содержалось еще ничего, касающагося понятія исторической науки. Если же мы теперь напротивъ того скажемъ: дѣйствительность становится исторіей, разъ имѣется въ виду то значеніе, которое особенное имѣетъ вслѣдствіе своей единственности въ своемъ родѣ для хотящихъ и дѣйствующихъ существъ, то нашъ взоръ тотчасъ усматриваетъ возможность въ логическомъ смыслѣ историческаго и зложенія. Вѣдь такъ какъ вышеуказаннымъ образомъ историческое пониманіе или образованіе индивидуумовъ преодолеваетъ какъ экстенсивное такъ и интенсивное необозримое многообразіе эмпирической дѣйствительности, то точка зрѣнія, которою при этомъ слѣдуетъ руководиться, должна оказаться пригодной и для того, чтобы служить принципомъ образованія понятій, имѣющихъ индивидуальное содержаніе. Въ то же время это болѣе точное опредѣленіе не вноситъ рѣшительно никакого измѣненія въ принципиальную логическую противоположность между природою и исторіей, такъ какъ эмпирическая дѣйствительность, какъ ее изобразилъ бы хотящій человѣкъ дѣйствительной жизни, имѣя въ виду ея своеобразіе и особенность, должна была бы настолько же полагать предѣлъ естественно-научному образованію понятій, какъ воззрительная, необозримая дѣйствительность, вообще не поддающаяся изображенію.

Но какимъ образомъ пониманіе, свойственное хотящему человѣку или дѣйствительной жизни, должно приближать насъ къ понятію исторіи какъ науки? Развѣ именно потому, что оно есть пониманіе, свойственное хотящему человѣку, оно не противоположно научному пониманію? Конечно, историческое пониманіе не можетъ быть тождественно съ пониманіемъ, свойственнымъ хотящему человѣку. Общаго другъ съ другомъ у нихъ лишь различіе индивидуумовъ въ болѣе тѣсномъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ, и оба они сочетаютъ индиви-

дуальныя многообразія въ единства. Но они принципиально отличаются другъ отъ друга и при томъ въ двойномъ отношеніи.

Прежде всего историкъ въ противоположность хотящему человѣку долженъ быть не практикомъ, а теоретикомъ, и поэтому всегда лишь излагать, а не оцѣнивать, т. е. у него и у человѣка практической жизни общи, конечно, точки зрѣнія разсмотрѣнія (Betrachtung), но не сами хотѣнія и оцѣниваніе (Werthen). Мы точно установимъ, въ чемъ состоятъ простое разсмотрѣніе съ точекъ зрѣнія оцѣнки или теоретическое „отнесеніе“ къ цѣностямъ, въ противоположность хотѣнію и непосредственному оцѣниванію. Затѣмъ у индивидуальнаго хотящаго человѣка и цѣнности и цѣли всегда чисто индивидуальны и такимъ образомъ для него множество индивидуумовъ становится индивидуумами, при чемъ однако для другихъ людей не представляется повода равнымъ образомъ признавать эти индивидуальныя, многообразія необходимыми единствами. Напротивъ того, исторія, въ какомъ бы широкомъ смыслѣ ни брать понятіе науки, во всякомъ случаѣ всегда должна стремиться къ такому трактованію (Darstellung), которое обязательно для всѣхъ, и поэтому индивидуальны могутъ быть лишь опредѣленія, касающіяся содержанія ея понятій, но никогда не руководящія принципы ея трактованія. Итакъ, намъ придется еще точнѣе опредѣлить тѣ точки зрѣнія оцѣнки, которыми надлежитъ руководиться при образованіи историческихъ индивидуумовъ.

Начнемъ со второго пункта. Недостаточность до сихъ поръ найденнаго понятія объ историческомъ индивидуумѣ обнаруживается уже въ томъ, что въ дѣйствительной жизни всѣ люди разсматриваются нами какъ индивидуумы. Нѣтъ такого человѣка, индивидуальность котораго была бы настолько лишена для насъ значенія, какъ индивидуальность какого либо кусочка угля. Однако исторія никогда не изображаетъ индивидуальности всѣхъ людей. На чемъ же основывается ограниченіе нѣкоторою частью ихъ? Очевидно на томъ, что исторія интересуется лишь тѣмъ, что, какъ обыкновенно говорятъ, имѣетъ общее значеніе (allgemeine Bedeutung). А это можетъ означать лишь то, что та цѣнность, по отношенію къ которой объекты становятся для нея историческими индивидуумами, должна быть общою цѣнностью. Всѣ люди становятся индивидуумами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ лишь благодаря тому, что мы относимъ всякую человѣческую индивидуальность къ какой либо цѣнности.

Если-же мы, напротивъ того, обратимъ вниманіе на то, какая индивидуальная жизнь лишь по отношенію къ общимъ цѣнностямъ благодаря своей единственности въ своемъ родѣ суммируется въ единство, то мы увидимъ, что и изъ совокупности людей, какъ изъ совокупности всѣхъ другихъ объектовъ, выдѣляется лишь определенное число ихъ. Противопоставляя другъ другу два тѣла, мы выбрали алмазь, такъ какъ, если имѣть въ виду нѣкоторую общую цѣнность, онъ становится ин-дивидуумомъ. Если же мы теперь и противопоставимъ такую личность, какъ Гете, какому нибудь среднему человѣку, и отвлечемся отъ того, что и индивидуальность средняго человѣка что либо значить по отношенію къ какимъ либо цѣностямъ, то оказывается, что Гете относится къ этому человѣку такъ, какъ алмазь кохинуръ къ куску угля, т. е. по отношенію къ общей цѣнности индивидуальность средняго человѣка можетъ быть замѣнена всякимъ объектомъ, подходящимъ подъ понятіе „человѣка“, въ Гете же имѣющимъ значеніе становится именно то, что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ экземпляровъ понятія „человѣкъ“, и не существуетъ никакого общаго понятія, подъ которое его можно подвести. Итакъ, индивидуумъ Гете оказывается ин-дивидуумомъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ индивидуумъ кохинуръ, и отсюда мы видимъ, что отнесеніе къ нѣкоторой общей цѣнности позволяетъ намъ не только вообще различать въ любой дѣйствительности два рода индивидуумовъ, но и производить это различеніе такимъ образомъ, что всякій признаетъ его правильнымъ. Тогда тѣ объекты, которые съ этой точки зрѣнія становятся индивидуумами, изображаетъ исторія, которая, какъ наука, должна обязательно отдѣлять существенное отъ несущественнаго и сочетать существенное въ необходимомъ единство.

Но не упраздняется ли благодаря этому установленное прежде понятіе объ историческомъ и въ особенности противоположность естествознанію? Имѣемъ-ли мы еще право говорить о наукѣ объ особливомъ и индивидуальномъ, коль скоро та цѣнность, которая дѣлаетъ объекты историческими индивидуумами, есть общая цѣнность? Конечно, въ исторіи, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже общихъ элементовъ понятій, существуетъ еще другое общее, и это обстоятельство объясняетъ также, почему въ преніяхъ относительно метода историческихъ наукъ упускалось изъ виду различіе между естествознаніемъ и исторіею, и провозглашался одинъ универсальный методъ. Положеніе,

гласящее: „наука всегда имѣетъ дѣло съ общимъ“, казалось прямо таки само собою разумѣющимся.

Однако, если выяснитъ себѣ, что такое представляетъ собою это другое общее, оказывается, что общая цѣнность, дѣлающая возможной общеобязательность историческаго пониманія, имѣетъ еще менѣе общаго (*hat noch weniger zu thun*) съ естественно-научнымъ общимъ, чѣмъ общіе элементы историческихъ понятій. Вѣдь эти элементы, по крайней мѣрѣ по своему содержанію, общи въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ естественно-научное понятіе. Общая цѣнность, напротивъ того, во-первыхъ, должна отнюдь не обнимать собой нѣсколько индивидуальныхъ цѣнностей какъ свои экземпляры, но лишь быть всеми признаваемою цѣнностью или цѣнностью для всѣхъ и, во-вторыхъ, то, что, поскольку оно относится къ нѣкоторой общей цѣнности, имѣетъ общее значеніе, само не есть вслѣдствіе этого нѣчто общее. Напротивъ того, общее значеніе какого нибудь объекта можетъ даже возрастать въ той же самой степени, въ какой увеличиваются различія, существующія между нимъ и другими объектами, и, слѣдовательно, исторія, именно потому, что она повѣствуетъ лишь о томъ, что находится въ отношеніи къ нѣкоторой общей цѣнности, должна будетъ повѣствовать объ индивидуальномъ и особливомъ. Тогда историческій индивидуумъ имѣетъ значеніе для всѣхъ благодаря тому, чѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ. Тотъ, кто полагаетъ, что общее значеніе имѣетъ ни въ коемъ случаѣ не индивидуальное, но лишь общее, упускаетъ изъ виду тотъ простой фактъ, что именно наиболѣе общія цѣнности часто приурочиваются къ абсолютно индивидуальному и единственному въ своемъ родѣ. Итакъ, исторія, конечно, вообще нуждается въ чемъ то общемъ какъ въ принципѣ выбора, но это общее столь же мало, какъ и общіе элементы понятій, оказывается тою цѣлью, къ достиженію которой она стремится, но оно служитъ лишь средствомъ, которымъ она пользуется для общеобязательнаго трактованія индивидуальнаго.

Такъ какъ отличеніе „общаго со всеми“ отъ „важнаго для всѣхъ“ имѣетъ рѣшающее значеніе для логическаго пониманія историческихъ наукъ, то мы рассмотримъ еще одну попытку определить предметъ исторіи, которая особенно легко можетъ вести къ вышеуказанному смѣшенію понятій. Вѣдь нерѣдко приходится слышать, что историкъ долженъ трактовать лишь о „типическомъ“ и это производить на многихъ впечатлѣніе чего то настолько же само

собою разумѣющагося, какъ то, что излагаться должно лишь существенное, имѣющее значеніе, важное или интересное. Однако въ логическомъ интересѣ имѣется основаніе избѣгать именно этого выраженія для опредѣленія историческаго. Прежде всего оно многозначно. Съ одной стороны типъ означаетъ то же самое, что и совершенное выраженіе (*Ausprägung*) или образецъ. Но, съ другой стороны, этимъ словомъ обозначается и характерное для средняго нѣкоторой группы вещей или процессовъ, и тогда оно означаетъ иногда какъ разъ то же самое, что экземпляръ общаго родового понятія. Оба эти значенія будутъ признаваться одинаковыми лишь въ томъ случаѣ, если въ содержаніи общаго понятія уже усматривается образецъ или идеаль, которымъ должны руководиться отдѣльные индивидуумы, и это предполагаетъ, что индивидуумы суть несовершенныя копіи общаго понятія. Если придерживаться платоновскаго реализма въ ученіи о понятіи, съ точки зрѣнія котораго общія цѣнности суть истинно дѣйствительное и при томъ общее дѣйствительное, этотъ взглядъ имѣетъ смыслъ и, такъ какъ нерѣдко построеныя естествознаніемъ понятія равнымъ образомъ перетолковываются въ метафизическія реальности, то неудивительно, если такого рода предположенія играютъ роль у сторонниковъ естественно-научнаго универсальнаго метода. Если же, напротивъ того, не желаютъ дѣлать никакихъ метафизическихъ предположеній, то типическое, какъ среднее, должно быть тщательно отличаемо отъ типическаго, какъ образцоваго. Такъ какъ среднее, какъ содержаніе общаго понятія, всегда содержитъ въ себѣ меньше, чѣмъ всякій изъ его индивидуальныхъ экземпляровъ, образцовое же должно выходить за предѣлы средняго и содержать въ себѣ больше, чѣмъ общее понятіе, то оба значенія слова „типъ“ принципиально исключаютъ другъ друга и „типическое“ воплощеніе идеала никогда не можетъ быть „типическимъ“ воплощеніемъ общаго содержанія понятія.

Итакъ, положеніе, гласящее, что исторія должна изображать типическое, можетъ означать нѣчто такое, что, не будучи, правда, исчерпывающимъ опредѣленіемъ историческаго индивидуума, все же не оказывается прямо таки ложнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторой части историческихъ объектовъ. Если мы, напр., говоримъ, что Гете или Бисмаркъ — типическіе нѣмцы, то это можетъ означать лишь то, что они въ своей единственности въ своемъ родѣ и индивидуальности образцовы и, такъ какъ они, какъ образцы,

должны также имѣть значеніе для всѣхъ, то они въ самомъ дѣлѣ становятся какъ типы и историческими индивидуумами. Если же, напротивъ того, понятію типа приписываютъ вмѣсто этого иной смыслъ, въ которомъ оно означаетъ среднее, и затѣмъ заявляютъ, что исторія трактуетъ лишь о типическомъ, то приходятъ къ совершенно ошибочному взгляду, будто исторія обращаетъ во всѣхъ индивидуумахъ вниманіе лишь на то, что у нихъ есть общаго съ массой. Если въ такомъ случаѣ Гете или Бисмаркъ называются типами и въ этомъ смыслѣ, то получается странный выводъ, гласящій, что они останавливаютъ на себѣ вниманіе исторіи лишь постольку, поскольку они среднія люди, и такимъ образомъ полагаютъ, что можно придать смыслъ утвержденію, что и „великіе люди“ суть лишь „проявленія массы“ („*Massenerscheinungen*“). Итакъ, выраженіе „типъ“ можетъ лишь способствовать упроченію тѣхъ заблужденій относительно задачъ и сущности исторической науки, которыя возникаютъ благодаря смѣшенію „имѣющаго важное значеніе для всѣхъ“ съ „общимъ со всѣми“. Лишь если мы будемъ тщательно разграничивать другъ отъ друга образцовое и среднее, часто неясно смѣшиваемыя другъ съ другомъ въ значеніи слова „типъ“, исчезнетъ вѣрованіе, будто лишь общее нѣкоторымъ (*das Gemeinsame*) или логически общее (*begrifflich Allgemeine*) имѣетъ общее историческое значеніе.

Конечно, отказъ отъ выраженія „типъ“ не долженъ означать, что исторія никогда не повѣствуетъ о среднихъ типахъ, такъ какъ многіе объекты въ самомъ дѣлѣ и историка интересуютъ лишь тѣмъ, что они раздѣляютъ съ нѣкоторой группой индивидуумовъ, и мы обстоятельнѣе займемся этими историческими средними типами, когда мы перейдемъ отъ абсолютно историческихъ понятій къ относительно историческимъ понятіямъ. Однако здѣсь то обстоятельство, что исторія изображаетъ между прочимъ и средніе типы, можетъ оказаться лишь новымъ основаніемъ для того, чтобы съ большою осторожностью употреблять слово, имѣющее два взаимно исключаютія другъ друга значенія. И даже въ томъ случаѣ, если бы мы всегда ограничивали другъ отъ друга образцовое и среднее, это выраженіе не годилось бы для опредѣленія того, что служитъ объектомъ исторіи, такъ какъ исторія вовсе не имѣетъ дѣла лишь съ объектами, которые суть или типы въ одномъ, или типы въ другомъ смыслѣ слова. Образцовое оказывается историческимъ лишь вълѣдствіе его значенія для всѣхъ.

и отнюдь не всякій историческій индивидуумъ уже и образцовъ. Можно даже сказать, что историка можетъ вовсе не занимать могущая имѣть мѣсто (eventuelle) образцовость имѣющаго значеніе для всѣхъ, и во всякомъ случаѣ историческими индивидуумами становятся и объекты въ родѣ опредѣленныхъ географическихъ положеній, какъ напр. театръ какого либо сраженія, которые вѣдь вовсе не суть средніе типы и которымъ, конечно, не свойственно какое либо образцовое значеніе. Итакъ, если имѣется въ виду получить дѣйствительно обширное понятіе историческаго индивидуума, понятіе типа совершенно непригодно. На первыхъ порахъ мы здѣсь лишь выясняемъ, что, если дѣйствительность по отношенію къ какой либо общепризнанной цѣнности распадается на существенныя и несущественныя составныя части и существенныя составныя части сочетаются въ индивидуальныя единства, то возникающее благодаря этому пониманіе дѣйствительности не оказывается произвольнымъ и поэтому по существу дѣла ненаучнымъ, но что его долженъ признавать всякій и, что слѣдовательно, оно выполняетъ необходимое условіе всякаго научнаго пониманія.

Но мы установили еще второе различіе между историческимъ пониманіемъ и пониманіемъ, свойственнымъ хотящему человѣку въ дѣйствительной жизни. Вѣдь если имѣть въ виду тѣ два примѣра, которыми мы пользовались для выясненія понятія историческаго индивидуума, а именно кохинуръ и Гете, то можно было бы подумать, что историческими индивидуумами должны становиться тѣ части дѣйствительности, которыя сами воплощаютъ въ себѣ цѣнности. Но это понятіе было бы слишкомъ узко, и при томъ недостаточно расширить его, причисляя къ историческимъ индивидуумамъ равнымъ образомъ и отрицательно оцѣниваемыя дѣйствительности. Скорѣе въ задачу исторической науки вообще не входитъ, чтобы она высказывалась относительно того, цѣнны или находятся въ антагонизмѣ съ цѣнностью (werthfeindlich) трактуемая ею индивидуальныя дѣйствительности—вѣдь какъ могла-бы она при этомъ доходить до общезначительныхъ сужденій—, но то, что мы разумѣемъ подъ „отнесеніемъ“ нѣкотораго индивидуума къ нѣкоторой цѣнности, должно быть тщательно отличаемо отъ прямой его оцѣнки. И если бы нашъ взглядъ былъ понятъ такимъ образомъ, будто мы считаемъ высказываніе сужденій, выражающихъ оцѣнку, задачей исторической науки, то это былъ бы прямо таки наихудшее изъ всѣхъ недоразумѣній. Напротивъ того, въ отрѣшеніи всякаго сужденія, выражающаго оцѣнку,

отъ отнесенія къ цѣнности мы должны усматривать существенный признакъ научнаго историческаго пониманія.

✓Что же такое однако, означаетъ то, что нѣкоторый объектъ относимъ къ нѣкоторой цѣнности, не будучи оцѣниваемъ, какъ цѣнный или находящійся въ антагонизмѣ съ цѣнностью? Обратимся, для уразумѣнія этого, еще разъ къ пониманію дѣйствительной жизни, и будемъ при этомъ имѣть въ виду двухъ человѣкъ весьма отличающихся другъ отъ друга въ отношеніи того, что они любятъ и ненавидятъ. Развѣ, не смотря на это, по отношенію къ опредѣленнымъ цѣностямъ, какъ напр. къ политическимъ идеаламъ, дѣйствительность не можетъ совершенно согласующимся для обоихъ образомъ распасться на такіе объекты, которые принимаются ими въ соображеніе лишь какъ экземпляры нѣкотораго родового понятія, и на такіе, индивидуальность которыхъ имѣетъ для нихъ важное значеніе? Пусть одинъ изъ нихъ будетъ радикальный демократъ и фри-трэдеръ, другой—радикальный аристократъ и протекціонистъ. Тогда они, конечно, лишь въ немногихъ случаяхъ будутъ соглашаться другъ съ другомъ въ своихъ выражающихъ оцѣнку сужденіяхъ относительно политическихъ событій ихъ времени или прошлаго, на ихъ родинѣ или у другихъ народовъ, но развѣ въ силу этого одинъ изъ нихъ будетъ съ интересомъ слѣдить за такими индивидуальными политическими событіями, которыя совершенно безразличны для другого? И между политиками наиразличнѣйшихъ направленій предметомъ спора всегда служатъ всегда тѣ же самыя индивидуальныя событія, т. е. различіе въ оцѣнкѣ должны относиться къ общему для нихъ пониманію дѣйствительности, такъ какъ въ противномъ случаѣ спорящіе говорили бы вовсе не объ однихъ и тѣхъ же вещахъ, и поэтому споръ относительно цѣнности послѣднихъ былъ бы вообще невозможенъ.

Но, если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, должна также существовать возможность отдѣлять отличающіяся другъ отъ друга сужденія, „выражающія оцѣнку“, отъ общаго пониманія дѣйствительности, благодаря которому индивидуумами становятся лишь опредѣленные объекты, т. е. раздѣленіе на существенныя и несущественныя элементы совершается совершенно независимо отъ различія сужденій, непосредственно выражающихъ оцѣнку (der direkten Werthurtheile). Однако, съ другой стороны и общее различнымъ партіямъ пониманіе не свободно отъ всякаго „отнесенія“ къ цѣностямъ вообще. Если какой либо объектъ долженъ благодаря

своей индивидуальности получить политическое, или эстетическое, или религиозное значеніе, становится предметомъ спора и выдѣляется какъ индивидуумъ изъ необозримаго обилія объектовъ, то нельзя считать политическую художественную или религиозную жизнь чѣмъ то абсолютно безразличнымъ, но приходится прямо признать какія либо политическія, художественныя, или религиозныя цѣнности цѣнностями, такъ какъ для людей, которые не дѣлаютъ этого, не существовало бы никакого повода относиться къ индивидуальной формѣ опредѣленныхъ объектовъ съ инымъ интересомъ, чѣмъ къ индивидуальной формѣ какихъ либо другихъ. Итакъ, если мы будемъ характеризовать то, благодаря чему возникаетъ пониманіе дѣйствительности, общее различнѣйшимъ оцѣнкамъ, какъ лишь отнесеніе къ цѣностямъ, можно строго отдѣлить это отнесеніе отъ непосредственной положительной или отрицательной оцѣнки.

Если отъ житейскаго пониманія мы снова вернемся къ историческому пониманію, то его логическій идеаль, разъ оно стремится къ тому, чтобы быть наукой, характеризуется тѣмъ, что оно свободно отъ всякаго хотѣнія по отношенію къ объектамъ и поэтому отрѣшается и отъ всякой непосредственной оцѣнки, удерживая, напротивъ того, простое лишь отнесеніе къ общимъ цѣностямъ въ указанномъ смыслѣ. Тогда дѣйствительность расчленяется для него на индивидуумы и экземпляры родовыхъ понятій такимъ образомъ, что и различнѣйшія партіи могутъ соглашаться съ этимъ пониманіемъ. Это не должно, конечно, означать, что и историкъ не высказываетъ иногда прямо сужденій, выражающихъ оцѣнку, или что логика намѣрена воспретить ему это. Этого не требуетъ непременно логическая сущность исторіи, но это выходитъ за предѣлы въ методологическомъ смыслѣ исторической задачи. Напротивъ того, отнесеніе объектовъ къ цѣностямъ логически (begrifflich) не отдѣлимо отъ всякаго историческаго изложенія и, если нѣкоторымъ, быть можетъ, трудно будетъ признать это, то это вытекаетъ лишь изъ того, что именно само собою разумѣющееся мы легче всего упускаемъ изъ виду. Мы въ правѣ предположить признаннымъ, что исторія занимается преимущественно людьми, и что въ предѣлахъ человѣческой жизни не все имѣетъ для нея одинаковое значеніе. Скажутъ, что это абсолютно само собою разумѣется. Конечно, но вѣдь и для этого должны существовать основанія. Почему исторія повѣствуетъ объ одномъ человѣкѣ и не повѣствуетъ о другомъ? Индивидуальныя

различія между ними сами по себѣ не болѣе значительны, чѣмъ индивидуальныя различія между другими вещами, такъ какъ, если мы не выдвигаемъ одного на первый планъ, въ качествѣ существеннаго, и не оставляемъ въ сторонѣ другого, въ качествѣ несущественнаго, всякая вещь опредѣленнаго рода въ необозримо многихъ отношеніяхъ отличается отъ всякой другой вещи. Лишь отнесеніе къ цѣнности (Werthbeziehungen) опредѣляетъ величину индивидуальных различій. Благодаря имъ мы замѣчаемъ одинъ процессъ и отодвигаемъ на задній планъ другой. Чѣмъ болѣе мы склонны игнорировать, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, признаніе извѣстныхъ цѣнностей и отнесеніе къ нимъ извѣстныхъ дѣйствительностей, тѣмъ болѣе основаній имѣется у логики настойчиво указывать на это само собою разумѣющееся и подчеркивать, что безъ отнесенія къ цѣностямъ индивидуальныя различія людей были бы столь же маловажны, какъ различія морскихъ волнъ или листьевъ, уносимыхъ вѣтромъ.

Вслѣдствіе важности этого пункта слѣдуетъ въ заключеніе еще сдѣлать попытку пояснить его на примѣрахъ. Если историкъ желаетъ напр. написать исторію возрожденія или романтической школы, то онъ, конечно, можетъ составить себѣ идеаль исторической „объективности“, при достиженіи котораго никто не замѣтилъ бы, дѣлаютъ-ли его политическія или художественныя убѣжденія симпатичными или не симпатичными ему возрожденіе или романтизмъ; представляются ли они ему продуктами высшаго расцвѣта, или стадіями глубочайшаго паденія въ развитіи человѣчества. Пусть онъ на самомъ дѣлѣ не достигнетъ этого идеала, но онъ можетъ по крайней мѣрѣ вмѣнить себѣ въ научную обязанность воздержаться отъ сужденія относительно цѣнности трактуемыхъ объектовъ, такъ какъ научно обоснованное мнѣніе возможно лишь относительно фактическаго хода событій, но никогда не относительно его цѣнности. Но развѣ вслѣдствіе этого цѣнности вообще не играютъ никакой роли въ его дѣятельности? Многіе историки въ самомъ дѣлѣ могутъ думать, что, при стремленіи къ научной объективности, ихъ въ самомъ дѣлѣ нисколько не касаются цѣнности. Но фактически ни одинъ историкъ не интересовался бы тѣми однократными и индивидуальными процессами, которые называются возрожденіемъ или романтической школою, если бы эти процессы благодаря ихъ индивидуальности не находились въ отношеніи къ политическимъ, эстетиче-

скимъ, или другимъ общимъ цѣнностямъ, и поэтому вѣрованіе въ возможность когда либо придерживаться въ исторіи абсолютно чуждой оцѣнки точки зрѣнія, т. е. избѣгать не только сужденій, выражающихъ оцѣнку, но и отнесенія къ цѣнностямъ, всегда оказывается самообманомъ. Всякій безъ дальнихъ околичностей признаетъ, что исторія должна изображать лишь „существенное“, и историку даже вмѣняютъ въ тяжкую вину, если онъ не слѣдуетъ этому правилу. Но вѣдь слова „существенное“, или же „интересное“, „характерное“, „важное“, „имѣющее значеніе“, примѣнять которыя къ историческому всегда возможно, не имѣютъ никакого видимаго смысла безъ предположенія какихъ либо признанныхъ цѣнностей. Итакъ, собственно говоря, утверждая, что всякій объектъ, составляющій предметъ исторіи, долженъ быть относимъ къ нѣкоторой цѣнности, мы лишь придаемъ весьма тривиальной истинѣ, гласящей, что все то, что излагаетъ исторія, интересно, характерно, важно, или имѣетъ значеніе, логически пригодное выраженіе.

Оглянемся теперь еще разъ назадъ. Определеніе понятія историческаго индивидуума прошло чрезъ три стадіи. Сперва историческое оказывалось дѣйствительнымъ безъ ограниченій, которое всюду индивидуально въ смыслѣ единственнаго въ своемъ родѣ, и это понятіе было достаточно для выясненія границъ естественно научнаго образованія понятій. Затѣмъ историческое стало такимъ дѣйствительнымъ, которое приводится нѣкоторымъ хотящимъ существомъ въ связь съ нѣкоторою цѣнностью, будучи въ то же время дѣйствительнымъ, цѣльнымъ въ своей единственности въ своемъ родѣ, и при этомъ мы ознакомились съ пониманіемъ дѣйствительности, свойственнымъ практической жизни. Наконецъ мы могли опредѣлять историческій индивидуумъ какъ дѣйствительность, благодаря отнесенію къ нѣкоторой цѣнности долженствующую для всякаго суммироваться въ единственное въ своемъ родѣ и цѣльное многообразіе, и могущую затѣмъ быть изображаемою такимъ образомъ, какъ она съ точки зрѣнія этого чисто теоретическаго разсмотрѣнія (*Betrachtung*) распадается на существенныя и несущественныя составныя части. Лишь благодаря этому достигается то понятіе, которое обнимаетъ собою объекты историческихъ наукъ. Обѣ первыя ступени опредѣленія понятія не представляютъ уже теперь для насъ никакого интереса. Онѣ служатъ лишь тѣмъ путемъ, идя которымъ мы должны

были постепенно доходить до понятія о подлинномъ историческомъ индивидуумѣ, и когда въ дальнѣйшемъ изложеніи мы говоримъ объ историческихъ индивидуумахъ или индивидуумахъ безъ дальнѣйшихъ добавленій, то всегда имѣется въ виду лишь понятіе на третьей стадіи опредѣленія. Конечно, и это понятіе еще чисто формально и, по сравненію съ предметнымъ понятіемъ исторіи, оно все еще слишкомъ обширно. Однако логически понятіе исторіи допускаетъ теперь слѣдующую формулировку: исторія есть наука имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, поскольку она имѣетъ дѣло съ однократными индивидуальными дѣйствительностями какъ таковыми, она есть наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, поскольку она становится на общеобязательную для всѣхъ точку зрѣнія разсмотрѣнія и поэтому дѣлаетъ объектомъ своего трактованія лишь имѣющія значеніе, благодаря отнесенію ихъ къ нѣкоторой общей цѣнности, индивидуальныя дѣйствительности или историческіе индивидуумы.

Быть можетъ не вполне излишне указать на то обстоятельство, что словоупотребленіе можно очень хорошо согласить съ тремя ступенями нашего опредѣленія понятія объ историческомъ. Многозначное слово „историческое“ мы употребляемъ во первыхъ для того, чтобы обозначить простую лишь фактичность (*die blosse Thatsachlichkeit*), нѣкотораго сужденія. Если мы напр. говоримъ, что часто цитируемое изреченіе Галилея: „а всетаки она движется“ не оказывается историческимъ, то это означаетъ лишь то, что Галилей не произнесъ этихъ словъ. „Историческое“ означаетъ здѣсь какъ разъ то же самое, что „дѣйствительное“, и тогда мы понимаемъ также, почему всѣ рационалисты неодобрительно отзываются о фактическихъ истинахъ, какъ о всего лишь „историческихъ“. Этотъ первый смыслъ слова былъ нашимъ первымъ понятіемъ.

Однако, во вторыхъ мы съ удареніемъ говоримъ объ „историческомъ моментѣ“, когда мы полагаемъ, что нѣкоторое событіе имѣетъ большое значеніе, и даже мы сами получаемъ значеніе въ собственныхъ глазахъ, если намъ суждено бываетъ переживать такой историческій моментъ, и это значеніе, конечно, можетъ возникать лишь благодаря приведенію въ связь съ нѣкоторою цѣнностью. Итакъ, второй смыслъ слова „историческое“ совпадаетъ со второю стадіей нашего понятія.

Наконецъ, въ третьихъ, мы говоримъ: то или иное „стало исто-

рическим“ или „принадлежитъ исторіи“, и при этомъ мы опять таки имѣемъ въ виду нѣчто совершенно иное. Мы желаемъ сказать этимъ, что какое либо прежнее событіе не имѣетъ уже никакой непосредственной цѣнности для современной жизни и не находится въ связи съ нашимъ хотѣніемъ напр. нѣкоторые философы желаютъ чтобы Кантъ сталъ наконецъ „историческимъ“ въ этомъ смыслѣ, т. е. они хотятъ элиминировать его изъ философской борьбы настоящаго времени. Но съ другой стороны даже и ставшій „историческимъ“, Кантъ все же продолжалъ бы находиться въ совершенно опредѣленныхъ отношеніяхъ къ научнымъ цѣностямъ и принадлежалъ бы исторіи лишь вслѣдствіе этихъ отношеній. Итакъ, мы видимъ, какъ третье значеніе слова „историческое“ опять таки какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ понятіемъ, которое мы должны были соединить съ понятіемъ индивидуума какъ послѣднее значеніе для того, чтобы выработать пригодное для наукоученія понятіе историческаго индивидуума. Вкратцѣ мы можемъ сказать, что всѣ тѣ три различныхъ значенія, которыя имѣетъ слово „историческое“, а именно, дѣйствительное, важное и не подлежащее спору, одинаково могли быть приняты нами въ соображеніе и „отмѣнены“ („aufgehoben“) въ нашемъ понятіи, и это могло бы по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени оправдывать развитія нами соображенія.

III.

Телеологическое образованіе понятій.

Разъ мы знаемъ теперь, что такое историческій индивидуумъ, не можетъ уже существовать никакого сомнѣнія и относительно принципа историческаго образованія понятій, поскольку дѣло идетъ объ абсолютно историческомъ. Въ историческія понятія должно входить именно то, что благодаря простому лишь отнесенію къ общепризнаннымъ цѣностямъ выдѣляется изъ дѣйствительности и сочетается въ индивидуальныя единства. Теперь не требуетъ уже дальнѣйшихъ разъясненій, какимъ образомъ этимъ путемъ преодолевается какъ экстенсивное такъ и интенсивное необозримое многообразіе. Изъ экстенсивнаго многообразія различныхъ формъ лишь небольшая часть входитъ въ историческія понятія, и изъ интенсивнаго многообразія единичнаго

историческаго индивидуума опять таки лишь небольшая часть составляетъ существенное содержаніе историческаго понятія. Итакъ, роль этого образованія понятій совершенно аналогична роли естественно-научнаго образованія понятій по отношенію къ упрощенію, но диаметрально противоположна ей по отношенію къ результату, касающемуся содержанія. Между тѣмъ какъ естественно-научное понятіе содержитъ въ себѣ лишь общее нѣсколькимъ индивидуальнымъ формамъ и исключаетъ изъ содержанія понятія то, что принадлежитъ лишь единичнымъ индивидуумамъ, въ историческое понятіе входитъ какъ разъ то, чѣмъ различные индивидуумы отличаются другъ отъ друга, при чемъ оно оставляетъ въ сторонѣ общее послѣднимъ. Слѣдовательно, мы ознакомляемся съ такого рода обработкой при посредствѣ понятій, благодаря которой содержаніе науки не удаляется все болѣе и болѣе отъ индивидуальности дѣйствительности и благодаря этому отъ дѣйствительности вообще, какъ это было при упрощеніи, производимомъ при посредствѣ естественно-научныхъ понятій (Naturbegriffe), но принимаетъ такую форму, что оно выражаетъ хотя еще и не возрѣніе, но все же индивидуальность эмпирическаго бытія и благодаря этому оказывается разрѣшенной обширнѣйшая логическая проблема историческаго изложенія.

Дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы еще нѣсколько ближе ознакомиться съ этимъ историческимъ образованіемъ понятій. Поскольку единство историческаго индивидуума всегда основывается на отнесеніи къ нѣкоторой цѣнности, мы можемъ охарактеризовать его какъ телеологическое единство, и индивидуумы какъ телеологическіе индивидуумы. Но, такъ какъ историческое образованіе понятій всегда должно примыкать къ этому телеологическому образованію индивидуумовъ, мы назовемъ телеологическимъ и его принципъ, и будемъ отличать историческое образованіе понятій отъ естественно-научнаго какъ телеологическое образованіе понятій ¹⁾.

¹⁾ Если бы было допустимо образованіе, немогущаго быть филологически оправданнымъ, термина, то историческій индивидуумъ можно было бы также назвать „Individuendum“ и историческое образованіе понятій— „Individuendenbildung“. Но лучше будетъ всюду, гдѣ должно быть отмѣчено, что индивидуумъ означаетъ телеологическое единство, т. е. не подлежащую дѣленію индивидуальность, писать индивидуумъ, что, правда, не выражаетъ телеологическаго момента долженствованія не-быть дѣлимымъ (des nicht-getheilt-werden-Sollens).

Однако, въ наши дни зачастую полагають, что наука должна устранять всякую телеологию. Поэтому выраженіе „телеологическое“, конечно, вызывает во многихъ подозрѣніе, и въ особенности тотъ, кто говоритъ о телеологіи въ историческихъ наукахъ, долженъ остерегаться недоразумѣній, такъ какъ именно историческая телеологія пользуется плохую репутаціей. Историки также хотять теперь во чтобы то ни стало быть „современными“ („modern“), они отреклись поэтому отъ всякой телеологіи, и мы вовсе не имѣемъ въ виду отрицать, что существуетъ совершенно ненаучная историческая телеологія. Однако часто антитеологическая тенденція привязывается лишь къ несовременному слову, т. е. не даютъ себѣ труда отграничить другъ отъ друга тѣ различныя значенія, которыя можетъ имѣть это выраженіе, а поэтому вѣдь приходится поставить вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли все телеологическое должно быть отвергаемо уже потому, что существуютъ опредѣленные виды телеологіи, которые въ самомъ дѣлѣ вовсе не правомѣрны научно.

Понятія о каузальномъ и о гносеологическомъ часто противоплагаются другъ другу, и тогда несостоятельной признается всякая телеологія, такъ какъ она представляется несомѣстимой съ каузальнымъ пониманіемъ. Конечно, въ этой формѣ противоположеніе не особенно удачно, такъ какъ, если телеологическое пониманіе должно исключать каузальное, различіе можетъ состоять лишь въ томъ, что при каузальномъ пониманіи эффектъ мыслится какъ производимый причинами, предшествующими ему во времени, между тѣмъ какъ при телеологическомъ пониманіи о немъ утверждается, что онъ, какъ цѣль, долженъ обладать способностью дѣйствовать прежде, нежели онъ осуществленъ. Итакъ, на самомъ дѣлѣ оба пониманія каузальны, и поэтому слѣдовало бы говорить не о противоположности между причинностью и телеологіей вообще, а лишь о двухъ различныхъ видахъ причинности, какъ это находятъ выраженія въ словосочетаніяхъ: *causa efficiens* и *causa finalis*. Однако и *causa finalis* всегда бываетъ дѣйствующею причиной, и, слѣдовательно, то различіе, которое имѣется въ виду, состоитъ лишь въ томъ, что при телеологическомъ пониманіи причинности временная послѣдовательность причины и эффекта переверачивается т. е. въ одномъ случаѣ причина нѣкоторымъ образомъ придвигаетъ за собой эффектъ, тогда какъ въ другомъ случаѣ конечная цѣль обладаетъ способностью привлекать къ себѣ то, благодаря чему она должна осуществляться.

Но, какъ бы то ни было, при эмпирическомъ разсмотрѣніи дѣйствительности въ самомъ дѣлѣ всегда можетъ примѣняться лишь перваго рода понятіе причинности, и поэтому въ исторической наукѣ, конечно, правомѣрна борьба противъ той телеологіи, которая сводится къ временному переверачиванію (*zeitliche Umkehr*) отношенія причинности и допускаетъ дѣйствующія цѣли. Причины, которыя дѣйствуютъ прежде, нежели онѣ дѣйствительны, никогда не бывають даны намъ какъ факты, и поэтому, разъ исторія должна быть эмпирическою наукою, ее никогда не можетъ занимать вопросъ о томъ, оказываютъ ли на дѣйствительность вліяніе причины, обладающія способностью привлекать къ себѣ матеріаль для собственнаго ихъ осуществленія. Проблема телеологической причинности, если это вообще есть проблема, относится скорѣе къ метафизикѣ, и мы намѣрены характеризовать этого рода телеологию, которой приходится считаться съ причинами, лежащими за предѣлами всей эмпирической дѣйствительности, какъ метафизическую телеологию.

Однако, извѣстное переверачиваніе временной послѣдовательности причины и эффекта, повидимому, оказывается на лицо и тамъ, гдѣ какое либо сознательное существо имѣетъ въ виду какую либо цѣль и достигаетъ ея своими направляемыми волею поступками. И, быть можетъ, понятіе метафизической телеологіи вовсе не возникло бы, если бы его нельзя было образовать по аналогіи съ такими процессами. Ясно, однако, что это телеологическое пониманіе должно быть строго отличаемо отъ метафизическаго комбинированія телеологіи съ причинностью (*Kausalitätsteleologie*). Здѣсь нѣтъ дѣйствительнаго измѣненія временнаго порядка причины и дѣйствія. Дѣйствуетъ лишь мысль о цѣли, а не самая цѣль, и мысль предшествуетъ тому эффекту, который имѣется въ виду, и во времени. Итакъ, телеологическій процессъ этого рода вполне подходитъ подъ единственно имѣющее силу для эмпирической дѣйствительности понятіе причинности, и эта телеологія постольку касается исторической науки, поскольку она въ самомъ дѣлѣ можетъ быть примѣняема для пониманія историческихъ процессовъ. Тамъ, гдѣ оказываются вещи, очевидно служащія для выполненія нѣкоторой цѣли, при чемъ эмпирически нельзя установить этой цѣли, какъ мотива нѣкоего дѣйствующаго существа, для того, чтобы понять эти вещи, будутъ заключать къ дѣятельности существъ, поступки которыхъ направляются сознательною, ставящею цѣли, волею.

Но этот способ разсмотрѣнія можно обобщить и такимъ образомъ, что онъ распространяется на всю человѣческую жизнь, т. е. вездѣ ищутъ сознательныхъ намѣреній и цѣлей, и исторія дѣлала это иногда. Тогда она полагаетъ, что она можетъ понять ходъ историческихъ событій, лишь повсюду обнаруживая, какую цѣнность имѣютъ историческія образованія для людей, и заключаетъ отсюда, что историческія образованія и были всюду намѣренно созданы разумными существами, имѣвшими въ виду эту цѣнность. Тогда, стало быть, исторія тоже принципиально придерживается телеологическаго разсмотрѣнія, и мы намѣрены характеризовать эту телеологию какъ рационалистическую телеологию. Извѣстно, какую роль она играла: утверждалось, будто люди создали рѣчь, такъ какъ они нуждались въ ней для взаимнаго соглашенія; утверждалось, будто они создали государство для того, чтобы урегулировать свою жизнь и сдѣлать ее счастливой, и т. д., и т. д. Тогда, благодаря такимъ предположеніямъ, содержаніе всякаго историческаго изложенія должно получать совершенно опредѣленный телеологическій отпечатокъ.

Спрашивается теперь: эту ли рационалистическую телеологию мы имѣемъ въ виду, говоря о телеологическомъ методѣ исторической науки? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на нѣкоторые историческіе процессы въ существенныхъ ихъ составныхъ частяхъ оказывали вліяніе личности, дѣйствовавшія согласно сознательнымъ цѣлямъ. Но о намѣреніи сдѣлать изъ этой рационалистической телеологіи общій принципъ исторіи не можетъ быть рѣчи уже потому, что вѣдь историческіе индивидуумы въ нашемъ смыслѣ вовсе не должны непременно быть существами, ставящими себѣ цѣли и дѣйствующими соотвѣтственно этому, но историческими индивидуумами могутъ становиться и тѣла. Итакъ, рационалистическая телеологія точно такъ же, какъ и метафизическая, дежитъ совершенно внѣ нашего кругозора, когда мы говоримъ о телеологическомъ образованіи понятій.

У насъ имѣется еще особое основаніе для того, чтобы сдѣлать это замѣчаніе. Вѣдь, повидимому, общимъ рационалистической исторической телеологіи и нашему взгляду на сущность исторіи оказывается равнымъ образомъ еще и другое понятіе: относительно обоихъ ихъ можно сказать, что они „индивидуалистичны“. Тотъ, кто разсматриваетъ сознательную постановку цѣлей и вытекающее изъ нея дѣйствіе какъ побудительный факторъ всего историческаго дви-

женія, а, вслѣдствіе этого, и цѣль — какъ принципъ объясненія исторіи, долженъ не только усматривать главный предметъ всей исторіи въ единичныхъ личностяхъ, такъ какъ вѣдь лишь у нихъ можно констатировать сознательную постановку цѣлей, но вслѣдствіе этого онъ также долженъ думать, что единичные индивидуумы дѣлаютъ исторію, такъ что все оказывается продуктомъ индивидуальнаго намѣренія.

Но мы, конечно, очень далеки, опять таки, и отъ того, чтобы отстаивать индивидуалистическое пониманіе исторіи въ этомъ смыслѣ. Если мы разсматриваемъ индивидуальное какъ объектъ историческаго изложенія, то при этомъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы выдавать индивидуальную волю за факторъ, имѣющій рѣшающее значеніе для историческаго процесса, но лишь о томъ, чтобы показать, что исторія, какъ наука, занимающаяся дѣйствительностью, имѣетъ дѣло съ однократнымъ и частнымъ, и это мнѣніе, какъ чисто логическое утвержденіе, согласимо съ различнѣйшими взглядами на то, какіе факторы въ самомъ дѣлѣ играютъ роль въ историческомъ процессѣ. Мы здѣсь вообще еще не ставимъ вопроса о томъ, встрѣчаются ли въ фактическомъ матеріалѣ исторіи индивидуальныя постановки цѣлей, но мы, напротивъ того, подчеркиваемъ, что и тѣлесные процессы бываютъ объектами исторіи. Можетъ, конечно, быть поставленъ и вопросъ о томъ, оказываются ли, въ концѣ концовъ, между телеологическимъ методическимъ принципомъ, связывающимъ въ единство существенныя составныя части какого нибудь историческаго понятія и особенностями исторіи, вытекающими изъ того, что она, между прочимъ, имѣетъ дѣло и со ставящими цѣли личностями, на лицо какія либо отношенія. Но этотъ вопросъ принадлежитъ къ проблемамъ, вытекающимъ изъ своеобразія историческаго метода, и поэтому здѣсь мы должны еще совершенно не касаться его.

Итакъ, если телеологическій характеръ исторіи обуславливается не цѣлями, встрѣчающимися въ историческомъ матеріалѣ, но лишь точками зрѣнія, съ которыхъ производится оцѣнка и которыя имѣются въ виду при образованіи историческихъ понятій, намъ и не слѣдуетъ удивляться, если въ содержаніи многихъ историческихъ изложеній не оказывается никакихъ слѣдовъ телеологіи, и вслѣдствіе этого многіе историки могутъ думать, что имъ чужды всѣ телеологическія точки зрѣнія. Въ большинствѣ случаевъ телеологически

принадлежащіе другъ къ другу элементы историческихъ понятій просто размѣщаются другъ возлѣ друга, какъ будто лишь требовалось констатировать нѣчто чисто фактическое. Ихъ телеологическое единство, которое состоитъ въ томъ, что лишь они представляютъ собою для историка то, что для него существенно въ данномъ процессѣ, отнюдь не должно вслѣдствіе этого непременно находить себѣ и словесное выраженіе, но телеологическая необходимость элементовъ понятій обнаруживается лишь въ томъ, что они вообще встрѣчаются въ изложеніи. Поэтому телеологическую структуру какого либо исторического изложенія всегда приходится сперва найти, и мы не вправѣ ожидать, чтобы намъ возможно было констатировать то, что мы имѣемъ въ виду, въ любомъ положеніи какого либо исторического труда; вѣдь существуютъ историческія изложенія, въ которыхъ лишь по связи цѣлаго можно узнать руководящія точки зрѣнія образованія понятій, и для обнаруженія телеологического принципа требовался бы обстоятельный, детальный анализъ. Лишь иногда мы находимъ въ историческихъ сочиненіяхъ положенія, уже во внѣшней формулировкѣ которыхъ явственно обнаруживается то, что мы имѣемъ здѣсь въ виду и это встрѣчается въ особенности тамъ, гдѣ у историка существуетъ потребность оправдать изложеніе процесса, который, быть можетъ, кажется многимъ несущественнымъ. Тогда предпосылка, обыкновенно сама собою разумѣющаяся, должна становиться проблемой и находить и свое словесное выраженіе. Но это исключительные случаи. Затѣмъ изъ характера исторіи, какъ повѣствовательной науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, вытекаетъ, что въ ней внѣшняя форма изложенія гораздо менѣ совпадаетъ съ его внутренней логической структурой, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ естественныхъ наукахъ. Телеологически необходимо то, что относится „къ дѣлу“. Поэтому объ одномъ повѣствуется, о другомъ нѣтъ. Итакъ, лишь въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что еще не было такого историка, который не придерживался бы телеологического трактованія.

Теперь мы можемъ попытаться еще нѣсколько точнѣе опредѣлить своеобразіе исторически-телеологического образованія понятій и, такъ какъ прежде всего должно отчетливо выясниться его отношеніе къ естественно-научному образованію понятій, мы приводимъ это опредѣленіе въ связь съ тѣми различными стадіями совершенства, которыя мы могли различить, когда дѣло шло объ этомъ послѣднемъ.

Мы ознакомились съ эмпирическою общностью, опредѣленностью и безусловною общеобязательностью, какъ съ его тремя сторонами и теперь мы намѣрены взглянуть, въ какой степени оказываются на лицо соотвѣтственные проблемы исторического образованія понятій.

Прежде всего, что касается эмпирической общности, мы вспоминаемъ, что естественно-научное образованіе понятій для того, чтобы быть въ состояніи производить упрощеніе дѣйствительности, нуждалось въ произвольно возникшей исходной точкѣ, т. е. его приходилось понимать какъ сознательное и систематическое продолженіе нѣкотораго до-научнаго процесса, результаты котораго мы находили данными въ такъ называемыхъ общихъ значеніяхъ словъ языка повседневной жизни. Тамъ они не играли, какъ въ историческомъ изложеніи, лишь роли элементовъ понятій и средствъ, но въ нихъ заключался уже и примитивный родъ объединенія, общаго для нѣкотораго множества вещей, слѣдовательно въ нихъ оказывалось на лицо въ логическомъ смыслѣ естественно-научное понятіе съ общимъ содержаніемъ, которому не доставало лишь научнаго оправданія.

Если мы будемъ теперь искать для исторического образованія понятій чего либо аналогичнаго этимъ примитивнымъ естественно-научнымъ понятіямъ, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе не на слова, имѣющія общее значеніе, а напротивъ того на то обстоятельство, что существуютъ собственные имена, относящіяся лишь къ единичнымъ, однажды оказывающимся на лицо индивидуальнымъ объектамъ. Вѣдь уже благодаря обозначенію посредствомъ ихъ въ необозримомъ экстенсивномъ многообразіи вещей обособляется опредѣленное число такихъ вещей, которыя имѣютъ значеніе благодаря ихъ своеобразію и которыя, слѣдовательно, суть индивидуумы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и въ которыхъ тѣ признаки, благодаря которымъ они отличаются отъ остальныхъ собственнымъ именемъ, болѣе или менѣе отчетливо выдѣляются изъ ихъ необозримаго интенсивнаго многообразія. А это можетъ основываться лишь на томъ, что опредѣленные индивидуумы именно вслѣдствіе ихъ индивидуальности бываютъ относимы къ нѣкоторой цѣнности, и въ произвольно начатомъ отграниченіи существеннаго отъ несущественнаго, находящемъ свое выраженіе въ обозначеніи собственными именами, мы можемъ поэтому усматривать примитивнѣйшую форму исторического образованія индивидуумовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Однако это отграниченіе часто представится результатомъ чисто

индивидуального произвола. Кто либо обозначает посредством собственных именъ своихъ домашнихъ животныхъ, между тѣмъ какъ для другихъ эти объекты суть лишь кошки, собаки и т. д., слѣдовательно экземпляры рода, т. е. у той точки зрѣнія, съ которой совершается оцѣнка и которая имѣется въ виду при выдѣленіи собственными именами, отсутствуетъ еще всякое общее значеніе, которое должно оказываться на лицо, коль скоро процессъ выбора долженъ быть разсматриваемъ какъ хотя бы подготовительная ступень, ведущая къ научному образованію историческихъ понятій. Поэтому опять таки слѣдуетъ различать между такими индивидуумами, которые выдѣляются изъ массы лишь для какого либо существа, и такими индивидуумами, которые выдѣляются изъ массы благодаря собственному имени для всѣхъ и которые, стало быть, дѣйствительно „составили себѣ имя“. Подъ „всѣми“ мы можемъ разумѣть при этомъ всякое количество живущихъ въ общеніи людей. Тогда примитивнѣйшую форму историческаго образованія понятій можно, пожалуй, констатировать въ фамиліяхъ. Отдѣленіе того, что представляетъ собой индивидуумъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, отъ того, что представляетъ собой лишь экземпляръ рода, будетъ производиться здѣсь всѣми членами на основаніе общихъ имъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ совершается оцѣнка, и лишь тогда возможна исторія фамиліи, которую можно признать эмпирически имѣющей силу. Она обращается къ кругу людей, между которыми существуетъ согласіе относительно того, какія индивидуальныя образованія имѣютъ достаточно значенія для того, чтобы о нихъ сохранялось воспоминаніе.

Но то же самое должно имѣть силу и по отношенію ко многимъ другимъ группамъ людей, въ которыхъ вообще господствуетъ какая либо общность интересовъ. Несмотря на всѣ различія вкуса или идеаловъ дѣйствительность согласующимся образомъ распадается на такія образованія, которыя имѣютъ значеніе благодаря ихъ индивидуальному своеобразію, и на такія, которыя принимаются во вниманіе лишь какъ экземпляры рода и тамъ, гдѣ это происходитъ, исторія болѣею частью уже оказывается на лицо въ какой либо формѣ традиціи, при чемъ изслѣдованіе можетъ тогда взять эту послѣднюю за исходный пунктъ. Оно должно сознательно давать дальнѣйшее развитіе этому пониманію дѣйствительности, подобно тому какъ естествознаніе беретъ за исходный пунктъ общія значенія словъ для того, чтобы доходить до естественно-научныхъ общихъ понятій. Этимъ

констатируется аналогія и въ то же время противоположность примитивнѣйшему роду естественно-научнаго образованія понятій.

Что же затѣмъ соотвѣтствуетъ процессу опредѣленія понятій въ исторіи? Мы знаемъ, что въ естествознаніи существенные элементы понятія отчетливо выдѣляются какъ „признаки“ посредствомъ „опредѣленія“ (eine Definition), такъ что воззрительное многообразіе, оказывающееся на лицо въ качествѣ замѣщенія, когда дѣло идетъ о большинствѣ естественно-научныхъ понятій, не оказываетъ служащаго помѣхою вліянія на опредѣленность содержанія понятія. Можетъ-ли и задача историческаго образованія понятій равнымъ образомъ состоять въ объединеніи телеологически существенныхъ элементовъ какого-либо индивидуума въ комплексъ признаковъ, во всякое время подлежащій анализу, и возможно болѣе вытѣснить всѣ прочія составныя части, изъ которыхъ состоитъ его воззрительное многообразіе? Иными словами, слѣдуетъ-ли искать различія между естественно-научнымъ и историческимъ трактованіемъ лишь въ томъ, что первое объединяетъ тѣ элементы, которые оказываются общими въ нѣсколькихъ представленіяхъ, второе-же, напротивъ того, такіе, на которыхъ основывается значеніе какого-либо единственнаго индивидуальнаго объекта?

Пока мы старались свести принципиальную противоположность между тѣмъ и другимъ родомъ образованія понятій къ абстрактной формулѣ, мы должны были придавать этому главное значеніе. Теперь однако надлежитъ столь же рѣшительно поставить на видъ, что вышеуказанный телеологическій принципъ даетъ для историческаго изложенія лишь руководящую точку зрѣнія, дѣлающую для него возможной общеобязательнымъ образомъ отличать существенное отъ несущественнаго, но что, напротивъ того, законченное историческое изложеніе всегда идетъ далѣе того, что можно назвать историческимъ образованіемъ понятій въ строгомъ смыслѣ слова, и при томъ это опять таки вытекаетъ изъ понятія исторіи какъ науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью. Вся эмпирическая дѣйствительность не только индивидуальна, но и воззрительна, и хотя воззрѣніе не можетъ цѣликомъ войти ни въ какую науку, однако исторія можетъ по крайней мѣрѣ стремиться подойти къ ней ближе, чѣмъ это возможно посредствомъ одного лишь сочетанія телеологически необходимыхъ элементовъ въ индивидуальное понятіе. Сообразно этому то, что въ естествознаніи не относится къ дѣлу, но лишь произвольно появ-

ляется и чего нельзя избѣжать въ особенности тогда, когда отвлеченному изложенію способствуют образы, а именно выхожденіе за предѣлы познаваемаго въ понятіяхъ и изображеніе воззрительнаго многообразія, становится необходимой задачей для исторіи, какъ науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью. Она должна пытаться давать и индивидуальныя воззрѣнія своихъ объектовъ, въ которыхъ телеологически существенные элементы оказываются наряду съ такими составными частями, которыя служатъ лишь для возбужденія фантазій, и въ которыхъ оба эти фактора объединяются въ единое воззрительное цѣлое. Итакъ, исторія также стремится къ тому, чтобы достичь опредѣленности своего изложенія, но не путемъ опредѣлений, а путемъ возможно болѣе ясныхъ и отчетливыхъ наглядныхъ образовъ.

Историкъ можетъ даже прямо таки стараться скрыть руководящій его изложеніемъ телеологическій принципъ, или въ большинствѣ случаевъ онъ вообще не будетъ отдавать себѣ отчета въ томъ, что представляетъ собой телеологически существенный признакъ, и что онъ включаетъ въ свое изложеніе лишь для того, чтобы вновь приблизиться къ воззрительной дѣйствительности благодаря наивозможно болѣе точно опредѣленному индивидуальному образу; и поэтому онъ часто будетъ обращать свое вниманіе прежде всего на то, чтобы его изложеніе вновь наглядно воспроизводило прошлое и дѣлало возможнымъ вторичное переживаніе его. Само собою разумѣется, что онъ никогда не можетъ начертать во всѣхъ отношеніяхъ опредѣленный образъ, но долженъ предоставлять многое свободной игрѣ фантазій, однако просторъ для возможныхъ разногласій все же долженъ быть въ значительной степени ограничиваемъ, такъ что фантазія по крайней мѣрѣ принимаетъ опредѣленное направленіе. При этомъ иногда уже сочетанія небольшого числа элементовъ будетъ достаточно для того, чтобы вызвать въ каждомъ наглядное представленіе объ индивидуальномъ своеобразіи, иногда же необходимы напротивъ того подробныя описанія, пока различныя значенія словъ не объединятся въ опредѣленный индивидуальный образъ. Однако, если аналогичное естественнонаучному образованію понятій надлежитъ усматривать не въ историческихъ „опредѣленіяхъ“, а лишь въ формированіи возможно болѣе опредѣленныхъ индивидуальныхъ воззрѣній, принципиальное различіе между обоими родами научнаго трактованія снова обнаруживается во всей своей силѣ.

Конечно, благодаря этому мы въ тоже время опять таки дошли до такого пункта, гдѣ логическому пониманію исторической науки положенъ непреодолимый предѣлъ. Какъ въ частностяхъ оставалось логически непонятнымъ, какіе пробѣлы обнаруживаетъ какое либо историческое изложеніе вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ, и чего поэтому содержится въ немъ менѣе, чѣмъ должно было бы содержаться, если имѣть въ виду логическій идеалъ, точно такъ же нельзя въ частностяхъ понять и того, что изъ дѣйствительности изображается болѣе, чѣмъ телеологически необходимо, такъ какъ при усиліяхъ, клонящихся къ достиженію наглядности изложенія, чисто личнымъ склонности и дарованію историка предоставленъ самый широкій просторъ. Здѣсь исторія обращается къ фантазіи и даже нуждается въ фантазіи. Но коль скоро начинаетъ играть роль фантазій, кончается роль логики. Она можетъ лишь въ общемъ понять, почему изложенія науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, должны какъ вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ оставаться позади телеологически необходимаго, такъ и вслѣдствіе потребности въ наглядности идти далѣе необходимаго, но во всякомъ частномъ случаѣ какъ minus такъ и plus остаются для нея логически случайными.

Это логически случайное plus вмѣстѣ съ тѣмъ снова объясняетъ намъ и то, почему вообще оспаривалась возможность логики исторіи. Но, коль скоро мы выяснили, какими частями историческаго изложенія ограничена невозможность логическаго дедуцированія, и почему эти части должны оставаться логически непонятными, ясно въ тоже время и то, что отсюда нельзя сдѣлать никакого заключенія, которое противорѣчило-бы возможности логическаго пониманія исторіи вообще. Напротивъ того, то обстоятельство, что логически непонятное играетъ столь значительную роль въ изображеніяхъ индивидуальнаго, само характерно съ логическихъ точекъ зрѣнія и способствуетъ пониманію логической сущности исторической науки.

Для того, чтобы это пониманіе было полнымъ, мы должны въ извѣстномъ отношеніи опять таки ограничить и утвержденіе, гласящее, что не существуетъ логической границы простору при наглядномъ изложеніи. Правда, въ существенномъ дѣло такта и вкуса, насколько имѣется въ виду въ интересѣ наглядности не ограничиваться телеологически необходимыми составными частями и принимать въ соображеніе детали, неимѣющія отношенія къ руководящимъ цѣн-

ностямъ, однако невозможность съ логическихъ точекъ зрѣнія ограничить индивидуальныя наклонности историка все же существуетъ именно лишь въ отношеніи того, что изъ индивидуальныхъ чертъ присоединяется исторіей къ телеологически необходимому, т. е. мы, правда, будемъ рассказывать объ исторической личности, въ родѣ Гёте или Бисмарка, конечно, не только то, что находится въ необходимой телеологической связи съ изложеніемъ руководящихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ производится оцѣнка, но обогатимъ историческое изображеніе ихъ и такими индивидуальными чертами, которыя служатъ лишь для большей наглядности. Но было бы совершенно бессмысленно рассказывать въ исторіи объ этихъ людяхъ что либо такое, что они раздѣляютъ со всѣми тѣми индивидуумами, которые подходятъ подъ одно и то же естественно-научное понятіе, что и они. Напр. то, что въ силу естественной необходимости свойственно имъ, такъ какъ они принадлежатъ къ роду *homo sapiens*, какъ и вообще все то, что можетъ быть выведено изъ общихъ законовъ природы, никогда не можетъ найти мѣста въ историческихъ понятіяхъ о нихъ. Вѣдь по отношенію къ этому они всегда могли бы быть замѣнены любымъ другимъ индивидуумомъ того же рода и слѣдовательно исторически совершенно неинтересны. Напротивъ того, поскольку дѣло идетъ объ абсолютно-историческомъ индивидуумѣ историческій интересъ начинается не ранѣе чѣмъ съ того пункта, гдѣ прекращается естественно-научный интересъ, и поэтому граница между естествознаніемъ и исторіей никогда не можетъ опять становиться проблематическою вслѣдствіе наличности телеологически необходимыхъ составныхъ частей историческаго изложенія. Напротивъ того, благодаря послѣднимъ лишь снова обнаруживается различіе между естественно-научнымъ и историческимъ трактованіемъ.

Правда, наглядная сторона историческаго изложенія, повидимому, сдѣлала, для многихъ неразличимой ту черту, которая отграничиваетъ исторію отъ другого обнаруженія человѣческой дѣятельности, такъ какъ она дала поводъ къ утвержденію, гласящему, что всякое изображеніе индивидуальнаго, стало бытъ и исторія, есть не наука, но искусство, или даже повела къ установленію противоположности между научной и художественной исторіографіей. Нельзя, конечно, отрицать, что тамъ, гдѣ на мѣсто опредѣленія становится изложеніе, обращающееся къ фантази, исторія будетъ примѣнять тѣ же самыя средства, которыми пользуется поэзія для того, чтобы дѣйствовать

воззрительно. Но развѣ вслѣдствіе того, что историкъ, изображающій индивидуальное, нуждается между прочимъ для представленія прошлаго и въ художественныхъ формахъ выраженія, его слѣдуетъ лишить мѣста среди людей науки и причислить къ художникамъ?

Во-первыхъ, мы не должны забывать, что для науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, художественное описаніе принуждаетъ принимать во вниманіе не то, что дѣйствительность индивидуальна, а лишь то, что она воззрительна, а во-вторыхъ, что для художника наглядное изображеніе есть цѣль, для историка же, напротивъ того, лишь средство, и тогда тотчасъ должно выясниться принципиальное различіе. Художественная дѣятельность основывается на формированіи самого воззрѣнія, долженствующаго дѣйствовать эстетически, историкъ же, напротивъ того, желаетъ вызывать воззрѣніе не ради эстетическаго дѣйствія, но для того, чтобы показать съ его помощью, какъ дѣйствительно было. Поэтому въ своемъ отношеніи къ фактической истинѣ художникъ свободенъ, историкъ же, напротивъ того, всегда зависитъ отъ фактовъ, поскольку его наглядное изображеніе должно согласоваться съ опредѣленною индивидуальною дѣйствительностью, т. е. быть истиннымъ. Говорятъ, положимъ, и о художественной правдѣ (*Wahrheit*), но тогда это слово имѣетъ переносное значеніе, которое нѣтъ надобности точнѣе указывать¹⁾. Достаточно поставить на видъ, что истинными въ строгомъ смыслѣ всегда бывають лишь сужденія или понятія, поскольку послѣднія образуютъ комплексы сужденій. Однако художникъ никогда не задается формулированіемъ истинныхъ сужденій, историкъ же, напротивъ того, всегда.

Совершенно неправомѣрно разграничивать въ одномъ и томъ же изложеніи научныя и художественныя составныя части такимъ образомъ, что наука будто-бы даетъ въ немъ общія понятія, искусство же, напротивъ того, индивидуальное дополненіе, и такимъ образомъ удерживать приравниваніе другъ къ другу науки и естествознанія. Какимъ образомъ должны двѣ противоположныя тенденціи, изъ которыхъ одна клонится къ общему, другая къ частному, приводить въ результатъ своего совмѣстнаго дѣйствія къ нѣкому единству? Правда, искусство повидимому сочетается съ строящимъ общія понятія изложеніемъ тамъ, гдѣ напр. зоологическое или ботаническое

¹⁾ Относительно понятія художественной правды см. Jonas Sohn, *Allgemeine Aesthetik*, 1901, S. 69 ff.

ислѣдованіе даетъ изображенія своихъ объектовъ, такъ какъ эти изображенія должны, какъ воззрѣнія, всегда имѣть индивидуальный характеръ. Но мы не должны забывать, что индивидуальные черты такихъ изображеній несущественны и даже прямо таки должны быть не принимаемы въ соображеніе въ научномъ интересѣ. Этими изображениями имѣется въ виду лишь выразить общій типъ, поэтому они должны избѣгать рѣзкихъ индивидуальныхъ уклоненій, и помимо того совершенно безразлично, въ какомъ особомъ направленіи они индивидуальны. Въ исторіи, напротивъ того, имѣеть значеніе именно изображеніе индивидуальное въ опредѣленномъ направленіи, ему необходимо строго придерживаться того индивидуальнаго содержанія понятія, которому оно должно придать наглядность, и поэтому, еслибы образованіе понятій не было заранѣе направлено на индивидуальное, историческое художественное описаніе не находило бы даннымъ ничего такого, что оно могло бы, пользуясь своими средствами, облекать и нѣкоторымъ образомъ усиливать до опредѣленнаго индивидуальнаго воззрѣнія. Итакъ, лишь индивидуальное понятіе, но никогда не общее понятіе можетъ доставлять научный базисъ для индивидуальнаго нагляднаго изложенія, долженствующаго сдѣлать возможнымъ вторичное переживаніе индивидуальнаго прошлаго.

Итакъ, хотя и правильно чувствовали, что исторія содержитъ въ себѣ нѣчто такое, что выходитъ за предѣлы чисто отвлеченной (*reinbegriffliche*) науки, однако этотъ *plus* отграничивался отъ послѣдней совершенно ошибочнымъ образомъ. Всякое стремленіе конструировать противоположность между отвлеченной и изображающей (*begrifflicher und darstellender*) исторіей такимъ образомъ, что отвлеченная исторія будто-бы имѣеть дѣло съ общимъ, а изображающая съ индивидуальнымъ, должно быть признано лишь безнадежной попыткой спасти по крайней мѣрѣ небольшой остатокъ прославленнаго естественно-научнаго универсальнаго метода. То обстоятельство, что при этомъ исторія должна быть разлагаема на двѣ совершенно несогласимыя разнородныя составныя части, можетъ лишь служить доказательствомъ несостоятельности того мнѣнія, что и историкъ, какъ ученый, долженъ построить лишь общія понятія. Изображеніе индивидуальнаго не нуждается даже и въ художественныхъ средствахъ, и то обстоятельство, что историку иногда приходится дѣлать болѣе того, что сводимо къ логическимъ формуламъ, никогда не мо-

жетъ лишать его дѣятельности научнаго характера и обращать ее въ искусство.

Съ другой стороны къ вопросу о томъ, до какой степени исторія есть наука, насъ приводитъ, наконецъ, еще и сравненіе историческаго понятія съ естественно-научнымъ и въ отношеніи безусловной общеобязательности, которую мы признали третьей стороной послѣдняго. Болѣе чѣмъ эмпирическая общеобязательность понятій обнаруживается въ естествознаніи въ возможности находить законы и, очевидно, здѣсь мы опять-таки наталкиваемся на совершенно аналогичную проблему. Обязательность, свойственная историческому изложенію должна зависѣть отъ обязательности тѣхъ цѣнностей, къ которымъ относима историческая дѣйствительность, и поэтому притязаніе на безусловную общеобязательность историческихъ понятій предполагаетъ признаніе безусловно общихъ цѣнностей. Правда, какъ мы обстоятельно показали и самымъ рѣшительнымъ образомъ ставимъ на видъ, это признаніе вовсе не заключаетъ въ себѣ возможности согласной оцѣнки историческихъ объектовъ, однако все же необходимо, чтобы вообще признавались цѣнности, къ которымъ долженъ такъ или иначе отнестись всякій и какъ ученый, и къ которымъ онъ долженъ относить дѣйствительность, такъ какъ лишь тогда ея индивидуальное однократное теченіе никогда не можетъ быть для него вполне безразличнымъ, а потому и изображеніе ея индивидуальности никогда не покажется ему чисто произвольнымъ и излишнимъ. Поэтому еще недостаточно того, чтобы мы исключали чисто индивидуальные цѣнности и характеризовали какъ руководящіе принципы историческаго изложенія такія стоимости, которыя оказываются общими для всѣхъ членовъ опредѣленной группы, но, разъ исторія должна соревноваться съ естествознаніемъ въ томъ родѣ общеобязательности, на который претендуетъ послѣднее при установленіи законовъ природы, мы должны допустить, что извѣстныя цѣнности не только фактически имѣютъ силу для всѣхъ членовъ опредѣленныхъ группъ, но что признаніе цѣнностей вообще можетъ быть предполагаемо какъ необходимое и неизбѣжное для всякаго ученаго.

Однако лишь въ послѣдней главѣ мы займемся вопросомъ о томъ, что надлежитъ разумѣть подъ обязательностью безусловно общихъ цѣнностей и какимъ образомъ можно доказать ихъ научную необходимость. Лишь коль скоро намъ уже вполне выяснится логи-

ческая структура исторических наук и мы ближе ознакомимся съ тѣми цѣнностями, которыми руководится историческое образование понятій, мы вообще будемъ въ состояніи понять, въ какомъ смыслѣ притязаніе историческихъ наукъ на „объективность“ зависитъ отъ обязательности безусловно общихъ цѣнностей. Здѣсь дѣло шло лишь о томъ, чтобы указать на ту проблему, которая въ исторической наукѣ соответствуетъ проблемѣ сверхэмпирической безусловной обязательности законовъ природы. Вѣдь и прежде мы равнымъ образомъ не давали отвѣта на вопросъ объ обязательности законовъ природы, но безъ дальнѣйшаго обоснованія предполагали, что имѣетъ смыслъ составлять болѣе чѣмъ эмпирически общія сужденія. Слѣдовательно, мы только показали, что лишь тогда, если существуютъ безусловно обязательные законы, возможно не оказывающееся произвольнымъ (eine mehr als willkürliche) образование понятій при трактованіи дѣйствительности какъ природы, и равнымъ образомъ мы и здѣсь ограничиваемся тѣмъ, что говоримъ: если признаніе цѣнностей вообще и отнесеніе къ нимъ индивидуальной дѣйствительности не можетъ казаться произвольнымъ ни съ какой научной точки зрѣнія, тогда и только тогда возможно и не оказывающееся произвольнымъ (eine mehr als willkürliche) образование понятій при обработкѣ дѣйствительности какъ исторіи. Вопросы же о томъ, имѣемъ-ли мы право и, если да, то какое—говорить о законахъ природы съ одной стороны и о научно необходимомъ отнесеніи дѣйствительности къ безусловно общимъ цѣностямъ съ другой стороны,—суть вопросы уже не чисто методологическіе, но гносеологическіе.

При этомъ мы не скрываемъ отъ себя, что примѣненіе безусловно обязательныхъ цѣнностей въ качествѣ научныхъ предпосылокъ встрѣтитъ величайшее недовѣріе, между тѣмъ какъ вопросъ о томъ, существуетъ-ли что либо такое какъ безусловно общіе законы природы, будетъ признанъ довольно излишнимъ гносеологическимъ умствованиемъ. Но вѣдь предвзятія мнѣнія этого рода находятся въ связи именно съ господствующимъ одностороннимъ пониманіемъ сущности науки, борьба противъ котораго составляетъ цѣль всего этого изслѣдованія. Разсмотрѣніе, свободное отъ предвзятыхъ мнѣній, прежде всего должно было трактовать вопросъ о безусловной обязательности цѣнностей по крайней мѣрѣ какъ столь же открытый, какъ вопросъ о безусловной обязательности законовъ природы.

IV.

Историческая связь.

Однако, если даже мы оставимъ въ сторонѣ всѣ проблемы, касающіяся цѣнности, для опредѣленія логическаго понятія исторической науки все же еще недостаточно того, что мы сказали объ изображеніи индивидуальных дѣйствительностей. Вѣдь для того, чтобы получить понятіе объ историческомъ индивидуумѣ въ его простѣйшей формѣ, мы должны были сперва разсмотрѣть объекты исторіи не только какъ индивидуальные, но и какъ нѣкоторымъ образомъ замкнутыя въ себѣ образования (Gestaltungen). Однако нельзя принимать единичное за изолированное (vereinzelt). Въ эмпирической наукѣ никогда не оказывается ничего изолированнаго, и слѣдовательно исторіи, какъ наукѣ, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, нельзя быть „индивидуалистическою“ въ томъ смыслѣ, чтобы она разлагала дѣйствительность на изолированные индивидуумы. Напротивъ того, именно согласно нашимъ понятіямъ такое разложеніе оказывалось бы неисторической абстракціей. Правда, встрѣчаются описанія состояній, въ которыхъ игнорируется связь съ другими вещами и процессами, но исторія никогда не будетъ считать свою задачу исчерпываемой такими изолирующими изображеніями. Напротивъ того, задача науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, оказывается выполненной лишь тогда, когда всякій разсматриваемый ею объектъ включенъ ею и въ ту связь, въ которой онъ оказывается.

Что-же вытекаетъ изъ этого для логики исторіи? Сперва кажется, что этотъ дальнѣйшій шагъ опять таки дѣлаетъ проблематическою правильность найденнаго до сихъ поръ понятія объ историческомъ. Вѣдь та связь, которою объемлются единичные историческіе индивидуумы, должна быть названа общею по отношенію къ нимъ. Не перестаетъ-ли слѣдовательно, благодаря тому, что эта связь принимается въ соображеніе, исторія быть наукою объ индивидуальномъ? Конечно, мы опять таки встрѣчаемся здѣсь съ чѣмъ-то „общимъ“ и при томъ это третье общее, оказывающееся на лицо во всякой исторіи. Но опять таки легко показать, что историческое изображеніе какого либо индивидуальнаго объекта въ его общей связи и подведеніе того же самаго объекта подъ какое либо естественно-научное понятіе суть

два процесса, имѣющіе принципиально различное, даже прямо таки исключающее другъ друга логическое значеніе.

Вѣдь общая историческая связь есть объемлющее цѣлое, и единичные индивидуумы суть его части. Напротивъ того, общее въ смыслѣ естествознанія всегда есть нѣкоторое понятіе съ общимъ содержаніемъ, къ которому отдѣльные индивидуумы относятся какъ экземпляры, и не должно было бы требовать доказательства положеніе, гласящее, что отношеніе частей къ цѣлому оказывается инымъ, чѣмъ отношеніе экземпляровъ къ высшему по отношенію къ нимъ понятію. Эти два отношенія смѣшиваются другъ съ другомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда противъ „индивидуалистическаго“ пониманія исторіи возражаютъ указаніемъ на то, что всякій индивидуумъ объемлетъ какою либо „общою“ связью, а поэтому историкъ какъ предпочитаютъ выражаться, долженъ трактовать свои объекты „коллективистически“ и слѣдовательно естественно-научно. Необходимо, слѣдовательно, чтобы мы не только отличали другъ отъ друга общность естественно-научнаго понятія и общность цѣнности, но еще и противопоставляли этимъ двумъ видамъ общности общность исторической связи какъ объемлющаго цѣлаго, какъ третью общность, которую равнымъ образомъ надлежитъ тщательно отличать отъ нихъ.

Разграниченіе это оказывается столь яснымъ и само собою разумѣющимся, что приходится поставить вопросъ о томъ, какимъ образомъ здѣсь вообще возможно было обмануться. Иллюзія можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ цѣлое, частью котораго оказывается историческій индивидуумъ, образуетъ группу, всѣ части которой могутъ быть подведены подъ нѣкоторое уже оказывающееся на лицо общее понятіе, при чемъ тогда цѣлое носитъ то же самое общее имя, которымъ обыкновенно обозначаютъ и каждую изъ его частей. Тогда это цѣлое называютъ родомъ. Разъ какой либо историческій индивидуумъ какъ часть такого рода, получаетъ общее родовое имя, кажется, что благодаря этому онъ оказывается уже и подчиненнымъ общему родовому понятію, слѣдовательно естественно-научно понятнымъ. Однако слѣдовало-бы не забывать, что и слово „родъ“ означаетъ не только естественно-научное понятіе, но и конкретное множество индивидуумовъ, и что изъ того, что что-либо есть часть конкретнаго рода, не вытекаетъ еще, чтобы его можно было разсматривать лишь какъ

экземпляръ родового понятія ¹⁾. Родъ, связь, коллективное, или какъ бы ни пожелали еще назвать нѣкоторое историческое цѣлое, напротивъ того, точно такъ же, какъ всякая изъ ихъ частей, суть нѣчто индивидуальное и особенное, т. е. она конечно, обширнѣе и больше, но не логически болѣе общее, нежели единичные индивидуумы, изъ которыхъ они состоятъ. Напр. итальянское возрожденіе настолько же есть историческій индивидуумъ какъ Маккиавелли, романтическая школа—насколько же какъ Новалисъ. Поэтому, чтобы всегда знать, обращаетъ ли какая либо часть нѣкотораго цѣлаго на себя вниманія лишь тѣмъ, что у нея есть общаго съ прочими частями того же самаго цѣлаго, или же она должна быть разсматриваема въ своей индивидуальной дѣйствительности, которую она отличается отъ всѣхъ другихъ частей рода, мы намерены говорить въ первомъ случаѣ объ экземплярѣ родового понятія, во второмъ случаѣ, напротивъ того, объ индивидуальномъ членѣ конкретнаго рода. Въ такомъ случаѣ Маккиавелли и Новалисъ никогда не суть экземпляры, но всегда члены. Включеніе нѣкотораго историческаго объекта какъ члена въ нѣкоторую „общую“ историческую связь есть лишь включеніе нѣкотораго индивидуума въ другой болѣе обширный индивидуумъ и сомнѣваться въ томъ, что это процессъ, еще не имѣющій ничего общаго съ подведеніемъ нѣкотораго объекта какъ экземпляра подъ общее понятіе, можетъ лишь кто либо не научившійся отличать содержанія отъ его общаго объема. Но это должно было бы представлять затрудненіе лишь для новичковъ въ логикѣ, которыхъ, правда, немало среди „новыхъ“ теоретиковъ исторіи.

Нужно ихъ въ виду, приходится сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: замѣчаніе общее, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ общее множеству

¹⁾ Вигвартъ правильно замѣчаетъ: (Logik, I. S. 353): „Само собою разумѣется, что отъ родового понятія надлежитъ отличать родъ въ конкретномъ смыслѣ, совокупность вещей, обнимаемыхъ родовымъ понятіемъ“. Поразительно однако, какъ рѣдко это „само собою разумѣющееся“ различеніе дѣйствительно послѣдовательно проводится, и какъ часто благодаря этому возникаютъ имѣющія важныя послѣдствія неясности. Весьма отрадное исключеніе образуетъ богатое мыслями сочиненіе: Gesellschaft und Einzelwesen, 1899 von Th. Kistjakowski. Здѣсь убѣдительно выяснена несостоятельность нѣкоторыхъ, отчасти распространенныхъ теорій, основанныхъ на упомянутомъ смѣшеніи. Ср. въ особенности S. 126 f. 138 f. и 178 f.

индивидуумовъ; объемъ общъ, такъ какъ онъ объединяетъ всѣ члены какого либо множества индивидуумовъ въ единую всегда индивидуальную связь или въ цѣлое. Итакъ, если исторія должна разсматривать всякій историческій объектъ какъ членъ, объемлемый какою либо общео т. е. болѣе обширною связью, историкъ отнюдь не перестаетъ вслѣдствіе этого трактовать свои объекты индивидуалистически въ томъ смыслѣ, который мы имѣемъ въ виду. Онъ всегда имѣетъ дѣло съ индивидуальными однократными образованиями какъ таковыми и поэтому какъ и прежде продолжаетъ принципиально отличаться отъ естествоиспытателя. Поскольку и коллективное всегда принимается исторіей во вниманіе лишь какъ однократная индивидуальная дѣйствительность, не существуетъ, следовательно, никакой логической противоположности между индивидуалистическимъ историческимъ методомъ, какъ мы его понимаемъ, и тѣмъ, что только и можно разумѣть подъ коллективистическимъ историческимъ методомъ.

Смѣшеніе той общности, которая свойственна цѣлому по отношенію къ его отдѣльнымъ частямъ, съ тою общностью, которая свойственна содержанию какого либо понятія по отношенію къ его особымъ экземплярамъ, лежитъ также въ основѣ того взгляда, противъ котораго боролся Кантъ въ своемъ ученіи о пространствѣ и времени, и выясненію нашихъ мыслей будетъ способствовать, если мы вкратцѣ остановимся на этомъ. Можно „представить себѣ лишь одно единое пространство и, если рѣчь идетъ о многихъ пространствахъ, то подъ этимъ разумѣютъ лишь части одного и того же пространства“, или „различныя времена суть лишь части одного и того же времени“. Итакъ общее пространство и общее время не общія понятія, но возрѣнія и при томъ частныя и одностороннія. Благодаря тому, что нѣкоторая часть пространства и нѣкоторый промежутокъ времени включается въ нѣкоторое большее пространство или же въ пространство и во время вообще, они не подпадаютъ еще подъ общее понятіе пространства и подъ общее понятіе времени. Если этого еще не видѣли ясно до Канта, то это по крайней мѣрѣ отчасти, конечно, вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что все пространство и все время обозначаются тѣмъ же самымъ общимъ именемъ, какъ и каждая изъ ихъ частей, такъ что произвольно разсматривали цѣлое какъ высшее общее понятіе.

Это вытекало и еще изъ одного основанія. Вѣдь отдѣльныя части пространства имѣютъ значеніе для занимающей ими науки, стало

быть для математики, всегда лишь благодаря такимъ факторамъ, которые равнымъ образомъ оказываются на лицо и когда дѣло идетъ о всякомъ иномъ пространственномъ образованіи (Gestaltung), обнимаемомъ тѣмъ же самымъ математическимъ понятіемъ, и поэтому математическія образованія (Gebilde) имѣютъ значеніе для науки никогда не постольку, поскольку ихъ можно включить въ общее, т. е. цѣлое пространство, какъ индивидуальные члены, но всегда лишь постольку, поскольку они могутъ быть подведены подъ общее понятіе о какомъ либо пространственномъ образованіи, какъ экземпляры. И въ математикѣ дѣло идетъ не объ эмпирическихъ дѣйствительностяхъ, которыя всегда индивидуальны, но о чисто количественно опредѣляемыхъ, лишь въ абстракціи существующихъ пространственныхъ образованіяхъ, и такъ какъ математическое пространство вполнѣ гомогенно, то должно быть совершенно безразличнымъ, въ какой части пространства мы помѣщаемъ подлежащій изслѣдованію треугольникъ для того, чтобы показать, что сумма его угловъ равняется двумъ прямымъ угламъ. Но изъ этого вытекаетъ лишь то, что въ исторіи мы имѣемъ еще болѣе поводовъ отличать общее понятіе отъ общаго цѣлаго, чѣмъ при разсмотрѣніи чисто пространственныхъ образованій, такъ какъ отношеніе отдѣльныхъ частей пространства къ всему пространству можно было бы логически приравнивать къ отношенію историческихъ индивидуумовъ къ цѣлому, котораго они составляютъ, лишь въ томъ случаѣ, если мы не имѣемъ въ виду математическаго образованія понятій, но представляемъ себѣ пространство раздѣленнымъ на сплошь индивидуальные доли и затѣмъ и въ частныхъ частяхъ обращаемъ вниманіе на то, что не входитъ въ понятія математики, а именно на чисто индивидуальное положеніе и форму каждаго единичнаго образованія, т. е. на то, стало быть, что впервые дѣйствительно дѣлаетъ части пространства членами всеединого пространства (des einen Raumganzen).

Правда, и тогда эти формы еще не суть индивидуальные историческія дѣйствительности, такъ какъ эмпирическая реальность никогда не гомогенна, и слѣдовательно части историческаго цѣлаго все еще отличаются другъ отъ друга инымъ образомъ чѣмъ индивидуальные пространственные образованія, но тогда все-же въ обоихъ случаяхъ по крайней мѣрѣ всякая часть есть индивидуумъ, не подводимый уже благодаря включенію въ общую связь подъ общія понятія, имѣющія силу для всѣхъ частей цѣлаго, и это важно для насъ въ данномъ

случаѣ. Вѣдь если какое либо образованіе какъ часть нѣкотораго общаго цѣлаго само остается тогда столь же индивидуальнымъ какъ изолированный индивидуумъ, разъ оно есть лишь часть всюду гомогеннаго пространства, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что не можетъ быть рѣчи объ естественно-научномъ пониманіи какого либо индивидуальнаго образованія благодаря включенію его въ „нѣкоторую общую связь“ тамъ, гдѣ эта связь не гомогенна, а потому его части должны быть индивидуальными еще совершенно инымъ образомъ, чѣмъ индивидуальныя пространственныя формы.

Но, если, какъ бы то ни было, та общая связь, въ которую исторія должна включатьъ единичныхъ индивидуумовъ, есть нѣчто однократное и особенное, то не можетъ существовать никакого сомнѣнія и относительно логическихъ принциповъ ея историческаго выраженія. О ней всегда должно быть образуемо индивидуальное понятіе, элементами котораго въ абсолютно историческомъ изложеніи, которыми мы на первыхъ порахъ ограничиваемся, оказываются тогда тѣ понятія, которыя образованы объ его исторически важныхъ индивидуальныхъ членахъ, и единство этихъ членовъ, конечно, равнымъ образомъ оказывается телеологическимъ, т. е. они сочетаются такимъ образомъ, что имѣется въ виду то единство, которое свойственно цѣлому благодаря его особенности. Тогда это цѣлое, конечно, равнымъ образомъ есть не изолированный индивидуумъ, не объемлется нѣкоторымъ еще большимъ цѣлымъ, при чемъ и это новое, еще болѣе обширное цѣлое, само собою разумѣется, есть опять таки не общее понятіе, но индивидуумъ, и поэтому приходится образовать о немъ новое индивидуальное понятіе, элементы котораго суть индивидуальныя понятія его исторически важныхъ частей. Резюмируя это вкратцѣ, мы видимъ, что включеніе единичнаго индивидуума въ общую связь не вноситъ никакого измѣненія и въ принципы историческаго образованія понятій. Дѣло не можетъ обстоять инымъ образомъ уже вслѣдствіе того, что отношеніе части къ цѣлому всегда относительно, т. е. вслѣдствіе того, что всякое экстенсивное многообразіе частей можетъ быть разсматриваемо и какъ интенсивное многообразіе, всякій индивидуумъ можетъ быть разсматриваемъ и какъ часть нѣкотораго цѣлаго, такъ въ то же время и какъ цѣлое, имѣющее части.

Лишь въ одномъ пунктѣ, именно вслѣдствіе этого, повидимому приходится считаться съ трудностями. А именно: разъ мы включимъ всякій индивидуумъ въ нѣкоторое цѣлое, это послѣднее въ свою

очередь въ нѣкоторое новое цѣлое и т. д., то вѣдь въ концѣ концовъ мы должны дойти до такого цѣлаго, которое не объемлется уже какою либо еще болѣе обширною связью и тогда это „послѣднее цѣлое“ необходимо оказывалось бы чѣмъ то изолированнымъ, стало бы чѣмъ то такимъ, чего не должно существовать въ исторіи. Фактически для насъ, однако, отсюда не возникаетъ новой проблемы. Вѣдь, будучи разсматриваемо логически, послѣднее историческое цѣлое оказывалось бы вселенною, и пока, какъ это было въ средніе вѣка, существовала „всемирная исторія“ въ собственномъ смыслѣ слова, ея наиболѣе обширная связь, простиравшаяся между твореніемъ и страннымъ судомъ, въ самомъ дѣлѣ должна была являться изолированнымъ индивидуумомъ, ибо міръ какъ цѣлое былъ ограниченъ не—міромъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали разсматривать мировое цѣлое какъ предметъ возможнаго опыта, это понятіе не имѣетъ уже никакого значенія и для логики исторіи. Правда, послѣднее историческое цѣлое все еще можетъ быть включено какъ членъ въ нѣкоторую болѣе обширную связь, которая фактически равнымъ образомъ есть индивидуумъ. Однако эта связь въ концѣ концовъ можетъ обладать историческою индивидуальностью уже не какъ цѣлое, но лишь въ одной изъ своихъ частей, и остальные его части могутъ приниматься во вниманіе всего лишь какъ экземпляры естественно-научныхъ понятій.

Для того, чтобы сдѣлать это вполне яснымъ, попытаемся пояснить отношенія между членомъ и связью и понятіе послѣдняго историческаго цѣлаго на примѣрахъ и возьмемъ при этомъ за исходный пунктъ историческую личность. Она есть индивидуальное цѣлое и въ то же время индивидуальный членъ, экстенсивное и интенсивное историческое многообразіе. Она есть цѣлое, поскольку она обнимаетъ все то, что въ ней исторически важно. Всякій отдѣльный ея поступокъ и всякая отдѣльная ея судьба индивидуальны и поскольку ея поступки и судьбы суть историческіе индивидуумы, она для исторіи состоитъ изъ нихъ и изъ ихъ частей, которыя въ ней сочетаются въ нѣкоторое телеологическое единство по отношенію къ тому значенію, которое она имѣетъ какъ цѣлое. Но въ то же время эта личность есть членъ нѣкотораго болѣе значительнаго цѣлаго: семьи, поколѣнія, народа, эпохи, при чемъ она относится къ этому цѣлому точно такъ же, какъ каждая изъ ея частей къ ней, такъ какъ изъ этихъ болѣе обширныхъ связей всякая можетъ быть въ свою очередь разсматри-

ваема какъ единый индивидуумъ, составными частями котораго служатъ принадлежащія къ нему личности или семьи или народы. Тогда это цѣлое должно быть включено въ еще болѣе обширное цѣлое и т. д. и т. д.

Послѣднимъ историческимъ цѣлымъ можетъ быть культурное человечество или человечество вообще. Тогда культурное человечество оказывалось бы членомъ человечества, но и это послѣднее въ свою очередь членомъ органическаго міра. Или развѣ и органическій міръ еще оказывается историческимъ индивидуумомъ, т. е. разсматривается ли изъ его частей какъ историческій индивидуумъ не только человечество, но могутъ ли и другія его части быть признаны историческими индивидуумами? Наконецъ быть можетъ слѣдуетъ отодвинуть границу еще далѣе? Можетъ ли наша земля считаться еще историческимъ индивидуумомъ, и оказывается ли тогда она послѣднимъ историческимъ цѣлымъ, или же и ее еще слѣдуетъ признать членомъ, объемлемымъ болѣе обширною связью, связью солнечной системы, и оказывалась ли бы лишь эта система послѣднимъ историческимъ индивидуумомъ? Во всякомъ случаѣ намъ пришлось бы остановиться на солнечной системѣ какъ на послѣднемъ историческомъ цѣломъ, такъ какъ объ остальныхъ частяхъ того цѣлаго, членъ котораго она представляетъ собою, мы знаемъ слишкомъ мало для того, чтобы онѣ могли еще стать исторически важными своею индивидуальностью, и поэтому онѣ, конечно, принимаются во вниманіе лишь какъ экземпляры общихъ понятій. Но и это логически случайно, такъ какъ понятіе послѣдняго историческаго цѣлаго не можетъ быть опредѣлено безъ знанія содержанія принциповъ выбора, и здѣсь дѣло идетъ лишь о томъ, что въ какомъ то пунктѣ нѣкоторое наиболѣе обширное историческое цѣлое включается въ нѣкоторую еще болѣе обширную связь, которая уже не оказывается историческимъ индивидуумомъ, но въ остальныхъ своихъ частяхъ представляетъ еще интересъ лишь для естествознанія.

Впрочемъ цѣль этого разсмотрѣнія заключалась прежде всего въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ историческая наука, даже если она приводитъ свои объекты въ связь съ „наиболѣе общими“ міровыми связями, не перестаетъ быть наукою объ индивидуальномъ и частномъ. И мыслимо обширнѣйшая историческая связь, сосуществованіе и преемство всѣхъ исторически существенныхъ индивидуальных вещей и процессовъ есть единый великій историческій

индивидуумъ. Онъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ и наполняетъ опредѣленный промежутокъ времени, и въ немъ исторія должна отвести всякой индивидуальной вещи или всякому индивидуальному процессу опредѣленное мѣсто въ опредѣленномъ пунктѣ. И хотя бы даже не существовало историческаго изложенія, относящагося къ наиболѣе обширной исторической связи какъ къ единому индивидууму, все же всякая историческая дѣйствительность, какъ бы мала или велика она ни была, должна допускать такое разсмотрѣніе, которое въ принципѣ позволяло-бы включать ее въ наиболѣе обширную историческую связь. Такая біографія, которая оставляла бы непонятнымъ, какъ жилъ ея герой въ связи со своимъ народомъ, была бы недостаточна. Исторія этого народа должна выяснять, въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ народамъ, существовавшимъ до него и наряду съ нимъ, стало быть ко всему культурному человечеству. Должна существовать возможность понимать исторію культурнаго человечества какъ часть исторіи человечества и, если должна существовать исторія людей вообще, то и эту исторію, разъ она должна быть абсолютно полна, слѣдуетъ мыслить себѣ какъ исторію одного изъ членовъ совокупности живыхъ существъ вообще, въ однократномъ и индивидуальномъ процессѣ ея становленій (Werdegang). Но при этомъ дѣло всегда будетъ идти лишь о включеніи одной индивидуальной дѣйствительности въ другую равнымъ образомъ индивидуальную дѣйствительность, стало быть объ историческомъ образованіи понятій, а не о подведеніи подъ систему общихъ понятій, т. е. объ естествознаніи.

Легко, однако, видѣть, что благодаря включенію единичнаго въ нѣкоторую связь, какъ бы „обща“ она ни была, не только не вносится никакого измѣненія въ различіе между естествознаніемъ и исторіей, но именно принятіе въ соображеніе общей связи принципиально и отличаетъ историческое трактованіе отъ столь часто ошибочно приравняемыхъ къ нему дѣятельностей человѣческаго духа, а именно какъ отъ естественно-научнаго пониманія, такъ и отъ художественнаго творчества.

Для искусства связь его объектовъ съ окружающею ихъ дѣйствительностью не только безразлична, но ему даже приходится устранять ее, какъ служащую помѣхою. Лишь коль скоро какой либо образъ обособляется отъ окружающей среды, онъ можетъ художественно дѣйствовать, т. е. образъ, создаваемый искусствомъ, долженъ воззри-

тельно изолироваться от всего того, в чем состоит наша действительная жизнь, и здесь мы снова видим, насколько ошибочно характеризовать как искусство уже всякое изображение индивидуального. Эта ошибка была возможна вследствие того, что существуют смешанные формы, в которых исторический материал трактуется не научно, но художественно, а благодаря этому в известных видах художественных произведений исторические и художественные интересы перемешиваются друг с другом. Однако не только надлежит логически (*begrifflich*) ограничивать друг от друга исторический и художественный элементы, но мы можем даже сказать, что при изображении какого либо исторического процесса художник лишь в том случае действительно выполнил свою задачу, если ему удалось придать своему материалу такую форму, что связь с остальной исторической действительностью стала совершенно безразличной. Итак, между тем как искусство всегда должно изолировать, история всегда должна связывать.

Но, если искусство воззрительно расторгает связь своих объектов с действительностью, то естествознание производит изолирование в понятиях. Конечно, и оно приводит свои предметы в некоторую „связь“, но эта связь именно есть не историческое индивидуальное целое, но система общих понятий. То, в каком определенном пункте единого пространства и единого времени и в какой определенной окружающей среде встречаются те объекты, для которых должны иметь силу понятия законов, безразлично в особенности для наиболее общих естественно-научных теорий; общее понятие даже может быть построено лишь тогда, когда скоро мы отвлекаемся от той реальной связи, в которой оказывается единичный экземпляр. Ведь не только всякий объект отличается от всякого другого, но и его отношения к другим объектам или к окружающей среде в наиболее обширном смысле слова никогда не оказываются в двух случаях вполне одинаковыми друг с другом. Поэтому подведение под общие понятия требует не только того, чтобы различные индивидуумы рассматривались как одинаковые, но и заставляет исследователя не принимать в соображение индивидуальности того индивидуального целого, части которого они суть. Даже содержание понятий законов природы часто оказывается применимым к действительности лишь тогда, когда те объекты, для которых оно должно иметь силу, искус-

ственно изолируются и значение эксперимента состоит в том, что он производит это изолирование. Но, если, как это бывает во многих случаях, изолирование фактически невозможно, оно во всяком случае производится в понятиях, и стало быть установление естественно-научной связи в понятиях необходимо уничтожает историческую связь между частью и целым.

Конечно, и здесь надлежит опять так указать на ту относительность, которая существует между естественно-научным образованием понятий и историческим образованием понятий и благодаря которой в некоторых отраслях естествознания хотя и не принимается в соображение однократная индивидуальная связь, в которой дань какой-либо объект, но образуется общее понятие окружающего мира, которое содержит в себе равным образом относительно исторические составные части, как относительно исторические объекты, живущие в этом окружающем мире. Так напр. при исследовании известных видов растений и животных существенней определенным характером тех местностей, лишь в которых они встречаются, но и здесь дело никогда не будет идти об индивидуальности единственного и однократного положения. Нам нет необходимости обстоятельнее останавливаться на этом, так как при этом деле шло бы лишь о черезчур само собою разумющемся дальнейшем развитии вышеизложенных мыслей. Достаточно того, если мы можем показать, что лишь история изображает свои объекты в их действительной связи, естествознание же или искусство должны в понятиях или воззрительно изолировать свои предметы, и что эта особенность исторического изложения опять так вытекает из понятия истории, как науки об индивидуальной действительности.

Мы желаем специально упомянуть еще один только пункт, так как здесь дело идет опять так об устранении весьма распространенных заблуждений. Разъяснено, что выражение исторической связи означает включение некоторого индивидуального объекта в более обширный индивидуальный объект, должно также выясниться, насколько ошибочно приравнивание индивидуалистического понимания истории к атомизирующему и приведение его благодаря этому в связь с идеями, свойственными эпохе просвещения, которая будто бы должно преодолеть новое естественно-научное направление.

Индивидуалистическій методъ въ нашемъ смыслѣ исключаетъ всякое атомизированіе историческихъ объектовъ, и именно естественно-научный методъ приводитъ историка къ тому, что онъ видитъ въ дѣйствительности, состоящей изъ находящихся въ связи другъ съ другомъ индивидуумовъ, агрегатъ чуждыхъ связи, не индивидуальныхъ атомовъ. Раньше мы такъ подробно показали, какъ стремленіе подвести всю дѣйствительность подъ единую систему понятій необходимо связано съ тенденціей къ атомизированію, и какъ вслѣдствіе этого понятія индивидуума и атома необходимо исключаютъ другъ друга ¹⁾, что нѣтъ надобности еще разъ возвращаться къ этому.

Достаточно указанія на то обстоятельство, что всякая попытка усматривать въ историческихъ индивидуумахъ согласно естественно-научному методу лишь экземпляры нѣкотораго родового понятія, трактовать ихъ какъ „проявленія массъ“ (Massenerscheinungen) и представлять ихъ исчезающими въ массѣ, находится въ ближайшемъ родствѣ съ тѣми атомизирующими мыслями, свойственными эпохѣ просвѣщенія, которымъ чуждо всякое пониманіе имѣющаго важное значеніе своеобразія однократнаго и особливаго. Лишь для естественно-научнаго пониманія человеческое общество обращается въ комплексъ одинаковыхъ другъ съ другомъ, стало быть подобныхъ атомамъ существъ. Слѣдовательно индивидуалистическій историческій методъ долженъ быть противопоставленъ этому не-историческому атомизирующему методу и только индивидуалистическій, но ни коимъ образомъ не естественно-научный методъ можетъ освободить насъ отъ неисторическихъ абстракцій, свойственныхъ философій просвѣщенія. Вѣдь сторонники „старого“ направленія давно уже преодолѣли атомизмъ въ исторіи, сторонники же новаго направленія напротивъ того, продолжаютъ коснѣть въ столь рѣзко оспариваемой ими на словахъ философій просвѣщенія, неспособной отличать атомовъ отъ индивидуумовъ, а потому на самомъ дѣлѣ именно они то и суть „рутинеры“ („Alten“). То обстоятельство, что многіе считаютъ теперь „само собою разумѣющимся“ именно противоположное и вслѣдствіе этого желаютъ искоренить историческій атомизмъ естествознаніемъ, есть лишь признакъ необычайной путаницы понятій, господствующей въ иныхъ „современныхъ“ сочиненіяхъ на тему о сущности историческаго метода.

¹⁾ См. выше стр. 334 и сл.

Наконецъ, въ связи съ выясненіемъ различія между общимъ понятіемъ и экземпляромъ съ одной стороны, общимъ цѣлымъ и членомъ съ другой стороны, мы подчеркиваемъ еще одно формальное слѣдствіе, обнаруживающее, что отъ односторонности логики, опирающейся на естествознаніе, не изъяты даже и элементарнѣйшія положенія школьной логики. Вѣдь если имѣть въ виду историческую связь, то вопросъ о соотношеніи между содержаніемъ и объемомъ понятія заходитъ еще и съ иной стороны, чѣмъ до сихъ поръ. Утверждается вѣдь, какъ извѣстно, что обширность содержанія понятія находится въ обратномъ отношеніи къ обширности объема понятія, т. е., что подъ какое либо понятіе можно подвести тѣмъ больше, чѣмъ меньше признаковъ имѣеть его содержаніе. Конечно, это положеніе имѣеть силу лишь для тѣхъ понятій, которыя, благодаря отношеніямъ ихъ подчиненія, объемлются одною и тою же систематическою связью, но, для этихъ понятій оно, не смотря на нѣкоторыя возраженія, которыя оно вызывало ¹⁾, въ самомъ дѣлѣ имѣеть силу, коль скоро прибавляется ограниченіе, что дѣло идетъ объ естественно-научныхъ понятіяхъ.

Вѣдь если мы мысленно представимъ себѣ, что отдѣльныя отрасли естествознанія вышеуказаннымъ образомъ приведены въ систему, при установленіи которой руководящее значеніе принадлежитъ тому, въ какой мѣрѣ въ отдѣльныхъ дисциплинахъ оказываются на лицо относительно историческія составныя части, то понятія, которыя напр. имѣютъ силу относительно всѣхъ тѣлъ вообще, будутъ имѣть наиболѣе бѣдное содержаніе; напротивъ того, чѣмъ болѣе специализируется изслѣдованіе и чѣмъ меньшую долю дѣй-

¹⁾ Ср. въ особенности: Lotze, Logik. (System der Philosophie, I) S. 50 f.

Примѣчаніе переводчика. По мнѣнію Лотце „общее по сравненію съ частнымъ бѣднѣе опредѣленными признаками, но не бѣднѣе признаками вообще“. Исходя изъ этого положенія, онъ даетъ слѣдующую формулировку отношенія между объемомъ и содержаніемъ понятія: „понятіе, имѣющее только опредѣленные признаки, всегда индивидуально. Если же, кромѣ опредѣленныхъ признаковъ, оно имѣеть еще неопредѣленные или общіе признаки, то съ числомъ неопредѣленныхъ или въ обратномъ отношеніи къ числу опредѣленныхъ признаковъ, возрастаетъ число случаевъ, въ которыхъ понятіе имѣеть силу, т. е., его объемъ“. (Lotze, Grundzüge der Logik; Dikt. aus den Vorlesungen, S. 72—75; см. также Ueberweg System der Logik. 5-te Aufl., § 54, S. 146 и Липпсъ. Основы логики § 256.

ствительности принимает оно въ соображеніе, тѣмъ болѣе возрастаетъ содержаніе его понятій. Вѣдь для всякой группы тѣлъ имѣеть силу не только то, что свойственно именно имъ, но въ то же время и то, что можетъ быть высказано относительно всѣхъ тѣлъ вообще и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ въ самомъ дѣлѣ справедливо, что въ естественно-научныхъ понятіяхъ объ объектахъ содержится тѣмъ больше, чѣмъ меньше тотъ кругъ, которымъ они ограничиваются.

Напротивъ того, для исторически-научнаго образованія понятій это отношеніе замѣняется обратнымъ ему. Понятіе о какомъ либо историческомъ дѣломъ всегда содержитъ въ себѣ больше, чѣмъ понятія тѣхъ частей, изъ которыхъ оно состоитъ, и его содержаніе есть прямо таки совокупность всѣхъ тѣхъ элементовъ понятій, изъ которыхъ образованы историческія понятія его частей. Само собою разумѣется, что это имѣеть силу лишь для абсолютно-историческихъ понятій, при возникновеніи которыхъ руководятся одною и тою же точкою зрѣнія выбора, да и здѣсь лишь для ихъ логическаго идеала: такъ какъ, во первыхъ, вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ историческое изложеніе можетъ не соответствовать логическимъ нормамъ, а затѣмъ весьма обширныя историческія изложенія никогда не приближаются къ индивидуальному настолько, насколько они могли бы, но довольствуются относительно историческими понятіями. Но это не вноситъ никакого измѣненія въ положеніе, гласящее, что въ какомъ либо совершенномъ естественно-научномъ изложеніи при возрастаніи объема содержаніе понятій все уменьшается, а напротивъ того въ совершенномъ историческомъ изложеніи при возрастаніи объема *ceteris paribus* должно возрастать и содержаніе понятій. Понятія естествознанія будутъ становиться тѣмъ менѣе содержательными (leerer), чѣмъ они обширнѣе и вслѣдствіе этого, по мѣрѣ возрастанія ихъ общности, они все болѣе удаляются отъ индивидуальной эмпирической дѣйствительности. Напротивъ того, историческія понятія должны, чѣмъ обширнѣе они становятся и чѣмъ больше ихъ объемъ, содержать въ себѣ и тѣмъ больше дѣйствительности и, слѣдовательно, имѣть тѣмъ болѣе богатое содержаніе. Поэтому можно прямо таки сказать, что наиболѣе обширное естественно-научное понятіе выражаетъ мыслимо наибольшее упрощеніе своихъ объектовъ, а наиболѣе обширное историческое понятіе, напротивъ того, должно было бы воспринять въ себя все многообразіе вселенской или всемірной исторіи. И это опять таки логически прольетъ самый яркій свѣтъ на прин-

ципальное различіе между естественно-научнымъ образованіемъ понятій и историческимъ образованіемъ понятій.

Но подъ требованіемъ включать единичныхъ индивидуумовъ въ объемлющую ихъ „связь“ надлежитъ разумѣть еще и нѣчто иное. Вѣдь историческіе факты не разрозненны и не изолированы не только постольку, поскольку они всегда суть части нѣкоего болѣе обширнаго дѣлага, но и постольку, поскольку они взаимно оказываютъ вліяніе другъ на друга или находятся въ нѣкоторой причинной связи съ другими фактами. Нѣтъ такой части эмпирической дѣйствительности, въ которой всякая часть не была бы дѣйствіемъ иныхъ вещей и не оказывалась бы причиной для иныхъ вещей. Поэтому, разъ исторія должна быть наукой, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, ей придется заниматься и этимъ, и при томъ существенную задачу науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью, должно составлять не только изложеніе того, что было и есть, но и изслѣдованіе причинъ, вызвавшихъ то, что есть или было.

Это приводитъ насъ къ такому пункту, въ которомъ мнѣнія весьма значительно расходятся, и къ сожалѣнію и тѣ, которые до такой степени вникли въ исторію и естествознаніе, что желаютъ тщательно отдѣлять ихъ другъ отъ друга, нерѣдко производятъ это разграниченіе въ томъ смыслѣ, что утверждается, будто лишь природа сплошь причинно обусловлена, для исторіи же, причинная связь или не имѣеть значенія, или же ее вообще приходится отрицать. Однако такое противоположеніе, благодаря которому дѣйствительность распадается на два различныхъ міра, совершенно несостоятельно съ логическихъ точекъ зрѣнія. Напротивъ того, сторонники естественно-научнаго универсальнаго метода совершенно правы, утверждая сплошную причинную обусловленность всѣхъ историческихъ фактовъ и требуя, чтобы историческая наука принимала ее во вниманіе, и даже, быть можетъ, ничто такъ не способствовало возникновенію иллюзіи, будто необходимо, чтобы исторія превратилась въ естественную науку, какъ ошибочное противопоставленіе причинно обусловленной природы и безпричиннаго историческаго процесса. Если мы желаемъ дойти до свободнаго отъ всѣхъ недоказуемыхъ предпосылокъ пониманія эмпирическихъ наукъ, мы должны строго держаться положенія, гласящаго: мы знаемъ лишь одну эмпирическую дѣйствительность, и она есть единственный матеріалъ какъ естественно-научныхъ, такъ и историческихъ дисциплинъ.

Поэтому, если мы в естествознании предполагаем, что не происходит ничего такого, что не имѣть причины, обуславливающей то, что оно есть и что оно есть такъ, какъ оно есть, и историческая наука никогда не можетъ отвлекаться отъ этого, такъ какъ почему же бытіе должно было бы быть менѣе причинно обусловленнымъ, коль скоро при его разсмотрѣніи имѣются въ виду его индивидуальность и особливость, чѣмъ коль скоро пытаются подвести его подъ общія понятія? Конечно, понятіе причинности можетъ стать проблемой для общей теоріи познания, но эта проблема не имѣетъ ничего общаго съ трактуемыми нами здѣсь методологическими различіями, такъ какъ, если и причинное пониманіе (*kausale Auffassung*) должно быть признано лишь „пониманіемъ“ т. е. формой мышленія, его все же слѣдуетъ причислить къ тѣмъ гносеологическимъ формамъ, въ которыя входятъ въ всякая эмпирическая дѣйствительность, и вопросъ объ его обязательности (*Geltung*) не можетъ никогда играть роли при противоположеніи естественно-научной и исторической нормъ мышленія.

Совершенно неудачны поэтому въ особенности тѣ теоріи, которыя стараются подвергнуть сомнѣнію абсолютную причинную обусловленность эмпирической дѣйствительности, ссылаясь на трансцендентальный идеализмъ Канта. Правда, при бѣгломъ взглядѣ кажется, что для этого имѣется извѣстное основаніе, такъ какъ проблема причинности трактуется Кантомъ въ связи съ вопросомъ о томъ, какъ „возможно“ (*möglich*) естествознаніе ¹⁾. Поэтому, если Кантъ признаетъ причинность категорій, въ которой мы должны мыслить дѣйствительность для того, чтобы быть въ состояніи понимать ее какъ природу, то это, пожалуй, наводитъ на мысль о томъ, что это „субъективное“ пониманіе (*Auffassung*) обязательно и необходимо лишь при разсмотрѣніи (*Betrachtung*) дѣйствительности какъ природы.

Однако, при болѣе пристальномъ разсмотрѣніи, мы находимъ, что Кантъ не отличалъ точно тѣхъ формъ, которыя необходимы для всякаго научнаго пониманія міра, отъ тѣхъ формъ, которыя мы примѣняемъ лишь при разсмотрѣніи дѣйствительности какъ при-

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. По правильному замѣчанію г. Кистиковскаго „*möglich*“ здѣсь обозначаетъ „*berechtigt*“. Ср. Б. Кистиковскій. „Русская социологическая школа“ и категория возможности при рѣшеніи социально-этическихъ проблемъ въ „Проблемахъ идеализма“ 1903, с. 392.

роды, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и согласно его ученію дѣйствительность для любой научной обработки должна мыслиться подъ категоріей причинности. И именно по ученію Канта исторія, какъ изложеніе однократнаго, индивидуальнаго теченія событій не можетъ мысленно отрѣшиться отъ сплошной причинной обусловленности: вѣдь это теченіе должно всякій разъ представляться историку „объективнымъ“ преемствомъ во времени, а это понятіе для Канта уже предполагаетъ понятіе причинной опредѣленности бытія. Итакъ, ссылка на исторію познания Канта далеко не заставляетъ насъ сомнѣваться въ причинной обусловленности всей дѣйствительности и въ особенности въ обязательности этого пониманія для исторіи. Напротивъ того, именно въ томъ случаѣ, если Кантъ правъ, бытіе необходимо представляется историку чуждымъ пробѣловъ рядомъ причинъ и слѣдствій.

Но, какъ ни правильно то, что понятіе дѣйствительности, съ которымъ имѣетъ дѣло исторія, подразумѣваетъ чуждую исключеній причинную опредѣленность, столь же ошибочны тѣ слѣдствія, которыя выводились изъ этого въ интересѣ естественно-научнаго универсальнаго метода. Вѣдь полагаютъ, что, разъ весь историческій процессъ причинно обусловленъ, изъ этого необходимо вытекаетъ для исторіи задача, состоящая въ томъ, чтобы устанавливать каузальные законы (*Kausalgesetze*) этого процесса. Однако при такой аргументаціи равнымъ образомъ какъ и при томъ взглядѣ, противъ котораго мы боролись до сихъ поръ, общія гносеологическія предпосылки опять таки не отграничиваются отъ спеціальныхъ методологическихъ формъ мышленія, и благодаря этому возникаетъ ошибка, нѣкоторымъ образомъ противоположная первой.

Нельзя отождествлять понятія причинности съ понятіемъ закона природы. Если это тѣмъ не менѣе дѣлается, то основаніе для этого заключается, конечно, въ томъ, что предпосылка, гласящая, что все происходившее имѣетъ свою причину, часто характеризуется какъ „законъ причинности“ „*das Kausalitätsgesetz*“. Правда, само по себѣ это обозначеніе не вызываетъ никакихъ возраженій, но оно тотчасъ становится рискованнымъ, коль скоро при этомъ подъ „закономъ“ разумѣютъ тоже самое, что законъ природы. Вѣдь тогда законы природы, формулируемые эмпирическою наукою, понимаются какъ нѣчто такое, что относится къ общему закону причинности какъ подчиненныя понятія къ высшему понятію, которому они под-

чинены, и отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что задача всѣхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать частные законы причинности (*die besonderen Kausalitätsgesetze*) для процесса, подчиненнаго общему закону причинности.

Кроющаяся въ этомъ взглядѣ ошибка не замѣчается тотчасъ же въ слѣдствіе того, что между исканіемъ законовъ природы и обязательностию (*Geltung*) такъ называемаго закона причинности въ самомъ дѣлѣ существуетъ связь. Предположеніе (*Annahme*) сплошной причинной обусловленности можетъ быть признано тою предпосылкою (*Voraussetzung*), которая вообще впервые дѣлаетъ возможнымъ установленіе законовъ природы. Но именно въ томъ случаѣ, если это вѣрно, должно было бы быть ясно, что предпосылка, которая впервые дѣлаетъ „возможными“ законы природы, не можетъ уже сама быть закономъ природы, а потому и относиться къ законамъ природы какъ общее родовое понятіе къ частнымъ видамъ понятій. Итакъ, надлежитъ разграничить причинность и природную законность (*Naturgesetzlichkeit*), и при томъ для нашихъ цѣлей будетъ достаточно того, если мы, не исчерпывая въ нашемъ разсмотрѣніи того отношенія, которое существуетъ между этими двумя понятіями, отграничимъ другъ отъ друга три слѣдующія понятія.

Предпосылку, гласящую, что всякій процессъ имѣетъ свою причину, мы, чтобы отличать ее отъ законовъ природы, формулируемъ эмпирическими науками, назовемъ не закономъ причинности, но основоположеніемъ (*Grundsatz*) причинности или каузальнымъ принципомъ (*Kausalprinzip*). Тогда, согласно нашей терминологіи, всякая дѣйствительная связь причины и дѣйствія должна быть характеризуема какъ историческая причинная связь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всякая причина и всякое дѣйствіе отличны отъ всякой другой причины и отъ всякаго другого дѣйствія. Наконецъ мы говоримъ о каузальномъ законѣ (*Kausalgesetz*), когда индивидуальныя причинныя связи разсматриваются въ отношеніи того, что обще имъ съ другими причинными связями, или если образуется безусловно общее понятіе, содержащее въ себѣ лишь то, что повторяется въ какомъ угодно количествѣ причинныхъ связей. Резюмируя это вкратцѣ, мы отличаемъ историческую и естественно-научную причинность другъ отъ друга, а затѣмъ оба эти вида причинности отъ общаго принципа причинности и, коль скоро соблюдается это трехчленное дѣленіе, оказывается, что понятіе

причинной связи какъ таковой отнюдь не заключаетъ въ себѣ понятія природной законности (*Naturgesetzmässigkeit*). Напротивъ того, понятіе однократнаго и индивидуальнаго причиннаго ряда исключаетъ возможность выраженія его посредствомъ понятій законовъ природы. Такъ, напр., то, что 1-го Ноября 1755 года Лиссабонъ былъ разрушенъ извѣстнымъ землетрясеніемъ или то, что Фридрихъ Вильгельмъ IV отвергнулъ германскую императорскую корону, конечно, причинно вполне опредѣленные событія, но не существуетъ никакихъ общихъ каузальныхъ законовъ, въ содержаніи которыхъ оказывались бы эти однократныя индивидуальныя происшествія. Да и мысль о такомъ законѣ заключаетъ въ себѣ прямо таки логическое противорѣчіе, такъ какъ всякій законъ общъ и поэтому въ немъ не можетъ содержаться ничего о тѣхъ частныхъ причинахъ однократнаго процесса, которыми интересуется историкъ ¹⁾.

Цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ могъ возникнуть лишь благодаря тому, что эти три понятія не отграничивались другъ отъ друга, и поэтому эти спорные вопросы тотчасъ устраняются благодаря разграниченію ихъ. Какъ часто напр. противъ „старога направленія“ торжественно выдвигаютъ „новое причинное пониманіе“, и однако, какъ мы видимъ, слово „причинное“ безъ дальнѣйшаго добавленія еще ничего не говоритъ о методѣ какой либо эмпирической науки.

Съ другой стороны тѣ, которые болѣе или менѣе ясно сознаютъ невозможность перенесенія естественно-научнаго метода въ исторію, часто умѣютъ возразить противъ безсодержательнаго лозунга, требующаго „причиннаго метода“, лишь подчеркивая „свободу“ исторической личности, при чемъ въ данномъ случаѣ эта свобода можетъ вѣдь означать лишь не что иное какъ безпричинность (*Ursachlosigkeit*). Поэтому важно поставить на видъ, что логическая противоположность между природою и исторіею не имѣетъ ничего общаго съ противоположностью между необходимостью и свободою, и что индивидуали-

¹⁾ Этимъ устраняется, конечно, и то возрѣніе, которое сдѣлалъ противъ моей теоріи Максъ Ф. Шелеръ. (*Die transcendente und die psychologische Methode*, 1900, S. 142 f.) Конечно, я не могу касаться здѣсь историческаго вопроса о томъ, есть-ли положеніе „лишь законно опредѣленному свойственна реальность“ необходимое слѣдствіе изъ теоріи познанія Канта. Фактически понятіе о причинно опредѣленномъ во всякомъ случаѣ не совпадаетъ съ понятіемъ о законно опредѣленномъ.

стическое пониманіе исторіи вовсе не утверждаетъ индивидуальной свободы въ смыслѣ безпричинности. Историческое съ логическихъ точекъ зрѣнія не поддается естественно-научному пониманію не потому, что оно есть продуктъ свободныхъ существъ, но лишь потому, что оно должно быть изображено въ своей индивидуальности, и поэтому положеніе, гласящее, что исторія имѣетъ дѣло со свободными индивидуумами, естествознаніе съ причинно обусловленными процессами, равнымъ образомъ никогда не приведетъ къ разрѣшенію методологическихъ спорныхъ вопросовъ. И даже, если бы разрѣшеніе зависѣло отъ альтернативы: причинность или свобода, сторонники эмпирическаго детерминизма—вѣдь лишь о немъ можетъ идти здѣсь дѣло—были бы правы. Это замѣчаніе вовсе не направлено противъ вѣрованія въ трансцендентную или трансцендентальную свободу воли, но было бы очень рискованно допускать, чтобы это вѣрованіе оказывало вліяніе на эмпирическое изслѣдованіе исторіи, или даже дѣлать зависящимъ отъ него методъ историческаго изложенія.

Наконецъ и отличеніе индивидуальной исторической причинности отъ причинной природной законности (*kausalen Naturgesetzlichkeit*) должно служить для того, чтобы опровергнуть еще одно возраженіе противъ нашего пониманія исторической науки. Вѣдь подобно понятію свободы и понятію случайности противоположно понятію причинной необходимости, и противъ взгляда, согласно которому историческая наука имѣетъ дѣло съ однократнымъ и индивидуальнымъ, зачастую возражаютъ, что вѣдь тогда ея объектомъ оказывалось бы случайное, и что не можетъ существовать науки о случайномъ. Однако, пока понятіе причинной „необходимости“ не опредѣляется точно, подобными фразами опять таки не выражается ничего такого, что можетъ имѣть значеніе для нашей проблемы, такъ какъ, если смыслъ понятія о случайномъ вполне зависитъ отъ понятія о причинной необходимости, которому оно противопоставляется, могутъ возникать совершенно различныя и даже взаимно исключаютія другъ друга понятія о случаѣ.

Если „случайнымъ“ назвать все то, что не входитъ въ общее понятіе или въ естественно-научный каузальный законъ, и разумѣть подъ необходимымъ лишь закономерное, то все дѣйствительное какъ таковое случайно, такъ какъ вся дѣйствительность индивидуальна и не входитъ ни въ какой общій законъ природы. Напр. въ этомъ смыслѣ случайно, что кольца имѣются именно у Сатурна, а

не у Земли, что Фридрихъ Великій выигралъ битву при Лейтенѣ, или что на востокѣ Германіи существуетъ больше дворянскихъ имѣній, чѣмъ на западѣ, т. е. нельзя установить никакихъ общихъ законовъ, въ которыхъ эти индивидуальные факты необходимо заключались бы какъ закономерные.

Если же подъ случайнымъ въ противоположность причинно необходимому разумѣть то, что не имѣетъ никакой причины, то наоборотъ въ мірѣ не оказывается ничего случайнаго, такъ какъ то, что у Сатурна имѣются кольца и то, что Фридрихъ выигралъ битву, настолько же причинно опредѣлено, стало быть необходимо, какъ и любой иной фактъ, и тогда въ этомъ смыслѣ исторія никогда не имѣетъ дѣла со случайнымъ, но всегда съ необходимымъ. Итакъ, разъ мы различаемъ причинность историческую и причинность, свойственную законамъ природы (*naturgesetzliche*), вся дѣйствительность оказывается необходимой, коль скоро имѣется въ виду одно понятіе, и случайной, коль скоро имѣется въ виду другое понятіе, и положеніе, гласящее, что индивидуалистическая исторія есть наука о случайномъ, или не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы имѣть значеніе какъ возраженіе противъ ея научнаго характера, или же оно совершенно ложно, такъ какъ оно смѣшиваетъ индивидуальное съ безпричиннымъ.

Однако слово „случайное“ имѣетъ еще и третье значеніе. Вѣдь „необходимое“ можетъ означать и не болѣе не менѣе какъ „существенное“, и соотвѣтственно этому случайное должно быть тогда приравниваемо къ несущественному. Тогда утверженіе, гласящее, что индивидуалистическая исторія есть наука о случайномъ въ этомъ третьемъ смыслѣ, могло бы означать лишь то, что у исторіи нѣтъ принципа выбора существеннаго. А это опять таки сводилось бы къ предположенію, согласно которому существенно для науки лишь содержаніе общихъ понятій или законовъ природы, и слѣдовательно уже подразумѣвало бы вѣру въ естественно-научный универсальный методъ. Напротивъ того, разъ сознано, что это предположеніе не состоятельно, благодаря этому въ тоже время исчезаетъ и всякая возможность пользоваться понятіемъ о случайномъ для опроверженія индивидуалистическаго историческаго метода. Индивидуалистическая исторія отнюдь не есть наука о случайномъ какъ несущественномъ, но и содержаніе ея понятій необходимо связано (*gehört nothwendig zusammen*), поскольку въ нихъ не должно входить ничто телеологи-

чески случайное и несущественное. Итакъ, никому не слѣдовало бы давать запугивать себя столь безсодержательными ходячими фразами въ родѣ разсужденій о наукѣ о случайномъ.

Мы видимъ, что причиннаго метода въ противоположность индивидуалистическому не существуетъ, и совершенно бессмысленно приравнивать другъ къ другу естественно-научный и причинный методы. Напротивъ того, индивидуальныя историческія причинныя связи, равно какъ и всякая иная историческая дѣйствительность, полагаютъ предѣлъ естественно-научному образованію понятій. Науку, формулирующую законы, никогда не занимаетъ дѣйствительный однократный процессъ, при которомъ изъ какой либо индивидуальной причины вытекаетъ индивидуальный эффектъ, но всегда образуются лишь общія понятія, содержащія въ себѣ общее нѣсколькимъ причиннымъ отношеніямъ. Благодаря этому возникаетъ тогда конечно весьма цѣнное уразумѣніе того, что, гдѣ бы ни оказывался объектъ, который, какъ экземпляръ, обнимается опредѣленнымъ общимъ понятіемъ причины, долженъ появляться другой объектъ, имѣющій признаки опредѣленнаго общаго понятія эффекта, но при этомъ отвлекаются отъ всякаго однократнаго индивидуальнаго причиннаго ряда, и слѣдовательно такого трактованія ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать исторіей.

Далѣе, само собою разумѣется, что и какое-либо естественно-научное общее понятіе, въ одномъ случаѣ представлявшее собой понятіе причины, можетъ быть разсматриваемо какъ понятіе о нѣкоторомъ эффектѣ, и если затѣмъ ставятъ вопросъ о понятіи соответствующей ему причины, то дѣло идетъ опять таки о томъ, чтобы установить нѣкоторое общее понятіе, находящееся къ нему въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ оно находилось къ тому понятію, съ которымъ оно въ предшествующемъ случаѣ было связано, какъ понятіе причины послѣдняго. Наконецъ этотъ процессъ образованія общихъ понятій причинъ и эффектовъ можетъ быть продолжаемъ все далѣе и далѣе, т. е. естествознаніе можетъ стремиться къ тому, чтобы построить систему общихъ каузальныхъ понятій (Kausalbegriffen), въ которую любой процессъ эмпирической дѣйствительности, физическій или психическій, можетъ быть включенъ какъ въ качествѣ причины, такъ и въ качествѣ дѣйствія. Однако, какъ ни важенъ былъ бы всякій шагъ, приближающій науку къ этой цѣли, даже и при полномъ осуществленіи этого мыслимо высочайшаго

идеала познанія причинно-закономѣрныхъ (kausal-gesetzmässigen) связей, не достигалось бы выраженіе историческихъ связей, такъ какъ та причинная связь, которая выражалась-бы здѣсь, всегда оставалась бы системой общихъ понятій, въ которую историческія причинныя связи столь же мало входятъ, какъ историческіе объекты въ общія понятія вообще. Итакъ, намъ нѣтъ надобности далѣе доказывать невозможность выражать историческія причинныя отношенія въ естественно-научныхъ каузальныхъ законахъ.

Мы обратимъ вниманіе лишь еще на нѣкоторые пункты, въ которыхъ особенно отчетливо обнаруживается различіе между естественно-научною и историческою причинностью, и разсмотрѣніе которыхъ поэтому важно для выясненія историческаго метода.

Мы намѣренно не ставили вопроса о томъ, какъ надлежитъ опредѣлять понятіе причинной связи между двумя дѣйствительностями, характеризуемыми какъ причина и эффектъ. Относительно того, что мы имѣемъ въ виду, употребляя выраженіе „причинная связь“, мы всегда можемъ сослаться на какое-либо переживаніе. Если мы, напр., ударяемъ рукою о стоящій передъ нами столъ, мы слышимъ нѣкоторый звукъ. Тогда мы характеризуемъ движеніе нашей руки какъ причину и звукъ какъ эффектъ и допускаемъ, что оба они необходимо связаны другъ съ другомъ. Дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ связь между причиною и эффектомъ, быть можетъ, очень трудно, но намъ вовсе нѣтъ надобности задаваться этимъ вопросомъ, пока мы желаемъ лишь установить различіе между естественно-научною причинностью и историческою причинностью. Вѣдь понятіе связи между причиною и эффектомъ должно быть общимъ понятіемъ общаго каузальнаго принципа (Kausalprinzip), понятіемъ исторической причинности и понятіемъ каузальнаго закона (des Kausalgesetzes).

Напротивъ того, для насъ важно то, что во всякомъ непосредственно наблюдаемомъ индивидуальномъ причинномъ процессѣ (Kausalvorgang) причина отличается отъ эффекта, т. е. вызываетъ отнюдь не самоё себя, а всегда что либо новое, до того еще не оказывавшееся на лицо, и мы должны самымъ рѣзкимъ образомъ подчеркнуть это различіе между причиною и дѣйствіемъ, т. е. то обстоятельство, что въ полной эмпирической дѣйствительности всегда нѣкоторое А причинно связано съ нѣкоторымъ Non A, какъ особенность всякаго историческаго причиннаго отношенія. Вѣдь уста-

навливая законы природы, естествознание может дойти до того, чтобы отвлекаться от всегда оказывающагося на лицо различія между двумя объектами, называемыми причиною и дѣйствиємъ, и утверждать, что причина никогда не порождаетъ больше того, что она сама заключаетъ въ себѣ. Тогда это находитъ свое выраженіе въ положеніи: *causa aequat effectum*, которое, слѣдовательно, высказываетъ какъ разъ противоположное тому, что имѣетъ силу для всякой исторической связи причины и эффекта. Итакъ, здѣсь очевидно заключается нѣкоторая проблема. Однако, если бы мы пожелали дать полную теорію естественно-научной причинности, это завело-бы насъ слишкомъ далеко. Поэтому мы довольствуемся немногими замѣчаніями относительно этого различія между историческимъ и естественно-научнымъ пониманіемъ причиннаго отношенія, которыхъ достаточно для выясненія того, что важно для историческаго метода.

Если естествознание устанавливаетъ безусловно общія положенія относительно связи между причиной и эффектомъ, то оно допускаетъ, что „та же самая“ причина всякій разъ вызываетъ тоже самое дѣйствіе. Тогда изъ этого принципа эквивалентности причинъ можно, пользуясь аргументами, которые намъ здѣсь нѣтъ надобности прослѣживать, вывести принципъ эквивалентности причины и эффекта. Конечно, оба эти принципа въ чистомъ видѣ могутъ быть примѣняемы лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о количественно опредѣленныхъ понятіяхъ, но все же они пожалуй будутъ имѣть значеніе и во всемъ естествознаніи постольку, поскольку можно пытаться мыслить и всю качественную тѣлесную дѣйствительность, а пожалуй даже и душевную жизнь вообще, по крайней мѣрѣ по аналогіи съ эквивалентностью причинъ и съ положеніемъ: *causa aequat effectum*.

Но столь же рѣшительно должно быть подчеркнуто и то, что уже предположеніе эквивалентности причинъ можетъ быть примѣняемо лишь къ обработанному при посредствѣ понятій міру и строго говоря правильно лишь въ гипотетической формѣ, въ которой она гласитъ, что если наступаетъ та же самая причина, то у нея должно быть и тоже самое дѣйствіе, такъ какъ фактически двѣ части эмпирической дѣйствительности, которыя должны быть характеризуемы какъ причина, никогда не оказываются равными другъ другу, т. е. вовсе не бываетъ того, чтобы какъ разъ „та же самая“

индивидуальная причина опять вызвала какъ разъ тотъ же самый индивидуальный эффектъ.

Но если уже принципъ эквивалентности причинъ есть специфически естественно-научное предположеніе, которое означаетъ лишь то, что нѣкоторый процессъ, обнимаемый общимъ понятіемъ А, всегда вызываетъ нѣкоторый процессъ, обнимаемый общимъ понятіемъ В, то совершенно бессмысленно утверждать равенство какой либо исторической причины ея историческому эффекту, но положеніе *causa aequat effectum* означаетъ лишь то, что причина и эффектъ могутъ быть такимъ образомъ подведены нѣкоторою общео естественно-научною теоріею подъ два общія понятія, что ихъ существенные въ естественно-научномъ смыслѣ элементы должны быть признаны эквивалентными другъ другу по отношенію къ опредѣленному мѣрилу. Итакъ, исторія, образуемая не общія, но индивидуальныя понятія, не имѣетъ рѣшительно никакой возможности примѣнять принципъ равенства причины и эффекта или хотя бы даже лишь мыслить свои причинныя связи по аналогіи съ этимъ принципомъ. Всѣ причины, принимаемыя въ соображеніе абсолютно историческимъ изложеніемъ, отличны другъ отъ друга и историческій объектъ равнымъ образомъ всегда есть нѣчто иное чѣмъ причина, его вызывающая, такъ какъ, если бы онъ не былъ чѣмъ либо другимъ и чѣмъ либо иного рода, онъ не могъ бы быть и историческимъ индивидуумомъ, т. е. получать благодаря своей единственности въ своемъ родѣ историческое значеніе. Итакъ, исторіи вообще невѣдомо понятіе о причинномъ равенствѣ (*Kausalgleichung*), но, если должна быть выражена причинная связь двухъ индивидуальных историческихъ процессовъ, это можетъ происходить лишь въ причинныхъ неравенствахъ (*Kausalungleichungen*). Такимъ образомъ положеніе: малыя причины — великія дѣйствія, правда, ложно въ примѣненіи къ міру естественно-научныхъ понятій, но историкъ никогда не долженъ бояться допускать возникновеніе исторически существенныхъ дѣйствій изъ исторически несущественныхъ причинъ. И здѣсь пути естествознанія и исторіи опять таки необходимо расходятся. Усматривать въ этомъ несовпаденіи противорѣчіе можетъ лишь тотъ, кто еще не отказался отъ фантома нѣкоего универсальнаго метода и видятъ въ строяемыхъ естествознаніемъ понятіяхъ копіи реальностей или даже копіи индивидуальной эмпирической дѣйствительности.

Далѣ разсмотрѣнію дѣйствительности, какъ исторіи, надлежитъ не менѣе тщательно чуждаться еще одного преобразования, которому иногда подвергается въ естествознаніи понятіе причинной связи. Вѣдь, понятія о причинахъ въ естественно-научныхъ каузальныхъ законахъ не только общи, но зачастую и какой либо естественно-научный каузальный законъ самъ называется причиною. Такъ, напр., утверждается, что законъ паденія есть причина ускоренія падающаго тѣла, что законы преломленія лучей свѣта суть причины радуги, что законы ассоціаціи суть причины припоминанія представленій, или даже какой либо законъ разсматривается какъ причина какого либо другого закона. Противъ этого способа выражаться нечего возразить, пока продолжаютъ сознать, что посредствомъ него опять таки лишь высказывается нѣчто объ отношеніи другъ къ другу понятій и что въ эмпирической дѣйствительности всегда могутъ признаваться причинами лишь особые и индивидуальныя вещи и процессы, но ни въ какомъ случаѣ не общія понятія или законы. Можно, конечно, подводить дѣйствія подъ законы, но высшее понятіе необходимо находится къ подводимому подъ него экземпляру въ совершенно иномъ отношеніи, чѣмъ отношеніе между причиною и дѣйствіемъ. Итакъ, если естествознаніе можетъ, правда, разсматривать законъ паденія какъ „причину“ ускореннаго движенія падающаго тѣла или даже законъ тяготѣнія какъ причину закона паденія, такъ какъ оно всегда имѣетъ въ виду связывать другъ съ другомъ лишь общія понятія, въ исторической наукѣ всякая попытка признавать при выраженіи какой либо однократной индивидуальной связи дѣйствующими причинами общія понятія или каузальные законы, лишила бы насъ возможности понять историческій процессъ, такъ какъ вмѣсто познанія того, что нѣкогда дѣйствительно было причиною и дѣйствовало, къ которому мы стремимся, мы получали бы лишь общія отвлеченія въ понятіяхъ и никогда не могли бы показать, благодаря чему произошли историческія событія.

На это слѣдуетъ обращать вниманіе въ особенности тогда, когда дѣло идетъ объ изученіи тѣхъ дѣйствій, которыя исходятъ отъ нѣкотораго цѣлага или чего либо коллективнаго и опредѣляютъ индивидуальность одного или нѣсколькихъ его членовъ. Здѣсь часто строится общее понятіе о всѣхъ частяхъ этого цѣлага, но затѣмъ это родовое понятіе смѣшивается съ конкретнымъ родомъ и тогда производится попытка разсматривать всякій членъ даннаго коллек-

тивнаго цѣлага какъ обусловленный общимъ понятіемъ. Поэтому же предполагалось также, что теоріи, составленныя относительно вліянія окружающаго міра или „среды“, („Milieu“) на историческія личности оправдываютъ естественно-научный методъ въ исторіи, и вслѣдствіе этого нерѣдко можно встрѣтить такую аргументацію, которую, не впадая въ преувеличеніе, можно резюмировать, напр., нижеслѣдующимъ образомъ: Наука всегда должна имѣть дѣло лишь съ „общими массами“, въ которыхъ безъ остатка растворяются индивидуумы, и истинныя причины хода исторіи никогда не заключаются въ частномъ, но всегда лишь въ общемъ, изъ котораго съ абсолютною закономѣрностью вытекаетъ частное. Поэтому, такъ какъ всякая отдѣльная личность есть лишь продуктъ окружающаго міра, ничто не препятствуетъ исторіи развиться въ науку, формулирующую законы и, подобно естествознанію, всегда разсматривать лишь роды и никогда не индивидуумы.

Мы уже обнаружили ту путаницу понятій, которая лежитъ въ основѣ такого рода утвержденій, поскольку они основываются на смѣшеніи конкретнаго рода съ общимъ родовымъ понятіемъ, но все же будетъ хорошо и специально еще примѣнить разграниченіе между природною законностью и историческою причинностью къ отношенію между индивидуумомъ и средою.

Конечно, безъ дальнихъ околичностей приходится признать, что всякій человѣкъ и всякій историческій индивидуумъ вообще подвергаются воздѣйствіямъ отъ окружающей среды и что своеобразіе ихъ опредѣляется и этою послѣднею, да этого вѣдь никто серьезно еще и не оспаривалъ. Но, даже если мыслить себѣ эти воздѣйствія столь значительными и рѣшающими, какъ только возможно, все же не только сама окружающая среда, какъ дѣйствительность, во всякомъ случаѣ, есть нѣчто индивидуальное и особенное и отличается отъ другихъ окружающихъ средъ въ другія времена и въ другихъ мѣстахъ, но далѣе, такъ какъ ни одинъ отдѣльный человѣкъ не одинаковъ съ другимъ, и причинныя связи всякаго историческаго индивидуума съ его индивидуальной средою должны во всякомъ частномъ случаѣ индивидуально отличаться отъ всякаго другого случая, и поэтому ихъ можно подвести лишь подъ понятіе исторической причинности, но не подъ законы природы. Но, разъ сознанъ этотъ простой фактъ, оказывается, что для логики исторіи теорія среды (die Milieutheorie) означаетъ не что иное, какъ то, что уже вытекаетъ изъ

приложенія каузальнаго принципа ко всей эмпирической дѣйствительности, но, напротивъ того, не имѣеть никакого значенія для вопроса о томъ, долженъ ли историкъ примѣнять естественно-научный или индивидуалистическій методъ въ нашемъ смыслѣ. Вообще мало можно найти ходячихъ лозунговъ, которые были бы столь безсодержательны, какъ выраженіе „среда“ и которые, несмотря на это, до такой степени превозносились бы.

Быть можетъ, и здѣсь мы опять таки лучше всего выяснимъ себѣ причинное отношеніе единичнаго къ окружающему міру и благодаря этому значеніе теоріи среды для логической сущности исторіи, коль скоро мы мысленно представимъ себѣ единое „общее“ пространство разложеннымъ на сплошь индивидуальныя части пространства и затѣмъ поставимъ вопросъ о томъ, насколько индивидуальная форма частей можетъ быть понята на основаніи общихъ законовъ пространственнаго (des Räumlichen). Отвѣтъ простъ: всякое индивидуальное пространственное образованіе должно, правда, тогда быть разсматриваемо какъ нѣчто такое, что въ своей индивидуальности вполнѣ исключительно обусловлено окружающею средою, т. е. индивидуальная часть пространства есть до нѣкоторой степени индивидуумъ лишь благодаря „Milieu“ или той окружающей средѣ, въ которой она находится, и она сама измѣнилась бы благодаря измѣненію окружающей ее среды. Однако, и она все же никогда не перестаетъ быть вслѣдствіе этого индивидуальной, и для науки, задающей образованіемъ общихъ понятій, она остается непонятной. Итакъ, нашъ тезисъ, гласящій, что исторія всегда имѣеть дѣло съ индивидуальнымъ и естественно-научно непонятнымъ, не противорѣчитъ даже и тому утвержденію, согласно которому всякій индивидуумъ опредѣляется единственно лишь окружающей его средой и не обнаруживаетъ рѣшительно ничего „собственного“. Вѣдь, даже если мы предположимъ, что всякая историческая личность настолько совершенно и цѣликомъ зависитъ отъ „отношеній“, „времени“, или какъ бы ни пожелали еще выразиться, что оказывалось бы примѣнимымъ произведенное Спинозою приравниваніе индивидуальности и отрицанія, все же причинная опредѣленность какого либо даннаго индивидуума средою столь же мало могла бы быть вслѣдствіе этого выведена изъ общихъ законовъ, какъ особенности какой либо индивидуальной части пространства изъ общихъ законовъ, имѣющихъ силу для пространственнаго вообще или для любой части простран-

ства, поскольку она разсматривается какъ экземпляръ нѣкотораго общаго пространственнаго понятія (eines allgemeinen räumlichen Begriffes). Мы во всякомъ случаѣ имѣемъ право и здѣсь сказать, что то, что имѣеть силу для индивидуальныхъ формъ гомогеннаго пространства, должно, конечно, во всякомъ случаѣ имѣть силу и для индивидуальной формы частей нигдѣ не гомогенной эмпирической дѣйствительности, и что поэтому, какъ бы далеко ни шла вѣра историка во вліяніе среды, она не можетъ освободить его отъ задачи, состоящей въ томъ, чтобы изслѣдовать индивидуальныя вліянія индивидуальной окружающей среды на единичныхъ историческихъ индивидуумовъ.

Само собою разумѣется, что то же самое соображеніе имѣеть силу и тогда, когда всякій индивидуумъ разсматривается какъ необходимый продуктъ прошлаго, такъ какъ всякая отдѣльная личность, конечно, причинно обусловлена и въ томъ смыслѣ, что она застаеть уже данное положеніе дѣль, которое постепенно развивалось въ теченіе долгихъ промежутковъ времени. Итакъ, въ ней продолжаетъ жить прошлое, и она никогда не будетъ въ состояніи вполнѣ отрѣшиться отъ традиціи, такъ какъ, даже если она пытается сдѣлать это и борется противъ послѣдней, вся ея борьба должна зависѣть отъ того, какого рода эта традиція. Но столь же мало, какъ вліянія окружающей среды, эти вліянія прошлаго могли бы имѣть то значеніе, чтобы благодаря имъ единичный индивидуумъ переставалъ быть чѣмъ то особливимъ и однократнымъ и въ качествѣ такового обращать на себя вниманіе историка. Напротивъ того, исторія всегда должна будетъ признавать какъ прошлое, такъ и окружающее индивидуальными причинами, изслѣдовать ихъ индивидуальныя дѣйствія и выражать ихъ въ историческихъ понятіяхъ. Игнорировать это можетъ опять таки лишь тотъ, кто смѣшиваетъ конкретный родъ, часть котораго представляетъ собой каждая отдѣльная личность, съ общимъ родовымъ понятіемъ и ипостазируетъ это родовое понятіе какъ „народную душу“ или „духъ времени“. Тогда онъ сдѣлаетъ, конечно, это „общее“ истинною причиною процесса и будетъ утверждать, что на ходъ исторіи индивидуальныя событія оказываютъ лишь кажущееся вліяніе. Въ дѣйствительности, однако, такое общее понятіе, коль скоро на немъ основывается предлагаемое объясненіе, есть не что иное, какъ *azulim*

ignorantiae, и истинный историкъ всегда будетъ ощущать это именно тогда, когда онъ занимается общими массовыми движеніями.

Въ предисловіи къ пятому тому своей нѣмецкой исторіи Трейчке говорить: „при всемъ стараніи нельзя вполне устранить одного недостатка. Жизнь народныхъ массъ всегда остается таинственною въ эпоху отраженной культуры (reflektirter Bildung) и какія бы экономическія, политическія, религіозныя объясненія ни давалъ историкъ, въ концѣ концовъ онъ все же можетъ лишь просто установить тотъ фактъ, что настроеніе эпохи (die Stimmung der Zeit) созрѣло для переворота“¹⁾. Но, подобно Трейчке, всякій, чуждающійся ипостазирования метафизическихъ понятій, будетъ усматривать причины историческаго процесса и объекты историческаго изложенія всегда лишь въ индивидуальныхъ событіяхъ и знать, что общія фразы въ родѣ „настроеніе эпохи“ можетъ лишь указывать на недостатки и пробѣлы въ историческомъ матеріалѣ, но не могутъ ничего объяснять.

Вкратцѣ говоря, и здѣсь опять таки именно „современные“ и мнимые эмпиристы прибѣгаютъ къ несостоятельной метафизикѣ исторіи и, подобно средневѣковымъ реалистамъ, хотятъ, чтобы историческія дѣйствительности получались изъ логическихъ (begrifflichen) абстракцій. Однако, имъ слѣдовало бы сперва подвергнуть критическому пересмотру тѣ понятія, съ которыми сами они оперируютъ, прежде чѣмъ бранить идеологами тѣхъ, которые способны усматривать историческую жизнь и историческія причинныя связи не въ общихъ понятіяхъ, но лишь въ дѣйствительностяхъ, и съ этой въ хорошемъ смыслѣ слова эмпирической точки зрѣнія стараются познать методъ историческихъ наукъ.

Наконецъ понятіе исторической причинности ставить намъ еще одну проблему. Какимъ образомъ доходить историкъ до общепонятнаго и могущаго быть переданнымъ уразумѣнія индивидуальной связи определенной исторической причины съ определеннымъ историческимъ эффектомъ? Ясно, что здѣсь, равно какъ при образованіи историческихъ понятій вообще, ему опять таки приходится прибѣгать къ обходному пути, пользуясь при этомъ общими элементами понятій, ибо полная индивидуальная причинная связь, какъ и всякая

полная дѣйствительность, можетъ быть лишь переживаема или воспроизводима въ воспоминаніи, но никогда не можетъ быть прямо выражена научно, и при томъ общими элементами понятій въ этомъ случаѣ должны быть общія понятія о причинныхъ отношеніяхъ.

Однако намъ приходится лишь напомнить уже сказанное выше относительно элементовъ всякаго историческаго понятія и нѣсколько далѣе развить то, что было изложено тамъ. Конечно, индивидуальная причинная связь выражается въ исторіи не путемъ подведенія причины и дѣйствія въ ихъ совокупности подъ нѣкоторый общій каузальный законъ, какъ это происходитъ въ естествознаніи, такъ какъ благодаря этому онѣ должны были бы утратить свою индивидуальность и перестать быть историческими объектами, но напротивъ того тѣ историческіе объекты, объ исторической причинѣ которыхъ ставится вопросъ, должны быть анализируемы такимъ образомъ, чтобы ихъ составныя части, выражаемыя послѣдними элементами ихъ историческихъ понятій, выдѣлялись обособленно, и затѣмъ приходится искать причину для всякой отдѣльной составной части. Но послѣдніе элементы историческаго понятія необходимо общи и поэтому возможно, чтобы всякая изъ подводимыхъ подъ нихъ дѣйствительностей сама по себѣ понималась какъ эффектъ нѣкоторой причины, которая равнымъ образомъ подводится подъ нѣкоторое общее понятіе. А разъ такимъ образомъ для отдѣльныхъ составныхъ частей историческаго эффекта обнаружены общепонятнымъ образомъ причины, найденные различными элементами, которые, если каждый изъ нихъ разсматривается самъ по себѣ, могутъ быть подведены подъ сплошь общія понятія причинъ, въ своей совокупности снова сочетаются въ одно историческое понятіе, и тогда въ этомъ послѣднемъ мы имѣемъ понятіе исторической причины какъ цѣлое. Конечно, если ставится вопросъ о причинѣ какого либо историческаго объекта, который мы разсматриваемъ какъ одну вещь, отнюдь не требуется, чтобы подъ историческое понятіе его причины подходила въ свою очередь также одна вещь, но понятіе исторической причины можетъ состоять изъ элементовъ различнѣйшихъ историческихъ вещей и процессовъ. Такъ оно будетъ, конечно, часто заключать въ себѣ элементы различныхъ частей или членовъ того цѣлага, къ которому самъ историческій эффектъ принадлежитъ какъ часть или членъ, и тогда эти части или члены не могутъ уже быть сочетаемы въ понятіе какой либо индивидуальной

¹⁾ Treitschke, Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert, 1894 Bd. V, S. III. Слова „Mangel“ и „Stimmung der Zeit“ подчеркнуты мною.

вещи. Но вѣдь, для того, чтобы можно было провести наши принципы, совершенно достаточно, если только возникающее таким образомъ понятіе въ совокупности своихъ составныхъ частей во всякомъ случаѣ вообще оказывается индивидуальнымъ историческимъ понятіемъ, и не трудно показать, что оно такъ и должно быть такъ.

Само собою разумѣется, для того, чтобы понять логическую структуру историческаго выраженія причинъ (Ursachendarstellung), мы въ состояніи лишь ограничиться совершенно общею схемою, которой ни коимъ образомъ не достаточно для надлежаго резюмированія въ высшей степени сложныхъ изслѣдованій относительно историческихъ причинныхъ связей. Итакъ допустимъ, что историкъ старается обнаружить, чѣмъ причинно обусловленъ нѣкоторый индивидуальный историческій объектъ *W*, и этотъ объектъ *W* подходит подъ индивидуальное понятіе *S*, послѣдними элементами котораго оказываются *a, b, c, d, e*. Тогда онъ не будетъ въ состояніи непосредственно найти другой историческій объектъ *V*, историческое понятіе Σ котораго находится въ непосредственно выразимой необходимой связи съ историческимъ понятіемъ *S*, но онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы установить событія, которыя подходили бы подъ общія понятія о причинахъ, соотвѣствующихъ *a, b, c, d, e*. Если найденныя такимъ образомъ общія понятія $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$, находятся въ такой связи съ элементами историческаго понятія *S*, что объектъ, подходящий подъ понятіе α , всегда оказывается причиною объекта, подходящаго подъ понятіе α ; объектъ, подходящий подъ понятіе β причиною b и т. д., то историкъ можетъ объединить общія понятія $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$ какъ элементы понятія въ искомое историческое понятіе Σ и сказать, что оно заключаетъ въ себѣ существенныя составныя части исторической причины *W*. Но въ такомъ случаѣ, если состоящее изъ *a, b, c, d, e* понятіе *S* есть абсолютно историческое понятіе, и понятіе, состоящее изъ $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$ должно быть абсолютно историческимъ понятіемъ, подъ которое можетъ быть подведена лишь одна единственная историческая дѣйствительность *V*, такъ какъ, если бы существовало нѣсколько объектовъ *V*, которые имѣли бы признаки $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$, то, вслѣдствіе того, что для причинныхъ отношеній элементовъ понятій имѣетъ силу принципъ эквивалентности причинъ, они должны были бы породить и нѣсколько объектовъ *W*, имѣющихъ признаки *a, b, c, d, e*, что противорѣчитъ допущенію.

Понятіе Σ можетъ имѣть общее содержаніе лишь тогда, если оно не полно, т. е. содержитъ въ себѣ не всѣ тѣ элементы, которые представляютъ собою причины по отношенію къ элементамъ *S* и вѣроятно такъ и будетъ очень часто, но тогда оно принадлежитъ къ тому роду историческихъ понятій, которыми, вслѣдствіе логически случайнаго недостатка въ матеріалѣ, нельзя пользоваться какъ отрицательными аргументами противъ нашей теоріи. Если же Σ напротивъ того есть полное понятіе, т. е. если оно дѣйствительно содержитъ въ себѣ всѣ тѣ понятія причинъ (Ursachenbegriffe), которыхъ искали для существенныхъ элементовъ историческаго понятія, эффекта, то его элементы въ своей совокупности необходимо должны образовать комплексъ, подходящий лишь къ однократному историческому положенію, и тогда историческая причинная связь между индивидуальными объектами *W* и *V* оказывается выраженной съ помощью общихъ элементовъ понятій *S* и Σ общепонятнымъ и допускающимъ передачу образомъ, т. е. мы понимаемъ, какъ однократный индивидуальный историческій эффектъ вытекаетъ изъ однократной индивидуальной исторической причины.

Конечно, то обстоятельство, что выраженіе историческихъ причинныхъ связей возможно лишь съ помощью понятій, содержащихъ въ себѣ нѣкоторое общее каузальное понятіе (Kausalbegriff) или же нѣкоторый законъ природы, снова указываетъ намъ на то, что историческая наука имѣетъ дѣло не только съ общими цѣнностями и общими коллективными индивидуумами, но дѣйствительно и съ общими понятіями, образованными на естественно-научный манеръ, и отсюда вытекаютъ соотношенія между историческимъ образованіемъ понятій и естественно-научнымъ образованіемъ понятій. Правда, тѣ общія понятія, въ которыхъ мы нуждаемся для того, чтобы понять, какъ одно индивидуальное событіе вызываетъ другое, равнымъ образомъ какъ и общія значенія словъ, по большей части окажутся возникшими произвольно и не суть въ самомъ дѣлѣ научныя понятія. Всѣ мы знаемъ, что ударъ кинжала можетъ быть причиною смерти человѣка, и поэтому мы понимаемъ, почему Цезарь умеръ, когда Брутъ и его товарищи напали на него съ кинжалами, ни мало не интересуясь научнымъ фізіологическимъ понятіемъ смерти, причиняемой колющимъ оружіемъ. И, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ въ историческихъ сочиненіяхъ выражается причинная связь событій, то мы найдемъ, что почти всюду примѣняются такія,

возникшія до всякой естественной науки въ „житейскомъ опытѣ“, общія положенія относительно причинной связи. Однако не исключена возможность перехода отъ этихъ популярныхъ общихъ представлений относительно причинной связи къ понятіямъ, впервые построеннымъ изслѣдованіемъ о причинныхъ отношеніяхъ, придерживающимся приемовъ естествознанія, и тогда благодаря этому между естественно-научнымъ образованіемъ понятій и историческимъ образованіемъ понятій можетъ возникать такое количество соотношеній, что, пожалуй, въ историческихъ изложеніяхъ не легко вездѣ отграничить перемѣшанные другъ съ другомъ части отъ логически различной структуры.

Но развѣ вслѣдствіе этого вносится какое либо измѣненіе въ логическую противоположность между естествознаніемъ и исторіей? Это можно лучше всего выяснитъ себѣ на такомъ изложеніи, въ которомъ много говорится объ эпохахъ натурального хозяйства и денежнаго хозяйства, такъ какъ именно эти понятія играютъ роль почти всюду, гдѣ пытаются доказать, что свойственные исторіи приемы естество-научны. Такъ напр. Лампрехтъ утверждаетъ, что существуетъ методологическое различіе между слѣдующими положеніями, второе изъ которыхъ служитъ примѣромъ „новаго метода“: „въ 750-мъ году въ окрестностяхъ Фульды былъ голодъ, такъ что люди даже переселялись“ и: „въ 750-мъ году въ окрестностяхъ Фульды былъ голодъ, который, соотвѣтственно эпохѣ, имѣлъ чисто натурально-хозяйственный характеръ до такой степени, что люди даже переселялись“. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь вообще понятіе о натуральномъ хозяйствѣ можетъ сдѣлать намъ болѣе понятною причинную связь, но столь же достовѣрно и то, что историческая наука во всѣ времена примѣняла для этой цѣли общія понятія, и что далѣе этотъ приемъ отнюдь не естественно-наученъ, но служитъ лишь для того, чтобы связывать другъ съ другомъ индивидуальныя историческія событія. Напр. Трейчке говоритъ о городскомъ положеніи Штейна какъ объ исходномъ пунктѣ нѣмецкаго самоуправленія и замѣчаетъ, что, благодаря ему въ нѣмецкой буржуазіи возродилось живое чувство общественности. И здѣсь намъ тотчасъ понятна причинная связь между самоуправленіемъ и чувствомъ общественности. Но вѣдь положенія: самоуправленіе пробуждаетъ чувство общественности, и натуральное хозяйство при голодовкахъ побуждаетъ людей къ переселенію, отнюдь не суть

„историческіе законы“, установленіе которыхъ служило бы цѣлью историческаго изслѣдованія, но это лишь средства для изложенія историческихъ причинныхъ связей и они еще рѣшительно ничего не говорятъ намъ относительно индивидуальнаго историческаго процесса, имѣвшаго мѣсто въ упомянутомъ особливомъ случаѣ голода въ окрестностяхъ Фульды и относительно особливаго пробужденія въ нѣмцахъ чувства общественности благодаря реформамъ Штейна.

Само собой разумѣется, что нельзя установить логическихъ нормъ относительно того, до какой степени можно пользоваться результатами естествознанія для того, чтобы дѣлать понятными историческія причинныя связи, но далѣе останавливаться на этомъ и не представляетъ для насъ рѣшительно никакого интереса, такъ какъ даже и самое широкое пользованіе естественно-научными каузальными законами, котораго не вознамѣрится воспретить историку ни одинъ разсудительный человѣкъ, не можетъ внести ни малѣйшаго измѣненія въ сущность историческаго образованія понятій. Такъ какъ эти каузальные законы всегда суть лишь средства, ведущія къ уразумѣнію причинной связи индивидуальныхъ историческихъ событій, то въ принципѣ они не отличаются отъ другихъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ естественно-научныхъ понятій въ исторіи, которыя никогда не фигурируютъ какъ полныя историческія понятія, къ образованію которыхъ стремились бы ради ихъ самихъ, но всегда представляютъ собой лишь элементы историческихъ понятій и постольку оказываются тѣми обходными путями, пользуясь которыми изложеніе вновь возвращается къ индивидуализму.

Скорѣе можно было бы сказать, что мы придали общимъ каузальнымъ понятіямъ слишкомъ большое значеніе для исторической науки, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь оказывается необходимымъ одно ограничительное замѣчаніе. А именно, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ этомъ трудѣ, представляющемъ собою попытку выясненія логическихъ основъ исторической науки, намъ приходится настойчиво указывать на то, что дѣло идетъ лишь о построеніи логическаго идеала, до котораго не только до сихъ поръ еще очень далеко исторической наукѣ, но отъ достиженія котораго ее и всегда должно будетъ отдѣлять значительное разстояніе, такъ какъ понятія

объ историческихъ причинахъ почти всегда будутъ неполными историческими понятіями и поэтому не будутъ цѣликомъ подходить подъ нашу схему.

Недостатокъ въ матеріалѣ, связанный съ сущностью исторической науки, долженъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, сказаться при стремящемся къ образованію абсолютно историческихъ понятій историческомъ изслѣдованіи причинъ. Если дѣло идетъ лишь объ установленіи исторически существенныхъ фактовъ, то можно, по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ надѣяться на то, что вслѣдствіе того значенія, которое эти факты имѣютъ для всѣхъ, не вполне исчезнутъ и свѣдѣнія о нихъ. Если же дѣло идетъ, напротивъ того, о причинахъ исторически существенныхъ объектовъ, то нѣтъ никакого основанія, благоприятствующаго сохраненію источниковъ въ большей степени, чѣмъ сохраненію источниковъ для познанія любой дѣйствительности. Это обстоятельство объясняетъ также, почему многіе историки считаютъ необходимымъ вообще отказаться отъ изслѣдованія причинъ. Они совершенно правильно чувствуютъ, что въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ предъ собою фактически неразрѣшимую задачу, они отдають себѣ отчетъ въ томъ, что тѣ неясныя общія понятія, которыя сторонники „новаго“ метода ставятъ на мѣсто историческихъ понятій причинъ, которыя неизвѣстны, не имѣютъ никакой цѣнности и поэтому, поскольку дѣло идетъ о практикѣ, они вполне правы, когда они признають попытку установить причины нѣкоторыхъ историческихъ индивидуумовъ въ большинствѣ случаевъ безнадежной.

Напротивъ того, теорія исторіи, несмотря на это, должна цѣнить то, что требованіе историческаго изслѣдованія причинъ, въ общемъ, логически правомѣрно, и осуществленію его мѣшаетъ лишь неполнота матеріала, такъ какъ она будетъ въ состояніи съ тѣмъ болѣею достовѣрностью показать, что даже и въ томъ случаѣ, если бы когда либо полнота матеріала допускала мыслимо наиболѣе совершенное уразумѣніе исторически причинной связи, историческое изслѣдованіе отнюдь не придерживается естественно-научныхъ приемовъ, но равнымъ образомъ имѣетъ цѣлью изображеніе однократныхъ индивидуальных дѣйствительностей. Лишь тогда совершенно выясняется логическая сущность исторіи и лишь тогда обнаруживается полная несостоятельность опирающагося на указаніе на при-

чинную связь историческихъ событій требованія „новаго“ историческаго метода.

V.

Историческое развитіе.

Однако, понятіе исторической связи, въ особенности же понятіе причинной исторической связи, побуждаетъ насъ еще и въ иномъ направленіи пойти далѣе сперва установленнаго понятія историческаго индивидуума. Вѣдь мы все еще не вполне отказались отъ допущенной сначала въ интересѣ постепеннаго опредѣленія понятія фикціи, согласно которой историческій объектъ есть замкнутое въ себѣ образованіе (Gestaltung). Правда, мы знаемъ, что всякій отдѣльный индивидуумъ долженъ быть включаемъ въ болѣе обширнаго индивидуума, и что исторія должна искать его индивидуальныхъ причинъ. Однако, историческій индивидуумъ все еще представляется продуктомъ этихъ причинъ, который затѣмъ, разъ онъ возникъ, какъ бы покоится, и это опять таки есть не-историческая абстракція. Вѣдь исторія никогда не изображаетъ готовыхъ вещей, но всегда — находящіяся въ движеніи процессы. Но кажется, что по вышеуказанному методу существенныя составныя части могутъ быть отдѣляемы отъ несущественныхъ и объединяемы въ нѣкоторое индивидуальное понятіе лишь пока мы имѣемъ дѣло съ готовыми или покоющимися объектами. Напротивъ того, разъ на ихъ мѣсто ставится причинно обусловленный временной процессъ, возникаютъ новыя трудности. Историкъ долженъ имѣть возможность понимать и процессы, во первыхъ, какъ необходимыя единства, и во вторыхъ, быть въ состояніи не только отграничивать ихъ отъ посторонняго, но и раздѣлять ихъ на нѣкоторое число ступеней, т. е. онъ всегда долженъ изображать доступный обзорѣню рядъ различныхъ стадій, изъ которыхъ, какъ изъ существенныхъ членовъ, слагается ходъ историческаго процесса. Лишь такимъ образомъ возникаетъ исторія какъ наука о дѣйствительномъ процессѣ, и поэтому намъ еще предстоитъ отчетливо выяснить, въ какихъ логическихъ средствахъ нуждается она для этого.

Историческое теченіе событій обыкновенно характеризуютъ какъ развитіе, и задачей исторіи признають изображеніе развитія ея

объектовъ. Мы увидимъ, что понятіе развитія, коль скоро оно правильно понимается, въ самомъ дѣлѣ выражаетъ логическую сущность исторической науки, и что въ немъ же въ частности можно найти и разрѣшеніе только что формулированной проблемы. И можно даже показать, что при этомъ дѣло идетъ лишь о расширеніи уже установленнаго телеологическаго принципа историческаго образованія понятій. Но мы имѣемъ основаніе для того, чтобы и здѣсь опять таки выбрать не прямой и кратчайшій путь. Вѣдь выраженіе „развитіе“ принадлежитъ къ числу наиболѣе излюбленныхъ лозунговъ нашего времени, и уже это обстоятельство наводитъ на подозрѣніе, что въ его значеніи наиразличнѣйшія и даже взаимно исключаютія другъ друга понятія смѣшиваются въ неясное единство. Въ особенности же оно играетъ значительную роль и въ естествознаніи нашего времени, и поэтому для того, чтобы знать, что надлежитъ разумѣть подъ „историческимъ развитіемъ“, требуется, во первыхъ указать всѣ различныя понятія развитія, чтобы затѣмъ тщательно ограничить то понятіе, которое единственно имѣетъ значеніе для насъ, отъ другихъ, обозначаемыхъ тѣмъ же наименованіемъ понятій.

При этомъ можно на первыхъ порахъ оставить въ сторонѣ всѣ телеологическіе моменты и разумѣть подъ развитіемъ всего лишь процессъ (Geschehen) или становленіе, въ противоположность покоющемуся или пребывающему бытію, и тогда уже изъ понятія исторіи, какъ науки, занимающейся дѣйствительностью, вытекаетъ, что она всегда имѣетъ дѣло съ какимъ либо развитіемъ, такъ какъ эмпирическая дѣйствительность никогда не пребываетъ. Всякая часть ея не только возникла, но и всегда находится въ процессѣ становленія. Конечно, иногда и этотъ процессъ происходитъ настолько медленно, что мы его не замѣчаемъ, или что онъ не имѣетъ значенія. Но такіе случаи будутъ лишь рѣдко встрѣчаться въ тѣхъ областяхъ дѣйствительности, которыя оказываются историческими индивидуумами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, и во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право сказать, что исторія должна, насколько она можетъ это дѣлать, прослѣживать процессъ и становленіе. Это столь ясно, что не нуждается въ дальнѣйшемъ обоснованіи.

Только мы должны предотвратить одно недоразумѣніе. Ставя исторіи задачу, состоящую въ томъ, чтобы показать, какъ вещи возникли, мы не придаемъ этому того смысла, въ которомъ въ настоящее время зачастую высказывается это требованіе. Можно

слышать, что „прежняя“ исторія пренебрегаетъ изображеніемъ становленія и лишь „новая“ наука подумала объ этой задачѣ. Но, если, когда рѣчь идетъ о „прежнемъ“ направленіи, имѣть въ виду хотя бы, напр., извѣстное изреченіе Ранке, который требовалъ отъ исторіи, чтобы она показывала, „какъ на самомъ дѣлѣ было“, то между двумя направленіями не существуетъ такого различія. Изъ того контекста, въ которомъ находится многократно цитируемое изреченіе Ранке, скорѣе вытекаетъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду бытія въ противоположность становленію. Онъ говоритъ: „исторіи вмѣнялось въ обязанность судить прошлое, поучать современниковъ на пользу грядущихъ лѣтъ; нынѣ предлагаемая попытка не ставитъ себѣ столь высокыхъ задачъ; она имѣетъ въ виду всего лишь показать, какъ на самомъ дѣлѣ было“¹⁾. Итакъ, въ вышеприведенныхъ словахъ Ранке вовсе не желалъ выразить свое отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Онъ лишь отказывается отъ задачи, состоящей въ томъ, чтобы судить и поучать, при чемъ этотъ великій историкъ, повѣствуя объ однократномъ теченіи событій, само собою разумѣется, всегда старается показать, какъ оно возникло. Равнымъ образомъ и другіе сторонники „прежняго“ направленія не только фактически разрабатывали исторію развитія въ томъ смыслѣ, что они изображали становленіе, гдѣ они могли это дѣлать, но нѣкоторые изъ нихъ, напр. Зибель, Дройзенъ, Вайцъ, Гизебрехтъ, Бернгеймъ²⁾, Беловъ³⁾, даже прямо называли свою науку изложеніемъ развитія, точно такъ же, какъ сторонники „новаго“ направленія.

Однако, не только оказывается невозможнымъ основывать на понятіи развитія въ этомъ наиболѣе широкомъ смыслѣ какую либо „новую“ историческую науку, но изъ него вообще не вытекаетъ еще ничего такого, что имѣло бы значеніе для ученія о методѣ исторической науки. Если вся дѣйствительность оказывается

¹⁾ Ranke, S. W. Bd. 33—34. S. VII.

²⁾ Lehrbuch der historischen Methode. 2 Aufl, 1894. S. 5 f.

³⁾ Die neue historische Methode (Historische Zeitschrift. Bd. 81, S. 196 ff). Здѣсь не только указано на то, какое „грубое недоразумѣніе“ лежитъ въ основѣ утвержденія, будто Ранке чуждо было понятіе развитія, но и превосходно показано, что это понятіе давно уже стало общимъ достояніемъ всѣхъ историковъ, и что поэтому „генетическій методъ“ нисколько не связанъ съ „новымъ“ направленіемъ въ исторіи.

становленіемъ, то подъ это понятіе развитія должны подходить объекты всѣхъ эмпирическихъ наукъ. Мы уже прежде могли отвергнуть тотъ взглядъ, согласно которому аестествознаніе, имѣетъ дѣло съ бытіемъ; исторія же, напротивъ того, со становленіемъ, указавъ на то, что въ основѣ этого разграниченія лежитъ недоразумѣніе, при которомъ вмѣсто противоположности между общими понятіями и становящимся бытіемъ играетъ роль противоположность между бытіемъ и становленіемъ¹⁾. Коль скоро мы не смѣшиваемъ уже бытія и понятія другъ съ другомъ, мы знаемъ также, что все эмпирическое бытіе становится. Лишь обязательность понятій изъята отъ становленія, да и естествознаніе не вездѣ отвлекается отъ становленія такимъ образомъ, чтобы это понятіе вообще становилось чуждымъ ему. Напротивъ того, именно понятія законовъ стремятся къ тому, чтобы имѣть силу для бытія, которое оказывается становленіемъ и процессомъ и, слѣдовательно, понятіе развитія въ его простѣйшемъ и мыслимо наиболѣе обширномъ значеніи принадлежитъ равнымъ образомъ какъ естествознанію, такъ и исторіи.

Быть можетъ, однако, не захотятъ называть развитіемъ уже любое становленіе, всякій процессъ, и тогда возникаетъ второе, болѣе узкое понятіе развитія. Стадіи какого либо процесса становленія не должны повторятся или оказываться кругообращеніемъ, но ихъ временнымъ преемствомъ должно быть связано вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣненіе, и исторія, во всякомъ случаѣ, всегда имѣетъ дѣло съ развитіемъ, какъ съ рядомъ измѣненій.

И это опредѣленіе опять таки вытекаетъ изъ понятія науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью. Такъ какъ вся дѣйствительность есть не только становленіе, но и измѣненіе въ томъ смыслѣ, что всякая стадія какого либо процесса становленія отличается отъ всего предшествующаго бытія, то кругообращеніе и повтореніе въ строгомъ смыслѣ столь же мало встрѣчаются въ эмпирической дѣйствительности, какъ и совершенное пребываніе. Они возникаютъ лишь благодаря отвлеченію отъ индивидуальныхъ различій разныхъ процессовъ становленія, т. е. одинъ рядъ измѣненій приравнивается къ другому ряду измѣненій, если различія не имѣютъ никакого значенія для тѣхъ точекъ зрѣнія, которыми руководятся при образованіи понятій.

¹⁾ См. выше. Стр. 363 и т. д. (русской рукописи).

Такъ говорятъ, правда, что въ каждомъ году за зимою слѣдуетъ весна, за нею наступаетъ лѣто, послѣ осени опять иачинается зима, и что тогда „тотъ же самый“ рядъ начинается снова и постоянно повторяется. Однако, кругообращеніе имѣется здѣсь лишь по отношенію къ общимъ понятіямъ четырехъ временъ года, и мысль о повтореніи возникаетъ лишь благодаря тому, что мы имѣемъ въ виду лишь общее различнымъ одинаково именуемымъ временамъ года. Напротивъ того, будучи разсматриваемо какъ индивидуальная дѣйствительность, ни одно теченіе года еще не оказывалось, да никогда и не окажется, одинаковымъ съ другимъ. Равнымъ образомъ и обращеніе земли вокругъ солнца вовсе не есть такой процессъ, который дѣйствительно оказывался бы повтореніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ лишь въ понятіяхъ отдѣлимыхъ количественныхъ опредѣленій событій остаются въ данномъ случаѣ постоянными. Если же мы будемъ разсматривать полныя реальности, то оказывается, что всякій годъ новая земля движется вокругъ новаго солнца и лишь въ общихъ понятіяхъ земли и солнца игнорируются эти индивидуальные различія и измѣненія. Вкратцѣ говоря, гдѣ бы что либо ни подводилось подъ понятіе ряда повтореній, въ дѣйствительности это рядъ измѣненій, въ которомъ ничто не повторяется. Противоположность между повтореніемъ и измѣненіемъ вполне разрѣшается въ логическую противоположность между общимъ и частнымъ, лежащую въ основѣ нашего различенія между природою и исторіею.

Но, если вся дѣйствительность находится въ состояніи безостановочнаго измѣненія, это понятіе не можетъ быть чуждо и естествознанію, и тогда одно лишь различіе между процессами измѣненія и процессами повторенія не можетъ быть признано имѣющимъ рѣшающее значеніе при логическомъ различеніи между исторической исторіей развитія (*historischer Entwicklungsgeschichte*) и естествознаніемъ. Если естествознаніе разсматриваетъ различные ряды измѣненій со стороны того, что обще имъ, то благодаря этому, правда, возникаетъ понятіе о повтореніи, но въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго повторенія все же удерживается и измѣненіе, т. е. тѣмъ, что повторяется, всегда должно быть измѣненіе и при томъ лишь это измѣненіе опредѣляетъ содержаніе естественно-научнаго понятія повторяющагося становленія. Поэтому мы можемъ какъ образовывать общія понятія о рядахъ измѣненій, такъ и разсматривать какой либо однократный рядъ измѣненій со стороны того, что отличаетъ

его отъ всѣхъ другихъ, и даже существуютъ законы измѣненія, высказывающіе необходимую послѣдовательность опредѣленнаго ряда отличающихся другъ отъ друга стадій какого либо измѣненія, т. е. можно установить, что всюду, гдѣ имѣло мѣсто событіе, подходящее подъ общее понятіе А, за нимъ послѣдуетъ второе событіе, подходящее подъ второе общее понятіе В, а за нимъ — третье, которое должно быть подведено подъ С.

Итакъ, и понятіе развитія, какъ ряда измѣненій, свойственно какъ пониманію дѣйствительности какъ природы, такъ и пониманію дѣйствительности какъ исторіи, и важно, что, коль скоро подъ развитіемъ разумѣютъ всякій рядъ измѣненій, можно говорить объ общихъ законахъ развитія. Тогда, напр. законъ паденія какъ выраженіе для вездѣ и всегда однимъ и тѣмъ же образомъ „развивающейся“ скорости падающаго тѣла, представлялъ бы собою такой законъ, обнимающій всѣ стадіи развитія, чрезъ которыя проходитъ эта скорость въ теченіе времени, и такъ какъ при этомъ дѣло идетъ о чисто количественно опредѣленномъ понятіи, то здѣсь даже достигалось бы и для ряда стадій развитія мыслимо наивысшее преодоленіе многообразія, которое вполнѣ резюмируетъ необозримое множество стадій въ понятіи математическаго и поэтому доступнаго обзорнію непрерывнаго.

Быть можетъ, о законахъ развитія слѣдовало бы говорить лишь тогда, когда дѣло идетъ дѣйствительно о безусловно общихъ понятіяхъ измѣненій, но въ концѣ концовъ можно характеризовать какъ законы развитія, равнымъ образомъ и тѣ общія (понятія о рядахъ измѣненій, въ которыхъ находятъ выраженіе общія всѣмъ экземплярамъ лишь эмпирически общаго родового понятія стадіи развитія, если только всегда имѣть въ виду, что такіе законы развитія какъ общія понятія о рядахъ измѣненія умѣстны лишь при разсмотрѣніи дѣйствительности какъ природы, но напротивъ того не имѣютъ уже никакого значенія, коль скоро долженъ быть выраженъ какой либо однократный, стало быть историческій рядъ стадій развитія. Индивидуальность и своеобразіе какого либо развитія столь же мало входятъ въ какой либо законъ развитія, какъ индивидуальное въ какой либо законъ природы вообще, и поэтому желать устанавливать для историческихъ рядовъ стадій развитія законы развитія въ вышеуказанномъ смыслѣ есть логически безсмысленное начинаніе.

Мы особенно подчеркиваемъ это, такъ какъ, повидимому, здѣсь имѣются исключенія, на которыя часто ссылаются при попыткѣ доказать возможность историческихъ законовъ, при чемъ можно было бы полагать, что эти соображенія неприменимы къ астрономіи. Поэтому мы должны снова обратить наше вниманіе на эту науку, которой мы уже разъ коснулись.

Мы уже знаемъ, почему астрономія вводитъ въ заблужденіе относительно сущности познания. Она есть наука „историческая“ въ нашемъ смыслѣ, поскольку она имѣетъ дѣло съ единичными индивидуумами какъ таковыми и даже специально именуется ихъ собственными именами. Но съ другой стороны она оперируетъ и съ понятіями законовъ, которыя могутъ считаться прямо таки образцовыми примѣрами понятія безусловно общаго закона природы, и поэтому для нея, повидимому, дѣйствительно оказывается возможнымъ устанавливать законы природы для однократныхъ индивидуальных развитій (Entwicklungen), напр. для различныхъ слѣдующихъ другъ за другомъ индивидуальных стадій однократнаго ряда измѣненій солнечной системы. Вѣдь, исходя изъ какого угодно изъ его индивидуальных состояній, можно ретроспективно прослѣдить и заранѣе вычислить для будущаго индивидуальное развитіе. Не дѣлаетъ-ли вслѣдствіе этого фактъ астрономіи въ самомъ дѣлѣ проблематическою устанавливаемую нами противоположность между естествознаніемъ и наукою, имѣющею дѣло съ дѣйствительностью? Не совпадаютъ ли здѣсь понятіе и дѣйствительность вполнѣ, такъ что не можетъ быть рѣчи о предѣлѣ, который должна полагать естественно-научному образованію понятій всякая дѣйствительность? Для того, чтобы познать свое понятіе о познании природы, которое онъ, само собою разумѣется, приравниваетъ къ понятію научнаго познания, Дюбуа-Реймонъ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, чѣмъ указать на дѣятельность астронома, которому „для того, чтобы узнать было-ли солнечное затменіе въ Пирей, когда Перикль отпралялся въ Энидавръ, нужно только въ лунныхъ уравненіяхъ придать времени извѣстное отрицательное значеніе“¹⁾. Итакъ, что можетъ быть проще, чѣмъ поставить этотъ идеалъ и исторической наукѣ? Пусть она никогда не достигнетъ его столь совершенно какъ астрономія,

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. Э. Дюбуа-Реймонъ. О границахъ познания природы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. С. И. Ершовъ. Изд. 2, стр. 5.

однако все таки для нея никогда не может быть въ принципѣ невозможно то, что дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ одномъ случаѣ, а именно пониманіе однократнаго индивидуальнаго ряда стадій развитія посредствомъ законовъ природы, или во всякомъ случаѣ, разъ понятіе историческаго закона развитія осуществлено въ исторіи, оно не можетъ быть признано логическою безсмыслицею.

Но, если мы пристальнѣе взглянемъ, насколько индивидуальное развитіе дѣйствительно можетъ быть выражено при посредствѣ астрономическихъ законовъ, мы скоро найдемъ, что въ законы входятъ въ ихъ опредѣленности и, если угодно, индивидуальности, опять таки лишь количественныя опредѣленія, касающіяся небесныхъ тѣлъ, все же качественное въ однократныхъ индивидуальных рядахъ стадій развитія въ его индивидуальности и особенности напротивъ того остается совершенно непонятнымъ естественнонаучно. Если это легко упускаютъ изъ виду, то это происходитъ лишь вслѣдствіе того, что не-количественныя опредѣленія небесныхъ тѣлъ или совершенно неизвѣстны намъ, или не представляютъ никакого интереса для тѣхъ отдѣловъ астрономіи, которые оперируютъ съ допускающими математическую формулировку понятіями законовъ. Однако они тѣмъ не менѣе существуютъ, и слѣдовательно въ астрономіи возможность подвести индивидуальное развитіе подъ понятія законовъ основывается лишь на отвлеченномъ (begrifflichen) отдѣленіи количествъ отъ качествъ, т. е. въ законахъ выражается не само полное дѣйствительное развитіе, но только малая, лишь отвлеченно долженствующая быть изолируемая, а не фактически отдѣлимая его доля въ своей количественной особенности. Напротивъ того, если отвлечься отъ индивидуальныхъ пространственныхъ и временныхъ данныхъ, и въ астрономическихъ понятіяхъ законовъ все оказывается общимъ, и слѣдовательно, какъ бы парадоксально это ни звучало, и тогда, когда они прилагаются къ объектамъ, имѣющимъ собственныя имена, они все же относятся не къ индивидуальнымъ дѣйствительностямъ. Напротивъ того, отдѣльное небесное тѣло принимается въ нихъ во вниманіе лишь какъ экземпляръ нѣкотораго общаго понятія, т. е. оно могло бы быть замѣнено любымъ другимъ тѣломъ, которое имѣло бы тѣ же самыя величины, тяжесть, плотность, положеніе въ пространствѣ и т. д. т. е. тѣ же самыя чисто количественныя опредѣленія, но, какъ

эмпирическая дѣйствительность, могло бы обладать совершенно иными свойствами.

Итакъ, сама дѣйствительность столь же мало можетъ быть изображена съ помощью общихъ понятій астрономіей какъ и какой-либо иной наукой, и притомъ это имѣетъ силу какъ въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ въ виду нынѣшнее состояніе нашей солнечной системы, такъ и то, когда мы имѣемъ въ виду то развитіе, которое имѣло мѣсто прежде, чѣмъ она достигла своего нынѣшняго строенія. Мы уже упоминали, что то обстоятельство, что кольца имѣются у Сатурна, случайно, разъ случай противопоставляется закону, и равнымъ образомъ мы должны сказать: то, что именно у Юпитера есть спутники, или что индивидуумъ Марсъ иного цвѣта чѣмъ индивидуумъ Венера, это факты, которые можно лишь констатировать, но никогда не вывести, какъ необходимые, изъ понятій законовъ. Понять можно лишь то, какъ вообще возникаютъ кольца или спутники какой либо планеты, а отнюдь не то, почему они оказываются на лицо именно у этихъ индивидуумовъ въ этомъ опредѣленномъ числѣ или формѣ, и однократный процессъ становленія, который мы называемъ развитіемъ нашей солнечной системы, столь же мало можетъ быть подведенъ въ своемъ своеобразіи подъ естественнонаучныя понятія. Правда, пожалуй, можно понять, какъ изъ шарообразнаго скопленія газовъ благодаря уплотненію развивается какое-либо солнце съ системою планетъ, но наше солнце и наша планетная система входятъ въ такую общую естественнонаучную теорію всегда отнюдь не какъ индивидуумъ, но лишь какъ экземпляръ, т. е. общая теорія относительно возникновенія планетъ вообще ничего не сообщаетъ объ индивидуальныхъ особенностяхъ ихъ развитія, а слѣдовательно она не даетъ и исторіи ихъ.

Тѣмъ не менѣе астрономическіе законы развитія представляютъ одну особенность, которая повидимому отличаетъ ихъ отъ другихъ законовъ природы. Вѣдь если въ нихъ подставить опредѣленную, стало быть индивидуальную величину, то можно непосредственно примѣнять ихъ къ опредѣленнымъ индивидуальнымъ долямъ пространства и промежуткамъ времени опредѣленнаго индивидуальнаго процесса развитія, и эта возможность бросается въ глаза.

Вѣдь для того, чтобы имѣть возможность обнаружить примѣнимость нѣкотораго физическаго закона хотя бы лишь по отношенію къ его количественнымъ опредѣленіямъ нѣкоторой индивидуальной

дѣйствительности, мы всегда должны сперва выдѣлить нѣкоторое тѣло при посредствѣ эксперимента изъ его исторической связи и искусственно изолировать его такимъ образомъ, чтобы тому, что въ данномъ случаѣ въ немъ подлежитъ измѣненію, не служило „помѣхой“ вліяніе другихъ дѣйствительностей. Вѣдь на землѣ никогда не бываетъ, чтобы какое либо тѣло дѣйствительно падало такъ, какъ учить законъ паденія и постольку кажется, что слѣдовательно положенія астрономіи все же образуютъ исключеніе. Однако это основывается лишь на томъ, что тѣла, которыми занимается астрономія, фактически всегда такъ изолированы другъ отъ друга, какъ это изолированіе или вовсе не можетъ быть осуществлено для какого либо тѣла на землѣ, или же осуществимо лишь съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ единичныя небесныя тѣла пространственно настолько удалены другъ отъ друга, что ихъ количественныя опредѣленія не измѣняются благодаря не поддающимся вычисленію качественнымъ воздѣйствіямъ. Но изъ этого для насъ вытекаетъ только то, что даже приложеніе формулъ съ опредѣленными величинами къ количественно-индивидуальнымъ дѣйствительностямъ возможно лишь въ астрономіи, именно такъ какъ только ея объектъ безъ искусственнаго изолированія представляетъ количественныя опредѣленія для измѣренія. Можно было бы также сказать, что небесныя тѣла суть единственные индивидуумы, не находящіеся ни въ какой полной исторической связи, и такимъ образомъ астрономія необходимо остается единственною наукою, подставляющею въ свои законы развитія индивидуальныя количественныя величины или имѣющею поводъ для этой подстановки.

Остальныя логическія особенности астрономіи объяснимы тѣмъ, что ея объектъ, вслѣдствіе своей единственности въ своемъ родѣ, получаетъ значеніе, благодаря которому нашъ интересъ не ограничивается общими понятіями, но направляется на изслѣдованіе и индивидуальнаго и закономерно всегда непонятнаго вида отдѣльныхъ частей. Свѣдѣнія, относящіеся къ индивидуальности наиболѣе обширнаго историческаго цѣлага, которое мы знаемъ, должны имѣть значеніе для нашего міровоззрѣнія и жизнепониманія, а потому и то цѣлое, въ которое входитъ наша земля, какъ арена всей исторіи, въ извѣстномъ смыслѣ становится историческимъ индивидуумомъ. Такимъ образомъ выходитъ, что сужденія, содержащія въ себѣ законы, и сужденія, констатирующія лишь индивидуальныя факты, въ

наукѣ о міровомъ цѣломъ близко соприкасаются другъ съ другомъ. Несмотря на это они могутъ быть логически (*begrifflich*) ясно отграничены другъ отъ друга, и логическая структура астрономіи никогда не можетъ стать образцомъ для какой-либо другой науки. Идеаль „астрономическаго познанія“ имѣетъ силу лишь для самой астрономіи и, слѣдовательно, несмотря на астрономію, продолжаетъ оставаться справедливымъ, что индивидуальныя ряды стадій развитія, которые, какъ полныя дѣйствительности, всегда имѣютъ не только количественныя, но и качественные опредѣленія, не могутъ быть подведены ни подъ какое понятіе закона.

Все это надлежало обстоятельно выяснитъ въ виду весьма распространенныхъ заблужденій, при чемъ благодаря этому лишь снова уясняются границы естественно-научнаго образованія понятій, и это не ведетъ насъ далѣе того результата, который былъ найденъ при установленіи понятія историческаго причиннаго ряда (*Kausalkette*). Отличіе такихъ дѣйствительностей, которыя повторяются, и такихъ, которыя измѣняются, само по себѣ еще не можетъ быть утилизируемо ни для раздѣленія наукъ, ни для отграниченія естествознанія отъ исторіи, такъ какъ оно выражаетъ не что иное, какъ то, что исторія разсматриваетъ дѣйствительные процессы становленія по отношенію къ ихъ индивидуальному измѣненію, естествознаніе же напротивъ того, по отношенію къ тому, что въ нихъ подходитъ подъ общія понятія нѣкотораго повторенія, и это еще не даетъ намъ ничего для положительнаго опредѣленія историческаго понятія развитія ¹⁾. Понятіе измѣненія специфически свойственно исторіи лишь

¹⁾ Въ своемъ весьма интересномъ сочиненіи *Les principes fondamentaux de l'histoire*, Paris 1899, А. Д. Ксенополь положилъ различіе между повтореніемъ и измѣненіемъ въ основу логики исторіи и благодаря этому весьма удачно обнаружилъ ошибочность всѣхъ тѣхъ попытокъ, которыя клонятся къ тому, чтобы обратить исторію въ социологію и естественную науку. Однако устанавливаемая имъ противоположность между „*faits de répétition*“ „*faits de succession*“ и (*Revue de synthèse historique* Bd I, S. 121 ff.) должна вызвать возраженіе съ логическихъ точекъ зрѣнія, такъ какъ онъ повидимому предполагаетъ два различныхъ рода дѣйствительностей: пребывающую и измѣняющуюся. Тогда благодаря этому можетъ возникнуть мнѣніе, что всякое измѣненіе какъ таковое уже есть историческій объектъ. Разъ признано, что не существуетъ двухъ различныхъ родовъ дѣйствительностей, но что все есть измѣненіе, основная мысль Ксенополя остается правильной лишь постольку, поскольку она сводила къ положенной въ основу въ этой книгѣ логической противоположности двухъ способовъ

постольку, поскольку изменение **однократно** и вызывает нечто небывалое, новое. Но ведь все индивидуальное и ново, и поэтому мы не подвигаемся вперед благодаря установлению понятия индивидуального изменения как такового.

Безъ разрѣшенія остается вопросъ о томъ, каково то новое и каковы тѣ изменения, которыя излагаетъ исторія, но на этотъ вопросъ можно дать лишь слѣдующій отвѣтъ: это—существенныя изменения, т. е. новое должно быть не только иначе, но и въ телеологическомъ смыслѣ новымъ, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть значеніе благодаря своей новизнѣ. Поэтому для того, чтобы понятіе однократнаго измененія стало понятіемъ историческаго ряда стадій развитія, къ нему надлежитъ присоединить еще одинъ моментъ, равнымъ образомъ какъ къ понятію индивидуума вообще должно было присоединиться еще нечто для того, чтобы оно стало понятіемъ историческаго индивидуума.

И фактически вѣдь всякій, слыша слово „развитіе“ уже соединяетъ съ нимъ значеніе, котораго нельзя свести къ понятію простаго только ряда изменений. Вѣдь когда мы говоримъ, что нечто „развивается“ то при этомъ заранѣе имѣемъ въ виду или конецъ или совокупность соответственнаго процесса, и относимъ къ первому или къ послѣдней различныя стадіи такимъ образомъ, какъ будто онѣ приводили къ нѣкоторой цѣли. И мы можемъ даже сказать, что слово „развитіе“ производитъ такое впечатлѣніе, что телеологическій моментъ настолько неотдѣлимъ отъ него, что пожалуй желательно было бы еще отнюдь не называть развитіемъ простаго лишь временнаго теченія, т. е. становленія и измененія какъ таковыхъ, такъ что тогда понятіе развитія вообще не играло бы никакой роли въ наукахъ, исключаящихъ телеологическіе принципы. Вѣдь если благодаря наименованію „развитіемъ“ съ понятіемъ измененія произвольно соединяется телеологическій моментъ, и въ этомъ не даютъ себѣ яснаго отчета, то благодаря этому возникаютъ многія смѣшенія понятій, играющія роль въ особенности въ современномъ натурали-

разсмотрѣнія дѣйствительнаго, и тогда она достаточна лишь для выясненія границъ естествознанія, но уже не для того, чтобы опредѣлить, какія изменения исторически существенны. Ср. также мою критику книги К с е н о п о л я въ *Histor. Zeitschrift* Bf. 86, S. 464 ff. и критику моихъ взглядовъ К с е н о п о л я: *Les sciences naturelles et l'histoire* въ *Revue philosophique* (Bd L, S. 374 ff.).

стическомъ „эволюціонизмѣ“. Дарвинисты энергически борются противъ всякой телеологіи и тѣмъ не менѣе произвольно фиксируютъ въ словѣ „развитіе“ столь телеологическія понятія, какъ „прогрессъ“, „высшая стадія“ и т. п., при чемъ это должно приводить къ весьма неяснымъ теоріямъ объ „естественномъ прогрессѣ“.

Но и въ томъ случаѣ, если въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы всегда будемъ разумѣть подъ развитіемъ телеологически понимаемый рядъ изменений, это понятіе развитія все же еще не оказывается достаточнымъ для опредѣленія того, что такое есть историческое развитіе, напротивъ того, мы должны ограничивать другъ отъ друга и различные виды телеологическаго развитія, какъ мы ограничили телеологическое развитіе вообще отъ простаго только становленія и простаго только ряда изменений, чтобы такимъ образомъ постепенно дойти до понятія историческаго развитія.

Одинъ изъ этихъ видовъ заранѣе устраняется для нашихъ цѣлей. Вѣдь если мы опредѣляемъ содержаніе нѣкотораго общаго понятія согласно нѣкоторому опредѣленному принципу путемъ присоединенія новыхъ „признаковъ“ и благодаря этому образуемъ подчиненныя ему понятія, то и этотъ процессъ можно охарактеризовать какъ развитіе. Напр. Спиноза въ третьей книгѣ своей этики старается представить намъ возникновеніе всей системы человѣческихъ страстей изъ общихъ понятій аффектовъ, и это—телеологическое развитіе, такъ какъ при этомъ система понятій мыслится какъ цѣль, которая должна быть достигнута путемъ детерминаціи и дѣленія. Однако развитіе въ этомъ смыслѣ никогда не составляетъ задачи историка, и мы должны характеризовать такого рода образованіе понятій прямо таки какъ крайнюю противоположность историческому трактованію. Тамъ, гдѣ исторія имѣетъ дѣло съ развитіемъ, повѣствуется о реальномъ процессѣ становленія нѣкотораго объекта, и при этомъ изложеніе идетъ не какъ развитіе понятій отъ общаго къ частному, но всегда отъ одного частнаго къ другому частному. Несмотря на это выводъ системы болѣе специальныхъ понятій зачастую не отличается отъ реального процесса развитія, и тогда снова возникаетъ та роковая иллюзія, будто исторія въ состояніи вывести или „развить“ историческую жизнь какъ необходимую изъ конкретнаго рода, смѣшиваемаго съ общимъ родовымъ понятіемъ.

Затѣмъ, въ связи съ вышеупомянутою мнимою противоположностью между двумя направленіями въ исторіи, изъ которыхъ одно старается

показать, какъ „оно возникло“, „развивающій методъ“, какъ новый, противопоставляется „описательному методу“, какъ старому. Такая терминологія равнымъ образомъ служитъ источникомъ путаницы. Противоположность между развивающимъ и описательнымъ методомъ не можетъ даже быть отождествлена съ противоположностью между изображеніемъ пребывающаго объекта и изображеніемъ измѣняющагося или становящагося объекта, такъ какъ пребывающее можно такъ же „описывать“ какъ становящееся и, если вообще желать пользоваться выраженіемъ „описание“ для характеристики какого либо метода, то именно исторія могла бы быть названа описательною наукою. Она описываетъ объекты такъ, какъ они становятся или развиваются. Если же, напротивъ того, желать примѣнять слово „описание“ лишь для изображенія состояній и подчеркнуть, что исторія имѣетъ дѣло съ измѣненіями, то лучше было бы говорить о повѣтствовательномъ изложеніи въ противоположность описательному. Однако и эти выраженія могутъ вызывать недоразумѣніе. Но во всякомъ случаѣ слѣдовало бы избѣгать выраженія „развивающій методъ“. Конечно, всякое образованіе понятій можно назвать развитіемъ понятій и тогда всѣ научные приемы, поскольку они сводятся къ образованію понятій, были бы развивающими, но тогда это вовсе не выражало бы ничего такого, что было бы характерно для одного метода въ противоположность другому методу. Въ требованіи развивающаго историческаго метода кроется неясность. Та правильная мысль, что всѣ объекты исторіи развиваются, соединяется съ ошибочною мыслью, что для этихъ объектовъ слѣдуетъ развить систему общихъ понятій.

Итакъ, въ данномъ случаѣ намъ нѣтъ дѣла до развитія понятій. Напротивъ того, мы имѣемъ въ виду, что реальные ряды измѣненій могутъ быть разсматриваемы и какъ телеологическіе ряды стадій развитія и, если мы теперь стараемся установить, какое значеніе это имѣетъ въ исторіи, изъ различныхъ телеологическихъ понятій развитія мы имѣемъ въ виду прежде всего то, которое извѣстнымъ образомъ наиболѣе удалено отъ простаго только измѣненія.

До сихъ поръ всякій процессъ становленія разсматривался нами какъ процессъ, различные стадіи котораго иричинно связаны другъ съ другомъ такимъ образомъ, что причина выдвигаетъ за собой эффектъ, или что всякая стадія нѣкотораго ряда обусловливается лишь чѣмъ то ему предшествующимъ. Но мы знаемъ, что понятіе о нѣкоторой причинной связи можетъ сочетаться и съ понятіемъ о *telos*

такимъ образомъ, что возникаетъ допущеніе метафизической телеологіи и соотвѣтственно этому утверждается, что эффектъ имѣетъ способность заставлять дѣйствительность служить своему осуществленію. Если мы примѣнимъ это каузальное понятіе къ процессу становленія или ряду измѣненій, то благодаря этому возникаетъ понятіе о нѣкоторомъ метафизически телеологическомъ развитіи и это можетъ имѣть здѣсь значеніе постольку, что такое развитіе въ тоже время должно быть замкнутымъ въ себѣ и стройнымъ рядомъ. Вѣдь поскольку опредѣленные стадіи нѣкотораго процесса становленія представляются средствами, служащими для того, чтобы оказывалась выполненною задача, состоящая въ томъ, чтобы наступалъ опредѣленный результатъ, онѣ благодаря этому сочетаются въ нѣкоторое телеологически необходимое единство.

И въ самомъ дѣлѣ мыслью о такихъ развитіяхъ пользовались въ особенности тамъ, гдѣ стремились къ тому, чтобы философски понять содержаніе исторіи и желали дать матеріальную философію исторіи. Такъ напр. Гегелевскій „духъ“, возвращающійся къ самому себѣ въ теченіе историческаго развитія, есть *causa finalis*, способная направлять дѣйствительность къ развитію ея истинной сущности, разума, и не подлежитъ сомнѣнію, что Гегель въ своей философіи исторіи сумѣлъ придать историческому матеріалу единство и стройность. Однако пока намъ еще не приходится ставить вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли именно метафизически-телеологическимъ моментамъ въ понятіяхъ развитія его философіи исторіи и подобныхъ ей теорій эти послѣднія обязаны своимъ значеніемъ, ибо, какъ бы ни судить о цѣнности такого рода философскаго пониманія исторіи, для насъ, которыхъ не занимаетъ ни метафизика исторіи, но лишь логическая структура эмпирической исторической науки, такого рода понятіе, какъ то, съ которымъ оперировалъ Гегель, представляется заключающимъ въ себѣ слишкомъ много предпосылокъ (*zu voraussetzungssoll*). Если понятіе о простомъ только измѣненіи содержитъ въ себѣ слишкомъ мало, то за то понятіе метафизически-телеологическомъ развитіи содержитъ въ себѣ черезчуръ много для того, чтобы быть пригоднымъ для опредѣленія логической сущности историческаго развитія.

Однако зачастую полагаютъ, что безъ метафизически-телеологическаго понятія развитія нельзя обойтись и въ эмпирическихъ наукахъ. Его придерживается даже естествознаніе и притомъ въ осо-

бенности тогда, когда въ биологiи говорятъ о „цѣлестремительности“ организмовъ, такъ какъ это можетъ означать лишь то, что въ процессахъ органической жизни допускаютъ иного рода причинность, чѣмъ причинность, господствующую въ физическихъ или химическихъ процессахъ. Само собою разумѣется, что въ планъ нашего труда не входитъ исчерпывающее обсужденіе этого вопроса, но мы все же должны заняться имъ по крайней мѣрѣ постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы выяснитъ отношеніе исторически-телеологическаго понятія развитія также и къ понятію развитія въ биологiи.

Если вопросъ: механизмъ или телеологiя ставится такимъ образомъ, что требуется рѣшить, возможно-ли чисто механическое объясненіе живыхъ существъ безъ всякой телеологической точки зрѣнія, или же организмы вообще не поддаются подведенію ихъ подъ наиболѣе общую механическую теорію тѣлеснаго міра, такъ какъ для нихъ надлежитъ допустить особый видъ телеологически-причинной связи, то удовлетворительное разрѣшеніе проблемы повидимому вообще не возможно. Вѣдь съ одной стороны не подобаетъ утверждать, что телеологическое пониманіе вообще совершенно не правомѣрно въ биологiи, такъ какъ эту науку можно прямо такъ опредѣлить такимъ образомъ, что она трактуетъ о тѣлахъ, части которыхъ сочетаются въ нѣкоторое телеологическое единство и при томъ это понятіе единства настолько неотдѣлимо отъ понятія организма, что мы называемъ живыя существа „организмами“ лишь вслѣдствіе телеологической связи. И такъ органическое развитіе необходимо есть телеологическое развитіе и поэтому наука о немъ никогда не можетъ отвлечься отъ всякой телеологiи. Въ связи съ понятіемъ органическомъ находится еще цѣлый рядъ дальнѣйшихъ телеологическихъ понятій, безъ которыхъ равнымъ образомъ не можетъ обходиться биологъ, такъ какъ такія слова, какъ напр. жизнь и смерть, здоровье и болѣзнь, всегда означаютъ что либо лишь по отношенію къ сохраненію наличнаго бытія извѣстныхъ объектовъ, такъ что наука объ организмахъ безъ всякаго телеологическаго момента оказывалась бы *contradictio in adjecto*.

Однако, если разсматривать развитіе живыхъ существъ такимъ образомъ, что при этомъ дѣло идетъ о цѣлестремительности, какъ о немеханическомъ родѣ причинности, представляются новыя не-

преодолимая трудности. Вѣдь сколько бы ни приводилось основаній въ пользу того, что понятіе механической причинности не достаточно для объясненія организмовъ, естествознаніе все же никогда не можетъ отказаться отъ стремленія къ механическому пониманію всего тѣлеснаго міра и должно поэтому включить въ него органическую жизнь какъ равнымъ образомъ долженствующую быть понятою механически частью. И даже въ томъ случаѣ, если бы оно пожелало отказаться отъ этого, введеніе цѣлепричинъ никогда не объясняло бы ничего въ самомъ дѣлѣ естественно-научно, такъ какъ допущеніе всякой телеологической причинности и предположеніе метафизически-телеологическаго развитія измѣняетъ реальное временное преемство причины и дѣйствія и благодаря этому приводитъ насъ къ допущенію такихъ реальностей, которыя не могутъ быть приведены въ научно-плодотворную связь съ эмпирическими данными биологiи. Вкратцѣ говоря, при предположеніи указанной альтернативы существуетъ повидимому неразрѣшимое противорѣчіе между необходимымъ телеологическимъ пониманіемъ живыхъ существъ съ одной стороны и столь же необходимымъ отказомъ отъ всякой телеологической причинности съ другой стороны.

Быть можетъ, однако, можно провести и иное пониманіе, коль скоро мы примемъ въ соображеніе то, что мы установили относительно сущности механическаго воззрѣнія на природу вообще и въ частности относительно границъ естественно-научнаго образованія понятій и когда дѣло идетъ объ относительно-историческомъ. Тогда то обстоятельство, что механизмы не объяснимы механически биологiей, представляется совершенно понятнымъ, но изъ этого вовсе не слѣдовало дѣлать тѣхъ выводовъ, которые несогласимы съ основоположеніями естествознанія. Какую бы общность мы ни придавали понятію объ органическомъ, оно всегда остается понятіемъ, имѣющимъ относительно историческое содержаніе и уже поэтому оно никогда не можетъ быть цѣликомъ подведено подъ наиболѣе общія понятія естествознанія, свободныя отъ относительно историческихъ элементовъ. Но къ числу его существенныхъ признаковъ принадлежитъ также, что все подводимые подъ него объекты, въ силу основаній, которыя мы здѣсь можемъ оставить въ сторонѣ, представляются намъ комплексами частей, совмѣстная дѣятельность которыхъ способствуетъ сохраненію нѣкотораго цѣлаго и что именно благодаря

-этому эти объекты отличаются от других тѣлъ. Тогда то обстоятельство, что этотъ телеологическій характеръ какъ нѣчто относительно индивидуальное не входитъ ни въ какое механическое понятіе, необходимо вытекаетъ изъ сущности и границъ естественно-научнаго образованія понятій вообще. Вѣдь понятія наиболѣе общей теоріи тѣлъ никогда не могутъ заключать въ себѣ то, что имѣетъ силу лишь для нѣкоторой части тѣлеснаго міра. Но въ силу точно того же самаго основанія и количественныя опредѣленія химическихъ элементовъ никогда не могутъ быть безъ остатка подведены химіей подъ физическія понятія и столь же мало могутъ качественныя различія между звукомъ, свѣтомъ и теплотой быть сведены физикой на чисто количественныя различія, а отсюда вытекаетъ, что организмы въ специфическомъ ихъ своеобразіи не болѣе непонятны механически, чѣмъ всякая другая эмпирическая дѣйствительность, которую мы разсматриваемъ, имѣя въ виду специфически свойственное ей.

Но разъ это понято, должно быть также ясно и то, что эта механическая непонятность органическаго принципіально не инымъ образомъ исключаетъ включеніе его въ наиболѣе общую механическую связь явленій природы и проведеніе механическаго пониманія природы для всего тѣлеснаго міра, чѣмъ механическая непонятность химическихъ и физическихъ качествъ препятствуетъ намъ съ точки зрѣнія наиболѣе общей теоріи тѣлъ мыслить ихъ въ чисто количественно опредѣленныхъ понятіяхъ. Мы настолько же въ правѣ или не въ правѣ разсматривать организмы какъ комплексы атомовъ, подчиненные чисто механическимъ законамъ, насколько мы въ правѣ или не въ правѣ сводить качественныя различія химическихъ веществъ и качественно отличающихся другъ отъ друга физическихъ процессовъ на количественныя различія движенія атомовъ. Только при этомъ для того, чтобы это происходило правомѣрно, надлежитъ обращать вниманіе на слѣдующее: если мы мыслимъ себѣ какой либо организмъ какъ химическій или физическій процессъ, или даже какъ чисто механической комплексъ атомовъ, то благодаря этому мы выходимъ изъ области біологической науки и перестаемъ разсматривать организмы какъ организмы, но въ принципѣ при этомъ мы дѣлаемъ опять таки не что иное, какъ то, что происходитъ, когда скоро мы разсматриваемъ химическіе элементы или теплоту или свѣтъ какъ движеніе атомовъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ эле-

менты перестаютъ быть химическими элементами и въ теплотѣ или свѣтѣ не остается ничего такого, что еще грѣетъ или свѣтитъ, т. е. химическая или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ физическая точка зрѣнія равнымъ образомъ покидается. Противорѣчія возникаютъ лишь въ томъ случаѣ, если біологъ желаетъ мыслить чисто механически какъ біологъ, ибо тогда онъ отвлекается отъ того, вслѣдствіе чего его объекты становятся предметомъ особой науки.

Правда, при не біологическомъ но механическомъ пониманіи организмовъ какъ комплексовъ атомовъ къ необходимому для всякаго естественно-научнаго образованія понятій отвлеченію присоединяется еще спеціальная задача, состоящая въ томъ, чтобы отвлекаться отъ всякой телеологіи, но отсюда, разъ мы вышли изъ границъ біологіи и перестали образовывать біологическія понятія, не возникаетъ никакихъ новыхъ трудностей. Проведеніе этого разсмотрѣнія предполагаетъ лишь то, что служить предпосылкой для пониманія всего естественно-научнаго образованія понятій, а именно, что научились мыслить уже не метафизически, но видѣть въ непосредственно данномъ единственный матеріалъ естествознанія и въ этомъ случаѣ это означаетъ, что телеологическая связь организмовъ съ самаго начала можетъ быть правомѣрно разсматриваема не какъ выраженіе нѣкоей метафизической реальности, въ родѣ цѣлестремительности или т. п., но лишь какъ такое пониманіе, котораго тѣла, именуемая „организмами“, требуютъ отъ познающаго субъекта въ силу ихъ эмпирическаго своеобразія, вслѣдствіе чего біологъ, какъ біологъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ этого пониманія. Тогда необходимое для біолога телеологическое пониманіе организмовъ не приводитъ уже къ загадкамъ, такъ какъ, хотя бы оно и было абсолютно неизбѣжно въ біологіи, все же съ механической точки зрѣнія оно вѣдь представляетъ собой именно лишь „пониманіе“ и поэтому вполне согласимо съ механическою причинностью. Но въ то же время признаніе его правомѣрности и необходимости въ предѣлахъ біологіи должно совершенно удовлетворять всякое притязаніе біолога на телеологическое мышленіе.

Итакъ мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Приверженцы естественной телеологіи правы, когда они оспариваютъ механическую объяснимость организмовъ біологіей, такъ какъ біологія всегда имѣетъ дѣло съ организмами какъ организмами и механической орга-

низмъ есть понятіе, полное внутреннихъ противорѣчій. Но благодаря этому вовсе не должно нарушаться единство механическаго пониманія природы въ ея цѣломъ, такъ какъ это пониманіе существуетъ лишь для точки зрѣнія наиболѣе общей теоріи тѣлъ, для которой необходимо исчезаютъ всѣ индивидуальныя различія. Слѣдовательно противорѣчіе между механизмомъ и телеологіей, разъ только мы рѣшимся всецѣло отрѣшиться отъ телеологической причинности и метафизики, кроется не въ самихъ вещахъ, но лишь въ двухъ взаимно исключаютъ другъ друга способахъ разсмотрѣнія однихъ и тѣхъ же вещей: въ мыслимо наиболѣе общемъ естественно-научномъ, т. е. чисто механическомъ съ одной стороны и въ оперирующемъ съ понятіями, имѣющими относительно-историческое содержаніе съ другой стороны. Однако эта двоякость способа разсмотрѣнія отнюдь не оказывается неправомѣрной, но основана на сущности правильно понимаемаго естественно-научнаго образованія понятій. Она вовсе и не есть исключительный случай, но необходимо проходить чрезъ все естествознаніе. Ни въ какой спеціальной наукѣ не можетъ быть проведенъ чистотой механической способъ разсмотрѣнія, т. е. столь же мало можно желать растворить біологію какъ біологію въ физикѣ и химію, какъ мало химія растворима въ физикѣ и физика въ чистой механикѣ. Но съ другой стороны только біологъ не можетъ обойтись безъ телеологическаго пониманія своихъ объектовъ подобно тому, какъ только химикъ не можетъ мысленно отрѣшиться отъ качественныхъ различій веществъ, наиболѣе же общая теорія тѣлъ не только въ правѣ, но и обязана игнорировать въ своихъ понятіяхъ спеціфическія различія и пониманія.

Само собою разумѣется, что этимъ должны лишь бѣгло намѣчаться тѣ мысли, благодаря которымъ, быть можетъ, становятся логически понятными тѣ трудности, съ которыми приходится считаться при включеніи организмовъ въ общую механическую связь явленій природы и правильность дальнѣйшей аргументаціи не зависятъ отъ нихъ. Достаточно того, если въ этомъ взглядѣ не заключается никакого логическаго противорѣчія. Для насъ дѣло идетъ лишь о томъ, какимъ телеологическимъ понятіемъ развитія должна пользоваться біологія, желающая остаться свободной отъ всякой метафизической телеологіи и въ данномъ случаѣ оказывается, что это понятіе должно заключаться нѣкоторымъ образомъ между по-

нятіемъ простаго лишь измѣненія и понятіемъ процесса становленія, надъ которымъ господствуетъ телеологическая причинность. То, что подходитъ подъ него, всегда есть рядъ эмпирически причинно связанныхъ другъ съ другомъ стадій, изъ которыхъ каждая предшествующая служитъ причиной слѣдующей за нею, но весь процессъ разсматривается такимъ образомъ, какъ будто онъ совершается въ опредѣленномъ направленіи, ведущемъ къ опредѣленной цѣли и и соотвѣтственно этому понимается какъ телеологическое развитіе постольку, поскольку его различныя части совмѣстно содѣйствуютъ достиженію цѣли.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нельзя ничего возразить противъ этого телеологическаго пониманія дѣйствительности и примѣненія этого понятія развитія и въ эмпирической наукѣ. Такъ какъ при этомъ отрѣшаются отъ всякой цѣлепричины, это разсмотрѣніе не можетъ противорѣчить никакому иному эмпирическому пониманію дѣйствительности и такимъ образомъ мы получаемъ мысленно наиболѣе свободное отъ предпосылокъ телеологическое понятіе развитія. Его мы можемъ прилагать къ любому причинному ряду или ряду измѣненій и мы можемъ даже сказать, что мысль о телеологическомъ разсмотрѣніи этого рода присоединяется почти всегда, когда мы вообще характеризуемъ какой либо рядъ измѣненій какъ развитіе. И тогда, когда мы говоримъ напр. о развитіи облака и когда, стало быть, исключена всякая мысль о конечной причинѣ или цѣлепричинѣ, мы все же разсматриваемъ процессъ, какъ ведущій къ нѣкоторой цѣли и благодаря этому вводимъ въ понятіе телеологическій моментъ.

Если мы вернемся теперь къ нашей попыткѣ установить историческое понятіе развитія путемъ отграниченія отъ родственныхъ ему понятій и поставимъ вопросъ о томъ, что можетъ означать только что выясненное понятіе для исторической науки, то оно, очевидно, даетъ принципъ, пользуясь которымъ точно такъ же можно сочетать процессъ становленія въ единство и разъяснить его, какъ это было возможно съ помощью метафизически-телеологическаго понятія развитія. Цѣлое, развивающееся въ указанномъ смыслѣ, начало свое развитіе въ нѣкоторый опредѣляемый телеологическимъ отношеніемъ моментъ съ нѣкоторой опредѣленной стадіи, закончило свое развитіе въ нѣкоторый точно такъ же опредѣляемый моментъ, до-

стигнувъ другой опредѣленной стадіи и всѣ его различныя стадіи обособляются другъ отъ друга тѣмъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное значеніе для реализованія цѣлаго, т. е. онѣ становятся телеологически необходимыми членами, такъ какъ безъ нихъ не состоялся бы результатъ. И такъ понятіе простого лишь генезиса или измѣненія всегда приводитъ насъ въ безпредѣльное, понятіе же становленія, имѣющаго опредѣленное направленіе, или же ортогенезиса обращаемъ напротивъ того нѣкоторый рядъ измѣненій въ стройный и цѣльный рядъ.

Но уже изъ того, что и естественно-научная біологія нуждается въ понятіи телеологическаго развитія вытекаетъ, что не смотря на это телеологическое развитіе въ этомъ смыслѣ вовсе еще не есть историческое развитіе и совершенно не понятно, почему нѣкоторый телеологическій рядъ стадій развитія не долженъ былъ бы быть разсматриваемъ, точно такъ же какъ и простое лишь измѣненіе, какъ въ отношеніи того, что у него есть общаго съ другими телеологическими процессами развитія, такъ и въ отношеніи его индивидуальнаго своеобразія, т. е. и понятіе эмпирически-телеологическаго ряда стадій развитія совмѣстимо какъ съ пониманіемъ дѣйствительности какъ природы, такъ и съ пониманіемъ ея какъ исторіи. Ничто не мѣшаетъ намъ подводить телеологическіе ряды стадій развитія подъ систему общихъ понятій и если эти понятія оказываются безусловно общими, мы даже должны говорить о телеологическихъ законахъ развитія, которые суть законы природы въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ законы физики или химіи. Напр. положеніе, гласящее, что всякое позвоночное животное прежде всего проходитъ чрезъ стадію одноклѣточнаго организма, затѣмъ образуетъ комплексъ совсѣмъ не дифференцировавшихся или незначительно дифференцировавшихся клѣточекъ, затѣмъ превращается въ организмъ стадіи трехъ первичныхъ зародышевыхъ листовъ, затѣмъ присбрѣтаетъ нерасчлененный осевой скелетъ и наконецъ получаетъ расчлененный осевой скелетъ, которому классъ обязанъ наименованіемъ „позвоночное животное“, должно быть разсматриваемо какъ такой законъ развитія, который содержитъ въ себѣ телеологическій моментъ и въ томъ случаѣ, если мы твердо убѣждены въ механически-причинномъ становленіи всѣхъ жизненныхъ процессовъ, такъ какъ при разсмотрѣніи и распредѣленіи различныхъ стадій этого рода измѣненій

принимается въ соображеніе то, благодаря чему только именно та форма, которая характеризуется расчлененнымъ осевымъ скелетомъ и называется позвоночнымъ животнымъ, можетъ постепенно возникать. Такого рода общія понятія о телеологическихъ процессахъ развитія не имѣютъ ничего общаго съ исторіей, даже если мы беремъ это слово въ чисто логическомъ смыслѣ. Вѣдь даже если содержаніе понятій, поскольку дѣло идетъ объ организмѣ, заключаетъ въ себѣ относительно историческіе моменты, все же методъ образованія понятій чисто естественно-наученъ, т. е. для понятія становится существеннымъ только то, что обще различнымъ процессамъ развитія и слѣдовательно образованіе понятія основывается на томъ же самомъ принципѣ, которымъ вообще руководится естественно-научное образованіе понятій.

Итакъ, когда дѣло идетъ объ однократномъ рядѣ стадій развитія, какъ о таковомъ, эмпирически-телеологическое пониманіе само по себѣ еще не даетъ намъ ничего для отличенія существеннаго отъ несущественнаго. Уже вслѣдствіе того, что оно можетъ быть примѣняемо къ любому процессу становленія, оно даетъ цѣльное объединеніе развѣ что въ томъ смыслѣ, какъ напр. понятіе вещи или понятіе души, но не дѣлаетъ возможнымъ объединенія какого-либо однократнаго процесса становленія въ какъ единственное въ своемъ родѣ, такъ и цѣльное или стройное многообразіе стадій, къ которому мы именно и стремимся. Но, коль скоро это ясно, мы узнаемъ въ тоже время, чего еще не достааетъ эмпирически-телеологическому понятію развитія для того, чтобы оно могло стать принципомъ для изображенія историческаго развитія.

Вѣдь если въ какомъ либо изображеніи должна сохраниться индивидуальность дѣйствительности, то ея многообразіе можетъ распадаться на существенныя и несущественныя составныя части лишь благодаря отнесенію ея къ нѣкоторой цѣнности, а пока мы отвлеклись отъ цѣнности. Это было возможно, хотя первоначально понятіе цѣли всегда сочетается съ понятіемъ цѣнности, такъ какъ, разъ существуетъ мысль о стремленіи въ опредѣленномъ направленіи, это стремленіе можетъ быть разсматриваемо и всего лишь какъ движеніе къ не подвергаемой оцѣнкѣ цѣли и, если это возможно, то въ то же время и необходимо установить телеологическое пониманіе измѣненія въ свободной отъ предпосылокъ ея формѣ, въ ко-

торой оно необходимо и для естественной науки объ организмахъ. Но какъ понятіе историческаго индивидуума вообще подразумѣваетъ отношеніе къ нѣкоторой цѣнности, точно такъ же и телеологическій рядъ стадій развитія долженъ быть относимъ къ нѣкоторой цѣнности для того, чтобы возможна была исторія развитія, т. е. изображеніе однократнаго и индивидуальнаго развитія.

Мы уже раньше выяснили, что означаетъ это отнесеніе къ нѣкоторой цѣнности. Однако цѣнности могутъ столь различнымъ образомъ комбинироваться съ мыслью о развитіи, что мы должны опять-таки дать себѣ отчетъ и въ этихъ различныхъ формахъ въ отдѣльности, для того, чтобы затѣмъ наконецъ отграничить то понятіе развитія, которое одно только можетъ имѣть значеніе для исторіи, отъ этихъ наиболѣе родственныхъ ему формъ.

Для того, чтобы вполне обзрѣть всѣ возможные телеологическія понятія развитія, комбинируемая съ точками зрѣнія оцѣнки, мы сперва еще разъ рассмотримъ метафизически-телеологическое понятіе развитія. Вѣдь оно почти всегда мыслится такимъ образомъ, что цѣль, которой подчиненъ весь процессъ, оказывается не только причиной, обуславливающей все, но въ то же время и тѣмъ благомъ, къ которому все должно стремиться, и при этомъ пониманіи телеологическое развитіе означаетъ не что иное, какъ необходимый „прогрессъ“ къ лучшему. Для поясненія этого мы можемъ сослаться опять таки на Гегеля, у котораго возвращающійся къ самому себѣ „духъ“ представляетъ собою не только причину, но и объективную цѣнность, и для реализованія котораго оказывается необходимымъ нѣкое лукавство разума, заставляющее отдѣльныхъ индивидуумовъ содѣйствовать достиженію объективной цѣнности, причемъ они полагаютъ, что ихъ дѣятельность служить достиженію ихъ личныхъ интересовъ.

Разъ историкъ вѣруеть въ такой метафизическій принципъ добра въ исторіи или даже думаетъ, что этотъ принципъ ему вполне извѣстенъ, ему, конечно, не возбраняется выражать свое убѣжденіе и при историческомъ изложеніи своего предмета, но, пока онъ хочетъ быть лишь эмпирическимъ изслѣдователемъ, его не должны занимать эти трансцендентные вопросы и во всякомъ случаѣ научная цѣнность его изложенія должна совершенно независѣть отъ его метафизическихъ убѣжденій, т. е. всѣ вопросы о дѣйствительномъ ходѣ вещей,

о томъ, какими причинами опредѣлялись вещи, о томъ, что исторически существенно или несущественно, должны разрѣшаться бозотносительно къ нѣкоей трансцендентной міровой силѣ добра, проблема же о томъ, существуетъ ли такая сила, вовсе не должна занимать исторію. Историкъ, какъ историкъ, никогда не приходится имѣть дѣла съ цѣнностями, поскольку онѣ мыслятся какъ трансцендентныя сущности. Поэтому, пока дѣло идетъ о томъ, чтобы понять принципы эмпирической исторической науки, мы должны не допускать метафизически-телеологическаго понятія развитія и въ его комбинаціи съ точкой зрѣнія отнесенія къ цѣнности.

Вообще мы еще разъ упомянули о немъ лишь для того, чтобы отграничить его отъ иного понятія развитія, съ которымъ оно согласуется въ одномъ отношеніи. Возможно хотя и вполне отдѣлять нѣкоторую цѣнность, реализуемую благодаря нѣкоторому развитію, отъ причинъ, фактически опредѣляющихъ процессъ развитія, но не смотря на это удерживать мысль о необходимой связи между временнымъ преемствомъ различныхъ стадій развитія и нѣкоторымъ прогрессомъ къ лучшему, т. е. мы можемъ разсматривать нѣкоторый процессъ становленія, ведущій къ нѣкоторому цѣнному результату, не только относительно того, какъ одна стадія вызываетъ другую стадію съ механически-каузальной необходимостью, но въ то же время и полагать, что эти стадіи должны быть оцѣниваемы тѣмъ выше, чѣмъ онѣ позднѣе по времени, ибо, если для достиженія цѣнной цѣли, развитіе необходимо должно проходить чрезъ каждую стадію, каждая слѣдующая стадія ряда повидимому съ такою же необходимостью въ болѣе высокой степени чѣмъ предшествующая стадія осуществляетъ то, что должно быть.

Такъ напр. весь біологическій процессъ развитія, который филогенетически, стало-быть въ логическомъ смыслѣ (хотя бы только относительно) историческій постепенно приводитъ отъ „низшихъ“ организмовъ къ высшимъ, къ людямъ, можетъ быть разсматриваемъ такимъ образомъ, что чисто механически-каузально связанныя другъ съ другомъ отдѣльныя стадіи необходимо реализуютъ шагъ за шагомъ болѣе высокую цѣнность, т. е. различнымъ родамъ животныхъ приписывается тѣмъ болѣе высокая цѣнность, чѣмъ меньшее разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ человѣка на линіи прогресса, совпадающей съ временнымъ теченіемъ процесса развитія. Затѣмъ возможно

также прослѣдить рядъ и въ предѣлахъ процесса развитія самого человѣчества и равнымъ образомъ понимать его какъ цѣль состоящую изъ каузально связанныхъ другъ съ другомъ членовъ, изъ которыхъ каждый послѣдующій образуетъ по сравненію съ предшествующимъ „болѣе высокую“ т. е. болѣе цѣнную ступень, такъ что, начиная отъ низшихъ организмовъ, вплоть до нынѣшняго культурнаго человѣка можно было бы констатировать единое развитіе чисто каузально обусловленное и тѣмъ не менѣе необходимо приводящее къ все болѣе и болѣе высокимъ, т. е. болѣе цѣннымъ формамъ.

На первыхъ порахъ мы не изслѣдуемъ вопроса о томъ, право-мѣрна-ли научно мысль этого рода вообще, но ставимъ вопросъ лишь о томъ, имѣетъ-ли это понятіе развитія значеніе для выясненія логической сущности исторіи. Конечно, и съ помощью его можно замкнуть и расчленивъ однократный рядъ измѣненій, какъ это показываетъ уже только что приведенный примѣръ однократнаго прогресса организмовъ отъ низшихъ животныхъ до человѣка. Но съ другой стороны то историческое развитіе, которое мы имѣемъ въ виду, и которое должно выражать сущность всякаго историческаго изложенія не можетъ быть и м е н н о „прогрессомъ“¹⁾.

Вѣдь даже если бы мы предположили, что на основаніи опредѣленнаго по содержанію масштаба цѣнности историкъ былъ бы въ состояніи научно обосновать, что въ нѣкоторомъ историческомъ развитіи есть прогрессъ къ лучшему и что—нѣтъ, то при всякой попыткѣ дѣлать это, ему пришлось бы признавать конецъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторый опредѣленный пунктъ ряда стадій развитія достигну наибольшаго прогресса его частью и слѣдовательно видѣть въ этой стадіи подлинный смыслъ исторіи, въ остальныхъ же стадіяхъ напротивъ того усматривать всего лишь средства для осуществленія этой стадіи или же отклоненіе отъ подлиннаго ихъ назначенія. Но, выражаясь словами Ранке, благодаря такому приему болѣе ранніе періоды медиатизировались бы въ пользу болѣе позднихъ и это было бы въ высшей степени неисторично. Напротивъ того, задача исторіи состоитъ въ томъ, чтобы оцѣнивать всякое историческое образованіе въ свойственномъ ему значеніи и никогда не

¹⁾ Подъ прогрессомъ и здѣсь и далѣе слѣдуетъ всегда разумѣть непрерывное повышеніе цѣнности, совпадающее съ временнымъ преемствомъ различныхъ стадій.

разсматривать его какъ всего лишь подготовительную ступень въ томъ смыслѣ, чтобы его можно было признать ставшимъ излишнимъ, разъ изъ него возникла слѣдующая ступень и благодаря этому выполнена его цѣль. Всегда слѣдуетъ имѣть въ виду соответственный процессъ становленія въ его цѣломъ въ такомъ видѣ, какъ оно постепенно осуществляется благодаря совокупности его существенныхъ частей, ибо лишь такимъ образомъ различныя стадіи оказываются не подготовительными ступенями, но необходимыми членами, каждый изъ которыхъ сохраняетъ свое значеніе. Но понятіе прогресса враждебно именно этому пониманію, и мы можемъ даже сказать, что ступени нѣкотораго прогрессирующаго ряда представляютъ собой всего лишь воплощенія ряда общихъ понятій, приведенныхъ въ порядокъ согласно принципу все болѣе и болѣе высокой оцѣнки и поэтому настолько же лишаящихся подводимые подъ нихъ объекты всякаго индивидуальнаго своеобразія, имѣющаго значенія само по себѣ, какъ это происходитъ въ томъ случаѣ, когда объекты разсматриваются какъ экземпляры рода. Слѣдовательно ни въ его метафизической формѣ, ни въ томъ видѣ, какъ оно было только что разсмотрѣно, развитіе какъ „прогрессъ“ не принадлежитъ къ числу принциповъ историческаго образованія понятій.

Но какимъ же образомъ должна въ такомъ случаѣ нѣкоторая цѣнность сочетаться съ мыслью о развитіи, чтобы благодаря этому возникало историческое понятіе развитія. Прежде всего возможно слѣдующее: вопросъ о прогрессѣ совершенно оставляется въ сторонѣ, поскольку разсматривается развитіе въ его цѣломъ. Несмотря на это, отдѣльныя стадіи ряда все же наводятъ на то, чтобы видѣть въ нихъ повышенія или пониженія цѣнности и такимъ образомъ вызываютъ критику. Тогда процессъ становленія оцѣнивается при этомъ въ каждой отдѣльной изъ его частей и стало быть индивидуальное значеніе ихъ не рискуетъ уничтожиться. Тогда нѣтъ рѣшительно никакого основанія для того, чтобы предположить, что временная послѣдовательность отдѣльныхъ стадій находится въ нѣкоторой внутренней связи съ точками зрѣнія отнесенія къ цѣнности, съ которыхъ онѣ разсматриваются. Итакъ возникающее такимъ образомъ понятіе развитія принципиально отличается отъ понятія прогресса и притомъ у него отсутствуетъ именно то, что дѣлало понятіе прогресса специфически неисторическимъ понятіемъ.

Вѣдь и фактически существуетъ много историческихъ изложеній въ которыхъ преобладаетъ этотъ родъ теологическаго пониманія процессовъ становленія. Цѣлыя направленія исторической науки характеризующимся тѣмъ, что историкъ, нравственное, эстетическое, религиозное сознаніе котораго имѣетъ определенное содержаніе, прямо проявляетъ свое отношеніе къ отдѣльнымъ историческимъ процессамъ и отъ такого отношенія не свободенъ вполнѣ ни одинъ историкъ, при чемъ это обнаруживается даже въ очень рѣзкой формѣ именно у тѣхъ историковъ, которые самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркиваютъ, что оцѣнки вообще нисколько не касаются наукъ. Однимъ словомъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ такого рода сочетаніемъ историческаго процесса становленія съ точками зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которое вовсе не чуждо дѣйствительно оказывающейся на лицо исторической наукѣ и поэтому никакая логика исторіи не въ правѣ признать его совершенно неправомѣрнымъ или не имѣющимъ цѣнности.

Несмотря на это, мы не можемъ остановиться и на немъ, такъ какъ съ точки зрѣнія чисто научнаго логическаго идеала исторіи такія прямая сужденія выражающія оцѣнку, предполагающія определенный со стороны его содержанія масштабъ цѣнности, столь же мало составляютъ задачу историка, какъ напр. выраженіе его убѣжденій относительно дѣятельности трансцендентныхъ силъ или отсутствія таковой. Мы уже прежде показали, что научная цѣнность изложенія должна быть совершенно независимой отъ всякаго прямого проявленія отношенія историка къ объектамъ, ибо лишь такъ историкъ можетъ обязательнымъ для всѣхъ образомъ показать, какъ на самомъ дѣлѣ происходило развитіе. Слѣдовательно сочетаніе процесса становленія съ точкой зрѣнія отнесенія къ цѣнности происходитъ, когда дѣло идетъ объ историческомъ развитіи опять-таки лишь такимъ образомъ, что процессъ вообще бываетъ относимъ къ нѣкоторой цѣнности, какъ разъ такъ, какъ это было указано выше. Коль скоро это происходитъ, изъ всего многообразія хода событій выдѣляются определенные стадіи и онѣ сочетаются въ понятіе о нѣкоторомъ однократномъ развитіи, имѣющемъ по отношенію къ цѣнности телеологическій характеръ, причѣмъ однако оно не оцѣнивается влѣдствіе этого, ~~этому~~ какъ цѣлое или по частямъ. Благодаря отнесенію къ цѣнности оно лишь получаетъ определенное начало и опреде-

ленный конецъ, поскольку предыдущія или послѣдующія событія не имѣютъ уже значенія и въ то же время оно расчленяется на определенный рядъ стадій, находящихся между началомъ и концомъ, такъ какъ въ непрерывномъ теченіи становленія надлежитъ отмѣчать вѣхами всѣ тѣ пункты ¹⁾, въ которыхъ постепенное измѣненіе стало достаточно значительнымъ для того, чтобы имѣть и иного рода значеніе по отношенію къ руководящей точкѣ зрѣнія отнесенія къ цѣнности.

Однимъ словомъ, телеологическій принципъ, которымъ руководится историческое трактованіе нѣкотораго процесса, оказывается какъ разъ тѣмъ же принципомъ, который мы уже выработали для историческаго образованія понятій. Требовалось лишь распространить понятіе историческаго индивидуума съ одновременнаго на послѣдовательное для того, чтобы получить понятіе чисто научно трактуемаго историческаго развитія.

Впрочемъ, конечно, относительно этого расширеннаго понятія имѣетъ силу все то, что мы сказали относительно историческаго индивидуума вообще. Всякій отдѣльный рядъ стадій развитія объемлется, какъ членъ, нѣкоторою болѣе обширною связью или болѣе обширнымъ цѣлымъ и это цѣлое само опять-таки образуетъ исторически-телеологическое развитіе. Наконецъ должно оказываться возможнымъ разсматривать послѣднее историческое цѣлое какъ одинъ единственный цѣльный ходъ развитія, понятіе котораго состоитъ изъ содержаній понятій всѣхъ объемлемыхъ имъ частичныхъ развитій. Однако эти слѣдствія, вытекающія изъ произведеннаго нами расширенія понятія объ историческомъ индивидуумѣ, настолько самоочевидны, что нѣтъ надобности специально выводить ихъ.

Итакъ мы въ общемъ установили не менѣе чѣмъ семь различныхъ понятій развитія, которыя, въ нѣсколько иномъ порядкѣ, могутъ быть выведены другъ изъ друга еще и слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ развитіе означаетъ тоже самое что и становленіе вообще и тогда мы не знаемъ никакого бытія, которое не было бы развитіемъ. Во-вторыхъ изъ того, что должно быть развитіемъ, исключается всякое повтореніе и тогда понятіе развитія совпадаетъ съ по-

¹⁾ Примѣчнвіе переводчика. Пришлось остановиться на этой передачѣ смысла непереволимой буквально конструкціи подлинника: „Überall dort ein Einschnitt in den kontinuierlichen Fluss des Werdens gemacht werden muss“.

нятіемъ измѣненія. Въ третьихъ, къ понятію о нѣкоторомъ рядѣ измѣненій присоединяется мысль о томъ, что различныя части вмѣстѣ реализуютъ нѣкоторое цѣлое и благодаря этому возникаетъ наиболѣе обширное телеологическое понятіе развитія. Въ четвертыхъ, нѣкоторый индивидуальный процессъ становленія объединяется въ нѣкоторое теологическое единство такъ, что его единственность въ своемъ родѣ бываетъ относима къ нѣкоторой цѣнности и такимъ образомъ единственность въ своемъ родѣ сочетается съ единствомъ нѣ котораго процесса становленія въ историческій процессъ развитія. Въ пятыхъ къ этому можетъ присоединяться еще выраженіе оцѣнки всего процесса становленія или его отдѣльныхъ стадій, но эта оцѣнка выходитъ уже за предѣлы чисто научной задачи исторіи. Въ шестыхъ рядъ стадій развитія можетъ быть разсматриваемъ такимъ образомъ, что возростаніе цѣнности отдѣльныхъ его стадій находится въ нѣкоторой необходимой связи съ ихъ временною послѣдовательностью, благодаря чему рядъ стадій развитія становится прогрессомъ и наконецъ цѣнность, реализуемая рядомъ, можетъ быть разсматриваема какъ причина, такъ что она вызываетъ свое собственное осуществленіе. Ради полноты слѣдуетъ еще замѣтить, что по отношенію къ обоимъ послѣднимъ понятіямъ дѣло могло бы идти не только о развитіи, ведущемъ къ добру, но и о развитіи, ведущемъ къ злу. Однако эти понятія развитія не требуютъ особаго логическаго разсмотрѣнія, такъ какъ формально они не отличаются отъ обоихъ послѣднихъ понятій.

Для насъ дѣло шло прежде всего о томъ, чтобы какъ можно болѣе отчетливо отграничить четвертое понятіе развитія, какъ то, которымъ опредѣляется логическая структура исторической науки, отъ остальныхъ понятій. Первые три понятія постепенно приводятъ насъ къ нему, но оказываются недостаточными для нашей цѣли, такъ какъ они свободны отъ отнесенія къ нѣкоторой цѣнности и слѣдовательно не могутъ дать намъ принципа для трактованія нѣ котораго однократнаго процесса становленія. Наоборотъ, три послѣднія понятія содержатъ въ себѣ черезчуръ много для насъ и поэтому не имѣютъ ничего общаго съ логическимъ идеаломъ эмпирической исторической науки. Они должны быть тѣмъ тщательнѣе отвергаемы, что именно въ нихъ кроются тѣ элементы, которые часто ошибочно принимались за необходимыя составныя части индивидуалистической исторіи и поэтому вызвали полемику противъ нея.

Однако и установленное теперь понятіе развитія еще не даетъ отвѣта на все тѣ вопросы къ постановкѣ которыхъ приводитъ насъ понятіе исторической причинности. Пусть и причинные ряды могутъ быть по отношенію къ нѣкоторой цѣнности разсматриваемы такъ же какъ и историческіе индивидуумы и допускаютъ благодаря этому отграниченіе и расчлененіе, подобно мыслимымъ покоящимся историческимъ объектамъ, однако понятіе причинной связи безпрестанно побуждаетъ идти далѣе телеологическаго единства.

Вѣдь прежде всего всякое дѣйствительное развитіе образуетъ нѣчто непрерывное и, если оно расчленяется на опредѣленные телеологически существенныя стадіи, то благодаря этому уничтожаются вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенные переходы между стадіями. Однако наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, не можетъ мириться съ существованіемъ такихъ пробѣловъ, но должна снова такимъ образомъ заполнять ихъ причиннымъ становленіемъ, чтобы различныя стадіи оставались какъ телеологически раздѣльными, такъ и причинно связанными другъ съ другомъ. Но всюду, гдѣ это оказывается необходимымъ, должны становиться существенными такія составныя части дѣйствительности, которыя не необходимы телеологически.

Еще большее значеніе имѣетъ мысль о причинной связи въ другомъ отношеніи. Стоитъ только вдуматься въ извѣстные слова Шопенгауэра о томъ, что причинность—не экипажъ, который можно было бы произвольно останавливать, и повидимому снова уничтожается и та крѣпкая связь, которую придаетъ какому-либо процессу становленія отнесеніе его къ нѣкоторой цѣнности. Всякая устанавливаемая нами индивидуальная причина сама есть индивидуальный эффектъ, въ свою очередь имѣющій свою индивидуальную причину и, если имѣть въ виду то, что никакой историческій объектъ не былъ бы безъ индивидуальныхъ свойствъ иной причины такимъ, какимъ онъ оказывается, отнесеніе къ цѣнности, дѣлающее процессъ становленія историческимъ развитіемъ, распространится на индивидуальную форму и тѣхъ процессовъ, которые, не будучи телеологически существенными благодаря своему содержанію, причинно связаны съ нимъ. Тогда во-первыхъ всякій рядъ стадій развитія долженъ быть ретроспективно прослѣживаемъ въ прошломъ и во-вторыхъ этотъ рядъ, разъ должна удовлетворяться наша каузальная потребность повидимому растеть не только въ длину, но и въ ширину, такъ

какъ вѣдь какой-либо историческій процессъ становленія причинно опредѣляется въ каждой стадіи не только предшествующими событиями, но и одновременно съ нимъ происходящими процессами.

Итакъ для того, чтобы понять логическую структуру трактованія историческихъ рядовъ стадій развитія, намъ придется ввести еще одно новое понятіе и притомъ необходимо отграничить другъ отъ друга два рода историческихъ индивидуумовъ. Одни стоятъ въ прямомъ, другіе — въ косвенномъ отношеніи къ руководящей точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности, и такимъ образомъ мы можемъ говорить о первостепенныхъ и второстепенныхъ историческихъ индивидуумахъ. Въ частностяхъ не всегда легко будетъ указать, какіе историческіе объекты принадлежатъ къ одному и какіе къ другому роду; возможно, что съ одной руководящей точки зрѣнія какой-либо историческій индивидуумъ оказывается первостепеннымъ, а съ другой точки зрѣнія ему принадлежитъ лишь второстепенное значеніе. Такъ напр., Фридрихъ-Вильгельмъ I будетъ представлять для исторіи философіи лишь второстепенный историческій интересъ, поскольку онъ оказалъ вліяніе на судьбу Христіана Вольфа, для исторіи же Пруссіи онъ будетъ напротивъ того въ высшей степени первостепеннымъ историческимъ индивидуумомъ. О немногихъ индивидуумахъ можно будетъ сказать, что они имѣютъ первостепенное историческое значеніе съ любой точки зрѣнія, о многихъ, напротивъ того, что они не имѣютъ первостепеннаго историческаго значенія ни съ какой точки зрѣнія. Такъ напр., объ отцѣ Шиллера будетъ идти рѣчь лишь въ исторіи нѣмецкой литературы и въ ней онъ будетъ рассматриваемъ лишь какъ второстепенный историческій индивидуумъ. Но во всякомъ случаѣ это разграниченіе логически однозначно, (*begrifflich eindeutig*), разъ мы придерживаемся того, что для какой нибудь опредѣленной руководящей точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности одинъ родъ объектовъ непосредственно объединяется въ индивидуумы благодаря своеобразію многообразія ихъ со стороны ихъ содержанія, тогда какъ по отношенію къ другому роду объектовъ историческій интересъ возникаетъ лишь при посредствѣ причинной связи, оказывающейся на лицо между ними и непосредственно существенными индивидуумами.

Можно ли логически формулировать принципъ выбора и для второстепенно историческихъ индивидуумовъ? Что касается составныхъ частей, служащихъ лишь для заполнения каузальныхъ пробѣловъ

между телеологически существенными стадіями нѣкотораго развитія, то мы уже коснулись аналогичной проблемы, когда мы указали на то, что исторія, какъ наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, всегда будетъ стараться идти далѣе того, что можно назвать историческимъ образованіемъ понятій въ строгомъ смыслѣ слова и достигнуть нагляднаго изображенія своихъ объектовъ. Если тогда дѣло шло о томъ, чтобы облечь телеологически необходимые элементы понятій воззрительнымъ матеріаломъ, благодаря которому историческія понятія становятся историческими образами и для насъ становится возможнымъ переживать ихъ заднимъ числомъ въ ихъ дѣйствительности, то занимающіе насъ теперь второстепенно историческіе факты служатъ не только для наглядности какого-либо изображенія, но въ то же время должны и дѣлать намъ понятнымъ непрерывное причинное становленіе и, если возможно, позволять переживать его заднимъ числомъ. Итакъ въ сущности здѣсь должна удовлетворяться та же самая потребность науки, имѣющей дѣло съ дѣйствительностью и существуетъ лишь то различіе, что теперь дѣло идетъ не объ изображеніи мыслимыхъ готовыми объектами, но о процессахъ. Поэтому относительно принципа выбора этого второстепенно-историческаго матеріала мы опять-таки будемъ въ состояніи сказать лишь то, что историкъ включить въ свое изложеніе всякій фактъ, который служить для достиженія вышеуказанной цѣли. Нельзя однако формулировать особыя логическія правила для этой части историческаго изложенія такъ какъ здѣсь исторія опять таки прибѣгаетъ къ помощи репродуктивной фантазіи. Но благодаря этому не возникаетъ и никакихъ принципиально новыхъ проблемъ.

Болѣе значительныя трудности повидимому представляютъ для логики тѣ второстепенно историческія составныя части, которыя мы можемъ также охарактеризовать какъ предварительную и побочную его исторію (*als deren Vor- und Nebengeschichte*).

Если бы въ данномъ случаѣ взаправду имѣлось въ виду руководиться мыслью о томъ, что для всякаго историческаго факта должны излагаться всѣ тѣ причины, отъ которыхъ зависитъ его индивидуальность, то эта задача опять поставила бы насъ лицомъ къ лицу предъ всѣмъ необозримымъ многообразіемъ вселенной, такъ какъ мы, какъ сказалъ Фихте, „не можемъ передвинуть какой-либо песчинки не измѣняя благодаря этому нѣсколько всѣхъ частей неизмѣримаго цѣлаго“.

Само собою разумѣется, что изслѣдованіе причинъ въ этомъ смыслѣ невозможно и несмотря на это въ этой сторонѣ понятія исторической причинности кроются проблемы, которыя опять-таки скрываются отъ взора лишь благодаря тому обстоятельству, которое, какъ мы видѣли, можетъ способствовать тому, что въ нѣкоторыхъ областяхъ исторической науки повидимому вообще не оказывается необходимымъ особый принципъ упрощенія. Скажутъ, быть можетъ, что изложеніе, ставящее себѣ мыслимо наиболѣе обширныя задачи, фактически старается какъ можно далѣе прослѣдить причинные ряды и прекращается лишь тамъ, гдѣ изсякаетъ матеріалъ, представляемый источниками. Однако неправильность этого взгляда вытекаетъ изъ одного весьма простаго соображенія. Мѣ знаемъ напримѣръ, что не существовало бы ничего изъ того, чѣмъ занимается исторія, если бы напр., индивидуумъ земля не освѣщался и не нагрѣвался индивидуумомъ солнцемъ совершенно опредѣленнымъ и индивидуальнымъ образомъ и однако историку не представляется никакого повода трактовать объ этомъ факторѣ, причинно обуславливающимъ всѣ историческія событія. Почему онъ не дѣлаетъ этого? И для этого должны существовать основанія и слѣдовательно мы должны поставить вопросъ о томъ, въ чемъ они состоятъ.

Конечно, то, какъ далеко исторія прослѣживааетъ второстепенно историческіе причинные ряды, въ значительной степени, какъ и вездѣ, гдѣ изложеніе не ограничивается телеологически необходимымъ, предоставлено вкусу и произволу историка. Въ большинствѣ случаевъ будутъ искать причинъ, непосредственно связанныхъ съ первостепенно историческимъ, такъ что напр. родители какого-нибудь исторически существеннаго человѣка почти всегда становятся второстепенно историческими индивидуумами. Въ общемъ предварительная исторія представляетъ тѣмъ менѣе интереса, чѣмъ далѣе она отстоитъ отъ развитія, телеологически существеннаго благодаря его содержанію, и побочная исторія равнымъ образомъ кажется тѣмъ менѣе важной, чѣмъ болѣе возрастаетъ число второстепенно историческихъ посредствующихъ причинъ.

Конечно, благодаря этому мы немного выигрываемъ въ логическомъ отношеніи. Но мы вправѣ сказать то, что необходимо лишь вообще положить какой-либо предѣлъ историческому интересу къ прослѣживанію причинныхъ рядовъ, чтобы благодаря этому отвергнуть ту мысль, будто понятіе исторической причинности когда либо

можетъ снова приводить къ необозримому многообразію міра и для этого намъ слѣдуетъ лишь подумать о томъ, что всякое историческое изложеніе заключаетъ въ себѣ рядъ существенныхъ и змѣненій. Поэтому абсолютно неисторическими, т. е. такими, которыхъ ни коимъ образомъ нельзя причислить хотя бы даже лишь къ предварительной или побочной исторіи, должны быть тѣ причины, которыя оказываютъ одинаково значительныя дѣйствія на всѣ стадіи перво-степенно-историческаго развитія, ибо въ такомъ случаѣ онѣ должны быть и рассматриваемы исторіей какъ постоянныя и вслѣдствіе этого теряютъ всякое значеніе для изложенія существенныхъ измѣненій.

Возвращаясь къ вышеупомянутому примѣру, надлежитъ разсматривать индивидуальное положеніе индивидуума земли относительно индивидуума солнца и вытекающій отсюда родъ нагрѣванія и освѣщенія, какъ факторъ, оказывающійся постояннымъ въ теченіе всего хода исторіи человѣчества, т. е. онъ становится существеннымъ какъ причина одинаковымъ образомъ для всякаго событія, объемлемого рядомъ стадій развитія, и поэтому исторической наукѣ никогда не приходится упоминать о немъ. Оказываемыя имъ дѣйствія становятся имѣющими значеніе для всѣхъ историческихъ процессовъ лишь постольку, поскольку эти послѣдніе суть экземпляры родового понятія, обнимающаго собою всѣ стадіи и, такъ какъ они исторически не принимаются во вниманіе какъ таковыя и относящіяся къ нимъ причины, поскольку онѣ суть экземпляры рода, не могутъ быть даже второстепенно исторически существенными.

Само собою разумѣется, что и это постоянство причинъ относительно, т. е. оказывается на лицо лишь по отношенію къ тому промежутку времени, въ предѣлахъ котораго заключаются историческіе ряды стадій развитія. Но, такъ какъ опредѣленіе этого промежутка времени, какъ всѣ опредѣленія, относящіяся къ содержанію, зависятъ отъ тѣхъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которыми руководится выборъ исторически существеннаго, и эта относительность не можетъ приводить къ безпредѣльному и мы не нуждаемся въ большемъ для формальнаго отграниченія матеріала. Такъ напр., пока исторія трактуетъ о людяхъ, для нея становится абсолютно несущественнымъ все то, чѣмъ опредѣляется общая природа людей, и къ этому слѣдуетъ причислить положеніе земли относительно солнца. И такъ и здѣсь историческій интересъ прекращается въ томъ пунктѣ, гдѣ начинается естественно-научный интересъ.

VI.

Естественно-научные элементы въ историческихъ наукахъ.

Все предшествующее изложеніе имѣло цѣлью какъ можно болѣе отчетливо выяснитъ отличіе историческаго образованія понятій отъ естественно-научнаго образованія понятій. Поэтому мы нарочно обращали вниманіе только на то, что мы называемъ абсолютно историческимъ и вслѣдствіе этого мы должны были въ извѣстномъ отношеніи преувеличить логическую противоположность между естествознаніемъ и исторіей, т. е. мы пришли къ установленію логическаго идеала, къ осуществленію котораго отчасти не можетъ даже и стремиться историческая наука.

Вѣдь уже устанавливая противоположность между естествознаніемъ и наукою, имѣющею дѣло съ дѣйствительностью, мы видѣли, что различныя отрасли естествознанія образуютъ болѣе или менѣе общія понятія и что поэтому въ нихъ оказываются составныя части, согласно нашей терминологіи болѣе или менѣе историческія, такъ что понятіе природы становится относительнымъ. Но, такъ какъ логическія понятія природы и исторіи взаимно обуславливаютъ другъ друга, отсюда вытекало, что, равнымъ образомъ какъ въ естествознаніи встрѣчаются историческія составныя части и въ исторіи встрѣчаются естественно-научные элементы, а слѣдовательно и понятіе объ историческомъ должно стать относительнымъ. Пока понятіе историческаго изложенія оставалось для насъ чисто проблематическимъ, мы могли лишь указать на это слѣдствіе, не опредѣляя точнѣе, что надлежитъ разумѣть подъ относительно историческимъ понятіемъ. Теперь, когда мы знаемъ принципъ историческаго образованія понятій въ наиболѣе общей его формѣ, мы должны расширить его такимъ образомъ, чтобы онъ былъ примѣнимъ къ относительно историческому. Лишь тогда станетъ возможно понять логическую структуру дѣйствительно оказывающейся на лицо исторической науки.

Естественно-научными въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова мы называемъ тѣ понятія, для образованія которыхъ имѣетъ значеніе лишь то, что оказывается у всѣхъ индивидуумовъ опредѣленной группы и которыя, соотвѣтственно этому, имѣютъ общее содержаніе такимъ образомъ, что оно обнимаетъ общее нѣкоторому множеству объектовъ. Если мы станемъ теперь разсматривать какое-либо историческое изложеніе въ отношеніи того оказываются ли въ немъ на

лицо такія понятія, то прежде всего намъ бросаются въ глаза общіе элементы историческихъ понятій. Однако теперь мы столь же мало имѣемъ дѣло съ ними, какъ и съ другими общими понятіями, служащими въ исторіи лишь средствами и обходными путями. И такъ лишь понятія составляющія цѣль историческаго изложенія и не смотря на это имѣющія лишь общее содержаніе, могутъ быть признаны относительно историческими понятіями. Однако и при этомъ мы должны сдѣлать еще одну оговорку. Вѣдь то обстоятельство что какое-нибудь историческое изложеніе обозначаетъ свой предметъ какимъ-либо общимъ именемъ и слѣдовательно не относится прямо къ какому-либо единичному индивидууму, не во всѣхъ случаяхъ обуславливаетъ уже наличность общаго понятія въ естественно-научномъ смыслѣ: но существуетъ еще особый родъ историческихъ понятій, которыя, хотя они и кажутся общими, не должны, однако, быть смѣшиваемы съ относительно историческими понятіями.

Мы уже коснулись ихъ разъ, когда мы указали на то, что такія слова, какъ „греческое“ или „нѣмецкое“ представляютъ собой въ исторіи не наименованія для родовыхъ понятій, содержащихъ въ себѣ общее всѣмъ грекамъ или нѣмцамъ, и столь же мало можно говорить о совпаденіи содержанія историческаго понятія съ содержаніемъ нѣкотораго общаго понятія и тогда, когда какая-либо опредѣленная стадія въ развитіи человечества или какой-либо періодъ развитія какого-либо народа обозначается какимъ нибудь общимъ наименованіемъ, напр. характеризуется какъ эпоха возрожденія или просвѣщенія, такъ какъ вѣдь не должна же совокупность всѣхъ тѣхъ многихъ индивидуумовъ, которые объединяются при этомъ въ нѣкоторую группу подводиться подъ общее понятіе о предметѣ эпохи возрожденія или о просвѣтителѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ для зоолога всѣ обезьяны обнимаются понятіемъ о четырехрукихъ. Фактически содержаніе такихъ повидимому весьма „общихъ“ понятій о народахъ, періодахъ, эпохахъ культуры, состоитъ, напротивъ того, по большей части изъ того, что оказывается лишь у сравнительно небольшого числа единичныхъ индивидуумовъ, которыя жили среди соотвѣтственнаго народа или въ соотвѣтственную эпоху и своеобразіе которыхъ исторически настолько существенно, что мы называемъ по нимъ то историческое цѣлое, къ которому они принадлежатъ ¹⁾. И

¹⁾ И сдѣланное недавно открытіе, что мы съ нѣкотораго времени жи-

часто часть содержания этого понятия оказывается лишь у одного единственного индивидуума и развѣ что можно сказать, что содержание такого понятия какъ возрожденіе слишкомъ богато для того, чтобы его можно было констатировать цѣликомъ у какого-либо единичнаго индивидуума. Но именно поэтому оно, конечно, есть отнюдь не понятіе, имѣющее общее содержаніе, какъ такое понятіе, которое построится естествознаніемъ, но абсолютно-историческое индивидуальное понятіе, содержаніе котораго возрастаетъ вмѣстѣ съ его объемомъ.

Однако, насъ не интересуетъ болѣе обстоятельное разсмотрѣніе логической структуры этихъ частью чрезвычайно сложныхъ историческихъ понятій, но мы намѣрены лишь упомянуть одинъ примѣръ, который долженъ показать, какъ мало имѣемъ мы здѣсь дѣло съ естественно-научными родовыми понятіями. Можно ли подвести такого человѣка какъ Лютеръ какъ всего лишь экземпляръ рода подъ историческое понятіе нѣмца, такъ чтобы Лютеръ оказывался исторически существеннымъ лишь благодаря тому, что у него есть общаго со всѣми нѣмцами. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не станетъ утверждать этого, такъ какъ, еслибы это было такъ, то ни для какого историка не представлялось бы поводовъ рассказывать о Лютерѣ болѣе, чѣмъ о первомъ встрѣчномъ.

Что же мы имѣемъ, слѣдовательно, въ виду, когда мы называемъ Лютера истымъ нѣмцемъ? Мы привыкли разсматривать извѣстныя особенности, принадлежащія индивидууму Лютеру прежде всѣхъ, какъ нѣмецкія вообще и мы въ правѣ дѣлать это постольку, поскольку, съ тѣхъ поръ какъ жилъ Лютеръ, эти своеобразныя черты вошли для насъ въ идеальное понятіе о нѣмцѣ вообще. Впослѣдствіи это историческое понятіе становилось все богаче и богаче бла-

вемъ въ періодъ «раздражительности» не можемъ имѣть того смысла, что многіе миллионы людей «раздражительны», такъ какъ это было бы вѣдь просто бессмысленно, но можетъ означать лишь то, что у историческихъ индивидуумовъ существенныхъ по отношенію къ руководящимъ цѣностямъ искусства и міровозрѣнія, стало быть музыкантовъ, художниковъ, поэтовъ и философовъ новѣйшаго времени, оказываются извѣстныя общія свойства, позволяющія назвать ихъ «раздражительными». Итакъ, новѣйшій продуктъ «новаго метода» вполне подходитъ подъ нашу теорію историческаго образованія понятій и отнюдь не есть результатъ въ логическомъ смыслѣ естественно-научнаго метода.

годаря другимъ индивидуумамъ, какъ напр., благодаря Гете и затѣмъ благодаря Бисмарку и нынѣ со словомъ „нѣмецкое“ у насъ соединяется множество представлений, которыя, конечно, соответствуютъ тому, что можно найти отнюдь не у зауряднаго нѣмца, но лишь у единичныхъ великихъ людей.

Но, разъ такимъ образомъ, благодаря объединенію своеобразія нѣсколькихъ исторически существенныхъ индивидуумовъ, возникло какое-нибудь историческое понятіе, можетъ возникнуть иллюзія, будто возможно вывести своеобразіе единичныхъ индивидуумовъ изъ общаго понятія нѣмецкой „народной души“. Однако, фактически этотъ приемъ удастся лишь благодаря тому, что то единственное въ своемъ родѣ, о которомъ утверждается, что оно коренится въ народной душѣ, уже заранѣе вложено было въ понятіе послѣдней и тогда мы нѣкоторымъ образомъ производимъ рядъ аналитическихъ сужденій. Итакъ, если общая душа нѣмецкаго народа вообще означаетъ что-либо для историка, она есть отнюдь не общее родовое понятіе, но индивидуальный процессъ развитія, непрерывно измѣняющійся въ теченіе исторіи и она пріобрѣтаетъ свои характерныя черты лишь постепенно, шагъ за шагомъ, благодаря индивидуальнымъ историческимъ событіямъ. Если, напротивъ того, думаютъ, что индивидуальное понимается какъ проистекающее изъ нея, что въ этомъ взглядѣ заключается лишь изумительное смѣшеніе, обращающее болѣе позднее въ болѣе раннее.

Конечно, это отнюдь не означаетъ, что въ такихъ историческихъ понятіяхъ встрѣчаются исключительно черты, свойственныя единичнымъ личностямъ, но лишь то, что многія обозначаемыя какимъ-либо общимъ именемъ понятія общи не въ томъ смыслѣ, въ какомъ общи понятія естествознанія, и что они между прочимъ содержатъ въ себѣ абсолютно историческія составныя части. Но лишь такое понятіе, подъ которое дѣйствительно всѣ тѣ индивидуумы, къ которымъ оно относится, могутъ быть подведены, какъ экземпляры, можетъ быть признано естественно-научною составною частью въ исторіи.

Итакъ мы подходимъ къ той проблемѣ, которая должна занимать насъ теперь лишь коль-скоро какое-либо понятіе, имѣющее въ естественно-научномъ смыслѣ общее содержаніе, въ то же время дѣйствительно даетъ исчерпывающее историческое изображеніе. А это бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда историческое значеніе пріурочено къ нѣкоторому комплексу свойствъ, который оказывается

не только у одного единственного объекта, но у нѣсколькихъ индивидуумъ, въ иныхъ отношеніяхъ отличныхъ другъ отъ друга. Тогда эти индивидуумы объединяются въ одну группу и исторіей. Правда, какъ цѣлое, группа, какъ всегда, есть нѣчто однократное и индивидуальное и состоитъ также сплошь изъ индивидуумовъ, но, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ исторически существенныхъ свойствъ, которыхъ не имѣли бы и всѣ другія принадлежащія къ ней индивидуумы, исторія не даетъ о такомъ историческомъ цѣломъ никакого абсолютно историческаго понятія, т. е. нѣтъ надобности, чтобы ею изображался каждый изъ входящихъ въ это цѣлое частичныхъ индивидуумовъ самъ по себѣ, но она можетъ включать въ понятіе о группѣ лишь то, что повторяется во всѣхъ частяхъ этого цѣлаго. Слѣдовательно въ такихъ случаяхъ тѣ индивидуумы, изъ которыхъ состоитъ группа, принимаются за одинаковые и историкомъ и тогда каждый индивидуумъ благодаря однѣмъ и тѣмъ же свойствамъ представляетъ собой какъ часть нѣкотораго историческаго цѣлаго, такъ экземпляръ нѣкотораго общаго понятія. Лишь такимъ образомъ возникаютъ историческія понятія, имѣющія общее содержаніе.

Само собою разумѣется, далѣе, что такія понятія могутъ быть и болѣе или менѣе общими, смотря по тому, возрастаетъ ли или убываетъ объемъ группы и число тѣхъ индивидуумовъ, которые, какъ экземпляры, обнимаются ею. Эти понятія могутъ состоять изъ того, что оказывается общимъ двумъ или тремъ индивидуумамъ, или, если ими выражается сущность цѣлыхъ сословій или какой-либо многообъемлющей эмпирической дѣйствительности, въ которой ни одна часть не имѣетъ иного историческаго значенія, нежели всѣ остальные, они будутъ имѣть весьма общее содержаніе и не смотря на это въ тоже время давать исчерпывающее историческое изображеніе соответственныхъ объектовъ. Итакъ промежуточное положеніе между совершенно индивидуальными и весьма общими историческими понятіями занимаютъ понятія, содержанія которыхъ обладаютъ наиразличнѣйшими степенями общности и мы видимъ изъ этого, какой смыслъ имѣетъ говорить, что и историческому свойственны постепенныя градаціи. Подобно тому, какъ мы различали естественно-научныя понятія, имѣющія относительно-историческое содержаніе первого, второго, третьяго порядка, можно говорить и объ историческихъ понятіяхъ, имѣющихъ относительно естественно-научное со-

держаніе различныхъ порядковъ, причемъ различіе состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь нельзя установить никакой системы порядковъ, такъ какъ историческія науки совершенно не могутъ быть приведены въ систему, построенную сообразно степенямъ общности.

Никто не будетъ сомнѣваться въ наличности такихъ относительно историческихъ понятій различнѣйшихъ степеней. Даже въ такомъ изслѣдованіи, главнымъ предметомъ котораго служитъ одинъ единственный индивидуумъ, оказывается множество понятій, имѣющихъ общее, стало быть въ этомъ смыслѣ естественно-научное содержаніе. Мы знаемъ, что никогда не трактуется лишь о процессѣ становленія какого нибудь отдѣльнаго лица, но всегда и о болѣе обширномъ цѣломъ или „окружающемъ мірѣ“, въ составъ котораго оно входитъ, какъ членъ, и, хотя всѣ части цѣлаго индивидуальны, однако, всѣ они никогда не разсматриваются лишь какъ индивидуальные члены. Напротивъ того, наибольшая часть ихъ подводится подъ имѣющія общее содержаніе понятія о группахъ. Но, если это имѣетъ силу уже для такихъ историческихъ изложеній какъ біографіи, это вполне примѣнимо къ обширнымъ историческимъ трудамъ, посвященнымъ изложенію развитія какого-либо цѣлаго, состоящаго изъ необозримо многихъ частей, напр., какого-либо народа. Тогда идетъ рѣчь о солдатахъ, принимавшихъ участіе въ какомъ-либо сраженіи, о крестьянахъ какой-либо мѣстности, о гражданахъ какого-либо города и возможно, что ни одинъ индивидуумъ не упоминается какъ индивидуумъ. Итакъ, что касается количества, въ данномъ случаѣ даже значительное большинство объектовъ относится къ общимъ понятіямъ и во всякомъ случаѣ почти во всѣхъ историческихъ изложеніяхъ намъ приходится констатировать смѣсь понятій, содержаніе которыхъ индивидуально, и понятій, имѣющихъ общее содержаніе.

Это обнаруживается уже коль скоро мы всмотримся въ словесную форму историческихъ повѣствованій. Но та роль, которую въ исторіи играютъ общія понятія, становится совершенно ясной лишь тогда, когда мы убѣждаемся въ томъ, что ихъ можетъ быть еще больше, чѣмъ можно судить по внѣшней формѣ изложенія. Вѣдь какъ какое-нибудь общее наименованіе не всегда обозначаетъ какое-либо общее родовое понятіе, такъ наоборотъ собственные имена могутъ замѣнять собой общія понятія и при томъ это бываетъ тогда, когда упоминаются индивидуумы, оказывающіеся „типиче-

скими“ въ томъ слыслѣ слова, что по нимъ можно судить о среднемъ уровнѣ какой-либо группы, влѣдствіе чего они существенны лишь какъ представители ихъ рода. Такія понятія могутъ быть образуемы на основаніи документовъ прошлыхъ вѣковъ, напр., на основаніи одного единственнаго счета, который, какъ индивидуумъ, въ тоже время характеризуетъ уровень жизни цѣлыхъ классовъ, коль скоро у насъ есть основаніе допустить, что данный единственно извѣстный намъ индивидуальный случай, не представляетъ собой исключенія. Такимъ же образомъ и единичныя личности становятся важными лишь благодаря тому, что они представляютъ существенное во всѣхъ членахъ ихъ сословія и тогда мы должны тщательно отличать этихъ индивидуумовъ какъ относительно историческихъ индивидуумовъ отъ тѣхъ, которые обращаютъ на себя вниманіе именно тѣмъ, что не обще имъ ни съ какимъ инымъ индивидуумомъ.

У насъ имѣется еще одно особое основаніе для этого разграниченія. Вѣдь исторія какъ наука, занимающаяся дѣйствительностью, всегда имѣетъ тенденцію не только указывать телеологически существенные элементы понятій, но и обогащать свое изложеніе путемъ присоединенія такихъ индивидуальных составныхъ частей, которыя служатъ лишь интересамъ построения наглядныхъ образовъ. Поэтому она будетъ пользоваться этимъ пріемомъ и при изображеніи среднихъ типовъ и тогда лишь на основаніи предметной исторической связи можно будетъ видѣть, имѣемъ ли мы дѣло дѣйствительно съ абсолютно-индивидуальнымъ или съ лишь относительно историческимъ понятіемъ. А отсюда вытекаетъ, что иногда анализъ отдѣльныхъ случаевъ историческаго изложенія рѣшительно ничего не можетъ дать для выясненія логической сущности исторіи. Чтобы сдѣлать правдоподобнымъ положеніе, гласящее, что чисто индивидуальныя черты въ исторіи собственно говоря не относятся къ наукѣ сторонники естественно-научнаго метода всегда ссылались исключительно на изображенія индивидуумовъ, которые представляли собой лишь средніе типы и поэтому могли быть вполне выражены въ относительно историческихъ понятіяхъ, и тогда легко было показать, что соответственный индивидуумъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ историческое значеніе лишь въ качествѣ экземпляра рода. Мы видимъ теперь, какъ мало это доказываетъ, и насколько слѣдуетъ соблюдать осторожность въ логикѣ, коль скоро изъ одного единственнаго случая выводятся общія заключенія. Вѣдь мыслимо даже, что какой-

нибудь индивидуумъ, который въ большинствѣ изложеній можетъ подходить лишь подъ абсолютно-историческое понятіе иногда фигурируетъ и какъ экземпляръ рода, что напр., имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, еслибы была сдѣлана попытка констатировать по извѣстнымъ сторонамъ Бисмарка средній типъ прусскаго юнкера.

Оказывается, слѣдовательно, что и къ повидимому абсолютно историческому изложенію могутъ примѣшиваться общія понятія и что лишь это расширеніе понятія историческаго изложенія позволяетъ намъ вполне уразумѣть логическую структуру исторіи и въ особенности всесторонне понять ея отношеніе къ естественно-научному трактованію. Теперь уже не абсолютно общее рѣзко безъ промежуточныхъ звеньевъ противостоитъ абсолютно-индивидуальному—это были лишь двѣ крайности, которыя надлежало конструировать въ логическомъ интересѣ и въ которыхъ не находить адекватнаго выраженія многообразіе человѣческаго изслѣдованія, но, что касается содержанія какъ естественно-научныхъ такъ и историческихъ понятій, въ нашей схемѣ оказывается мѣсто для общаго и для индивидуальнаго различнѣйшихъ ступеней и наша теорія должна быть вѣрной въ примѣненіи къ различнымъ изслѣдованіямъ, которыя могутъ быть весьма общими, какъ она уже оказалась вѣрной въ примѣненіи къ понятіямъ различнѣйшихъ естественно-научныхъ дисциплинъ, которыя могутъ быть весьма специальными. И мы можемъ даже примѣнять эту теорію не только тогда, какое-либо естественно-научное и какое-либо историческое понятіе совпадаютъ по содержанію, но и тогда, когда содержаніе историческихъ понятій оказывалось бы болѣе общимъ, чѣмъ содержаніе естественно-научныхъ понятій, относящихся къ какой-либо специальной области изслѣдованія и когда поэтому возможно производить изслѣдованіе, направленное на отысканіе естественно-научныхъ связей еще и въ предѣлахъ относительно-историческаго.

Однако, какъ ни необходимо указанное расширеніе понятія историческаго изложенія въ виду факта наличности общихъ историческихъ понятій, оно въ то же время повидимому все-таки снова дѣлаетъ проблематическими наши прежніе выводы. Пока мы не имѣемъ въ виду опредѣленнаго историческаго матеріала и опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, которыми руководится изложеніе мы не можемъ знать и того, въ какой мѣрѣ въ исторіи играютъ роль общія понятія и до какой степени они могутъ быть общими, чтобы они все еще

удовлетворяли цѣлямъ и исторіи. Отсюда вытекаетъ, что съ логическихъ точекъ зрѣнія мыслимо и изложеніе однократнаго историческаго хода развитія, въ которомъ оперируютъ всего лишь съ понятіями, содержащими въ себѣ общее группамъ индивидуумовъ и въ которыхъ и индивидуумы, обозначаемые собственными именами, суть лишь историческіе средніе типы. Не получаемъ ли опять-таки благодаря этой логической возможности смыслъ утвержденіе, гласящее что и историческая наука, подобно естествознанію, образуетъ лишь общія понятія? Гдѣ же остается теперь принципиальное различіе между тѣмъ и другимъ и вообще какое право имѣемъ мы все еще говорить объ индивидуальных историческихъ понятіяхъ?

Мы должны даже пойти еще далѣе. Если и историческія понятія оказываются общими, то не существуетъ никакихъ основаній, почему бы между ними не устанавливалось отношеній, въ родѣ существующихъ между понятіями, съ которыми оперируетъ какая-либо естественно-научная теорія. Вполнѣ мыслимо, что нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря своему общему содержанию, находятся въ такой взаимной связи, какъ понятія, образующія законъ природы. Допустимъ, что было бы установлено, что тамъ, гдѣ оказываются опредѣленные объекты, которые могутъ быть подведены подъ естественно-научное понятіе (*Naturbegriff*), *A*, съ необходимостью, свойственною законамъ природы возникаютъ другіе объекты, подходящіе подъ естественно-научное понятіе *B*, и если теперь въ исторіи построилось бы относительно историческое понятіе, общее содержаніе котораго совпадало бы съ *A*, то отсюда вытекало бы, что за историческими событіями подводимыми подъ понятіе *A*, съ необходимостью, свойственною законамъ природы, слѣдуютъ историческія событія, свойства которыхъ таковы, что они подходятъ подъ понятіе *B*. Но тогда не существовало бы болѣе никакого принципиальнаго препятствія для того, чтобы дойти до установленія столь сильно желаемыхъ „историческихъ законовъ“. Эти послѣднія заключаютъ въ себѣ логическую бессмыслицу лишь коль скоро о нихъ утверждается, что они имѣютъ силу по отношенію къ абсолютно-историческому. Однимъ словомъ можно подумать, что, если исторія дѣйствительно работаетъ лишь съ относительно-историческими понятіями, нельзя уже положить предѣлъ проникновенію въ нее историческаго метода.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя безъ дальнихъ околичностей отвергнуть такого рода возможности. Однако граница между естество-

знаніемъ и исторіей изглаживалась бы благодаря этому лишь въ такомъ случаѣ, если бы мы были въ правѣ превратить эти возможности въ методологическія основоположенія и рѣшить это мы можемъ лишь найдя отвѣтъ на нижеслѣдующіе вопросы. Вносить ли то обстоятельство, что какое-нибудь историческое понятіе имѣетъ общее содержаніе, какое-либо измѣненіе и въ его логическую структуру, т. е. въ принципъ его единства? Лишь тогда можно было бы сказать, что такъ какъ какое-либо понятіе имѣетъ своимъ содержаніемъ общее нѣсколькимъ объектамъ, оно уже въ силу этого и образовано согласно естественно-научному методу. Далѣе, въ правѣ ли мы до всякаго предметнаго изслѣдованія утверждать, что изложеніе какого-либо историческаго хода развитія, пользующееся лишь понятіями, имѣющими общее содержаніе, можетъ исчерпывать все исторически существенное? Лишь въ томъ случаѣ, если бы это оказывалось справедливымъ, историкъ могъ бы слѣдовать основоположенію, гласящему что надлежитъ строить лишь общія понятія. Однако, даже если бы мы допустили правомѣрность попытки примѣнять въ исторіи лишь относительно историческія понятія, надлежитъ поставить еще третій вопросъ, а именно: допускаетъ ли какой-нибудь однократный ходъ развитія въ самомъ дѣлѣ такое трактованіе, чтобы лишь относительно историческія понятія его различныхъ стадій и другъ съ другомъ могли быть приведены въ нѣкоторую естественно-научную связь, и чтобы, слѣдовательно благодаря этому, возникали въ самомъ дѣлѣ историческіе законы? Если бы хотя бы лишь это оказалось неосуществимымъ, немного осталось бы отъ возможности обратить историческую науку въ естественную науку.

Что касается перваго вопроса, то, разъ какое-нибудь относительно историческое понятіе выдѣлено изъ исторической связи мыслей, нельзя уже распознать, каковъ принципъ его единства, но, такъ какъ логика понимаетъ сущность наукъ всегда лишь изъ ихъ цѣлей, она вообще не можетъ заниматься такими изолированными понятіями. Напротивъ, того она всегда должна обращать вниманіе на то, какую задачу должно выполнять понятіе въ той связи мыслей, въ которой оно оказывается, и тогда тотчасъ обнаруживается, что и относительно историческія понятія, несмотря на общность ихъ содержанія, во-первыхъ могутъ быть названы понятіями, имѣющими индивидуальное содержаніе, и во-вторыхъ, что единство ихъ состав-

ных частей, равно как и единство какого-либо абсолютно исторического содержания понятия, есть единство телеологическое.

Если назвать содержание специальных естественно-научных понятий относительно общим, то содержание относительно исторических понятий слѣдует охарактеризовать как относительно индивидуальное и это понятие объ „относительно индивидуальномъ“ отнюдь не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, какъ можно было бы думать. Сама дѣйствительность, конечно, всегда абсолютно индивидуальна и поэтому нельзя говорить объ относительно-индивидуальныхъ объектахъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло, напротивъ того, съ индивидуальностью содержания понятия. Если бы мы хотѣли дойти до крайности, то мы могли бы даже сказать, что и абсолютно-историческія понятія, относящіяся къ одному единственному индивидууму, напр., къ какой-либо личности, иногда содержатъ въ себѣ общее ряду индивидуальныхъ состояній этой личности и постольку также имѣютъ общее содержание. Несмотря на это, никто не откажется называть эти понятія индивидуальными, такъ какъ они должны выражать именно то, чѣмъ соотвѣтственная личность отличается отъ всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ возникаетъ совершенно однозначное понятие индивидуальности общихъ содержаній понятий и мы можемъ перенести этотъ принципъ на относительно историческія понятія, такъ какъ и въ нихъ должна находить выраженіе индивидуальность средняго характера опредѣленной исторической группы индивидуумовъ, благодаря которой эта группа отличается отъ другихъ. Итакъ въ какой-либо специальной естественно-научной связи мыслей содержание, выражающее общую сущность рода всегда оказывается общимъ, когда имѣется въ виду та цѣль, чтобы содержалось общее, какъ ни индивидуально можетъ оно быть по сравненію съ наиболѣе общими естественно-научными понятіями. Напротивъ того, въ какой-либо исторической связи мыслей, какъ разъ то же самое понятие когда имѣется въ виду цѣль, состоящая въ томъ, чтобы выражалась индивидуальность рода, можетъ заслуживать того, чтобы его называть индивидуальнымъ понятіемъ, хотя его содержание можетъ быть весьма общимъ по сравненію съ содержаніемъ абсолютно историческихъ понятий.

Итакъ цѣль науки всегда дѣлаетъ возможнымъ рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ какимъ-либо общимъ или съ какимъ-либо индивидуальнымъ понятіемъ и, такъ какъ между цѣлями естествознанія и

цѣлями исторіи всегда существуетъ принципиальная противоположность, мы имѣемъ и право, несмотря ни на какую относительность, говорить о противоположности общихъ и индивидуальныхъ понятий. Пока естествознаніе руководится цѣлью, состоящею въ томъ, чтобы построить систему понятий, подъ которую можетъ быть, какъ экземпляръ подведена всякая часть нѣкоторой дѣйствительности, всѣ его понятія должны быть понимаемы какъ общія понятія. Пока исторія включаетъ въ свои изложенія то, что имѣетъ значеніе благодаря его индивидуальности, и лишь тогда уклоняется отъ того, чтобы доходить до абсолютно индивидуальнаго, когда уже общее понятіе о группѣ настолько индивидуально, что выражаетъ существенное для нея, она, какъ бы то ни было, остается наукою объ индивидуальномъ, должноствующею строить не только для единичныхъ индивидуумовъ но и для группъ всегда индивидуальные понятія.

Однако, быть можетъ, скажутъ, что и естествознаніе выражаетъ посредствомъ своихъ относительно общихъ понятий индивидуальность рода и поэтому противоположность обоихъ видовъ понятий вполне явственно обнаруживается лишь коль скоро мы примемъ въ соображеніе и то, какая связь объединяетъ содержание понятія въ нѣкоторое единство. Въ какомъ-либо естественно-научномъ понятіи элементы сопряжены другъ съ другомъ, такъ какъ они содержатъ въ себѣ общее нѣсколькимъ объектамъ. Наоборотъ, на этомъ никогда не основывается единство какого-либо исторического понятія, хотя бы фактически его содержание и состояло изъ общаго нѣсколькимъ объектамъ. Напротивъ того, его обязательность основывается на томъ, что оно содержитъ въ себѣ существенное по отношенію къ тѣмъ точкамъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которыми руководится историческое изложеніе, такъ какъ въ какое-нибудь историческое понятіе—все равно оказывается ли оно абсолютно или относительно историческимъ должно входить то—и только то,—что вышеуказаннымъ образомъ становится индивидуумомъ, т. е. многообразіемъ, цѣльнымъ благодаря своему своеобразію. Исторія утратила бы всякій интересъ къ такому общему понятію, у котораго нѣтъ такого телеологического единства. Она можетъ довольствоваться относительно историческими понятіями лишь тогда, когда телеологически существенное оказывается у всѣхъ индивидуумовъ нѣкоторой опредѣленной группы и поэтому какое-нибудь общее понятіе уже вполне выра-

жасть историческую индивидуальность группы, но она никогда не может пожелать составлять какое-либо содержание понятия, имѣя въ виду, чтобы оно обнимало собой общее нѣкоторому множеству индивидуумовъ, какъ это дѣлаетъ естествознаніе. Итакъ, развѣ въ исторіи вопросъ о томъ, что существенно и что нѣтъ, всегда рѣшается на основаніи точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности, принципы образованія понятій остаются какъ развѣ тѣми же самыми для относительно историческихъ понятій, какъ и для абсолютно историческихъ понятій и если мы признаемъ обуславливающею характеръ метода ту связь, которая дѣлаетъ изъ содержанія какого-либо понятія необходимое единство, то никогда не можетъ быть рѣчи о проникновеніи естественно-научнаго метода въ историческую науку, какія бы общія понятія о группахъ она ни построила. Относительно историческія понятія всегда имѣютъ содержаніе, заключающее въ себѣ то, что благодаря своему содержанію оказывается существеннымъ, по отношенію къ руководящимъ цѣностямъ и съ логическихъ точекъ зрѣнія случайно, что это содержаніе совпадаетъ съ содержаніемъ нѣкотораго общаго понятія. Это даетъ отвѣтъ на первый вопросъ, гласившій: вносятъ ли относительно историческія понятія какое-либо измѣненіе въ противоположность между исторически-телеологическимъ образованіемъ понятій и естественно научнымъ образованіемъ понятій.

Отсюда почти что самъ собою получается отрицательный отвѣтъ на второй вопросъ. Тамъ, гдѣ утверждается противоположное, за мотивировку, конечно, всегда принимается та несостоятельная аргументація, которая гласитъ, что исторія должна излагать лишь „типическое“ или имѣющее „общее“ значеніе, но что чисто индивидуальное никогда не можетъ быть типическимъ и, слѣдовательно, можетъ обращать на себя вниманіе лишь въ качествѣ экземпляра понятія о нѣкоторой группѣ. Мы знаемъ, что, конечно, какой либо индивидуумъ можетъ получать историческое значеніе и какъ средній типъ, но никогда нельзя показать логическимъ путемъ, что такъ всегда должно быть. Часто стараются доказать, что индивидуальное лишено значенія, указывая на причинную обусловленность всего совершающагося, но и это указаніе можетъ служить лишь для доказательства противоположнаго. При всякомъ историческомъ процессѣ совмѣстно дѣйствуютъ многія причины и конечно въ большинствѣ случаевъ и своеобразныя особенности группъ или массъ, подходящія

подъ относительно-историческія, стало быть общія понятія также играютъ роль при опредѣленіи хода событій. Но развѣ поэтому только эти группы и массы должны имѣть рѣшающее значеніе? Въ нашу демократическую эпоху желаютъ, быть можетъ, чтобы масса всегда нѣкоторымъ образомъ подавляла отдѣльную личность. Но логически нельзя сдѣлать правдоподобнымъ, что это желаніе имѣетъ шансы на осуществленіе. Развѣ въ томъ случаѣ, если между общимъ массамъ и оказывающимся на лицо лишь у какого либо индивидуума устанавливается нѣкоторая причинная связь, эффектъ опредѣляется лишь тѣмъ, что принадлежитъ массѣ, а не тѣмъ, что оказывается у единичныхъ индивидуумовъ? Безсмысленно было бы утверждать это. Воздѣйствіе, оказываемое лишь индивидуальными особенностями отдѣльнаго лица, всегда должно играть роль при опредѣленіи индивидуальности эффекта, и, если это такъ, оно можетъ оказываться въ иныхъ случаяхъ и весьма существеннымъ. Нѣтъ никакого логическаго основанія для того, чтобы придти относительно этого къ отрицательному рѣшенію для всѣхъ случаевъ, да и историкъ, даже если бы ему удалось констатировать, что для нѣкоторыхъ частей исторіи существенно лишь общее группамъ или массамъ, и что слѣдовательно въ этихъ случаяхъ приходится построить лишь относительно историческія понятія, не имѣетъ никакого права обобщать то, что имѣетъ силу для частныхъ историческихъ случаевъ. Во всякомъ пунктѣ пространства и времени исторія течетъ иначе чѣмъ во всякомъ другомъ пунктѣ и поэтому для всякой частной доли исторіи необходимо сперва особое изслѣдованіе, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли для того, чтобы выразить все существенное, разсмотрѣть и абсолютно историческое, или же можно удовольствоваться относительно-историческими понятіями.

Итакъ съ логическихъ точекъ зрѣнія опять таки представляется совершенно случайнымъ, оказывается-ли какое нибудь понятіе, въ достаточной степени выражающее историческую индивидуальность абсолютно историческимъ или относительно историческимъ понятіемъ. А отсюда должно вытекать, что никогда нельзя сдѣлать методологическимъ основоположеніемъ принципъ, гласящій, что всегда надлежитъ оперировать лишь съ относительно историческими понятіями и до всякаго изслѣдованія признать чисто индивидуальное и особенное исторически несущественнымъ.

Попытаемся выяснитъ себѣ это еще на одномъ примѣрѣ. Если

требуется написать историю возникновения Германской империи, то ктонибудь пожалуй могъ бы сказать, что единство Германии есть „просто результатъ стремления нации, обладающей единствомъ культуры“ и, что объясненіе объединенія „заключается во всѣхъ тѣхъ факторахъ, которые вызвали упомянутое стремленіе массъ, а отнюдь не въ духѣ Бисмарка“¹⁾. Въ такомъ случаѣ отсюда слѣдовало бы, что то, что подходитъ подъ понятіе „единая Германская имперія“, навѣрное возникло бы и безъ индивидуальнымъ воздѣйствій отдѣльныхъ личностей, какъ то Бисмарка, Роона, Вильгельма I и т. д. Но, даже если бы это положеніе было признано правильнымъ, развѣ историческій интересъ къ этому процессу исчерпывался бы общимъ понятіемъ, обнимающимъ очень многія мыслимыя индивидуальныя формы нѣкой единой Германской имперіи и во всякомъ случаѣ не могущимъ заключать въ себѣ ничего изъ того, что свойственно лишь названнымъ личностямъ. Вѣдь историкъ все же сказалъ бы, что „стремленіе нации, обладающей единствомъ“ культуры прекрасное дѣло, но рѣшительно ничего не открываетъ ему относительно историческаго возникновенія Германской имперіи. Исторію занимаетъ не то, что когда либо возникло нѣчто такое, что можно назвать единою Германскою имперіей, но исторически существенно именно то, что Германская имперія возникла въ этотъ опредѣленный періодъ времени, благодаря этимъ совершенно особливимъ и индивидуальнымъ

¹⁾ Это отнюдь не логическая фикція, но буквально такъ пишетъ Л. Гумпловичъ, *Soziologie und Politik*, S. 64, и я не могу не процитировать еще и слѣдующихъ мѣстъ. „Вѣдь какъ можно было бы въ противномъ случаѣ объяснить, что столь могучая личность, смогшая объединить Германию, оказалась безсильной хотя бы даже удержать за собою свой министерскій портфель. Но социологія объяснить паденіе Бисмарка опять таки не индивидуализмомъ императора Вильгельма, но тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ могущественный государственный человекъ пошалъ на ложный путь, слѣдуя индивидуальнымъ (!) симпатіямъ, желалъ сблизить Германию съ Россіей, тогда какъ естественно-необходимо теченіе въ нѣмецкомъ народѣ противъ союза съ Россіей, въ которой Германія основательно чувствуетъ своего наибольшаго врага. Въ тотъ моментъ, когда этотъ прежде могущественный герой пошелъ наперекоръ естественному и необходимому социальному теченію, и онъ уже былъ отброшенъ въ сторону, какъ сломанное орудіе генія исторіи“. Можно-ли претендовать на историковъ, если уже слово „социологія“ вызываетъ у нихъ въ виду такихъ „коценцій“ (*Auffassungen*) извѣстную антипатію.

причинамъ, въ этой совершенно особой и индивидуальной формѣ. А въ такомъ случаѣ и особенности индивидуальности названныхъ личностей, которыя абсолютно единственны, должны приниматься въ соображеніе какъ исторически въ высшей степени существенныя. Конечно, эти люди вовсе не „создали“ нѣмецкой имперіи, да они отчасти вовсе и не желали создать ее. Однако это безразлично здѣсь, такъ какъ мы не имѣемъ вѣдь ничего общаго съ рационалистической телеологіей въ исторіи. Далѣе, отдѣльныя лица не были единственными причинами, благодаря которымъ возникла имперія, но для этого каузально равнымъ образомъ безусловно необходимы были массовыя движенія, которыя исторіи представляется поводъ подводить лишь подъ общія понятія. Однако все это и не подлежитъ сомнѣнію, но дѣло идетъ лишь о томъ, не существуетъ-ли такой точки зрѣнія, съ которой становятся исторически существенными и тѣ событія, которыя опредѣлялись и тою или иною личностью благодаря индивидуальности послѣдней и не должно-ли вслѣдствіе этого тогда историческое изложеніе построять и абсолютно историческія понятія? Но съ логическихъ точекъ зрѣнія не можетъ быть данъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ и, если бы кто либо сказалъ, что на нѣкоторыя стадіи въ развитіи индивидуальныя особенности и такихъ личностей какъ, напр., Людвигъ II, оказали столь рѣшающее вліяніе, что о нихъ должно повѣствовать именно такое изложеніе, которое стремится къ тому, чтобы выяснить намъ историческую причинную связь, то ученіе о методѣ не могло бы оспаривать и этого.

Само собою разумѣется, что мы отнюдь не желаемъ разрѣшить съ помощью этихъ положеній что либо относительно какого либо историческаго вопроса. Мы производимъ чисто логическое изслѣдованіе и поэтому всѣ приводимые нами примѣры имѣютъ для насъ лишь гипотетическое значеніе. Но вѣдь и требуется показать именно то, что вопросъ о томъ, имѣетъ ли существенное значеніе и абсолютно индивидуальное, можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ предметнаго историческаго изслѣдованія, а не на основаніи методологическихъ соображеній. Въ особенности вопросъ о значеніи великихъ личностей есть отнюдь не логическая, но историческая проблема. Логика можетъ сказать лишь то, что всякая теорія, отрицающая значеніе единичной личности „a priori“ для всѣхъ случаевъ, бессмысленна и что именно для пониманія причинной связи часто совсѣмъ нельзя обойтись безъ знанія единичныхъ людей. Какъ бы не зави-

сѣла единичная личность отъ своей среды, все же она имѣеть для исторіи нѣкоторое значеніе всегда благодаря тому, что представляла собой сама она и благодаря ея индивидуальной дѣятельности. И если уже относительно любого объекта справедливо, что онъ есть нѣчто новое по сравненію со своими причинами, то у личностей обращаетъ на себя вниманіе еще нѣчто особое, долженствующее предостерегать насъ отъ умаленія ихъ историческаго значенія. Не только ихъ индивидуальность никогда не можетъ растворяться въ индивидуальности ихъ среды, такъ какъ, если бы это было такъ, одинъ и тотъ же „духъ времени“ долженъ былъ бы порождать только одинаковыхъ людей, но, наоборотъ, гораздо возможнѣй, что какая либо отдѣльная личность накладываетъ отпечатокъ своего индивидуальнаго своеобразія на окружающую ее среду, такъ какъ она дѣйствуетъ „путемъ внушенія“ и ей подражаютъ и тогда для того, чтобы понять духъ времени, исторія должна прежде всего изслѣдовать индивидуальность „руководящихъ умовъ“ и показать, какъ чисто индивидуальное мало по малу переходитъ къ массамъ. Но такое изложеніе возможно лишь въ абсолютно историческихъ понятіяхъ.

Однако мы еще не можемъ покончить съ этимъ пунктомъ и мы нарочно выбрали вышеприведенный примѣръ такимъ образомъ, что онъ приводитъ насъ еще къ другой сторонѣ вопроса. Сторонники нѣкаго новаго историческаго метода, пожалуй, признаютъ, что разъ изложеніе руководится извѣстными точками зрѣнія, напр. такими, которыя характерны для политической исторіи, конечно, становится исторически существеннымъ и чисто индивидуальное, но они прибавятъ, что именно поэтому нельзя руководиться этими точками зрѣнія и притомъ этотъ взглядъ можетъ высказываться въ двойной формѣ.

Прежде всего можно утверждать, что интересъ къ чисто индивидуальному и къ производимымъ имъ дѣйствіямъ вытекаетъ изъ одного лишь любопытства и поэтому не имѣеть ничего общаго съ научнымъ историческимъ интересомъ. Затѣмъ къ тому же самому результату приходятъ, хотя и признавая правомѣрность интереса къ индивидуальному, но несмотря на это требуя, чтобы научный историкъ отказывался отъ его изложенія, ибо оно невыразимо въ общихъ понятіяхъ и поэтому недоступно для научнаго трактованія. Если же исторія несмотря на это всетаки включаетъ его въ свое изложеніе она покрайней мѣрѣ должна была бы всегда отдавать себѣ отчетъ

въ томъ, что, дѣлая это, она выходитъ изъ границъ науки и, если во всей исторіи повѣствуется и о чисто индивидуальномъ, то именно вслѣдствіе этого она представляетъ собой смѣсь науки съ чѣмъ то инымъ.

При перваго рода обоснованіи этой точки зрѣнія въ большинствѣ случаевъ не дѣлается попытки представить методологическое оправданіе. Здѣсь желаютъ установить задачи исторіи, исходя изъ какихъ либо болѣе или менѣе ясныхъ „міровоззрѣній“, а иногда даже только изъ личныхъ настроеній или политическихъ предвзятыхъ мнѣній. Тогда въ основѣ утвержденія, гласящаго, что все чисто индивидуальное исторически несущественно, лежитъ антипатія противъ людей, выдѣляющихся изъ массы, и теорій, въ которыхъ играютъ роль такого рода элементы, необходимо оказываются настолько же лишеными всякаго значенія, какъ и противоположные взгляды, основывающіеся на крайнемъ „индивидуализмѣ“ и поэтому стремящіеся къ историческому изложенію, повѣствующему лишь объ единичныхъ индивидуумахъ и, наоборотъ, пренебрегающему всеми историческими движеніями группъ или массъ. Съ „индивидуализмомъ“ въ этомъ смыслѣ у насъ столь же мало общаго какъ и съ его противоположностью. Мы знаемъ, что оцѣнка не входитъ въ задачу исторіи и что поэтому историку не слѣдуетъ становиться ни на индивидуалистическую, ни на коммунистическую точку зрѣнія, чтобы, исходя изъ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія, разсматривать симпатичное ему какъ исторически существенное. То обстоятельство, что фактически въ нѣкоторыхъ историческихъ изложеніяхъ чисто личные симпатіи становятся и точками зрѣнія, которыми руководятся при выборѣ существеннаго, и что поэтому, напр., политическіе социалисты особенно часто считаютъ необходимымъ бороться противъ индивидуалистической исторіографіи, въ извѣстномъ отношеніи можетъ лишь служить подтвержденіемъ нашей теоріи историческаго образованія понятій. При этомъ именно не различаютъ между отнесеніемъ къ цѣнности и оцѣнкой и сужденіемъ, выражающимъ оцѣнку, служатъ помѣхой всякой исторической объективности. Отдавъ себѣ въ этомъ отчетъ, и убѣжденнѣйшій сторонникъ демократической и социалистической политики, коль скоро онъ потребуеть исторической науки, долженъ понять, что нельзя рѣшить a priori, въ какой мѣрѣ какое либо историческое изложеніе нуждается въ чисто индивидуальныхъ понятіяхъ.

Методологически интереснее, напротив того, второй из тех путей, идя которыми приходится к исключению чисто индивидуального из истории или по крайней мере, из научной истории. Взгляд, согласно которому историческое трактование допускает лишь тот материал, который не дает повода для образования индивидуальных понятий, обыкновенно высказывается в той форме, что утверждается, что исторический ход политических событий, конечно, в значительной степени определяется индивидуальным своеобразием единичных личностей, но именно поэтому он и не допускает научного изложения и поэтому подлинная научная база для истории должна быть выработана путем изложения тех событий, которые не зависят от индивидуальности единичных личностей. Затем это в самом деле научное историческое изложение обыкновенно в качестве „культурной истории“ противопоставляется политической истории и поэтому сторонники этого взгляда могли бы правда, согласиться с теми соображениями, которые мы развили, пользуясь примером возникновения немецкой империи, но ему пришлось бы прибавить, что историческое изложение именно этого процесса или вообще не относится к научной истории, или развѣ что может быть внесено в научную культурную историю, в качестве художественного дополнения к ней.

При обсуждении этого взгляда мы намерены оставить в стороне те трудности, о которых шла речь выше и которые должны возникнуть при всякой попытке гармонически сочетать два столь различных элемента, как те, каковыми будто бы оказываются два различных рода истории. Мы не ставим вопроса и о том, с каким правом можно говорить, что „культурная история“ менее нуждается в индивидуальных понятиях, чем политическая история, но мы ограничиваемся чисто логической стороной проблемы и тогда попытка разсматривать как исторически существенное лишь то, что не утрачивая своего исторического значения, может быть подведено под общия понятия, должна представиться одним из изумительнейших методологических заблуждений, которые когда либо возникали. В самом деле: утверждается, что не интересно к материалу, вытекающий из существа дела должен создавать в истории пригодный для удовлетворения этого интереса метод и определять его логическую структуру, но выработанный для достижения совершенно иных целей и уже установленный ме-

тогда должен решать, к какому материалу мы имеем право иметь научный интерес. Быть может, ничто не может столь ясно осветить нелѣпость вѣрованія в единоспасительный естественно-научный метод, как указание на эту попытку оправдать единовластие мышления в общих понятиях. Здесь явственно обнажается подлинный нерв „новой истории“. Намь противостоит фанатизм естественно-научного метода, т. е. из любви к абстрактному принципу натурализма, который, конечно, не может признавать иного метода, кроме естественно-научного, из числа научных трудов вычеркивается наиболее блестящее из того, что вообще дала история.

Итакъ отсутствие исторического значения единичной личности и право избѣгать всякаго абсолютно историческаго понятія могли бы быть доказаны лишь путем обнаруженія того, что не существует ни одной руководящей точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которую признають все, и по отношенію къ которой оказывающееся на лицо лишь у одного объекта может становиться исторически существеннымъ, но что все те точки зрѣнія, съ которыхъ возможно для всехъ имѣющее силу трактованіе, комбинируютъ лишь общее нѣкоторой группѣ или массѣ въ нѣкоторое индивидуальное единство. Все составители біографій и все твердо вѣрующіе въ значеніе великихъ людей для историческаго развитія, могутъ спокойно ждать, окажется ли еще у кого бы то ни было, кто понялъ это, охота къ тому, чтобы попытаться доказать это.

Однако, какъ сказано выше, существуютъ и области, въ которыхъ движенія массъ имѣютъ рѣшающее значеніе и, такъ какъ при попыткѣ рѣшить, въ какой мѣрѣ это имѣетъ силу, въ логикѣ не идутъ далѣе однихъ возможностей, мы не можемъ удовлетвориться достигнутымъ результатомъ. Если имѣетъ смыслъ выражать нѣкоторыя историческія матеріи въ однихъ лишь понятіяхъ о группахъ, то и эти части исторіи должны подходить подъ нашу теорію и слѣдовательно мы приходимъ къ третьему изъ поставленныхъ нами вопросовъ. Могутъ-ли и между общими понятіями какого либо историческаго изложенія устанавливаться естественно-научныя отношенія такимъ образомъ, чтобы благодаря этому въ принципѣ возможно было установленіе историческихъ законовъ?

Разъ дѣло идетъ о разрѣшеніи этого вопроса, надлежитъ прежде всего подчеркнуть, что, пока какое либо изложеніе есть исторія, оно всегда имѣетъ дѣло съ какимъ либо однократнымъ рядомъ стадій

развитія, такъ какъ всякое историческое цѣлое, которое трактуется исторически, по своему понятію есть нѣчто единственное и однократное, все равно, идетъ ли при этомъ дѣло о дѣйствительности вообще о солнечной системѣ, о землѣ, о живыхъ существахъ, о человѣчествѣ, или о какой либо небольшой долѣ дѣйствительности. Лишь части историческаго цѣлага могутъ быть подводимы подъ относительно историческія понятія, полное же изображеніе самого цѣлага должно имѣть абсолютно-историческое содержаніе, подходящее лишь къ одной единственной дѣйствительности. Итакъ, мы въ правѣ поставить вопросъ лишь о томъ, можетъ ли изображеніе какого нибудь однократнаго историческаго цѣлага, оперирующее съ одними лишь общими понятіями, принимать такой видъ, благодаря которому перестала бы обнаруживаться принципиальная противоположность между естественно-научнымъ образованіемъ понятій и историческимъ образованіемъ понятій.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на этотъ вопросъ даютъ утвердительный отвѣтъ, обыкновенно ссылаются на біологію и это возможно, разъ при этомъ для сравненія берутъ тотъ родъ біологіи, который мы могли охарактеризовать какъ историческую біологію. Она въ самомъ дѣлѣ старается изложить однократное развитіе живыхъ существъ и она дѣлаетъ это, повсюду пользуясь столь общими понятіями, что не будутъ утверждать, что какое нибудь историческое изложеніе человѣческой жизни въ состояніи примѣнять еще болѣе общія понятія, т. е. исторія никогда не можетъ быть трактуема „болѣе естественно-научно“, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она разсматривается какъ продолженіе біологическаго развитія и если она излагается согласно тому же самому методу какъ и процессъ становленія органической жизни. Если бы при этомъ оказалось, что и историческая или филогенетическая біологія никогда не можетъ находить законовъ, въ которые входитъ однократное преемство различныхъ ступеней развитія органической жизни, то невозможность обратитъ исторію какъ изложеніе однократныхъ рядовъ стадій развитія въ естественную науку, не будетъ уже подлежать сомнѣнію.

Мы дѣлаемъ попытку формулировать въ болѣе обширной связи мыслей наши понятія въ наивозможно болѣе общей формѣ, чтобы благодаря этому сдѣлать ихъ независимыми отъ особенностей какова бы то ни было опредѣленнаго матеріала и поэтому мы еще разъ разсмотримъ раздѣленіе наукъ о тѣлахъ съ точки зрѣнія относитель-

ности, свойственной понятіямъ объ естественно-научномъ и объ историческомъ.

Мы уже видѣли ¹⁾, что въ „последней“ естественной наукѣ не оказывается уже никакихъ историческихъ элементовъ, такъ какъ естественно-научное значеніе понятія „последнихъ“ вещей подчиненныхъ законамъ движенія основывается именно на томъ, что какое угодно тѣло можетъ становиться экземпляромъ этого понятія. Но, если всякое тѣло, разсматриваемое какъ движеніе атомовъ, замѣнимъ любымъ другимъ тѣломъ, количественно одинаковымъ съ нимъ, оно и не можетъ когда либо получить значеніе благодаря своей индивидуальности. Столь же мало можно комбинировать его признаки въ нѣкоторое телеологическое единство и затѣмъ въ мірѣ этихъ понятій не существуетъ никакой исторической причинности, т. е. невозможно сказать, что какой либо комплексъ атомовъ вызываетъ что либо такое, чего еще не было до тѣхъ поръ. Благодаря движенію атомовъ всегда можетъ возникать лишь движеніе атомовъ и поэтому здѣсь исключены причинныя неравенства, всегда оказывающіяся на лицо въ исторической наукѣ. Поэтому, наконецъ, здѣсь непримѣнимо и никакое понятіе развитія, означающее болѣе простаго лишь становленія или повторенія измѣненій, такъ какъ не имѣетъ смысла разсматривать движеніе атомовъ какъ рядъ измѣненій, благодаря которымъ постепенно возникаетъ нѣчто новое, чего еще не было до тѣхъ поръ. То, что находится въ концѣ какого либо ряда, было на лицо уже и въ началѣ, а какая угодно стадія подходитъ подъ одно и тоже понятіе. Словомъ, мы видимъ, что все принципы историческаго образованія понятій утрачиваютъ смыслъ въ мірѣ понятій последней естественной науки и отсюда вытекаетъ, что міръ чистой механики оказывается міромъ абсолютно не историческимъ не только, если имѣть въ виду историческое какъ особенное и индивидуальное, но и если имѣть въ виду исторически-телеологическое пониманіе.

Прежде чѣмъ перейти отсюда къ системамъ, въ которыя входятъ понятія, имѣющія относительно-историческое содержаніе, мы постараемся еще нѣсколько точнѣе выяснитъ отношеніе міра атомовъ къ тому, что съ эмпирической точки зрѣнія мы только и можемъ характеризовать какъ дѣйствительность, такъ какъ къ атомистикѣ легче всего примыкаютъ мнѣнія, въ основѣ которыхъ лежитъ игнорированіе

¹⁾ См. выше, стр. 234.

абсолютной иррациональности действительности и которая поэтому должны приводить и къ неправильному пониманію отношенія исторіи къ естествознанію.

Уже прежде мы отвергли ту мысль будто изъ возможности подводить въ астрономіи индивидуальныя состоянія подъ понятія законовъ, можно сдѣлать какое либо заключеніе относительно возможности совпаденія познанія законовъ природы и историческаго познанія и теперь, по выясненіи логической структуры теоріи атомовъ, мы должны понять, что совершенно бессмысленно расширять идеаль „астрономическаго познанія міра“ обращая его въ идеаль единой міровой формулы“, ¹⁾ въ которой вселенная „была бы представлена въ одной неизмѣримой системѣ одновременныхъ дифференціальныхъ уравненій, изъ которой для любого времени можно было бы получить мѣсто направленіе движенія и скорость каждаго атома во вселенной“. Гдѣ идеаломъ познанія представляется понятіе этого ума, о которомъ думалъ Лапласъ, тамъ, конечно, не согласится съ мыслью о принципиальныхъ границахъ естественно-научнаго образованія понятій и будутъ думать, что только пока еще не удалось понять безъ остатка и частное, но что въ принципѣ напротивъ того, не невозможно „понять частности воззрительнаго многообразія не только въ любой моментъ, но и вычислить ихъ для какихъ угодно элементовъ времени въ прошедшемъ или въ будущемъ“ ²⁾. Тогда въ томъ, что исторія не сво-

¹⁾ Ср. E. Du-Bois-Reymond. Reden I. S. 105 ff. (Э. Дю-Буа-Реймонъ О границахъ познанія природы. Переводъ подъ редакціей С. И. Ершова стр. 5).

²⁾ Этою мыслью пытался опровергнуть мое утверженіе, гласящее что индивидуальное принципиально исключаетъ естественно-научное пониманіе, К. Марбе въ Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik. Bd. 111. S. 265 ff. При этомъ Марбе также мыслить рационалистически, о чемъ свидѣлствуютъ и его возраженія противъ моихъ соображеній относительно принципиальной необозримости всякой эмпирической действительности. Его аргументы столь же мало совмѣстимы съ уразумѣніемъ полной иррациональности даннаго бытія, какъ и аргументы Мюнстерберга. Когда Марбе заявляетъ, что „психическое воззрительное многообразіе отнюдь не необозримо“ и даже считаетъ это многообразіе „весьма ограниченнымъ“, онъ смѣшиваетъ многообразіе существенныхъ для какой либо психологической теоріи различій съ самимъ психическимъ бытіемъ, или, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что это бытіе составлено изъ психологическихъ понятій, какъ куча песку изъ отдѣльныхъ песчинокъ.

дится къ естествознанію, можно видѣть лишь временное несовершенство науки и можно вѣрить, „что познаніе единичнаго можетъ найти свое рѣшеніе въ дальнѣйшемъ развитіи нашего естествознанія по крайней мѣрѣ безъ логическихъ трудностей“, или что и „историческій ходъ развитія воззрительнаго можетъ быть принципиально чисто естественно-научно дедуцированъ“ ¹⁾.

Разъ выяснилось отношеніе міра атомовъ къ эмпирической действительности, слѣдуетъ понять, что какъ въ мысли о единой „міровой формулѣ“, которая должна позволять вычислить все частное, такъ и въ не столь далеко идущемъ утверженіи, гласящемъ, что можно „принципиально чисто естественно-научно дедуцировать“ любую частность воззрительнаго историческаго процесса, не только признается возможнымъ нѣчто фактически невыполнимое, но и прямо таки заключается логическое противорѣчіе. Существуетъ, конечно, путь отъ эмпирической действительности къ міру атомовъ, но отнюдь не можетъ существовать пути, который снова приводилъ бы отъ послѣдняго къ эмпирической действительности. Для того, чтобы придти къ міру атомовъ, необходимо отвлечься отъ всего того, что можетъ быть переживаемо какъ полная реальность, такъ что остаются лишь чисто отвлеченные (begriffliche), количественные элементы и поэтому, никому не удастся выковырять (herauszuklauben) изъ этихъ необходимыхъ для извѣстныхъ научныхъ цѣлей, но по сравненію съ действительностью все же весьма бѣдныхъ абстракцій, богатство наймалѣйшей доли міра. Вѣдь навсегда оказывается непонятнымъ уже то, почему понятію одного движенія атомовъ соотвѣтствуетъ именно свѣтъ, а понятію другого движенія атомовъ соотвѣтствуетъ именно звукъ т. е. мы не можемъ принципиально „дедуцировать“ даже и это специфическое въ столь общихъ естественно-научныхъ понятіяхъ. Какимъ же образомъ можетъ идти рѣчь о логической возможности естественно-научной дедукціи историческихъ частныхъ?

Но для того, чтобы изгнать рационалистическую метафизику, которая въ послѣднее время притаилась въ естественно-научно звучащемъ понятіи міровой формулы, и которая препятствуетъ всякому логическому пониманію наукъ, и изъ ея послѣдняго убѣжища, мы готовы даже отвлечься отъ того, что нѣтъ пути, ведущаго отъ міра атомовъ къ эмпирическому міру и далѣе стать на ту странную точку зрѣнія

¹⁾ Marbe, a. d. O., S. 277.

„что въ дѣйствительности не существуетъ никакихъ качествъ“, т. е. мы готовы допустить, что міръ атомовъ есть реальность, въ которой отдѣльные атомы, какъ извѣстныя намъ вещи, самостоятельно существуютъ. Вѣдь мы можемъ тогда показать, что и этотъ міръ, который вѣдь долженъ представлять мыслимо наилучшіе шансы для полнаго отвлеченнаго проникновенія, несмотря на это никогда не оказывался бы настолько познаваемымъ для ума, сравнимаго съ человѣческимъ, чтобы общее понятіе и дѣйствительность, законъ и единичное совпадали и что поэтому даже и онъ не могъ бы быть естественно-научно вычисляемъ въ его историческомъ процессѣ. Тогда это доказательство, быть можетъ, окажется убѣдительнымъ и для упорнѣйшихъ приверженцевъ реализма въ теоріи понятій.

Умъ, долженствующій познать этотъ міръ, долженъ былъ бы быть въ состояніи устанавливать факты, ничего не воспринимая, такъ какъ послѣдовательно продуманное до конца понятіе о мірѣ атомовъ, которое одно только есть понятіе о совершенно рациональномъ мірѣ, необходимо предполагаетъ атомы, недоступные воспріятію. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы показать, что понятіе объ историческомъ познаніи міра атомовъ несовмѣстимо ни съ какимъ познаніемъ, возможнымъ для человѣка. Но допустимъ, что для опредѣленнаго момента времени можно установить какъ фактъ опредѣленное положеніе опредѣленнаго атома; спрашивается, что нужно было бы сдѣлать для того, чтобы понять этотъ фактъ и какъ закономерно необходимый? Говорятъ, что познающій умъ долженъ былъ бы стремиться къ формуламъ, въ которыхъ „состояніе міра въ какой либо дифференціалъ времени явилось бы непосредственнымъ дѣйствіемъ его состоянія въ предшествующій и непосредственной причиной его состоянія въ послѣдующій безконечно малый промежутокъ времени“. Но и эти формулы все же еще оставались бы общими какъ формулы и поэтому приходилось бы сперва приурочивать къ нимъ нѣкоторое индивидуальное состояніе міра, прежде чѣмъ съ ихъ помощью оказывалось бы возможнымъ вычислить какое либо иное индивидуальное состояніе міра. А это предполагаетъ, что познающій умъ констатировалъ индивидуальное положеніе всѣхъ атомовъ въ какой либо дифференціалъ времени въ отдѣльности какъ фактъ и это вѣдь пришлось бы признать такимъ дѣяніемъ, которое отличается отъ того, что способенъ выполнить человѣческій интеллектъ не по степени, а принципиально.

Итакъ мы видимъ, что не только эмпирическая дѣйствительность для насъ абсолютно иррациональна, но что даже и для міра понятій естествознанія, который мыслился бы какъ реальность, познаніе естественно-научное и познаніе историческое не совпадали бы, т. е. нельзя отрицать границъ естественно-научнаго образованія понятій даже и тогда, когда объектомъ познанія полагается такой міръ, который представляетъ мыслимо благопріятнѣйшія условія для того, чтобы мышленіе, происходящее въ общихъ понятіяхъ, приближалось къ мышленію, происходящему въ индивидуальныхъ понятіяхъ. При этомъ мы даже не утверждаемъ, что въ развитыхъ нами только что соображеніяхъ обнаружены уже всѣ тѣ невозможности, которыя кроются въ опирающейся на атомистикѣ мысли объ единой міровой формулѣ и естественно-научномъ познаніи особливаго. Мы не стремимся здѣсь къ достиженію полноты, такъ какъ сказанное достаточно для того, чтобы показать то, что намъ нужно. И въ немъ даже заключается гораздо болѣе того, что необходимо, такъ какъ согласно всѣмъ тѣмъ соображеніямъ, которыя мы развили относительно значенія понятія атома, отнюдь не подобааетъ разсматривать атомы такъ, какъ будто они, подобно извѣстнымъ намъ объектамъ, ведутъ свое особое существованіе, т. е. не только для человѣка немислимо познаніе, охватывающее всякій атомъ. Во всякое время, но и вообще со словами „всякій атомъ во всякое время“ нельзя соединить никакого понятія, которое можетъ стать имѣющимъ положительное значеніе въ какомъ либо логическомъ изслѣдованіи. Не только совпаденіе естественно-научнаго и историческаго познанія міра атомовъ, но уже и мысль объ историческомъ познаніи одного единственнаго атома заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе.

Если мы теперь вернемся къ раздѣленію естественныхъ наукъ, то мы знаемъ, что мы можемъ охарактеризовать какъ міръ абсолютно неисторическій лишь міръ атомовъ, такъ какъ уже физика въ болѣе тѣсномъ смыслѣ нуждается въ такихъ понятіяхъ, какъ свѣтъ, теплота, звукъ, которыя по сравненію съ движеніемъ атомовъ заключаютъ въ себѣ нѣчто особое. Итакъ ея содержаніе можетъ быть разсматриваемо и такимъ образомъ, что оно благодаря его индивидуальности имѣетъ значеніе въ однократномъ, стало быть въ логическомъ смыслѣ историческомъ ряду развитія и благодаря этому дѣлаетъ понятія индивидуальными и историческими понятіями. Само собою разумѣется, что не существуетъ никакого научнаго изложенія, въ которомъ со-

держаніе столь общихъ понятій, какъ понятіе свѣта становится исторически существеннымъ, но несмотря на это мы можемъ выяснитъ на одномъ примѣрѣ то, что мы имѣемъ въ виду.

По отношенію къ ея логической структурѣ библейская исторія творенія вполне имѣетъ характеръ историческаго изложенія. Она повѣствуетъ объ однократномъ ходѣ развитія. Днями творенія обозначаются въ ней различныя стадіи, благодаря которымъ постепенно возникаетъ то, что для повѣствователя представляетъ собою міръ и при томъ процессъ простирается отъ „начала“ до сотворенія человѣка. Но эти стадіи частью выражаются при посредствѣ весьма общихъ понятій. „Вначалѣ сотвори Богъ небо и землю“, но была еще „тьма верху безднъ“. Затѣмъ наступаетъ вторая стадія: „и рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ: и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ“. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ общее понятіе „свѣтъ“ оказывается достаточнымъ для повѣствованія объ индивидуальномъ однократномъ событіи, при чемъ благодаря ему въ то же время въ достаточной степени характеризуется и индивидуальное значеніе того новаго, которое вноситъ эта стадія по сравненію съ предшествующимъ состояніемъ тьмы¹⁾. Равнымъ образомъ и содержаніе дальнѣйшихъ стадій развитія указывается лишь посредствомъ общихъ понятій, такъ какъ для тѣхъ цѣнностей, которыми руководится изложеніе, не существенно что либо большее чѣмъ то, что содержится въ этихъ общихъ понятіяхъ и лишь при сотвореніи человѣка именуется индивидуумъ, стало быть образуется абсолютно историческое понятіе, такъ какъ характеромъ и дѣяніями этого одного человѣка вслѣдствіе ихъ индивидуальности опредѣляется то, что существенно для повѣствователя въ дальнѣйшемъ развитіи: судьба рода человѣческаго.

Понятно, что, если логическое изслѣдованіе мыслить себѣ вмѣсто

¹⁾ Конечно, Дю-Буа-Реймонъ, говоритъ (а. а. 0., S. 109): „Свѣтъ появился лишь съ того момента, когда первый красный глазокъ инфузоріи впервые началъ отличать свѣтлое отъ темнаго“. (О границахъ познанія природы, стр. 8, переводъ подъ ред. С. И. Ершова. 1901). Итакъ „красный глазокъ“ отличаетъ „свѣтлое“ отъ „темнаго“ и благодаря этому „свѣтъ“ впервые „появился“. Вѣдь это очень напоминаетъ известное объясненіе снотворнаго дѣйствія опиума. Много-ли существуетъ метафизическихъ системъ, въ которыхъ можно встрѣтить болѣе своеобразныя теоріи, чѣмъ этотъ все еще столь излюбленный фізіологической „идеализмъ“?

библейскаго научное изложеніе, въ которомъ первое появленіе свѣта вообще означаемъ существенную стадію развитія, то это для него отнюдь не пустая забава. Насъ, конечно, занимаетъ то, оказывалось-ли бы возможнымъ и естественно-научно объяснить это историческое событие, которое вѣдь въ достаточной степени охарактеризовано посредствомъ весьма общаго понятія. Очевидно, что этого никогда не могла бы сдѣлать оптика, такъ какъ ея задача состоитъ въ томъ, чтобы установить общія отвлеченныя (begriffliche) отношенія въ предѣлахъ тѣхъ дѣйствительностей, которыя именуются „свѣтомъ“, но ее никогда не занимаетъ то, что свѣтъ есть нѣчто новое по сравненію съ міромъ, въ которомъ нѣтъ свѣта. Но для возникновенія свѣта и не можетъ быть дано чисто механическое объясненіе, такъ какъ наиболѣе общая теорія относительно тѣлъ понимаетъ, правда, какъ одинъ физическій феноменъ превращается въ другой, но ея формуламъ невѣдомо рѣшительно ничего относительно специфическаго качества, именуемаго свѣтомъ. Итакъ, если ставится вопросъ о причинѣ свѣта, т. е. о томъ, благодаря чему свѣтъ возникаетъ изъ состоянія міра, при которомъ не было свѣта, на это не даютъ отвѣта никакой законъ природы и никакое причинное равенство. Тогда понятіе причинности должно стать историческимъ, т. е. свѣтъ и не—свѣтъ должны быть связаны другъ съ другомъ посредствомъ нѣкотораго причиннаго неравенства. На такъ будемъ всюду, гдѣ какой либо рядъ стадій развитія трактуется такъ, что при этомъ имѣется въ виду то новое, которое возникаетъ, подъ какое бы общее понятіе ни подводилось это новое и намъ нѣтъ надобности еще обстоятельно примѣнять найденный принципъ къ историческому второму порядку, т. е. къ химическимъ процессамъ. Само собою разумѣется, что, если бы химія имѣла въ виду не устанавливать общія отвлеченныя (begriffliche) отношенія въ предѣлахъ химическаго, но поставить вопросъ объ однократномъ процессѣ становленія, въ которомъ дѣло дошло до осуществленія нынѣ оказывающихся на лицо химическихъ веществъ, всѣ ея понятія сохранили бы, правда, общее содержаніе, однако однократный процессъ становленія напротивъ того не могъ бы быть подведенъ ни подъ какой законъ, дѣлающій понятнымъ, что возникли именно эти и отнюдь не иныя вещества. Итакъ мы ограничиваемся выясненіемъ отношенія біологіи къ исторической наукѣ.

Если мы должны были обращаться къ библейской исторіи творе-

нія для того, чтобы показать на примѣрѣ, какъ общее понятіе „свѣтъ“ можетъ входить въ нѣкоторую историческую связь, то, въ качествѣ примѣра историческаго изложенія однократнаго процесса становленія оказывается на лицо „natürliche Schöpfungsgeschichte“¹⁾. Историческій характеръ такихъ изслѣдованій обнаруживается прежде всего въ томъ, что, такъ какъ тѣ процессы, которые должны быть трактуемы, очень далеко отстоятъ другъ отъ друга во времени, всюду становится ощутительна неполнота матеріала. Ничто не освѣдомляетъ насъ о первомъ появленіи органическаго вообще и мы, конечно, никогда не получимъ отвѣта и на вопросъ о томъ, какъ живое нѣкогда возникло изъ безжизненнаго. И даже еслибы мы могли еще теперь наблюдать такое возникновеніе и совершенно разрѣшили бы естественно-научную проблему, возникшее благодаря этому понятіе было бы слишкомъ общимъ для того, чтобы что либо сообщать намъ относительно перваго историческаго возникновенія жизни. Равнымъ образомъ и тѣ источники, которые могли бы сообщить намъ объ особливомъ характерѣ болѣе позднихъ формъ органической жизни, въ значительной степени погибли и поэтому историческій рядъ стадій развитія всюду представляетъ значительные пробѣлы для нашего познанія.

Но допустимъ даже, что удалось преодолѣть трудности, вытекающія изъ недостатка въ матеріалѣ, и что удалось реконструировать историческій рядъ стадій развитія, могущій претендовать на научную обязательность, такимъ образомъ, какъ Геккель реконструировалъ „животный

¹⁾ Само собою разумѣется, что лишь заглавіе извѣстной книги Геккеля (9 Aufl. 1898) подходит подъ понятіе въ логическомъ смыслѣ историческаго изложенія. Тотъ фактический матеріалъ, который требуется для исторіи органической жизни, можетъ быть открываемъ лишь на основаніи общихъ теорій и поэтому во всякомъ исторически-біологическомъ изложеніи встрѣчается очень много разсужденій, оперирующихъ съ общими понятіями. И если эти теоріи сами впервые вырабатываются въ томъ трудѣ, который ставитъ своей задачей историческое изложеніе, то историческое изложеніе однократнаго развитія иногда повидимому совершенно отстаетъ на задній планъ. Однако здѣсь естественно-научный аппаратъ слѣдуетъ понимать логически какъ средство, благодаря которому историческій матеріалъ долженъ быть извлеченъ изъ источниковъ и логически его слѣдуетъ ограничивать отъ изложенія однократнаго ряда стадій развитія, въ какой бы тѣсной связи ни находился онъ съ послѣднимъ фактически.

рядъ предковъ человѣка“. Развѣ тогда возникновеніе одной исторической стадіи изъ другой могло бы быть понимаемо какъ необходимое благодаря естественно-научной связи двухъ понятій, или развѣ можно было бы установить законъ развитія для всего процесса становленія? Стоитъ только поставить этотъ вопросъ, чтобы знать, что на него надлежитъ дать отрицательный вопросъ. Какойнибудь „законъ развитія“ всегда можетъ заключать въ себѣ лишь то, что повторяется въ нѣкоторомъ множествѣ рядовъ стадій развитія, но отнюдь не связать другъ съ другомъ двѣ стадіи одного однократнаго развитія, при разсмотрѣніи которыхъ имѣется въ виду то, что новаго и еще не существовавшаго содержитъ въ себѣ болѣе позднее по сравненію съ болѣе раннимъ. Итакъ, хотя и можно, пожалуй, понять естественно-научно, какъ изъ какаго либо рода возникаетъ и долженъ возникать другой родъ, но законъ, показывающій, что изъ амѣбъ должны возникать именно организмы стадіи *Moraea*, изъ организмовъ стадіи *Moraea* именно организмы стадіи *Blastaea*, есть логическая бессмыслица. Біологическіе законы должны быть примѣнимы ко всѣмъ такимъ превращеніямъ и поэтому въ нихъ не можетъ содержаться ничего такого, что свойственно лишь однократному историческому развитію организмовъ стадіи *Moraea* изъ амѣбъ или организмовъ стадіи *Blastaea* изъ организмовъ стадіи *Moraea*.

Итакъ и предположеніе, согласно которому историческая наука оперируетъ со столь же общими понятіями, какъ историческая біологія, нисколько не измѣняетъ логической невозможности найти „историческіе законы развитія“. Напротивъ того, и въ этомъ понятіи, какъ въ понятіи объ историческомъ законѣ вообще, содержится *contradictio in adjecto*. Различныя біологическія стадіи развитія утратили бы свою относительную индивидуальность благодаря подведенію ихъ подъ нѣкоторое понятіе закона, какъ утрачиваетъ свою индивидуальность при такомъ подведеніи абсолютно-историческое. Вслѣдствіе того, что при этомъ относительно историческое само образуетъ содержаніе нѣ котораго общаго понятія, благодаря которому подводимые подъ него индивидуумы понимаются естественно-научно, само оно отнюдь не перестаетъ быть непонятнымъ. Итакъ даже если мы разсматриваемъ исторію человѣчества какъ простое лишь продолженіе исторіи организмовъ, она должна отказаться отъ образованія законовъ развитія¹⁾.

¹⁾ Для того, чтобы принять въ соображеніе всякое мыслимое возвра-

Однако, если мы поставим вопрос о томъ, что собственно понимаетъ естественно-научно исторія развитія органической жизни, не только опять выясняются границы естественно-научнаго образования понятій, но и возможно показать, что историческая биологія представляетъ даже положительные признаки историческаго метода. Въ особенности у Геккеля рядъ стадій развитія явственно имѣетъ характеръ исторически-телеологической связи, поскольку онъ приводитъ къ человѣку, и притомъ человѣкъ разсматривается здѣсь не только какъ естественно-научный родъ, но и какъ „высшая“, т. е. наиболѣе цѣнная ступень органической жизни. Существенно прежде всего возникновеніе жизни вообще. Она появляется въ видѣ „монерь“, понятіе которыхъ состоитъ изъ того, что свойственно органическому въ противоположность неорганическому. Составныя части этого понятія сочетаются воедино благодаря тому, что въ нихъ находятъ выраженіе особливости живого въ противоположность безжизненной матеріи. За монерами, какъ вторая ступень „рядъ предковъ человѣка“, слѣдуютъ амѣбы, которыя благодаря ихъ индивидуальной особливости приобрѣтаютъ значеніе по сравненію съ монерами постольку, поскольку ихъ „цѣнность формы“ („Formwerth“) уже эквивалентна яйцу человѣка. Затѣмъ идутъ организмы стадіи

женіе, слѣдуетъ прибавить еще одно замѣчаніе относительно „биогенетическаго закона“. Если бы онтогенетисъ дѣйствительно представлялъ собой резюме филогенезиса, то для филогенезиса долженъ былъ бы имѣть силу тотъ же самый законъ, подъ который надлежитъ подводить развитіе всякаго единичнаго организма и тогда благодаря этому оказывался бы открытымъ законъ и для однократнаго развитія. Однако это показываетъ отнюдь не ошибочность нашей теоріи, но то, что совсѣмъ нельзя говорить о дѣйствительномъ резюме филогенезиса и что биогенетическій основной законъ отнюдь не есть „законъ“ въ строгомъ смыслѣ слова. Вѣдь въ противномъ случаѣ мы могли бы просто воспроизвести по эмбриональному развитію любого организма полный рядъ его предковъ со всѣми переходными и промежуточными ступенями и тогда не только сразу оказывалась бы готовой историческая биологія, но и можно было бы изучать на каждомъ человѣкѣ духовную жизнь всѣхъ тѣхъ животныхъ и человѣческихъ родовъ отъ которыхъ онъ происходитъ. Впрочемъ и биологами биогенетическій основной законъ вовсе не признается „закономъ“. Чтобы ориентироваться относительно этого вопроса, для меня было особенно цѣнно сочиненіе Ф. Кейбеля, *Das biogenetische Grundgesetz und die Cenogenese. Ergebnisse der Anatomie und Entwicklungsgeschichte. Bd. VII, S. 722. ff.*

„Могаеа“, которыя опять имѣютъ новую „цѣнность формы“ и т. д. и т. д. Итакъ послѣдующая стадія характеризуется тѣмъ телеологически новымъ, что есть у нея по сравненію съ предыдущей стадіей и притомъ отчасти специально имѣется въ виду то, чѣмъ рядъ шагъ за шагомъ приближается къ человѣку. Весьма характерно такъ же, что, такъ какъ въ оказывающемся на лицо матеріалѣ между послѣднею и третью съ конца ступеню ряда предковъ имѣется пробѣлъ, здѣсь конструируется понятіе изъ признаковъ, которые опять таки постольку комбинируются въ телеологическое единство, поскольку для того, чтобы установить историческую непрерывность между животнымъ и человѣкомъ должны были существовать организмы, индивидуальность которыхъ была именно такова.

Наконецъ, что касается „объективности“ руководящихъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности, это изложеніе предполагаетъ, что всѣмъ придають тѣмъ процессамъ, которыми обусловлено происхожденіе человѣка, историческое значеніе и слѣдовательно, коль скоро полагають, что человѣкъ мало по мало произошелъ изъ животныхъ формъ, историческій интересъ въ самомъ дѣлѣ можетъ распространиться и на „предварительную исторію“ человѣка. Поэтому, хотя въ частностяхъ мнѣнія о научной цѣнности такихъ изслѣдованій будутъ весьма расходиться, вслѣдствіе недостовѣрности фактическаго матеріала, однако съ логическихъ точекъ зрѣнія въ принципѣ не можетъ быть оспариваемо исторически-научная правомѣрность исторической биологіи. Развѣ что то обстоятельство, что весь рядъ стадій развитія не только относится къ нѣкоторой цѣнности и расчленяется благодаря подчеркиванію существенныхъ стадій, но что дѣлается попытка и прямо оцѣнивать эти стадіи по отношенію къ тому, что онѣ доставляютъ для развитія человѣка, и, такимъ образомъ, разсматривать цѣлый рядъ въ тоже время и какъ „прогрессъ“, могло бы нарушать историческій характеръ этого изложенія, однако и это въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, поскольку это не уничтожаетъ противоположности естествознанію. Понятіе прогресса всегда уже предполагаетъ понятіе телеологическаго ряда стадій развитія и поэтому въ немъ содержится не слишкомъ мало, но слишкомъ много для того, чтобы оно было историческимъ. Поэтому его примѣненіе должно лишь еще болѣе отдалять историческую биологію отъ естествознанія. Впрочемъ люди, конечно, всегда будутъ усматривать въ пути, ведущемъ отъ монерь къ нимъ самимъ, прогрессъ и поэтому произво-

д имея историческою біологіей прямая оцѣнка и не будетъ производить на нихъ впечатлѣніе чего то произвольнаго.

Однако, если мы отвлечемся отъ мысли о прогрессѣ, въ исторической біологіи мы имѣемъ типическій примѣръ науки, сплошь оперирующей съ относительно историческими понятіями и излагающей съ помощью ихъ однократный ходъ развитія, объединяющійся по отношенію къ общепризнанной цѣнности въ единственное въ своемъ родѣ и единое цѣлое или историческаго индивидуума. Поэтому и разрабатываемая согласно ея методу исторія людей, которая, конечно, до сихъ поръ еще не существуетъ, должна совершенно подходить подъ наше понятіе объ историческомъ изложеніи. Благодаря этому разрѣшается и третій вопросъ, вытекавшій изъ наличности относительно историческихъ понятій, и, слѣдовательно, опровергнуты всѣ упомянутыя возраженія, сводившіяся къ тому, что благодаря относительно историческимъ понятіямъ уничтожается принципиальное методологическое различіе между естествознаніемъ и исторіей.

Несмотря на это, значеніе естественно научныхъ составныхъ частей въ исторической наукѣ все еще не вполне выяснено. До сихъ поръ мы продолжали держаться предположенія, согласно которому исторія имѣетъ съ однократнымъ процессомъ развитія какъ таковымъ и это было необходимо постольку поскольку цѣлое, трактуемое во всякомъ историческомъ изложеніи, должно быть чѣмъ то однократнымъ. Можно было также сказать, что лишь „последнее“ историческое цѣлое, напр. культурное человечество по понятію своему есть нѣчто однократное и поэтому должно быть рассматриваемо какъ абсолютно индивидуальный процессъ становленія. Однако исторія должна отказываться отъ изображенія этого цѣлаго и въ такомъ случаѣ изображать лишь его части, т. е. развитія различныхъ культурныхъ народовъ такимъ образомъ, чтобы они сравнивались другъ съ другомъ въ отношеніи того, что у нихъ есть общаго. Такимъ образомъ все же приходили бы къ общему понятію развитія культуры и пожалуй къ закону развитія культуры, содержащими въ себѣ „типическій“ для всѣхъ народовъ т. е. средній процессъ становленія и въ такомъ случаѣ благодаря этому былъ бы открытъ и искомый законъ исторіи.

Само собою разумѣется, что нельзя отрицать этой логической возможности, но только слѣдуетъ опасаться, что, если бы исторія

пожелала ограничиться этой задачей, никто не называлъ бы ее исторіей такъ какъ тогда она вѣдь уже не могла бы повѣствовать о томъ, что было у грековъ иначе чѣмъ у нѣмцевъ, у французовъ иначе чѣмъ у англичанъ, и вѣдь еще никто не пытался написать „исторію“ въ этомъ смыслѣ. То, что получалось бы при этомъ оказывалось бы общественною наукою или „соціологіей“.

Однако, скажутъ, это и не имѣетъ такого смысла. Законъ развитія можетъ служить лишь общей рамкой для изображенія индивидуальнаго, но, несмотря на это, онъ продолжаетъ имѣть очень большое значеніе. Онъ даетъ точку зрѣнія для выбора и расчлененія матеріала и благодаря этому доставляетъ естественно-научную базу и для изображенія однократнаго ряда стадій развитія. Въ особенности „естественныя“ эпохи общаго закона развитія должны въ такомъ случаѣ совпадать съ историческими эпохами народовъ и такимъ образомъ хотя и благодаря установленію историческаго закона и не исчерпывалась бы работа исторіи, однако на нее покрайней мѣрѣ переходило бы нѣчто изъ того достоинства, которое свойственно понятіямъ, строяемымъ естествознаніемъ.

Конечно, въ томъ, что принимаются въ соображеніе такія возможности, заключается единственный логически свободный отъ противорѣчій смыслъ многократныхъ усилій, клонящихся къ тому, чтобы приблизить историческую науку къ наукѣ формулирующей законы. Однако, даже если бы достигнута была вышеуказанная цѣль, исторія еще не обращалась бы благодаря этому въ естествознаніе, но вѣдь что получалась бы естественно-научная философія исторіи, а потому мы будемъ обсуждать вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли можно естественно-научнымъ путемъ достигнуть установленія общаго закона развитія культуры, лишь въ последней главѣ. Мы упомянули о понятіи о такихъ законахъ развитія уже теперь лишь потому, что все еще можетъ казаться, будто они могутъ играть роль уже и тогда, когда излагаются однократные индивидуальные процессы становленія.

Вѣдь если для исторіи нѣтъ надобности при разсмотрѣніи какого либо народа въ его особенности подводить всѣ его части подъ абсолютно историческія понятія, то повидимому логически возможно, что извѣстные члены индивидуальнаго процесса становленія становятся исторически существенными именно въ отношеніи того, въ чемъ состоитъ историческая сущность извѣстныхъ членовъ другихъ инди-

видуальныхъ процессовъ народнаго развитія и тогда въ историческое изложеніе всетаки входили бы понятія, не только оказывающіяся относительно историческими въ вышеуказанномъ смыслѣ, но въ то же время и содержащія въ себѣ лишь то, что обще опредѣленнымъ частяхъ нѣсколькихъ индивидуальныхъ рядовъ стадій развитія. Такъ напр. рабочія движенія у различныхъ народовъ могли бы быть подведены подъ одно общее понятіе, которое несмотря на это давало бы историческое изложеніе, достаточное для всѣхъ случаевъ, такъ какъ въ нихъ исторически существеннымъ всюду оказывается одно и то же и, если обращать вниманіе лишь на эти частичныя развитія, то ихъ можно было бы пожалуй представить и такимъ образомъ, что между понятіями объ ихъ различныхъ стадіяхъ возникаетъ естественно-необходимая связь. Мыслимо было бы напр., что въ нѣсколькихъ случаяхъ вслѣдъ за нѣкоторымъ соціально революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически существеннымъ лишь тѣмъ, что у него есть общаго съ соціально-революціоннымъ рабочимъ движеніемъ въ другихъ процессахъ народнаго развитія, возникаетъ извѣстная организація рабочихъ и что у другихъ народовъ равнымъ образомъ, какъ слѣдствіе, появляются такія организаціи, исторически исчерпывающее изображеніе которыхъ подходитъ подъ то же самое относительно историческое понятіе. Тогда можно было бы сказать, что здѣсь существуетъ естественно-необходимая связь между двумя относительно историческими понятіями и можно было бы установить законъ относительно связи соціально-революціонныхъ движеній съ рабочими организаціями. Не вытекаетъ ли отсюда новой проблемы?

Неоднократно пытались устанавливать такого рода законы для массовыхъ движеній. Намъ здѣсь не занимаетъ вопросъ о вѣрности ихъ со стороны ихъ содержанія, такъ какъ достаточно того, что въ нихъ не содержится никакого логическаго противорѣчія и дѣло идетъ лишь о томъ, дѣйствительно-ли исторія можетъ усматривать подлинную свою задачу въ ихъ установленіи, и имѣемъ ли мы право говорить при этомъ объ «историческихъ законахъ».

Рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что подъ такіе общіе законы, содержащіе въ себѣ ихъ существенные элементы, могутъ быть подводимы всегда лишь части нѣкотораго однократнаго ряда стадій развитія, такъ какъ цѣлое нѣкотораго историческаго народнаго развитія никогда не станетъ существеннымъ лишь благодаря тому, что у него есть общаго съ другими развитіями. А эти ча-

сти мы всегда можемъ изолировать лишь отвлеченно (begrifflich). Фактически онѣ всегда находятся въ нѣкоторой исторической связи съ другими частями и притомъ и съ такими, которыя исторически существенны благодаря ихъ единственности въ своемъ родѣ, а потому и для исторіи невозможно мыслить себѣ допускающія естественно-научное пониманіе части нѣкотораго ряда стадій развитія, напр. извѣстные хозяйственно-историческіе процессы, имѣющими мѣсто такимъ образомъ, чтобы онѣ продолжительно не подвергались никакимъ существеннымъ воздѣйствіямъ со стороны тѣхъ объектовъ, которые какъ политическія событія, подходятъ подъ абсолютно-историческія понятія. Историкъ долженъ обращать вниманіе и на эти индивидуальные воздѣйствія, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ благодаря примѣненію общихъ выражаемыхъ въ понятіяхъ связей упустить изъ виду исторически существенныя различія въ различныхъ рядахъ стадій развитія. Итакъ, если иной разъ нѣкоторая часть нѣкотораго ряда стадій развитія дѣйствительно втеченіе длиннаго промежутка становится существенной для историческаго изложенія лишь тѣмъ, что у нея есть общаго съ частями другихъ рядовъ стадій развитія, это съ логическихъ точекъ зрѣнія опять таки случайно и слѣдовательно на этомъ нельзя основывать никакихъ методологическихъ основоположеній.

И мы даже должны идти еще далѣе. Даже тамъ, гдѣ для выраженія историческихъ связей примѣнимы общія понятія, все таки нельзя говорить объ историческихъ законахъ, такъ какъ такіе законы заслуживали бы этого имени лишь въ томъ случаѣ, еслибы они дѣйствительно содержали въ себѣ все исторически существенное. Но историка всегда должно интересовать и то, почему въ извѣстныхъ частяхъ развитія можно констатировать такой ходъ событій, который, несмотря на значительное многообразіе чисто индивидуальныхъ историческихъ воздѣйствій, во всѣхъ исторически существенныхъ составныхъ частяхъ оказывается одинаковымъ съ нѣкоторымъ другимъ историческимъ процессомъ становленія, на который оказываютъ дѣйствіе совершенно иныя индивидуальные обстоятельства, т. е. именно одинаковости будутъ оказываться для исторіи бросающимся въ глаза и необычнымъ и будутъ требовать объясненія. Поэтому для установленія ихъ историческихъ причинъ историкъ всегда долженъ будетъ особенно тщательно вникать въ индивидуальное своеобразіе различныхъ рядовъ стадій развитія и слѣдовательно иног-

да могущія быть образуемыми естественно-научныя общія понятія и законы массовыхъ движеній дѣйствительно имѣютъ историческое значеніе лишь въ тѣснѣйшей связи съ изложеніемъ абсолютно историческихъ индивидуальныхъ процессовъ.

Въ непосредственной связи съ этимъ мы можемъ, наконецъ, формулировать и наше отношеніе къ вызывавшему много споровъ вопросу о томъ, въ состояніи ли исторія сказать что либо относительно будущаго. Важно выяснитъ себѣ, что эта проблема находится въ тѣсной связи съ проблемой исторіи какъ науки, формулирующей законы, такъ какъ, если бы существовали историческіе законы, исторія должна была бы быть въ состояніи не только понять прошлое, но и заранѣе предвидѣть будущее.

И естественно-научному мышленію абсолютно недоступно всякое познаніе индивидуальности какого нибудь будущаго событія, т. е. мы всегда можемъ знать напередъ лишь то, что наступятъ событія, которыя подходятъ, какъ экземпляры, подъ то или иное общее понятіе, но остается навсегда неизвѣстно, какія индивидуальныя особенности они будутъ имѣть. Мы знаемъ, что вишневое дерево зацвѣтетъ весной и на немъ появятся цвѣты лѣтомъ, т. е. появятся объекта, подходящіе подъ общія понятія о вишневыхъ цвѣтахъ и вишняхъ, но никакая наука не освѣдомляетъ насъ о томъ, чѣмъ отдѣльные цвѣты и плоды отличаются другъ отъ друга. Итакъ тотъ видъ, который будетъ имѣть абсолютно историческое даже ближайшихъ часовъ, принципиально непознаваемъ. И въ повседневной жизни мы ориентуруемся всегда лишь благодаря примѣненію общихъ понятій и можетъ предсказывать лишь будущее появленіе ихъ экземпляровъ.

Итакъ въ исторіи нѣкоторое знаніе относительно будущности мыслимо лишь постольку, поскольку она подходитъ подъ относительно историческія понятія. Однако и это знаніе не давало бы намъ ничего кромѣ совершенно не надежныхъ предположеній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не способны оказывать при посредствѣ нашей воли вліяніе на ходъ событій и слѣдовательно извѣстнымъ образомъ изолировать его, какъ естественный экспериментъ изолируетъ вещи. Даже если бы можно было примѣнять тѣ понятія законовъ, которыя могутъ иногда встрѣчаться въ какомъ либо историческомъ изложеніи, и тогда говорить о „тенденціяхъ развитія“, все таки вслѣдствіе реальной исторической связи различныхъ событій всегда получалась бы

лишь возможность того, что наступитъ опредѣленное событіе, подходящее подъ нѣкоторое относительно историческое понятіе. Абсолютно не допускающее предвидѣнія воздѣйствіе какихъ либо другихъ историческихъ объектовъ всегда можетъ нарушить „тенденцію развитія“ и поэтому исключаетъ всякую достовѣрность предсказанія ¹⁾.

При всемъ этомъ и такія чаемыя (zu erwartenden) возможности, не выполнѣ лишены значенія, разъ только онѣ не признаются исторически—научными прозрѣніями или даже подлинною цѣлью исторіи, поколь скоро онѣ оказываютъ вліяніе на нашу волю и побуждаютъ насъ дѣйствовать для ихъ осуществленія и отсюда понятно, почему исторію изучаютъ и практическіе дѣятели, чтобы чему либо научиться изъ нея. Но именно то, что должно побуждать наше хотѣніе и дѣйствованіе, должно оставаться всего лишь возможностью для нашего интеллекта. Если бы мы могли дѣйствительно предвидѣть будущее въ его индивидуальности, и если бы мы, стало быть, точно знали, что должно наступить, все хотѣніе и дѣйствованіе тотчасъ утратило бы смыслъ. Итакъ мы имѣемъ основаніе только радоваться тому, что не существуетъ никакихъ историческихъ законовъ. Ирраціональность дѣйствительности, полагающая предѣлъ всякому естественно-научному пониманію, принадлежитъ въ то же время къ числу

¹⁾ Я только что прочелъ энергической протестъ и одного экономиста противъ пользующейся популярностью среди иныхъ историковъ хозяйственного быта мысли о научномъ познаніи будущаго, которое будто бы должно было бы вытекать изъ „историческихъ законовъ“ какъ необходимое послѣдствіе. Г. Ф. Шульце-Гевеверницъ говоритъ (въ „Zeit“ 16-го Окт. 1901-го года).

„Вѣдь одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній нашей исторической школы состоитъ въ познаніи исторіи хозяйственного быта какъ неотдѣлимой части общей исторіи, политической и духовной, съ которыми ее соединяютъ тѣснѣйшія взаимоотношенія. Но,—относительно этого всякій согласится со мной, совершенную бессмыслицу представляла бы собой „общая исторія будущаго“. Эта послѣдняя зависитъ отъ тѣхъ людей, которые будутъ творить ее. Въ особенности успѣхи и неудачи нашего экономическаго развитія будутъ зависѣть отъ добросовѣстности дальновидности тѣхъ людей, которые руководятъ политическою исторіей Германіи“. Эти слова тѣмъ болѣе вѣсски, что они исходятъ отъ чловека, который прежде покрайней мѣрѣ не былъ вполне чуждымъ наклонности вѣровать въ историческіе законы и предсказывать будущность экономическаго развитія.

высочайшихъ благъ для того, кто, всегда стремясь, дѣлаетъ усилія. Рука, покрывшая будущее непроницаемой для насъ, людей, завѣсой, милостива. Если бы и будущее въ его индивидуальности было объектомъ нашего знанія, оно никогда не оказывалось бы объектомъ нашего хотѣнія. Въ совершенно рациональномъ мірѣ никто не можетъ дѣйствовать.

Оглянемся еще разъ назадъ. Логическое своеобразіе какой нибудь эмпирической науки должно быть понимаемо изъ того отношенія, въ которомъ содержаніе ея понятій находится къ эмпирической дѣйствительности. Фундаментальное различіе между естествознаніемъ и исторіей заключается въ томъ, что первое образуетъ понятія, имѣющія общее содержаніе, а послѣдняя—понятія, имѣющія индивидуальное содержаніе. Но это не означаетъ, что частное не имѣетъ никакого значенія для естествознанія и общее—для исторической науки, такъ какъ не только понятія общаго и частнаго относительны, но наука вообще невозможна безъ общихъ понятій. Однако неопредѣленная формулировка, гласящая, что исторія нуждается въ общемъ, еще ничего не говоритъ объ ея методѣ и менѣе всего можно оправдать этимъ мысль о нѣкоемъ универсальномъ методѣ. Вѣдь во первыхъ общее не всегда означаетъ то же самое что понятіе съ общимъ содержаніемъ, а затѣмъ и при примѣненіи общихъ понятій дѣло идетъ о томъ, какое положеніе занимаютъ они въ цѣломъ науки. Поэтому мы должны разграничивать четыре слѣдующихъ вида общаго въ исторіи.

Во первыхъ элементы всѣхъ научныхъ понятій оказываются общими, но лишь естествознаніе образуетъ изъ нихъ такія понятія, которыя сами оказываются общими, между тѣмъ какъ исторія комбинируетъ ихъ въ понятія, имѣющія индивидуальное содержаніе. Во вторыхъ исторія можетъ изображать не всѣ индивидуумы, но лишь существенные по отношенію къ нѣкоторой общей цѣлности, однако благодаря отнесенію къ ней. если не дѣлается общимъ, содержанія понятій, но общее значеніе историческихъ объектовъ связано именно съ ихъ индивидуальностью. Въ третьихъ историческая наука никогда не рассматриваетъ индивидуумовъ изолированно, но въ нѣкоторой общей связи, однако эта послѣдняя опять таки отнюдь не есть понятіе, имѣющее общее содержаніе, но сама она есть индивидуальная дѣйствительность и включеніе индивидуума въ цѣлое, къ которому онъ принадлежитъ, не должно быть смѣниваемо съ подведеніемъ его подъ

нѣкоторое общее понятіе. Итакъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ нельзя даже говорить объ естественно-научныхъ составныхъ частяхъ въ предѣлахъ нѣкоторой исторической связи мыслей.

Лишь въ четвертомъ и послѣднемъ случаѣ, когда исторія объединяетъ нѣкоторую группу индивидуумовъ такимъ образомъ, что каждый единичный индивидуумъ принимается за имѣющей одинаковое значеніе, она образуетъ общія по содержанію понятія, но и въ этомъ случаѣ она не примѣняетъ естественно-научнаго метода, такъ какъ эти относительно-историческія понятія не имѣютъ цѣлью выражать общую „природу“ подводимыхъ подъ нихъ объектовъ, но ихъ содержаніе должно выражать историческую индивидуальность нѣкоторой группы объектовъ, которые всѣ становятся исторически существенными благодаря однѣмъ и тѣмъ же чертамъ. Итакъ это понятія историческія, не только постольку, поскольку ихъ общее содержаніе есть нѣчто особенное по сравненію съ какимъ либо еще болѣе общимъ содержаніемъ и рассматривается спеціально со стороны этой особенности, но и постольку, поскольку посредствомъ нѣкотораго теологическаго принципа связуются въ нѣкоторое единство именно данныя составныя части, а не другія ¹⁾.

¹⁾ Очень важное для развиваемыхъ здѣсь мыслей понятіе объ относительно историческомъ неоднократно вызывало недоразумѣнія. Надѣюсь, что разъясненія, данныя въ этомъ отдѣлѣ, въ которомъ я не боялся повторять нѣкоторые изъ содержащагося въ третьей главѣ, окажется пригоднымъ для выясненія того, что я имѣю въ виду. Къ сожалѣнію я ознакомился съ наиболѣе обстоятельными возраженіями противъ этой части моей теоріи лишь тогда, когда четвертая глава была уже совершенно закончена въ рукописи. Эти возраженія находятся у О. Риччелли. Die Kausalbetrachtung in den Geisteswissenschaften, 1901. Я желалъ бы указать по крайней мѣрѣ еще на одинъ пунктъ. Риччелли говоритъ: двучленная противоположность, съ которою постоянно оперируетъ Риккертъ, должна быть замѣнена трехчленнымъ рядомъ, крайними членами котораго служатъ понятія: Законъ индивидуумъ, тогда какъ промежуточное положеніе мѣжду ними занимаетъ понятіе типа, раздѣляющее съ индивидуумомъ особенность, съ закономъ общность, и постольку пригодное какъ разъ для роли посредника между тѣмъ и другимъ. „Я не могу признать, что это положеніе по существу дѣла противорѣчитъ развитымъ мною мыслямъ.—Правда я избѣгалъ слова, „типъ“ вслѣдствіе его двусмысленности, но развиваемое въ третьей главѣ понятіе объ относительно историческомъ служило именно для того, чтобы играть роль промежуточнаго члена между крайностями абсолютно общаго и абсолютно индивидуальнаго. Итакъ уже тамъ оказывается на лицо, требуемый Риччелли трехчленный рядъ. Но теперь

Итакъ, хотя никакая наука и не возможна безъ помощи общаго, принципиальное логическое различіе между естествознаніемъ и историческою наукою все же остается неприкосновеннымъ. Правда въ обоихъ ихъ путь проходить то чрезъ частное, то чрезъ общее, но цѣлью естествознанія всегда служить изображеніе болѣе или менѣе общаго, цѣлью исторической науки — изображеніе болѣе или менѣе индивидуальнаго. Всѣ переходы и промежуточные формы не могутъ ничего измѣнить въ противоположности этихъ двухъ тенденцій. Но для того, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія относительно принципиальнаго значенія, свойственнаго указаннымъ границамъ естественно-научнаго образованія понятій, достаточно выяснитъ эту противоположность. Этимъ мы можемъ закончить наше изслѣдованіе о чисто логическихъ формахъ исторической науки и ея отношеніи къ чисто логическимъ формамъ естествознанія.

VII.

Историческая наука и наука о духѣ.

Тѣмъ не менѣе это еще не все. Кромѣ логическихъ различій существуютъ и матеріальныя различія и возникаетъ вопросъ о томъ, можно-ли—и если да, то въ какой мѣрѣ обнаружить между ними связь, имѣющую методологическое значеніе. Лишь зная это, мы получимъ и предметное понятіе исторіи, которое должно оказаться уже того, которое было установлено до сихъ поръ, и которое мы

онъ обратился даже въ четырехчленный, такъ какъ понятія, имѣющія относительно историческое или относительно общее содержаніе, что, пока они разсматриваются только со стороны ихъ содержанія, сводится къ одному и тому же, могутъ выполнять двѣ различныя цѣли и поэтому ихъ элементы могутъ быть сочетаемы посредствомъ двухъ различныхъ принциповъ единства, смотря потому, выражаютъ-ли они относительно общую „природу“ подходящихъ подъ нихъ экземпляровъ нѣкотораго особаго рода, или относительно особливую индивидуальность исторически существенныхъ благодаря общимъ ихъ свойствамъ членовъ нѣкоторой опредѣленной группы. Тогда всякое естественно-научное всякое историческое понятіе, какъ бы общимъ или какъ бы индивидуальнымъ ни оказывалось оно по своему содержанію, находитъ свое мѣсто въ этомъ четырехчленномъ ряду.

тогда, наконецъ, сможемъ привести въ связь съ тѣмъ, что привыкли разумѣть подъ исторической наукой.

Изъ матеріальныхъ различій объектовъ, насъ уже занимала противоположность между природой и духомъ, да она и болѣе всего бросается въ глаза: исторія трактуетъ, главнымъ образомъ, духовные процессы. Конечно, когда приходится слышать о „материалистическомъ пониманіи исторіи“ могло бы показаться, что это подвергается сомнѣнію. Однако, фактически это пониманіе не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о томъ, физическими или же психическими оказываются историческіе объекты. Даже если бы было вѣрно, что всѣ историческія движенія опредѣляются „материальными“ интересами, т. е. стремленіемъ къ тѣмъ вещамъ, благодаря которымъ сохраняется и поддерживается тѣлесное существованіе, то все же стремленія, направленные на „материальныя блага“, сами всегда суть волевые акты, стало быть психическіе процессы, и о нихъ придется трактовать и материалистической исторіографіи.

Какое же значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что главнымъ предметомъ исторіи служитъ душевная жизнь, для методологическихъ проблемъ? Такъ какъ первоначальное понятіе объ историческомъ вытекало лишь изъ понятія о предѣлахъ, существующихъ для естественныхъ наукъ, то съ логическихъ точекъ зрѣнія, мы прежде всего должны были совершенно отвергнуть для исторіи характеристику ея какъ науки о духѣ, и различіе между духомъ и тѣломъ повидимому не касается также и телеологически-историческаго образованія понятій. Вѣдьмы могли получить наиболѣе обширное понятіе историческаго индивидуума при противопоставленіи другъ-другу двухъ тѣлъ, чтобы затѣмъ показать, что оно можетъ быть перенесено и на духовные индивидуумы, при чемъ нѣтъ надобности, чтобы при этомъ присоединилось что либо принципиально новое, и въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы намѣренно развивали логическіе принципы, не принимая въ соображеніе предметныхъ особенностей психическаго ¹⁾.

Не смотря на это, мы должны теперь обратить вниманіе и на то обстоятельство, что фактически историческія науки имѣютъ дѣло,

¶ Конечно, при приведеніи примѣровъ неизбежно было говорить объ изображеніи человѣческой душевной жизни, но изъ этого никогда не вытекало, чтобы какое нибудь логическое понятіе, при образованіи котораго мы пользовались примѣрами, было примѣнимо лишь къ изображеніямъ психическаго бытія.

главнымъ образомъ, съ духовными процессами, такъ какъ отсюда вытекаютъ еще два вопроса. Могутъ-ли изъ этого факта быть выведены еще дальнѣйшія особенности историческаго метода, которыя до сихъ должны были оставаться незамѣченными, и, еслибы пришлось дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, оказывается ли преобладаніе психическаго въ историческомъ матеріалѣ логически чисто случайнымъ, или же оно можетъ быть понято изъ сущности историческаго образованія понятій? Этотъ второй вопросъ отнюдь не разрѣшается уже вмѣстѣ съ первымъ, такъ какъ, хотя бы понятіе о психическомъ и не было пригодно для того, чтобы выводить изъ него логическія особенности историческаго изложенія, все же остается возможнымъ, что духовная жизнь представляетъ такія особенности, которыя въ болѣе высокой степени, чѣмъ психическое бытіе, требуютъ историческаго изложенія.

Отстаивая тотъ взглядъ, согласно которому изъ понятія о духовномъ нельзя вывести никакихъ новыхъ логическихъ принциповъ, свойственныхъ историческому изложенію, мы, конечно, не упускаемъ при этомъ изъ виду, что существуетъ принципиальное различіе при всякомъ изслѣдованіи духовнаго и тѣлеснаго бытія, и что это принципиальное различіе должно быть принимаемо въ соображеніе и тѣми частями ученія о методѣ, которыя занимаютъ техническими частностями установленія историческаго фактическаго матеріала и его критики. Тѣла даны намъ непосредственно и воззрительно, изъ совокупности же психическихъ процессовъ мы, напротивъ того, знаемъ лишь тѣ, которые входятъ въ собственную нашу душевную жизнь и поэтому у историка, изображающаго какой-либо душевный процессъ, всегда отсутствуетъ непосредственно данный объектъ.

Но развѣ изъ этого вытекаетъ что либо такое, что имѣло бы значеніе для установленія логическаго идеала историческаго изложенія? Мы знаемъ, что для естественно-научнаго трактованія изъ указаннаго различія между психическимъ и физическимъ не вытекаетъ никакихъ отличительныхъ особенностей, такъ какъ задачей какого нибудь естественно-научнаго понятія никогда не служитъ то, чтобы въ него входило индивидуальное многообразіе какого нибудь объекта. Поэтому психологъ, придерживающійся естественно-научныхъ приѣмовъ, можетъ въ своей собственной душевной жизни найти матеріалъ для образованія понятій, имѣющихъ силу для всякой душевной жизни и изъ недоступности чужой душевной жизни для

него возникаютъ трудности развѣ что благодаря тому, что онъ не способенъ производить выключеніе индивидуальнаго, на основаніи непосредственнаго сравненія, но часто лишь посредствомъ сложнаго ряда силлогизмовъ можетъ узнать, общераспространенно-ли или индивидуально то или иное свойство? Но развѣ дѣло не обстоитъ иначе при историческомъ образованіи понятій? Историкъ изображаетъ чужую душевную жизнь именно со стороны индивидуальныхъ особенностей. Итакъ, его вниманіе обращаетъ на себя то, что, какъ бы то ни было, ускользаетъ отъ наблюденія, и поэтому кажется, что историческое трактованіе психическихъ процессовъ въ самомъ дѣлѣ связано съ иными трудностями, чѣмъ тѣ, которыя представляло бы историческое трактованіе тѣлъ. Не должно-ли вслѣдствіе этого и понятіе науки о духѣ все-таки приобрѣтаетъ и логическое значеніе?

По болѣе точномъ ризмотрѣніи, мы дадимъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ во первыхъ тѣ трудности, которыя вытекаютъ для историка изъ недоступности всякой чужой жизни, могутъ становиться ощутительными лишь при процессѣ изысканія и изслѣдованія, и во-вторыхъ, онѣ имѣютъ не иное логическое значеніе, чѣмъ тѣ трудности, которыя всюду могутъ возникать для историка, т. е. онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ факторовъ, которые вытекаютъ изъ неизбѣжнаго для всякой исторіи несовпаденія между матеріаломъ, представляемымъ источниками, и фактическимъ матеріаломъ и стало быть значеніе ихъ не отличается отъ того, которое имѣетъ та неполнота историческаго фактическаго матеріала вообще, которую почти всегда приходится констатировать. Итакъ, когда недоступность чужой жизни вообще характеризовалась какъ существенная для историческаго метода, при этомъ ограничивались однимъ специальнымъ случаемъ, вмѣсто того, чтобы установить общій логическій принципъ, который можетъ и долженъ быть сдѣланъ независимымъ отъ этого specialнаго случая. Такимъ образомъ можно, правда, убѣдительно доказать, что данный опредѣленный историческій фактъ съ приблизительно одинаковымъ правдоподобіемъ можетъ быть объясняемъ двумя исключаящими другъ-друга допущеніями относительно игравшихъ при немъ роль психическихъ процессовъ²⁾, но

¹⁾ См. G. Simmel, Die Probleme der Geschichtsphilosophie, S. 7 ff. Характерно, что тамъ, гдѣ Зиммель, который столь ясно какъ немногіе указалъ на принципиальное различіе между наукой, имѣющей дѣло съ дѣй-

это еще не доказывает, что такія возможности оказываются на лицо лишь при трактованіи психическихъ процессовъ. Онѣ оказываются всюду, гдѣ историкъ знаетъ менѣе, чѣмъ ему хотѣлось бы знать, о тѣхъ процессахъ, о которыхъ онъ намѣренъ трактовать. Итакъ, утверженіе, гласящее, что изъ реконструкціи прошлой душевной жизни для исторической науки возникаютъ задачи, принципиально отличающіяся отъ задачи, состоящей въ томъ, чтобы реконструировать прошлое бытіе вообще, невѣрно. То обстоятельство, что психическая жизнь есть главный предметъ исторіи, имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку оно способствуетъ тому, что логическій идеаль изображенія особливаго и индивидуальнаго, по большей части не можетъ быть достигаемъ даже и приблизительно. Но именно это есть основаніе для того, чтобы въ логическомъ идеальномъ понятіи объ исторической наукѣ оставить въ сторонѣ трудности при установленіи психическихъ фактовъ прошлаго.

Однако мы не можемъ закончить этимъ изложеніе отрицательныхъ соображеній касающихся отношенія между духомъ и исторіей. Вѣдь благодаря подведенію исторической науки подъ понятіе науки о духѣ, возникъ рядъ весьма распространенныхъ заблужденій, касающихся въ особенности отношенія историка къ психологіи и мы должны постараться составить себѣ на основаніи нашихъ принциповъ сужденіе, по крайней мѣрѣ, о важнѣйшихъ и обильнѣйшихъ послѣдствіями изъ нихъ. Прежде всего мы отмѣчаемъ мнѣнія, господствующія въ широкихъ кругахъ, чтобы затѣмъ путемъ ихъ разсмотрѣнія дойти до правильнаго пониманія отношенія историческихъ наукъ къ психологіи.

Многіе принимаютъ за нѣчто абсолютно само собою равнѣю-

ствительностью, и естествознаніемъ, говорить о психологическихъ предпосылкахъ въ историческомъ изслѣдованіи, онъ доходитъ до такихъ утверженій, которыя представляются врядъ-ли согласными съ его собственными мнѣніями. Онъ говоритъ (с. 2): „Если бы существовала психологія какъ наука, формулирующая законы, то историческая наука была бы прикладной психологіей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ астрономія есть прикладная математика“. Или выраженіе „наука, формулирующая законы, употреблено здѣсь лишь для чисто-количественнаго образованія понятій, что не имѣетъ никакого смысла, когда дѣло идетъ о психологіи или—и это правдоподобней—и Зиммель въ данномъ случаѣ не вполне освободился отъ рационалистически-метафизическаго образа мысленія, препятствующаго логическому пониманію исторіи.

щееся, что историкъ долженъ быть „психологомъ“ и, пока подъ психологомъ разумѣютъ лишь человѣка, занимающагося душевными процессами, противъ этого не приходится ничего возражать, такъ какъ приведеніе въ извѣстность историческаго фактическаго матеріала большею частью есть занятіе психическимъ бытіемъ. Однако господствующій взглядъ не останавливается на этомъ, но, согласно ему, историки, правда, всегда были психологами, но психологія ихъ была несистематической и не научной. Такъ должно было обстоять дѣло, пока еще не существовало научной психологіи. Но теперь, когда у насъ имѣется научная психологія, историкъ долженъ будетъ утилизировать ее и въ своей наукѣ. Затѣмъ отсюда вытекаетъ съ одной стороны вѣрованіе въ великое значеніе психологіи и съ другой стороны надежда на неслыханные успѣхи „наукъ о духѣ“. Думаютъ, что науки о духѣ и прежде всего исторія, собственно говоря, гораздо интереснѣе и важнѣе, чѣмъ естественныя науки, но къ сожалѣнію до сихъ поръ онѣ были слишкомъ не „точны“ и поэтому не имѣли въ научной жизни того значенія, котораго онѣ заслуживаютъ вслѣдствіе важности ихъ предметовъ. Надѣются, однако, что это печальное положеніе дѣла скоро измѣнится. Психологія какъ точная наука станетъ всеисцѣляющимъ средствомъ для наукъ о духѣ. Стоитъ только изучать психологію—и все перемѣнится. Наступаетъ новая эпоха наукъ о духѣ. Наибольше цѣнныя для человѣка дисциплины благодаря новой психологіи, и въ отношеніи надежности и строгости метода, ни въ чемъ не будутъ уступать естествознанію.

Быть можетъ, такія идеи встрѣчаются менѣе у самихъ психологовъ, чѣмъ у тѣхъ людей, занимающихся специальными „науками о духѣ“, которые дорожатъ тѣмъ, чтобы быть современными. Какъ бы то ни было, имъ уже обязаны своимъ появленіемъ нѣкоторыя толстыя книги „на психологической подкладкѣ“.

Имѣютъ-ли эти убѣжденія и надежды и методологическое оправданіе? При разрѣшеніи этого вопроса мы не касаемся того, достигали уже психологія той высоты, лишь на которой она была бы способна служить основой для иной научной дѣятельности. Мы не намѣрены также изслѣдовать, какую научную цѣнность можетъ имѣть психологическая подкладка, если какой либо ученый—специалистъ выберетъ для себя какую либо изъ сбивающаго съ толку обилія борющихся другъ съ другомъ психологическихъ системъ, а именно ту, имя творца которой чаще всего упоминается, или принадлежа-

щую лично знакомому ему психологу, или представляющуюся ему пригодной въ силу какого либо иного основанія, и если затѣмъ эта психологическая система, признаваемая за незыблемый догматъ, если, быть можетъ и не другими психологами, то во всякомъ случаѣ даннымъ специалистомъ изслѣдователемъ, утилизируется въ качествѣ фундамента для нѣкоего научнаго построенія. Здѣсь мы считаемъ возможнымъ оперировать лишь съ понятіемъ о логически идеальной психологіи и ставимъ вопросъ лишь о томъ, что означала бы психологія для историческихъ наукъ, если бы она достигла той ступени, которую многіе нынѣ считаютъ достигнутою.

Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли называть историка—равно какъ и поэта и „знатока людей“, въ практической жизни—психологомъ. Но можемъ ли мы соединять съ этимъ словомъ и понятіе, имѣющее что либо общее съ тою психологіей, отъ которой съ упованіемъ ожидаютъ новой эпохи для наукъ о духѣ? Для того, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны отграничить другъ отъ друга различныя проблемы, такъ какъ убѣжденіе въ существованіи необходимой связи между психологіей и историческою наукою, можетъ выражаться въ различныхъ формахъ.

Прежде всего можно думать, что психологія должна служить научно „осною“ исторіи приблизительно въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ механика служитъ основою наукъ о тѣлахъ и при этомъ оказываются возможными два допущенія. Согласно одному изъ нихъ эта основа усматривается въ уже оказывающейся на лицо психологіи, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы объяснять всю душевную жизнь сообразно естественно-научному методу. Напротивъ того, при второмъ допущеніи, которое обыкновенно бываетъ соединено съ гораздо большимъ пониманіемъ сущности исторіи, существуетъ убѣжденіе въ непригодности естественно-научной психологіи для наукъ о духѣ и поэтому, какъ основа, постулируется нѣкая новая психологія, которую еще требуется создать, причемъ ея методъ долженъ отличаться отъ объясняющей психологіи. Затѣмъ однако возможно также полагать, что хотя между отношеніемъ психологіи къ исторической наукѣ съ одной стороны и отношеніемъ механики къ различнымъ наукамъ о тѣлахъ, съ другой стороны существуетъ принципиальное различіе, однако несмотря на это, историческія науки зависятъ отъ психологіи и эту зависимость опять таки можно признавать болѣе или менѣе значительною. Такимъ образомъ, встрѣ-

чаются взгляды, согласно которымъ принципиально новыя естественно-научныя пониманія душевной жизни должны влечь за собою и принципиально новыя историческія пониманія и, наконецъ, отстаивается мнѣніе, согласно которому историческая наука не можетъ обойтись безъ психологіи, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ вспомогательной науки.

Итакъ, какъ мы видимъ, возникаютъ четыре взгляда, которые, правда, не всегда строго отграничиваются другъ отъ друга. И повидимому даже вовсе не отдають себѣ отчета въ томъ, что отношеніе зависимости между психологіей и исторіей можетъ быть понимаемо весьма различно. Но вслѣдствіе этого въ методологическомъ интересѣ оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ рассмотретьъ четыре возможные отношенія отдѣльно.

То, что первый взглядъ долженъ быть отвергнуть, настолько же несомнѣнно какъ то, что подведеніе дѣйствительностей подъ систему не временно имѣющихъ силу, общихъ понятій, есть нѣчто иное, чѣмъ изображеніе ихъ однократнаго, временнаго индивидуальнаго развитія. Въ понятіяхъ психологіи не заключается ничего абсолютно историческаго. Содержаніе относительно историческихъ понятій, правда можетъ совпадать съ содержаніемъ психологическихъ понятій, но во первыхъ, это, какъ мы обстоятельно выяснили, логически случайно, а во вторыхъ это касается лишь тѣхъ психологическихъ понятій, которыя никогда не принадлежатъ наиболѣе общей психологіи, но развѣ что психологическимъ специальнымъ изслѣдованіямъ. Но, если-бы сравненіе съ механикой вообще оказывалось имѣющимъ какой либо смыслъ, именно наиболѣе общая психологія должна была бы стать основою исторіи. Но это предполагало бы, что историческія дисциплины суть части нѣкоторой психологической системы, между понятіями которой существовали бы отношенія подчиненія, т. е. исторія должна была бы быть не исторіей, а естественно-научной наукой. Итакъ то мнѣніе, согласно которому естественно-научная психологія есть основа историческихъ наукъ, какъ механика есть основа наукъ о тѣлахъ, зиждется на понятіи о нѣкоемъ естественно-научномъ универсальномъ методѣ и поэтому намъ уже нѣтъ надобности останавливаться на немъ болѣе обстоятельно.

Логически интереснѣе второй взглядъ, придерживающіеся котораго желаютъ сдѣлать основою историческихъ наукъ нѣкую новую психологію. Однако его цѣнность, заключается лишь въ доказательствѣ

непригодности естественно-научной психологии для этой цѣли. Конечно, вѣрно, что понятія объясняющей общей теоріи душевной жизни слишкомъ бѣдны содержаніемъ для того, чтобы оказывать историку существенныя услуги и Дильтей правъ, говоря, что въ произведеніяхъ поэтовъ, въ высказанныхъ великими писателями размышленіяхъ о жизни, содержится такое пониманіе „человѣка, до котораго далеко всей объясняющей психологии¹⁾). Только это отнюдь нельзя ставить въ упрекъ научной психологии. Если подъ пониманіемъ разумѣть переживаніе и прочувствованіе душевной жизни, научная психологія вовсе не хочетъ и не можетъ „понимать“ человѣка посредствомъ своихъ теорій, такъ какъ пониманіе, при которомъ душевная жизнь переживается заднимъ числомъ и подведеніе подъ систему общихъ понятій суть два духовныхъ процесса, которые взаимно исключаютъ другъ друга. Поэтому неспособность къ систематическому трактованію находится въ необходимой связи съ превосходствомъ рефлектирующей литературы, старающейся постичь „полную дѣйствительность“ человѣка со стороны содержанія этой литературы. Недостаткомъ эта неспособность становится лишь съ естественно-научныхъ точекъ зрѣнія. Вѣдь именно на этомъ „недостаткѣ“ основывается значеніе психологии, благодаря которой оказывается возможнымъ заднимъ числомъ переживать душевную жизнь, для того, кто подходитъ къ душевной жизни съ историческимъ интересомъ.

Но, если историческая „полная дѣйствительность“ человѣка никогда не можетъ быть уловлена въ „сѣть“ писаній, то и можетъ существовать лишь одна научная психологія, въ которой должно находить мѣсто все то, чѣмъ вообще занимается систематическая наука о душевной жизни, и такъ какъ она не можетъ служить основою историческихъ наукъ, то мысль о научно-психологической основѣ исторіи вообще оказывается несостоятельною.

Лежація въ основѣ этого взгляда предпосылки столь просты, что его давно уже признали бы, еслибы, пытаясь понять взаимное отношеніе различныхъ наукъ другъ къ другу, всегда исходили бы изъ логическихъ точекъ зрѣнія. Но психологія и историческая наука подводились подъ понятіе науки о духѣ и благодаря этому возникли въ высшей степени странные взгляды. Историкъ, не находящій въ

¹⁾ См. W. Dilthey, Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie, a. a. O. S. 1309.

психологии того, что ему нужно, жалуется на психологовъ, а психологъ, не находящій въ исторіи ничего такого, что его интересуетъ, считаетъ это виною историка. Оба они одинаково неправы. Историкъ есть „психологъ“ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ обладаетъ свѣдѣніями объ опредѣленныхъ индивидуальныхъ психическихъ процессахъ, но ему не представляется никакого повода для того, чтобы превратить эти свѣдѣнія въ общую теорію. Наоборотъ психологъ всегда старается установить теоріи относительно душевныхъ процессовъ, но при этомъ ему нѣтъ дѣла до исторически-психологического познанія.

Итакъ, если несмотря на это какъ историкъ, такъ и теоретикъ называется „психологомъ“, это слово должно имѣть два совершенно различныхъ значенія. Въ первомъ случаѣ оно обозначаетъ человѣка, который способенъ заднимъ числомъ переживать индивидуальные психическіе процессы, во второмъ случаѣ—человѣка, который въ состояніи построить общія психологическія понятія. Имѣя въ виду наиболѣе общую противоположность между природою и исторіей, можно было бы отличать другъ отъ друга эти два рода психологии какъ историческую и естественно-научную психологию¹⁾). Однако лишь естественно-научную психологию можно признавать научнымъ познаніемъ; напротивъ того, исторически-психологическія свѣдѣнія имѣютъ отношеніе къ наукѣ лишь постольку, поскольку въ нихъ содержится необходимый для исторіи матеріалъ, а потому подъ „исторической психологіей“ нельзя, конечно, разумѣть особую науку. Итакъ, если не желаютъ признать правомѣрности этого выраженія, то противъ этого не приходится ничего возражать, только тогда нельзя называть психологическими свѣдѣніями и тѣхъ свѣдѣній которыми обладаютъ поэтъ и знатокъ людей въ практической жизни, такъ какъ эта психологія столь же далека отъ научной психологии, какъ психологія какого нибудь опредѣленнаго историческаго процесса. Тогда, напр., и Шекспиръ отнюдь не психологъ.

Конечно, создавать психологически „правдивые“ поэтическіе

¹⁾ См. выше примѣчаніе на стр. 168-ой. Одинъ референтъ понялъ это мѣсто такимъ образомъ, что я будто бы считаю возможными и необходимыми двѣ различныя психологическія науки. Это заблужденіе врядъ ли будетъ признано понятнымъ тѣми, которые думаютъ, что для того, чтобы реферировать какую нибудь книгу, ее всецѣло слѣдовало бы предварительно прочесть.

образы или правильно оцѣнивать лично знакомыхъ живыхъ людей, опять таки есть нѣчто иное, чѣмъ правильно реконструировать по источникамъ людей прошлаго, но здѣсь въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе того, на чемъ основываются эти различія ненаучныхъ видовъ психологіи. Дѣло идетъ лишь о томъ, что размѣръ всѣхъ этихъ психологическихъ свѣдѣній и способностей не зависитъ отъ размѣра научныхъ психологическихъ свѣдѣній. Слѣдовало бы понять, что кто либо можетъ установить составляющія эпоху психологическія теоріи, не имѣя ни малѣйшей способности къ художественно „истинному“ творчеству, къ знанію людей въ практической жизни и къ реконструкціи исторической душевной жизни прошлаго и что, наоборотъ, величайшій художественный психологъ, наилучшій знатокъ людей и творецъ трудовъ, доказывающихъ поразительную способность къ исторически-психологической реконструкціи, можетъ не имѣть ни малѣйшаго представленія о психологическихъ теоріяхъ и такъ какъ имѣющей фундаментальное значеніе для исторической науки можетъ быть признана развѣ что способность къ исторически-психологической реконструкціи, въ такомъ случаѣ положеніе, гласящее, что исторія нуждается въ научной психологіи, какъ въ своей основѣ, не будетъ уже приниматься за нѣчто само собою разумѣющееся. Скорѣе историкъ нуждается въ способностяхъ, сродныхъ способностямъ художественнаго психолога или знатока людей. Однако, въ силу вышеуказанныхъ основаній, та часть его дѣятельности, которая связана съ этимъ, не можетъ быть подведена подъ логическія формулы.

Мы переходимъ къ третьей изъ вышеупомянутыхъ возможностей. Не подвержень-ли историкъ, даже если онъ и не нуждается въ специальныхъ психологическихъ познаніяхъ, сознательно или безсознательно, и при пониманіи исторической жизни, прямому или косвенному вліянію господствующихъ психологическихъ теорій относительно сущности душевной жизни и, въ особенности, не долженъ ли полный переворотъ въ этихъ взглядахъ влечь за собой и измѣненія въ исторической наукѣ.

Само собою разумѣется, что на это нельзя отвѣтить простымъ указаніемъ на логическую противоположность между естествознаніемъ и исторіей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что общіе взгляды на сущность душевной жизни могутъ оказывать вліяніе на историка. Конечно, не могло бы оказаться недостатка и въ доказательствахъ опровергающихъ утвержденіе, гласящее, что такое

если признать, что существовала „индивидуальная психологія“ въ отношеніе зависимости всегда оказывается на лицо, такъ какъ мы знаемъ многихъ историковъ, которые вызываютъ наше удивленіе своею историческою психологіей, и которые не зависятъ отъ какой либо научно-психологической теоріи уже въ силу того, что въ ихъ время или не существовало научно-психологическихъ теорій или эти теоріи были таковы, что всякое ихъ вліяніе должно было бы производить весьма непріятное впечатлѣніе. Но, если мы въ данномъ случаѣ оставимъ въ сторонѣ *quaestio facti*, какъ уже сказано выше, нельзя напередъ отрицать возможность вліянія и поэтому мы должны еще остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ соображеній, которыя приводятся для доказательства зависимости исторической науки отъ психологіи и необходимости реформы историческаго метода на основѣ совершенно измѣнившагося психологическаго пониманія душевной жизни.

Другъ другу противоположаются два рода психологіи и въ зависимости отъ нихъ два рода историческаго пониманія. Утверждается, что прежняя психологія была индивидуальной психологіей въ томъ смыслѣ, что ей былъ вѣдомъ лишь изолированный индивидуумъ и вслѣдствіе этого она принимала всѣ группы индивидуумовъ или всѣ общественныя образованія лишь за внѣшніе агрегаты, которые — какъ, напр., государство — и разсматривались тогда какъ возникшіе благодаря сознательной волѣ индивидуумовъ или „основанные“. Слѣдствіемъ этой индивидуальной психологіи было какъ полагаютъ — „индивидуалистическое“ пониманіе исторіи, которому равнымъ образомъ были вѣдомы лишь изолированные индивидуумы и которое поэтому интересовалось исключительно изображеніемъ хотѣнія и дѣятельности единичныхъ личностей. Однако въ новѣйшее время противъ этихъ ученій индивидуальной психологіи выступило социальнопсихологическое пониманіе, разсматривающее единичнаго чловѣка всегда лишь какъ члена нѣкотораго „общаго“ и выяснившее, что всякій можетъ стать тѣмъ, что онъ есть, лишь въ обществѣ. Итакъ, если историческая наука не желаетъ отстать отъ этой психологіи, она равнымъ образомъ должна обратить свое вниманіе не на единичнаго индивидуума, а на социальную связь и понимать историческій процессъ какъ процессъ социально-психическій.

Нужны-ли послѣ того, что мы развили выше относительно исторической связи, еще длинныя разъясненія для того, чтобы обнаружить, что вся эта конструкція ни на чемъ не основана? Даже въ

томъ смыслѣ, что она не признавала ничего кромѣ изолированныхъ индивидуумовъ и ихъ внѣшнихъ агрегатовъ, то навѣрное именно эта психологія не породила „индивидуалистической исторіи“, такъ какъ она не индивидуалистична въ томъ смыслѣ, въ какомъ индивидуалистична исторія, когда эта послѣдняя имѣетъ дѣло съ индивидуумами. Напротивъ того, „индивидуальная психологія“ оказывается „атомизирующею“ и поэтому несовмѣстимою съ индивидуалистическою исторіей. Атомизирующая „индивидуальная психологія“ признаетъ всѣхъ индивидуумовъ одинаковыми и, въ качествѣ наиболее общей теоріи душевной жизни, должна дѣлать это; индивидуалистическая же исторіографія обращаетъ свое вниманіе на индивидуальныя различія. Затѣмъ атомизирующая индивидуальная психологія должна выдѣлять всякаго индивидуума изъ реальной связи для того, чтобы обращать его въ экземпляръ какого либо родового понятія; напротивъ того, индивидуалистическая исторіографія изображаетъ индивидуума въ его связи съ индивидуальною окружающею средою. Итакъ, еслибы историкъ находился подъ вліяніемъ атомизирующей психологіи, совершенно невозможенъ былъ бы интересъ къ индивидуальной дѣйствительности и поэтому вѣрить въ связь между атомизирующею „индивидуальною психологіей“ и индивидуалистическою исторіографіей можетъ лишь тотъ, кто смѣшиваетъ атомы съ индивидуумами, какъ это и дѣлаютъ, конечно, сторонники „новаго“ исторического метода.

Затѣмъ взглядъ на противоположность между индивидуальной и соціальной психологіей совершенно неправиленъ. Существуютъ психическіе процессы, которые могутъ быть психологически поняты такъ, что для этого нѣтъ надобности принимать въ соображеніе соціальную связь, въ которой находится каждый индивидуумъ и это именно тѣ процессы, которые должны быть подведены подъ наиболее общія психологическія понятія. Ими занимается такъ называемая индивидуальная психологія, которая, какъ всякая естественная наука, правомѣрно примѣняетъ свой атомизирующий методъ, упраздняющій индивидуальныя различія и реальную связь. Противоположность между индивидуальной психологіей и соціальной психологіей отнюдь не такова, чтобы эта послѣдняя пыталась устранить этотъ методъ. Она имѣетъ дѣло съ душевною жизнью не вообще, а лишь постольку, поскольку та форма, которую принимаетъ послѣдняя, обусловлена всюду оказывающеюся на лицо соціальною связью индивидуумовъ.

Поэтому, ея понятія оказываются менѣе общими, т. е. они имѣютъ силу лишь для соціальной жизни, но уже не для душевной жизни вообще, подобно тому, какъ химическіе законы имѣютъ силу лишь для вѣсомой матеріи, но отнюдь не для чисто-механическаго міра ээира чисто механическаго міра ээира. Итакъ, соціально-психологическія понятія столь же не могутъ вытѣснить наиболее общія понятія индивидуальной психологіи, какъ не могла бы химія вдругъ потребовать, чтобы для матеріи были образуемы лишь спеціальныя химическіе законы, а отнюдь не законы, имѣющіе силу для всѣхъ физическихъ процессовъ,

Въ концѣ-концовъ отношеніе соціальной психологіи къ вопросу о томъ, имѣютъ-ли единичныя личности значеніе для исторического процесса, необходимо, оказывается индифферентнымъ. Мы знаемъ, что включеніе въ соціальныя историческія связи не есть поведеніе подъ соціально-психологическія понятія, и затѣмъ, мы узнаемъ, что то, насколько абсолютно историческое становится существеннымъ для изложенія, зависитъ только отъ руководящихъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности. Итакъ, мнѣніе, согласно которому соціально-психологическое пониманіе должно влечь за собою болѣе естественно-научный историческій методъ, опять-таки основывается на смѣшеніи общаго естественно-научнаго понятія съ общимъ историческимъ цѣлымъ или коллективнымъ.

Но не учить-ли соціальная психологія, что всякій индивидуумъ живетъ, будучи обнимаемъ болѣе обширною связью и не принадлежитъ-ли ей, хотя она и не можетъ повлечь за собой возникновеніе новаго исторического метода, по крайней мѣрѣ, заслуга, состоящая въ томъ, что она указала исторіи на соціальныя связи и заставила обратить на нихъ больше вниманія? Исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ могло бы дать лишь историческое изслѣдованіе, но можно конечно, признать правдоподобнымъ, что соціальная психологія выучилась отъ исторіи гораздо большому, чѣмъ сама дала ей. Необходимо связанная со всякимъ естественно научнымъ образованіемъ понятій склонность къ атомизированію, могла легко привести въ психологіи къ тому, что за рѣшеніе всѣхъ психологическихъ вопросовъ брались съ точки зрѣнія единичнаго сознанія и ничто не было болѣе способно предотвратить такія попытки какъ взглядъ на историческую жизнь, въ которой человѣкъ всюду представляется намъ въ реальной связи съ окружающимъ его міромъ.

Однако, здѣсь намъ нѣтъ надобности далѣе обсуждать этотъ вопросъ. Установлено, что никакое общее естественно-научно-психологическое пониманіе сущности души не можетъ внести какое либо измѣненіе въ основные принципы историческаго метода. Если прежде историки, быть можетъ, обращали слишкомъ мало вниманія на процессы, общіе сравнительно обширнымъ группамъ или массамъ, то индивидуальная психологія была столь же мало виновна въ этомъ, какъ мало то обстоятельство, что это измѣнилось нынѣ, составляетъ заслугу соціальной психологіи. Дѣло сводится къ тому, что умножились тѣ точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которыми руководится изложеніе и это повлекло за собой и увеличеніе матеріала исторіи и въ особенности вышеупомятое измѣненіе слѣдовало бы объяснить тѣмъ, что существуетъ склонность считать значеніе экономической исторіи, т. е. вліяніе экономическихъ процессовъ на историческое развитіе болѣе существеннымъ, чѣмъ это дѣлалось прежде. Но это насколько не касается различія между индивидуальной и соціальной психологіей.

Итакъ, остается лишь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ психологія можетъ быть разсматриваема какъ вспомогательная наука исторіи и этотъ вопросъ отнюдь не имѣетъ принципиальнаго значенія. Такъ какъ всѣ психологическія понятія общи, то ихъ содержаніе можетъ совпадать во-первыхъ съ понятіями, которыми какое нибудь историческое изложеніе пользуется какъ элементами понятій и обходными путями, а во-вторыхъ съ относительно историческими понятіями. Но если возможность примѣнять психологическія понятія въ исторіи ограничена этими двумя случаями, то мы видимъ также, что вопросъ о значеніи психологіи какъ вспомогательной науки для историка совершенно совпадаетъ съ вопросомъ о томъ, какое значеніе вообще имѣютъ естественно-научныя составныя части въ исторіи. Итакъ, остается только специально привести уже извѣстные логическіе принципы [въ связь съ тѣмъ фактомъ, что историческая наука преимущественно имѣетъ дѣло съ изложеніемъ психическихъ процессовъ. Прежде всего, что касается общихъ элементовъ понятій и въ особенности общихъ понятій, безъ которыхъ нельзя обойтись при установленіи какой-либо причинной связи, историческое изложеніе можетъ выигрывать, пользуясь вмѣсто произвольно возникшихъ значеній словъ научно фиксированными понятіями. Но существованіе очень большой потребности въ этомъ вызоветъ сомнѣніе. И тогда,

когда дѣло идетъ объ изображеніи сложныхъ и необычайныхъ душевныхъ процессахъ, мы понимаемъ, что имѣется въ виду, хотя нашли примѣненіе лишь произвольно возникшія и не подвергнутыя научной обработкѣ общія значенія словъ. Если же мы обратимъ вниманіе на сочиненія историковъ, [во времена которыхъ психологія какъ наука еще не существовала, то мы, конечно, не будемъ склонны къ тому, чтобы ожидать многого отъ примѣненія научныхъ психологическихъ понятій какъ средствъ изложенія. Мы понимаемъ описанія душевныхъ состояній, встрѣчающіяся у Фукидида, такъ же хорошо, какъ и описанія какого-либо современнаго историка.

Затѣмъ психологія можетъ имѣть значеніе и для относительно историческихъ понятій, если эти понятія настолько общи, что они совпадаютъ по содержанію съ понятіями, примѣняемыми въ психологическихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ. Наболѣе общія психологическія теоріи и наболѣе элементарныя психологическія понятія не имѣютъ рѣшительно никакого значенія для исторіи, а если кто нибудь совѣтуетъ историку заниматься въ психологической лабораторіи, то это должно вызвать подозрѣніе, что совѣтующій не имѣетъ ни малѣйшаго представленія ни о содержаніи историческихъ трудовъ, ни о дѣятельности экспериментирующаго психолога, такъ какъ именно понятія, построенныя примѣнительно къ искусственно изолированнымъ процессамъ, никогда не могутъ совпадать съ историческими понятіями. Однако мы уже черезчуръ долго занимались теоріями относительно которыхъ справедливо замѣчаніе Лотце, что очевидныхъ фантазій въ наукѣ не слѣдуетъ распространять даже и путемъ слишкомъ тщательнаго оспариванія ихъ. Во всякомъ случаѣ: и при обсужденіи четвертаго вопроса у насъ не получается никакой точки зрѣнія съ которой психологія можетъ получить рѣшающее значеніе для историческаго метода.

Наконецъ, слѣдуетъ еще подчеркнуть, что и общія теоріи наукъ о тѣлахъ могутъ такъ же какъ и психологическія понятія утилизироваться историкомъ, такъ какъ, напр. для того, чтобы понять, почему американцы такъ легко побѣдили испанцевъ въ послѣдней войнѣ, между прочимъ необходимо имѣть нѣкоторыя знанія и относительно различій между военными кораблями которыми пользовалась та и другая нація и при этомъ мы не можемъ обойтись безъ общихъ естественно-научныхъ понятій. Однако и эта связь между естествознаніемъ, и исторіей принципиально не отличается отъ связи,

въ концѣ-концовъ, существующей между всякаго рода научной работой. Почти всѣмъ дисциплинамъ порой приходится прибѣгать къ помощи другихъ дисциплинъ и, конечно, никому не можетъ придти въ голову оспаривать единство всей научной работы въ этомъ смыслѣ. Однако логика можетъ отвлечься отъ вытекающихъ отсюда соотношеній, какъ отъ несущественныхъ, и она даже должна дѣлать это для того, чтобы тѣмъ явственнѣе обнаруживались существенныя различія научныхъ цѣлей и путей.

Разъ это выяснено, и тотъ живой интересъ, который вызываютъ нынѣ психологическіе вопросы, не будетъ уже приниматься за признакъ того, что въ философіи опять начинается возрастать „историческое пониманіе“. Напротивъ того, у психологовъ почти сплошь господствуютъ естественно-научные интересы и это не покажется удивительнымъ тому, кто знаетъ логическую сущность научной психологіи. Психологизмъ есть та форма, которую долженъ былъ принять натурализмъ, когда былъ отвергнутъ матеріализмъ и когда попытались поставить психологію на мѣсто философіи. Итакъ, и съ этой точки зрѣнія надежды, возлагаемая на то, что психологія будетъ содѣйствовать успѣхамъ исторической науки, опять таки свидѣтельствуютъ о мышленіи, которому чужда сущность исторіи.

Однако и этимъ еще не исчерпываются тѣ основанія, въ силу которыхъ мы отграничиваемъ другъ отъ друга исторію и науку о духѣ. Вѣдь съ логическихъ точекъ зрѣнія то обстоятельство, что психологія имѣетъ дѣло лишь съ психическими процессами, исторія же-хотя и преимущественно съ психическими, но наряду съ этимъ и съ тѣлесными имѣетъ еще гораздо болѣе принципиальное значеніе, чѣмъ мы видѣли до сихъ поръ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что исторической ходъ событій оставался бы совершенно непонятенъ для насъ, если бы мы не знали въ ихъ индивидуальномъ своеобразіи и частей тѣлеснаго міра и если эти послѣднія, быть можетъ, имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку онѣ оказываютъ вліяніе на духовную жизнь людей, то вѣдь именно потому, что онѣ оказываютъ вліяніе на нее, и эта причинная связь должна становиться исторически существенной. Но благодаря этому мы приходимъ къ такому пункту, гдѣ отчетливѣе чѣмъ гдѣ либо должно обнаружиться, насколько неправомѣрно называть историческую науку наукою о духѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ психологія есть наука о духѣ.

Главнѣйшее опять таки вытекаетъ изъ наибѣе общей логической

противоложности между природою и исторіей. Если естествознаніе стремится къ тому, чтобы приблизиться къ выясненному выше идеалу своего образованія понятій, то естествоиспытатель всегда долженъ специально отдавать себѣ отчетъ въ томъ, тѣлесными или душевными дѣйствительностями оказываются его объекты. Для физики и химіи это разграниченіе совершается съ такою самоочевидностью, что его не приходится специально производить, но уже въ наукахъ о живыхъ существахъ живое иногда приравнивается къ одушевленному, и тогда дѣло не можетъ доходить даже до ясной постановки естественно-научныхъ проблемъ, какъ это напр. часто обнаруживается въ „нео-вигалистическихъ“ сочиненіяхъ ¹⁾.

Абсолютно необходимо сознательное отграниченіе физическаго и психическаго въ психологіи и притомъ оно должно быть наиболѣе тщательно производимо именно тамъ, гдѣ предметомъ изслѣдованія служатъ соотношенія между этими двумя областями, т. е. надлежитъ точно разграничивать то, что есть нервный или мозговой процессъ, и то, что принадлежитъ къ душевной жизни. Тогда особенно труднымъ вопросомъ становится проблема психофизической причинности и болѣею частью оказывается, что согласно естественно-научнымъ теоріямъ нельзя допускать причинной связи между тѣломъ и духомъ. И если, какъ того требуетъ механическое пониманіе природы, физическое, какъ наполняющее пространство, принципиально отличается отъ психическаго, какъ не протяженнаго, такъ что оба они логически исключаютъ другъ друга, и идеаль выраженія причинныхъ связей усматривается въ причинномъ равенствѣ, приходится признать и необходимость этого слѣдствія.

Напротивъ того, историку совершенно невѣдомы всѣ эти проблемы. Ничто не побуждаетъ его специально отдавать себѣ отчетъ въ томъ, принадлежитъ-ли то, о чемъ онъ трактуетъ, къ физическому или психическому бытію, и, конечно, онъ безъ всякаго колебанія признаетъ причинную связь между тѣломъ и душою и никогда не поставитъ и вопроса о томъ, какимъ образомъ, возможно, что воля чело-вѣка приводитъ въ движеніе его руку. То, что какое либо тѣло причиняетъ боль, или какая либо страсть вызываетъ движенія, представится ему, напротивъ того, само собою разумѣющимся.

И даже слѣдуетъ прямо таки сказать, что отграниченіе тѣла и

¹⁾ См. выше с. 242 прим.

души никогда не должно быть производимо историческою наукою такимъ образомъ, чтобы при этомъ становилась проблематическою историческая психофизическая причинная связь, такъ какъ, разъ историкъ вообще желаетъ допускать причинную связь между историческими объектами, онъ вынужденъ принимать духовныя измѣненія какъ за эффекты, такъ и за причины тѣлесныхъ процессовъ. Лишь спиритисты полагаютъ, что духовная жизнь непосредственно дѣйствуетъ на другую духовную жизнь. Пока мы не допускаемъ ихъ теорій, мы должны продолжать признавать, что все то, что прямо влияетъ на духовную жизнь человѣка и индивидуально опредѣляетъ ее, состоитъ изъ тѣлесныхъ процессовъ и равнымъ образомъ ни одинъ человѣкъ не можетъ прямо дѣйствовать въ духовномъ мѣрѣ иначе чѣмъ при посредствѣ тѣлесныхъ процессовъ.

Если бы мы пожелали истолковать эти причинныя соотношенія посредствомъ какой либо метафизической теоріи, напр. въ смыслѣ спинозизма, допуская лишь всегда замкнутыя причинныя связи между физическими процессами съ одной стороны и психическими процессами съ другой стороны и въ самомъ дѣлѣ думали, что въ понятіи „параллелизма“ двухъ рядовъ, какъ процессовъ, представляемыхъ совершенно несравнимыми, можно мыслить себѣ что либо, объясняющее намъ „кажущуюся“ психофизическую связь, то все таки исторія, для которой существенными становятся индивидуальныя причины и дѣйствія не могла бы найти для этого истолкованія никакого примѣненія. Вѣдь для всякаго эффекта, который, согласно этой теоріи, лишь повидимому вызывается въ духовномъ мѣрѣ нѣкоторымъ индивидуальнымъ извѣстнымъ ей тѣлеснымъ процессомъ, она могла бы допускать нѣкоторую духовную причину отнюдь не какъ индивидуальный историческій фактъ, но ей приходилось бы лишь въ понятіи конструировать эту мнимую истинную причину. Но такая причина, будучи въ принципѣ недоступнымъ опыту процессомъ, никогда не существовала бы для нея какъ историческая индивидуальность, но всегда лишь какъ метафизически иностазированное понятіе и поэтому не представляла бы уже ни малѣйшаго историческаго интереса.

Словомъ, возможность выраженія историческихъ причинныхъ связей прямо таки зависитъ отъ обязательности того понятія, устраненіе котораго естествознаніе считаетъ необходимымъ въ интересѣ достиженіе своихъ цѣлей и которое оно въ самомъ дѣлѣ должно ус-

странять коль скоро оно приравниваетъ понятіе о тѣлесномъ къ понятію о чисто механическомъ, стало бы допускаящемъ совершенную квантификацію.

На вопросъ о томъ, не приводитъ ли эта разнородность естественно-научныхъ и историческихъ точекъ зрѣнія къ построенію такихъ понятій, благодаря которымъ мѣръ, какъ цѣлое, становится непонятнымъ и, которыя поэтому не имѣютъ силы, можно отвѣтить лишь въ связи съ обсужденіемъ гносеологическихъ проблемъ. При этомъ не только можно было бы показать, что мы не въ правѣ мыслить продукты нашего образованія понятій какъ реальности, но и что вообще не подобаетъ перетолковывать категоріи, которыя примѣняются тогда, когда требуется подвести дѣйствительность подъ систему общихъ понятій и которыя поэтому имѣютъ значеніе лишь какъ средства, примѣняемая естественно-научнымъ пониманіемъ, въ міровыя категоріи, долженствующія быть конститутивными для всякаго пониманія дѣйствительности, и тогда исчезли бы кажущіяся противорѣчія и непонятности ¹⁾.

¹⁾ Ср. мою статью о психофизической причинности и психофизическомъ параллелизмѣ (Tübingen, 1900 *). Установленное тамъ понятіе о причинномъ неравенствѣ, позволяющее мыслить и причинную связь нѣкотораго качественно опредѣленнаго тѣла съ нѣкоторымъ психическимъ бытіемъ, равнымъ образомъ, какъ причинную связь двухъ качественно опредѣленныхъ тѣлъ или двухъ психическихъ процессовъ другъ съ другомъ, вызвала нѣсколько возраженій, наиболѣе обстоятельное изъ которыхъ высказано въ остроумной работѣ Д. В. А. Гиксона, ученика Рилля. Гиксонъ говоритъ: (Der Kausalbegriff in der neueren Philosophie u. s. w., Vierteljahrsschrift f. wiss. Philosophie. Bd. 25, 1901, S. 318 ff.): „Некачественная сторона психическаго сама по себѣ, но не-количественный характеръ психическаго исключаетъ возможность причинной связи съ матеріальными процессами“. Это тонкое различіе имѣло бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было предположить, что качества и количества существуютъ какъ раздѣльныя реальности и я не могу признать этого метафизическаго предположенія. „Два качественно различныхъ тѣла суть (!) измѣримыя количества“, думаетъ Гиксонъ. Нѣтъ, какъ полныя реальности, они вовсе не суть это, но только ихъ лишь въ понятіяхъ отдѣлимое количество выразимо въ общей мѣрѣ. И я, конечно, не склоненъ „вернуться къ старому схоластическому пониманію качествъ какъ самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ сущностей“, но я стараюсь всюду строго разграничивать понятіе и дѣйствительность. Напротивъ того Гиксонъ повидимому принимаетъ количества за „самостоятельныя и самодѣятельныя сущности“, какъ это

Однако мы можем не касаться этого здѣсь и удовлетвориться вышеприведеннымъ доказательствомъ того, что и относительно разграниченія духа и тѣла естествознаніе приходитъ къ другимъ понятіямъ, чѣмъ историческая наука и что понятіе о духѣ, какъ о психическомъ, въ томъ видѣ какъ его должны построить естествознаніе и естественно-научная психологія, совершенно непригодно для того, чтобы вывести изъ него что либо для логической сущности исторической науки. Отсюда мы понимаемъ также, почему наука, желающая изобразить однократное непрерывное развитіе міра, должна допустить, что духовная жизнь постепенно вырастаетъ изъ тѣлеснаго міра, тогда какъ этого рода представленіе совершенно несовмѣстимо съ естественно-научными понятіями о физическомъ и о психическомъ и поэтому повело къ возникновенію такихъ метафизическихъ системъ какъ панпсихизмъ. Мы понимаемъ, далѣе, почему эволюционистичес-

дѣлаютъ очень многіе гносеологи, односторонне руководящіеся механическимъ естествознаніемъ. Насколько я вполне согласенъ съ Гиксономъ, когда онъ требуетъ причинныхъ равенствъ для частей естествознанія, стремящихся къ квантифицирующему образованію понятій, настолько же рѣшительно долженъ я держаться того взгляда, что полная эмпирическая дѣйствительность не входитъ ни въ какое причинное равенство, и что мы можемъ мыслить причинное отношеніе между двумя не подвергнутыми обработкѣ при посредствѣ понятій реальностями лишь какъ причинное неравенство, причемъ безразлично, характеризуются ли нами эти реальности какъ два тѣлесныхъ, или какъ два духовныхъ процесса или какъ одинъ тѣлесный и одинъ духовный процессъ. Въ это не можетъ внести никакого измѣненія ни принципъ сохраненія энергіи, ни „последняя основна этого принципа“, „основной принципъ количественной неизмѣнности природы“, ибо и они имѣютъ силу лишь для количественнаго, стало бы мыслимаго въ понятіяхъ міра абстракцій. Само собою разумѣется, что это не имѣетъ ничего общаго ни съ вѣрованіемъ въ нѣкій „законъ роста духовной энергіи“, который Гиксонъ правильно называетъ „темнымъ“, ни съ какой либо иной метафизикой, но я лишь имѣю въ виду отстоять абсолютное право непосредственной эмпирической дѣйствительности противъ все же лишь отчасти права естественно-научныхъ абстракцій. Какъ бы ни было цѣнно понятіе причиннаго равенства, оно не можетъ упразднить понятія причиннаго неравенства уже потому, что вообще не существуетъ двухъ совершенно одинаковыхъ эмпирическихъ дѣйствительностей. См. также выше, стр. 356 и сл.

*) Примѣчаніе переводчика. Эта статья Риккерта помѣщена въ *Philosophische Abhandlungen, Christoph Sigwart zu seinem siebenzigsten Geburtstag gewidmet*.

кое разсмотрѣніе, склонное ставить на мѣсто рѣзкаго разграниченія матеріи и духа постепенный переходъ отъ безжизненной природы къ душевной жизни съ одной стороны обращаетъ живое, стало быть въ естественно-научномъ смыслѣ еще чисто матеріальное, въ предварительную ступень психического, а съ другой стороны обращаетъ примитивныя чувственные ощущенія, стало быть то, что въ естественно-научномъ смыслѣ есть нѣчто уже вполне духовное, въ всего лишь чувственное и благодаря этому приближаетъ его къ тѣлесной природѣ и даже прямо приравниваетъ къ послѣдней. Наконецъ, мы узнаемъ также, почему съ одной стороны жизнь и душа и съ другой стороны чувственное и матеріальное такъ часто отождествляются другъ съ другомъ такимъ образомъ, что съ естественно-научныхъ точекъ зрѣнія это можетъ казаться лишь „смѣшеніемъ“ двухъ взаимно исключających другъ друга понятій.

Однако, не останавливаясь далѣе на обсужденіи этихъ вопросовъ, которые привели бы насъ къ проблемѣ метафизики, мыслящей въ историческихъ категоріяхъ, мы должны лишь снова констатировать, что исторической наукѣ нечего бояться такихъ „смѣшеній“. И для нея, конечно, природа и духъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она употребляетъ эти слова, всегда будутъ противоположности, но тѣ понятія, къ образованію которыхъ ей представляется поводъ, не совпадаютъ съ естественно-научною противоположностью между физическимъ и психическимъ. „Духъ“ для нея есть, быть можетъ, „высшая“ душевная жизнь, по сравненію съ которой чувственнымъ ощущеніямъ свойственно нѣчто природное. Словомъ, исторія не обращаетъ вниманія на всякія естественно-научныя различенія и ей нѣтъ надобности этого дѣлать. Конечно, именно тогда слово „духъ“ можетъ вновь получить смыслъ, имѣющій значеніе для исторіи; но, такъ какъ это понятіе какъ понятіе о „высшей“ душевной жизни вполне неопредѣленно, или, по крайней мѣрѣ, опредѣлено лишь настолько, что оно не совпадаетъ съ естественно-научнымъ понятіемъ о психическомъ, изъ того обстоятельства, что объекты исторіи суть преимущественно „духовные“ процессы, конечно, не можетъ вытекать ничего существеннаго для ея метода.

Итакъ, слѣдуетъ еще только дать отвѣтъ на другой вопросъ, а именно: можно-ли понять изъ логической сущности историческаго образованія понятій, что духовныя дѣйствительности гораздо чаще чѣмъ тѣлесныя изображаются въ ихъ однократномъ и индивидуаль-

номъ развитіи; или это должно оставаться для насъ логически случайнымъ?

Но, скажутъ, развѣ мы вообще еще можемъ ставить этотъ вопросъ послѣ того, что только что было выяснено? Если необходимое въ естественно-научномъ интересѣ разграниченіе физическаго и психическаго не имѣетъ силы для исторіи и понятіи о духовномъ, въ томъ видѣ, какъ его должна была образовать наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью для того, чтобы получить понятіе о цѣльномъ мірѣ, допускающемъ историческое изложеніе, осталось совершенно неопредѣленнымъ, то развѣ фраза: „историческая наука имѣетъ дѣло преимущественно съ „духовными“ процессами“ имѣетъ какой либо опредѣленный смыслъ? Не утрачиваетъ ли, напротивъ того, безъ личности такой демаркаціонной линіи между духовнымъ и не-духовнымъ, которую должна была бы признать и исторія, свой смыслъ нашъ вопросъ о томъ, на чемъ основано предпочтительное разсмотрѣніе духовной жизни? Въ самомъ дѣлѣ это такъ. И даже, если мы оставимъ это въ сторонѣ и покажемъ удержимъ естественно-научное разграниченіе, все же тотчасъ было бы ясно, что мы никогда не могли бы понять, почему то, что подходитъ подъ понятіе о наполняющемъ пространство, должно было бы имѣть для какого либо историческаго изложенія меньшее значеніе, чѣмъ то, что не наполняетъ пространства. Итакъ, для нашей цѣли мы должны искать иного разграниченія между тѣломъ и духомъ.

Въ мірѣ опыта такіе процессы, въ которыхъ проявляется альтернативное отношеніе, т. е. признаніе или отверженіе, однимъ словомъ оцѣниваніе, всюду могутъ быть однозначно отграничиваемы отъ такихъ процессовъ, отношеніе которыхъ ко всѣмъ цѣностямъ индифферентно, и тогда мы можемъ, не наталкиваясь на противорѣчіе, характеризовать всѣ тѣ дѣйствительности, которыя указаннымъ образомъ проявляютъ свое отношеніе или оцѣниваютъ, отнюдь не какъ тѣлесныя, но всегда лишь какъ духовныя процессы. Конечно, это положеніе не обратимо, нельзя сказать, что все духовное и оцѣниваетъ. Быть можетъ, многое, не оцѣнивающее, равнымъ образомъ, должно быть причислено къ духовному и тогда найденное здѣсь понятіе о духовномъ было бы слишкомъ узко. Однако, несмотря на это, оно достаточно, когда дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы знать, что во всякомъ случаѣ духовно и, такимъ образомъ, поставить однозначный вопросъ объ отношеніи между духомъ и исторіей.

И благодаря этому мы даже уже получили указаніе на то, въ какомъ направленіи слѣдуетъ отвѣтить на данный вопросъ. Въдѣ понятіе цѣнности связано съ понятіемъ объ историческомъ такимъ образомъ, что исторически трактуется всегда лишь бытіе, относимое къ нѣкоторой цѣнности, а понятіе о духовномъ постольку находится въ связи съ понятіемъ цѣнности, поскольку лишь духовныя существа суть существа, устанавлиющія цѣнности, а потому благодаря понятію цѣнности окажется возможнымъ и установить связь между духовнымъ и историческимъ и притомъ именно телеологическимъ моментомъ историческаго метода объяснимо, что духовная жизнь находится въ иномъ и болѣе близкомъ отношеніи къ исторической наукѣ, чѣмъ тѣлесное бытіе.

Конечно, этимъ еще вовсе не опредѣляется, какого рода это отношеніе. Сперва кажется, что объекты исторіи находятся въ связи съ психическимъ бытіемъ постольку, поскольку они суть объекты для субъекта, который отдѣляетъ въ нихъ существенныя составныя части отъ несущественныхъ, имѣя въ виду нѣкоторую цѣнность, и можно было бы показать, что этотъ субъектъ есть необходимо и существо, проявляющее свое отношеніе, стало быт духовное въ указанномъ здѣсь смыслѣ. Однако это отношеніе объектовъ къ духовному существу, образующему понятія, не можетъ быть мысленно устранено ни въ какой наукѣ и поэтому, если бы уже этимъ опредѣлялся характеръ науки, и естественныя науки пришлось бы признать науками о духѣ, такъ какъ онѣ равнымъ образомъ немислимы безъ „духа“, отдѣляющаго существенное отъ несущественнаго. Итакъ, если мы желаемъ выяснитъ ту особую связь, которая существуетъ между историческимъ методомъ и духовною жизнью, мы прежде всего должны совершенно отвлечься отъ познающаго субъекта и обратить вниманіе лишь на объекты исторіи, т. е. мы въ правѣ поставить вопросъ лишь о томъ, почему въ историческомъ фактическомъ матеріалѣ оказывается на лицо главнымъ образомъ духовное бытіе.

Благодаря всякому отнесенію дѣйствительности къ нѣкоторой цѣнности, извѣстные намъ объекты должны раздѣляться на два принципиально отличающихся другъ отъ друга класса, а именно на такіе, для которыхъ это отнесеніе вообще возможно и на такіе, которые не только имѣютъ благодаря своему наличному бытію нѣкоторое значеніе для цѣнности, но и сами проявляютъ свое отноше-

ніе къ этой цѣнности. Тогда объекты, принадлежащіе къ первому классу, могутъ быть какъ духовными такъ и тѣлесными, существенные же благодаря проявленію ихъ отношенія объекты второго рода необходимо духовны. Если мы предположимъ теперь, что въ какой либо эмпирической дѣйствительности, подлежащей историческому трактованію, оказываются такія существа, которыя сами проявляютъ свое отношеніе къ цѣностямъ, которыми руководится ихъ трактованіе, то эти существа должны занять центральный пунктъ историческаго изложенія, т. е. всѣ прочіе объекты оказываются тогда исторически существенными не только посколькѣ они становятся историческими индивидуумами по отношенію къ тѣмъ цѣностямъ, которыми руководится трактующей ихъ субъектъ, но и посколькѣ они благодаря ихъ индивидуальности имѣютъ значеніе для духовныхъ объектовъ, выражаемыхъ въ ихъ хотѣніи и дѣйствованіи, и поэтому исторія будетъ относить ихъ не только къ тѣмъ цѣностямъ, которыми руководится трактованіе, но въ тоже время и къ трактуемымъ духовнымъ существамъ, проявляющимъ свое отношеніе.

Такимъ образомъ, возникаетъ болѣе узкое, чѣмъ до сихъ поръ понятіе историческаго трактованія. Пока мы вовсе не имѣли въ виду особаго историческаго матеріала, мы имѣли дѣло лишь съ однимъ родомъ историческихъ объектовъ. А разъ мы напротивъ того предполагаемъ духовные объекты указаннаго рода, эти объекты должны отличаться отъ остальныхъ объектовъ и въ особенности всѣ тѣла всегда становятся существенными въ такомъ изложеніи лишь благодаря тому, вслѣдствіе чего только существуетъ отношеніе между ними и тѣми цѣностями, которыми руководится познающий субъектъ, но вслѣдствіе чего они въ то же время оказываютъ вліяніе на хотящихъ и производящихъ оцѣнку объектовъ изложенія или служатъ предметомъ ихъ хотѣнія и дѣятельности. Такъ, напр., въ изложеніи исторіи Италіи, руководящемуся точкой зрѣнія цѣнности „искусство“ существенными должны стать прежде всего хотѣніе и дѣятельность художниковъ, благодаря ихъ индивидуальности имѣющія значеніе по отношенію къ руководящей цѣнности и всякое иное бытіе относится къ этому хотѣнію и этой дѣятельности.

Поэтому мы можемъ теперь назвать всѣ тѣ историческіе объекты, которые сами проявляютъ свое отношеніе къ тѣмъ цѣностямъ, которыми руководится изложеніе и которые всегда должны быть духовными существами, также и историческими центрами

и тогда мы видимъ, что если такіе объекты оказываются въ матеріалѣ изложенія, исторія необходимо относить все остальное бытіе къ нимъ какъ къ духовнымъ центрамъ изложенія ¹⁾.

Однако, эта простая лишь возможность, и наше понятіе исторіи поэтому все еще остается неопредѣленнымъ по своему содержанію. И даже, согласно до сихъ поръ даннымъ опредѣленіямъ понятія, повидимому, вовсе не необходимо, чтобы среди историческаго матеріала всегда оказывались духовныя существа и совсѣмъ непонятно, почему эти существа должны проявлять свое отношеніе именно къ тѣмъ цѣностямъ, которыми въ то же время руководится историческое изложеніе. Но наша задача состоитъ въ томъ, чтобы понять необходимую связь между исторіей и духовной жизнью и поэтому мы должны пойти далѣе простой лишь возможности.

Однако и это удастся безъ труда, разъ мы отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, каковы тѣ условія, лишь при наличности которыхъ какая нибудь дѣйствительность можетъ побуждать насъ къ тому, чтобы мы исторически трактовали ее и разъ мы кромѣ того примемъ въ соображеніе, что не любая цѣнность можетъ становится руководящей точкой зрѣнія для какого нибудь историческаго изложенія. Тогда мы увидимъ, что во-первыхъ всякій историческій объектъ долженъ быть относимъ не только къ цѣностямъ вообще, но и къ какому нибудь дѣйствительно цѣнящему, стало быть духовному, существу, что, во-вторыхъ наличность такихъ духовныхъ существъ въ историческомъ матеріалѣ логически не случайна, и, что, въ третьихъ, у насъ лишь тогда оказывается поводъ для историческаго трактованія какой либо дѣйствительности, когда среди этихъ духовныхъ существъ встрѣчаются и такія, которыя сами проявляютъ свое отношеніе къ тѣмъ цѣностямъ, которыми руководится изложеніе, такъ что, стало быть, не существуетъ никакого историческаго изложенія безъ нѣкотораго духовнаго центра. Намъ нѣтъ надобности выяснять, что нарочитое обоснованіе этого факта, который есть нѣчто само собою разумѣющееся для всякаго историка, не излишне въ методологическомъ интересѣ. Лишь этимъ путемъ возможно понять логическую структуру историческихъ „наукъ о духѣ“.

¹⁾ Само собой разумѣется, что это понятіе объ историческомъ центрѣ отнюдь не совпадаетъ съ развитымъ на стр. 402-ой понятіемъ о перво-степенно-историческомъ. Первостепенно-историческими могутъ быть и тѣла.

Прежде всего, что касается необходимаго отнесенія всякаго историческаго объекта къ духовнымъ, производящимъ оцѣнку дѣйствительностямъ, мы еще разъ возвращаемся къ пониманію, свойственному практической жизни, которое мы приняли за исходный пунктъ при опредѣленіи понятія историческаго индивидуума. Согласіе историческаго пониманія съ пониманіемъ, свойственнымъ дѣйствующему и хотящему человѣку, состояло въ томъ, что для того и другого индивидуальность вещей получаетъ нѣкоторое значеніе; принципиальное же различіе между тѣмъ и другимъ, напротивъ того, въ томъ, что отношеніе историка къ вещамъ не проявляется въ хотѣніи, но что онъ, лишь рассматривая ихъ, относитъ ихъ къ нѣкоторой цѣнности. Однако, хотя историческіе объекты и отрѣшаются благодаря этому отъ всякаго хотящаго и дѣйствующаго существа, поскольку они не должны уже быть предметами прямой оцѣнки, все же тѣ цѣнности, къ которымъ они относятся, не могутъ, такъ сказать, висѣть въ воздухѣ, но должны быть цѣнностями какого нибудь дѣйствительнаго хотящаго существа. А отсюда слѣдуетъ уже, что для того, чтобы стать предметомъ историческаго трактованія, какой либо объектъ долженъ находиться не только въ нѣкоторомъ телеологическомъ отношеніи къ цѣностямъ вообще, но и въ нѣкоторомъ реальномъ отношеніи къ какому нибудь дѣйствительному хотящему существу, и отсюда вытекаетъ, что понятіе духовной жизни въ извѣстномъ отношеніи неотдѣлимо отъ понятія историческаго индивидуума.

Но и этого еще недостаточно для нашей цѣли. Хотящія духовныя существа въ историческомъ матеріалѣ всегда встрѣчаются какъ хотящія и духовныя существа и это повидимому еще не становится понятнымъ благодаря вышеприведеннымъ разъясненіямъ. Для того, чтобы уразумѣть, что это и необходимо, намъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ разсмотрѣть не изложеніе, ограничивающееся какою либо частью какого либо историческаго развитія, а наиболѣе обширную историческую связь или то, что мы назвали „последнимъ историческимъ цѣлымъ“, которое еще обладаетъ историческою индивидуальностью для тѣхъ точекъ зрѣнія, которыми руководится изложеніе, и въ которое, какъ члены, входятъ все объекты. Въ частности можно было бы думать, что, напр., историческая біологія вовсе не имѣетъ дѣла съ духовною жизнью, но это справедливо именно лишь тогда, когда мы ограничиваемся частью ея. И какъ духовное существо человѣкъ объемлетъ историческимъ цѣлымъ біологическаго развитія и,

какъ мы видѣли, рядъ долженъ быть отнесенъ къ нему, чтобы вообще стать историческимъ развитіемъ. Но такимъ же образомъ ко всякому историческому цѣлому принадлежать и духовныя дѣйствительности, къ которымъ въ то же время бываютъ относимы все историческіе индивидуумы.

Конечно, здѣсь повидимому представляетъ трудности одинъ особый случай. То духовное существо, къ которому бываетъ относимо развитіе, и которое тогда необходимо объемлется и историческою связью, можетъ быть единственнымъ, и притомъ имъ можетъ оказываться самъ историкъ, и тогда повидимому все же представляется исключеніе, такъ какъ вѣдь намъ надлежитъ отрѣшиться отъ познающаго субъекта. Однако, если мы всмотримся въ дѣло поближе, оказывается, что въ томъ случаѣ, если въ томъ историческомъ матеріалѣ, который долженъ быть трактуемъ, кромѣ историка нѣтъ на лицо никакого духовнаго существа, историкъ играетъ роль именно не только какъ познающій субъектъ, но въ то же время и находится въ какой нибудь исторической связи съ другими индивидуумами и поэтому необходимо и какъ членъ входитъ въ составъ наиболѣе обширнаго объекта историческаго изложенія или въ цѣлое, представляемое рядомъ стадій телеологическаго развитія. А отсюда вытекаетъ, что въ последнемъ историческомъ цѣломъ всегда должно оказываться на лицо по крайней мѣрѣ одно духовное существо.

Но почему же, наконецъ, это духовное существо всегда должно служить историческимъ центромъ? Въ томъ случаѣ, когда историкъ самъ не только оказывается познающимъ субъектомъ, но и объемлется обширнѣйшею историческою связью трактуемыхъ объектовъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ, разумѣется правда, самъ собою, такъ какъ тогда изложеніе, конечно, руководится тѣми же самыми цѣнностями, къ которымъ историкъ проявляетъ свое отношеніе. Но эту возможность мы упомянули лишь для того, чтобы показать, что не мыслимъ такой случай, въ которомъ среди историческаго матеріала не оказывалось бы ни одного духовнаго существа. Фактически историкъ почти всегда будетъ трактовать такіе ряды стадій развитія, въ которые самъ онъ не входитъ какъ историческій членъ, но въ которыхъ встрѣчаются лишь другія духовныя существа и почему среди этихъ существъ всегда должны оказываться такія, которыя сами проявляютъ отношеніе къ тѣмъ цѣностямъ, которыми руководится историческое изложеніе?

Лишь этот пунктъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ рѣшающее значеніе; но и здѣсь отвѣтъ не труденъ. Если цѣнности ни одного изъ духовныхъ существъ, объемлемыхъ обширѣйшею историческою связью не суть въ то же самое время наши собственные цѣнности, то мы покрайней мѣрѣ должны быть въ состояніи проникаться цѣнностями этихъ существъ, ибо тамъ, гдѣ какая нибудь дѣйствительность не находится въ отношеніи ни къ намъ ни къ понятнымъ намъ, устанавливающимъ цѣнность существамъ, мы всегда будемъ разсматривать ее лишь какъ „природу“, т. е. пытаться подводить ее подъ систему общихъ понятій и поэтому для историческаго трактованія представляются лишь двѣ возможности.

Или: цѣнности духовныхъ существъ, принадлежащихъ къ историческому матеріалу, суть тѣ же самыя цѣнности, по отношенію къ которымъ для излагающаго возникаютъ историческіе индивидуумы. Тогда дѣло просто, такъ какъ тогда эти духовныя существа, само собою разумѣется, становятся и историческими центрами. Такъ напр., въ исторіи искусства, цѣнность искусства, которую историкъ имѣетъ въ виду, образуя историческія понятія, есть та же самая цѣнность, къ которой проявляютъ свое отношеніе и художники, и, слѣдовательно, историческими центрами тогда необходимо должны становиться художники.

Или: цѣнности духовныхъ существъ не совпадаютъ съ цѣнностями излагающаго, какъ это бываетъ, когда дѣло идетъ о событіяхъ, удаленныхъ отъ него пространственно или по времени. Тогда историку надлежитъ настолько проникаться ими, чтобы онъ понималъ ихъ и тогда, разъ онъ вслѣдствіе этого заинтересовался однократными индивидуальными дѣйствіями и побужденіями этихъ существъ, ему, пока онъ желаетъ, чтобы его отношеніе къ нимъ сводилось къ историческому разсмотрѣнію, т. е. имѣетъ въ виду лишь относить ихъ къ цѣностямъ, не остается ничего иного какъ пользоваться и при ихъ трактованіи для отличенія существеннаго отъ несущественнаго тѣми цѣнностями, къ которымъ сами они проявляютъ свое отношеніе. Вѣдь привлекать совершенно инныя цѣнности, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются въ самомъ историческомъ матеріалѣ, имѣло бы смыслъ лишь тогда, еслибы надлежало не излагать, а оцѣнивать объекты съ помощью масштаба цѣнности и мы знаемъ, что это не входитъ въ задачу историка. Поэтому, никоимъ образомъ нельзя говорить о всего лишь случайномъ совпаденіи тѣхъ цѣнностей, которыми руко-

водится трактованіе съ тѣми цѣнностями, которыми руководятся трактуемыя духовныя существа. „Объективное“ научное изложеніе всегда должно заимствовать тѣ цѣнности, которыми руководится образованіе понятій изъ самого историческаго матеріала.

Итакъ, мы видимъ, что, во-первыхъ, всякій историческій индивидуумъ бываетъ относимъ къ духовнымъ существамъ, во-вторыхъ, эти духовныя существа должны встрѣчаться среди тѣхъ объектовъ, изъ которыхъ состоитъ исторически трактуемое послѣднее цѣлое, и наконецъ, въ третьихъ, эти существа должны быть и тѣми духовными исторически центрами, къ которымъ должны быть телеологически относимы все другіе объекты. Итакъ, болѣе узкое понятіе исторіи, прежде установленное какъ простая лишь возможность, становится для насъ понятіемъ исторіи вообще, и въ тоже время благодаря этому, мы значительно болѣе приближаемся къ тому, что эмпирическая наука дѣйствительно даетъ какъ „исторію“, чѣмъ это оказывалось возможнымъ благодаря формальному понятію. Словоупотребленіе, сообразующееся не съ логическими, но съ предметными различіями, назоветъ историческими лишь тѣ изслѣдованія, въ центрѣ которыхъ оказываются духовныя существа.

Но, разъ мы поняли необходимость связи устанавливаемой между понятіемъ объ историческомъ и понятіемъ о духовномъ, благодаря понятію цѣнящаго духовнаго центра, мы понимаемъ также и то, почему почти все теоріи исторической науки стараются найти имѣющій рѣшающее значеніе признакъ для отграниченія ея отъ естествознанія, исходя изъ предметной противоположности между тѣломъ и духомъ. И только что развитыя соображенія не только объясняютъ широкое распространеніе такого рода взглядовъ, но даже обнаруживаютъ ихъ относительную правомѣрность. Все занимающееся разработкой не естественно-научныхъ дисциплинъ, какъ то теологи, юристы, филологи, историки, экономисты, противопоставляя себя естество-испытателямъ, чувствуютъ свою принадлежность къ одной и той жѣ группѣ и, при постановкѣ вопроса о томъ, на чемъ это основывается, всегда обнаружится склонность усматривать въ понятіи о духовномъ ту связь, которая дѣлаетъ изъ нихъ единое цѣлое, такъ какъ ихъ объекты въ самомъ дѣлѣ болѣею частью духовны и должны быть таковыми. Поэтому и тотъ, кто желаетъ обозрѣть всю область научной дѣятельности и ея различія, легко приходитъ къ раздѣленію наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ. И если затѣмъ, при по-

пыткѣ построить теоріи наукъ о духѣ за исходный пунктъ принимается хотящій и цѣнящій субъектъ, то даже можетъ высказываться очень много цѣннаго для характеристики исторіи и ея противоположности естествознанію, такъ какъ естественныя науки, въ противоположность исторіи и другимъ „наукамъ о духѣ“ должны отрѣшати свои объекты отъ этого цѣнящаго субъекта и, слѣдовательно, выбранный исходный пунктъ не оказывается ошибочнымъ ¹⁾.

Однако детальное обсужденіе этого вопроса завело бы насъ далеко, да намъ и нѣтъ надобности въ немъ, такъ какъ легко можно показать, что тотъ, кто хочетъ дѣйствительно понять какъ логическія такъ и предметныя различія между естествознаніемъ и исторіей, несмотря на необходимую связь между исторіей и духомъ, не можетъ достигнуть цѣли, беря за исходный пунктъ духовное и понятіе науки о духѣ.

Намъ нѣтъ надобности доказывать, что при этомъ логическія противоположности метода могутъ скорѣе затемняться, чѣмъ обнаруживаться, такъ какъ хотя бы даже мы брали понятіе духа въ столь узкомъ смыслѣ, что подъ него подходили бы лишь существа, хотящія и цѣнящія, однако и они такъ же могутъ быть подводимы подъ естественно-научныя понятія, какъ и любая дѣйствительность и слѣдовательно выраженіе „наука о духѣ“ остается рѣшительно ничего не выражающимъ въ логическомъ отношеніи.

Но въ сущности не лучше обстоитъ дѣло и тогда, когда понятіемъ духа желаютъ воспользоваться для опредѣленія предметна-

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ замѣтить въ особенности *Grenzüge der Psychologie* 1900 Мюнстерберга. Въ этомъ трудѣ содержится очень интересная попытка установить раздѣленіе наукъ съ точки зрѣнія противоположности между природою и духомъ и онъ отличается прежде всего тѣмъ, что, несмотря на это, принципиальное различіе между психологическимъ и историческимъ трактованіемъ въ немъ не подвергается сомнѣнію. Конечно, и формулируемое Мюнстербергомъ понятіе науки о духѣ кажется мнѣ несостоятельнымъ, такъ какъ, противопоставляя другъ другу „объективирующія“ и „субъективирующія“ науки, онъ благодаря этому настолько обособляетъ другъ отъ друга психологію и исторію, что примѣненіе психологическихъ понятій въ историческомъ изложеніи оказывалось бы въ силу этого обособленія совершенно невозможнымъ, и это несомнѣнимо съ фактами. Далѣе и у Мюнстерберга многозначное понятіе „общаго“ остается неопредѣленнымъ и поэтому отсутствуетъ имѣющее рѣшающее значеніе уразумѣніе связи между историческимъ значеніемъ индивидуальнаго и общими цѣнностями.

го понятія исторіи. Вѣдь тогда оно оказывается въ извѣстномъ отношеніи слишкомъ узкимъ и въ другомъ отношеніи опять таки слишкомъ широкимъ. Оно слишкомъ узко, поскольку лишь историческій центръ долженъ быть проявляющимъ свое отношеніе и, слѣдовательно, духовнымъ существомъ, и даже онъ никогда не долженъ быть изображаемъ исторіей въ его лишь логически изолируемой духовности, но всегда какъ полная духовно-тѣлесная реальность. Напротивъ того, это понятіе слишкомъ широко, поскольку не всѣ хотящія и цѣнящія существа уже суть объекты исторіи. Итакъ, для того, чтобы понятіемъ о духовномъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлялся хотя бы лишь центральный матеріалъ историческихъ наукъ, оно должно было бы быть еще гораздо болѣе узкимъ и слѣдовательно то обстоятельство, что связь между духомъ и исторіей существуетъ лишь постольку, поскольку цѣнящія существа всегда должны быть духовными существами, показываетъ именно то, какъ мало можно извлечь отсюда для опредѣленія предметнаго понятія исторіи. Поэтому было бы въ высшей степени желательно, чтобы въ методологическомъ изслѣдованіи мы совершенно отказались отъ понятія науки о духѣ, такъ какъ соединять съ понятіемъ духа еще болѣе узкій смыслъ, чѣмъ вышеуказанный, во всякомъ случаѣ было бы произвольно. То, что выраженіе „наука о духѣ“ укоренилось, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ духомъ прежде разумѣли нѣчто совершенно иное чѣмъ теперь и, какъ ни безразлично наименованіе само по себѣ, во всякомъ случаѣ хорошо будетъ выбрать терминологию, принимающую въ соображеніе господствующее словоупотребленіе. Благодаря сохраненію выраженій, которыя не только утратили свое прежнее значеніе, но даже и прямо употребляются въ совершенно иномъ смыслѣ, могутъ возникать лишь недоразумѣнія. А слово „духъ“ въ особенности способно вызывать такія недоразумѣнія и поэтому борьба противъ термина „наука о духѣ“ не есть простой лишь споръ о словахъ.

VIII.

Историческія науки о культурѣ.

Если мы желаемъ понять, для какихъ частей дѣйствительности никогда не можетъ быть достаточнымъ естественно-научное трактованіе и какіе предметы не только дѣлаютъ возможнымъ историческое

изложение, но и требуют его, т.-е. если мы желаемъ дѣйствительно установить предметное понятіе исторіи и дойти до него путемъ болѣе точнаго опредѣленія выясненныхъ до сихъ поръ логическихъ принциповъ, мы можемъ при этомъ принять за исходный пунктъ лишь понятіе о цѣнностяхъ, которыми руководится историческое образованіе понятій. Отъ нихъ зависитъ, что становится исторически существеннымъ и что нѣтъ и, въ особенности, болѣе точное опредѣленіе ихъ должно точнѣе опредѣлить понятіе историческаго центра. Но у насъ дѣло идетъ прежде всего объ этомъ, такъ какъ, съ предметнымъ понятіемъ историческаго центра должно, поскольку это возможно, быть дано и предметное понятіе исторіи вообще.

При этомъ само собою разумѣется, что дальнѣйшее развитіе мыслей возможно лишь съ помощью констатированія такихъ фактовъ, которые не могутъ быть понимаемы какъ логически необходимые. То обстоятельство, что историческое изложение руководится нѣкоторою цѣнностью вообще, сдѣлало для насъ понятнымъ то, что историческій центръ всегда оказывается духовнымъ, но уже это могло быть установлено лишь благодаря тому, что мы приняли въ соображеніе тотъ фактъ, что цѣнностями существами въ эмпирически извѣстномъ намъ мірѣ оказываются существа духовныя. И такъ уже это былъ первый шагъ на томъ пути, которымъ намъ теперь приходится идти дальше и, если мы теперь желаемъ еще болѣе сѣзуть все еще слишкомъ широкое понятіе исторіи, мы должны принимать въ соображеніе одинъ за другимъ факты, изъ которыхъ вытекаютъ нѣкоторыя слѣдствія, касающіяся предметнаго понятія исторіи.

Второй шагъ, который намъ приходится сдѣлать, идя этимъ путемъ, находится въ связи съ тѣмъ, что всякое историческое изложение, разъ оно хочетъ быть наукой, должно относить свои объекты къ нѣкоторой цѣнности, которая есть цѣнность для всѣхъ и притомъ прежде всего для всѣхъ тѣхъ, къ которымъ обращается историкъ. Однако всеобщность этой цѣнности можетъ имѣть двоякій смыслъ. Вѣдь цѣнность или дѣйствительно признается всѣми, или предполагается, что всѣ должны признавать ее, т. е. ее общеобязательность можетъ быть или фактической или нормативною¹⁾.

¹⁾ Пока еще вовсе не слѣдуетъ соединять съ понятіемъ нормативно-всеобщей обязательности мысль о какомъ либо сверхъ-эмпирическомъ элементѣ.

Если мы поставимъ вопросъ о томъ, что вытекаетъ отсюда для болѣе точнаго опредѣленія руководящихъ цѣнностей, то взгляды на факты показываетъ, что всякая общая цѣнность, принимаемая въ соображеніе исторіей, должна быть человѣческой цѣнностью. Когда дѣло идетъ о нормативно общихъ цѣнностяхъ, это само собою разумѣется, такъ какъ лишь отъ людей мы требуемъ признанія цѣнностей, но и фактически общепризнанныя цѣнности могутъ быть лишь человѣческими цѣнностями, ибо, разъ историкъ долженъ знать ихъ, онѣ должны допускать эмпирическое констатированіе и это опять таки возможно лишь когда дѣло идетъ о людяхъ. Словомъ, лишь къ человѣческимъ цѣностямъ объекты могутъ быть относимы такимъ образомъ, чтобы благодаря этому они становились историческими индивидуумами.

Но, разъ мы въ правѣ сдѣлать это предположеніе, тогда люди всегда должны стоять и въ центрѣ той дѣйствительности, которая служить объектомъ какого нибудь историческаго изложенія. Вѣдь какая либо дѣйствительность исторически интересуется насъ лишь тогда, когда съ ней находятся въ связи и духовныя существа, которыя сами проявляютъ свое отношеніе къ общимъ человѣческимъ цѣностямъ и поскольку мы можемъ констатировать это, человѣческія цѣнности цѣнятся лишь людьми. И такъ, мы установили теперь понятіе историческаго центра и благодаря этому такое понятіе исторіи, которое еще на одинъ шагъ приближается къ тому, что фактически даетъ какъ „исторію“ эмпирическая наука. Тѣмъ главнымъ предметомъ, къ которому оказывающаяся на лицо исторіографія, относить все остальное, всегда оказывается развитіе человѣческой духовной жизни.

Однако и это понятіе еще слишкомъ широко. Ближайшій, третій шагъ по пути къ его опредѣленію мы дѣлаемъ, принимая въ соображеніе тотъ фактъ, что общія цѣнности и при томъ опять таки какъ фактически общепризнанныя, такъ и нормативно общія, оказываются на лицо лишь у такихъ людей, которые живутъ въ какомъ либо общеніи другъ съ другомъ, стало быть суть социальныя существа въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Мы знаемъ, что въ эмпирической дѣйствительности вообще не существуетъ изолированныхъ индивидуумовъ и духовная жизнь людей, развившихся до личности общихъ цѣнностей, всегда можетъ быть лишь жизнью съ другими людьми. Что касается фактически признаваемыхъ общихъ

цѣнностей, то уже ихъ понятіе подразумѣваетъ, что онѣ суть цѣнности нѣкоторой общественной группы, но и тогда, когда мы признаемъ какую либо цѣнность нормативно общою, признанія ея всегда ждуть отъ какой либо дѣйствительной общественной группы. Только выраженіе „общественная группа“ (gemeinschaft) отнюдь не должно вызывать у насъ мысль лишь о такихъ соціальныхъ группахъ, которыя объединены пространственно и во времени, но мы должны имѣть въ виду и общественныя группы, объединяемыя лишь идеальною связью, напр. состоящія изъ всѣхъ людей, проявляющихъ свое отношеніе къ наукѣ, къ искусству и т. д., при чемъ ихъ члены могутъ быть разсѣяны въ пространствѣ и весьма далеки другъ отъ друга по времени. А разъ мы назовемъ и общія цѣнности такихъ общественныхъ группъ соціальными цѣнностями, мы можемъ сказать, что тѣ цѣнности, которыми руководится историческое изложеніе, всегда суть соціальныя человѣческія цѣнности.

А затѣмъ отсюда вытекаетъ, что и во всякой дѣйствительности, которая должна стать объектомъ историческаго изложенія, должны встрѣчаться люди, которые, благодаря индивидуальности ихъ хотѣнія и дѣйствованія, оказываются по отношенію къ соціальнымъ цѣностямъ индивидуумами и что поэтому въ центрѣ всякаго историческаго изложенія находится имѣющая значеніе благодаря своему своеобразію душевная жизнь нѣкоторой группы людей. И индивидуумы, повидимому столь изолированныя и одинокія, какъ, напр., Спиноза, по отношенію къ научной общинѣ людей или *societas philosophorum*, къ которой они принадлежатъ и должны принадлежать для того, чтобы получить историческое значеніе, должны быть признаны соціальными существами. Итакъ, центральнымъ историческимъ процессомъ всегда оказывается или развитіе нѣкоторой единичной человѣческой духовной жизни, объемлемой нѣкоторою индивидуальною соціальною связью, или нѣкоторое индивидуальное соціальное цѣлое, индивидуальныя члены котораго объединяются въ группы и лишь подводятся подъ нѣкоторое относительно историческое понятіе, такъ какъ всякій единичный членъ исторически существуетъ благодаря однимъ и тѣмъ же волевымъ актамъ и дѣйствіямъ. Тогда всѣ другіе историческіе объекты бывають относимы къ этимъ соціальнымъ индивидуумамъ.

Итакъ, съ помощью съ одной стороны принциповъ историческаго образованія понятій и съ другой стороны тѣхъ трехъ фактовъ, что

цѣнящія существа, суть существа духовныя, что общія цѣнности суть человѣческія цѣнности и что общія человѣческія цѣнности суть соціальныя цѣнности, мы дошли до такого понятія исторіи, которое и съ предметныхъ точекъ зрѣнія зачастую уже признается ея адекватнымъ понятіемъ и примѣняется для ея отграниченія отъ естествознанія. Полагають, что съ одной стороны природа, съ другой стороны соціальная жизнь человѣка, суть тѣ двѣ группы фактовъ, которыя распредѣляютъ между собою двѣ великія группы наукъ, и стало быть мы видимъ, какъ и это пониманіе находить въ нашемъ изслѣдованіи признаніе своей относительной правоты и какъ становится понятнымъ его распространеніе. Только съ этимъ понятіемъ часто соединяется мысль о томъ, что „соціальная“ жизнь не можетъ быть трактуема „индивидуалистически“, при чемъ опять-таки атомъ смѣшивается съ индивидуумомъ или соціальное цѣлое съ общимъ родовымъ понятіемъ и поэтому мы нарочно говоримъ объ „индивидуальной соціальной связи“ и о „соціальныхъ индивидуумахъ“. Это можетъ звучать парадоксально лишь для того, кто не понимаетъ, что реальная общественная связь всегда есть нѣчто индивидуальное, и что именно подведеніе индивидуумовъ подъ какое нибудь общее понятіе выдѣлило бы ихъ изъ соціального историческаго цѣлаго, чтобы обратить ихъ въ абстрактныя атомы.

Однако и установленное теперь понятіе исторіи еще не достаточно опредѣленно для нашихъ цѣлей. И даже ему еще не достаетъ признака, имѣющаго рѣшающее значеніе, такъ какъ оно еще не дѣлаетъ намъ понятнымъ, почему чисто естественно-научное трактованіе человѣческой соціальной духовной жизни должно быть менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ чисто естественно-научное трактованіе какого-либо иного объекта, т. е. почему социология не можетъ дать отвѣта на всѣ научно необходимые вопросы, которые ставятъ намъ жизнь человѣческихъ обществъ, и почему должна существовать и исторія. Итакъ, мы должны еще точнѣе опредѣлить понятіе общей цѣнности, которою руководится историческое изложеніе.

Рѣшающее значеніе при этомъ имѣетъ слѣдующее. Фактически общее признаніе цѣнностей, по отношенію къ которымъ объекты должны становиться историческими индивидуумами, не можетъ основываться исключительно на простомъ лишь называемомъ естественномъ влеченіи, т. е. просто совпадать со склонностью любого индивидуума,

какъ это имѣеть мѣсто, когда дѣло имѣеть о цѣнностяхъ утоленія голода и удовлетворенія полового влеченія. Вѣдь какъ бы ни были „общі“ эти цѣнности, все же ихъ реализація остается лишь дѣломъ единичныхъ индивидуумовъ, и поэтому по отношенію къ нимъ никогда не можетъ возникнуть общеобязательное образованіе индивидуумовъ. Лишь организациі, созданныя членами какой-либо общественной группы для удовлетворенія ихъ потребностей, имѣють въ ихъ индивидуальности въ то же время и значеніе для всѣхъ и, такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что тѣ общія цѣнности, которыми руководится историческое образованіе понятій, всегда должны быть въ то же время и общими дѣломъ членовъ въ некоторой общественной группы. А тогда различіе между фактически общими и нормативно общими цѣнностями исчезаетъ, такъ какъ и фактически общія цѣнности всегда должны въ то же время выступать какъ требованія и постольку быть въ состояніи имѣть силу и какъ нормативно общія цѣнности, какъ это имѣеть мѣсто, когда дѣло идетъ о цѣнностяхъ церкви, націи, права, государства, экономической организаціи, религіи, науки, искусства и т. д. Тогда только люди, становящіеся индивидуумами по отношенію къ такимъ цѣностямъ, получаютъ для исторической науки значеніе историческихъ центровъ, такъ какъ лишь изложеніе, повѣствующее о нихъ, можетъ предполагать признаніе тѣхъ цѣнностей, которыми оно руководится, у всѣхъ тѣхъ, къ кому оно обращается, и, такимъ образомъ, заявлять притязаніе на научную обязательность.

Стараясь прежде всего найти для этихъ цѣнностей общее имя, мы лучше всего опять таки примемъ за исходный пунктъ понятіе природы для того, чтобы увидѣть, что кромѣ логического понятія исторіи еще находится къ ней въ отношеніи противоположности. Однако при этомъ мы можемъ исходить лишь отъ понятія природы, обнимающаго какъ физическое такъ и психическое бытіе, но несмотря на это имѣющаго еще иной смыслъ, чѣмъ тотъ, что оно означаетъ дѣйствительность по отношенію къ общему, а именно мы имѣемъ въ виду то, что въ понятіи природы должны быть объединяемы и тѣ объекты, при разсмотрѣніи которыхъ мы отвлекаемся отъ всѣхъ отнесеній къ цѣностямъ, какъ того требуетъ подведеніе подъ систему общихъ понятій. Тогда появляются двѣ группы понятій, заключающихъ въ себѣ противоположность природѣ.

Уже прежде мы упоминали какъ такія пары понятій какъ при-

рода и искусство, природа и обычай, такъ и такія пары понятій, какъ природа и Богъ, и къ этому второму роду противоположности мы можемъ причислить и противоположность между природою и духомъ, при чемъ тогда подъ духомъ слѣдовало бы, конечно, разумѣть отнюдь не эмпирической матеріаль психологіи. Напротивъ того, общимъ у этихъ послѣднихъ паръ понятій было бы то, что природному какъ не имѣющему цѣнности противопоставляется нѣчто цѣнное, какъ сверхприродное, сверхчувственное, трансцендентное. Однако по существу дѣла ясно, что мы не можемъ пользоваться этой противоположностью здѣсь, гдѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи принциповъ эмпирической науки. Въ противоположность сверхчувственному и историческое есть нѣчто „природное“. Итакъ остается лишь та группа понятій, къ которой принадлежатъ противоположности природы и искусства, природы и обычая и т. д. и то, что здѣсь противопоставляется природѣ, можетъ быть названо лишь культурою.

Это слово, первоначально примѣнявшееся для обозначенія попеченія о почвѣ, теперь употребляется въ качествѣ общаго наименованія для всѣхъ тѣхъ благъ, которыми должны были бы дорожить всѣ члены какого либо общества и попеченія о которыхъ отъ нихъ можно требовать. Итакъ культурныя цѣнности суть нормативно общія социальныя цѣнности, и поэтому противоположность между природою и культурою дѣлаетъ возможнымъ присвокупить къ опредѣленію чисто логического характера исторического метода и предметное понятіе исторіи и установить его въ его противоположности предметному понятію естествознанія. Культура есть общее дѣло въ жизни народовъ, она есть та цѣнность, по отношенію къ которой вещи получаютъ ихъ индивидуальное значеніе, которое должно быть признано всѣми, и историческое изложеніе и образованіе понятій руководятся общими культурными цѣнностями. При этомъ мы оставляемъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, существуетъ-ли между ними и сверхчувственными цѣнностями связь, необходимость которой можетъ обнаружить философія. Эмпирической наукѣ, какъ эмпирической наукѣ нѣтъ дѣла до этой связи. Здѣсь дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы отграничить область того, что вообще служитъ предметомъ оцѣнки и попеченія отъ тѣхъ дѣйствительностей, которыя мы разсматриваемъ и должны разсматривать какъ индифферентныя по отношенію къ цѣностямъ, коль скоро мы желаемъ мыслить ихъ себѣ какъ природу, т. е. какъ экземпляры системы общихъ понятій.

А разъ нормативно общія культурныя цѣнности суть тѣ принципы, которыми руководится всякое историческое изложеніе, мы подвигаемся еще на шагъ впередъ и въ опредѣленіи понятія историческаго центра. Прежде всего само собою разумѣется, что для исторіи становятся существенными прежде всего тѣ люди, которые сами проявляли свое отношеніе къ нормативно общимъ социальнымъ цѣностямъ государства, права, хозяйства, искусства и т. д. и приобрѣли существенное значеніе для хода культуры. Все остальное бытіе оказывается историческимъ лишь постольку, поскольку оно въ своей индивидуальности имѣетъ вліяніе на человѣческую культурную дѣятельность и на ея результаты.

Но этого понятія объ историческомъ центрѣ все еще недостаточно для нашихъ цѣлей. Вѣдь историческая связь должна быть разсматриваема не только постольку, поскольку всякій историческій индивидуумъ находится въ связи съ нѣкоторымъ болѣе обширнымъ социальнымъ цѣлымъ, въ составъ котораго онъ входитъ, какъ членъ; но намъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что исторія всегда должна изображать постепенное развитіе своихъ объектовъ, т. е. ряды измѣненій, которые не могутъ быть разсматриваемы какъ повторенія, но отдѣльныя стадіи которыхъ существенно отличаются другъ отъ друга. Вѣдь можно мысленно представить себѣ и такую общественную группу, члены которой своимъ хотѣніемъ и дѣйствіемъ проявляютъ свое отношеніе къ тѣмъ цѣностямъ, которыя для нихъ нормативно общеобязательны, и даже безпрестанно работаютъ надъ осуществленіемъ нормативно общихъ цѣлей, причѣмъ однако нельзя было бы замѣтить съ теченіемъ времени существенныхъ измѣненій въ своеобразіи ихъ дѣятельности и ея результатовъ. Такія общественныя группы не представляли бы для насъ никакого историческаго интереса, такъ какъ въ нихъ не обнаруживается никакого историческаго развитія и поэтому процессъ ихъ становленія можетъ быть подведенъ подъ общее естественно-научное понятіе ряда повтореній, причѣмъ не утрачивается ничего существеннаго. Но въ такомъ случаѣ мы и не назовемъ этихъ общественныхъ группъ культурными общественными группами, хотя и не отсутствуетъ проявленіе отношенія ихъ членовъ къ нормативно общимъ цѣностямъ, такъ какъ культура въ нынѣ ставшемъ употребительнымъ смыслѣ этого слова равнымъ образомъ существуетъ для насъ лишь тамъ, гдѣ жизнь общественныхъ группъ течетъ такимъ

образомъ, что предпосылкою дѣятельности каждой стадіи служитъ дѣятельность предшествующихъ стадій и гдѣ она продолжаетъ дѣло строительства на доставляемой ими базѣ такимъ образомъ, что между различными стадіями всегда возникаетъ индивидуальное различіе, оказывающееся существеннымъ по отношенію къ общимъ цѣностямъ.

Однимъ словомъ, мы видимъ, что сперва установленное нами понятіе культуры было еще черезчуръ широко. Культура существуетъ лишь тамъ, гдѣ оказывается на лицо и телеологически-историческое развитіе, и, такимъ образомъ, обнаруживается еще болѣе тѣсная связь между культурою и исторіей.

Выяснимъ себѣ это еще и на одномъ понятіи, о которомъ много говорятъ. Говорятъ о „дикихъ народахъ“ (Naturvölkern) и противоплагаютъ ихъ какъ „историческимъ народамъ“, такъ и „культурнымъ народамъ“. Мы видимъ теперь, насколько это правомѣрно и въ какой связи находятся обѣ эти противоположности. Разъ у даннаго народа не обнаруживается никакихъ исторически существенныхъ измѣненій, мы можемъ подвести его лишь подъ общія понятія повтореній, стало быть разсматривать какъ „природу“ въ логическомъ смыслѣ. Но исторически существенныя измѣненія могутъ обнаруживаться у него лишь коль скоро онъ представляетъ телеологическое развитіе по отношенію къ своимъ культурнымъ цѣностямъ. Итакъ историческіе народы всегда должны быть и культурными народами и культура можетъ существовать лишь у историческихъ народовъ. Такимъ образомъ, понятіе культуры и исторіи взаимно обуславливаютъ другъ друга и нѣкоторымъ образомъ находятся въ двойной связи другъ съ другомъ. Лишь культурныя цѣнности дѣлаютъ возможной исторію какъ науку и лишь историческое развитіе порождаетъ культурныя цѣнности. Брядъ-ли требуется упоминать, что въ этомъ отношѣніи не заключается круга въ опредѣленіи. Сама историческая наука есть продуктъ культуры и поэтому можетъ возникнуть лишь благодаря историческому развитію культуры.

Наконецъ, мы опредѣлили теперь понятіе центральныхъ историческихъ процессовъ, насколько это было нужно для нашихъ цѣлей. Тѣ цѣнности, которыми руководится всякое историческое изложеніе, должны быть цѣнности нормативно общеобязательныя и таковыя возникаютъ лишь въ предѣлахъ историческаго развитія. Тотъ матеріалъ, который долженъ становиться существеннымъ по отноше-

нію къ этимъ цѣнностямъ, долженъ заключать въ себѣ какъ историческій центръ развитіе человѣческой культурной жизни, къ которому могутъ быть относимы другія его части.

Само-собою разумѣется, однако, что и это понятіе объ историческомъ матеріалѣ какъ объ исторической культурной жизни лишь формально. Оно не обнимаетъ собой ничего кромѣ хотящихъ и дѣйствующихъ членовъ нѣкоторой исторически развивающейся общественной группы, дѣйствія которыхъ становятся существенными благодаря ихъ индивидуальности, коль скоро ихъ относить къ нормативно общимъ цѣнностямъ ихъ общественной группы и къ согласующимся съ эти послѣдними цѣнностямъ, которыми руководится ихъ изложеніе. Но то, какое особое содержаніе имѣютъ эти цѣнности и эти дѣйствія, остается неопредѣленнымъ и до этого нѣтъ дѣла логическому изслѣдованію. Различныя культурныя цѣнности и соотвѣтствующіе имъ культурные объекты, которые мы упоминали, должны лишь служить примѣрами. Формальнаго понятія достаточно для того, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ, который намъ еще приходится поставить ¹⁾.

Прежде всего теперь уже не можетъ подлежать сомнѣнію то, какое наименованіе должно оказываться наиболѣе подходящимъ для цѣнностей, которыми руководится исторія, а соотвѣтственно этому, и для того, что исторически существенно по отношенію къ нимъ. Что касается термина „науки о духѣ“, о которомъ уже шла рѣчь выше, то историческіе центры, конечно, всегда „духовны“. Однако въ данномъ случаѣ это значитъ не только психическіе и не только проявляющіе свое отношеніе и поэтому слово „духовные“ въ его нынѣшнемъ значеніи непригодно для обозначенія ихъ. Подъ культурой же напротивъ того всякій тотчасъ разумѣетъ нѣчто вообще культивируемое (*allgemein geŕefegtes*), а потому и вообще цѣнимое въ противоположность предоставленной самой себѣ и своему росту при-

¹⁾ То обстоятельство, что мы называемъ установленное нами теперь понятіе исторіи какъ предметнымъ, такъ и формальнымъ, не должно вызывать недоумѣнія. Оно предметно по сравненію съ чисто логическимъ понятіемъ, а формально по сравненію съ понятіемъ изложенія, трактующаго какой либо опредѣленный историческій матеріалъ. Лишь въ послѣдствіи выяснится, до какой степени нормативно общія культурныя цѣнности, которыми руководится объективное историческое изложеніе, нестремѣнно должны оставаться формальными.

родѣ. Далѣе подъ понятіе культурныхъ объектовъ подходятъ и тѣла, имѣющія при каждой культурной работѣ для людей значеніе средствъ или цѣлей, и это необходимо, такъ какъ исторія должна трактовать и о нихъ въ ихъ существенной индивидуальности, равнымъ образомъ, какъ о духовныхъ процессахъ. Машины, изобрѣтенныя человѣкомъ, все развитіе техники есть историческій объектъ. Затѣмъ— и это весьма важно—слово „культура“ обозначаетъ и такіе психическіе процессы, которые не рѣшаются называть духовными, и которыя однако могутъ быть въ высшей степени существенны для исторіи, какъ, напр., „матеріальные“ т. е. экономическіе процессы въ жизни народовъ. Логическое изслѣдованіе, стремящееся къ тому, чтобы понять всѣ историческія изложенія, не въ правѣ брать понятія историческаго матеріала слишкомъ узкимъ и признавать объектомъ, достойнымъ историческаго трактованія, лишь „высшую“ или „наивысшую“ духовную жизнь. Какъ ни ложно утвержденіе, гласящее, что развитіе техники или экономической жизни есть на самомъ дѣлѣ существенное въ исторіи, столь же ошибочно было бы ограничивать логическое понятіе исторіи другими частями развитія культуры, какъ какъ не только различныя области человѣческой дѣятельности находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ, но и въ организаціяхъ экономической жизни и техническихъ развитіяхъ обнаруживаются существенныя измѣненія по отношенію къ нормативно общимъ цѣнностямъ, и поэтому они подходятъ, хотя и не подъ понятіе „духа“, но подъ понятіе исторически развивающейся культуры ¹⁾.

¹⁾ Въ своемъ только что вышедшемъ „Введеніи въ философію“ Вундтъ polemизуетъ противъ раздѣленія наукъ, которое я пытался дать уже въ моемъ сочиненіи „*Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*“. Онъ порицаетъ установленіе логической противоположности между естественнонаучнымъ и историческимъ, такъ какъ она только формальна. Но она необходимо и обязательно должна быть именно формальной для того, чтобы выяснить логическую сущность наукъ такъ какъ логика есть наука о формахъ мышленія. Прочія возраженія Вундта становятся безпредметными, коль скоро принимается въ соображеніе понятіе объ относительно-историческомъ, чего къ сожалѣнію не сдѣлалъ Вундтъ. Его возраженія противъ формулируемой мною противоположности между наукою о культурѣ и естествознаніемъ отчасти основаны на недоразумѣніи, такъ какъ я никогда не думалъ усматривать въ „односторонней оцѣнкѣ вещей по ихъ культурной цѣнности единственную задачу науки“, и даже вообще не считаю прямую оцѣнку чисто научной задачей исторіи. По су-

Наконецъ мы понимаемъ теперь и то, почему нѣкогда было правомѣрно говорить о наукахъ о духѣ, такъ какъ слово „духъ“ напр., въ Гегелевской философіи имѣло значеніе, подходящее по крайней мѣрѣ для очень многихъ историческихъ центровъ. Тамъ духомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ называлось то, что перестало быть тождественнымъ съ всего лишь психическимъ и то, что какъ право, мораль и нравственность, какъ искусство, религія и философія представляетъ историческое осуществленіе нормативно общихъ цѣнностей. Итакъ, духъ означалъ то, что мы теперь называемъ культурой, только Гегелевское понятіе кажется намъ нѣсколько узкимъ для историческихъ объектовъ. Итакъ, мы лишь сообразуемся съ измѣненіемъ въ словоупотребленіи и съ расширеніемъ понятія объ историческомъ матеріалѣ, предпочитая выраженіе „культура“ выраженію

существу же дѣла, какъ мнѣ кажется. развиваемыя Вундтомъ соображенія способны только обнаружить цѣлесообразность моей терминологіи. Конечно слѣдуетъ, согласиться съ тѣмъ, что слово „культура“ имѣетъ переносное значеніе, но вѣдь не можетъ же философія пожелать избѣгать всѣхъ словъ, имѣющихъ переносное значеніе, и то обстоятельство, что встрѣчается выраженіе „Kulturingenieur“ не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы отказатья отъ выраженія „Kulturwissenschaft“. Что сказалъ бы Вундтъ, если бы кто либо вздумалъ отвергнуть терминъ „Geisteswissenschaft“ потому, что мы говоримъ и о спиртныхъ („geistigen“) напиткахъ? Затѣмъ, если Вундтъ говоритъ, что „вѣдь именно первоначальнѣйшія содержанія понятій, раціональныя орудія производства въ сельскомъ хозяйствѣ, машины и химическія вспомогательныя средства индустріи правильно причисляются нами къ естествознанію и его примѣненіямъ“ и вынужденъ признаться, что я не могу соединить съ этой фразой однозначнаго смысла. Имѣетъ Вундтъ въ виду сказать этимъ, что для изобрѣтенія машинъ нужны естественно-научныя свѣдѣнія? Но вѣдь это нисколько не касается раздѣленія наукъ. Само изобрѣтеніе не „причисляется нами“ ни къ какой наукѣ, а съ изобрѣтенными объектами, имѣетъ дѣло не естествознаніе, но исторія техники и кромѣ того всякая исторія, занимающаяся такою областью, для которой изобрѣтенія получили существенное значеніе. Итакъ, терминъ „науки о культурѣ“ кажется мнѣ пригоднымъ именно потому, что онъ подходит и къ историческимъ изложеніямъ технической и „матеріальной“ культуры. Впрочемъ я не могу не выразить сожалѣнія по поводу того, что возраженія Вундта касаются лишь терминологическихъ вопросовъ, и что онъ едва затрогиваетъ и отнюдь не пытается опровергнуть тѣ предметныя основанія, которыя должны приводить къ замѣнѣ утратившаго нынѣ всякое значеніе выраженія „наука о духѣ“ терминомъ „наука о культурѣ“.

„духъ“. „Духъ“ народа для насъ есть культура народа. Лишь гегелланцу еще умѣстно было бы говорить о наукахъ о духѣ.

Конечно, и выраженіе „культура“ не абсолютно гарантировано отъ недоразумѣній и даже оно употребляется теперь и такимъ образомъ, что оно можетъ казаться непригоднымъ именно для нашей цѣли. Мы уже указали разъ на то обстоятельство, что исторія, будто бы придерживающаяся естественно-научнаго метода, называется своими сторонниками „культурною исторіей“, при чемъ въ то же время утверждается, что она получаетъ новое содержаніе благодаря тому, что она противопоставляется политической исторіи. Но наше понятіе культуры обнимаетъ, само собой разумѣется, и государственную жизнь, и поэтому политическая жизнь равнымъ образомъ есть культурная исторія въ нашемъ смыслѣ.

Итакъ, противникамъ политической исторіи и сторонникамъ такъ называемой „культурной исторіи“ нашъ терминъ можетъ казаться неподходящимъ. Однако для насъ и это служить лишь новымъ основаніемъ для того, чтобы продолжать пользоваться словомъ „культура“ въ методологическомъ изслѣдованіи. Все противоположеніе политической исторіи культурной неудачно и вообще нисколько не касается вопросовъ историческаго метода. Развитие религіозной, церковной, правовой, нравственной, научной, художественной или экономической культуры точно такимъ же образомъ должно быть трактуемо съ помощью индивидуальныхъ понятій, какъ развитие политической культурной жизни. Различія могутъ возникать лишь въ отношеніи того, въ какой мѣрѣ приходится примѣнять абсолютно и относительно историческія понятія, но мы уже знаемъ, что предпочтеніе объектовъ, подводимыхъ подъ относительно историческія понятія означаетъ то, что историческій интересъ руководится методологическими предразсудками и что, слѣдовательно, исторія прямо таки искажается. Итакъ, та путаница, которой только и обусловливается приравненіе другъ къ другу естественно-научной исторіи и культурной исторіи и злоупотребленіе выраженіемъ „культурная исторія“ не могутъ помѣшать намъ признать объектомъ историческихъ наукъ развитіе человѣческой культуры¹⁾.

¹⁾ Странное впечатлѣніе производитъ утвержденіе Лампрехта (въ рецензій на мое сочиненіе „Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft“ въ журналѣ „Literarisches Centralblatt“, 1899, № 2), гласящее, что я „отвергнулъ взглядъ Шэфера на государство, какъ на подлинную сферу исторіи и

Стараясь теперь опредѣлить еще нѣсколько точнѣе, что такое есть наиболѣе обширный центръ или мыслимо наиболѣе обширная центральная историческая связь, мы съ формальныхъ точекъ зрѣнія могли бы принять за таковую культурное челоѣчество и характеризовать изложеніе его однократнаго индивидуальнаго развитія какъ наиболѣе обширную задачу исторіи. Однако съ логическихъ точекъ зрѣнія нельзя рѣшить, разрѣшима-ли такая задача въ единомъ изложеніи. Вѣдь необходимую предпосылку ея разрѣшимости составляетъ познаніе всѣхъ до сихъ поръ выработанныхъ цѣнностей, такъ какъ безъ этого познанія мы не только не въ состояніи давать такіа изложенія исторіи различныхъ частей культурнаго челоѣчества, которыя руководились бы точками зрѣнія, почерпнутыми изъ собственной ихъ культурной жизни, но и вообще не знаемъ, какія части челоѣчества культурны и какія нѣтъ. Мы видѣли, правда, какъ на основаніи развитыхъ нами соображеній можетъ быть дано точное опредѣленіе и оправданіе различія между дикими народами и историческими или культурными народами, такъ какъ, если у какого либо народа не обнаруживается съ теченіемъ времени никакихъ существенныхъ измѣненій по отношенію къ нормативно общимъ культурнымъ цѣностямъ, мы подводимъ его лишь подъ естественно-научныя общія понятія и говоримъ, что у него нѣтъ никакого историческаго развитія. Но и это разграниченіе формально, т. е. мы можемъ рѣшить вопросъ о томъ, оказывается-ли у какого нибудь народа культура и историческое развитіе лишь имѣя при этомъ въ виду норма-

стою на „почвѣ новѣйшаго воззрѣнія на исторію“. Мнѣ хотѣлось бы знать, на какомъ мѣстѣ моего сочиненія основываетъ Лампрехтъ это утвержденіе. Фактически я прямо протестовалъ противъ того, чтобы понятіе культурной исторіи противопоставлялось политической исторіи. Лампрехтъ, конечно, не вполнѣ понялъ, что я имѣю въ виду, говоря о при мѣненіи культурныхъ цѣнностей въ исторіи, какъ это уже констатировали фонъ-Бэловъ (Preuss. Jahrbücher, Bd. 95, S. 550) и М. Шейбе (Theol. Jahresbericht 19, S. 610). Другое нападеніе Лампрехта на тѣхъ, которые не хотятъ признавать новаго метода (Die Kulturwissenschaftliche Methode, S. 24) равнымъ образомъ основано на недоразумѣніи и уже опровергнуто Шелеромъ. Шелеръ (Die transcendente und die psychologische Methode) полагаетъ, что это нападеніе направлено противъ Виндельбанда и противъ меня и, хотя онъ также противникъ моей теоріи, говоритъ, „лишь цѣлый ворохъ недоразумѣній со стороны Лампрехта, разбирать которые не стоитъ здѣсь, объясняя эту поразительную фразу“. Я не могу противорѣчить Шелеру.

тивно общія цѣнности, содержаніе которыхъ намъ извѣстно, и, пока у насъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что мы знаемъ всѣ эти цѣнности, мы должны будемъ избѣгать того, чтобы отказывать какому либо народу въ имени культурнаго народа.

Этимъ мы всегда выражали бы лишь то, что мы не способны привести его въ связь съ нашими культурными цѣностями и, имѣя въ виду эти послѣднія, понять его процессъ становленія какъ историческое развитіе. Однако это не исключаетъ возможности развитія для такого народа совершенно опредѣленныхъ, неизвѣстныхъ или непонятныхъ намъ нормативно общихъ цѣнностей, по отношенію къ которымъ различныя стадіи представляютъ существенныя измѣненія, вслѣдствіе чего собственное развитіе кажется этому народу вполнѣ историческимъ развитіемъ. Поэтому и наше логическое отграниченіе дикихъ народовъ отъ историческихъ культурныхъ народовъ не должно быть понимаемо такимъ образомъ, что дѣйствительно существуютъ абсолютно неисторическіе челоѣческіе дикіе народы. Необходимо неисторическими для насъ всегда должны оставаться лишь такіа общежитія существъ, стоящихъ ниже челоѣка, какъ обозначаемыя въ высшей степени неудачнымъ и служащимъ источникомъ смѣшенія понятій наименованіемъ „государства животныхъ“ народы пчель или муравьевъ.

Итакъ, мы видимъ, что понятіе объ единомъ культурномъ челоѣществѣ и его исторіи оказывается совершенно проблематическимъ. То, что мы разумѣемъ подъ исторіей культурнаго челоѣчества и обыкновенно называемъ „всемирной исторіей“, есть исторія всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ обнаруживаются измѣненія, существенныя по отношенію къ извѣстнымъ намъ нормативно общеобязательнымъ цѣностямъ и которые поэтому характеризуются намъ какъ культурные народы и историческіе народы. Итакъ, съ логическихъ точекъ зрѣнія мы можемъ признать наиболѣе обширнымъ историческимъ центромъ лишь совокупность процессовъ развитія, признаваемыхъ нами культурною, не желая какимъ либо образомъ опредѣлить, на какіе народы распространяется это понятіе, т. е. хотя къ культурѣ въ каждый моментъ принадлежитъ опредѣленное число народовъ, однако объемъ этого понятія, всегда можетъ увеличиться.

Мы ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ построить еще болѣе обширнаго понятія центральнаго объекта исторіи, чѣмъ понятіе культурнаго челоѣчества. Сдѣлать историческимъ центромъ, челоѣчество

вообще было бы правомѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы мы были въ правѣ предположить, что понятіе человѣчества совпадаетъ съ понятіемъ культурнаго человѣчества. Это нисколько не измѣняется и вслѣдствіе того обстоятельства, что мы должны разсматривать, быть можетъ, всякаго человѣка такъ, какъ будто онъ культурный человѣкъ, такъ какъ всякій человѣкъ можетъ стать культурнымъ человекомъ, ибо, во-первыхъ, это этическая, а отнюдь не историческая точка зрѣнія, и во-вторыхъ, исторія должна заниматься не представляющимися въ будущемъ возможностями, но исключительно прошедшимъ.

Напротивъ того, намъ нельзя будетъ установить понятіе объ историческомъ объектѣ вообще или понятіе о послѣднемъ историческомъ цѣломъ столь же отчетливо, какъ понятіе о наиболѣе обширномъ историческомъ цѣломъ, такъ какъ съ логическихъ точекъ зрѣнія нельзя рѣшить, какія дѣйствительности могутъ становиться благодаря ихъ индивидуальности, важными для культурнаго человѣка такимъ образомъ, что онѣ также должны быть относимы къ тѣмъ цѣностямъ, которыми руководится изложеніе и становится историческими индивидуумами и, если уже, когда дѣло идетъ о первостепенно-историческихъ объектахъ, нельзя провести никакой границы, то второстепенно-историческимъ объектомъ можетъ становиться почти всякая дѣйствительность. Но у насъ нѣтъ никакого интереса къ тому, чтобы далѣе прослѣживать различныя оказывающіяся здѣсь возможности, такъ какъ уже понятіе историческаго центра позволяетъ намъ разобраться въ тѣхъ вопросахъ, которые еще занимаютъ насъ здѣсь, а именно, установить предметное понятіе исторіи, которое не только отчетливо обособляется отъ предметнаго понятія естественныхъ наукъ и явственно свидѣтельствуетъ о положеніи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческихъ наукъ въ системѣ совокупности эмпирическихъ наукъ, но которое показываетъ въ тоже время, почему, когда дѣло идетъ о культурныхъ процессахъ, трактованіе только естественно-научное или соціологическое никогда не оказывается достаточнымъ, а слѣдовательно, непременно требуется ихъ историческое трактованіе.

Если мы желаемъ прежде всего обзрѣть всѣ эмпирическія науки и ихъ раздѣленіе, пользуясь выясненными выше понятіями, мы должны привести логическую противоположность между природою и исторіей въ связъ съ предметною противоположною между приро-

дою и культурою. Тогда между историческими науками о культурѣ и естественными науками оказывается противоположность какъ относительно, матеріала, такъ и относительно метода. Однако, при этомъ слово „природа“ употребляется въ одно и тоже время въ двухъ значеніяхъ, такъ какъ лишь благодаря этому, понятія логическое и предметное могутъ быть обозначаемы однимъ терминомъ. Методически природа есть дѣйствительность, разсматриваемая такъ, что при этомъ имѣется въ виду общее въ противоположность частному, предметно же, напротивъ того, дѣйствительность разсматриваемая такъ, что при этомъ отвлекаются отъ всѣхъ отнесеній къ цѣностямъ, въ противоположность культурѣ. Итакъ, для того, чтобы вполне обнаружить противоположность историческимъ наукамъ о культурѣ, мы на самомъ дѣлѣ должны говорить о естественно-научныхъ или оперирующихъ съ общими понятіями (*naturwissenschaftlichen - oder allgemeinbegrifflichen*) наукахъ о природѣ и объ оперирующихъ съ индивидуальными понятіями (*individuellbegrifflichen*) наукахъ о культурѣ.

Однако, обѣ эти группы представляютъ собой лишь полярныя крайности и взаимная связъ между четырьмя различными понятіями, а именно предметными: природою и культурою и логическими: естественно-научнымъ и историческимъ или оперирующимъ съ общими понятіями и оперирующимъ съ индивидуальными понятіями, можетъ быть установлена еще и инымъ образомъ.

Вѣдь прежде всего съ одной стороны вся дѣйствительность можетъ быть разсматриваема какъ природа, а затѣмъ и все то, что оказывается культурой, также допускаетъ естественно-научное трактованіе. Тогда мы отвлекаемся отъ цѣностей культуры и тогда возникаютъ естественно-научныя науки о культурѣ, какъ, напр., большинство изслѣдованій, обозначаемыхъ наименованіемъ „соціологія“. Съ другой стороны историческая мысль о развитіи равнымъ образомъ можетъ быть перенесена на природу, которая сама по себѣ не обладаетъ значеніемъ, и тогда возникаютъ историческія естественныя науки, какъ то историческая биологія.

Однако, какъ мы легко можемъ видѣть, многообразіе научной жизни еще не исчерпывается и этимъ раздѣленіемъ. Если мы чисто схематически—и такого рода схематизмъ не лишенъ цѣнности въ логическомъ интересѣ—разсмотримъ возможныя комбинаціи, получатся четыре слѣдующихъ рода. Прежде всего мыслимо, что какъ

природные так и культурные объекты совместно трактуются согласно одному и тому же методу и далее не исключена возможность того, что хотя материал цѣленъ, однако въ методѣ смѣшиваются элементы, выражаемые въ общихъ понятіяхъ и элементы историческіе. Если, напр., дѣлается попытка установить законы природы для художественной или религіозной жизни, то изслѣдованіе будетъ относиться къ материалу, который принадлежит хотя большею частью къ культурѣ, однако отчасти и къ природной жизни, такъ какъ ему придется заняться и разсмотрѣніемъ религіи и искусства дикихъ народовъ, у которыхъ для насъ не обнаруживается никакого историческаго развитія. Затѣмъ историческое разсмотрѣніе можетъ прослѣживать постепенное возникновеніе культуры изъ природы, причемъ ему въ такомъ случаѣ равнымъ образомъ придется заняться обѣими областями матеріала. Далѣе, и когда дѣло идетъ о цѣльномъ матеріалѣ, возможно бываетъ смѣшеніе оперирующаго съ общими понятіями и историческаго способовъ разсмотрѣнія, какъ, напр., въ филогенетической біологіи, и, наконецъ, при изслѣдованіи культурныхъ процессовъ историческое образованіе понятій и естественно-научное образованіе понятій, могутъ настолько сочетаться другъ съ другомъ, что разграничить ихъ можетъ только тщательный анализъ, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ политической экономіи. Само собою разумѣется, что никакая логика не въ правѣ оспаривать правомѣрность этихъ смѣшанныхъ формъ. Итакъ, когда мы говоримъ, что всѣ эмпирическія науки придерживаются или естественно-научнаго или историческаго метода, и что трактуемымъ ими матеріаломъ служить или природа или культура, то при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду вышеуказанное ограниченіе. Смѣшанныя формы должны быть понимаемы ученіемъ о методѣ, именно какъ смѣшанныя формы. И различныя составныя части могутъ быть разграничиваемы другъ отъ друга лишь въ понятіяхъ. Въдѣ мы желаемъ не подогнать научную жизнь подъ наивозможно болѣе простую схему, но отдать должное именно ея многообразію и разрушить логическія утопіи нѣкоего универсальнаго метода. Сама наука есть историческій процессъ и поэтому не обнимается цѣликомъ никакою схемою.

Наконецъ, оказывается необходимымъ и еще одно дальнѣйшее ограниченіе, касающееся ея многообразія. Гдѣ же остаются такія науки, какъ теологія, юриспруденція и извѣстные отдѣлы политической экономіи, если развитая нами схема должна оказаться полною?

Въ нихъ не только культурные и природные процессы трактуются согласно историческому и естественно-научному методу, но присоединяются еще и совершенно новые элементы, сочетающіеся съ этими процессами. Это должно бросаться въ глаза прежде всего во всѣхъ тѣхъ наукахъ, которыя становятся единымъ цѣлымъ главнымъ образомъ благодаря тому, что знаніе ихъ необходимо для опредѣленной профессіи. Въдѣ большинство тѣхъ наукъ, которыя не только возникли въ силу потребностей практической жизни, но и прямо стараются поддерживать связь съ практической жизнью, оказываются находящимися еще и въ совершенно иномъ отношеніи къ точкамъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности, чѣмъ то отношеніе, которое выяснилось намъ при разсмотрѣніи исторически-телеологическаго образованія понятій, т. е. онѣ будутъ пытаться найти масштабъ для прямой оцѣнки вещей и установить нормы. Однако, если это установленіе нормъ служить лишь для практическихъ цѣлей, эти науки не занимаютъ насъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ этимъ онѣ выходятъ изъ предѣловъ ихъ научной задачи и поэтому ихъ такъ же правомѣрно или такъ же не правомѣрно можно причислить къ наукамъ историческимъ или къ наукамъ о культурѣ, какъ медицина причисляется къ естественнымъ наукамъ.

Напротивъ того, дѣло обстоитъ инымъ образомъ въ томъ случаѣ, если науки и въ чисто теоретическомъ интересѣ не только относятся свои объекты къ цѣностямъ, но и прямо проявляютъ свое отношеніе къ цѣностямъ. Тогда къ выражаемымъ въ общихъ понятіяхъ и историческимъ составнымъ частямъ присоединяются еще нормативные элементы и благодаря этому въ самомъ дѣлѣ возникаютъ совершенно новыя комбинаціи. Однако мы уже не въ правѣ характеризовать такія науки какъ чисто эмпирическія. Напротивъ того, онѣ находятся въ связи съ философіей и лишь въ связи съ ней могутъ дѣлать попытку научно устанавливать нормы. Теологія будетъ содержать въ себѣ религіозно-философскіе элементы, юриспруденція и политическая экономія—этическія составныя части въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ особенности элементы философіи права и философіи государствовѣдѣнія. Задача, состоящая въ томъ, чтобы понять логическую структуру этихъ дисциплинъ была бы столь же интересна, какъ и трудна, и при этомъ могутъ возникать проблемы, долженствующія приводить къ формулировкѣ совершенно новыхъ методологическихъ точекъ зрѣнія. Напр. понятіе государства, конечно, не есть ни естественно-научное ни чисто историческое по-

нятіе. Однако въ данномъ случаѣ мы весьма далеки отъ того, чтобы хотя бы лишь только намѣчать систему наукъ, которая получила бы, коль скоро принимались бы во вниманіе эти элементы. Мы указали на нее лишь для того, чтобы смыслъ нашего противопоставленія естествознанія исторіи не вызывалъ недоразумѣній и прежде всего для того, чтобы не допустить мысли, будто бы указаніе на такую науку какъ юриспруденція могло играть роль возраженія противъ нашей теоріи.

Важнѣе всего для насъ то, чтобы не упускалось изъ виду многообразіе методовъ. Не только не существуетъ никакого научнаго универсальнаго метода, но и нельзя дать исчерпывающую характеристику всѣхъ наукъ при посредствѣ одной единственной пары понятій. Конечно, для того, кто стремится къ наивозможно болѣе простому раздѣленію, такіа выраженія какъ „наука о духѣ“ наиболѣе удобны, такъ какъ они настолько неопредѣленны, что подъ нихъ легко можно подвести все то, что не есть естествознаніе, стало бы исторію и социологію, теологію и филологію, юриспруденцію и философію, психологію и политическую экономію и затѣмъ противопоставить эту группу физикѣ, химіи, біологіи, геологіи и т. д. Однако, какъ бы ни было это „удобно“, нельзя будетъ утверждать, чтобы это чѣмъ либо способствовало пониманію логическаго и предметнаго отношенія различныхъ наукъ другъ къ другу. Но, коль скоро мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ матеріалѣ науки заключается принципиальное различіе, поскольку культурные процессы выдѣляются изъ совокупности дѣйствительности благодаря ихъ значенію для человека и въ силу ихъ значенія требуютъ и такого научнаго изслѣдованія, которое не подводило бы ихъ подъ систему общихъ понятій, но прослѣживало бы ихъ въ ихъ однократномъ индивидуальномъ становленіи, это тотчасъ же ориентируетъ насъ и способствуетъ пониманію научной дѣятельности. Тогда по сравненію съ этою принципиальною противоположною, всѣ прочія различія, по крайней мѣрѣ въ области чисто эмпирической научной работы, не стремящейся къ установленію понятій, имѣющихъ нормативное значеніе, представляются несущественными. Итакъ, мы противопоставляемъ вслѣдствіе этого историческія науки о культурѣ естественнымъ наукамъ и намъ выясняется, что именно то, что трактуется историческими науками о культурѣ, составляетъ для естественно-научнаго образованія понятій предѣлъ, котораго послѣднее никогда не можетъ

перешагнуть. Конечно, мы не отрицаемъ того, что существуетъ множество смѣшанныхъ формъ, характеръ которыхъ можетъ быть надлежащимъ образомъ выясненъ лишь въ болѣе сложной схемѣ, но мы не можемъ видѣть въ этомъ аргумента противъ нашего раздѣленія или въ пользу сохраненія ничего не выражающаго выраженія „науки о духѣ“.

Наконецъ, разъ выяснилось положеніе историческихъ наукъ о культурѣ въ системѣ научныхъ дисциплинъ, мы видимъ также, съ какой точки зрѣнія изображеніе объектовъ культуры въ ихъ однократномъ и индивидуальномъ развитіи становится научною необходимостью и всякая замѣна исторіи социологіей должна быть отвергнута. Конечно, это обнаруживается опять-таки въ связи съ понятіемъ руководящихъ цѣнностей. Вѣдь коль скоро мы приводимъ дѣйствительности въ связь съ такими цѣнностями, которыя выступаютъ съ притязаніемъ на нормативную всеобщность, то выраженіе этихъ объектовъ въ индивидуальныхъ понятіяхъ окажется обязательнымъ въ той же мѣрѣ, въ какой нормативно всеобщія цѣнности требуютъ нашего признанія, причемъ это нисколько не можетъ измѣниться даже и вслѣдствіе того, что практическая точка зрѣнія покидается въ пользу чисто теоретическаго разсмотрѣнія. Напротивъ того, потребность въ историческомъ знаніи продолжаетъ существовать и для теоретика, относящаго объекты лишь къ нормативно всеобщимъ цѣностямъ, и поэтому у него долженъ существовать чисто научный интересъ къ культурнымъ процессамъ, который никогда не можетъ быть удовлетворенъ ихъ естественно-научнымъ трактованіемъ. (Напротивъ того, они необходимо вызываютъ постановку чисто теоретическаго вопроса о томъ, какъ они возникли въ ихъ индивидуальной формѣ, черезъ какія различныя стадіи прошли они въ теченіи времени и какими индивидуальными причинами опредѣлялся индивидуальный процессъ ихъ становленія. Попытка подвести и культурные объекты только подъ систему общихъ понятій и отвергнуть всякое иное трактованіе, стало бы вытѣснить исторію социологіей, можетъ представиться лишь совершенно ненаучнымъ подавленіемъ этихъ интересовъ и привести къ обѣдненію науки. Утвержденіе, гласящее, что историческій интересъ не есть научный интересъ было бы правильно лишь въ томъ случаѣ, если бы не только непосредственныя практическія сужденія, выражающія оцѣнку, но и чисто теоретическія от-

несения къ цѣнностямъ должны были бы быть устраняемы изъ науки, и тотъ, кто утверждаетъ это, предполагаетъ при этомъ уже такое понятіе о наукѣ, которое не можетъ быть принято какъ само собою разумѣющееся, но еще должно быть оправдано. Вытекающія же отсюда проблемы могутъ быть разрѣшены не на основаніи какихъ либо натуралистическихъ предубѣжденій, какъ это принято дѣлать по нынѣшней модѣ, но лишь на основаніи гносеологическаго изслѣдованія, которымъ мы должны заняться въ послѣдней главѣ.

Въ заключеніе, въ связи съ проблемами, размариваемыми въ этой главѣ, мы лишь вкратцѣ укажемъ еще на одну проблему, часто обсуждаемую въ трактатахъ объ историческомъ методѣ. Можно ли говорить о „подлинной“ области труда исторіи? Для насъ попытка отграничить такую область означаетъ не что иное, какъ рѣшеніе предпочитать одну культурную цѣнность или нѣсколько культурныхъ цѣнностей другимъ культурнымъ цѣностямъ такимъ образомъ, что благодаря этому понятіе объ историческомъ центрѣ становится еще болѣе узкимъ и ограничивается частью человѣческой культурной жизни. Но это можетъ имѣть мѣсто лишь коль скоро принимаются въ соображеніе касающіяся содержанія опредѣленія различныхъ культурныхъ цѣнностей, а эти опредѣленія составляютъ предметъ не логики, а самой исторіи. Наше понятіе культуры формально и должно остаться формальнымъ. Итакъ, если уже понятіе наиболѣе обширнаго историческаго центра допускало лишь формальное опредѣленіе, то совершенно исключена возможность того, чтобы ученіе о методѣ давало отвѣтъ на вопросъ о томъ, что составляетъ подлинную область труда исторіи. Напр. вопросъ о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ государству принадлежитъ центральное положеніе во всемъ развитіи культуры и стало бы подлинную область труда исторіи представлять собою политическое развитіе, могутъ рѣшить историки между собой, или развѣ что философія государства, какъ ученіе о „конкретной нравственности“ можетъ имѣть голосъ при этомъ. Однако, обсужденіе и этой точки зрѣнія внесло бы лишь путаницу въ наше логическое изслѣдованіе.

Ученіе о методѣ будетъ въ состояніи высказать лишь слѣдующее. Попытку вообще вычеркнуть политическую исторію изъ ряда наукъ вовсе не слѣдовало бы серьезно обсуждать. Имѣются на лицо историческіе труды какъ факты, доказывающіе плодотворность политической точки зрѣнія при трактованіи извѣстныхъ частей культур-

наго развитія гораздо лучше, чѣмъ это могло бы сдѣлать какое бы то ни было теоретическое разсмотрѣніе. Всякая теорія объ ея не-научности основана на ненаучномъ натуралистическомъ догматизмѣ. Но съ другой стороны попытка объявить политическую исторію подлинною исторіей правомѣрна лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно было доказано на основаніи историческихъ фактовъ, что иная цѣнность кромѣ цѣнности государства не можетъ служить руководящею при трактованіи болѣе обширныхъ историческихъ связей, но можетъ находить примѣненіе лишь при ограниченіи опредѣленными частными развитіями, напр. развитіемъ искусства, хозяйства, религіи. Такъ какъ это доказательство могло бы считаться дѣйствительно представленнымъ лишь въ случаѣ неудачи всѣхъ попытокъ эмансипироваться отъ политическихъ точекъ зрѣнія, то логика будетъ имѣть возможность только радоваться тому, что производятся и попытки такой эмансипаціи и эти стремленія также находятъ свой логическій предѣлъ лишь тамъ, гдѣ вообще уже не пользуются культурными цѣностями для выбора и расчлененія матеріала, но берутъ за исходный пунктъ нѣчто такое, что имѣетъ лишь второстепенно-историческое значеніе для культуры, какъ, напр., географическое положеніе историческихъ аренъ, такъ какъ цѣльное изложеніе культурнаго развитія человѣчества никогда не можетъ возникнуть этимъ путемъ.

Аналогичнымъ образомъ для насъ безцѣльно выражать свое отношеніе еще и къ другимъ вопросамъ, касающимся задачъ исторіи. Всюду легко обнаружилось бы, въ какой мѣрѣ эти вопросы суть методологическіе вопросы и въ какой мѣрѣ разрѣшеніе ихъ оказывается возможнымъ лишь на основаніи относящихся къ самому предмету историческихъ соображеній, и слѣдовательно мы можемъ закончить теперь наши разъясненія относительно логической структуры историческаго образованія понятій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря этому оказывается разрѣшенной и формулированная во введеніи специальная логическая проблема этого сочиненія. Съ тѣми задачами, которыя человѣкъ долженъ ставить эмпирическимъ наукамъ, возможно справиться лишь благодаря раздѣленію научнаго труда, и мысль о „монизмѣ“ эмпирически-научнаго метода есть логическая утопія. Это нисколько не измѣняется благодаря тому, что даже нѣкоторые историки, ослѣпленные успѣхами естествознанія, не видятъ этого и полагаютъ, что они рабс-

таютъ согласно естественно-научному методу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они всегда придерживаются исторически-телеологическаго метода и развѣ что въ необычайно значительной степени примѣняютъ относительно-историческія понятія. И, если одинъ изъ нихъ указалъ на то, „что вѣроятно, было бы трудно стремиться къ достиженію возвышенной цѣли, состоящей въ полномъ познаніи мірового цѣлаго, сопрягая два враждебныхъ другъ другу воззрѣнія, и что, такъ какъ вѣдь методъ наукъ о духѣ и естественно-научный методъ развиты и примѣняются человѣческимъ мышленіемъ, послѣднее какъ цѣлое должно служить „мостомъ“ между этими двумя „враждебными“ методами“, то этими словами онъ, не зная и не желая этого, затронулъ именно тотъ пунктъ, который оказывается рѣшающимъ аргументомъ въ пользу необходимости раздѣленія научнаго труда. Вѣдь „полное познаніе мірового цѣлаго“ можетъ, правда, быть „возвышенною цѣлью“, но человѣческое мышленіе не пригодно для его достиженія и можетъ справляться съ своими задачами лишь при ограниченіи. Тѣ различные методы, которые оно должно выработать для того, чтобы благодаря раздѣленію труда стать возможно болѣе всестороннимъ, становятся „враждебными“ лишь тогда, когда не отдають себѣ отчета въ ихъ своеобразіи и вмѣсто того, чтобы предоставлять тому, что различно, взаимно дополнять другъ друга благодаря своему различію, пытаются насильственно привести это различное къ чуждому различіи единству. До сихъ поръ дифференціація всегда признавалась средствомъ, ведущимъ къ усовершенствованію. Почему же это средство должно было бы оказаться непримѣнимымъ тамъ, гдѣ, имѣя предъ собой „міровое цѣлое“, мы стоимъ передъ труднѣйшею изъ нашихъ задачъ?

Конечно, человѣческое мышленіе должно будетъ въ свою очередь соорудить мостъ между двумя различными методами, и не останавливаясь на дифференціаціи, стремиться къ единству. Однако эта задача выпадаетъ не на долю эмпирическихъ наукъ, но благодаря ей философія получаетъ свою особенную область труда. Однако полное познаніе мірового цѣлаго навсегда остается недоступнымъ и для нея и она не можетъ ставить себѣ въ своей теоретической части никакой иной задачи кромѣ внесенія единства въ наше спеціально научное познаніе путемъ познанія сущности самого познаванія.

Она разрѣшитъ повидимому неразрѣшимыя проблемы, вытекающія для конечнаго человѣческаго ума изъ безконечности объекта

его познанія, обнаруживая, почему эти проблемы неразрѣшимы и вообще не суть проблемы для человѣка. Что же касается остального, она, исходя изъ сущности самого человѣческаго интеллекта и изъ того отношенія, въ которомъ онъ находится къ предметамъ его познанія, будетъ стараться понять необходимость раздѣленія труда и различія методовъ. Уча при этомъ признавать цѣль, состоящую въ полномъ познаніи мірового цѣлаго, призракомъ и не упускать изъ виду предѣловъ, положенныхъ нашему познанію, она можетъ достигнуть наивысшаго, что вообще можетъ быть достигнуто, когда дѣло идетъ о цѣльномъ міропониманіи, по крайней мѣрѣ въ теоретической области. Лишь давая эмпирическимъ спеціальнымъ наукамъ лозунгъ „divide et impera“, она будетъ въ правѣ полагать, что она приближается къ лучшему назначенію: „объединяй и направляй“. Предшествующее разсмотрѣніе необходимыхъ различій между естественно-научнымъ образованіемъ понятій и историческимъ образованіемъ понятій должно быть признано способствующимъ разрѣшенію этой задачи. Наконецъ въ слѣдующей главѣ этотъ строй мыслей долженъ получить дальнѣйшее развитіе, такъ чтобы былъ разрѣшенъ и послѣдній вопросъ, которымъ мы еще должны заняться въ этой связи, а именно: можетъ ли при необходимомъ научномъ раздѣленіи труда исторія заявлять такое же притязаніе на научную „объективность“ какъ естествознание?

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Философія природы и философія исторіи.

„Я все еще убѣжденъ, что я иду правильнымъ путемъ, когда я ищу въ томъ, что должно быть основаніе того, что есть“.

Лотце.

Съ философскихъ точекъ зрѣнія тотъ вопросъ, къ которому мы теперь переходимъ, можетъ быть признанъ важнѣйшимъ. Пока мы только показали, что, если должна существовать исторія какъ изложеніе однократнаго развитія человѣческой культурной жизни, она должна примѣнять вышеизложенный методъ. Мы смогли также указать, какія условія должны быть выполнены, коль скоро исторія должна быть наукою въ томъ же самомъ смыслѣ какъ естествознаніе. Но еще не установлено, дѣйствительно ли выполнены эти условія и дѣло не можетъ остаться безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Если бы у исторіи не было объективности, равной объективности естествознанія, то и значеніе указанныхъ границъ естественно-научнаго образованія понятій снова оказывалось бы проблематичнымъ. Но это приводитъ насъ къ такому пункту, въ которомъ логическое изслѣдованіе переходитъ въ болѣе общія философскія изысканія.

Уже во введеніи въ эту книгу мы указали на тѣ два направленія міровоззрѣнія, противоположность которыхъ находится въ связи съ различіемъ между естествознаніемъ и исторіей, и теперь мы снова имѣемъ дѣло съ вопросомъ о томъ, въ предѣлахъ какого міровоззрѣнія имѣетъ смыслъ историческая наука. Должна ли философія какъ натурализмъ ограничиваться разсмотрѣніемъ міра какъ

вѣчнаго кругообращенія, безразличнаго ко всякой особенности и индивидуальности, такъ что на долю историческаго мышленія выпадаетъ лишь подчиненная роль, или же дѣйствительность должна быть разсматриваема, напротивъ того, какъ расчлененный ходъ развитія, которому мы въ правѣ придавать „смыслъ“, лежащій за предѣлами всей природы, такъ что особое получаетъ значеніе именно въ своемъ своеобразіи и историческое мышленіе выступаетъ на первый планъ? Давъ отвѣтъ на этотъ философскій вопросъ, можно будетъ разрѣшить и проблему научной объективности историческихъ изложеній.

Однако и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не выходимъ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ до сихъ поръ оставались развиваемыя нами соображенія, но остаемся въ предѣлахъ наукоученія. Та задача, которую намъ еще предстоитъ разрѣшить, требуетъ лишь одного, а именно того, чтобы отъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ логическихъ и методологическихъ проблемъ мы перешли къ вопросамъ, которые обыкновенно характеризуются какъ гносеологическіе. Правда, какъ мы уже замѣтили разъ, не совсемъ легко установить принципиальное различіе между логическимъ и гносеологическимъ и нерѣдко выясненіе различныхъ научныхъ методовъ переходитъ въ гносеологическія изслѣдованія. Но здѣсь мы и не желаемъ давать опредѣленіе этихъ двухъ понятій, но намѣрены ограничиться указаніемъ на то, что, между тѣмъ какъ до сихъ поръ дѣло шло главнымъ образомъ о томъ, чтобы понять различные формы и методы наукъ какъ телеологически необходимыя средства для различныхъ цѣлей познанія, преслѣдованіе которыхъ мы могли констатировать лишь какъ фактъ, теперь дѣло идетъ о томъ, какова обязательность (*Seltung*) самихъ цѣлей познанія и насколько можно поэтому говорить о научной объективности различныхъ познавательныхъ формъ. Конечно центръ тяжести изслѣдованія заключается въ вопросѣ о томъ, при какихъ предпосылкахъ можно понять и обосновать исторію. Эти проблемы мы признаемъ главными вопросами критической философіи природы и философіи исторіи.

I.

Натуралистическая философія исторіи.

Такъ какъ дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы составить сужденіе объ отношеніи объективности историческихъ изложеній къ

объективности естествознания, то мы прежде всего должны рассмотреть, что можно сказать о научности исторического образования понятий, исходя из естественно-научной точки зрения.

Натуралист навѣрное будетъ заранѣе склоненъ отрицать научную объективность обработки и преобразования дѣйствительности, вышеуказаннымъ образомъ придерживающейся исторического метода. Онъ долженъ думать, что, разъ при трактованіи дѣйствительности исторія должна имѣть въ виду особое и индивидуальное и поэтому принципы ея научной обработки суть точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности, историкъ осужденъ оставаться при колеблющихся и индивидуальных мнѣніяхъ, такъ какъ вѣдь въ такомъ случаѣ то, что есть историческій индивидуумъ, зависитъ отъ субъективныхъ пристрастій, и установленіе телеологическихъ процессовъ развитія всегда остается игрою индивидуальнаго произвола. Напротивъ того, естествознаніе доходитъ до установленія законовъ, обязательность которыхъ не оговорена временемъ, и возвышаетъ изслѣдователя надъ нимъ самимъ, позволяя его брэнному духу постичь вѣчное въ законѣ природы, тогда какъ исторія всегда остается приуроченной къ человѣческому. Затѣмъ отсюда можно сдѣлать или тотъ выводъ, что существуетъ лишь одна наука, а именно наука о природѣ и что поэтому исторію вообще нельзя назвать наукою, или тотъ выводъ, что обратитъ ее въ науку возможно лишь въ томъ случаѣ, если удастся дать ей естественно-научный фундаментъ.

Мы оставляемъ сперва въ сторонѣ первый выводъ и желаемъ лишь изслѣдовать, не способна ли, быть можетъ, наука о природѣ какъ либо измѣнить состояніе исторической науки, не соответствующее ея идеалу научной объективности. Если это и не можетъ произойти благодаря перенесенію естественно-научнаго метода на исторію, то, быть можетъ, существуетъ натуралистическая философія исторія, которая придаетъ естественно-научную обязательность по крайней мѣрѣ руководящимъ принципамъ исторического образования понятий и на основѣ которой затѣмъ можетъ возникнуть исторія какъ объективная наука. Однако, коль скоро производится попытка этого рода, очевидно возможны два различныхъ пути. Во-первыхъ, возможно поставить вопросъ о томъ, нельзя-ли всетаки обойтись безъ цѣнностей какъ руководящихъ принциповъ исторического образования понятий и замѣнить ихъ историческою философіей, свободною отъ цѣнностей, и, во-вторыхъ, если бы это

оказалось невозможнымъ, нельзя-ли вывести изъ самаго понятія природы цѣнности, которыми опредѣлялось бы, что такое есть культура, и которыя тогда, какъ „естественныя цѣнности“, не нарушали бы объективности исторического образования понятий.

Мы уже коснулись возможности свободной отъ цѣнностей исторической философіи, когда ходъ изслѣдованія привелъ насъ къ понятію общаго закона развитія, которое должно быть положено въ основу изображеній различныхъ индивидуальныхъ рядовъ стадій развитія и мы нашли въ этомъ единственный логически понятный смыслъ, который вообще могутъ имѣть попытки сблизить другъ съ другомъ исторію и естествознаніе. Итакъ, мы должны теперь поставить вопросъ о томъ, каковы тѣ предпосылки, при которыхъ можно было бы установить такой законъ развитія, чтобы затѣмъ рассмотреть, какое значеніе могъ бы онъ имѣть, еслибы онъ былъ открытъ для объективности исторической науки.

Конечно, требованіе, гласящее, что историкъ долженъ сравнивать другъ съ другомъ различные историческіе ряды стадій развитія, выдвигать на первый планъ общее имъ, какъ существенное, и затѣмъ пользоваться имъ для расчлененія историческаго матеріала, кажется многимъ весьма заслуживающимъ признанія. Но, если такое сравненіе должно быть произведено дѣйствительно безъ всякой помощи уже заранѣе установленныхъ культурныхъ цѣнностей,—а вѣдь это въ данномъ случаѣ и есть та предпосылка, въ которой заключается все дѣло,—то все же при осуществленіи этой попытки пришлось бы имѣть дѣло съ значительными трудностями.

Какіе же историческіе ряды стадій развитія должны быть сравниваемы исторіей другъ съ другомъ? Съ точки зрѣнія свободнаго отъ цѣнностей естественно-научнаго разсмотрѣнія на этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта. Слѣдуетъ-ли разсматривать при этомъ всякое человѣческое общество, становленіе котораго можно прослѣдить впродолженіе нѣкотораго промежутка времени? Съ этимъ не согласится ни одинъ историкъ: не всѣ общества оказываются „историческими“. Напротивъ того, при попыткѣ сравнительной исторіографіи какъ нѣчто само-собою разумѣющаго появляется мысль, что искомый законъ развитія долженъ быть найденъ путемъ сравненія различныхъ народовъ. Но что такое народъ? Можно-ли безъ помощи культурной цѣнности сказать, гдѣ начинается его развитіе и гдѣ оно оканчивается, т. е. обладаетъ-ли чисто естественно-научное разсмо-

трѣніе средствомъ, дающимъ возможность однозначно понимать процессы народнаго развитія какъ единства и ограничивать ихъ другъ отъ друга?

Но, даже если мы допустимъ, что это возможно, тотчасъ возникаетъ новый вопросъ. Можетъ-ли исторія положить въ основу своихъ изложеній общее во всѣмъ народамъ въ ихъ развитіи и лишь это въ качествѣ общаго закона развитія? Она должна также дѣлать выборъ изъ числа народовъ и для этого она опять-таки нуждается въ руководящемъ принципѣ. Правда историкамъ съ естественно-научными тенденціями кажется совершенно „само-собою разумѣющимся“, что они обращаютъ вниманіе лишь на культурные народы, такъ какъ они всегда произвольно руководятся культурными цѣнностями. Однако то, что такое есть культурный народъ, вовсе не есть нѣчто само-собою разумѣющееся съ естественно-научной точки зрѣнія, свободной отъ отнесенія къ цѣнностямъ. И историкъ, ищущій общихъ законовъ развитія, вынужденъ ставить вопросъ о томъ, что такое культура, и онъ никогда не бываетъ въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ безъ помощи точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнностямъ. Итакъ, и сравнивающая исторія, ищущая законовъ, въ принципѣ нуждается во всѣхъ тѣхъ предположеніяхъ, изъ за которыхъ натуралистъ отрицаетъ научность исторіи, придерживающейся телеологическаго метода въ нашемъ смыслѣ.

Но, быть можетъ, культурныя цѣнности служатъ лишь для предварительной оріентировки и, разъ законъ открытъ, онъ имѣетъ силу независимо отъ нихъ. Допустивъ, что это вѣрно, мы тотчасъ же наталкиваемся на новыя трудности, коль скоро дѣйствительно требуется установить законъ культурнаго развитія. Его нельзя открыть путемъ анализа одного единственнаго ряда стадій развитія, но единственнымъ логически допустимымъ средствомъ въ данномъ случаѣ служить эмпирическое сравненіе нѣсколькихъ рядовъ стадій развитія. Но число различныхъ, долженствующихъ быть сравниваемыми другъ съ другомъ, культурныхъ народовъ, развитіе которыхъ извѣстно отъ начала до конца, весьма невелико. Ни одинъ естественный наблюдатель не считалъ бы себя въ правѣ, умозаключая на основаніи наблюденія лишь части столь небольшого числа случаевъ къ остальнымъ случаямъ, принимать это умозаключеніе за нѣчто большее, чѣмъ простое лишь предположеніе. Итакъ, здѣсь непремѣнно требовалась бы полная индукція, т. е. изслѣдованіе всякаго отдѣльнаго случая, да и этимъ путемъ дошли бы до установленія не под-

линаго закона, а развѣ что эмпирически общей схемы. Не предполагаетъ-ли это, однако, что мы уже знаемъ въ существенномъ исторію всѣхъ культурныхъ народовъ, прежде чѣмъ приступить къ формулировкѣ общей схемы развитія и что, стало быть, вся исторія уже написана?

Лишь тамъ, гдѣ принимается во вниманіе большое число отдѣльных случаевъ, можно пользоваться эмпирическимъ закономъ, найденнымъ для нѣкоторой части ихъ, какъ руководящей точкой зрѣнія при изслѣдованіи еще неизвѣстной части. Напротивъ того, при трактованіи немногихъ сравнимыхъ другъ съ другомъ культурныхъ народовъ приходится ограничиваться недостовѣрными предположеніями. Тогда благодаря этимъ послѣднимъ легко можетъ случиться, что историкъ приступаетъ къ изслѣдованію своего предмета съ необоснованными предвзятыми сужденіями, и, слѣдовательно, они отнюдь не будутъ пригодны для того, чтобы придать историческимъ изложеніямъ желательную объективность. Конечно, формулируя законы въ родѣ, напр., того, что въ развитіи каждаго народа другъ за другомъ слѣдуютъ древнѣйшія времена, древній періодъ, ранніе и поздніе средніе вѣка, новое и новѣйшее время, можно утверждать, что такой „законъ“ имѣетъ силу и всюду примѣнять эту формулу; но въ ней, конечно, нельзя будетъ усматривать важное научное уразумѣніе, такъ какъ она вѣдь не выражаетъ ничего иного кромѣ того, что болѣе раннее обыкновенно предшествуетъ болѣе позднему.

Однако, мы еще не можемъ остановиться на этомъ, такъ какъ логически не невозможно формулировать общій законъ культурнаго развитія и затѣмъ попытаться опредѣлить, къ какимъ результатамъ приводитъ его примѣненіе. Итакъ, предположимъ, что найденъ такой законъ развитія, относительно котораго можно было бы утверждать, что онъ имѣетъ силу въ примѣненіи къ культурному развитію всѣхъ народовъ; спрашивается: замѣнило-ли бы это дѣйствительно и тѣ культурныя цѣнности, которыми руководится историческое образованіе понятій? Такъ какъ общій законъ никогда не можетъ дать болѣе рамки, въ предѣлахъ которой имѣетъ мѣсто историческое изложеніе особливыхъ индивидуальных процессовъ развитія, и стало быть эта рамка должна быть заполняема тѣмъ, что свойственно особливымъ процессамъ историческаго развитія и лишь имъ, то законъ развитія могъ бы замѣнить въ исторіи руководящія точки зрѣнія отнесенія къ цѣнностямъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ

могъ служить принципомъ выбора и при трактованіи чисто индивидуальнаго и историческаго матеріала.

Но мы видѣли, что сущность закономѣрнаго, равно какъ и вообще сущность естественно-научнаго общаго состоитъ именно въ томъ, что для него безразличны особенности объектовъ, которые обнимаются имъ какъ экземпляры, и поэтому совершенно непонятно, какъ образъ общій законъ развитія долженъ былъ бы служить для отличенія существеннаго отъ несущественнаго въ томъ индивидуальномъ фактическомъ матеріалѣ, благодаря которому исторія не ограничивается общимъ всѣмъ процессамъ развитія народовъ. И такъ, ни въ коемъ случаѣ не законы, но всегда лишь цѣнности должны примѣняться въ качествѣ руководящаго принципа трактованія какого-либо однократнаго ряда стадій развитія, такъ какъ лишь по отношенію къ нимъ индивидуальное можетъ становиться существеннымъ.

Однако скажутъ, что это не можетъ быть вѣрно, такъ какъ фактически существуютъ историческія изложенія, въ которыхъ производилась попытка взять за руководящую точку зрѣнія законъ развитія и хотя бы даже ихъ содержаніе, быть можетъ, оказывалось ошибочнымъ, не выясняется-ли ими, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны та логическая структура, которую намѣреваются дать историческому изложенію, и служатъ-ли они поэтому уже благодаря самому ихъ существованію отрицательнымъ аргументомъ противъ нашего утвержденія. Легко показать, что и это невѣрно, такъ какъ, если гдѣ либо кажется, будто общій законъ развитія дѣйствительно служить принципомъ выбора исторически существеннаго при изложеніи какого нибудь однократнаго индивидуальнаго развитія, то содержаніе мнимаго естественнаго закона всегда разсматривается какъ то, что должно быть осуществлено благодаря развитію и тогда, конечно, могутъ быть примѣняемы всѣ принципы исторически-телеологическаго образования понятій, съ которыми мы ознакомились. Однако, именно тогда „законъ“ оказывается отнюдь не закономъ природы, а формулой для принципа цѣнности. И такъ, такой методъ недопустимъ съ чисто естественно-научной точки зрѣнія, избѣгающей всякаго отнесенія къ цѣнности.

Хорошо будетъ детальнѣе выяснить это на одномъ примѣрѣ. Мы могли прежде охарактеризовать социальную динамику Конта какъ типъ натуралистической философіи исторіи, поскольку въ ней прямо

имѣлось въ виду обратить исторію въ естественную науку, долженствующую открыть естественные законы человѣческаго развитія. Однако мы сможемъ показать, что Контъ лишь намѣревался формулировать въ своемъ „законѣ“ о трехъ стадіяхъ естественный законъ, фактически же въ этомъ „законѣ“ нашло свое типическое выраженіе лишь неясное колебаніе между естественнымъ закономъ, выражающимъ то, что непременно наступитъ, и принципомъ прогресса, выражающимъ то, что долженствуетъ наступить, и что лишь благодаря этой неясности могла возникнуть иллюзія, будто бы здѣсь дѣйствительно дана естественно-научная философія исторіи. Вѣдь при посредствѣ послѣдней изъ признаваемыхъ имъ трехъ стадій развитія, Контъ просто положилъ въ основу всего культурнаго развитія человѣчества, какъ подлинный смыслъ всего этого развитія, ту цѣнность, которую имѣла для него, въ качествѣ средства для осуществленія социальнореформаторскихъ плановъ, „положительная“ наука въ рамкахъ его міровоззрѣнія, надъ которымъ господствовали идеалы политехнической школы, и затѣмъ, присоединивъ обѣ другія стадіи, установилъ общую формулу для постепеннаго осуществленія этой культурной цѣнности. И такъ, если бы „законъ“ Конта и былъ вѣренъ, то базой, которую онъ старается дать исторіи, служило бы не понятіе природы, а культурное понятіе естествознанія, т. е. у Конта руководящую роль при расчлененіи историческихъ періодовъ и при выборѣ существеннаго играетъ положительная наука лишь какъ культурная цѣнность.

И такъ, мы видимъ, что именно потому, что это историческое трактованіе произведено сообразно „позитивистическимъ“ принципамъ, оно формально отнюдь не отличается отъ того, въ чемъ состоитъ логическій характеръ всѣхъ историческихъ трактованій. Оно прослѣживааетъ однократный индивидуальный ходъ развитія культурнаго человѣчества, выражаетъ его въ понятіяхъ, индивидуальное содержаніе которыхъ по отношенію къ культурной цѣнности положительной науки сочетается въ телеологическое единство и въ тоже время оно ожидаетъ признанія этой культурной цѣнности отъ всѣхъ людей.

Конечно, это Контовское пониманіе исторіи не исторично постольку, поскольку оно пользуется своими точками зрѣнія отнесенія къ цѣнности и для прямой оцѣнки процессовъ и поэтому неспособно къ „объективному“ изложенію культурнаго развитія. Но это, ко-

нечно, не вносить никакого измѣненія въ противоположность этого пониманія естественно-научному пониманію. Въ особенности же и Контъ связь между различными стадіями исторіи представляется телеологической, причѣмъ вторая стадія прямо дедуцируется имъ какъ телеологически необходимый переходъ отъ первой стадіи къ послѣдней. Итакъ, въ этомъ отношеніи позитивистическая схема развитія вполне подходит подъ ту же самую логическую категорію, подъ которую подходят сдѣланныя представителями идеалистической философіи исторіи, напр. Фихте или Гегелемъ, попытки опредѣлить весь смыслъ исторіи человѣчества посредствомъ единой формулы. И эту однородность можно прослѣдить даже на частныхъ стадіяхъ. Такъ Контъ, равнымъ образомъ какъ Фихте,—немножко лишь въ другихъ словахъ—изображаетъ прогрессивный ходъ развитія человѣчества отъ разумнаго инстинкта къ разумной наукѣ и, наконецъ, къ разумному искусству и по мнѣнію Конта также существуетъ промежуточная стадія, обращающаяся въ эпоху совершенной грѣховности.

Конечно, при этомъ нельзя упускать изъ виду значительныхъ различій въ содержаніи телеологическихъ формулъ развитія, но все же подлежитъ большому сомнѣнію, вытекаетъ-ли изъ отличія позитивизма въ этомъ отношеніи, напр., отъ такой философіи исторіи, которую создалъ Гегель, преимущество перваго предъ послѣднею. Неговоря уже о томъ, что Контъ оставалась совершенно неясною логическая сущность его „соціологіи“ и что онъ полагалъ, что онъ держится естественно-научнаго метода, ему вслѣдствіе бѣдности и скудности его схемы, далеко до построеній нѣмецкаго философа, относящихся къ философіи исторіи. Какъ для Гегеля, такъ и для него планомъ и смысломъ исторіи оказывается въ сущности его собственная философія, но, между тѣмъ какъ Гегель сумѣлъ охватить ею почти все богатство культурной жизни, Контовскіе интеллектуализмъ и позитивистическій идеалъ знанія настолько суживаютъ объемъ культурной жизни, что, чѣмъ послѣдовательнѣе выходили попытки писать исторію съ этой точки зрѣнія, тѣмъ большія односторонности и натяжки должны были возникать. Слѣдуетъ лишь подумать о вліяніи, оказанномъ на историческую науку съ одной стороны Гегелемъ, съ другой стороны Контомъ и не можетъ быть сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, относительно значенія успѣха этихъ двухъ мыслителей. Нѣмецкая историческая наука обязана Гегелю

столь многимъ, что этого здѣсь нельзя даже и намѣтить въ нѣсколькихъ словахъ. А когда въ извѣстной рѣчи Дю-Буа-Реймона, въ которой паденіе римлянъ объясняется тѣмъ, что они—не открыли пороха, и для самаго бѣглаго взгляда обнаруживается бессмысленность попытки разсматривать развитіе естествознанія и техники какъ подлинный смыслъ культурнаго развитія человѣчества, то эта попытка представляетъ собой лишь послѣдовательное дальнѣйшее развитіе Контовскаго позитивизма.

Однако намъ нѣтъ надобности далѣе прослѣживать этого. Это вещь второстепенная по сравненію съ главнымъ вопросомъ. Дѣло шло лишь о томъ, чтобы показать, что соціологія Конта заявляетъ правда, что она придерживается естественно-научнаго метода и устанавливаетъ историческіе законы, но фактически принимаетъ безъ провѣрки всѣ тѣ предпосылки, изъ за которыхъ научность и объективность исторіи, придерживающейся телеологической точки зрѣнія, оспаривается представителями естествознанія. То, что оказывается справедливымъ относительно Конта, легко можно было бы затѣмъ констатировать равнымъ образомъ, и относительно другихъ представителей соціологіи какъ философіи исторіи: всѣ ихъ такъ называемые законы содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе явственно формулы для повышеній цѣнности и лишь благодаря этому затѣмъ становится возможнымъ изображеніе историческихъ рядовъ стадій развитія¹⁾.

¹⁾ Типическимъ примѣромъ тѣхъ логическихъ неясностей, которыя непрѣнно должны быть присущи всякой философіи исторіи будто бы придерживающейся естественно-научнаго метода, служить также ученіе Лампрехта объ эпохахъ культуры. Въ теоріи онъ отвергаетъ всякую телеологію, и при этомъ на практикѣ примѣняетъ телеологическую точку зрѣнія не только въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ всякій историкъ, относитъ однократные историческіе ряды стадій развитія къ допускающимъ историческое констатированіе культурнымъ цѣностямъ; но онъ идетъ далеко за предѣлы необходимой и правомѣрной исторической телеологіи. Вѣдь, слѣдуя знаменитымъ образцамъ, онъ старается резюмировать тѣ культурныя цѣнности, которыми руководится его изложеніе, въ единой формулѣ, которую онъ характеризуетъ какъ „принципъ прогрессирующей психической интенсивности“, и подъ которую онъ не только по образцу спекулятивной философіи насильственно подводитъ все историческое прошлое, но при помощи которой онъ беретъ и предсказывать будущее, такъ какъ ему въ точности вѣдомо, что „историческое должно (!) развиваться при постоянномъ повышеніи психической интенсивности“. Итакъ его формула имѣетъ какъ разъ ту же самую логическую структуру, какъ

Итакъ, относительно вопроса о свободной отъ цѣнностей натуралистической философіи исторіи мы приходимъ къ слѣдующему результату: или общіе законы развитія дѣйствительно суть естественные законы и въ такомъ случаѣ они непригодны въ качествѣ руководящихъ точекъ зрѣнія для выбора матеріала при изложеніи особенностей рядовъ стадій развитія, или же мнимые законы развитія фактически суть принципы цѣнности и въ такомъ случаѣ руководящіе ими историческія изложенія совершенно подходятъ подъ выясненное нами понятіе объ историческомъ. Ничего третьяго нѣтъ и поэтому въ томъ случаѣ, если бы примѣненіе цѣнностей въ наукѣ вообще оказалось недопустимымъ, исторію, т. е. изображеніе неоднократныхъ рядовъ стадій развитія въ ихъ особенности надлежало бы совершенно вычеркнуть изъ ряда наукъ.

Итакъ, разъ съ естественно-научной точки зрѣнія вообще имѣется въ виду обосновать исторію какъ науку, остается всего лишь вторая возможность, а именно базировать ее на „естественныхъ цѣнностяхъ“. Но, когда дѣло идетъ объ этомъ, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе теоріи натуралистическаго эволюціонизма, въ томъ видѣ, какъ онѣ стали излюбленными въ связи съ новѣйшею эволюціонною біологіей со временъ Дарвина. Соотвѣтственно весьма распространенной склонности усматривать въ мысляхъ, которыя повели къ научнымъ успѣхамъ въ ограниченной области, принципъ

и Контровскій законъ трехъ стадій, но тогда какъ мы легко понимаемъ, какимъ образомъ Контъ дошелъ до такого идеологическаго насилуванія историческихъ фактовъ, намъ все же трудно понять, что историкъ нашего времени еще можетъ вѣрить, что историческая жизнь повсюду должна приводить отъ гипотетической эпохи анимизма черезъ конвенціонализмъ, типизмъ, символизмъ, индивидуализмъ и субъективизмъ къ еще невѣдомымъ эпохамъ „все повышающейся интенсивности социальнo-психической жизни“. Слѣдовало-бы полагать, что этого рода спекуляція, старающаяся уловить „смыслъ“ всей исторіи въ единой формулѣ, научно давно отвергнута и поэтому, когда Лампрехтъ, выражаясь нѣсколько сильно, обвиняетъ меня, который всего лишь старался отдать себѣ отчетъ въ томъ, что служить логической предпосылкой всякаго научнаго изложенія, въ „фантасмагоріи“, „грубыхъ логическихъ ошибкахъ и смѣшеніи понятій“, „идеологическомъ интересѣ“, рѣзкомъ противорѣчій съ „дѣйствительнымъ научнымъ мышленіемъ“ и даже испытываетъ ощущеніе, что онъ „переносится на полтора вѣка назадъ“, мнѣ при этомъ вспоминается прекрасный стихъ Ювенала: *quis tulerit Gracchos de seditione querentes*.

долженствующій оказываться плодотворнымъ при трактованіи всевозможныхъ и въ особенности историческихъ проблемъ, желали воспользоваться дарвинизмомъ для того, чтобы наконецъ дать философскимъ дисциплинамъ столь настоятельно желаемую естественно-научную базу, и біологическое понятіе развитія казалось въ особенности пригоднымъ для разрѣшенія проблемъ, относящихся къ цѣнностямъ. Такъ возникла идея дарвинистической этики, въ области эстетики работали согласно дарвинистическимъ принципамъ, появились зачатки дарвинистической логики и теоріи познанія и намъ пришлось дожить даже до попытки дарвинистическаго оправданія и обоснованія религіи сдѣланной въ книгѣ К и д д а. Почему же не построить исходя изъ натуралистическаго эволюціонизма, и философіи исторіи и не дойти съ ея помощью до установленія естественныхъ культурныхъ цѣнностей?

При такихъ попыткахъ имѣется, конечно въ виду болѣе или менѣе ясно приблизительно слѣдующее: теоріей Дарвина и въ особенности принципомъ естественнаго отбора не только была устранена старинная дуалистическая телеологія и благодаря включенію организовъ въ механическую связь явленій природы сдѣлано возможнымъ, „чисто причинное“ объясненіе всѣхъ процессовъ, но въ то же время и установлены истинныя понятія прогресса и усовершенствованія. До тѣхъ поръ всѣ цѣнности такъ сказать висѣли въ воздухѣ, т. е. не находились ни въ какой связи съ дѣйствительностью. Приходилось прямо таки принижать природу для того, чтобы получался смыслъ жизни: природное принималось за злое начало, и человекъ казался чужестранцемъ въ природѣ. Теперь же мы видимъ, что сами законы природы необходимо приводятъ къ лучшему, такъ какъ въдѣ естественный отборъ въ борьбѣ за существованіе повсюду губитъ несовершенное и дозволяетъ сохраниться лишь совершенному. Тамъ, гдѣ господствуетъ законъ природы, вещи все въ болѣе и болѣе высокой степени становятся приспособленными, все болѣе и болѣе цѣлесообразными и поэтому благодаря естественному развитію всегда возникаетъ то, что должно быть. Но, разъ съ помощью принципа естественнаго отбора данъ надежный критерій для того, что должно быть признаваемо имѣющимъ цѣнность, должно быть возможно и излагать историческое развитіе различныхъ народовъ или всего человѣческаго рода, руководясь этой

точкой зрѣнія отнесенія къ цѣнности, причемъ это изложеніе можетъ претендовать на естественно-научную объективность.

Что слѣдуетъ думать объ этомъ? Если допустить, что эта аргументація правильна, тотчасъ оказывается, что понятіе объ естественномъ прогрессѣ благодаря отбору было бы совершенно бесполезно для исторіи. Вѣдь здѣсь процессы становленія не только относятся къ нѣкоторой цѣнности, но и временная послѣдовательность ихъ различныхъ стадій необходимо совпадаетъ и съ повышеніемъ цѣнности, т. е. мы имѣемъ здѣсь типическій примѣръ этого понятія развитія, о которомъ мы упомянули выше на шестомъ мѣстѣ ¹⁾). Однако намъ пришлось охарактеризировать такое пониманіе историческаго процесса какъ неисторическое, такъ какъ оно не въ состояніи надлежащимъ образомъ отнестись къ своеобразному индивидуальному значенію различныхъ ступеней развитія. Тогда каждая стадія можетъ имѣть значеніе скорѣе всего лишь подготовленія къ слѣдующей за нею стадіи и заслуживаетъ того, чтобы погибнуть для того, чтобы уступить мѣсто другой, болѣе развитой стадіи. Итакъ, если бы дѣйствительно можно было установить естественно-научный законъ прогресса, онъ настолько же уничтожилъ бы историческое значеніе объектовъ, какъ и всякій другой естественный законъ. Различныя стадіи развитія стали бы родовыми экземплярами ряда общихъ понятій, порядокъ которыхъ опредѣляется принципомъ все большей приспособленности и отъ ихъ своеобразія, которымъ они обладаютъ какъ историческіе индивидуумы, ничего не осталось бы ²⁾). Къ тому же въ мысли о прогрессѣ, опирающейся на понятіе отбора, есть еще одна сторона, дѣлающая ее совершенно непригодною для того, чтобы служить принципомъ историческаго образованія понятій. Если болѣе приспособленное есть уже болѣе совершенное и законъ приспособленія дѣйствительно есть естественный законъ, то онъ долженъ съ естественною необходимостью всюду вызывать все большее и большее усовершенствованіе, и такимъ образомъ любая доля дѣйствительности во всякое время будетъ приобрѣтаетъ все большую и большую цѣнность. Тогда во всякое мгновеніе въ каждой изъ своихъ частей міръ оказывается наилучшимъ изъ всѣхъ естественно-научно мыслимыхъ міровъ. Но

¹⁾ См. выше стр. 399 etc.

²⁾ См. выше стр. 395 etc.

при этомъ далеко идущемъ оптимизмѣ въ тоже время исчезаетъ и возможность устанавливать различіе между такими объектами, которые находятся въ болѣе близкомъ отношеніи къ точкѣ зрѣнія, руководящей при отнесеніи къ цѣнности, чѣмъ другіе объекты, т. е. по отношенію къ понятію естественнаго совершенства всякая дѣйствительность становится одинаково существенною. Но это означаетъ не что иное, какъ то, что ничто уже не оказывается существеннымъ, и, слѣдовательно, та цѣнность, которую считаетъ себя способнымъ обосновать натуралистическій эволюціонизмъ, оказывается совершенно непригодною для того, чтобы руководить процессомъ историческаго образованія понятій.

Однако именно этотъ выводъ кажется весьма рискованнымъ. Вѣдь не можетъ существовать двухъ противорѣчащихъ другъ другу родовъ разсмотрѣнія цѣнностей. Итакъ, если бы естественные законы дѣйствительно оказывались законами процесса, всякій иной родъ оцѣнки, у котораго нѣтъ прочнаго естественно-научнаго фундамента, долженъ былъ бы, само собою разумѣется, уступить мѣсто естественнымъ цѣностямъ и такъ какъ естественныя цѣнности не годятся для того, чтобы служить принципомъ историческаго образованія понятій, вообще уничтожалась бы всякая возможность построить общеобязательныя историческія понятія.

Однако, если мы отдадимъ себѣ болѣе точный отчетъ относительно того, съ какимъ правомъ говорить объ естественныхъ цѣностяхъ, оказывается, что судьба всѣхъ попытокъ вывести культурныя цѣнности изъ натуралистическаго эволюціонизма зависитъ отъ правильности предположенія, гласящаго, что естественное приспособленіе есть въ то же время совершенствованіе, а это положеніе не вѣрно именно съ естественно-научной точки зрѣнія. Совершенствованіе есть телеологическое понятіе. Естественно-научное же значеніе теоріи отбора основывается именно на томъ, что она понимаетъ всякое развитіе, кажущееся телеологическимъ, какъ простое лишь измѣненіе, нѣкоторымъ образомъ переворачивая на изнанку телеологическій принципъ. Итакъ въ правѣ ли она разсматривать простое лишь измѣненіе уже какъ улучшеніе и имѣть ли для нея смыслъ усматривать въ механическомъ приспособленіи въ то же время повышеніе цѣнности?

Конечно въ понятіи приспособленія кроется формально-теологическій моментъ, котораго мы вообще не въ состояніи отдѣлать отъ

понятія организма. Однако, какъ мы смогли показать, этотъ моментъ не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ цѣнности. Совершенство есть процессъ приспособленія лишь съ точки зрѣнія тѣхъ существъ, которыя приспособляются, и которыя должны считать свое простое лишь наличное бытіе цѣннымъ, такъ какъ это именно и хъ наличное бытіе. Однако это именно та ограниченно телеологическая точка зрѣнія, отъ которой намѣрено отказаться естествознаніе для того, чтобы дойти до цѣльнаго механическаго объясненія міра. И такъ ему всякое измѣненіе должно представляться совершенно индифферентнымъ къ цѣнности или не-цѣнности (Umverth) и поэтому оно никогда не можетъ усматривать повышенія цѣнности въ механическомъ процессѣ приспособленія. Приравниваніе приспособившагося благодаря естественному отбору къ совершенному основано на смѣшеніи сохраненія наличнаго бытія и сохраненія цѣнности, и поэтому оно должно быть совершенно отвергнуто съ естественно-научныхъ точекъ зрѣнія. Цѣлесообразность организма означаетъ для естествознанія лишь способность къ сохраненію наличнаго бытія и когда оно учитъ, что благодаря естественному отбору устраняется нецѣлесообразное по отношенію къ сохраненію его наличнаго бытія, это не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ, гласящимъ, что развитіе, происходящее сообразно принципу отбора, должно приводить ко все большему совершенству.

Какимъ же образомъ выходитъ, что несмотря на это противоположное признается многими чѣмъ то прямо таки само собою разумѣющимся? Иллюзія, жертвами которой мы становимся въ данномъ случаѣ, основывается на томъ, что, когда дѣло идетъ объ извѣстныхъ органическихъ образованіяхъ, мы не можемъ рѣшиться отвлечься отъ тѣхъ цѣнностей, которыя мы привыкли связывать съ ихъ наличнымъ бытіемъ. И при томъ мы не только продолжаемъ признавать цѣнности, установленныя задолго до всякаго естественно-научнаго изслѣдованія, но еще и перетолковываемъ ихъ въ понятія, съ помощью которыхъ мы стараемся объяснить происхожденіе цѣнныхъ объектовъ, и такимъ образомъ могло выйти, что принципъ отбора сталъ принципомъ прогресса: полагаютъ, что онъ приводитъ къ тому, что нынѣ цѣнно для насъ, а именно къ человѣку, а слѣдовательно самъ онъ долженъ быть принципомъ цѣнности.

И такъ, отнюдь не мѣрило цѣнностей было получено изъ понятій естествознанія, но уже наличныя человѣческія цѣнности были пере-

несены на понятія естествознанія. Конечно, очень понятно, что намъ, людямъ, цѣнно все человѣческое и человѣкоподобное и въ исторіи мы никогда не можемъ отвлечься отъ единственнаго въ своемъ родѣ значенія человѣческаго. Но дѣло въ томъ, что коль скоро мы рассматриваемъ нѣкоторый рядъ стадій развитія какъ процессъ прогресса потому, что онъ приводитъ къ человѣку, мы мыслимъ уже не естественно-научно. науча
исходя

Для послѣдовательнаго естествознанія вообще не существуетъ ни какихъ „высшихъ“ или „низшихъ“ организмовъ, коль скоро это должно означать, что одни имѣютъ болѣе цѣнности, чѣмъ другіе. Высшее и низшее можетъ означать развѣ что то же самое, что болѣе или менѣ дифференцированное и процессъ дифференцировки какъ таковой равнымъ образомъ не имѣетъ ничего общаго съ совершенствованіемъ и повышеніемъ цѣнности. Во-первыхъ, мы часто цѣнимъ простое болѣе, чѣмъ сложное, и, во-вторыхъ, дифференцированное получаетъ значеніе лишь какъ продуктивное, т. е. какъ средство для достиженія нѣкоторой цѣли, и поэтому оно имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда цѣнность этой цѣли уже заранѣе установлена.

И такъ, всякое вѣрованіе въ „естественный прогрессъ“ и въ „естественныя цѣнности“ основывается на антропоморфизмѣ, который совершенно не правомѣренъ съ естественно-научной точки зрѣнія. Нельзя ставить человѣка въ одинъ рядъ съ прочими живыми существами и тотчасъ же выдѣлять его изъ нихъ какъ высшее существо. Это невыносимое противорѣчіе. Еще прежде, чѣмъ зашла рѣчь о дарвинизмѣ какъ философіи исторіи, К. Э. фонъ-Бэръ уже превосходно осмѣялъ этотъ антропоморфизмъ, мысля себѣ исторію развитія написанною съ точки зрѣнія птицъ. Обитатели воздуха находятъ, конечно, человѣка весьма несовершеннымъ, летучія мыши кажутся имъ занимающими высшее мѣсто изъ млекопитающихся животныхъ, а онѣ отвергаютъ мысль о томъ, чтобы существа, которыя такъ долго послѣ рожденія не сами ищутъ своей пищи и никогда не поднимаются свободно надъ землею, должны были бы обладать высшей организаціей, чѣмъ они ¹⁾. Дарвинисты

¹⁾ Ср. К. Е. von Baer, Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere Beobachtung und Reflexion, I, 1828, s. 203 f. Это сочиненіе свободно отъ историческихъ составныхъ частей и быть можетъ когда либо критика, свободная отъ предвзятыхъ мнѣній, признаетъ его трудомъ, имѣющимъ

воображающіе, что они ушли далеко впередъ по сравненію съ телеологіей Бэра не замѣчаютъ, насколько антропоморфически они мыслятъ, прославляя „прогрессъ“ отъ протистовъ къ человѣку и принимая принципъ отбора за принципъ цѣнности.

Итакъ, пока мы остаемся въ естественно-научной области, мы въ правѣ оперировать лишь съ понятіями о развитіи какъ остановленію, какъ объ измѣненіи и какъ о свободномъ отъ цѣнностей телеологическомъ развитіи. Напротивъ того, все понятіе о развитіи, находящіяся въ связи съ точкой зрѣнія отнесенія къ цѣнности, совершенно неумѣстны въ этой области и поэтому естествознаніе никогда не въ состояніи дать философію исторіи.

Ради полноты слѣдуетъ подчеркнуть равнымъ образомъ и то, что это имѣетъ силу и тогда, когда натурализмъ выступаетъ въ видѣ какой либо психологической теоріи. Пытались съ помощью психологическихъ понятій дойти до отграниченія культурной жизни отъ простой лишь природы, и само собой разумѣется, что не приходится дѣлать какія либо принципиальныя возраженія противъ такой психологіи культуры. Съ методологическихъ точекъ зрѣнія она принадлежитъ къ числу естественно-научныхъ наукъ о культурѣ, логическая структура которыхъ извѣстна намъ. Однако, въ данномъ случаѣ опять таки нельзя понять, какимъ образомъ должно получиться строгое разграниченіе между природою и культурою, если уже не предполагается какое либо понятіе цѣнности культуры. Разъ это дѣлается, тогда можно, конечно, и пытаться устанавливать, какія различія представляетъ душевная жизнь культурныхъ народовъ отъ душевной жизни дикихъ народовъ (Naturvölker), и напр. указывать на то обстоятельство, что, выражаясь языкомъ психологіи Вундта, у дикихъ народовъ преобладаютъ „ассоціативные“ психическіе процессы, тогда какъ душевная жизнь культурныхъ людей состоитъ преимущественно изъ „апперцептивныхъ“ процессовъ. Но, какъ ни цѣнны такіа теоріи, никогда нельзя сказать, что душевная жизнь культурныхъ народовъ имѣетъ историческое значеніе въ слѣдствіе своего апперцептивнаго характера ¹⁾.

гораздо большее значеніе для естественно-научнаго изслѣдованія, чѣмъ вся «филогенетическая» біологія.

¹⁾ См. Alfred Vierkandt, *Naturvölker und Kulturvölker. Ein Beitrag zur Sozialspsychologie.* (1896). Этотъ трудъ, опирающійся на обширный фактический матеріалъ, содержитъ много цѣнныхъ разъясненій и кажется мнѣ

Иллюзія, будто эти различія имѣютъ иную цѣнность, чѣмъ чисто психологическую, опять-таки основывается лишь на томъ, что на тѣ психическіе процессы, которые могутъ становиться средствами для достиженія какой либо цѣнной цѣли, переносится та цѣнность, которую имѣетъ эта цѣль. Быть можетъ вѣрно, что культурный человѣкъ можетъ работать надъ осуществленіемъ культурныхъ цѣнностей или вообще обнаруживать свое отношеніе къ этимъ послѣднимъ лишь въ томъ случаѣ, если его душевная жизнь представляетъ совершенно опредѣленныя особенности, отсутствующія у первобытнаго человѣка. Но вѣдь эти особенности получаютъ значеніе именно лишь благодаря тому, что онѣ приводятся въ отношеніе къ культурнымъ цѣностямъ. Безъ этого отнесенія значеніе ихъ не отличается отъ значенія какихъ бы то ни было иныхъ психическихъ процессовъ, и поэтому безъ предположенія уже установленныхъ цѣнностей говорить о „болѣе высокой“, т. е. болѣе цѣнной душевной жизни имѣетъ столь же мало смысла, какъ называть какія-либо тѣлесныя организаціи, какъ таковыя, уже болѣе высокими въ смыслѣ болѣе цѣнныхъ. Кто понялъ это, тотъ найдетъ въ этомъ въ тоже время и основаніе для того, чтобы не возлагать на психологію слишкомъ большихъ надеждъ, когда дѣло идетъ о философскихъ проблемахъ.

Итакъ попытки естественно-научнымъ путемъ дать исторической наукѣ прочную основу должны казаться безнадежными во всѣхъ отношеніяхъ и отсюда вытекаетъ также, что социологія никогда не можетъ претендовать на то, чтобы стать философіей исторіи, ибо она необходимо примѣняетъ естественно-научный методъ ¹⁾. Естествознаніе и исторія исключаютъ другъ друга не только въ понятіяхъ, поскольку одна трактуетъ общее, а другая частное, но и постольку, поскольку одна отвлекается отъ всякихъ различій цѣнности, другая же, напротивъ того, не можетъ обойтись безъ цѣнностей для того, чтобы отличить существенное для нея отъ несущественнаго. Въ связи съ пониманіемъ объектовъ какъ экземпляровъ общихъ по-

имѣющимъ наибольшее значеніе изъ всѣхъ трудовъ, оперирующихъ съ понятіями психологіи Вундта. Но именно Vierkandt былъ бы въ состояніи достигнуть еще гораздо большей ясности, послѣдовательно принимая въ соображеніе различіе между естественно-научно-психологическимъ и историческимъ родами трактованія.

¹⁾ См. выше стр. 249 и сл. и 254 и сл.

нѣтій находится то обстоятельство, что они не только разсматриваются какъ одинаковые другъ съ другомъ, но и что всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе для любой цѣнности, такъ какъ всякій экземпляръ можетъ быть замѣненъ всякимъ другимъ экземпляромъ. И для цѣльнаго пониманія природы въ понятіи естественной цѣнности содержится прямо таки противорѣчіе. Цѣнности всегда суть противоположности цѣнностей и поэтому безъ дуализма цѣнности и нецѣнности онѣ теряютъ свое значеніе. Но для этого дуализма нѣтъ мѣста въ „монизмѣ“, связанномъ со всякимъ пониманіемъ природы. Поэтому, чѣмъ послѣдовательнѣе мыслить естествознаніе, тѣмъ рѣшительнѣе должно оно отказаться отъ того, чтобы говорить о „смыслѣ“ жизни и исторіи.

Конечно, нельзя отрицать, что намъ трудно совершенно удалять изъ понятія природы всякое понятіе цѣнности. Вѣдь многимъ „природа“ кажется прямо таки совокупностью всѣхъ цѣнностей, и, когда напр. Гете говоритъ о природѣ, онъ, конечно, не имѣетъ при этомъ въ виду чего либо свободнаго отъ цѣнности. Однако, вѣдь слово „природа“ весьма многозначно, и природа какъ совокупность цѣнностей не есть та природа, съ которою имѣютъ дѣло естественныя науки въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы должны понимать это слово. Въ особенности Гетевское пониманіе природы по общему принципу не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ пониманіемъ природы, которое свойственно новѣйшему естествознанію. Великій поэтъ всегда разсматривалъ природу, беря за исходный пунктъ человѣка или скорѣе Гете и вкладывалъ въ нее мысленно всю цѣнность и все богатство своего существа. Поэтому онъ мыслилъ всецѣло телеологически и притомъ такъ, что его образъ мышленія оказывается несомнѣстимымъ съ механическимъ пониманіемъ природы. Уже то обстоятельство, что онъ рѣшительно не признавалъ Ньютоновской теоріи цвѣтовъ, необходимо вытекало изъ свойственной ему точки зрѣнія на природу и отнюдь не было причудой, какъ многіе полагаютъ нынѣ, новѣйшая же природа, характеризуемая „борьбою за существованіе“ и „отборомъ“, произвела бы на него такое же впечатлѣніе, какъ напр. *Système de la nature*, т. е. онъ нашель бы ее невыносимой. И его отношеніе къ теоріи развитія не должно смущать насъ въ данномъ случаѣ. Конечно, и Гете ищетъ единства и постепеннаго перехода, но онъ желаетъ не включить человѣка въ механизмъ, но поднять всю дѣйствительность до его высоты, и такимъ

образомъ между нимъ и современнымъ эволюціонизмомъ существуетъ величайшій антагонизмъ. Открытіе межчелюстной кости и у человѣка радуетъ его потому, что, лишь коль скоро природа сродни ему, онъ способенъ созерцать ее какъ „лоно друга“ и лишь тогда она учитъ его „узнавать“ своихъ „братьевъ въ тихой рошѣ, въ воздухѣ и въ водѣ“. И по его мнѣнію даже камни должны были бы не быть чуждыми ему и не представлять собой „сумятицу, насиліе и бессмыслицу“. Словомъ, въ Гетевскомъ пониманіи природы коренится натурфилософія романтики. Ему близокъ Шеллингъ но не естествознаніе въ томъ видѣ, какъ мы понимаемъ и должны понимать его въ настоящее время.

Итакъ, лишь о томъ понятіи природы, которое строится современной наукой, мы утверждаемъ, что оно должно мыслиться какъ совершенно свободное отъ цѣнностей и мы желаемъ сказать, что пониманіе дѣйствительности какъ ритма подчиненнаго естественнымъ законамъ, находится въ необходимой связи съ отказомъ отъ всякой попытки опредѣлить смыслъ однократнаго развитія. Миръ, какъ природа становится бессмысленнымъ кругообращеніемъ. Такимъ образомъ при мысли о натуралистической философіи природы мы снова наталкиваемся на границы естественно-научнаго образованія понятій. Понятіе природы исключаетъ понятіе историческаго развитія и не только естественно-научная исторіографія, но и натуралистическая философія исторіи—деревянное желѣзо.

Однако, быть можетъ, подумаютъ, что здѣсь дѣло идетъ не о границахъ естественно-научнаго образованія понятій, но о границахъ научнаго образованія понятій вообще. И даже чѣмъ яснѣе естествоиспытатель понимаетъ, что съ его точки зрѣнія совершенно бессмысленно говорить объ исторически-телеологическомъ развитіи, тѣмъ рѣшительнѣе отвергнетъ онъ всякое историческое трактованіе какъ не научное. Для него въ исторіи необходимо остается господствующимъ тотъ антропоморфизмъ, несостоятельность котораго обнаружена со временъ возрожденія подавляющимъ множествомъ фактовъ. Христіанскіе средніе вѣка могли правомѣрно интересоваться исторіей человѣчества, такъ какъ тогда можно было предполагать, что развитіе, происходящее между актомъ творенія и страшнымъ судомъ дѣйствительно есть исторія „міра“ въ строгомъ смыслѣ слова и такъ какъ тѣ цѣнности, къ которымъ надлежало отнести этотъ процессъ становленія, были даны въ ученіяхъ церкви, какъ абсолютно обяза-

тельные и признаваемые. Но, съ тѣхъ поръ какъ арена исторіи, которая признавалась центральнымъ пунктомъ міра, стала, какъ говорить Шопенгауэръ, однимъ ихъ тѣхъ маленькихъ освѣщенныхъ шаровъ, которые дюжинами вращаются въ безконечномъ пространствѣ вокругъ безчисленныхъ шаровъ, шаромъ, на которомъ покровъ изъ плѣсени породилъ живущія и познающія существа, намъ, какъ бы то ни было, приходится, наконецъ, отказаться отъ мнѣнія, будто развитіе человѣческаго рода имѣетъ какое либо отношеніе къ объективнымъ цѣнностямъ.

Въ самомъ ли дѣлѣ это тѣ выводы, которые мы вправѣ дѣлать съ чисто естественно-научной точки зрѣнія, или же, напротивъ того, дѣлая ихъ, мы точно также выходимъ изъ области естествознанія, какъ это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда производится попытка установить естественныя цѣнности? Конечно, естествознаніе никогда не бываетъ въ состояніи обосновать объективныя цѣнности, однако это положеніе все же имѣетъ иной смыслъ, чѣмъ положеніе, гласящее, что такія цѣнности вообще не имѣютъ силы и поэтому исторія не есть наука. Вѣдь доказательство этого не можетъ быть представлено со стороны естествознанія именно въ томъ случаѣ, если правильны тѣ предпосылки, на основаніи которыхъ естествознаніе отвергаетъ телеологически-историческое трактованіе дѣйствительности. Вѣдь сужденіе о научности или ненаучности какого-либо метода само уже предполагаетъ мѣрило цѣнностей, служащее для опредѣленія степени объективности наукъ. Но изъ этого вытекаетъ, что естествознаніе тотчасъ выходитъ изъ предѣловъ своей компетентности, коль скоро оно провозглашаетъ свои собственные приемы единственно правомѣрными. Чѣмъ послѣдовательнѣе проводится естественно-научная точка зрѣнія, тѣмъ болѣе надлежитъ воздерживаться, исходя изъ нея, отъ всякаго сужденія о томъ, цѣненъ какой либо научный методъ или нѣтъ.

Конечно, естествоиспытатель *implicite* сдѣлаетъ предположеніе, что его методъ приводитъ къ объективно обязательнымъ результатамъ, но даже это предположеніе никогда не можетъ быть обосновано самимъ естествознаніемъ и поэтому совершенно бессмысленно выражать съ естественно-научной точки зрѣнія сужденіе относительно иныхъ методовъ, нежели естественно-научный. Трактованіе такихъ вопросовъ всецѣло составляетъ задачу логики. Тотъ, кто хочетъ разрѣшать ихъ, исходя изъ естественно-научной точки зрѣнія, сущ-

ность которой состоитъ въ отвлеченіи отъ всѣхъ точекъ зрѣнія отношенія къ цѣнности, необходимо долженъ впадать въ пустой и отрицательный догматизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, не подобаетъ сперва энергически провозглашать всякую оцѣнку ненаучной, а затѣмъ съ тѣмъ болѣею увѣренностью высказывать сужденія, выражающія оцѣнку, съ претензіей на научную обязательность. Для послѣдовательнаго натурализма не существуетъ вопросовъ о правѣ, въ родѣ вопроса о цѣнности методовъ. Правда, для него не существуетъ исторіи, но онъ не можетъ сказать рѣшительно ничего относительно того, можетъ-ли исторія вообще считаться наукою. Итакъ, съ естественно-научной точки зрѣнія нельзя ни оправдать научной объективности исторіи, ни представить какихъ либо основательныхъ возраженій противъ нея.

II.

Эмпирическая объективность.

Разъ мы желаемъ пойти дальше, мы должны оставаться какъ можно болѣе свободными отъ всякихъ предположеній относительно цѣнности различныхъ научныхъ методовъ и такъ какъ болѣе свободной отъ предположеній въ теоріи познанія обыкновенно признается точка зрѣнія чистаго опыта, намъ сперва приходится поставить вопросъ о томъ, какъ обстоитъ дѣло, коль скоро къ исторіи прилагается мѣрило эмпирической объективности.

Такую объективность мы предполагаемъ всюду, гдѣ въ какомъ либо научномъ контекстѣ обязательность сужденій можетъ быть сведена на чисто фактическія истины. Однако намъ, конечно, не приходится уже входить въ обсужденіе того взгляда, согласно которому возможно уже путемъ простаго лишь констатированія фактовъ достигнуть научнаго познанія, такъ какъ мы достаточно обстоятельно показали, что наука всегда есть обработка и преобразование фактовъ сообразно опредѣленнымъ руководящимъ точкамъ зрѣнія. Поэтому подъ эмпиризмомъ мы можемъ разумѣть лишь тотъ взглядъ, согласно которому не только матеріалу, но и тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыми руководятся при его обработкѣ, свойственна чисто эмпирическая обязательность. И при томъ только объ обязательности этихъ методологическихъ предпосылокъ и идетъ дѣло въ данномъ случаѣ. Что же касается остального, то мы допускаемъ, что въ обя-

зательности суждений, лишь констатирующих факты, не кроется уже никакой гносеологической проблемы и что познание материала какъ въ естественныхъ наукахъ такъ и въ исторіи имѣеть мѣсто путемъ чистаго опыта. Мы можемъ допустить это, такъ какъ въ объективности этого познанія не заключается никакой проблемы, имѣющей для исторіи принципиально иное значеніе, чѣмъ для естествознанія.

Итакъ, центръ тяжести нашего изслѣдованія находится теперь въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ прежде. Для естественно-научнаго пониманія камнемъ претковенія могло служить уже само-по-себѣ то обстоятельство, что тѣ точки зрѣнія, которыми руководятся при историческомъ образованіи понятій, суть цѣнности. Напротивъ того, съ точки зрѣнія чистаго опыта, это обстоятельство само по себѣ не вызываетъ еще недоумѣній, такъ какъ вѣдь и цѣнности могутъ быть констатируемы какъ факты и въ особенности ихъ фактическое признаніе опредѣленною группою людей въ принципѣ можно установить опытнымъ путемъ. Теперь примѣненіе цѣнностей становится недопустимымъ лишь въ томъ случаѣ, если ихъ нормативная общеобязательность принципиально должна идти далѣе допускающей эмпирическое констатированіе общности и означать не что иное какъ безусловно требуемое признаніе.

Съ другой стороны изъ-за безусловно общихъ естественныхъ законовъ объективность естествознанія представляется теперь отнюдь уже не само собою разумѣющеюся, но напротивъ того становится труднѣйшею проблемою для эмпиризма. Итакъ мы видимъ, что съ точки зрѣнія опыта вопросы объ отношеніи исторіи къ естествознанію и о той степени объективности, которою обладаютъ естествознаніе и исторія, могутъ быть разрѣшены лишь путемъ обнаруженія того, предполагаютъ-ли онѣ безусловно всеобщіе и необходимые элементы и если да, то въ какой степени. А то, суть-ли эти элементы цѣнности или что либо иное, кажется безразличнымъ.

Если взять за исходный пунктъ естествознаніе, то ясно, что тѣ соображенія, которыя мы развили относительно эмпирической общности естественно-научныхъ понятій безъ труда могутъ быть подведены подъ чисто эмпирическую теорію познанія, такъ какъ на этой первой ступени обязательность понятій основывается на прямомъ сравненіи объектовъ и въ формальной опредѣленности равнымъ образомъ не содержится никакого сверхэмпирическаго момента. Итакъ,

повидимому обязательность естественно-научныхъ понятій становится особой проблемою лишь тогда, когда дѣло идетъ о сужденіяхъ, подлежащихъ высказывать что либо относительно необозримаго и поэтому непосредственно никогда не доступнаго опыту многообразія вещей и процессовъ. Однако мы смогли показать, что и лишь эмпирически общія и формально опредѣленные понятія въ большинствѣ случаевъ должны быть разсматриваемы лишь какъ подготовительныя работы для образованія такихъ понятій, съ помощью которыхъ естествознаніе имѣеть въ виду подвести экстенсивно и интенсивно необозримое многообразіе подъ цѣльную систему, и стало бы послѣдовательный эмпиризмъ долженъ былъ бы такимъ образомъ лишиться эмпирически общія и формально опредѣленные понятія того значенія, которое они имѣютъ какъ подготовительныя ступени для понятій, выражающихъ законы. Въ такомъ случаѣ постановка той задачи, которую мы считали обязательнымъ указать естествознанію, была бы экзальтаціей. Согласно послѣдовательно эмпиристическому взгляду, естественно-научному образованію понятій слѣдовало бы основываться лишь на эмпирическомъ сравненіи объектовъ, объединяющемъ общее и опускающемъ индивидуальныя различія.

Если мы допустимъ, что этотъ взглядъ можетъ быть проведенъ, т. е. предположимъ, что и понятія о законахъ природы слѣдуетъ разсматривать лишь какъ эмпирическія обобщенія, то развѣ въ такомъ случаѣ исторія какимъ-либо образомъ оказывалась бы относительно своей научной объективности въ невыгодномъ положеніи по сравненіи съ естествознаніемъ? Если имѣть въ виду не несомнѣнность материала, а лишь принципы образованія понятій, которые вѣдь единственно занимаютъ насъ въ данномъ случаѣ, то тѣ цѣнности, которыми руководятся при исторически-телеологическомъ образованіи понятій, не должны быть эмпирически менѣе обязательными, чѣмъ тѣ точки зрѣнія, къ которымъ прибѣгаютъ въ естествознаніи для того, чтобы чисто эмпирически сравнивать другъ съ другомъ различные объекты.

Въ исторіи принимается во вниманіе лишь отнесеніе объектовъ къ общепризнаннымъ цѣностямъ, благодаря которому въ нихъ обязательно для всѣхъ отличаются существенныя составныя части отъ несущественныхъ. Конечно, тогда слово „всѣ“ можетъ имѣть лишь эмпирически общее значеніе, т. е. относиться ко всѣмъ членамъ нѣкоторой исторической общественной группы, но, коль скоро эмпи-

рически установлено, что у определеннаго круга людей, къ которому обращается историкъ со своимъ изложеніемъ, имѣются фактически общія культурныя цѣнности, какъ то государство, искусство, наука, религія, признаніе нормативной общности которыхъ ожидается отъ всѣхъ членовъ общественной группы и если затѣмъ факты прошлаго подводятся подъ историческія понятія такъ, что при этомъ имѣются въ виду эти цѣнности, то возникаетъ обязательное для всѣхъ трактованіе и при этомъ вѣдь конечно, не болѣе покидаютъ почву чистаго опыта, чѣмъ когда естествознаніе построяетъ посредствомъ чисто эмпирическаго сравненія систему общихъ понятій для определенной дѣйствительности.

Однако, быть можетъ, будутъ думать, что дѣло не только въ этомъ и что при всемъ томъ историческія понятія остаются менѣ научными. Въ томъ, что именно эти культурныя цѣнности, а не другія руководятъ историческимъ образованіемъ понятій, кроется актъ произвола, или во всякомъ случаѣ историческое трактованіе всегда имѣетъ силу лишь для круга людей, фактически признающихъ и руководящихъ культурныя цѣнности, и это никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ идеалу научнаго образованія понятій. Напротивъ того общія понятія естествознанія, установленныя путемъ сравненія и выключенія чисто индивидуальнаго, не подлежатъ никакому сомнѣнію и имѣютъ силу для всѣхъ независимо отъ того, признано-ли познающими субъектами уже до того что либо иное обязательнымъ. Словомъ историческое образованіе понятій нуждается въ предпосылкахъ, къ признанію которыхъ никого нельзя принудить, между тѣмъ какъ естествознаніе съ помощью одного лишь сравненія доходитъ до понятій, обязательность которыхъ исключаетъ всякое сомнѣніе.

Однако, при болѣе точномъ разсмотрѣніи, оказывается, что это утвержденіе несостоятельно именно на почвѣ чистаго опыта. Само „дѣло“ столь же мало опредѣляетъ содержаніе понятій въ естествознаніи, какъ въ исторіи, но познающій субъектъ рѣшаетъ, что существенно и что нѣтъ, т. е. и для чисто эмпирическаго естественнонаучнаго сравненія нужна руководящая точка зрѣнія, и въ томъ случаѣ, если должна быть отвергнута всякая возможность разсматривать это чисто эмпирическое, какъ подготовительную работу для образованія безусловно общихъ понятій, ничуть не менѣ произвольнымъ остается то, что для объединенія общаго, выбирается именно данная точка зрѣнія а не иная.

Мы забываемъ это, такъ какъ часто тѣ точки зрѣнія, которыми руководится сравненіе, приходятъ намъ въ голову какъ самоочевидныя. Однако эта психологическая самоочевидность не только могла бы быть констатирована равнымъ образомъ и тогда, когда дѣло идетъ о точкахъ зрѣнія, которыми руководится историческое трактованіе, но она и не имѣетъ ничего общаго съ его логическимъ оправданіемъ. Мы обстоятельно показали, что безъ стремленія къ безусловно общимъ сужденіямъ естествознаніе всегда можетъ дать лишь классификацію и что простая лишь классификація всегда „произвольна“, такъ какъ, если даже ограничиться экстенсивно обозримымъ многообразіемъ объектовъ, что приходится дѣлать будучи эмпиристомъ, интенсивное многообразіе всякаго отдѣльнаго объекта остается необозримымъ, а необозримыя многообразія могутъ быть и сравниваемы другъ съ другомъ съ необозримо многихъ точекъ зрѣнія. И такъ и въ сравниваемомъ естествознаніи всегда должно быть заранѣе установлено, какую точку зрѣнія для сравненія желаютъ выбрать и, если держаться эмпирической точки зрѣнія, этотъ выборъ точно такъ же какъ и въ исторіи, нуждается въ одобреніи всѣхъ тѣхъ, для кого должны имѣть силу понятія ¹⁾.

Но, разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, иного рода объективности нельзя требовать и отъ исторіи и, такъ какъ исторія весьма способна удовлетворять требованію, гласящему, что всѣ люди, къ которымъ она обращается, должны признавать ея руководящія точки зрѣнія, она отнюдь не находится въ невыгодномъ положеніи по сравненію съ естествознаніемъ, поскольку дѣло идетъ о произвольности выбора.

Напротивъ того, историкъ, ограничивающійся тѣмъ, чтобы при посредствѣ историческихъ понятій, имѣющихъ индивидуальное содержаніе, излагать прошлое, въ его однократномъ индивидуальномъ теченіи, руководясь при этомъ эмпирически данными культурными цѣнностями, признаваемыми определеннымъ кругомъ людей корпоративно общими, достигаетъ при этомъ наивысшей объективности, которая съ эмпиристической точки зрѣнія вообще можетъ быть достигнута въ наукѣ. Проблематическимъ остается лишь притязаніе

¹⁾ Здѣсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи предполагается, что читатель точно помнитъ разъясненія, данныя въ первой главѣ. Лишь тогда изложеніе можетъ быть убѣдительнымъ. Ср. въ особенности ст. 43, с., 62 и сл. и ст. 133 и сл.

исторіи на безусловно всеобщую обязательность ея понятій, но вѣдь для послѣдовательнаго эмпириста такая обязательность вообще не имѣетъ никакого смысла. Въ естествознаніи она зависитъ отъ обязательности безусловно всеобщихъ сужденій, въ исторіи отъ обязательности безусловно всеобщихъ цѣнностей. Для того, кто не хочетъ признавать ни той ни другой, по отношенію къ объективности понятій не можетъ составлять никакого различія то, что на мѣсто эмпирически общепризнанной точки зрѣнія сравненія, отличающей существенно отъ несущественнаго, становится эмпирически общепризнанная цѣнность, къ которой объекты бывають относимы такимъ образомъ, что они объединяются въ индивидуумы.

Если мы будемъ разсматривать дѣло уже не чисто формально, то съ точки зрѣнія чистаго опыта оно принимаетъ даже еще болѣе благоприятный оборотъ для историческихъ наукъ. Оказывается, что для значительнаго большинства историческихъ трудовъ, всѣхъ біографій, всѣхъ изложеній особыхъ культурныхъ процессовъ, какъ напр. исторій развитія религіи, наукъ, права, искусства и т. д. и даже всѣхъ исторій отдѣльныхъ народовъ и государствъ руководящими точками зрѣнія служатъ точки зрѣнія отнесенія къ цѣностямъ, фактическое признаніе которыхъ отнюдь не можетъ подлежать сомнѣнію. Если при образованіи своихъ понятій историкъ руководится цѣностями той общественной группы, къ которой онъ самъ принадлежитъ, то будетъ казаться, что объективность его изложенія зависитъ исключительно отъ правильности фактическаго матеріала, и вовсе не возникнетъ вопросъ о томъ, существенно-ли то или иное событіе прошлаго. Онъ выше всякой произвольности, когда онъ напр. относитъ развитіе какого-нибудь искусства къ эстетическимъ культурнымъ цѣностямъ, развитіе какого либо государства къ политическимъ культурнымъ цѣностямъ и у него при этомъ получается изложеніе, которое, поскольку оно воздерживается отъ сужденія, выражающаго оцѣнку, должно быть обязательно для всякаго, кто вообще признаетъ эстетическія или политическія культурныя цѣнности какъ нормативно-общія для членовъ своей общественной группы. Если же историку напротивъ того приходится сперва усваивать себѣ чужія культурныя цѣнности для того, чтобы быть въ состояніи изображать и отдаленные процессы развитія культуры, то въ принципѣ эта работа равнымъ образомъ можетъ быть выполнена путемъ чисто эмпирическаго констатированія фактовъ и лишь тогда, когда тре-

буется написать „всемирную исторію“, можетъ оставаться сомнительнымъ, могутъ-ли примѣняемые при этомъ руководящія точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности рассчитывать на допускающее эмпирическое констатированіе признаніе у всѣхъ обнимаемыхъ такимъ изложеніемъ культурныхъ общественныхъ группъ. Однако этотъ случай не касается эмпирической объективности специальныхъ изложеній ¹⁾).

¹⁾ Такъ какъ отстаиваемый уже въ моемъ сочиненіи „Kulturwissenschaftuna Naturwissenschaft, вышедшемъ въ 1899 году, взгляды, согласно которому всякое историческое образованіе понятій руководится культурными цѣностями, приводили въ связь съ разсужденіями относительно правомѣрности историографіи съ точки зрѣнія того или иного вѣроисповѣданія, то здѣсь слѣдуетъ добавить еще нижеслѣдующее относительно понятія достижимой при всякихъ обстоятельствахъ эмпирической объективности исторіи. Тотъ, кто уяснилъ себѣ имѣющее рѣшающее значеніе различіе между чисто теоретическимъ отнесеніемъ къ цѣнности и практической оцѣнкой, пойметъ, что методологическія „предпосылки“ исторіи не имѣютъ ничего общаго съ предпосылками, касающимися вѣроисповѣданій. Напр., при трактованіи дѣйствительности, именуемой „Лютеромъ“ для католика должны становиться существенными тѣ же самыя составныя части, что и для протестанта, а слѣдовательно онѣ должны и объединяться въ тѣ же самыя историческія понятія. Вѣдь, какъ я уже показалъ на стр. 313 и сл., безъ согласующагося пониманія дѣйствительности отнюдь не былъ бы возможенъ споръ о цѣнности Лютера. Лишь для историка, которому нѣмецкая и христіанская культурная жизнь совершенно чужды, Лютеръ вообще сталъ бы несущественнымъ, а слѣдовательно и не подлежалъ бы историческому трактованію, такъ какъ историкъ, чуждый этой культурѣ, не относитъ индивидуальности Лютера ни къ какой цѣнности. Однако, разъ этотъ историкъ признаетъ хоть какую-нибудь религіозную цѣнность, онъ въ принципѣ можетъ освоиться и съ тѣми цѣностями, къ которымъ нѣмецкіе и христіанскіе историки относятъ Лютера и въ такомъ случаѣ и для него трактованіе Лютера, воздерживающееся отъ всякаго сужденія, выражающаго оцѣнку, обладаетъ научной объективностью. Спорить можно лишь о томъ, возможно-ли или, даже хотя бы лишь желательно для историка воздержаніе отъ сужденій выражающихъ оцѣнку. Однако, этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ логическаго изслѣдованія. Здѣсь мы должны лишь установить понятіе чисто научнаго историческаго трактованія, въ которомъ, благодаря простому лишь отнесенію его объектовъ къ культурнымъ цѣностямъ, должно находить свое выраженіе пониманіе дѣйствительности, общее всѣмъ спорящимъ партіямъ и, какъ бы ни была необходима и правомѣрна историографія, производящая оцѣнку въ зависимости отъ вѣроисповѣда-

Напротив того оправданіе объективности естественно-научныхъ изслѣдованій наталкивается на значительныя трудности, коль скоро требуется удостовѣрить фактическое признаніе его руководящихъ точекъ зрѣнія. Пока естествознаніе оперируетъ исключительно съ понятіями о вещахъ, пожалуй, можно сказать, что для всякаго будетъ само собою разумѣющимся то, какіе объекты слѣдуетъ признавать одинаковыми и какіе неодинаковыми. Но, послѣ тѣхъ разъясненій, которыя были сдѣланы въ первой и во второй главахъ, не подлежитъ сомнѣнію, насколько трудно будетъ провести точку зрѣнія чистаго эмпиризма и для понятій, выражающихъ отношенія. Такимъ образомъ естествознаніе во всякомъ случаѣ оказывается въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ историческое трактованіе, коль скоро ему приходится оправдать свою объективность предъ судомъ эмпиризма.

Исторія есть подлинная опытная наука не только потому, что она есть наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью и поэтому со своими индивидуальными понятіями она всегда ближе къ индивидуальному опыту чѣмъ естествознаніе, но и потому, что ея руководящія точки зрѣнія гораздо легче могутъ быть почерпнуты изъ самого опыта. Итакъ съ эмпиристической точки зрѣнія служащей помѣхою моментъ субъективности въ нее можетъ внести не то обстоятельство, что она нуждается въ цѣнностяхъ, какъ руководящихъ точкахъ зрѣнія, а развѣ незнаніе необходимости такихъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности можетъ побудить изслѣдователя къ тому, чтобы стремиться и къ недостижимому идеалу „объективности“.

Если бы преслѣдуемая нами цѣль сводилась къ обнаруженію правомѣрности науки объ однократномъ индивидуальномъ культурномъ развитіи какъ эмпирической дисциплины, то мы могли бы закончить теперь наше сочиненіе. Однако наше изслѣдованіе было предпринято въ интересѣ болѣе общихъ философскихъ проблемъ и, хотя мы на первыхъ порахъ должны были слезить постановку проблемы до всего лишь методологической, однако намъ все еще предстоитъ разрѣшить задачу, состоящую въ томъ, чтобы указать отношенія методологическихъ выводовъ къ общимъ вопросамъ, касаю-

нія, съ религиозныхъ, этическихъ, политическихъ или иныхъ точекъ зрѣнія, она все же никогда не можетъ быть признана чисто-научною, такъ какъ ея оцѣнки никогда не бываютъ обязательными для всѣхъ людей науки.

щимся міровоззрѣнію. Но это можетъ быть сдѣлано лишь путемъ гносеологическаго углубленія и дальнѣйшей обработки установленныхъ до сихъ поръ результатовъ и въ особенности намъ надлежитъ выяснитъ то, какую роль играютъ въ наукѣ сверхэмпирическіе элементы.

При этомъ намъ придется снова подвергнуть сомнѣнію нѣкоторое изъ достигнутаго нами до сихъ поръ и въ особенности объективность исторической науки съ новой точки зрѣнія представится многимъ весьма сомнительною. Поэтому для того, кто настолько убѣжденъ въ неправомѣрности сверхэмпирическихъ элементовъ въ наукѣ, что заранѣе считаетъ обсужденіе вопроса объ ихъ правомѣрности совершенно бессмысленнымъ и устарѣлымъ предпріятіемъ, быть можетъ, лучше всего будетъ не читать далѣе, но удовлетвориться полученнымъ до сихъ поръ результатомъ.

Во всякомъ случаѣ для дѣйствительно послѣдовательнаго эмпириста, наша работа выполнена и притомъ важно отмѣтить, что для всякаго мыслителя, не оперирующаго съ недоказуемыми метафизически-раціоналистическими догматами, обязательно признать историческую жизнь границею всякаго естественно-научнаго образованія понятій, какихъ бы философскихъ взглядовъ онъ ни держался относительно остального: естественно-научное познаніе историческаго логически невозможно. Тотъ, кто желаетъ изучитъ прошлое въ его однократномъ и индивидуальномъ теченіи, можетъ охватитъ его лишь въ понятіяхъ, имѣющихъ индивидуальное содержаніе, элементы которыхъ сочетаются въ телеологическое единство такъ, что при этомъ имѣется въ виду нѣкоторая цѣнность, и именно эмпиризмъ никогда не можетъ оспаривать объективность такого образованія понятій. Этотъ результатъ продолжаетъ оставаться вѣрнымъ во всякомъ случаѣ, какъ бы ни судили о правильности дальнѣйшей аргументаціи.

Однако, такая объективность, къ достиженію которой должны стремиться естествознаніе и исторія, фактически невозможна на почвѣ чистаго опыта. Во первыхъ, что касается естествознанія, уже нѣтъ надобности доказывать, что всякое требованіе, чтобы оно принципиально ограничивалось чисто эмпирическими обобщеніями, должно быть отвергнуто имъ. При этомъ мы отнюдь не имѣемъ еще въ виду наиболѣе общихъ гносеологическихъ предпосылокъ, какъ то допущеній объективнаго временнаго и пространственнаго порядка, прин-

ципа причинности, и т. д., но имѣемъ въ виду лишь специфически естественно-научныя предпосылки.

Всякій, старающійся найти законы природы, вѣрить, что онъ въ состояніи переступить предѣлы опыта, отдаетъ-ли онъ себѣ отчетъ въ этомъ или нѣтъ. Этого нельзя, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, будто содержаніе законовъ не берется всегда изъ опыта, но имѣется въ виду лишь то, что любое необозримое число не наблюдавшихся объектовъ правомѣрно подводится подъ понятіе, образованное примѣнительно къ доступному обзорнѣю числу наблюдавшихся объектовъ. Рѣчь идетъ и не о томъ, чтобы изъ содержанія какого-нибудь закона природы можно было съ несомнѣнною очевидностью усмотрѣть его безусловно всеобщую обязательность, а лишь о томъ, что можно заявлять притязаніе на большую или меньшую степень вѣроятности безусловно всеобщихъ сужденій, такъ какъ уже въ понятіи вѣроятности безусловно всеобщаго закона кроется сверхэмпирической элементъ. Безъ предпосылки, гласящей, что мы можемъ переступить границы опыта вышеуказаннымъ образомъ, бессмысленно утверждать, что то, что имѣетъ силу для тысячи наблюдавшихся случаевъ, „вѣроятно“ будетъ имѣть силу и для тысяча перваго не наблюдавшагося случая и въ этой предпосылкѣ заключается другая предпосылка, гласящая, что какіе либо законы безусловно имѣютъ силу, даже если бы ни одинъ изъ нихъ еще не былъ извѣстенъ намъ.

Это — тотъ пунктъ, который эмпиризмъ нерѣдко очень необдуманно обходитъ и отъ котораго онъ считаетъ возможнымъ отдѣлаться теоріями, которыя лишь запутываютъ вопросъ. Конечно, наше субъективное убѣжденіе въ томъ, что нѣкоторый законъ имѣетъ силу, возникаетъ во многихъ случаяхъ благодаря накопленію наблюденій и поэтому психологическій анализъ научнаго мышленія будетъ въ состояніи выдвигать для объясненія этого убѣжденія на первый планъ такія понятія какъ привычку. Но это нисколько не касается нашей проблемы. Пусть наша вѣра возникла хотя бы благодаря тысячѣ наблюденій, этимъ никогда не можетъ быть оправдана даже и вѣроятность безусловной обязательности какого либо закона. Напротивъ того для того, чтобы исканіе законовъ природы имѣло смыслъ, до всякаго наблюденія должна не подлежать сомнѣнію возможность знать на основаніи того, что было дано въ опытѣ, что либо о томъ, что не было дано въ опытѣ. Само собою разумѣется, что эта предпосылка остается настолько же формальною, насколько она есть

предпосылка сверхэмпирическая. Естествознаніе можетъ, пожалуй, когда либо дойти до того, чтобы объявить ложными всѣ тѣ безусловно всеобщія положенія, которыя оно считало установленными, но пока вообще будутъ заниматься естествознаніемъ, никогда нельзя подвергать сомнѣнію право познающаго субъекта вѣрить въ безусловно всеобщіе законы и въ возможность по крайней мѣрѣ приближаться къ ихъ познанію.

Если допустить, что это право доказано, то спрашивается, каковы въ такомъ случаѣ тѣ предпосылки, которыя должна допускать исторія для того, чтобы ея объективность не уступала объективности науки, формулирующей законы? Нуждается ли она вообще въ сверхэмпирическихъ предпосылкахъ?

Въ естествознаніи встрѣчаются понятія, содержаніе которыхъ должно болѣе или менѣе приближаться къ тому, что абсолютно обязательно, между тѣмъ какъ такихъ понятій не оказывается на лицо въ самой исторической наукѣ. Итакъ, если она заключаетъ въ себѣ сверхэмпирическія составныя части, то эти послѣднія могутъ содержаться лишь въ руководящихъ точкахъ зрѣнія образованія понятій. Однако содержаніе тѣхъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которыми она руководится, вѣдь равнымъ образомъ почерпнуто изъ опыта, такъ какъ и нормативно общая обязательность цѣнностей для какой нибудь опредѣленной общественной группы въ принципѣ можетъ быть установлена путемъ опыта. Поэтому исторической наукѣ, конечно, никогда не придется отвергнуть всѣ свои изложенія вслѣдствіе того, что тѣ цѣнности, которыя она примѣняла, уже не признаются нормативно общими, т. е. она не сочтетъ необходимымъ построить свои понятія, пользуясь совершенно новыми культурными цѣнностями, такъ какъ она всегда должна понимать человѣческую жизнь прошлаго, беря за исходный пунктъ саму эту жизнь, и поэтому относить всякаго индивидуума къ тѣмъ цѣностямъ, которыя признавались нормативно общими тою общественною группою, къ которой онъ принадлежалъ. Итакъ потребность въ томъ, чтобы познать безусловно общеобязательныя цѣнности или имѣть возможность приблизиться къ этому познанію, повидимому возникаетъ лишь для философіи исторіи, ставящей вопросъ объ объективномъ прогрессѣ человечества или т. под., но никогда не для эмпирической исторической науки.

Итакъ, что же имѣемъ мы въ виду, когда мы говоримъ о сверх-

эмпирических предпосылках истории? Не возможность-ли при констатировании ценностей путем наблюдения известных культурных сфер приобрести познание ценностей не наблюдавшихся культурных сфер? Очевидно, это нисколько не касается особенностей исторического образования понятий, так как тѣ трудности, съ которыми встрѣчается здѣсь историкъ, не оказываются принципиально неразрѣшимыми и на почвѣ чистаго опыта. Поэтому сверхэмпирическія предпосылки истории должны оказываться вовсе не тамъ.

Если естествознание способно со своими понятіями приближаться къ безусловно общеобязательному закону, то оно благодаря этому отрѣшается отъ всякой человѣческой произвольности, которая, согласно эмпиристическому воззрѣнію, всегда должна быть присуща ему. История, напротивъ того, всегда остается при человѣческихъ отнесеніяхъ къ цѣностямъ, какъ при послѣднемъ критеріумѣ, и поэтому можно было бы сказать, что все человѣческое развитіе съ чисто научной точки зрѣнія представляетъ собою совершенно безразличную и бессмысленную суматоху индивидуальныхъ событій, изложеніе которой должно значительно уступать исканію законовъ природы по научному значенію, такъ какъ отнесеніе дѣйствительности къ цѣностямъ вообще производится лишь человѣческимъ произволомъ.

Итакъ, разъ историческая наука дѣйствительно желаетъ претендовать на то, что ея задача научно необходима, она должна допустить, что и по отношенію къ цѣностямъ дѣло идетъ не о произволѣ только и это заключаетъ въ себѣ сверхэмпирическую предпосылку гласящую, что безусловно имѣютъ силу какія либо цѣности, къ которымъ человѣческія цѣности находятся въ опредѣленномъ отношеніи.

Конечно, и эта предпосылка опять таки чисто формальна, т. е. не предполагается рѣшительно ничего относительно того, имѣеть-ли какая либо известная намъ культурная цѣность притязаніе на безусловно общую обязательность. Но въ тоже время этой формальной предпосылки вполне достаточно, такъ какъ, разъ вообще какія либо цѣности имѣютъ силу абсолютно и слѣдовательно человѣческія нормативно общія цѣности ближе къ нимъ или дальше отъ нихъ, и человѣческое культурное развитіе находится въ необходимомъ отношеніи къ безусловно обязательнымъ цѣностямъ и поэтому стремленіе ознакомиться съ этимъ развитіемъ въ его индивидуальномъ

теченіи, руководясь нормативно общими цѣностями, не можетъ уже быть признано продуктомъ чистаго произвола.

Итакъ мы видимъ, что и история нуждается въ сверхэмпирическомъ элементѣ для того, чтобы формы ея пониманія, стало быть понятія историческаго индивидуума, исторической связи и историческаго развитія не оказывались по научному значенію ниже тѣхъ формъ, въ которыхъ нуждается естествознание для того, чтобы доходить до законовъ. Тотъ, кто ищетъ законовъ, долженъ допустить, что какія либо безусловно всеобщія сужденія правильны и что его понятія болѣе или менѣе приближаются къ этимъ сужденіямъ. Тотъ, кто изслѣдуетъ однократное развитіе человѣческой культуры и признаетъ это необходимой задачей науки, стоящей выше всякаго человѣческаго произвола, долженъ предполагать, что допускающія эмпирическое констатированіе нормативно общія цѣности болѣе или менѣе приближаются къ тому, что безусловно долженъ ствуетъ быть, и что поэтому человѣческая культура имѣетъ какой либо, быть можетъ, совершенно невѣдомый намъ объективный смыслъ по отношенію къ безусловно обязательнымъ цѣностямъ, такъ какъ лишь тогда оказывается неизбѣжнымъ вообще относить историческій процессъ къ цѣностямъ.

То, что указанное предположеніе дѣлается въ жизни, т. е. при хотѣніи и дѣйствованіи, не должно было бы требовать никакого доказательства. Правда, я могу полагать, что я всюду ошибаюсь при постановкѣ тѣхъ цѣлей, къ достиженію которыхъ я стремлюсь, считая ихъ цѣнными, и даже могу бояться, что всякій поступокъ моей жизни былъ ошибоченъ. Однако уже эта боязнь настолько же предполагаетъ безусловную обязательность цѣностей и обязанность поступать сообразно съ ними, какъ и убѣжденіе въ томъ, что всегда имѣлось въ виду достиженіе взаправду цѣннаго. Но, если въ жизни мы никогда не можемъ отрѣшиться отъ предположенія безусловно обязательныхъ цѣностей, міръ необходимо представится хотящему и дѣйствующему человѣку процессомъ развитія, расчленяющимся по отношенію къ цѣностямъ на несущественныя и существенныя индивидуальныя составныя части, т. е. чловѣкъ-практикъ всегда будетъ мыслить исторически въ этомъ наиболѣе общемъ смыслѣ, хотя бы интересъ его къ дѣйствительности и ограничивался небольшой пространственной и временною долею міра.

Однако точка зрѣнія, свойственная жизни, еще не есть точка

зрѣнія, свойственная наукѣ и теперь вопросъ состоитъ именно въ томъ, неизбѣжно-ли предположеніе безусловно обязательныхъ цѣнностей и съ научной точки зрѣнія простого лишь рассмотрѣнія и равноправна-ли поэтому историческая наука во всѣхъ отношеніяхъ съ естествознаніемъ?

III.

Метафизическая объективность.

Однако, прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны еще ясно опредѣлить свое отношеніе къ одному взгляду, котораго мы уже неоднократно касались. Согласно этому взгляду, предыдущія изслѣдованія могутъ представиться излишнею вознею съ нами самими созданными трудностями, вытекающими лишь изъ ошибочной предпосылки относительно сущности познания. Для насъ вся научная дѣятельность состояла въ обработкѣ и преобразованіи представлений почерпнутыхъ изъ непосредственно данной реальности. Можно-ли остановиться на этомъ?

Прежде всего: имѣеть-ли смыслъ характеризовать преобразование какъ задачу науки? Не основывается-ли напротивъ того цѣнность всякаго научнаго познания на этомъ, что оно должно восходить къ бытію и образовывать содержаніе своихъ понятій такимъ образомъ, чтобы они воспроизводили это бытіе, какъ оно дѣйствительно есть? Но не состоитъ-ли тогда критерій объективности образуемыхъ понятій въ согласіи ихъ съ этою дѣйствительностью и не оправдывается-ли, стало быть, обязательность его принциповъ выбора, коль скоро при ихъ примѣненіи устанавливается вышеупомянутое постулируемое согласіе между мышленіемъ и бытіемъ?

Пока мы лишь прослѣживали методологическую структуру образования понятій, было безразлично, какимъ образомъ разрѣшался этотъ вопросъ. Для насъ достаточно было возможности показать, какимъ образомъ наука подвигается впередъ благодаря преобразованію и упрощенію. Конечно, намъ пришлось при этомъ отказаться отъ понятія объ истинности какъ о согласіи представленія съ его предметомъ, поскольку наука не можетъ отображать эмпирическую дѣйствительность и фактически никакое образование понятій не обнаруживаетъ тенденціи хотя бы и приближаться къ достиженію

этой цѣли. Итакъ, если въ эмпирической дѣйствительности усматриваютъ единственную дѣйствительность, то всегда будутъ въ состояніи сказать лишь то, что научныя понятія должны имѣть силу для дѣйствительности, но не заключать въ себѣ ея самой.

Однако проблема объективности въ самомъ дѣлѣ принимаетъ совершенно иной видъ, коль скоро допускаются двѣ дѣйствительности: эмпирической міръ явленій и абсолютная, трансцендентная или метафизическая реальность. Тогда можно сказать, что естественно-научныя понятія, возникающія благодаря преобразованію и обработкѣ эмпирической дѣйствительности, имѣютъ цѣлью содержать въ себѣ абсолютное бытіе вещей и что степень ихъ обязательности зависитъ отъ того, насколько они приблизились къ этой цѣли.

Въ особенности въ такомъ случаѣ, наиболѣе общая естественно-научная теорія физическаго должна была бы выражать истинную физическую реальность и болѣе общая психологическая теорія— истинное бытіе душевной жизни. И такъ, естественнымъ наукамъ удавалось бы проникнуть за пестрый покровъ явленія, скрывающій реальность отъ ненаучнаго взора. Въ такомъ случаѣ, тѣла дѣйствительно состоятъ изъ вѣчно неизмѣнныхъ атомовъ, движущихся по вѣчно неизмѣннымъ законамъ, и поэтому то естествознаніе до тѣхъ поръ разлагаетъ представленія о качественно-многообразныхъ вещахъ и разрѣшаетъ ихъ въ понятія отношеній, пока оно наконецъ не доходитъ до понятій о простыхъ вещахъ, находящихся въ допускающихъ математическую формулировку отношеніяхъ другъ къ другу. И какъ объективность понятія атома основывается на бытіи атомовъ, точно такъ же въ психологіи правомѣрна лишь та теорія, которая сообщаетъ или сообщить намъ, изъ чего состоитъ истинное метафизическое бытіе душевной жизни и по какимъ законамъ сочетаются и обособляются его элементы. А разъ такимъ образомъ болѣе общимъ физическимъ и психологическимъ теоріямъ придана совершенно несомнѣнная метафизическая объективность, эту объективность легко перенести и на болѣе спеціальныя естественно-научныя изслѣдованія.

Очень многимъ можетъ показаться само-собою разумѣющимся, что лишь такимъ образомъ правильно формулируется сущность естественно-научной истинности и пожалуй будутъ протестовать развѣ что противъ выраженія „метафизическая“ объективность. Однако, пока послѣднія вещи или душевные элементы не сдѣланы доступ-

ными непосредственному опыту, все же было бы целесообразно принципиально отличать родъ ихъ бытія отъ того рода бытія, который свойствененъ допускающей наблюденіе эмпирической дѣйствительности, и поэтому мы должны назвать метафизическимъ всякій взглядъ, предполагающій двоякаго рода бытіе: эмпирическое и абсолютное, и говорить о метафизической объективности, коль скоро утверждается, что обязательность научныхъ понятій зависитъ отъ того, насколько ихъ содержаніе воспроизводитъ абсолютное бытіе. Но, во всякомъ случаѣ, мы вынуждены формулировать свое отношеніе къ вышеуказанному понятію познания, такъ какъ благодаря ему отношеніе исторіи къ естествознанію снова становится совершенно инымъ. Получавшаяся съ точки зрѣнія чистаго опыта, принципиальная эквивалентность исторической объективности естественно-научной, снова уничтожена къ значительной невыгодѣ исторіи.

Вѣдь, если естествознаніе восходитъ отъ явленія къ реальности, то исторія ограничивается міромъ явленій. Правда, тогда можно было бы сказать, что въ такомъ случаѣ естествознаніе и исторія распредѣляютъ между собою познаніе міра, поскольку естествознаніе имѣетъ дѣло съ пребывающимъ бытіемъ, а исторія съ вѣчно-становящимся и измѣняющимся явленіемъ. Но при этомъ предположеніи историческая наука значительно уступала бы естествознанію по своей объективности. Ея понятія оказывались бы лишь продуктами преобразующаго и обрабатывающаго субъекта и для нея не существовало бы никакой прочной реальности, съ которою она могла бы сообразоваться. Какъ бы ни были общепризнанны ея руководящія точки зрѣнія, все же онѣ вѣдь не находятся ни въ какомъ отношеніи къ истинному „предмету“ познания. По сравненію съ естествознаніемъ исторія становится всего лишь эмпиріей въ дурномъ смыслѣ, т. е. наукой, не только вообще не идущею далѣе явленій, но въ то же время и дающею всегда лишь весьма неполное познаніе, произвольно ограничивающееся небольшою долею міра явленій.

Однако несмотря на это, быть можетъ, замѣтить, что и положеніе исторіи съ точки зрѣнія метафизической объективности не безнадежно, ибо такіе выводы получаются опять-таки лишь въ томъ случаѣ, если придерживаются изложеннаго нами понятія историческаго познания. Но не вызываетъ-ли, быть можетъ, возраженія и это понятіе, равнымъ образомъ какъ мнѣніе, согласно которому

естествознаніе состоитъ лишь въ преобразованіи и обработкѣ эмпирической дѣйствительности? Если у естествознанія въ абсолютномъ бытіи имѣется постоянный масштабъ его стремленій и основа его научнаго значенія, то не можетъ-ли и исторія обладать метафизическою объективностью?

Повидимому открывается путь, идя которымъ можно поставить естествознаніе и исторію снова на одну и ту же ступень научной объективности. Надлежало бы лишь показать, что исторія можетъ опираться на какую либо метафизику такъ же, какъ естественная наука о тѣлесномъ мірѣ опирается на метафизику атомистики, и притомъ пришлось бы доказать, что культурныя цѣнности находятся въ связи съ метафизическою сущностью міра такимъ образомъ, что дѣйствительность можетъ быть понимаема какъ процессъ развитія, благодаря которому сущность міра постепенно все болѣе и болѣе проявляется или осуществляется въ данномъ бытіи. Тогда исторія обладала бы объективнымъ масштабомъ въ абсолютной реальности и ей не приходилось бы уже опасаться сравненія съ естествознаніемъ.

Такого рода попытки въ самомъ дѣлѣ производились и въ данномъ случаѣ типическимъ представителемъ ихъ мы можемъ признать опять таки Гегеля, у котораго „духъ“ въ исторіи приходитъ къ самому себѣ, т. е. къ свободѣ. Вѣдь здѣсь тотъ принципъ, которымъ руководится выборъ существеннаго, повидимому совпадаетъ съ метафизическою сущностью дѣйствительности и, если бы эта метафизика оказывалась правильной, то его объективная обязательность не подлежала бы сомнѣнію. И мы смогли уже разъ указать на то, какое значеніе можетъ имѣть такая философія для историческаго пониманія. Стало быть, если бы ей удалось научно обосновать себя, дѣйствительность повидимому абсолютно объективно расчленилась бы по отношенію къ метафизическому принципу на рядъ ступеней развитія, каждая изъ которыхъ имѣетъ значеніе въ своемъ своеобразіи, причемъ единичное и индивидуальное становится научно весьма интереснымъ благодаря тому положенію, которое оно занимаетъ при постепенномъ осуществленіи метафизической сущности. Историческое трактованіе дѣйствительности съ этихъ точекъ зрѣнія было бы свободно отъ всякой произвольности, такъ какъ его руководящія принципы перестали бы быть всего лишь человѣческими цѣнностями. Оно точно такъ же было бы въ состояніи возвышать человѣка надъ нимъ самимъ, какъ

это дѣлаетъ естествознаніе, коль скоро оно ознакомляетъ насъ съ истиннымъ бытіемъ и его вѣчными законами.

Итакъ не попытаться ли философіи исторіи проникнуть чрезъ явленіе въ сокровеннѣйшую сущность міра и такимъ образомъ установить объективныя точки зрѣнія для историческаго образованія понятій? Мы не видимъ никакого пути, идя которымъ, она могла бы достигнуть этой цѣли. Но это не доказываетъ, что цѣль эта вообще недостижима и поэтому, когда мы желаемъ дойти до принципиальнаго разрѣшенія этого вопроса, предъ нами повидимому возникаетъ задача, состоящая въ томъ, чтобы доказать недостижимость цѣли, т. е. доказать, что не существуетъ никакой метафизической реальности, на которой историческая наука могла бы обосновать объективность своихъ руководящихъ принциповъ и своего образованія понятій.

Однако и это невыполнимо для насъ. Правда, пожалуй возможно было бы показать, что объективныя цѣнности, которыми должно руководиться историческое изложеніе, не могутъ быть получены изъ метафизическихъ реальностей потому, что при этомъ пришлось бы выводить извѣстное изъ неизвѣстнаго. Возможно было бы, пожалуй, и придать вѣроятность положенію, гласящему, что метафизическія сущности, которыя считаютъ найденными, суть, не что иное какъ метафизически ипостазированныя цѣнности, которыя уже имѣлись прежде чѣмъ приступили къ построенію метафизики и что, слѣдовательно, развѣ что метафизика могла бы опираться на объективныя цѣнности, но ни въ коемъ случаѣ нельзя было бы наоборотъ вывести объективность цѣнности изъ какой-либо метафизики. Однако, коль скоро рѣчь заходитъ о метафизическихъ реальностяхъ, дѣлаются непригодными всѣ тѣ средства, которыми располагаетъ логическое или гносеологическое изслѣдованіе, все равно, идетъ ли дѣло о положительномъ построеніи или объ отрицательныхъ аргументахъ. Именно тому, кто въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ выводы изъ той мысли, что мы по крайней мѣрѣ въ теоретической философіи или наукоученіи, можемъ навѣрняка высказывать что либо лишь относительно имманентныхъ эмпирическихъ дѣйствительностей, придется отказываться отъ того, чтобы представить доказательство въ пользу того, что не можетъ существовать абсолютнаго міра, постепенно осуществляющагося въ теченіе исторіи.

Тѣмъ не менѣе къ этой проблемѣ намъ не приходится успо-

коиться на вопросительномъ знакѣ, по крайней мѣрѣ поскольку при этомъ еще вообще идетъ дѣло о проблемѣ философіи исторіи. Допустимъ, что существуетъ двѣ различныхъ дѣйствительности: абсолютная реальность и эмпирической міръ, оказывающійся лишь явленіемъ этой реальности и что мы точно знаемъ, въ чемъ состоитъ сущность метафизическаго міра. Была ли бы тогда хотя бы даже лишь мыслима для насъ наука, съ помощью которой оказывалось бы возможнымъ придать исторической наукѣ искомую метафизическую объективность?

Если для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, мы попытаемся представить себѣ обликъ такой науки, то прежде всего ясно, что она не вправе усматривать сущность міра въ остающейся вѣчно одинаковой съ самой собой реальности, какъ это дѣлаетъ почти всякая метафизика, ибо тогда она прямо таки уничтожаетъ всякій объективный смыслъ исторіи. Это постигъ уже Шопенгауеръ и поэтому со своей точки зрѣнія онъ былъ правъ, отрицая за исторіей всякое значеніе. Напротивъ того, для того, чтобы надлежащимъ образомъ отнестись къ однократному развитію, метафизика должна быть эволюціонистическою, т. е. она должна вкладывать въ метафизическую сущность міра понятія становленія и измѣненія. Далѣе она не въ правѣ мыслить себѣ эту развивающуюся сущность безразлично къ цѣнности или не-цѣнности, такъ какъ иначе изъ нея нельзя было бы получить никакихъ руководящихъ принциповъ для историческаго образованія понятій. Наконецъ — и этотъ пунктъ имѣетъ рѣшающее значеніе — она должна мыслить себѣ какъ метафизическій міръ такъ и его отношеніе къ эмпирической дѣйствительности совершенно рационально, т. е. знать законъ, согласно которому развивается и проявляется метафизическая сущность, ибо лишь тогда возможно было бы установить однозначное отношеніе между міромъ опыта и метафизическою реальностью.

Если мы теперь мысленно представимъ себѣ, что эти условія выполнены и поставимъ вопросъ о томъ, что дала бы такая метафизика для научной дѣятельности историка, то не трудно отвѣтить на на этотъ вопросъ. Для общеобязательнаго отличенія существеннаго отъ несущественнаго въ необозримомъ мірѣ опыта намъ нуженъ принципъ выбора, по отношенію къ которому содержаніе историческихъ понятій сочетается въ нѣкоторое единство, между тѣмъ какъ все остальное остается въ сторонѣ какъ несущественное. Но развѣ понятіе о

метафизической сущности міра когда либо может служить принципомъ выбора при трактованіи т о й дѣйствительности, которая представляет собой проявленіе упомянутой метафизической сущности и отношеніе которой къ этой метафизической сущности мы поняли и сдѣлали рациональнымъ? Не уничтожаетъ ли напротивъ того этой возможности именно рациональное познаніе въ понятіяхъ этого отношенія? Коль скоро мы знали бы, по какому закону сущность развивается и проявляется въ теченіе развитія, вся эмпирическая дѣйствительность должна была бы быть для насъ одинаково необходимой для осуществленія сущности и благодаря этому мы тотчасъ потеряли бы возможность отличать существенныхъ индивидуумовъ отъ несущественныхъ индивидуумовъ, стало быть построить историческія понятія.

Яснѣе всего это обнаруживается опять таки въ Гегелевско й метафизикѣ, которая вѣдь все таки изъ всѣхъ метафизическихъ системъ кажется наиболѣе совмѣстимою съ историческимъ пониманіемъ и необходимо, чтобы, подчеркнувъ прежде ея значеніе для исторіи, мы бросили теперь взглядъ на ея оборотную сторону, въ которой обнаруживается совершенно неисторичный характеръ.

Она должна была придти къ положенію, гласящему: что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно, т. е. она должна была допустить, что всякая дѣйствительность одинаково необходима по отношенію къ постепенному развитію духа и поэтому имѣетъ одно и тоже значеніе. Но, коль скоро это утверждается, не существуетъ уже никакой исторіи, такъ какъ тогда все въ мірѣ становится одинаково историческимъ или неисторическимъ и все индивидуальное теряетъ свое своеобразное значеніе. Оно становится экземпляромъ нѣкотораго родового понятія, выражающаго общую сущность извѣстной ступени въ законномѣрномъ развитіи мірового духа. Итакъ идеалистически-метафизическое понятіе прогресса настолько же неисторично, какъ и натуралистическое понятіе прогресса, которое пытались получить изъ принципа естественнаго приспособленія путемъ отбора. Мы уже обстоятельно показали, что законы прогресса настолько же уничтожаютъ историческую индивидуальность, какъ и естественные законы и поэтому намъ нѣтъ надобности подробнѣе останавливаться на этомъ. Достаточно указать на то, что метафизическое понятіе не можетъ дать именно того, въ чемъ нуждается исторія: принципа выбора.

Итакъ, мы можемъ сказать: метафизическій идеализмъ, полагаю-

щей, что имъ познанъ законъ развитія міра, дѣлаетъ теченіе исторіи настолько же бессмысленнымъ и излишнимъ, какъ и метафизическій натурализмъ, признающій абсолютную дѣйствительность вѣчнымъ кругообращеніемъ. То значеніе, которое имѣетъ для исторіи Гегель, онъ получилъ не вслѣдствіе своей метафизики, а вопреки ей. Свобода была для него абсолютной цѣнностью и онъ прослѣживалъ ея развитіе въ историческомъ процессѣ, но, конечно, ему не удалось понять сущность міра цѣликомъ, какъ закономѣрный прогрессъ, ведущій къ свободѣ, а вслѣдствіе этого, онъ могъ расчленивать и для него остававшуюся совершенно иррациональной эмпирическую дѣйствительность на рядъ стадій развитія, относя эту дѣйствительность къ абсолютной цѣнности свободы, какъ всякій историкъ долженъ расчленять свой матеріалъ путемъ отнесенія его къ цѣнности. Если бы онъ когда либо серьезно думалъ, что все дѣйствительное разумно, онъ не былъ бы въ состояніи написать философію исторіи.

Но, быть можетъ, эти недостатки присущи лишь Гегелевско й философіи и нельзя ли создать иную метафизику, лучше служащую цѣлямъ исторіи.

Философія Гегеля панлогистична и, какъ таковая, оптимистична или пантеистична. Поэтому въ ней все дѣйствительное, конечно, должно было оказываться разумнымъ и индивидуальное утрачивать свое значеніе. Однако, если даже на мѣсто оптимизма становится пессимизмъ или пантеизмъ превращается въ пансатанизмъ, не происходитъ никакого важнаго для историческаго пониманія измѣненія, ибо, разуменъ или неразуменъ, цѣненъ или враждебенъ цѣнности міръ, все въ немъ становится одинаково существенно, коль скоро мы полагаемъ, что постигли его разумомъ. Метафизика Шопенгауэра также есть родъ рационализма, только съ отрицательнымъ знакомъ. Философъ понялъ и позналъ міръ безъ остатка: что дѣйствительно, то неразумно. Итакъ, всѣ метафизическія формулы должны уничтожать смыслъ исторической жизни. Философія исторіи нѣмецкаго идеализма получила свое великое значеніе лишь благодаря непослѣдовательностямъ. Она не провела и не могла провести своихъ метафизическихъ формулъ.

Но не оказывается ли все это справедливымъ лишь въ примѣненіи къ монистической метафизикѣ, признающей лишь единое начало и не болѣе ли даетъ для исторіи дуалистическая метафизика,

усматривающая сущность міра въ борьбѣ между добрымъ и злымъ началомъ? Нельзя ли въ такомъ случаѣ относить эмпирическую дѣйствительность къ борьбѣ этихъ двухъ началъ?

Повидимому это такъ, однако и это возможно было бы лишь до тѣхъ поръ, пока для насъ не стали рациональными ни отношеніе того и другого начала другъ къ другу, ни ихъ отношеніе къ эмпирической дѣйствительности, т. е. именно до тѣхъ поръ, пока міръ еще не понятъ нами метафизически. Но тогда еще нельзя было бы и изображать однократный ходъ исторіи съ метафизическою объективностью. Напротивъ того, коль скоро мы узнали бы тотъ законъ, по которому борются другъ съ другомъ эти два начала, и ту необходимость, съ которой проявляется одно или другое или проявляются оба они, тотчасъ же все въ мірѣ стало бы одинаково существеннымъ, т. е. мы должны были бы относить къ метафизической противоположности цѣнностей любую дѣйствительность и прекратилась бы возможность историческаго образованія понятій.

Однимъ словомъ, для оптимистической метафизики все становится одинаково существеннымъ, для пессимистической — все одинаково-несущественнымъ и для дуалистической равнымъ образомъ все имѣть определенное положительное или отрицательное значеніе для противоположности цѣнностей. Итакъ, исторія возможна лишь до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи метафизически понять міръ и пока эмпирическая дѣйствительность находится въ иррациональномъ отношеніи къ цѣностямъ. Конечно, слово „иррациональное“ не можетъ означать тоже самое, что „антирациональное“, но лишь выражать индифферентность сущаго по отношенію къ понятію. Но при такомъ пониманіи всякое рационализированіе, натуралистично оно или идеалистично, уничтожаетъ то значеніе, которое имѣютъ вещи благодаря ихъ индивидуальности. Итакъ, историческое мышленіе, равнымъ образомъ какъ нравственное хотѣніе, связано съ сопротивленіемъ и инертнаго міра, съ иррациональностью дѣйствительности. Это упустила изъ виду и та философія, которая мыслила столь исторично, какъ никакая философія до того времени, а именно философія нѣмецкаго идеализма и слѣдовательно въ этомъ отношеніи мы должны принципиально покинуть ея почву.

Но мы, конечно, всегда имѣемъ здѣсь въ виду лишь такого рода метафизику, которая стремится къ тому, чтобы логическимъ путемъ восходить отъ эмпирической дѣйствительности къ абсолютной

реальности, ибо дѣло идетъ лишь о разрѣшеніи вопроса о томъ, можетъ ли существовать метафизическая объективность, равняющаяся естественно-научной, и для исторіи. Само собою разумѣется, что мы весьма далеки отъ того, чтобы вообще оспаривать всякую правомѣрность вѣрованія въ абсолютную реальность за предѣлами всякаго опыта или утверждать, что это вѣрованіе несомѣстимо съ историческимъ пониманіемъ. Напротивъ того, можно было бы думать, что уже и въ допущеніи необходимаго отнесенія эмпирической дѣйствительности къ безусловно общимъ цѣностямъ, признаннаго нами предпосылкой научной необходимости исторіи и тѣмъ болѣе въ убѣжденіи въ томъ, что все человѣческое оцѣниваніе и съ научной точки зрѣнія не можетъ быть признано совершенно безразличнымъ, заключается нѣкоторое метафизическое убѣжденіе, такъ какъ абсолютно цѣнное можетъ находиться въ необходимомъ отношеніи къ эмпирической дѣйствительности лишь въ томъ случаѣ, если между ними существуетъ и какая-нибудь реальная связь, а эта связь оказывалась бы навсегда недоступной для опыта, и слѣдовательно должна была бы быть признана метафизическою реальностью. Но, какъ бы то ни было, убѣжденіе въ правильности такого рода мнѣній, всегда можетъ возникать лишь тамъ, гдѣ не подвергается уже сомнѣнію обязательность абсолютныхъ цѣнностей и оно должно опираться на убѣжденіе въ этой обязательности. Итакъ, обоснованная такимъ образомъ метафизика никогда не была бы въ состояніи дать опору для исторіи, такъ какъ вѣдь метафизика именно должна впервые установить обязательность цѣнностей. Она вообще не принадлежала бы къ того рода метафизикѣ, которая стремится къ рационализированію міроваго цѣлаго, и насъ въ данномъ случаѣ могло бы занимать лишь то, что этого рода метафизика не имѣетъ цѣнности для исторической науки.

Итакъ, всякая попытка придать исторіи такую же метафизическую объективность, какъ та, которою будто бы обладаетъ естествознаніе, оказалась безнадежной, а потому объективность обѣихъ наукъ можетъ вновь стать объективностью одного и того же порядка лишь въ томъ случаѣ, если обнаружится, что и вѣрованіе въ метафизическую объективность естествознанія есть иллюзія. Въ правѣ ли мы называть имманентный міръ явленіемъ и усматривать предметъ познанія въ принципиально недоступномъ опыту бытіи?

Если мы опять ограничимся пока науками о тѣлесномъ мірѣ, то

никому, конечно, не приходитъ въ голову считать многія изъ ихъ понятій копіями съ нѣкоторой метафизической реальности, но всякій убѣжденъ, что содержаніе понятій, общее нѣкоторому множеству вещей, существуетъ лишь въ единичныхъ и индивидуальныхъ объектахъ опыта. Не существуетъ никакого растенія помимо индивидуальныхъ растеній, растущихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ эмпирической дѣйствительности. Не существуетъ свѣта кромѣ того, который оказывается на лицо въ опредѣленныхъ, встрѣчающихся тамъ и сямъ въ мірѣ опыта количествахъ. Итакъ, въ правѣ ли мы понимать образованіе понятія о физическомъ вообще или понятія „послѣднихъ вещей“ не только какъ завершеніе того процесса, въ которомъ человѣческое мышленіе постепенно восходитъ къ все болѣе и болѣе обширнымъ и болѣе и болѣе общимъ понятіямъ? Должно-ли, напротивъ того, по образованіи того понятія, подъ которое можетъ быть подведено все тѣлесное бытіе, вдругъ оказаться, что его содержанію соответствуетъ иная дѣйствительность, нежели міръ опыта?

Не легко будетъ вполне вытѣснить тотъ взглядъ, согласно которому чисто количественное механическое пониманіе природы имѣетъ свой коррелятъ и въ чисто количественной же, тѣлесной дѣйствительности, такъ какъ многіе настолько привыкли къ этому догмату, что они думаютъ, что, если бы только возможно было все далѣе и далѣе разлагать тѣло на его составныя части, то, въ концѣ концовъ, получились бы и атомы, и только наши чувства недостаточно тонки для того, чтобы довести процессъ дѣленія до конца. Несмотря на это, слѣдовало бы однако попытаться отказаться, наконецъ, отъ стараго метафизическаго реализма въ теоріи понятій и въ естествознаніи и признать наполняющій пространство субстратъ не предметомъ познанія, а средствомъ познанія, равнымъ образомъ какъ въ другихъ естественно-научныхъ понятіяхъ вѣдь всегда можно усматривать лишь средства познанія. Тогда выяснилось бы, что, хотя для того, чтобы понять дѣйствительность, намъ и приходится мыслить себѣ ее состоящею изъ атомовъ, однако она отнюдь не состоитъ вслѣдствіе этого изъ атомовъ на самомъ дѣлѣ, но что тѣла всегда суть то, чѣмъ они представляются нашему зрѣнію, осязанію, вкусу и т. д. и что они должны оставаться этимъ, какою бы системою понятій мы ни облекли ихъ. Тогда поняли бы далѣе, что, какъ бы тонки ни были наши чувства и какъ бы точны ни были наши инструменты, при процессѣ дѣленія, какъ бы далеко мы его ни продолжали, мы ни на

шагъ не приближались бы къ чисто количественнымъ атомамъ, но всегда наталкивались бы лишь на качественные процессы, принципиально не отличающіеся отъ міра, даннаго опыту¹⁾. Но въ такомъ случаѣ, мы не могли бы уже сомнѣваться и въ томъ, что изъ дѣйствительности въ понятія входитъ тѣмъ меньше, чѣмъ понятія болѣе обширны и болѣе совершенны въ естественно-научномъ смыслѣ и что нельзя ставить объективность естественно-научнаго образованія понятій въ зависимость отъ согласія ихъ содержанія съ нѣкоторою абсолютною реальностью.

Аналогичное разсужденіе могло бы быть примѣнено и къ теоріямъ психологіи. Изъ него вытекало бы, что и здѣсь понятіямъ о простомъ не соответствуетъ никакой дѣйствительности и что поэтому психическіе элементы равнымъ образомъ какъ и атомы суть не предметы, но средства познанія. Однако мы не прослѣживаемъ далѣе этихъ соображеній, такъ какъ нельзя дать строгаго доказательства того, что не можетъ существовать метафизической дѣйствительности, соответствующей содержанію наиболѣе общихъ теорій наукъ о тѣлахъ или психологическихъ теорій. Итакъ, мы ограничиваемся и здѣсь вопросомъ о томъ, возможно-ли когда либо сдѣлать абсолютное бытіе *м а с ш т а б о мъ* объективности естественно-научнаго образованія понятій и на основаніи этого масштаба приписывать естествознанію болѣе высокую объективность, нежели тѣмъ наукамъ, для которыхъ не существуетъ такого бытія въ качествѣ масштаба.

Даже если мы допустимъ, что тѣла въ самомъ дѣлѣ состоятъ изъ атомовъ, то все же мы доходимъ до понятія атома лишь путемъ

¹⁾ Та странная метафизика, въ которую многіе вѣруютъ еще и въ настоящее время, и согласно которой въ дѣйствительности не существуетъ никакихъ качествъ, утратить, конечно, въ концѣ концовъ свой престижъ и въ естественно-научныхъ кругахъ. Съ отрадой слѣдуетъ привѣтствовать слова, встрѣчающіяся въ лекціи Оскара Гертвига о развитіи біологіи въ 19-мъ вѣкѣ... Естествоиспытатель сознаетъ, что объясненіе міра какъ механизма сталкивающихся другъ съ другомъ атомовъ основывается лишь на фикціи, которая можетъ оказываться полезной для выраженія нѣкоторыхъ отношеній, но все же не соответствуетъ самой дѣйствительности. И такимъ образомъ и міръ, ставшій не имѣющимъ качествъ, ... по сравненію съ дѣйствительнымъ міромъ, своими безконечными качествами говорящимъ всѣмъ его чувствамъ, представится ему ничтожнымъ призракомъ, напоминающимъ тѣни подземнаго міра, ускользавшія, какъ туманъ, когда Одиссей хотѣлъ коснуться ихъ рукою“.

обработки и преобразования эмпирической действительности и поэтому мы уже должны предполагать обязательность точек зрѣнія, приведших насъ къ образованію понятія атома, прежде чѣмъ утверждать какое либо согласіе нашего мышленія съ абсолютной дѣйствительностью. Но, разъ мы это дѣлаемъ, теряемъ всякій смыслъ основывать обязательность нашихъ принциповъ познанія на существованіи того, понятіе чего можетъ быть образовано лишь на основаніи этихъ принциповъ. Если же, несмотря на это, мы все таки желали бы допустить какую либо связь между нѣкоторымъ метафизическимъ бытіемъ и руководящими точками зрѣнія образованія понятій, то мы должны были бы увѣровать въ предустановленную гармонию между нашими понятіями и абсолютною дѣйствительностью. Но вѣдь эта предпосылка, конечно, не оказывалась бы пригодною для того, чтобы обосновать объективность естественно-научнаго образованія понятій. Напротивъ того, обязательность понятій оставалась бы тогда настолько же проблематическою, какъ допущеніе предустановленной гармоніи.

Но мы можемъ сказать и болѣе того. Предположеніе, согласно которому естествознаніе должно познавать истинное бытіе путемъ преобразования даннаго бытія, вообще лишило бы его возможности достигнуть какой бы то ни было объективности его понятій, такъ какъ въ такомъ случаѣ непроходимая пропасть всегда отдѣляла бы его отъ его цѣли. Возможность естественно-научнаго познанія существуетъ для насъ лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ тотъ иной міръ, который будто бы должно воспроизвести естествознаніе, міромъ понятій, стало быть не будемъ усматривать въ немъ реальность, и тогда дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы отражать или повторять этотъ міръ понятій, но, напротивъ того, онъ впервые создается благодаря процессу естественно-научнаго познания.

Благодаря этому исчезаютъ и всѣ тѣ невозможности, которыя по видимому присущи именно конечнымъ понятіямъ естествознанія. Напр., будучи разсматриваемо какъ копія съ какой то реальности, понятіе атома содержитъ въ себѣ противорѣчіе, такъ какъ всякая вещь есть синтезъ чего либо многообразнаго и поэтому не можетъ существовать простыхъ вещей. Напротивъ того, разъ мы поняли, что смыслъ естествознанія состоитъ не въ томъ, чтобы оно воспроизводило нѣкую дѣйствительность, а въ томъ, чтобы оно создало міръ понятій, долженствующій быть обозримымъ въ противоположность необозримой дѣй-

ствительности, намъ становится понятно, почему естествознаніе нуждается въ понятіи бытія, принципиально отличающагося отъ всѣхъ вещей, которыя мы знаемъ. Въ эмпирической дѣйствительности мы никогда не можемъ закончить процессъ дѣленія, долженствующій привести къ простому и, такъ какъ мы нуждаемся въ понятіи о чемъ то такомъ, что получилось бы въ концѣ ряда дѣленій, мы разсматриваемъ рядъ такъ, какъ будто бы онъ былъ доведенъ до конца и получаемъ такимъ образомъ понятіе атома, чтобы съ помощью его построить чисто количественную теорію, упрощающую всякое тѣлесное многообразіе. Въ такомъ случаѣ атомъ оказывается уже не дѣйствительностью, но „идеей“; онъ никогда не бываетъ данъ, но всегда постулируется, онъ не существуетъ, но имѣетъ значеніе по отношенію къ цѣли познанія, состоящей въ томъ, чтобы уловить необозримое въ обозримую систему понятій¹⁾.

Но при этомъ предположеніи, которое одно только остается, разъ мы желаемъ понять сущность естественно-научнаго образованія понятій, исчезаетъ и потребность въ метафизической опорѣ для объективности исторіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ эта наука столь же мало

¹⁾ Г. Клейнпетеръ охарактеризовалъ въ Архивѣ систематической философіи (Vd VI. S. 87) и недавно въ приложеніи къ „Allgemeine Zeitung“ мои взгляды какъ „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ находящіеся въ близкомъ родствѣ со взглядами Маха“. Онъ дѣлаетъ это съ самымъ дружественными намѣреніями, такъ какъ, по мнѣнію Клейнпетера, эти теоріи означаютъ „столь коренное измѣненіе въ образѣ мышленія относительно цѣлей и методовъ науки, что подобнаго ему не переживали ни въ началѣ новой исторіи, ни въ эпоху Канта. Однако фактически согласіе между Махомъ и мною существуетъ лишь въ томъ отношеніи, что мы отвергаемъ всякое метафизическое истолкованіе естественно-научныхъ понятій, тогда какъ мнѣ неясно, какимъ образомъ Махъ съ его сенсуализмомъ желаетъ избѣжать полнаго релятивизма. Совершенно не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы благодаря теоріямъ Маха былъ сдѣланъ принципиальный шагъ впередъ по сравненію съ Кантомъ. Теорія познанія, долженствующая надлежащимъ образомъ разобраться въ сущности научной дѣятельности, не можетъ быть ни рационалистическою, ни сенсуалистическою, и именно поэтому я считаю себя въ принципѣ стоящемъ на кантовской базѣ, на которой несостоятеленъ уже и такой эмпиризмъ, какъ отстаиваемый Махомъ. Если я не ставлю своихъ мыслей въ прямую связь съ положеніями Канта, то это происходитъ лишь потому, что я не желаю еще болѣе осложнять интерпретаціей Канта и безъ того сложныхъ вопросовъ.

оказывается въ менѣе благоприятномъ положеніи по сравненію съ естествознаніемъ, какъ это было при попыткѣ чисто эмпиристическаго обоснованія ея объективности. Противоположное мнѣніе основывается лишь на предразсудкѣ, будто бы содержанія естественно-научныхъ общихъ понятій можно ипостазировать въ метафизическія сущности съ большимъ правомъ, чѣмъ содержанія понятій, возникающія благодаря историческому трактованію. Фактически объективность обѣихъ наукъ одинаково невелика съ точки зрѣнія идеала метафизической объективности, т. е. въ обѣихъ ихъ не можетъ быть рѣчи о согласіи ихъ содержанія съ нѣкоей реальностью, существующею независимо отъ всякаго образованія понятій. Итакъ, слѣдуетъ совершенно отказаться отъ понятія научной объективности, основывающагося на понятіи познания, отражающаго истинную реальность. Этотъ идеалъ принципиально недостижимъ и поэтому онъ можетъ приводить лишь къ скептицизму.

IV.

Гносеологическій субъективизмъ.

Но, если для того, чтобы придать естественно-научному образованію понятій обязательность, чистый опытъ оказывается недостаточнымъ, метафизическая же реальность совершенно непригодной, то какой же путь остается еще въ такомъ случаѣ для обоснованія необходимыхъ предпосылокъ научной объективности понятій? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде всего пытаемся намѣтить нѣкоторыя основныя понятія, которыми опредѣляется наше пониманіе сущности всего познания.

Можно ожидать, что уже послѣ предшествующихъ разсужденій нашу гносеологическую точку зрѣнія охарактеризуютъ какъ „субъективизмъ“, употребляя это слово въ смыслѣ порицанія, и въ самомъ дѣлѣ, если то, съ чѣмъ должно сообразоваться познание для того, чтобы быть „объективнымъ“, характеризуютъ какъ „объектъ“ познания, то мы не знаемъ дѣйствительнаго или сущаго „объекта познания“, такъ какъ этотъ объектъ не можетъ быть приравненъ ни къ нѣкоторому абсолютному бытію ни къ эмпирической дѣйствительности. Дѣйствителенъ для насъ лишь фактическій матеріаль, формируемый въ понятіи, и поэтому обязательность науки можетъ зависетьъ лишь отъ дѣятельности познающаго субъекта, которая и въ естествознаніи оказываетъ столь же рѣшающее вліяніе на формиро-

ваніе матеріала, какъ въ исторіи. Итакъ, поскольку дѣло идетъ объ этомъ, мы въ самомъ дѣлѣ стали на субъективистическую точку зрѣнія, и мы намѣрены прежде всего еще разъ выяснитъ, до какой степени теорія познания должна быть субъективистическою. Съ этой цѣлью мы дѣлаемъ попытку привести въ систематическій порядокъ тѣ различныя субъективистическія факторы познания, съ которыми мы отчасти встрѣчались уже въ разныхъ мѣстахъ.

При этомъ можно отграничить другъ отъ друга два рода субъективизма такимъ образомъ, что первый означаетъ зависимость науки отъ представляющаго субъекта, а второй—нѣкоторымъ образомъ еще болѣе субъективный субъективизмъ, а именно зависимость отъ субъекта, производящаго оцѣнку. Тотчасъ же видно, въ какой связи находится это различіе съ вопросомъ объ отношеніи естественно-научной объективности къ исторической. Такъ какъ цѣнности суть руководящія точки зрѣнія исторической науки, то кажется, что она зависитъ не только отъ представляющаго субъекта, но и отъ субъекта, производящаго оцѣнку, а потому опять таки объективность исторіи заранѣе могла бы казаться еще болѣе проблематическою, чѣмъ объективность естествознанія. Однако именно поэтому въ связи съ обнаруженіемъ различныхъ субъективистическихъ факторовъ познания мы указываемъ на то обстоятельство, что естествознаніе равнымъ образомъ должно быть поставлено въ зависимость не только отъ представляющаго субъекта, но и отъ субъекта, производящаго оцѣнку, т. е. мы сперва вполне низводимъ естествознаніе на субъективистическій уровень исторіи, чтобы такимъ образомъ видѣть, что можетъ означать научная объективность на основѣ этого гносеологическаго субъективизма и какъ въ такомъ случаѣ относится обязательность естественно-научнаго образованія понятій къ обязательности историческаго образованія понятій.

Для того, чтобы обозрѣть всѣ субъективистическія факторы научнаго познания, мы спеціально различаемъ кромѣ представляющаго субъекта и субъекта, производящаго оцѣнку, еще и зависимость, въ которой находится отъ субъекта матеріаль науки, и ту зависимость, въ которой находится отъ субъекта форма науки, и мы получаемъ тогда четыре различныхъ возможности субъективности. Въ первомъ случаѣ лишь форма науки зависитъ отъ представляющаго субъекта, во второмъ—имъ опредѣляются и матеріаль и форма, въ третьемъ—форма кромѣ того не можетъ быть отрѣшена и отъ субъ-

екта, производящаго оцѣнку, и, наконецъ, въ четвертомъ случаѣ безъ отношенія къ субъекту, производящему оцѣнку, нельзя мыслить себѣ ни формы ни матеріала. Тогда эти четыре возможности представляютъ рядъ, въ которомъ субъективные факторы все болѣе возростають и наконецъ достигается мыслимо наивысшая степень субъективизма.

Все наше изложеніе показало, что формы всякаго познания завѣсятъ отъ представляющаго субъекта. Если матеріаломъ науки служить эмпирическая дѣйствительность, а эта послѣдняя представляетъ собой необозримое многообразіе, чисто фактическое констатированіе котораго никогда не можетъ дать науки, то само собою разумѣется, что наука возникаетъ лишь благодаря производимому субъектомъ преобразованію и мы знаемъ равнымъ образомъ, что безъ предположенія нѣкаго метафизическаго бытія и матеріалъ эмпирическихъ наукъ въ своей голой фактичности существуетъ лишь въ зависимости отъ представляющаго субъекта, ибо въ такомъ случаѣ существуетъ лишь одна имманентная дѣйствительность. Итакъ нѣтъ надобности далѣе останавливаться на болѣе обстоятельномъ обоснованіи той точки зрѣнія, для которой форма и содержаніе науки одинаковымъ образомъ находятся въ связи съ представляющимъ субъектомъ.

Но зависимость отъ субъекта, производящаго оцѣнку, конечно, требуетъ обсужденія. Кажется, правда, что она существуетъ для исторіи, но не для естествознанія, такъ какъ мы признали отвлеченіе отъ всѣхъ цѣнностей прямо таки необходимой предпосылкой естествознанія. Должна-ли, несмотря на это, и форма естествознанія обуславливаться субъектомъ, производящимъ оцѣнку?

При разсмотрѣнн формъ естествознанія оказывается, правда, что между нимъ и исторіей существуетъ вышеуказанное различіе состоящее въ томъ, что историческіе объекты могутъ быть подведены подъ какое нибудь историческое понятіе лишь благодаря отнесенію къ цѣнности, между тѣмъ какъ сущность естествознанія требуетъ отвлеченія отъ этого всегда оказывающагося на лицо въ дѣйствительной жизни отнесенія къ цѣнности. Но отсюда еще вовсе не вытекаетъ, что и руководящіе принципы естественно-научнаго образованія понятія должны быть во всѣхъ отношеніяхъ независимыми отъ субъекта, производящаго оцѣнку, и мы уже коснулись того пункта, о которомъ идетъ дѣло при этомъ ¹⁾.

¹⁾ См. выше стр. 469 и сл. Между тѣмъ какъ прежде мы отвлека-

Вѣдь безъ предположенія нѣкаго абсолютнаго бытія, котораго должны отражать понятія естествознанія, тѣ формы, съ помощью которыхъ оно подводитъ свой матеріалъ подъ систему общихъ понятій, имѣють силу лишь коль скоро познающій субъектъ самъ стремится къ выработкѣ этой системы, какъ имѣющей цѣнность. Лишь имѣя въ виду эту цѣль, отличаютъ существенное отъ несущественнаго и это можетъ дѣлать лишь субъектъ, который самъ проявляетъ отношеніе къ цѣли, какъ къ нѣкоторой цѣнности. Итакъ, форма всякой эмпирической науки должна мыслиться зависящей въ послѣднемъ счетѣ отъ нѣкоторой цѣнности. И мы можемъ прямо таки сказать, что и то отвлеченіе отъ всѣхъ отношеній къ цѣностямъ индивидуальныхъ объектовъ, которое необходимо для цѣли естествознанія, можетъ быть понимаемо лишь какъ актъ субъекта, цѣнящаго естественно-научное образованіе понятій.

Наконецъ остается разсмотрѣть еще четвертый изъ возможныхъ случаевъ, въ которомъ не только форма, но и матеріалъ зависитъ отъ субъекта, производящаго оцѣнку. Или эта возможность была упомянута лишь ради систематической полноты? Что такое должно означать положеніе, гласящее, что уже голые факты необходимо связаны съ нѣкоторымъ установленіемъ цѣнности? Здѣсь мы приходимъ къ тому пункту, отъ выясненія котораго зависитъ убѣдительность всей дальнѣйшей аргументаціи ¹⁾. Какой либо фактъ имѣеть значеніе для науки лишь постольку, поскольку констатирующее его сужденіе можетъ считаться истиннымъ. Но отъ понятія истинности логически нельзя отрѣшить мысли о томъ, что называемое „истиннымъ“ есть то, что долженствуетъ быть и имѣеть

лишь отъ относящихся къ цѣностямъ предпосылокъ, необходимыхъ для всякаго научнаго образованія понятій, чтобы отчетливо выяснить свойственное лишь исторіи отнесеніе къ цѣностямъ, теперь становится прямо таки важно обнаружить, насколько всякое научное образованіе понятій зависитъ отъ цѣнностей.

¹⁾ Я обосновалъ тотъ взглядъ, на которомъ основываются нижеслѣдующія соображенія, въ моемъ сочиненіи: „Der Gegenstand der Erkenntniss“ 1892. У меня нѣтъ желанія повторять здѣсь развитыя тамъ мысли и. поэтому относительно этого пункта я ограничился самымъ необходимымъ. Если бы гносеологическая проблема, кроющаяся и въ констатированн всякаго факта, не выяснилась изъ мыслей, развитыхъ въ текстѣ, то мнѣ приходится сослаться на мое прежнее сочиненіе, и притомъ въ особенности на отдѣлы X—XVIII.

цѣнность для познающаго субъекта, и такимъ образомъ констатированіе всякаго факта въ сужденіи, заявляющемъ притязаніе на истинность, уже заключаетъ въ себѣ проявленіе отношенія къ цѣнности истинности и ея признаніе познающимъ субъектомъ. Итакъ, субъективизмъ познания въ самомъ дѣлѣ доходитъ до того, что не только формы, но и матеріалъ всякой науки, а именно признаваемые истинными факты, зависятъ отъ субъекта, производящаго оцѣнку ¹⁾.

Но что выиграли мы благодаря этому низведенію всякаго познания на уровень радикальнаго субъективизма? Не прекращается-ли благодаря этому всякая возможность вообще обосновать объективность научнаго образования понятій? Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы снова отдѣляемъ другъ отъ друга различные субъективные факторы и притомъ мы прежде всего устанавливаемъ, что означаетъ зависимость научнаго матеріала отъ представляющаго субъекта.

Мы неоднократно указывали на многозначность слова „субъектъ“ и отличали понятіе гносеологическаго субъекта какъ отъ психологическаго, такъ и отъ психофизическаго субъекта. Если прежде это различеніе было необходимо для того, чтобы показать, что физическій міръ данъ столь же непосредственно, какъ психическій, то теперь оно имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что психологическіе и психофизическіе субъекты индивидуальны, понятіе же гносеологическаго субъекта возникаетъ именно благодаря тому, что все индивидуальное причисляется къ объекту и такимъ образомъ получается сверхъиндивидуальный субъектъ. Само собою разумѣется, что матеріалъ науки находится въ зависимости лишь отъ

¹⁾ Конечно, нѣтъ надобности отмѣчать, что благодаря этому отнюдь не становится снова проблематическимъ принципиальное различіе между естественно-научнымъ и исторически-телеологическимъ образованіемъ понятій. Индивидуальность объектовъ остается въ естествознаніи свободной отъ всякаго отнесенія къ цѣностямъ и естественно-научно познающій субъектъ оказывается производящимъ оцѣнку лишь постольку, поскольку онъ *implicite* признаетъ при образованіи понятій цѣнность общихъ понятій и при констатированіи фактовъ—логическую цѣнность истинности. Это признаніе уже потому принципиально отличается отъ историческаго отнесенія объектовъ къ цѣностямъ и образованія индивидуумовъ, что оно есть не простое лишь отнесеніе къ цѣностямъ, но прямая оцѣнка.

гносеологическаго субъекта и отсюда вытекаетъ, что гносеологическій „субъективизмъ“, утверждающій зависимость матеріи познания отъ представляющаго субъекта, вовсе не долженъ упразднить сверхъиндивидуальную общеобязательность и необходимость познания, т. е. его объективность.

Напротивъ того, лишь исходя отсюда, становится совершенно ясно, насколько излишне образованное повидимому въ интересѣ научной объективности понятіе абсолютнаго бытія, которое вѣдь фактически лишь создаетъ непреодолимые трудности для обоснованія научной объективности.

Конечно, съ точки зрѣнія индивидуальнаго я, мы должны скакать, что извѣстный намъ міръ есть „наше представленіе“ и, такъ какъ сами мы составляемъ лишь часть міра, прибавить, что поэтому эмпирическая дѣйствительность можетъ быть лишь явленіемъ. Тогда явленіе требуетъ, какъ необходимаго соотносительнаго понятія, бытія въ себѣ, и оказываются двѣ совершенно отличныхъ другъ отъ друга дѣйствительности или, строго говоря, существуетъ столько міровъ явленій, сколько существуетъ индивидуумовъ и кромѣ того еще единая абсолютная реальность. Въ случаѣ, если эта послѣдняя должна служить предметомъ познания, возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ мышленіе доходитъ до бытія—вопросъ, на который никогда нельзя отвѣтить при предположеніи противоположности между доступнымъ опыту явленіемъ и недоступнымъ опыту бытіемъ. Въ концѣ концовъ въ наиболѣе благоприятномъ случаѣ въ результатѣ получится великое гносеологическое смиреніе.

Напротивъ того, гносеологическій субъективизмъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ этихъ теорій, дѣлающихъ проблематическимъ смыслъ познания. Основанія для допущенія противоположности между абсолютнымъ бытіемъ и явленіемъ оказываются несостоятельными, и исчезаетъ вышеупомянутое изумительное раздробленіе дѣйствительности на тысячи индивидуальныхъ міровъ и единый сверхъиндивидуальный міръ. Тогда дѣйствительность есть явленіе съ той точки зрѣнія, что она дана въ опытѣ психологическому субъекту; напротивъ того, она есть абсолютное бытіе съ той точки зрѣнія, что она есть содержаніе сознанія вообще. Но въ обоихъ случаяхъ это одна и та же имманентная дѣйствительность. Наукамъ нѣтъ никакого дѣла до какой либо иной реальности чѣмъ эта непосредственно данная, и проблема, состоящая въ томъ, какимъ образомъ мышленіе

доходить до бытія, перестаєть уже быть проблемой. Словомъ, непреодолимые препятствія, вытекающія изъ дуализма бытія и явленія, по видимому служащія помѣхою объективности познанія, устраняются именно правильно понимаемымъ гносеологическимъ субъективизмомъ.

Но какимъ же образомъ обстоитъ дѣло съ объективностью формъ познанія, если эти послѣднія зависятъ отъ субъекта? И здѣсь теорія познанія, если она не желаетъ допускать недоказуемыхъ метафизическихъ предположеній или на чисто эмпирической почвѣ спастись отъ скептическихъ результатовъ лишь благодаря непоследовательностямъ, должна придти къ тому выводу, что именно субъективность руководящихъ точекъ зрѣнія оказывается наилучшею опорой для объективности научнаго образованія понятій и стоятъ лишь указать на обнаруженную Кантомъ связь эмпирической реальности съ трансцендентальною идеальностью, чтобы понять, въ какомъ направленіи будетъ лежать обоснованіе научной объективности съ точки зрѣнія гносеологическаго субъективизма ¹⁾. Именно потому, что содержаніе познанія должно принимать опредѣленные формы познающаго субъекта, эти формальные составныя части получаютъ обязательность, простирающуюся далѣе единичнаго случая, коль скоро доказано, что онѣ принадлежатъ не только индивидуальному психологическому, но и сверхъ-индивидуальному гносеологическому субъекту. Само собою разумѣется, что этимъ лишь въ общихъ чертахъ указывается тотъ путь, котораго должна держаться теорія познанія и еще предстоитъ доказать обязательность специальныхъ формъ познанія. Однако на первыхъ порахъ дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы показать, какимъ образомъ гносеологическій субъективизмъ вообще оказывается пригоднымъ для обоснованія научной всеобщности или объективности.

Однако, здѣсь должно представиться возраженіе. Пока дѣло

¹⁾ Здѣсь ссылка на Канта, конечно не вызоветъ никакого недоумѣнія, хотя онъ и считалъ необходимымъ признавать „вещь въ себѣ“, ибо, какъ ни судить объ этой сторонѣ его мышленія, во всякомъ случаѣ надлежитъ признать, что въ тѣхъ частяхъ кантовской философіи, которыя мы только и имѣемъ въ виду здѣсь, вещь въ себѣ вовсе не играетъ существенной роли. Кантъ не дѣлалъ вещи въ себѣ „предметомъ“ естественно-научнаго или историческаго познанія и можно было бы сказать, что и для него эмпирическую объективность обосновываетъ трансцендентальный „субъективизмъ“. Однако развиваемыя нами мысли конечно, согласимы съ любымъ толкованіемъ Канта.

идеть лишь о представляющемъ субъектѣ, можно правомѣрно построить понятіе сверхъиндивидуальнаго субъекта, не служащее помѣхой всеобщности познаванія. Однако намъ не достаточно представляющаго субъекта. Сущность всякаго научнаго образованія понятій состоитъ въ отличеніи существеннаго отъ несущественнаго и, какъ мы видѣли, это отличеніе предполагаетъ субъектъ, производящій отдѣленіе существеннаго отъ несущественнаго, имѣя въ виду какую либо цѣль, признаваемую цѣнной. Можемъ-ли мы образовать и понятіе сверхъ-индивидуальнаго субъекта, производящаго оцѣнку? Не принадлежитъ-ли оцѣниваніе напротивъ того необходимо индивидуальному *я* и не слѣдуетъ-ли поэтому съ гносеологической точки зрѣнія всегда причислять его къ психологическому *я*—объекту.

Однако и эта трудность исчезаетъ, коль скоро мы въ самомъ дѣлѣ послѣдовательно продумаемъ до конца гносеологическій субъективизмъ и вспомнимъ, что зависящими отъ субъекта, производящаго оцѣнку, слѣдуетъ мыслить себѣ не только формы познанія, но и факты, долженствующіе быть истинными. Не имѣетъ смысла мыслить этотъ субъектъ, производящій оцѣнку, какъ индивидуальный и его оцѣнки, какъ принадлежащія *я* — объекту. Напротивъ того, и понятіе сверхъ-индивидуальнаго субъекта, производящаго оцѣнку, есть абсолютно необходимое гносеологическое понятіе. Оно образуетъ логическую предпосылку и всякаго чисто фактическаго сужденія и поэтому его обязательность настолько же абсолютна какъ и обязательность фактическаго. Оно содержитъ лишь общее въ мѣхъ логическимъ актамъ признаніе нѣкоторой цѣнности, безъ котораго не имѣетъ никакого смысла и констатированіе фактовъ въ формѣ сужденій. Но то, что составляетъ логическую предпосылку всякаго чисто фактическаго сужденія, не можетъ принадлежать лишь индивидуальному психологическому субъекту, но должно входить въ понятіе сверхъиндивидуальнаго гносеологическаго субъекта.

Итакъ мы видимъ: всякое познаніе основывается не только на „сознаніи вообще“, но на сознаніи вообще, производящемъ акты сужденія, а слѣдовательно и на сверхъиндивидуальномъ гносеологическомъ субъектѣ, производящемъ оцѣнку истинности. Конечно, содержаніе сужденій во всякомъ частномъ случаѣ индивидуально, но уже и мыслимо наиболѣе общее понятіе сужденія логически подразумеваетъ субъектъ, производящій оцѣнку, и именно объ этомъ идетъ

дѣло. Получилась бы бессмыслица, еслибы логическую предпосылку всякаго признанія какого либо факта истиннымъ пожелали разсматривать какъ индивидуальный факторъ.

Теперь должно быть ясно, какимъ образомъ полное проведеніе гносеологическаго субъективизма, ставящаго и фактическій матеріалъ науки въ зависимость отъ субъекта, производящаго оцѣнку, дѣлаетъ возможнымъ обосновать объективность или необходимость и общеобязательность научнаго образованія понятія, ибо, хотя абсолютно не подлежащія сомнѣнію сужденія, констатирующія факты, и предполагаютъ субъектъ, производящій оцѣнку, указаніе на то обстоятельство, что предпосылки всякаго научнаго образованія понятій находятся въ зависимости отъ субъекта, производящаго оцѣнку, не можетъ уже вести къ тому, чтобы образованіе понятій признавалось „субъективнымъ“ въ смыслѣ произвольнаго. Пока матеріалъ науки бываетъ относимъ къ лишь представляющему субъекту, обязательность же формъ разсматривается, напротивъ того, какъ зависящая отъ субъекта, производящаго оцѣнку, между установленіемъ фактовъ и ихъ научною обработкою существуетъ подозрительный дуализмъ. Тогда научная истинность заранѣе кажется проблематическою въ противоположность фактической истинности. Если, напротивъ того, уже фактическая истинность оказывается зависящею отъ субъекта, производящаго оцѣнку, и изъ одной лишь наличности оцѣнокъ нельзя еще дѣлать никакихъ скептическихъ выводовъ, то и дуализмъ между установленіемъ фактовъ и образованіемъ понятій, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, преодолевается.

Однако все это указываетъ намъ все же вѣдь именно лишь наиболѣе общій принципъ: признаніе цѣнности истинности есть логическая предпосылка всякой науки. Вытекаетъ-ли отсюда въ то же время и возможность лишить тѣ спеціальныя предпосылки, относящіяся къ цѣностямъ, отъ которыхъ зависитъ обязательность естественно-научнаго и историческаго образованія понятій, ихъ субъективистическаго характера, служащаго помѣхою научной объективности?

Отдадимъ себѣ еще разъ ясный отчетъ въ томъ, на чемъ основывается необходимая обязательность понятія сверхъиндивидуальнаго субъекта, производящаго оцѣнку, т. е. почему оцѣниваніе этого субъекта должно быть признано безусловно сверхъ-индивидуальнымъ. Очевидно, что всякая попытка отрицать сверхъ-индивидуальную обя-

зательность его установленія цѣнностей возможна лишь въ формѣ сужденія. Но сужденіе имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда оно признаетъ обязательность цѣнности истинности. Слѣдовательно, коль скоро оно отрицало бы сверхъ-индивидуальную обязательность цѣнности истинности, оно само себя упразднило бы. И обязательность предпосылокъ, относящихся къ естественно-научному и историческому образованію понятій, можно было бы обосновать такимъ же образомъ, если бы удалось доказать, что онѣ суть предпосылки научной истинности и образованія понятій вообще, т. е. показать, что онѣ составляютъ предпосылку настолько же неизбѣжную для понятія акта научнаго сужденія, насколько понятіе производящаго оцѣнку субъекта вообще служитъ предпосылкою для понятія акта фактическаго сужденія и что поэтому безъ ихъ обязательности не существовало бы рѣшительно никакой науки.

Конечно, при этомъ мы должны выяснитъ себѣ и то, что всякое обоснованіе тѣхъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣностямъ, которымъ руководятся науки при своемъ образованіи понятій, имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тѣ обоснованія, которыя возможны въ предѣлахъ самихъ эмпирическихъ наукъ. Здѣсь дѣло отнюдь не можетъ идти объ установленіи какой либо психологической теоріи, такъ какъ всякая теорія такого рода должна уже предполагать то, что впервые должно быть обосновано при посредствѣ ея. Напротивъ того, и здѣсь мы можемъ всегда исходить лишь изъ задачъ научнаго познания и разсматривать ихъ какъ цѣли, долженствующія быть достигнутыми. Тогда формы науки оказываются средствами для достиженія этихъ цѣлей. Поэтому ихъ необходимость или обязательность всегда оказывается телеологическою и зависитъ отъ необходимости или обязательности цѣли. Итакъ обнаруженіе логически-телеологическихъ связей оказывается единственнымъ приемомъ, который вообще возможенъ, коль скоро требуется обосновать обязательность научныхъ формъ мышленія.

Мы и прежде уже вездѣ пользовались этимъ приемомъ. Однако мы допускали при этомъ признаніе спеціальныхъ научныхъ цѣлей всегда лишь какъ фактъ и постольку обязательность средствъ познания оставалась гипотетическою, т. е. мы выяснили лишь то, что, если кто либо хочетъ естествознанія или исторіи, онъ долженъ дѣлать и опредѣленныя предположенія и построить свои понятія согласно опредѣленнымъ руководящимъ точкамъ зрѣнія. Прогрессъ по

сравненію съ до сихъ поръ полученнымъ результатомъ состоитъ лишь въ томъ, что мы пытаемся обнаружить и необходимость признанія спеціальныхъ цѣлей познанія, т. е. мы желаемъ доказать, что онѣ зависятъ отнюдь не отъ индивидуальнаго произвола, но что прямо таки неизбежно хотѣть ихъ. Необходимость же этого хотѣнія опять-таки можетъ основываться лишь на томъ, что оно имѣетъ не гипотетическую и относительную, но безусловную и абсолютную цѣнность. Итакъ и нижеслѣдующее изслѣдованіе ни въ какомъ случаѣ не приведетъ далѣе обнаруженія связей между средствами познанія и цѣлями познанія, т. е. оно лишь доказываетъ, что воля, хотящая естествознанія, или воля, хотящая исторіи, есть необходимое признаніе безусловно обязательныхъ сверхъ-эмпирическихъ цѣнностей и оно переноситъ затѣмъ эту обязательность на естественно-научныя и историческія формы познанія, относительно которыхъ доказано, что онѣ служатъ средствами для достиженія цѣлей познанія. Всякій, хотящій достиженія цѣли, долженъ хотѣть средствъ.

Тотъ, кто требуетъ иного обоснованія научной объективности, самъ не понимаетъ своихъ собственныхъ желаній. Любое сужденіе имѣетъ силу лишь для того, кто хочетъ истинности. Итакъ эта воля есть послѣднее „a priori“ всякой науки. Но, разъ уже абсолютно не подлежащая сомнѣнію обязательность фактическихъ сужденій предполагаетъ хотящую истинности волю, признающую цѣнность истинности, наукоученіе, пытаясь доказать объективность спеціальныхъ естественно-научныхъ и историческихъ формъ познанія, конечно не можетъ примѣнять иного приѣма, кромѣ того, чтобы предположить волю, хотящую научной истинности вообще, и затѣмъ показать, какія дальнѣйшія предпосылки заключаетъ въ себѣ эта воля и какія формы познанія должна поэтому признать всякая научная воля какъ абсолютно цѣнная, коль сколько она не хочетъ упразднить самой себя.

Итакъ, если возможно вышеуказаннымъ образомъ доказать, что тѣ логическія предпосылки, безъ которыхъ не можетъ обойтись естественно-научное и историческое образованіе понятій, телеологически необходимы, изъ этого вытекаетъ, что эти логическія предпосылки суть такія цѣнности, которыя признаетъ любой, стало быть и сверхъиндивидуальный научный субъектъ познанія, и тогда основывающееся на нихъ научное трактованіе въ правѣ заявлять наиболѣе высокое притязаніе на научную объективность, которое вообще

имѣетъ смыслъ заявлять. Итакъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы вышеуказаннымъ образомъ логически-телеологически дедуцировать формы естественно-научнаго и историческаго мышленія.

V.

Критическая объективность.

Въ тѣхъ объектахъ, которые служатъ всего лишь матеріаломъ для естествознанія или для исторіи, мы всегда имѣемъ предъ собою уже матерію, оформленную субъектомъ и то, гдѣ надлежитъ провести границу между матеріей и формой, отнюдь не есть нѣчто само-собою разумѣющееся. Но намъ нѣтъ надобности имѣть это въ виду въ данномъ контекстѣ, такъ какъ благодаря этому не возникаетъ никакихъ спецефически натуръ—философскихъ или историко-философскихъ проблемъ. Напротивъ того, мы и впредь продолжаемъ признавать міръ вещей и процессовъ, которые мы до сихъ поръ постоянно предполагали какъ матеріалъ естествознанія и исторической науки, всего лишь матеріаломъ и мы ставимъ вопросъ лишь о томъ, съ какимъ правомъ мы считаемъ научными два различныхъ пониманія этой дѣйствительности и какимъ образомъ можно доказать необходимость естественно-научныхъ и историческихъ предпосылокъ обязательности съ одной стороны безусловно всеобщихъ законовъ природы, съ другой—безусловно всеобщихъ цѣнностей.

Методъ, который различаетъ между имѣющими цѣнность и не имѣющими цѣнности цѣлями познанія и, руководясь ими, обосновываетъ обязательность необходимыхъ для ихъ достиженія средствъ познанія, мы можемъ назвать критическимъ и охарактеризовать соотвѣтственно этому установленную этимъ путемъ объективность образованія понятій какъ критическую объективность. Однако всякая критика нуждается въ масштабѣ и поэтому мы прежде всего должны будемъ искать такового.

Съ этой цѣлью мы построимъ понятіе о такомъ познающемъ субъектѣ, который былъ бы способенъ достигнуть наиболѣе совершеннаго т. е. какъ мыслимо наиболѣе обширнаго такъ и наиболѣе объективнаго научнаго познанія, чтобы такимъ образомъ получить идеаль, который воля, хотящая научной истинности, должна признать абсолютно цѣннымъ и чтобы затѣмъ опредѣлить по сравненію съ нимъ цѣнность цѣлей и средствъ познанія. Однако этотъ идеаль

самъ по себѣ еще недостаточенъ, такъ какъ приближеніе къ мысли-мо наибольшему интеллектуальному совершенству было бы возможно лишь для такого познающаго субъекта, который принципиально отличается отъ человѣческаго субъекта познанія. Но люди не могутъ даже и стремиться къ достиженію такого идеала научной объективности, къ которому вообще невозможно никакое приближеніе, если слово „объективность“ не должно утратить свѣй смыслъ для людей. Поэтому мы можемъ получить понятіе объективности, пригодное для человѣческаго познанія, лишь установивъ, въ чемъ человѣческое познаніе по существу своему должно на всегда остаться позади по сравненію съ тѣмъ, что можетъ выполнить идеальный субъектъ познанія, т. е. правомѣрно будетъ признать познаніе въ такихъ формахъ, какъ тѣ, которыя можно вывести изъ ограниченности человѣческаго познанія какъ наиболѣе совершенное средство, служащее наилучшей замѣной недостижимаго идеального познанія, настолько общеобязательнымъ для людей и объективнымъ, какъ то познаніе, котораго могъ бы достигать самъ идеальный сверхчеловѣческой познающій субъектъ.

Итакъ мы вполне сознательно становимся при дальнѣйшемъ изслѣдованіи на антропоморфистическую гносеологическую точку зрѣнія и, такъ какъ всякое познаніе, о которомъ для насъ вообще идетъ дѣло, есть дѣло людей, примѣняющихъ человѣческія средства, мы считаемъ эту точку зрѣнія единственно плодотворной. Въ такомъ случаѣ масштабъ объективности человѣческаго познанія представляетъ собой какъ бы діагональ параллелограмма силъ, въ которомъ одна сила выражаетъ мыслимо наиболѣе объективное и наиболѣе обширное познаніе, превосходящее всякую человѣческую способность, а другою силою служить напротивъ того, то, что ограничиваетъ человѣческую познавательную способность. Если для человѣка невозможна иная объективность познанія кромѣ этой критической, то она и не нужна для него, то есть мы никогда не можемъ желать ея. Итакъ, вопросъ объ объективности научнаго образованія понятій разрѣшимъ лишь путемъ выясненія того отношенія, въ которомъ ограниченный человѣческой субъектъ познанія находится къ мыслимо наиболѣе совершенному идеалу сверхчеловѣческаго субъекта познанія. Благодаря этому должно получиться понятіе познанія, предпосылки котораго имѣютъ притязаніе на сверхъиндивидуальную обязательность для всякаго человѣка.

Но какъ слѣдуетъ мыслить себѣ вышеупомянутую идеальную познавательную способность? Для того, чтобы выяснитъ своеобразие человѣческаго интеллекта, Кантъ противопоставилъ ему *intellectus archetypus*, который посредствомъ своего познанія въ то же время создаетъ предметы своего познанія. Нельзя-ли, быть можетъ, пользоваться этимъ понятіемъ и тогда, когда имѣется въ виду получить понятіе мыслимо обширнѣйшаго и объективнѣйшаго познанія?

Intellectus archetypus отличается отъ человѣческаго интеллекта во-первыхъ своею безконечностью и во-вторыхъ тѣмъ, что для него совпадаютъ воззрѣніе и понятіе или матерія и форма. Разматривая теперь этотъ интеллектъ съ его воззрительной стороны, мы получимъ понятіе субъекта, созерцающаго міровое цѣлое такъ, какъ мы способны созерцать нѣкоторую часть, и постольку это повидимому въ самомъ дѣлѣ есть идеальное мыслимо наиболѣе обширнаго интеллекта. Но все же это было бы лишь идеаломъ полнаго созерцанія, а не идеаломъ полнаго познанія міра. Итакъ, вѣдь и у Канта *intellectus archetypus* какъ понятіе познающаго субъекта имѣетъ не только ту сторону, что онъ есть чистое воззрѣніе, но, если разсматривать его съ его другой, а именно формальной стороны, его познание разрѣшается въ чистую дѣятельность и форма, такъ сказать, поглащаетъ все воззрительное содержаніе. Но уже изъ возможности опредѣлить понятіе этого интеллекта и какъ чистое активное пониманіе и какъ чистое пассивное созерцаніе вытекаетъ, что мы можемъ составить себѣ понятіе о немъ лишь путемъ отрицанія всего того, что имѣетъ силу для нашего интеллекта. Итакъ, это идеальное, не имѣющій для насъ уже никакого положительнаго содержанія и могущій служить развѣ что для того, чтобы бы мы выяснили себѣ, что въ интеллектѣ, сравнимомъ съ нашимъ, форма и матерія или воззрѣніе и понятіе всегда должны не совпадать другъ съ другомъ.

Но, разъ познаніе, свойственное *intellectus archetypus*, совершенно несравнимо съ человѣческимъ познаніемъ, понятіе о первомъ не имѣетъ никакой цѣнности для выработки понятія научной объективности, достижимой для человѣка. Скорѣе мы должны помѣстить между понятіями о человѣческомъ интеллектѣ и объ *intellectus archetypus* еще третье понятіе, отличающееся отъ человѣческаго интеллекта своею безконечностью, а отъ *intellectus archetypus* напротивъ того тѣмъ, что въ немъ воззрѣніе и понятіе не совпадаютъ другъ съ другомъ. Лишь такимъ образомъ мы получимъ идеальное мы-

слимо обширнѣйшаго и объективнѣйшаго познанія, допускающій сравненіе съ человѣческимъ познаніемъ.

Съ этой цѣлью, мы возьмемъ за исходный пунктъ опять-таки понятіе о гносеологическомъ сверхъиндивидуальномъ субъектѣ и попытаемся опредѣлить его такимъ образомъ, чтобы оно стало понятіемъ объ идеалѣ познающаго субъекта. Однако, при этомъ мы, конечно, ограничиваемся теоретическимъ знаніемъ и отвлекаемся отъ всѣхъ сужденій, выражающихъ прямую оцѣнку, такъ какъ въ эмпирическихъ наукахъ ихъ объективность вовсе не есть та цѣль, къ достиженію которой стремятся.

Прежде всего теоретическіе познавательные акты идеальнаго субъекта всегда должны имѣть форму сужденія, къ которому съ абсолютно неподлежащею сомнѣнію достовѣрностью можетъ быть примѣняемъ предикатъ „истинное“, и это безъ дальнѣйшихъ гносеологическихъ предположеній имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда какой-либо фактъ констатируется воспріятіемъ. Далѣе, если совокупность этихъ сужденій должна давать не только мыслимо достовѣрнѣйшее но и мыслимо обширнѣйшее познаніе, то познающій интеллектъ долженъ быть въ состояніи утверждать бытіе всей дѣйствительности въ сужденіяхъ воспріятія. Но требовать большаго отъ познающаго субъекта—безсмысленно. Интеллекта, съ абсолютною достовѣрностью знающаго все то, что было, есть и будетъ дѣйствительно, нельзя было бы уже превзойти относительно всего того, къ достиженію чего мы вообще можемъ стремиться при теоретическомъ познаниі. Итакъ его познаніе оказывалось бы наиболѣе совершеннымъ познаніемъ, еще могущимъ быть сравниваемымъ съ человѣческимъ познаніемъ и слѣдовательно все то, что вытекаетъ какъ необходимое средство познанія для человѣческаго духа изъ стремленія приблизиться къ этому познанію, можно будетъ признать и логически—телеологически правомѣрнымъ.

Прежде всего изъ этого вытекаетъ, что и идеальное познаніе „субъективно“ во всѣхъ тѣхъ четырехъ отношеніяхъ, которыя мы выяснили, т. е. содержаніе и его форма опредѣляются не только сверхъиндивидуальнымъ представляющимъ субъектомъ, но и сверхъиндивидуальнымъ субъектомъ, производящимъ оцѣнку. Зависимость матеріи и формы отъ сверхъиндивидуальнаго представляющаго субъекта самоочевидна и признаніе цѣнности истинности сверхъиндивидуальнымъ субъектомъ равнымъ образомъ есть необходимая предпосылка

фактичности матеріала познанія. Сомнѣваться можно было бы лишь въ зависимости формъ познанія отъ субъекта, производящаго оцѣнку и мы не можемъ, конечно, указать, какимъ образомъ относятся другъ къ другу форма и содержаніе познанія безконечнаго субъекта. Но это безразлично, такъ какъ достаточно того, что вообще форма и содержаніе не совпадаютъ другъ съ другомъ и въ этомъ познаніи, ибо въ такомъ случаѣ матеріаль познанія формируется въ понятіяхъ такъ, что при этомъ имѣется въ виду цѣль познанія, а поэтому формы должны быть признаны цѣнными по отношенію къ этой цѣли и безконечнымъ субъектомъ.

Но, разъ мы не способны даже и мысленно представить себѣ иного познанія кромѣ четвероякимъ образомъ „субъективнаго“, не имѣетъ, конечно, никакого смысла говорить о человѣческомъ познаніи, что, вслѣдствіе вышеуказанной субъективности, оно не достаточно объективно, такъ какъ за предѣлами этой субъективности слово „познаніе“ утратило бы для насъ свой смыслъ и, слѣдовательно, объективное познаніе было бы не только недостижимо, но къ нему нельзя было бы даже и стремиться.

Итакъ для того, чтобы получить понятіе объ объективности, достижимой для человѣка, требуется еще лишь понять, въ какомъ отношеніи человѣческое познаніе необходимо должно уступать идеальному познанію и съ помощью какихъ именно формъ познанія для него достижимъ максимумъ приближенія къ тому, что можетъ выполнить идеальный интеллектъ. Но любой человѣческой интеллектъ ограниченъ, будучи конечнымъ, и слѣдовательно никакому человѣку нельзя даже и стремиться къ достиженію иного познанія кромѣ того, которое возможно для конечнаго интеллекта. Стало бытъ тѣ средства, въ которыхъ нуждается конечный интеллектъ для того, чтобы приблизиться къ тому, что способенъ выполнить безконечный субъектъ, должны быть признаны формами, абсолютно необходимыми и обязательными для человѣческаго познанія.

Если мы прежде всего мысленно представимъ себѣ объемъ того матеріала, на который распространяется идеальное познаніе, то пунктомъ, имѣющимъ рѣшающее значеніе, оказывается то обстоятельство, что, стремясь къ многообъемлющему познанію, конечный человѣческой интеллектъ долженъ отказаться отъ абсолютной объективности чистой фактичности своихъ сужденій. Въ противномъ случаѣ ему пришлось бы ограничиться накопленіемъ экзистенціальныхъ

предложеній, которое, какъ бы далеко оно ни продолжалось, не было бы въ состояніи даже и приблизиться къ идеалу многообъемлющаго познанія. Но благодаря этому мы снова подошли какъ разъ къ исходному пункту всего нашего изслѣдованія. Для того, чтобы вообще быть въ состояніи стремиться къ той цѣли, которой идеальный интеллектъ достигалъ бы путемъ абсолютно достовѣрныхъ сужденій воспріятія, конечный интеллектъ нуждается въ суррогатѣ, и мыслимо наиболѣе совершенной замѣной, которая можетъ существовать для этого, служить, какъ мы уже показали, естествознаніе. Поэтому оно имѣетъ для человѣка абсолютную познавательную цѣнность и благодаря этому воля, хотящая естествознанія, оказывается безусловно необходимою. Но тотъ, кто хочетъ достиженія цѣли, долженъ хотѣть и средствъ, а потому предпосылка, гласящая что на основаніи ограниченнаго числа фактовъ можетъ быть найдено положеніе, имѣющее силу для неограниченнаго числа фактовъ, равнымъ образомъ можетъ быть признано необходимо имѣющимъ силу для любого субъекта естественно-научнаго познанія, хотя это есть предпосылка сверхъ-эмпирическая.

Нѣтъ надобности детально разсматривать съ этой точки зрѣнія различныя сверхъ-эмпирическія формальныя составныя части естественно-научнаго образованія понятій. Мы настолько обстоятельно выяснили гипотетическую обязательность ихъ логически-телеологическихъ связей, что, послѣ того какъ фактическое признаніе естественно-научной цѣли познанія стало признаніемъ безусловно необходимымъ, само собою вытекаетъ безусловная по отношенію къ этой абсолютно цѣнной цѣли обязательность естественно-научныхъ формъ познанія и слѣдуетъ сдѣлать еще только одно замѣчаніе относительно понятія закона природы, о которомъ злѣсь прежде всего идетъ дѣло.

Съ точки зрѣнія наивнаго реализма утвержденіе, гласящее, что необходимость безусловно всеобщихъ сужденій должна въ послѣднемъ счетѣ оказываться телеологическою и основываться на признаніи абсолютной цѣнности, покажется чрезвычайно парадоксальнымъ.

Само собою разумѣется, мы вовсе и не утверждаемъ, что изслѣдователь-специалистъ когда либо отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что эта необходимость есть необходимость телеологическая. Намъ индивидуумамъ всякій законъ природы долженъ представляться чѣмъ то безусловно независимымъ отъ насъ и намъ должно казаться, что его

обязательность столь мало зависитъ отъ насъ, что скорѣе мы зависимъ отъ него. Мы вовсе и не имѣемъ въ виду оспаривать правомѣрность этого убѣжденія. Напротивъ того, это предположеніе должно обосновывать гносеологическую дедукцію, т. е. благодаря ему обязательность законовъ природы должна оказываться совершенно изъятой отъ всякаго чисто произвольнаго признанія, на которомъ приходится останавливаться послѣдовательному эмпиристу. Итакъ, это предположеніе оставляетъ совершенно неприкосновенными всѣ убѣжденія эмпирической науки и лишь гносеологическое пониманіе процесса научнаго изслѣдованія перетолковываетъ его такимъ образомъ, что понятіе о реальности, совершенно отрѣшенной отъ познающаго субъекта, превращается въ понятіе о необходимомъ для всякаго познающаго субъекта признаніи сверхъиндивидуальной цѣнности, т. е. согласно ему познание должно сообразоваться не съ бытіемъ, а съ должествованіемъ, которое и составляетъ „предметъ“ познанія законовъ природы и всякаго познанія вообще. Въ эмпирической наукѣ мы можемъ легко удовлетворяться тою мыслью, что совершенно независимо отъ субъекта, всегда „бываетъ“ такъ, какъ гласить законъ, но, коль скоро мы отнесемъ къ этой мысли серьезно, мы тотчасъ видимъ, что никогда нельзя понять, какимъ образомъ такое недоступное опыту бытіе можетъ стать предметомъ познанія для составляющаго сужденія субъекта, ищущаго законовъ природы, Итакъ, именно это предположеніе приводило бы насъ къ скептическимъ выводамъ.

Напротивъ того, должествованіе, сознаваемое нами какъ безусловная цѣнность, вполне способно служить руководящею нитью для нашихъ актовъ сужденія, какъ утверждающихъ, такъ и отрицающихъ. Только мы должны быть въ правѣ предполагать для этого должествованія и ту полную независимость отъ индивидуальнаго субъекта, которую реализмъ предполагаетъ для бытія въ себѣ и мы показали, что это правомѣрно и необходимо. Итакъ, чтобы охарактеризовать независимую отъ всякой индивидуальной воли обязательность того должествованія, которое придаетъ нашему познанию объективность, мы назовемъ его сверхъэмпирическимъ или трансцендентнымъ должествованіемъ¹⁾. Тогда та воля, которая при-

¹⁾ Ср. мое сочиненіе: Der Gegenstand der Erkenntnis, 1892, S. 66 ff. I. Фолькельтъ находитъ у меня (Deutsche Literaturzeitung, 1893, № 11), „столь распространенную въ современной философіи ведущую къ пута-

знаеть это трансцендентное долженствованіе, не имѣть ничего общаго съ какимъ бы то ни было желаніемъ или индивидуальнымъ хотѣніемъ, да и выраженіе „воля“ мы выбираемъ именно лишь для того, чтобы подчеркнуть, что теоретическій субъектъ всегда есть субъектъ, проявляющій свое отношеніе и производящій опѣнку.

Слово „бытіе“ имѣетъ смыслъ лишь какъ предикатъ сужденія и постольку воля, признающая цѣнность истинности вообще, есть логическая предпосылка всѣхъ экзистенціальныхъ сужденій, а благодаря этому и логическая предпосылка познаваемого бытія. Равнымъ образомъ воля, утверждающая не только трансцендентную цѣнность истинности вообще, но и трансцендентную цѣнность естественно-научной истинности, есть логическая предпосылка „природы“, т. е. бытія, подчиненнаго общимъ законамъ. Разъ это ясно, то наше толкованіе познания должно перестать казаться парадоксальнымъ даже и съ точки зрѣнія эмпирическаго реализма. Между его предпосылками и нашими положеніями, коль скоро они правильно понимаются никогда не можетъ быть конфликта, такъ какъ лишь въ теоріи познания, стремящейся къ тому, чтобы оправдать сверхъ-эмпирическую обязательность этихъ предпосылокъ, имѣетъ смыслъ вышеуказанное

нищѣ наклонность субъективистически разрѣшать сущее въ всего лишь вспомогательныя понятія, точки зрѣнія, способы пониманія, словомъ заставляя его улечиваться“, но въ то же время „охотно признаетъ“ меня „мыслителемъ, со строгостью и послѣдовательностью, которая надлежитъ привѣтствовать, старающагося установить въ борьбѣ съ релятивизмомъ и позитивизмомъ прочныя, объективныя условія познания“. Мнѣ это стараніе не кажется согласимымъ съ вышеупомянутою наклонностью къ субъективистическому улечиванію въ „послѣдовательномъ“ строѣ мыслей, и во всякомъ случаѣ я сознаю въ себѣ лишь стремленіе указать объективныя условія познания. Признавая долженствованіе логически первичнымъ, я думаю, что я не особенно далекъ именно отъ Фолькельта. Онъ трактуетъ (*Erfahrung und Denken*, S. 166 ff) мышленіе какъ „требованіе“ и говорить, что „въ обязанности мыслить именно такъ и невозможности мыслить иначе“ мы становимся причастны достовѣрности, возвѣщающей, какъ транссубъективное, сверхъиндивидуальное велѣніе“, вслѣдствіе чего мнѣ кажется, что и Фолькельтъ непродолжительно истолковываетъ „обязательность“ какъ долженствованіе, только я поскольку дѣло идетъ о теоріи познания, не могу умозаключить вмѣстѣ съ Фолькельтомъ отъ этого „велѣнія“ къ трансцендентному, бытію и я, не въ состояніи понять, какимъ образомъ благодаря этому умозаключенію можно получить какое-либо новое, не данное уже въ сверхъиндивидуальномъ долженствованіи, условіе объективнаго познания.

истолкованіе безусловной необходимости законовъ природы. Въдѣ у насъ нѣтъ иного пути для обоснованія ихъ кромѣ того, который дѣлаетъ возможнымъ телеологически дедуцировать ихъ какъ формальныя средства познания.

Для того, чтобы выяснитъ это еще съ другой стороны, хорошо будетъ представить дедуцію и въ другой формѣ. Мы предлагаемъ сдѣлать попытку отрицать ту формальную предпосылку, которая впервые дѣлаетъ возможными частныя законы природы, и покажемъ затѣмъ что при отрицаніи *implicite* утверждается то, что при немъ пытаются отвергнуть.

Правда, могущее быть высказаннымъ отрицательное сужденіе: безусловно всеобщія сужденія не имѣютъ силы, повидимому еще не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія, тогда какъ сужденіе, отрицающее безусловную обязательность сужденій вообще, противорѣчіе въ себѣ заключаетъ, но все таки дѣло въ томъ, какой смыслъ придается упомянутому утвержденію. Если оно должно имѣть силу лишь для какого нибудь опредѣленнаго случая, т. е. выразить, что данный индивидуальный субъектъ познания въ данномъ пунктѣ пространства и времени не можетъ составить никакого безусловно всеобщаго сужденія относительно даннаго матеріала познания, то противъ него, конечно, не приходится возражать. Однако въ такомъ случаѣ вовсе и не оказывается никакого противорѣчія между нимъ и тою гносеологическою предпосылкою, отъ которой зависитъ обязательность естественно-научнаго образованія понятій, но въ немъ содержится лишь чисто фактическое констатированіе, не имѣющее никакого значенія для проблемъ теоріи познания и само собою разумѣется, что и накопленіе такихъ констатированій не подвинуло бы насъ ни на шагъ впередъ. Итакъ лишь въ томъ случаѣ, если оспаривается безусловно всеобщая обязательность всѣхъ законовъ природы, вообще имѣетъ мѣсто попытка отрицать то, что составляетъ формальную логическую предпосылку естественно-научныхъ понятій законовъ, причемъ сама эта попытка непременно имѣетъ видъ безусловно всеобщаго сужденія. Итакъ, она уже заключаетъ въ себѣ ту формальную предпосылку, которую она отрицаетъ, т. е. при ней имѣется въ виду отрицать то, на чемъ основывается собственная ея обязательность, и слѣдовательно она должна упразднить самое себя ¹⁾.

¹⁾ Представители радикальнаго эмпиризма обыкновенно называютъ такого рода аргументаціи „софистическими“. Въ этомъ однако заключается

Итакъ, лишь косвеннымъ путемъ можно показать, что воля, направленная на то, чтобы составлять безусловно всеобщія сужденія, сверхъиндивидуальна и необходима, и поэтому можетъ быть охарактеризована какъ обязательная предпосылка естественно-научнаго познания. Всякое нападеніе на нее приводитъ къ ложному кругу, такъ какъ ему приходится опираться на то, что подвергается нападенію. Поэтому и психологизмъ необходимо попадаетъ въ этотъ ложный кругъ, стараясь посредствомъ естественно-научнаго объясненія процессовъ познания въ тоже время дойти до сужденій относительно обязательности познавательныхъ формъ. Тонкіе психологическіе анализы Юма, въ принципъ, конечно, непревзойденные до настоящаго времени не смотря ни на какую „современную“ психологию, содержатъ въ себѣ очень много такого рода вторженій въ область теоріи познания, а потому и они не свободны отъ вышеупомянутаго ложнаго круга. Какъ мало говорило бы намъ объясненіе происхожденія понятія причинности, еслибы принципъ причинности и обязательность указанныхъ законовъ не предполагались уже Юмомъ повсюду. Лишь благодаря этому ему удается показать, что повторяющаяся послѣдовательность необходимо вызываетъ во всѣхъ случаяхъ ассоціацію идей, благодаря которой, какъ онъ утверждаетъ, впервые возникаетъ понятіе причинности. Конечно, такія теоріи весьма цѣнны, если онѣ показываютъ намъ, какъ постепенно возникаетъ убѣжденіе въ правильности формальныхъ предпосылокъ познания. Но онѣ не могутъ имѣть значенія для критики познания. Само собою разумѣется, никто и не станетъ упрекать мыслителя до-Кантовской эпохи въ томъ, что онъ не замѣтилъ внутренняго противорѣчія теоріи, желающей путемъ объясненія въ тоже время и критиковать. Однако, если психология и въ настоящее время все еще желаетъ быть въ тоже время логикой и теоріей познания и затѣмъ лишь благодаря непослѣдатель-

маленькое смѣшеніе понятій. Въ діалогахъ Платона именно софистическія теоріи опровергаются такимъ способомъ, который нынѣ любятъ называть софистическимъ. Итакъ, въ этихъ случаяхъ слѣдовало бы соблюдать нѣкоторую осторожность относительно обвиненія въ софистикѣ, т. е. не швырять камней, находясь въ теплицѣ релятивизма. Въдѣ абсолютный релятивизмъ софистовъ и эмпиристовъ новаго времени можетъ быть опровергнутъ лишь путемъ обнаруженія его внутреннихъ противорѣчій и приведенія его ad absurdum при посредствѣ его собственныхъ выводовъ.

ностямъ избѣгаетъ абсолютнаго релятивизма и скептицизма, то въдѣ это—иное дѣло.

Этимъ мы можемъ закончить обсужденіе проблемы объективности естественно-научныхъ понятій законовъ. Если ея формальную предпосылку можно оспаривать лишь посредствомъ положеній, которыя сами заключаютъ въ себѣ эту предпосылку, то обстоятельство, что лишь познающій субъектъ формируетъ на основаніи этой предпосылки матерію познания, не можетъ, конечно, служить возраженіемъ противъ объективности естествознанія.

Но какъ же обстоитъ дѣло относительно объективности историческаго образованія понятій, которая главнымъ образомъ занимаетъ насъ здѣсь? Прежде всего мы видимъ, какъ распаденіе чело-вѣческаго познания на естествознаніе и исторію равнымъ образомъ необходимо вытекаетъ изъ отношенія чело-вѣческаго познания къ идеальному познанию и какъ поэтому границы естественно-научнаго образованія понятій заключаютъ въ себѣ въ тоже время неизбѣжное требованіе принципиально отличающагося отъ него историческаго образованія понятій, т. е. не только обнаружена безусловная цѣнность естествознанія несмотря на его необходимыя границы, но и родъ трактованія, пополняющій односторонность естественно-научнаго мышленія, оказался необходимо вытекающимъ изъ неизбѣжнаго стремленія къ наивозможно большому приближенію къ тому, что могъ бы выполнить идеальный познающій субъектъ. Даже если естествознаніе достигло наибольшаго совершенства, влеченіе къ исторіи принадлежитъ къ тому, что должно быть признано всякимъ чело-вѣческимъ субъектомъ познания, и, стало быть, воля, хотящая исторіи, настолько же сверхъиндивидуальна и необходима, какъ воля, хотящая естествознанія.

Къ тому же въ извѣстномъ отношеніи исторически познающій чело-вѣчскій субъектъ даже ближе къ идеалу познающаго субъекта, чѣмъ естественно-научный, такъ какъ идеальное познание прямо таки можно было бы назвать историческимъ познаниемъ міроваго цѣлаго. Однако все это все же относится лишь къ тому понятію исторіи которое мы получили въ третьей главѣ какъ проблему ученія о методѣ и поэтому научная объективность историческаго образованія понятій и теперь еще остается проблематическою. Сперва воля, хотящая познания міроваго цѣлаго, подразумѣвала лишь обязательность формальныхъ предпосылокъ, необходимыхъ для естествознанія. На-

противъ того, историческая наука должна, какъ мы знаемъ, быть въ правѣ допустить, что однократное развитіе міра находится въ нѣкоторомъ отношеніи къ безусловно общеобязательнымъ цѣностямъ. Можно-ли вывести изъ отношенія человѣческаго интеллекта къ идеальному субъекту познанія необходимость и этой предпосылки и этимъ обосновать ее телеологически-критически?

Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, отдадимъ себѣ отчетъ еще и въ иной сторонѣ всякаго познанія, къ которому единственно способенъ конечный интеллектъ, чѣмъ та, которую мы рассматривали до сихъ поръ. Такъ какъ ему недоступно воззрительное познаніе, то всякое человѣческое познание должно быть дискурсивнымъ. Но въ необходимой связи съ этимъ находится то обстоятельство, что оно занимаетъ опредѣленный промежутокъ времени и способно достигать цѣли познанія лишь путемъ ряда измѣненій. Далѣе, такъ какъ эта цѣль имѣетъ абсолютную цѣнность для познающаго субъекта, то абсолютно неизбѣжно и рассматривать рядъ измѣненій, ведущій къ познанію, какъ телеологическое развитіе и такъ какъ, наконецъ, та цѣнность, къ которой она бываетъ относима, есть цѣнность безусловно всеобщая или трансцендентная, то мы видимъ, что благодаря этому въ принципѣ оказываются уже выполненными всѣ тѣ предпосылки, которыя, какъ мы узнали, служатъ условіемъ объективнаго историческаго образованія понятій. А именно коль скоро мы дѣлаемъ самый процессъ познанія объектомъ познанія, онъ никогда не можетъ быть понимаемъ лишь естественно-научно, но его надлежитъ понять и исторически, такъ какъ онъ образуетъ рядъ измѣненій, которыя мы необходимо относимъ къ безусловно всеобщей цѣнности и, такъ какъ понятіе исторически-телеологическаго развитія объемлетъ собой инныя формы историческаго мышленія, то въ принципѣ мы установили все то, въ чемъ мы нуждаемся. Всякій актъ познанія становится историческимъ индивидуумомъ по отношенію къ цѣнности познанія. Совокупность актовъ познанія объединяется въ историческое развитіе и, такъ какъ это развитіе необходимо оказывается членомъ, входящимъ въ составъ наиболѣе общаго, т. е. наиболѣе обширнаго цѣлага, т. е. совокупности дѣйствительности, объективная точка зрѣнія отнесенія къ цѣнности необходимо переносится и на эту историческую связь, т. е. послѣдняя сама принимаетъ видъ историческаго развитія.

Словомъ, теперь мы не можемъ уже никакимъ образомъ сомнѣ-

ваться въ томъ, что и пониманію дѣйствительности какъ исторіи въ вышеуказанныхъ формахъ свойственна сверхъиндивидуальная обязательность, по крайней мѣрѣ когда дѣло идетъ о процессѣ познанія. Эти формы равнымъ образомъ могутъ быть телеологически дедуцированы изъ сущности конечнаго интеллекта, могущаго дойти до осуществленія научной истины лишь путемъ ряда измѣненій, и слѣдовательно эти формы критически настолько же обоснованы какъ и тѣ предпосылки, на которыхъ основывается исканіе безусловно-общеобязательныхъ законовъ природы.

Однако тотчасъ же должно выясниться, что мы не можемъ остановиться на этомъ результатѣ. Мы достигли его чисто логическимъ путемъ и именно поэтому купили его слишкомъ дорогою цѣною. Въ одномъ отношеніи получено конечно, даже больше, чѣмъ намъ нужно, такъ какъ мы можемъ опредѣлить ту руководящую цѣнность, сверхъиндивидуальная и безусловно всеобщая обязательность которой не подлежатъ сомнѣнію, и относительно ея содержанія, а именно, какъ цѣнность научной истинности или познанія. Но въ то же время, мы получили и гораздо меньше, чѣмъ намъ нужно. Вѣдь мы могли лишь указать на интеллектуальное совершенство какъ на безусловно всеобщую цѣнность и мы повидимому приходимъ благодаря этому именно къ отвергнутой нами прежде философіи исторіи, возникающей на псевдо-натуралистической базѣ, коль скоро въ историческій „законъ развитія“ обращается постепенное совершенствованіе интеллекта или даже все въ болѣе и болѣе высокой степени осуществляемое единовластіе естественно-научнаго метода. Итакъ, наша работа все еще не окончена.

Однако, прежде чѣмъ идти дальше, посмотримъ сперва, что во всякомъ случаѣ достигнуто и продолжало бы имѣть силу даже въ случаѣ, если бы мы не пошли въ логикѣ дальше того интеллектуализма въ философіи исторіи, къ которому насъ повидимому приводитъ наша логическая дедукція.

Прежде всего имѣетъ рѣшающую важность то обстоятельство, что натурализмъ въ принципѣ уже совершенно опровергнуть нашимъ строемъ мыслей. И для естествоиспытателя то, надъ чѣмъ онъ работаетъ, существуетъ всегда лишь въ мысляхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, или выработавшихъ естественно-научныя понятія, или появившихъ эти послѣднія. Изъ состоянія, въ которомъ никто не занимался естественно-научными изслѣдованіями, мало-по-малу, благо-

даря работъ отдѣльныхъ людей, возникло естественно-научное изслѣдование міра и этотъ однократный рядъ стадій развитія долженъ быть представленъ такимъ образомъ, чтобы онъ въ своей индивидуальности приводился въ отношеніе къ культурной цѣнности естествознанія. Но эта культурная цѣнность, которою руководится образование понятій, должна быть признана безусловно сверхъиндивидуальною и всякимъ натуралистомъ и, такъ какъ развитіе естествознанія не можетъ быть изолировано, но находится въ исторической причинной связи съ общимъ культурнымъ развитіемъ человѣчества, причѣмъ это общее развитіе въ своемъ своеобразіи даже должно было оказать существенное вліяніе на своеобразіе развитія естествознанія, то объективное отнесеніе къ цѣностямъ необходимо переносится и на общее развитіе человѣческой культуры.

Но, если натурализмъ долженъ признать ту наиболѣе общую предпосылку, на которой зиждется научное значеніе изслѣдованія однократнаго индивидуальнаго хода развитія, ему не остается ничего кромѣ того, чтобы снова отвести людямъ и человѣческой дѣятельности центральное мѣсто въ дѣйствительности, какового бы мнѣнія онъ ни держался относительно ихъ пространственнаго положенія во вселенной, т. е. коль скоро онъ думаетъ о своей собственной исторіи, и онъ долженъ признать полную научную правомѣрность антропоморфистически-исторической точки зрѣнія. Вполнѣ бессмысленнымъ представляется въ особенности то вышеупомянутое и столь излюбленное разсужденіе, согласно которому исторія человѣчества имѣла, быть можетъ, научное значеніе для античнаго и средневѣковаго міра, но что будто бы, послѣ того какъ арена всей исторіи была перенесена изъ центра вселенной въ какой то уголокъ ея, исчезла и объективная цѣнность всего человѣческаго для науки. Кто же разрушилъ тѣ прежнія міровоззрѣнія, согласно которымъ земля какъ арена всемірной исторіи оказывалась центральнымъ пунктомъ міра? Вѣдь это сдѣлало естествознаніе и что же оно такое какъ не дѣло людей, живущихъ на неимѣющей значенія пылинкѣ вселенной. Развѣ въ самомъ дѣлѣ вслѣдствіе небольшого размѣра земли всякое человѣческое дѣяніе должно быть съ научной точки зрѣнія лишено объективнаго смысла? Почему же мы приписываемъ тогда какую либо объективную цѣнность человѣческому открытію, гласящему, что земля не есть центръ міра?

Мы видимъ, что при отказѣ отъ всякаго историческаго антропо-

морфизма, какъ натуралистическая, такъ и всякая иная философская точка зрѣнія упраздняла бы самое себя. Въ извѣстномъ смыслѣ человѣкъ никогда не подымается надъ самимъ собою. И такъ, критически мыслять именно тѣ, которые сознательно мыслятъ антропоморфистически и при этомъ уважаютъ границы, положенныя всякому человѣческому мышленію. И нельзя послѣдовательно провести даже радикальнаго скептицизма, коль скоро скептикъ предается размышленіямъ объ исторіи интеллектуальнаго развитія и сравниваетъ скептическое отношеніе съ мышленіемъ иныхъ эпохъ и людей, чтобы противопоставить его этому мышленію какъ болѣе правомѣрное. Все это обнаруживается уже съ точки зрѣнія интеллектуалистической философіи исторіи и принципиальное значеніе этого результата не можетъ быть умаляемо при выясненіи наиболѣе общихъ принципиальныхъ вопросовъ.

И наконецъ, мы должны сдѣлать еще одинъ дальнѣйшій шагъ. Та наиболѣе общая предпосылка, на которой основывается исторически-научное пониманіе міра, содержитъ въ себѣ даже менѣе сверхъэмпирическихъ элементовъ, чѣмъ предпосылки естествознанія, и въ тоже время она должна быть признана болѣе многообъемлющею. Тотъ, кто мыслить исторически, долженъ лишь допустить, что міръ въ его временномъ развитіи находится въ отношеніи къ какимъ либо, быть можетъ совершенно неизвѣстнымъ ему цѣностямъ. Напротивъ того, естествознаніе должно сдѣлать гораздо болѣе специальное предположеніе, гласящее, что формулированіе безусловно обязательныхъ сужденій представляетъ абсолютную цѣнность и что приближеніе къ осуществленію этой цѣнности возможно въ теченіе историческаго развитія. И такъ, съ этой точки зрѣнія „а priori“ естествознанія представляется специальнымъ случаемъ историческаго „а priori“, и естественно-научная точка зрѣнія оказывается подчиненной антропоморфистически-исторической точкѣ зрѣнія, т. е. можно, конечно, заниматься исторіей безъ сверхъэмпирическихъ предпосылокъ естествознанія, но безъ сверхъэмпирической предпосылки исторіи естествознаніе теряетъ свой смыслъ, такъ какъ всякій, занимающійся естествознаніемъ, *implicite* привелъ однократное человѣческое развитіе въ отношеніе къ абсолютно обязательной цѣнности.

Въ всякомъ случаѣ: какъ мы несомнѣнно желаемъ человѣческаго познанія вообще, такъ же несомнѣнно мы должны признать объективное телеологическое образование понятій, представляемое исторіей

человѣческаго познанія, и поэтому приписывать человѣческой культурѣ объективное значеніе. Вѣдь съ философскихъ точекъ зрѣнія сама „природа“ есть лишь результатъ человѣческой культурной работы. Итакъ, въ принципѣ нашъ вопросъ объ отношеніи между исторіей и естествознаніемъ уже разрѣшенъ.

Однако, какъ сказано выше, кажется, будто исторія интеллекта въ правѣ заявлять болѣе высокое притязаніе на объективность, чѣмъ исторія прочихъ культурныхъ процессовъ, такъ какъ мы до сихъ поръ ограничивались при нашей дедукціи логическими цѣнностями и это предпочтеніе одной опредѣленной культурной цѣнности, умаляющее остальные цѣнности, было бы не только весьма рискованно съ общихъ философскихъ точекъ зрѣнія, но и не находилось бы въ согласіи съ существующею на лицо историческою наукою. Поэтому намъ предстоитъ еще показать, вслѣдствіе какихъ причинъ въ философскомъ изслѣдованіи должно было возникнуть кажущееся предпочтеніе интеллектуалистическаго пониманія и затѣмъ, какимъ образомъ при болѣе точномъ разсмотрѣніи интеллектуальныя цѣнности могутъ быть координированы съ прочими культурными цѣнностями такимъ образомъ, что снова исчезаетъ противорѣчіе между нашимъ пониманіемъ и фактически существующею на лицо историческою наукою.

Единственный критерій, абсолютно непреодолимо убѣдительный для интеллекта, которымъ мы располагаемъ при попыткѣ логической дедукціи сверхъ-эмпирическихъ научныхъ предпосылокъ, заключается въ обнаруженіи того противорѣчія, которое кроется во всякомъ отрицаніи этихъ предпосылокъ и поэтому, коль скоро дѣло идетъ о теоретическомъ обоснованіи абсолютныхъ цѣнностей, кажется, что непреодолимо убѣдительный критерій оказывается на лицо лишь для удостоверенія логическихъ цѣнностей, т. е. то, что не можетъ подлежать сомнѣнію, становится для чистаго теоретика не только высшимъ, но и единственнымъ абсолютно цѣннымъ благомъ.

Коль скоро мы выяснили себѣ это, мы понимаемъ также, почему столь многія философскія системы, пытающіяся не только найти послѣдніе принципы бытія, но въ то же время и установить смыслъ жизни, сдѣлали изъ интеллекта міровой принципъ и усматривали въ интеллектуальномъ совершенствѣ абсолютную цѣнность. Тотъ, кто занимается наукою, можетъ, правда, сомнѣваться въ обязательности другихъ цѣнностей; но отнюдь не въ цѣнности науки. Итакъ міръ науки становится научнымъ міромъ и притомъ не только въ томъ

смыслѣ, что онъ принимаетъ научныя формы, но и въ томъ смыслѣ, что онъ получаетъ научное содержаніе. Не только материализмъ дѣлаетъ истинною дѣйствительностью методическіе принципы научной обработки тѣлеснаго міра, клонящіеся къ квантифицированію, и такимъ образомъ порождаетъ атомизмъ какъ метафизическое ипостазированіе логическаго аппарата понятій. Для Платона общее понятіе равнымъ образомъ становится воистину сущимъ, и наиболѣе общее понятіе, подъ которое все можно подвести, становится совокупностью не только дѣйствительнаго, но и добраго. Для Аристотеля высшій идеаль научнаго познанаія превращается въ понятіе Божества и единственной совершенной реальности, такъ что вещи образуютъ градацію и становятся тѣмъ реальнѣе, чѣмъ болѣе познавательный принципъ, т. е. форма, проникла собственно говоря не дѣйствительную матерію. Для Спинозы смыслъ міра есть *amor intellectualis dei*, въ свою очередь совпадающій съ высшимъ идеаломъ познанія—*cognitio intuitiva*, и поэтому человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего лучшаго какъ погрузиться въ чистое созерцаніе Бога, мыслимо обширнѣйшаго общаго понятія. Даже для Канта чисто проблематическое построеніе, соответствующее высшему интеллектуальному совершенству или *intellectus archetypus*, *oumenon*, становится вещью въ себѣ и всякое человѣческое стремленіе является и у него—покрайней мѣрѣ мѣстами—несовершеннымъ, такъ какъ оно не способно постигнуть смыслъ жизни путемъ познанія упомянутаго чисто проблематическаго нѣчто.

Словомъ мы видимъ, что очень многіе философы отводятъ интеллектуальнымъ цѣностямъ высшее мѣсто по сравненію со всѣми цѣнностями, какъ будто это разумѣлось само собою, и вслѣдствіе этого должны возникать величайшія трудности разъ въ философскихъ системахъ имѣется въ виду надлежащимъ образомъ отнестись равнымъ образомъ и къ другимъ сторонамъ человѣка. Религіозная, этическая или эстетическая жизнь или принижается, или же настолько интеллектуализируется, что ей угрожаетъ опасность утратить свое своеобразное значеніе. Тогда между практикомъ и теоретикомъ возникаетъ конфликтъ и философія по большей части склонна разрѣшать его въ пользу теоретика.

Составляетъ-ли обособленіе интеллектуальной стороны человѣка отъ другихъ проявленій его дѣятельности и предпочтеніе ей вслѣдствіе ея логической прозрачности необходимую особенность философіи, или же существуетъ способъ отдать въ широкомъ міровозрѣніи долж-

ное и не интеллектуальнымъ сторонамъ человѣка и координировать ихъ цѣнность съ интеллектуальными цѣнностями или, быть можетъ даже отвести имъ высшее мѣсто по сравненію съ этими послѣдними?

Нынѣ сталъ лозунгомъ пытающійся сдѣлать это „волютаризмъ“, т. е. ставится на видъ, насколько въ практической жизни рѣшающее значеніе всегда имѣетъ воля и предполагается, что за нею нельзя поэтому отрицать и права оказывать вліяніе на наши убѣжденія относительно мірового цѣлага и смысла жизни. Однако, если при этомъ дѣло должно идти о нашихъ научныхъ убѣжденіяхъ, этого рода „преодоленіе“ интеллектуализма представляется весьма рискованнымъ, такъ какъ имъ въ принципѣ открывается свободный доступъ всякимъ желаніямъ и всякому произволу и это должно вызывать противорѣчіе со стороны человѣка науки. Научно обоснованное міровозрѣніе можетъ возникнуть лишь благодаря логическому мышленію чисто теоретическимъ путемъ и поэтому, пока теоретическое мышленіе понимается такимъ образомъ, что между нимъ и хотѣніемъ, и чувствованіемъ усматривается принципиальная противоположность, логическія цѣнности всегда заявляютъ притязаніе и на приматъ по сравненію съ другими цѣнностями. Но тогда непременно продолжаетъ существовать антагонизмъ между практической и теоретической стороною человѣка. Съ одной стороны человѣкъ теоріи будетъ отвергать всѣ притязанія воли и чувствованія, какъ неправомѣрныя, и съ другой стороны не только люди воли и чувства будутъ относиться къ притязаніямъ науки, какъ къ насилію, но и науки, въ которыхъ рѣшающую роль играютъ не интеллектуальныя цѣнности, повидимому должны утрачивать свой чисто теоретическій, а вслѣдствіе этого, конечно, и свой чисто научный характеръ. Итакъ путемъ провозглашенія примата воли на основаніи ея количественнаго превосходства въ жизни, т. е. пытаясь отвести волѣ первое мѣсто не съ помощью логическихъ основаній, но при посредствѣ волевого акта, противорѣчащаго логическому мышленію, мы не подвинемся впередъ.

Однако точка зрѣнія гносеологическаго субъективизма, сдѣлавшая для насъ возможнымъ выяснить, что оцѣнки служатъ базой всей науки, дала намъ въ тоже время и возможность преодолѣть противоположность интеллектуальныхъ и неинтеллектуальныхъ цѣнностей, т. е. настолько примирить ихъ, что именно съ наиболѣе свободныхъ отъ предпосылокъ гносеологическихъ точекъ зрѣнія устраняется кажущееся превосходство интеллектуалистической философіи исторіи относительно

ея научной объективности. Для того, чтобы показать это, намъ слѣдуетъ еще лишь прямо сдѣлать одинъ выводъ, вытекающій изъ того, что было установлено относительно сущности всякаго познанаія и всякаго акта сужденія вообще.

Наиболѣе свободная отъ предпосылокъ точка зрѣнія, на которую мы можемъ стать въ теоріи познанаія, уже заключаетъ въ себѣ понятіе субъекта познанаія, производящаго оцѣнку. Этотъ субъектъ имѣетъ предъ собою долженствованіе, стало бытъ императивъ, требующій признанія, и притомъ отнюдь не относительнаго или „гипотетическаго“ признанія, но абсолютнаго признанія, т. е. выступающій какъ „категорическій императивъ“. Однако мы можемъ выразить это и такъ, что съ наиболѣе свободной отъ предпосылокъ точки зрѣнія, возможной для человѣка, ищущаго истины, еще существуетъ объективно обязательный долгъ. При этомъ мы, конечно, употребляемъ слово „долгъ“ въ мыслимо наиболѣе широкомъ смыслѣ. Мы желаемъ лишь охарактеризовать имъ отношеніе нашей воли къ нормативно общимъ цѣнностямъ, т. е. мы говоримъ о сознаніи долга, когда мы признаемъ какую нибудь цѣнность только потому, что она есть цѣнность, и стараемся показать, что лишь свободное признаніе цѣнности истинности сознаніемъ долга придаетъ смыслъ и стремленію къ познанию. Иными словами всякому акту познанаія логически предшествуетъ воля, хотящая потому, что она должна хотѣть, „автономная“ воля, хотящая лишь ради долженствованія.

Но, коль скоро это ясно, мы не можемъ и противопоставлять хотящаго человѣка познающему такимъ образомъ, какъ будто между ними не было рѣшительно ничего общаго, но тогда обѣ стороны природы человѣка, теоретическая и практическая, представляются лишь двумя различными родами обнаруженія сознанія долга, и поэтому чисто теоретическое изслѣдованіе какъ познанаія такъ и логическаго мышленія вообще заставляетъ насъ идти далѣе и логической необходимости и усматривать въ волѣ, признающей долженствованіе, то, въ чемъ имѣетъ свое „основаніе“ сама логическая необходимость, т. е. мы должны констатировать въ сознаніи долга такъ сказать сверхлогическую базу и для логическихъ цѣнностей.

Конечно, это опять таки звучитъ на первыхъ порахъ парадоксально, но парадоксальность полученнаго логическимъ путемъ понятія о сверхлогическомъ равнымъ образомъ оказывается только кажущееся. Логическое мышленіе, съ помощью котораго мы доходимъ до этого сверх-

логическаго, лишь выясняетъ себѣ свою собственную границу и познаетъ, что эта граница есть въ тоже время его предпосылка. Когда мы ставимъ вопросъ о томъ, на чемъ основывается всякая логическая необходимость, въ этомъ не заключается никакого логическаго противорѣчія, однако отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть лишь таковъ, что и послѣднее и наиболѣе общее логическое понятіе, понятіе истины, основывается на волѣ, хотящей цѣнностей вообще, такъ какъ оно есть цѣнность, требующая обязательности, а потому лишь въ волѣ, признающей долженствованіе ради его самого, мы можемъ усматривать послѣдній фундаментъ познания, для котораго тогда не возможно уже никакое дальнѣйшее обоснованіе.

Воля, сознающая долгъ, стало быть, „практическая“, логически предшествуетъ логической волѣ или волѣ хотящей истинности. Стремленіе къ истинности предполагаетъ стремленіе выполнять свой долгъ, и съ этой точки зрѣнія актъ сужденія, служащій интересамъ истинности, есть особый родъ требуемаго долгомъ дѣйствованія, а отсюда и для теоретика съ безусловною необходимостью вытекаетъ абсолютная оцѣнка сознающей долгъ воли, такъ какъ признаніе какой либо особой цѣнности подразумеваетъ признаніе болѣе общей цѣнности, составляющей ея необходимую предпосылку.

Итакъ, признаніе сознающей долгъ воли какъ абсолютной цѣнности настолько же служитъ предпосылкой признанія цѣнности истинности, какъ признаніе истинности вообще какъ абсолютной цѣнности должно служить предпосылкой какой бы то ни было специальной науки и такимъ образомъ чисто логическимъ путемъ мы можемъ показать, что сознающая долгъ автономная воля, хотящая того, что обязательно для нея, есть абсолютная цѣнность. И съ чисто теоретической точки зрѣнія невозможно сомнѣваться въ цѣнности этой воли, такъ какъ теоретическое мышленіе, хотящее истинности, можетъ быть признано теперь лишь специальнымъ случаемъ практическаго стремленія, которое есть послѣдняя основа всякой истинности и всякой науки.

Мыслимо было бы еще лишь одно возраженіе. Интеллектуализмъ теперь все еще не преодолевается, такъ какъ и воля, сознающая долгъ, представляется въ этой связи всего лишь интеллектуальною цѣнностью. Вѣдь она имѣетъ безусловную цѣнность лишь постольку, поскольку она служитъ предпосылкою логической цѣнности истинности.

Относительно этого слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Конечно, въ те-

ченіе изслѣдованія, исходя изъ логической несомнѣнности цѣнности истинности, мы приходимъ къ тому, что заставляемъ теоретика признать сознающую долгъ волю абсолютно цѣнною и тогда вслѣдствіе этого неизбежнаго въ логическомъ изслѣдованіи расположенія нашихъ мыслей можетъ казаться, будто мы обосновали безусловную цѣнность автономной воли лишь на безусловной цѣнности истинности. Однако эта иллюзія возникаетъ лишь благодаря ходу изслѣдованія. Абсолютная цѣнность сознающей долгъ воли, какъ предпосылка любой безусловной цѣнности, вполне самодовлѣетъ и дѣло шло лишь о томъ, чтобы показать, что и человѣкъ чистой теоріи долженъ предполагать ея безусловную обязательность. Итакъ не цѣнность истинности обосновываетъ цѣнность сознанія долга, но напротивъ того, цѣнность истинности базирована на понятіи долга и все логическое мышленіе зиждется на сверхлогической волѣ. Итакъ, этой сверхлогической волѣ принадлежитъ примать, т. е. по сравненію съ нею и логическія цѣнности еще вторичны и, благодаря этому, интеллектуализмъ въ самомъ дѣлѣ преодолевается¹⁾.

Но что же выиграли мы благодаря этому для разрѣшенія критическаго вопроса объ объективности исторической науки? Мы ничего не прибавили къ опредѣленію тѣхъ цѣнностей, которыя мы вправѣ предполагать какъ абсолютно обязательныя, со стороны ихъ содержанія, но лишь показали, къ какому болѣе общему роду цѣнностей принадлежитъ цѣнность истинности, обязательность которой уже была установлена, т. е. мы лишь получили цѣнность, которая еще формальнѣе и вслѣдствіе этого еще бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ та цѣнность, которую мы уже имѣли. Предстоитъ ли намъ теперь установленіе ряда особыхъ культурныхъ цѣнностей путемъ болѣе детальнаго опредѣленія ихъ содержанія, причемъ эти культурныя цѣнности точно также относятся къ болѣе общей формальной цѣнности, сознающей долгъ воли, какъ къ ней относятся цѣнность истинности и цѣнность науки и должны ли мы затѣмъ такимъ образомъ обосновать ихъ объективность и общеобязательность по отношенію къ ихъ содержанію, чтобы ихъ можно было во всѣхъ отношеніяхъ приравнять къ научнымъ цѣностямъ?

¹⁾ Въ своемъ сочиненіи «Fichte's Atheismusstreit und die Kantische Philosophie, Berlin» 1899, я попытался показать, въ какомъ историческомъ отношеніи это «преодоленіе интеллектуализма» находится къ ученію Канта о приматѣ практическаго разума.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою вытекаетъ изъ вышеприведенныхъ соображеній. Если бы требовалось не только излагать историческое развитіе, но и подвергать его прямой оцѣнкѣ, тогда дедуцированіе особливыхъ культурныхъ цѣнностей было бы необходимо. Равнымъ образомъ и философія исторіи, желающая опредѣлить единый „смыслъ“ всего развитія человѣчества со стороны его содержанія и расчленивъ это развитіе соотвѣтственно этому, не могло бы обойтись безъ особливыхъ цѣнностей. И всемірная исторія какъ цѣлое можетъ быть написана лишь съ помощью определенной системы культурныхъ цѣнностей, и постольку она предполагаетъ матеріальную философію исторіи ¹⁾. Что же касается вопроса о научной объективности чисто эмпирическихъ историческихъ изложеній, то мы установили уже теперь все то, что нужно для обоснованія ихъ объективности.

Культурная цѣнность науки даетъ исторіи больше, чѣмъ ей нужно, и это большее есть именно то, что отличаетъ ее отъ наиболѣе общей, чисто формальной цѣнности сознающей долгъ воли: она дѣлаетъ возможною прямую оцѣнку историческихъ процессовъ. Но эта оцѣнка не входитъ въ задачу исторіи, и историкъ тѣмъ объективнѣе, чѣмъ болѣе онъ почерпаетъ содержаніе своихъ руководящихъ точекъ зрѣнія изъ самого историческаго матеріала, и потому сверхъэмпирическая предпосылка эмпирической исторической науки состоитъ лишь въ томъ, что и съ чисто теоретической научной точки зрѣнія остается необходимымъ отнесеніе дѣйствительности къ какимъ либо абсолютно обязательнымъ цѣностямъ. Другими словами и наука не можетъ признавать того, что люди проявляютъ свое отношеніе къ нормативно общимъ цѣностямъ, чѣмъ то индивидуальнымъ и произвольнымъ, и эта предпосылка гарантируется уже безусловною обязательностью той цѣнности, которую имѣетъ сознающая долгъ воля, ибо насколько необходима обязательность этой цѣн-

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія характерно, что Куртъ Брейзигъ предпослалъ своей „культурной исторіи новаго времени“, которая фактически имѣетъ въ виду дать „всемірную исторію“, томъ, въ которомъ онъ трактуетъ не только о задачѣ общей исторіографіи, но и о ея „масштабахъ“. Конечно, Брейзигъ не уяснилъ себѣ, что этими „масштабами“ онъ старается установить тѣ культурныя цѣнности, которыми онъ руководится при своемъ трактованіи, и что, слѣдовательно, онъ держится вполне телеологическаго метода въ философіи исторіи.

ности, настолько же необходимо и отнесеніе дѣйствительности къ ней. Только мы не должны забывать при этомъ, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ здѣсь выраженіе „сознаніе долга“, и не должны думать, что мы приходимъ благодаря этому къ философіи исторіи, оперирующей съ „этическими масштабами“. Мыслимо наиболѣе общее и наиболѣе обширное понятіе культуры уже предполагаетъ сознаніе долга въ томъ смыслѣ, который мы имѣемъ здѣсь въ виду, такъ какъ мы знаемъ, что культура существуетъ лишь въ такой общественной группѣ, члены которой разсматриваютъ извѣстныя цѣнности какъ общее дѣло, т. е. какъ нормативно общія цѣнности и поэтому, со своимъ сознаніемъ долга, проявляютъ свое отношеніе къ нимъ.

Итакъ, мы видимъ, что чисто формальное понятіе цѣнности есть именно то, что намъ нужно. Противорѣчіе между нашими выводами и оказывающеюся на лицо историческою наукою вытекало изъ повидимому необходимаго предпочтенія интеллектуальныхъ цѣнностей. Теперь, напротивъ того, отнесеніе однократной и индивидуальной дѣйствительности ко всемъ тѣмъ цѣностямъ, которыя признаются сознающими долгъ хотящими людьми нормативными, представляется столь же необходимымъ, какъ отнесеніе къ цѣнности науки, т. е. всюду, гдѣ соціальныя индивидуумы разсматриваютъ цѣнности какъ общее дѣло, и ихъ индивидуальныя хотѣнія и дѣйствованіе становятся существенными для реализаціи этихъ соціальныхъ цѣнностей, происходитъ нѣчто такое, чему мы именно съ наиболѣе свободной отъ предпосылокъ точки зрѣнія формальнаго утвержденія цѣнности сознающей долгъ воли, должны приписать объективное значеніе для безусловно обязательнаго.

Но мы знаемъ, что въ центрѣ каждаго историческаго изложенія находятся хотящіе люди, проявляющіе свое отношеніе къ нормативно общимъ цѣностямъ своей общественной группы и поэтому мы должны придавать этимъ волевымъ актамъ въ ихъ индивидуальности объективное значеніе. Они находятся въ необходимомъ отношеніи ко всему тому, что безусловно должно быть, причемъ все равно, способствуютъ-ли они ему или служатъ ему помѣхою, такъ какъ предпосылка жизни, гласящая, что всякое такое дѣйствіе находится въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ тому, что должно быть сдѣлано, остается въ силѣ и для только разсматривающаго отнесенія дѣйствительности къ цѣностямъ. Вслѣдствіе выше-

указанных оснований, это отнесение переносится затѣмъ и на другихъ первостепенно-историческихъ индивидуумовъ, а равнымъ образомъ и на второстепенно-историческій матеріалъ и поэтому выражение всей исторической связи въ абсолютно или относительно историческихъ понятіяхъ есть безусловная историческая необходимость.

Конечно, мы не знаемъ, какой опредѣленный по содержанию смыслъ имѣетъ развитіе культурной жизни человѣчества и, быть можетъ, мы никогда не будемъ знать этого. Но за то, что она вообще имѣетъ смыслъ, намъ ручается абсолютная цѣнность сознающей долгъ воли, какъ за самое достовѣрное, что мы знаемъ, такъ какъ этотъ смыслъ служитъ предпосылкой познания. Но, какъ ни формальна эта достовѣрность, ея все же достаточно для того, чтобы признать историческое пониманіе міра столь же необходимымъ какъ и естественно-научное. Для научной объективности законовъ природы мы нуждаемся лишь въ формальной предпосылкѣ, гласящей, что какія либо безусловно всеобщія сужденія абсолютно обязательны. Въ исторіи мы равнымъ образомъ можемъ удовлетвориться формальной предпосылкой, гласящей, что какія либо цѣнности безусловно обязательны, такъ какъ тогда всякая нормативно общая цѣнность болѣе или менѣе приближается къ абсолютнымъ цѣностямъ, а потому и всякая культурная жизнь въ своей индивидуальности имѣетъ необходимое отношеніе къ абсолютнымъ цѣностямъ.

Этимъ разрѣшается вопросъ о критической объективности исторической науки, поскольку это возможно съ гносеологическихъ точекъ зрѣнія. Не существуетъ никакой философской точки зрѣнія, съ которой было бы правомѣрно сказать, что образованіе понятій, составныя части которыхъ сочетаются въ абсолютно или относительно индивидуальное телеологическое единство такъ, что при этомъ имѣется въ виду нормативно общая цѣнность, и которыя въ своей совокупности выражаютъ однократный рядъ стадій развитія, имѣетъ менѣе правъ на то, чтобы именоваться научнымъ, чѣмъ образованіе понятій, содержащихъ въ себѣ общее нѣкоторому множеству вещей и процессовъ.

VI.

Естественно-научное и историческое міросозерцаніе.

Формулированная нами во введеніи проблема наукоученія разрѣшена теперь. Однако, съ самаго начала мы отмѣтили, что послѣдняя цѣль этого труда, какъ и всякаго философскаго изслѣдованія, со-

стоитъ въ томъ, чтобы способствовать выясненію вопросовъ, касающихся такъ называемаго міросозерцанія. Наши разъясненія относительно двухъ различныхъ родовъ образованія понятій должны были лишь расчистить поле не только для самой исторической науки—эта послѣдняя справилась бы со своею задачей и безъ наукоученія, но прежде всего для философіи, чуждой естественно-научныхъ предразсудковъ и односторонностей и поэтому способной какъ цѣнить историческую жизнь, такъ и учиться изъ нея. Конечно, то, что вытекаетъ изъ логики исторіи для вопросовъ міросозерцанія, можно было бы вполне изложить лишь въ системѣ философіи, и здѣсь намъ приходится совершенно отказаться отъ того, чтобы намѣчать такую систему. Но, послѣ того какъ логическій трудъ выполненъ, мы все-таки желаемъ, въ заключеніе по крайней мѣрѣ, указать на то, что мы вообще разумѣемъ подъ тѣмъ, чтобы философія принимала въ соображеніе историческое.

При этомъ заранѣе само-собою разумѣется, что „историческое міросозерцаніе „возможно не въ томъ смыслѣ, чтобы исторія сама по себѣ была въ состояніи разрѣшать философскія проблемы. Напротивъ того, она столь же мало способна сдѣлать это, какъ и естествознаніе, и лишь ориентированіе въ историческомъ мышленіи необходимо для нѣкоторыхъ частей философіи. Итакъ, мы постараемся еще показать, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, какой смыслъ имѣетъ это ориентированіе, и насколько философія должна благодаря ему расходиться съ тѣми направленіями, которыя нынѣ зачастую господствуютъ.

Для этого необходимо намѣтить задачи философіи, причемъ однако мы не претендуемъ на то, чтобы дать опредѣленіе ея, т. е. мы имѣемъ въ виду не установить содержаніе понятія „философія“, но мы указываемъ на его объемъ, стало быть на тѣ научныя дисциплины, которыя мы называемъ специфически философскими, и при этомъ лучше всего будетъ исходить изъ того, что существуютъ проблемы, которыя не могутъ быть трактуемы такъ, чтобы получалось исчерпывающее ихъ разрѣшеніе ни естественно-научно, ни исторически. Такимъ образомъ, мы увидимъ, что остается для философіи. Затѣмъ, при обзорѣ главныхъ группъ объектовъ, вызывающихъ постановку этихъ проблемъ, мы придерживаемся того расчлененія, которое свойственно Кантовскому мышленію. Итакъ, на ряду съ тою научною жизнью, которую дѣлаетъ своимъ предметомъ логика,

главнымъ источникомъ, изъ котораго вытекають философскія проблемы, служить прежде всего жизнь практическая, т. е. нравственная, правовая и государственная, затѣмъ художественная жизнь и, наконецъ, религіозная жизнь, и слѣдовательно наряду съ понятіемъ истины центральными понятіями философіи оказываются понятія добра, красоты и святости.

Само собою разумѣется, что мы можемъ трактовать науку и нравственность, искусство и религію какъ исторически, такъ и естественно-научно, т. е. съ одной стороны прослѣживать однократное развитіе этихъ объектовъ, съ другой стороны искать общихъ понятій или законовъ, подъ которые подходитъ всякое научное изслѣдованіе, всякое нравственное стремленіе, всякое художественное творчество и наслажденіе и всякое религіозное чувствованіе. Но, хотя бы мы мысленно представили себѣ, что всѣ возникающіе при этомъ вопросы разрѣшены, все же еще остаются проблемы, относящіяся къ цѣнности, и эти проблемы образуютъ подлинную область философскаго труда. Правда, философія не всегда ограничивалась этими проблемами, да и теперь она дѣлаетъ это, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы она трактовала лишь цѣнности. Разграниченіе между естественно-научнымъ, историческимъ и философскимъ трактованіемъ можетъ быть проведено лишь въ понятіяхъ. Но тѣмъ не менѣе оно имѣетъ не малое значеніе для опредѣленія философскихъ проблемъ. И можно даже сказать, что, если выключить все то, что теперь мы должны причислить къ естествознанію и исторіи, специфически философской задачей почти во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя когда либо принимала философія въ теченіе времени, можно признать разрѣшеніе вопросовъ относящихся къ цѣностямъ¹⁾.

Но, какъ бы ни обстоило дѣло относительно этого, во всякомъ случаѣ истинное и ложное, доброе и злое, прекрасное и безобразное, святое и несвятое суть противоположности цѣнностей и поэтому, разъ мы вообще желаемъ употреблять вышеуказанныя слова, придется поставить вопросъ о томъ, гдѣ вообще лежитъ граница между цѣнностью и не-цѣнностью, но разрѣшеніе этого вопроса возможно лишь съ помощью такого опредѣленія понятій цѣнности, при кото-

¹⁾ Въ особенности ясно это обнаруживается изъ исторіи философіи Виндельбанда, 2. Aufl. 1900, и благодаря этому этотъ трудъ получаетъ и для философіи нашего времени значеніе, далеко превосходящее значеніе всякаго чисто историческаго изложенія.

ромъ имѣется въ виду не охватить все то, что называется истиннымъ, добрымъ, прекраснымъ и святымъ, но установить, что единственно заслуживаетъ этихъ именъ, и слѣдовательно выработать нормы для научной, нравственной, художественной и религіозной жизни. Такимъ образомъ возникаетъ опредѣленная область труда, за которую не можетъ браться никакая естественно-научная или историческая дисциплина, и которая во всякомъ случаѣ есть достояніе философіи.

Правда, часто отрицають, что такого рода задача вообще можетъ быть трактуема наукою, но при этомъ забываютъ, конечно, что всякій, употребляющій такія слова, какъ „истинное“ или „доброе“, уже предполагаетъ какое-либо понятіе нормы и слѣдовательно, благодаря одному уже только обозначенію, *implicite* утверждаетъ и обязательность своего понятія нормы. Мы могли показать, что даже въ констатированіи факта уже заключается признаніе цѣнности, и поэтому мы въ правѣ усматривать въ положеніи, гласящемъ, что всякое стремленіе доходить до понятій общеобязательныхъ нормъ не научно, лишь признакъ пустого отрицательнаго догматизма, не знающаго своихъ собственныхъ необходимыхъ предпосылокъ.

Однако, мы не обсуждаемъ здѣсь этого обстоятельнѣе, такъ какъ тотъ, кто хочетъ не идти далѣе естественно-научнаго и историческаго трактованія вещей и трактовать цѣнности лишь постольку, поскольку онѣ, какъ другіе факты, подлежатъ констатированію, тотъ не впадетъ никогда въ ошибки односторонне естественно-научно ориентированной философіи, если только онъ дѣйствительно послѣдователенъ и никогда не заявляетъ претензіи на то, чтобы сужденіе, выражающее оцѣнку, было научно обязательно. Намъ интересуютъ здѣсь лишь тѣ формы философскаго мышленія, которыя стараются установить понятія нормъ, и мы желаемъ понять лишь то, какое значеніе имѣетъ для нихъ исторія.

Для этого мы должны прежде всего выяснитъ себѣ, что въ каждомъ философскомъ изслѣдованіи надлежитъ отличать формальную часть отъ матеріальной. Правда, понятія „формальное“ и „матеріальное“ относительны, однако для всякаго частнаго случая разграниченіе ихъ однозначно. Напр. въ общей логикѣ мы причисляемъ къ формальной части все то, что не можетъ отсутствовать ни въ какомъ сужденіи, вообще претендующемъ на истинность и, въ такомъ случаѣ, въ противоположность этому, уже и ученіе о научной истин-

ности материально. Однако мы можем образовать и формальное нормативное понятие научной истинности, содержащее в себя то, что непременно входит в состав любого научного суждения, и тогда по сравнению с этим понятием материальными оказывались бы лишь понятия естественно-научной и исторической истинности. Наконец к формальной части можно причислить и те логические составные части, которые оказываются налицо в любом естественно-научном изследовании и во всяком историческом изложении, и тогда, в противоположность этому, материальная часть состоит в том, что может быть получено лишь из определений, касающихся содержания объектов, с которыми имѣют дѣло различныя науки. Равнымъ образом и наиболее общее понятие практической цѣнности формально по сравнению с понятиями цѣнности морали в болѣе тѣсномъ смыслѣ, права и государства, но существуют и формальныя понятия цѣнности, содержащія в себѣ то, что должна заключать в себѣ всякая мораль, всякое право и всякое государство и тогда, по сравнению с ними, материально определенными оказываются лишь особливые роды морали, права и государства. Такимъ образом уже в нашемъ предшествующемъ изложении мы разграничили другъ от друга формальныя и материальныя составныя части и точно такъ же должны будутъ поступать и остальныя философскія дисциплины.

Съ этой точки зрѣнія историческое имѣетъ двоякое значеніе для философскихъ наукъ. Во первыхъ, философія никогда не будетъ в состояніи удовлетвориться установленіемъ лишь формальныхъ понятий цѣнности. При попыткѣ сдѣлать это, она, конечно, в нѣкоторыхъ областяхъ очень скоро справилась бы со своей работой. Она должна, напротивъ того, всегда относить формальныя понятия и къ определенному содержанию, и тогда это содержаніе во многихъ случаяхъ можетъ быть получено лишь изъ определенныхъ историческихъ процессовъ.

Однако эта сторона вопроса не имѣетъ здѣсь для насъ очень большого значенія. Напротивъ того, мы имѣемъ в виду главнымъ образомъ то, что, во вторыхъ, и установленіе формальныхъ нормъ должно уже быть приведено в нѣкоторое отношеніе къ понятію объ историческомъ и при томъ такимъ образомъ, что при образованіи философскихъ понятий нормъ заранѣе слѣдуетъ имѣть в виду, что эти понятія вообще примѣнимы къ исторической дѣйствитель-

ности. Но это можетъ имѣть мѣсто лишь в томъ случаѣ, если уже в своихъ формальныхъ частяхъ философія вообще принимаетъ въ соображеніе если не особое историческое содержаніе, то во всякомъ случаѣ общія формы историческаго пониманія дѣйствительности, и мы должны выяснитъ себѣ, что это означаетъ.

Никогда не бываетъ и не можетъ быть, чтобы философскія дисциплины не находились рѣшительно ни в какомъ отношеніи къ формамъ какого либо особливаго пониманія дѣйствительности. Поэтому очень часто произвольно играетъ роль пониманіе дѣйствительности какъ природы, и тогда это не можетъ не служить помѣхой попыткѣ привести формальныя нормы в плодотворную связь съ историческою жизнью. Однако, при попыткѣ обстоятельнѣе выяснитъ это, необходимо разсмотрѣть различныя части философіи особнякомъ, такъ какъ то отношеніе, в которомъ установленіе нормъ находится къ исторической жизни, не оказывается однимъ и тѣмъ же во всѣхъ случаяхъ, в особенности же мы должны отграничить при этомъ другъ от друга теоретическую и практическую философію.

Мы уже знаемъ, на что надлежитъ обратить вниманіе логикѣ. Ея односторонне естественно-научный и поэтому не историческій характеръ состоитъ, какъ мы видѣли, в томъ, что, когда дѣло идетъ объ установленіи понятія нормъ научной истинности, почти никогда не принимается безъ предвзятыхъ сужденій въ соображеніе историческое многообразіе научной жизни, но образованіе общихъ родовыхъ понятій заранѣе приравнивается къ идеалу научнаго познания вообще, стало быть вовсе не ставится вопросъ о томъ, не существуютъ ли еще и другіхъ формъ научнаго познания.

Тогда отсюда возникаетъ и весьма преувеличенная оцѣнка общаго родового понятія во всей теоретической философіи. Категоріи, подъ которыми мыслится природа, обращаются в категоріи, подъ которыми мыслится міръ, т. е. природа смѣшивается съ дѣйствительностью. Тогда, коль скоро теоретическая философія ставитъ вопросъ о сущности міра, она усматриваетъ в общихъ естественно-научныхъ понятіяхъ воистину дѣйствительное и низводитъ все первоначальное и переживаемое бытіе на степень всего лишь явленія. Возникающія такимъ образомъ метафизическія системы выносимы лишь для умовъ, совершенно забывшихъ то, что они съ несомнѣнною реальностью переживаютъ во всякое мгновеніе, и это имѣетъ силу отнюдь не только в примѣненіи къ материализму, же-

лающему увѣрить насъ въ томъ, что въ дѣйствительности не существуетъ никакихъ качествъ, но равнымъ образомъ для такъ называемаго „монизма“, допускающаго „параллелизмъ“ квантифицированнаго тѣлеснаго міра и душевной жизни для того, чтобы устранить будто бы несостоятельное понятіе психофизической причинности и приходящаго этимъ путемъ лишь къ гораздо большимъ несообразностямъ, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ бы отдѣлаться. Теорія, имѣющая въ виду постичь сущность мірового цѣлаго, можетъ достигать какихъ либо цѣнныхъ результатовъ лишь въ томъ случаѣ, если она принимаетъ въ соображеніе и тѣ категоріи, подѣ которыми мы должны мыслить историческую дѣйствительность для того, чтобы вообще имѣть возможность мыслить ее, т. е. она должна настолько же ориентироваться и въ исторіи, какъ въ естествознаніи.

Однако мы не останавливаемся далѣе на осужденіи этого, такъ какъ, пока дѣло идетъ о теоретической философіи, во первыхъ, понятіе метафизики проблематично, а, во вторыхъ, мы не идемъ при этомъ въ принципъ далѣе уже полученнаго результата. Лишь когда дѣло идетъ о проблемахъ практической философіи, обнаруживается все значеніе односторонности естественно-научнаго мышленія.

Вѣдь логика, ориентировавшаяся исключительно въ естественно-научномъ мышленіи, становится хотя и односторонней, но она отнюдь не теряетъ еще благодаря этому цѣнности во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ какъ, хотя она и приводитъ къ ошибочнымъ взглядамъ на сущность исторической науки, она все таки можетъ по крайней мѣрѣ правильно понять сущность естествознанія, и поэтому ея выводы сохраняютъ прочную цѣнность, разъ только то, что она устанавливаетъ въ качествѣ всеобщихъ научныхъ нормъ, признается естественно-научными нормами. Но, если философскія дисциплины, имѣющія дѣло съ цѣнностями практическаго человѣка, равнымъ образомъ ограничиваются разсмотрѣніемъ дѣйствительности, понимаемой какъ природа, или даже усматриваютъ въ послѣдней самое дѣйствительность, это неизбѣжно имѣетъ совершенно иное значеніе, такъ какъ для этихъ философскихъ дисциплинъ понятіе природы или не имѣетъ никакого значенія, или имѣетъ весьма второстепенное значеніе, и тогда неминуемы заблужденія во всѣхъ ихъ частяхъ.

Намъ слѣдуетъ выяснитъ себѣ это прежде всего по отношенію къ этикѣ. Мы разсматриваемъ эту науку какъ ученіе о нормахъ воли и далѣе предполагаемъ, что этическое хотѣніе, по наиболѣе общему

своему понятію, должно быть отождествлено съ хотѣніемъ, сознающимъ долгъ, т. е. нравственная воля можетъ мыслиться лишь какъ воля, хотящая того, что для нея обязательно, или какъ автономная воля, опредѣляющая себя самое ради долженствованія. Всякая этика, вообще устанавливающая общеобязательныя нормы, должна сдѣлать это сознаніе долга послѣднимъ критеріумомъ нравственнаго. Она можетъ, конечно, упускать это изъ виду за множествомъ пробирающихся на первый планъ матеріальныхъ опредѣленій, но и радикальнѣйшій эвдемонизмъ, или чисто метафизическая этика въ послѣднемъ счетѣ признаютъ нравственную жизнь лишь тамъ, гдѣ содѣйствіе собственному или общему „благу“, или реализація метафизическаго мірового принципа или же повиновеніе волѣ Бога требуется отъ воли какъ долгъ. Безъ понятія долга не обходилась еще никакая этика, заслуживающая этого имени ¹⁾.

Съ другой стороны отсюда, конечно, опять таки вытекаетъ, что эта наиболѣе общая этическая цѣнность чисто формальна, т. е. любой поступокъ можетъ требоваться отъ воли, какъ должный. Прежде всего для того, чтобы не казалось, что вся философія обращается въ этику, мы должны подчеркнуть, что относительно нравственной воли въ болѣе тѣсномъ смыслѣ дѣло идетъ лишь о формѣ сознанія долга, получающей значеніе въ жизни, коль скоро мы разсматриваемся именно какъ соціальныя существа, т. е. коль скоро мы не только имѣемъ дѣло съ логическими, эстетическими или религіозными цѣнностями, какъ сознающія долгъ существа, при чемъ мы можемъ отвлечься отъ общенія съ другими людьми, но коль скоро наше хотѣніе само имѣетъ значеніе въ социальномъ общеніи.

Однако и это болѣе узкое понятіе долга остается еще настолько общимъ и формальнымъ, что имъ не удовлетворится никакая этика. Она должна привести хотѣніе въ связь и съ особыми сферами социальной жизни, какъ объектами его обнаруженія, для того, чтобы этическія нормы получили значеніе, и тогда при этомъ возникаетъ вопросъ о принятіи во вниманіе историческаго. Вѣдь если этика разсматриваетъ дѣйствительность, по отношенію къ которой проявляется нравственная воля, и изъ которой она черпаетъ матеріалъ для выработки этическихъ нормъ, какъ природу, то заранѣе отрѣзывается

¹⁾ Тамъ, гдѣ борются противъ понятія долга, какъ этического понятія, человѣку вмѣняется въ долгъ не признавать никакого долга.

всякая возможность дойти до не утрачивающих из виду действительно оказывающейся на лицо нравственной жизни разсмотрѣнія и оцѣнки нравственной жизни.

Это обуславливается прежде всего двумя основаніями, находящимися в связи съ обѣими сторонами понятія природы. Природа естествознанія есть прежде всего понятіе чисто теоретическое и притомъ въ томъ смыслѣ, что послѣдовательное пониманіе дѣйствительности какъ природы требуетъ отвлеченія отъ обязательности всякихъ цѣнностей.

Итакъ, въ этой природѣ понятіе долга теряетъ всякій смыслъ и лишь то обстоятельство, что слово „природа“ весьма многозначно, дѣлаетъ возможнымъ, что нелѣпность всякой попытки выводить нравственное изъ естественнаго не обнаруживается уже самому обшлому взгляду. Само собою разумѣется, что никому, провозглашающему „естественное“ имѣющимъ цѣнность, не возбраняется выбирать себѣ какую угодно терминологию, но, если не желаютъ отказаться отъ значенія слова „природа“, какъ отъ выраженія, служащаго для обозначенія понятія цѣнности, надлежитъ выяснитъ себѣ и то, что такое понятіе природы не имѣетъ уже ничего общаго съ тѣмъ понятіемъ природы, съ которымъ оперируетъ естествознание, и что въ такомъ случаѣ не легко дать ему однозначное содержаніе, дѣлающее возможнымъ его примѣненіе въ научномъ контекстѣ. Въ особенности утвержденіе, гласящее, что законы нравственности суть „законы природы“, или совершенно ничего не выражаетъ, такъ какъ сперва слѣдуетъ опредѣлитъ, что означаетъ выраженіе „законъ природы“, разъ оно не должно имѣть тотъ смыслъ, который соединяетъ съ нимъ естествознание, или же въ этомъ положеніи заключается противорѣчіе, такъ какъ законы природы выражаютъ то, что должно происходить повсюду и во всѣ времена, а потому ихъ содержаніе есть прямо таки то, что одно только никогда не можетъ принимать видъ долга. То, что всегда есть, не можетъ для человѣка долженствовать быть.

Однако для нашего контекста гораздо важнѣе второе основаніе, не позволяющее усматривать объектъ нравственной дѣятельности въ наличномъ бытіи вещей, разсматриваемомъ какъ природа. Природа есть дѣйствительность, разсматриваемая такъ, что при этомъ имѣется въ виду общее. Поэтому, разъ дѣлается попытка вывести нравственныя цѣнности изъ естественно-научныхъ понятій и установить ихъ какъ общеобязательныя нормы, этика никоимъ образомъ не можетъ понять значеніе индивидуальной личности. Тогда, если она будетъ

послѣдовательной, смыслъ установленія ею нормъ будетъ заключаться въ томъ, что индивидуумъ долженъ подводиться подъ нравственный законъ, какъ экземпляръ рода подводится подъ родовое понятіе. Иными словами этическіе императивы должны были бы вмѣнять каждому въ обязанность быть среднимъ человѣкомъ, и въ такомъ случаѣ этической „индивидуализмъ“, конечно, правъ, когда онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ установленія „общихъ“ нормъ. Этика, оперирующая съ естественно-научными общими понятіями, въ самомъ дѣлѣ должна была бы клониться къ тому, чтобы уничтожить смыслъ личной жизни и благодаря этому смыслъ жизни вообще.

Однако, задача этой науки принимаетъ совершенно иной видъ, коль скоро она заранѣе принимаетъ въ соображеніе, что вся дѣйствительная жизнь есть историческій процессъ. Но это прежде всего еще не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ самоочевиднымъ и оскомину набившимъ утвержденіемъ, гласящимъ, что всѣ нравственныя возрѣнія находятся въ зависимости отъ опредѣленныхъ отношеній историческаго положенія дѣлъ, изъ котораго затѣмъ дѣлается вовсе не самоочевидный выводъ, гласящій, что не можетъ существовать нравственности, обязательной для всѣхъ временъ. Это положеніе должно имѣть лишь тотъ смыслъ, что и при установленіи формальныхъ нормъ, обязательныхъ для любой мыслимой нравственной жизни, всегда должно приниматься въ соображеніе, что человѣкъ никогда не живетъ какъ экземпляръ родового понятія среди экземпляровъ родового понятія, но всегда лишь какъ индивидуумъ въ индивидуальномъ и что поэтому и нравственный индивидуумъ можетъ поступать лишь какъ телеологическій индивидуумъ. Не только всякій человѣкъ отличается отъ другихъ, но и окружающая его дѣйствительность, съ которой онъ имѣетъ дѣло, не бываетъ вполнѣ одинакова съ тѣми дѣйствительностями, съ которыми имѣютъ дѣло другіе люди, а потому и нравственныя задачи всегда должны оказываться индивидуальными. Итакъ верховный нравственный долгъ человѣка долженъ состоять въ томъ, чтобы онъ вырабатывалъ свою индивидуальность и при томъ такъ, чтобы она становилась пригодною для выполнения его индивидуальныхъ нравственныхъ задачъ.

Итакъ, коль скоро мы отказываемся отъ попытки вывести содержаніе этическихъ нормъ изъ естественно-научныхъ родовыхъ понятій, общеобязательныя этическіе императивы отнюдь не исклю-

чаютъ права индивидуальной личности, но индивидуальность, напротивъ того, прямо таки требуется отъ человѣка. Вѣдь мы знаемъ, какимъ образомъ общая цѣнность и индивидуальность необходимо связаны другъ съ другомъ; то, въ чемъ исторія усматриваетъ индивидуальность какого нибудь человѣка, есть совокупность того, что этотъ индивидуумъ и лишь онъ сдѣлалъ, руководясь общими культурными цѣнностями. Итакъ тѣ формы, въ которыхъ исторія разсматриваетъ дѣйствительность, т. е. формы индивидуума, въ которомъ обнаруживается телеологическая связь, и телеологически историческаго индивидуальнаго развитія должны быть въ то же время и фундаментальными этическими нормами.

Ты долженъ, если Ты хочешь поступать хорошо, Твоею индивидуальностью выполнить въ томъ индивидуальномъ пунктѣ дѣйствительности, въ которомъ Ты находишься, то, что лишь Ты можешь выполнить, такъ какъ ни у кого другого въ повсюду индивидуальномъ мѣстѣ нѣтъ какъ разъ той же самой задачи, какъ у Тебя, и затѣмъ Ты долженъ устроить всю Твою жизнь такъ, чтобы она объединялась въ телеологическое развитіе, которое, въ своей совокупности, можетъ быть разсматриваемо какъ выполненіе Твоей никогда неповторяющейся жизненной задачи. Тогда наиболѣе общіе императивы этики могутъ гласить лишь такъ, и никакой этической „индивидуализмъ“ не будетъ въ состояніи утверждать, что эти общія предписанія угрожаютъ уничтожить смыслъ жизни и индивидуальной личности.

Само собою разумѣется, что и эти „индивидуалистическія“ нормы чисто формальны и онѣ должны быть таковыми для того, чтобы въ нихъ находила выраженіе сущность всякой нравственности. Но поэтому то онѣ и абсолютно общеобязательны. Требованіе гласящее, что нравственный человѣкъ долженъ стать телеологическимъ индивидуумомъ, должно быть предъявляемо ко всякому человѣку, все равно, ограничиваютъ-ли его личныя дарованія и индивидуальное положеніе, въ которомъ онъ находится, его жизненныя задачи, тѣснымъ кругомъ, или же онѣ весьма обширны. Въ великомъ телеологическомъ комплексѣ дѣйствительности у малѣйшаго члена точно такъ же есть свое индивидуальное назначеніе, какъ и у выдающейся личности, оказывающей своей индивидуальностью вліяніе на ходъ развитія культуры въ теченіе вѣковъ и всякій, каково бы ни было его положеніе, можетъ войти въ обширный ходъ развитія въ качествѣ цѣнной составной части и долженъ сдѣлать это. Какъ ни формаленъ и какъ ни общъ

этический императивъ, онъ все же не лишаетъ индивидуальности никого, коль скоро эта индивидуальность служитъ осуществленію общихъ цѣнностей. Конечно, безцѣльное и чуждое плана „отживаніе“ любой доли индивидуальной дѣйствительности, лишенное всякаго телеологическаго единства, нравственно предосудительно и въ исторически ориентированной индивидуалистической этикѣ нѣтъ мѣста для не имѣющихъ значенія индивидуальныхъ капризовъ. Напротивъ того, эта этика не только не можетъ желать служить помѣхой для выработки индивидуальной личности, въ которой обнаруживалась бы телеологическая связь, но послѣдняя необходимо оказывается ея высшимъ идеаломъ. Такимъ образомъ выходитъ, что этика становится индивидуалистическою не несмотря на то, что она имѣетъ въ виду быть общеобязательною, а именно поэтому.

Здѣсь дѣло шло лишь о томъ, чтобы въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить связь между формами историческаго пониманія и основными понятіями нормативной этики, и дѣлая эти замѣчанія, я далекъ отъ мысли обстоятельнѣе развивать ихъ. Слѣдуетъ указать еще лишь на небольшое число дальнѣйшихъ пунктовъ, которые, быть можетъ, сдѣлаютъ общій принципъ болѣе яснымъ.

Прежде всего этикѣ въ вышеуказанномъ смыслѣ вовсе не приходится вообще отрицать нравственное значеніе родового. Какъ мы видѣли, цѣнности могутъ находиться въ такой связи съ нѣкоторымъ множествомъ объектовъ, что имъ не чуждо и содержаніе общаго понятія, заключающаго въ себѣ лишь общее всѣмъ этимъ объектамъ, и въ такомъ случаѣ содержаніе понятія цѣнности совпадаетъ съ содержаніемъ естественно-научнаго понятія. Въ тоже время мы знаемъ, что понятіе историческаго индивидуума не тождественно съ понятіемъ единичной личности, но что существуютъ и относительно историческія понятія, содержащія въ себѣ общее нѣкоторому множеству индивидуумовъ. А отсюда мы видимъ, какимъ образомъ въ индивидуалистической этикѣ, обращающей формы историческаго пониманія въ этическія нормы, должно быть отведено мѣсто и родовому. Вѣдь если мы установимъ связь между формою относительно историческаго понятія и задачей, состоящей въ установленіи понятій этическихъ нормъ, то возникаетъ мысль, что ограниченіе индивидуальности можетъ становиться нравственнымъ долгомъ. Само собою разумѣется, правда, что и здѣсь этическая общеобязательность никогда не вытекаетъ изъ общности содержанія родового, но родовое получаетъ свою цѣнность лишь благодаря при-

веденію его въ связь съ уже до того установленною этическою цѣлью; однако въ самомъ дѣлѣ существуетъ очень много этическихъ задачъ, которыя могутъ быть разрѣшены лишь путемъ сотрудничества нѣкотораго числа индивидуумовъ такимъ образомъ, чтобы различные люди въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказывались одинаковыми другъ съ другомъ, а тогда и такія свойства характера, которыя принадлежатъ членамъ нѣкоторой общественной группы въ среднемъ, получаютъ этическое значеніе, т. е. выработка среднихъ свойствъ становится долгомъ.

И мы можемъ даже сказать, что выполнение большей части задачъ будетъ требовать сочетанія среднихъ свойствъ и чисто индивидуальныхъ своеобразныхъ особенностей. Однако, исходя изъ формальныхъ основаній, опять таки нельзя рѣшить, гдѣ слѣдуетъ провести границу между тѣми и другими, и надлежитъ только подчеркнуть еще то, что требуемое ограниченіе, во первыхъ, никогда не можетъ приводить къ полному подавленію индивидуальности и, во вторыхъ, что, какъ нельзя утверждать, что всѣ историческія понятія о болѣе обширныхъ связяхъ суть понятія о чемъ то среднемъ, такъ и принадлежность къ какой бы то ни было общественной группѣ вовсе еще не вмѣняетъ въ долгъ выработки средняго характера, свойственнаго этой общественной группѣ, ибо мы уже видѣли, что можно напр. быть превосходнымъ нѣмцемъ, не будучи среднимъ нѣмцемъ и что лучшіе нѣмцы даже весьма значительно отличаются отъ общаго всѣмъ нѣмцамъ средняго характера. Однако мы не будемъ далѣе останавливаться здѣсь на обсужденіи этого отношенія между среднимъ и индивидуальнымъ. Должно быть достаточно простого лишь указанія на то, въ какомъ отношеніи къ установленію этическихъ нормъ находится и понятіе относительно историческаго индивидуума.

Но мы бросимъ еще взглядъ на иного рода связь между историческими и этическими проблемами, на которую насъ наводитъ именно понятіе общественной группы, къ которой принадлежитъ всякій индивидуумъ. Пусть отдѣльное лицо, входя въ составъ нѣкоторой общественной группы, вынуждено въ извѣстномъ отношеніи приспособиться къ среднему характеру и такимъ образомъ отчасти признать родовое нормативнымъ, однако опять таки нельзя смѣшивать общественную группу какъ цѣлое съ родовымъ понятіемъ, но мы всегда должны разсматривать ее какъ „историческую связь“. А, коль скоро мы дѣлаемъ это, она и съ этическихъ точекъ зрѣнія имѣетъ значеніе

лишь благодаря своей индивидуальности и при томъ въ силу тѣхъ же самыхъ основаній, въ силу которыхъ отдѣльный индивидуумъ, именно для выполнения своего долга долженъ быть не только автономенъ, но и индивидуаленъ. Точно такъ же, какъ историческій индивидуумъ, и нравственный индивидуумъ всегда объемлетъ нѣкоторымъ индивидуальнымъ цѣлымъ и его долгъ—содѣйствовать выработкѣ индивидуальности цѣлаго. И даже можно сказать, что очень часто ему придется ограничивать свою собственную индивидуальность лишь для того, чтобы тѣмъ болѣе выработалась индивидуальность той общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ и что мы должны быть социальными существами для того, чтобы та Societas, къ которой мы принадлежимъ, стала индивидуумомъ.

Итакъ вызывавшій много споровъ антагонизмъ между этическимъ индивидуализмомъ и этическимъ социализмомъ утрачиваетъ свою рѣзкость съ этой точки зрѣнія. Здѣсь не можетъ быть уже рѣчи объ альтернативѣ. Тотъ, кто выучился мыслить исторически, знаетъ, что и нравственный отказъ отъ личнаго своеобразія служитъ индивидуализаціи жизни. Мы социальны для того, чтобы дѣйствовать индивидуально.

Для того, чтобы выяснитъ это на примѣрѣ, укажемъ на то, что этимъ путемъ должно стать возможнымъ и пониманіе важнѣйшей изъ всѣхъ человѣческихъ общественныхъ группъ, а именно пониманіе этическаго значенія націи. Извѣстно, что большинство философскихъ системъ не отнеслись надлежащимъ образомъ къ этому понятію и прежде всего къ этической цѣнности выраженаго національнаго характера. Но одною изъ существеннѣйшихъ причинъ этого слѣдуетъ признать опять таки привычку мыслить въ естественно-научныхъ понятіяхъ и отсутствіе пониманія тѣхъ формъ, въ которыхъ наука, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, или исторія, разсматриваетъ человѣческую жизнь.

Говорятъ, что этическія велѣнія должны обязывать всякаго человѣка. Но затѣмъ полагаютъ, что всякій человѣкъ подводится подъ общее естественно-научное понятіе о человѣкѣ. Заключаютъ, что слѣдовательно родовое понятіе объ общечеловѣческомъ представляется цѣнностью и нормою и поэтому все служащее помѣхою выработкѣ „чистой человѣчности“, должно быть разсматриваемо лишь какъ нѣчто этически малоцѣнное. Въ такомъ случаѣ съ этой точки зрѣнія выраженный національный характеръ долженъ производить впе-

чатлївнїе ограниченїя высшей этической цѣнности, и стремленїе быть прежде всего членомъ націи и лишь затѣмъ уже человекомъ должно производить впечатлївнїе прямо-таки ограниченности, отъ которой надлежитъ освободиться въ этическомъ интересѣ. Такимъ образомъ, возникаютъ этическія направленїя, въ которыхъ экстазъ, вызываемый общечеловѣческимъ, приводитъ къ тому, что утрачивается всякая связь съ дѣйствительною нравственною жизнью и дѣятельностью людей, и которыя поэтому могутъ лишь дискредитировать слово „этическое“.

Если имѣть въ виду формы историческаго пониманїя дѣйствительности, то должно быть ясно, что, хотя этическія велѣнїя обязательны для всякаго человека, но весьма общее и поэтому весьма бѣдное содержанїемъ понятїе о человекѣ совершенно непригодно для опредѣленїя этическихъ идеаловъ и что, напротивъ того, выраженный національный характеръ долженъ быть признанъ имѣющею важное значенїе этической цѣнностью, разъ единичный человекъ способенъ выполнять наибольшую часть своихъ обязанностей лишь какъ членъ, объемлемый тою историческою связью, которую мы называемъ націей. При этомъ можно брать понятїе націи въ болѣе широкомъ или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. напр. можно разсматривать какъ національную связь общїй языкъ, или же признавать моментомъ, имѣющимъ рѣшающее значенїе, принадлежность къ національному государству. Въ особенности въ послѣднемъ случаѣ ясно будетъ, что при этомъ дѣло идетъ о проблемахъ, находящихся въ связи съ вопросомъ о томъ, до какой степени исторїографїя должна быть политической, т. е. отводить въ своемъ изложенїи центральное мѣсто національному государству. Гегель, въ мысляхъ котораго относительно философіи исторїи понятїе государства занимало центральное мѣсто, могъ усматривать и конкретную нравственность лишь въ государствѣ, и несомнѣнно въ Гегелевскомъ политическомъ пониманїи исторїи, равно какъ и въ его противопоставленїи нравственности и моральности, заключается доля глубокой истины.

Но, какъ бы то ни было, то цѣлое, къ которому принадлежитъ отдѣльное лицо, всегда получаетъ значенїе лишь благодаря своей индивидуальности, и поэтому быть прежде всего членомъ націи есть этическій долгъ, такъ какъ мы вообще можемъ выполнять большую часть нашихъ обязанностей лишь въ качествѣ членовъ націи. Какъ у единичнаго лица, такъ и у всякаго народа, или, поль-

зуясь выраженїемъ Фихте, „единичности въ великомъ и цѣломъ“ всегда есть индивидуальная задача, которой не можетъ быть ни у какого другого народа, и поэтому въ мїрѣ можно совершить что либо лишь путемъ выработки національнаго своеобразїя. И народъ сознающїй свои задачи, сможетъ выразить свою индивидуальность съ гораздо большею свободою отъ предвзятыхъ мнѣній и стѣсненїй, чѣмъ единичный индивидуумъ, такъ какъ, когда дѣло идетъ о народѣ, гораздо легче провести границу между индивидуальнымъ капризомъ и цѣнною индивидуальностью. Тотъ, кто работаетъ въ интересахъ національнаго своеобразїя, всегда имѣетъ предъ собою положительно опредѣленныя культурныя цѣли. Тотъ, кто хочетъ быть лишь „человекѣ“, хочетъ быть чѣмъ то такимъ, что онъ давно уже представляетъ собою, и чѣмъ ему, слѣдовательно, и не приходится еще только хотѣть быть. Такимъ образомъ, историческое мышленїе способно освободить насъ отъ этическихъ идеаловъ, которые нынѣ еще весьма соблазнительны для многихъ и которые, однако, оказываются скудными и безсодержательными, коль скоро имъ противопоставляется богатство исторической жизни. Тѣмъ болѣе прискорбное впечатлївнїе должно производить то обстоятельство, что и въ самой исторической наукѣ появляется направленїе, которое, желая сдѣлать изъ исторїи естественную науку и неминуемо расточая богатство индивидуальной національной жизни въ смутныхъ общихъ понятїяхъ, старается вновь разрушить всѣ великія прїобрѣтенїя историческаго мышленїя.

Мы можемъ даже сдѣлать и дальнѣйшїй шагъ и сказать, что прямо таки невозможно усматривать въ общечеловѣческомъ этическій идеалъ, коль скоро мы отнесемъ къ этому понятїю серьезно и будемъ разумѣть подъ нимъ то, что обнимаетъ всѣхъ людей. Утвержденїе, гласящее, что человекъ, свободный отъ всякой национальной особенности, представляетъ собою высшїй расцвѣтъ этического, никогда еще не было послѣдовательно проведено, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда полагали, что энтузіазмъ вызываетъ общечеловѣческое, идеаломъ служить болѣе или менѣе выраженный национальный типъ. Ясный примѣръ этого представляетъ такъ называемый гуманитарный идеалъ, содержанїе котораго заимствовалось изъ вполне опредѣленныхъ историческихъ образованїй, главнымъ образомъ, изъ эллинскаго мїра. Но тотъ национальный типъ, который при этомъ невольно подставлялся на мѣсто общечеловѣческаго идеала,

само собою разумѣется, былъ не средній типъ, но типъ настолько же абсолютно историческій, какъ и всякій національный типъ, т. е. типъ, въ которомъ оказываются на лицо образцовыя черты характера, обязанныя своимъ происхожденіемъ сравнительно небольшому числу индивидуумовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже могутъ быть констатированы лишь у единичныхъ историческихъ личностей. Итакъ, какой бы космополитическій идеаль не построился, въ немъ всегда будутъ оказываться черты, въ которыхъ явственно сказывается его происхождение изъ національных образований. Если же это игнорируется, но эти національныя черты сказываются лишь произвольно, то кажется, что онѣ нѣкоторымъ образомъ этически неправомѣрны, а тогда и понятіе гуманности можетъ лишь служить источникомъ заблужденій.

Само-собою разумѣется, что все это не исключаетъ того, что этика не останавливается и на понятіи націи и національнаго государства. Конечно, мы должны выполнять обязанности, касающіяся насъ не только какъ членовъ націи или еще болѣе ограниченной общественной группы. При чисто формальномъ изложеніи нашихъ мыслей, мы не можемъ указать, въ чемъ онѣ состоятъ. Однако слѣдуетъ подчеркнуть, что, и трактуя о сверхъ-национальныхъ обязанностяхъ, этика должна всегда принимать въ соображеніе ту градацію, которой требуетъ отъ насъ историческое разсмотрѣніе, и въ такомъ случаѣ сверхъ-национальное все еще не можетъ быть человѣческимъ вообще. Напротивъ того, пока матеріальныя опредѣленія этическихъ императивовъ относятся къ имманентному міру, ихъ слѣдуетъ выводить изъ понятія о культурномъ человѣчествѣ и притомъ, изъ его историческаго понятія, согласно которому оно образуетъ индивидуальное, абсолютно историческое цѣлое, состоящее изъ культурныхъ народовъ, поскольку оно извѣстно исторіи. Национальныя индивидуальности включаются въ эту связь такъ же, какъ единичный индивидуумъ объемлетъ націей. Въ нѣкоторыхъ областяхъ культуры, напр. въ наукѣ, отдѣльное лицо можетъ по крайней мѣрѣ отчасти опередить націю и привести свою дѣятельность въ связь съ жизнью выдѣляющейся изъ націи общественной группы, каковую представляетъ собою совокупность всѣхъ ученыхъ. Но это исключительные случаи и всегда лишь на основаніи историческихъ свѣдѣній можно знать, существуетъ-ли такая возможность. Но во всякомъ случаѣ понятіе о культурномъ человѣчествѣ можетъ быть разсматриваемо

лишь какъ абсолютно-историческое понятіе, стало быть не какъ понятіе о среднемъ культурномъ человѣкѣ, но лишь какъ понятіе, которое должно быть построено аналогичнымъ образомъ, какъ должно быть построено понятіе о національномъ эллинизмѣ или германизмѣ.

Но въ самомъ ли дѣлѣ это понятіе о наиболѣе обширномъ историческомъ центрѣ есть наиболѣе обширное этическое понятіе, имѣющее опредѣленное содержаніе, или не должна ли этика пойти и далѣе его и такимъ образомъ въ концѣ концовъ все таки вступить въ область неисторическаго или сверхъисторическаго, т. е. не представляетъ ли собой всякій человѣкъ какъ таковой и помимо всѣхъ тѣхъ историческихъ связей, которыми онъ объемлетъ, нѣчто этически абсолютно цѣнное для насъ? Въ извѣстномъ смыслѣ мы должны дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. А именно мы должны разсматривать каждаго человѣка такимъ образомъ, что въ немъ возможна реализація воли, сознающей долгъ, и вслѣдствіе этого и чисто человѣческое въ самомъ дѣлѣ выдѣляется изъ остальной дѣйствительности какъ нѣчто этически цѣнное.

Но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее. Здѣсь этическая оцѣнка не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ естественно-научнымъ понятіемъ о человѣкѣ и притомъ это еще не должно означать, что мы усматриваемъ въ сознаніи долга что либо сверхъ-природное или по крайней мѣрѣ указаніе на таковое, но лишь то, что ничто не побуждаетъ насъ ставить при оцѣнкѣ человѣка какъ носителя нравственной воли вопросъ о содержаніи естественно-научнаго понятія о человѣкѣ и приводить эти понятія во взаимную связь другъ съ другомъ. И мы даже можемъ утверждать, что въ понятіе о человѣкѣ, построенное на естественно-научный манеръ, вовсе не должно входить понятіе сознающей долгъ воли, такъ какъ фактически этотъ признакъ оказывается вовсе не у всѣхъ людей. При этической оцѣнкѣ человѣческаго мы опираемся исключительно на то обстоятельство, что въ каждомъ человѣкѣ можетъ возникать нравственная воля и мы должны были бы равнымъ образомъ цѣнить этически всякую другую дѣйствительность, относительно которой мы были бы въ правѣ допустить это.

Но разъ мы выяснили себѣ это, въ то же время снова обнаруживается, какъ мало значенія имѣетъ натурализмъ и въ особенности натуралистическій эволюціонизмъ для проблемъ философіи и притомъ мы видимъ, что не только не правы тѣ, которые налѣтаютъ на

то, что этическія нормы примутъ новый видъ благодаря включенію человѣка въ рядъ прочихъ живыхъ существъ, но что заблуждаются и тѣ, которые опасаются, что человѣческая жизнь можетъ обезцѣниться благодаря этому включенію. То, что человѣкъ долженъ развиваться все „выше“, какъ учить дарвинистическая этика, не будучи, впрочемъ, въ состояніи обосновать этого, было извѣстно, конечно, уже задолго до того, какъ возникла мысль о происхожденіи отъ животныхъ, и обезцѣненіе человѣка благодаря обнаруженію его связи съ животными совершенно невозможно уже потому, что человѣкъ, какъ родовой экземпляръ естественно-научнаго понятія, вообще не имѣетъ никакой цѣнности. Это обнаружилось бы еще отчетливѣе, если бы дѣйствительно существовалъ чуждый пробѣловъ рядъ промежуточныхъ формъ между животнымъ и человѣкомъ, ибо тогда пришлось бы тотчасъ уразумѣть, что для того, чтобы опредѣлить, въ какомъ пунктѣ возникаетъ цѣнность живыхъ существъ, нуженъ масштабъ и что этого масштаба не можетъ дать сама непрерывно измѣняющаяся природа.

Лишь потому, что между человѣкомъ и животнымъ существуетъ бездна, имѣющая весьма большое значеніе для этическихъ цѣнностей, можетъ возникать иллюзія, будто бы вмѣстѣ съ естественно-научнымъ родовымъ понятіемъ о человѣкѣ появляется уже и цѣнность. Фактически же этика, уяснившая себѣ, что естественно-научныя общія понятія не имѣютъ никакого значенія для нравственной оцѣнки, не можетъ не надѣяться на что либо, ни опасаться чего либо отъ теоріи происхожденія. Съ этическихъ точекъ зрѣнія совершенно безразлично, какое положеніе занимаетъ естественно-научное понятіе „человѣкъ“ въ системѣ естественно-научнаго міропониманія и, такъ какъ необходимое отнесеніе человѣка къ возможной этической волѣ есть единственное основаніе для того, чтобы приписывать человѣческому какъ таковому этическую цѣнность, то никакая естественно-научная теорія міра не можетъ внести какого либо измѣненія въ эту оцѣнку ¹⁾.

¹⁾ Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній слѣдуетъ еще замѣтить, что для этики, конечно, имѣетъ значеніе и знаніе человѣческой природы. Вѣдь тѣ законы природы, которымъ подчиненъ человѣкъ, могутъ ограничивать этическіе идеалы, поскольку могущее представляться желательнымъ, оказывается несомвѣстимымъ съ ними и поэтому не имѣетъ никакого смысла желать его осуществленія. Но и тогда значеніе есте-

Итакъ мы видимъ, что хотя человѣкъ какъ таковой и имѣетъ этическую цѣнность, однако въ этикѣ понятіе о человѣческомъ не можетъ служить рѣшительно ни для какого дальнѣйшаго примѣненія, такъ какъ въ сущности эта цѣнность совпадаетъ съ понятіемъ о наиболѣе общемъ этическомъ принципѣ, т. е. съ понятіемъ о сознающей долѣ волѣ. Если быть человѣкомъ для этики означаетъ не что иное, какъ возможность эмпирической реализаціи наиболѣе общей этической цѣнности, то это понятіе не можетъ подвинуть насъ ни на шагъ впередъ по сравненію съ чисто-формальнымъ принципомъ. При этомъ мы, конечно, не касаемся вопроса о томъ, воплощается ли съ иныхъ точекъ зрѣнія отнесенія къ цѣностямъ, напр., съ религіозныхъ, во всякой единичной человѣческой душѣ какъ таковой еще и иная абсолютная цѣнность. Здѣсь дѣло шло лишь о томъ, чтобы показать, что единственное абсолютно-неисторическое понятіе, выражающее этическую цѣнность, выражаетъ ее лишь постольку, поскольку оно заключаетъ въ себѣ понятіе о нравственномъ вообще. Само собою разумѣется, что наиболѣе общій этический принципъ долженъ быть неисторическимъ или скорѣе сверх-историческимъ и совершенно самодовлѣющимъ, ибо изъ историческаго какъ таковаго столь же мало можно вывести цѣнность, какъ и изъ природы. Историческое получаетъ значеніе для этики лишь при болѣе детальномъ формулированіи наиболѣе общей формальной этической цѣнности, но зато тогда это значеніе становится весьма большимъ.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду хотя бы лишь намѣтить для главныхъ проблемъ философіи, въ чемъ состоитъ ихъ отношеніе къ

естественно-научныхъ понятій можетъ быть лишь ограничивающимъ, стало быть отрицательнымъ, и изъ нихъ никогда нельзя вывести положительнаго идеала. Замѣчательно, впрочемъ, что именно среди этическихъ натуралистовъ встрѣчается очень много людей, склонныхъ обращать мало вниманія на границы, полагаемыя человѣку его природою. Напр., это легко было бы констатировать у иныхъ сторонниковъ „естественныхъ правъ женщины“. Вѣдь этихъ правъ не только нельзя вывести изъ общаго понятія о природѣ женщины, но нѣкоторыя изъ нихъ могли бы оказаться прямо-таки совершенно несомвѣстимыми съ естественными законами, которымъ подчинена вся жизнь женщины. Съ другой стороны то отрицательное значеніе, которое свойственно естественному, способствуетъ распространенію того заблужденія, будто бы естественное какъ таковое уже обладаетъ этической цѣностью.

формамъ историческаго мышленія. Указаніе на этику должно было служить лишь примѣромъ, и цѣль нижеслѣдующихъ замѣчаній равнымъ образомъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы привести еще нѣсколько дальнѣйшихъ примѣровъ. Изъ практическихъ дисциплинъ мы упомянемъ здѣсь еще философію права, и при этомъ насъ интересуетъ въ особенности вопросъ о такъ-называемомъ естественномъ правѣ. Имѣетъ ли это понятіе, все еще не вполне исчезнувшее въ юриспруденціи, научную цѣнность и какъ оно относится къ понятію историческаго права?

Прежде всего: что означаетъ выраженіе „естественное право“, т. е. какое понятіе о природѣ лежитъ въ основѣ его? *Jus naturale* можетъ противопоставляться *jus divinum* и постольку представлять собой понятіе, служащее орудіемъ борьбы, нынѣ, конечно, не имѣющее уже никакого значенія. Если же оно должно быть приведено въ связь съ естественно-научнымъ понятіемъ о природѣ, то вѣрованіе въ его обязательность должно вытекать изъ убѣжденія въ томъ, что, такъ же какъ естествознаніе восходитъ съ помощью понятій законовъ къ безусловно всеобщему и усматриваетъ въ немъ истинную сущность вещей, и въ данномъ положительномъ историческомъ правѣ возможно отграниченіе существеннаго отъ несущественнаго посредствомъ образованія единаго общаго понятія, а благодаря этому и восхожденіе къ общей „природѣ“ права.

Стало быть, въ такомъ случаѣ стараются найти естественное право, которое было бы освобождено отъ индивидуальныхъ особенностей даннаго права, т. е. пытаются установить природу права какъ разъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ природу свѣта или человѣка, и въ такомъ случаѣ естественнымъ общимъ правомъ называется право, находящееся въ необходимой связи съ общимъ понятіемъ о человѣческомъ или съ природою человѣка. Оно есть нѣкоторымъ образомъ естественный законъ общественнаго міра и, слѣдовательно, мы видимъ, что въ такомъ контекстѣ мыслей имѣетъ смыслъ и терминъ „естественное право“ (*Naturrecht*). Въ этомъ контекстѣ слово „*Natur*“ означаетъ то же самое, какъ въ выраженіи „*Naturwissenschaft*“.

Но мы можемъ прослѣдить и дальнѣйшую связь съ естественно-научнымъ мышленіемъ. Если, какъ это любить дѣлать естествознаніе, общее понятіе метафизически ипостазирруется и затѣмъ общая сущность представляется истинною реальностью, естественное право должно обращаться и въ воистину дѣйствительное и во всякомъ случаѣ

исконное право, которое нѣкоторымъ образомъ исказилось и затемнилось въ историческомъ развитіи. Тогда данное историческое право не только признается всего лишь родовымъ экземпляромъ всеобщаго права и его индивидуальному своеобразію не придается существеннаго значенія, но въ тоже время въ немъ усматривается и покровъ, скрывающій естественное право отъ взора въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ качественное историческое многообразіе тѣлъ скрываетъ отъ нашихъ чувствъ истинное бытіе атомовъ. Итакъ возникаетъ задача, состоящая въ томъ, чтобы съ помощью мышленія проникнуть чрезъ явленіе къ сущности и такимъ образомъ возстановить право въ его исконной чистотѣ. Индивидуальное историческое право есть нѣчто лишь эмпирическое, тогда какъ умъ освобождаетъ всеобщее естественное право, какъ въ тоже время и „разумное право“, отъ ирраціональнаго покрова индивидуальнаго юридическаго многообразія. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ всюду, раціонализмъ находится въ тѣсной связи съ натурализмомъ, т. е. лишь раціоналистическое мышленіе можетъ вѣровать въ естественное право. Я не утверждаю при этомъ, что мысли сторонниковъ естественнаго права всюду заключаютъ этотъ принципъ въ полной его чистотѣ, но мысль о правѣ, которое дѣйствительно заслуживало бы наименованія „естественное право“ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ обоснована лишь вышеуказаннымъ путемъ.

Разъ это ясно, мы знаемъ также, что слѣдуетъ думать о научной цѣнности естественнаго права въ вышеуказанномъ смыслѣ и въ тоже время здѣсь, гдѣ вовсе нѣтъ рѣчи о различіи между физическимъ и психическимъ, выясняется, какое понятіе только и можетъ противопоставляться естественному праву. Отнюдь не духовное право, такъ какъ и естественное право духовно, а лишь историческое право, продуктъ историческаго развитія культуры, есть дѣйствительное право и естественнаго права такъ же не существуетъ, какъ количественнаго міра атомовъ или какихъ либо иныхъ ипостазированныхъ общихъ понятій. Въ юриспруденціи, точно такъ же, какъ въ другихъ наукахъ, необходимо вполне отказаться отъ раціоналистическаго и натуралистическаго мышленія въ пользу историческаго мышленія и въ области юриспруденціи этотъ поворотъ и произошелъ давно уже почти вполне, между тѣмъ какъ естествознаніе и философія зачастую все еще продолжаютъ держаться раціоналистическаго реализма въ теоріи понятій. Образованное согласно естественно-научному ме-

тому общее понятие о правѣ, содержащее въ себѣ лишь то, что называется общимъ всякому праву, оказывалось бы столь бѣднымъ по содержанию, что оно не могло бы играть большой роли къ наукѣ.

Но въ тоже время этимъ вовсе еще не разрѣшается вопросъ, кроющійся за спорами о цѣнности естественнаго права, и лишь теперь мы подходимъ къ той проблемѣ философіи и права, которая интересуетъ насъ въ этомъ контекстѣ. Вѣдь когда въ настоящее время ставится вопросъ о томъ, существуетъ-ли естественное право, то имѣется въ виду вовсе не то, что единственно заслуживаетъ этого имени, но желаютъ знать, возможно-ли противопоставлять историческому праву нормативное право такимъ образомъ, какъ различнымъ нравамъ противопоставляется понятие нравственности, — какъ понятие нормативное. Напр. уже у Фихте „естественное право“ вовсе не есть естественное право, но у него лишь сохранено наименованіе, которое надлежало бы давать нормативному праву лишь тамъ, гдѣ въ природѣ усматривается совокупность цѣнностей. Итакъ, хотя мы и должны отказаться отъ стараго „естественнаго права“, намъ нѣтъ надобности отвергать вмѣстѣ съ наименованіемъ и суть, т. е. нормативное право вообще.

Слѣдуетъ лишь выяснитъ себѣ, что понятіе о нормативномъ правѣ равнымъ образомъ можетъ быть всего лишь формально, ибо тогда нормативное право не противорѣчитъ историческому праву, какъ естественное право, но напротивъ того, для философіи права возникаетъ необходимая задача, состоящая въ постановкѣ вопроса о томъ, что единственно заслуживаетъ именоваться правомъ. Въ такомъ случаѣ эта проблема не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ допущеніемъ естественнаго права въ собственномъ смыслѣ слова, но философія права какъ ученіе о нормативномъ правѣ составляетъ часть практической философіи, которая пытается привести наиболѣе общія практическія нормы въ связь съ правовою жизнью и благодаря этому детальнѣе опредѣлитъ ихъ. Она никогда не погонится за призракомъ права, воплощеннаго гдѣ либо не въ исторической дѣйствительности и, при попыткѣ выработать нормативныя понятія права, она всегда будетъ принимать въ соображеніе формы историческаго права. Но по сравненію съ чисто эмпирической и исторической наукой о правѣ, она будетъ имѣть въ принципѣ столь же самостоятельную задачу, какъ логика имѣетъ самостоятельную задачу

по сравненію съ исторіей научнаго мышленія и этика — но сравненію съ исторіей нравовъ.

Этого достаточно для того, чтобы выяснитъ нашъ принципъ и на примѣрѣ естественнаго права. Если, когда дѣло шло объ этикѣ, мы должны были главнымъ образомъ подчеркнуть, что понятіе природы непригодно для того, чтобы опредѣлитъ нравственныя нормы, то для философіи права оказалось необходимымъ указаніе на то, что неудачное выраженіе „естественное право“, сохранившееся для обозначенія нормативнаго права, не должно затемнять проблемъ, кроющихся въ мысли о формальномъ нормативномъ понятіи права. Впрочемъ положеніе дѣль одинаково для обѣихъ дисциплинъ: естественнаго права столь же не существуетъ какъ и естественной нравственности и попытка выработать общеобязательныя этическія или правовыя нормы можетъ удалиться лишь въ томъ случаѣ, если принимаются въ соображеніе историческія формы, принимаемая нравственностью и правомъ.

Здѣсь мы покидаемъ практическую философію, чтобы броситъ бѣглый взглядъ на эстетику, при чемъ насъ занимаетъ прежде всего противоположность формальной эстетики и эстетики, останавливающейся на содержаніи. Непостижимо, какимъ образомъ можно приступить къ эстетическому изслѣдованію безъ нормативнаго понятія о прекрасномъ, содержащаго въ себѣ то, что отличаетъ специфически эстетическое наслажденіе отъ прочихъ видовъ одобренія, такъ какъ безъ такого понятія совершенно невозможно было бы какимъ либо образомъ отграничить область эстетическаго изслѣдованія. Но этого понятія ни въ коемъ случаѣ нельзя будетъ получить путемъ сопоставленія того, что обще всѣмъ объектамъ, называемымъ „прекрасными“, или что оказывается на лицо во всѣхъ тѣхъ психическихъ состояніяхъ, въ которыхъ человекъ характеризуетъ что либо какъ прекрасное. Намъ нужно понятіе о томъ, что вообще должно нравиться какъ прекрасное но въ тоже время и это понятіе будетъ общеобязательно опять таки лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно формально, и въ этомъ смыслѣ формальная эстетика несомнѣнно правомѣрна.

Однако настолько же необходимо и здѣсь относить формальное понятіе къ опредѣленнымъ содержаніямъ, и эти содержанія всегда можно почерпнуть лишь изъ исторіи. Что касается художественныхъ произведеній, это самочевидно, но и „прекрасное въ природѣ“ не

оставляет исключенія изъ этого правила. Понятіе красоты совершенно несовмѣстимо съ тѣмъ понятіемъ природы, съ которымъ мы оперируемъ естествознаніе, и, даже если подъ природой разумѣютъ эмпирическую дѣйствительность какъ таковую, то она столь же мало прекрасна или безобразна, какъ и добра или дурна. Лишь на историческаго человѣка она производитъ впечатлѣніе прекраснаго и въ различныя времена различно производитъ впечатлѣніе прекраснаго. Такимъ образомъ, во первыхъ, не оказывается никакой противоположности между формальной эстетикой и эстетикой, остающейся на содержаніи, и онѣ вовсе не исключаютъ другъ друга; но и здѣсь нежелательно примѣнять формальныя нормы къ опредѣленному содержанію, во вторыхъ, опять таки лишь историческая матерія даетъ намъ возможность разработать формальныя понятія нормъ по отношенію къ содержанію, между тѣмъ какъ пониманіе дѣйствительности какъ природы, будучи, правда, въ состояніи объяснить эстетическую жизнь, должно, напротивъ того, оставаться не имѣющимъ значенія для понятій нормъ.

Въ заключеніе мы коснемся еще философіи религіи въ ея отношенія къ исторіи. Но предварительно необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно характера ея какъ нормативной дисциплины. Она, какъ критическая наука, равнымъ образомъ беретъ исходъ изъ понятія безусловнаго долженствованія, требующаго отвѣтственности отъ нашего хотѣнія, или изъ понятія воли, сознающей долгъ. Но, между тѣмъ какъ въ другихъ философскихъ дисциплинахъ дѣло идетъ о силѣ человѣческой воли: мыслить истину, желать добра и чувствовать красоту, здѣсь на первый планъ выступаетъ именно безсиліе человѣка, который не можетъ выполнить своего долга, и, который, благодаря сознанію этой неспособности въ то же время вынужденъ обращаться къ тому, что выше его самого и выше всего человѣческаго. Мы прослѣдимъ это въ двухъ направленіяхъ, отъ которыхъ не стремимся къ полнотѣ точекъ зрѣнія.

Прежде всего, какъ необходимое соотносительное понятіе къ нашему человѣческому сознанію долга, которое всегда борется со слабостью, получается понятіе о такой волѣ, которую мы можемъ назвать святою, какъ мыслимо наиболѣе совершенный идеаль воли. Всякій индивидуумъ сознаетъ, что его воля не свята по сравненію съ этимъ идеаломъ, и затѣмъ это можетъ служить исходнымъ пунктомъ для критическаго трактованія понятій грѣховности и потребности

искупленія. Однако нельзя относить всѣхъ этихъ понятій къ нравственности въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, но подѣи воли мы должны разумѣть автономное хотѣніе въ отношеніи къ всеобщимъ цѣностямъ.

Тогда абсолютная обязательность этого религіознаго идеала опять таки можетъ быть съ неопровержимой логической убѣдительностью доказана прежде всего для этическихъ цѣностей, какъ напр. уже Декартъ вывелъ изъ понятія „грѣховнаго“ заблуждающаго интеллекта понятіе Бога какъ интеллектуальнаго совершенства. А затѣмъ, исходя отсюда, мы должны съ помощью принципа, устраняющаго интеллектуализмъ вообще, переносить религіозныя понятія на другія цѣности, чтобы такимъ образомъ понять религіозную жизнь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Однако, мы не останавливаемся здѣсь далѣе на этой сторонѣ проблемъ. Мы хотѣли лишь выяснитъ общее понятіе философіи религіи какъ понятіе критической науки, имѣющей дѣло съ цѣностями.

Въ совершенно иномъ направленіи выводитъ насъ изъ того круга проблемъ, который исключительно разсматривался нами до сих поръ, слѣдующій строй мыслей. Наша воля имѣетъ дѣло съ долженствованіемъ не только постольку, поскольку оно требуетъ отъ насъ согласія или одобренія того рода, которымъ мы считаемъ возложнымъ ограничиться, когда дѣло идетъ о логическомъ мышленіи и, пожалуй еще въ большей степени, объ эстетическихъ впечатлѣніяхъ, но долженствованіе требуетъ въ то же время, чтобы мы что либо дѣлали. Это не вызоветъ сомнѣній въ особеннсти когда дѣло идетъ о нравственномъ долженствованіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. А такъ какъ вся наша дѣятельность происходитъ въ эмпирической дѣйствительности, то благодаря этому устанавливается такого рода необходимое отнесеніе бытія къ безусловному долженствованію, что реализація должнаго безусловно требуется дѣйствительнымъ, и это требованіе равнымъ образомъ заставляетъ насъ не останавливаться на чисто этической цѣности доброй воли.

Вѣдь съ этическихъ точекъ зрѣнія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ всегда лишь хотѣніе можетъ подвергаться оцѣнкѣ какъ нравственное или безнравственное. Однако, если мы примемъ въ соображеніе должный поступокъ въ его цѣломъ, неизбежно приходится ставить вопросъ и о цѣности его результата. Но въ какой мѣрѣ какой

либо результат может быть „хорошим“? Если бы мы пытались поставить его цѣнность въ зависимость лишь отъ этической цѣнности воли или настроенія, послѣдствіе котораго онъ представляет собой, мы вращались бы въ кругѣ. Но результат не может быть совершенно индифферентнымъ къ цѣнности или нецѣнности, ибо въ такомъ случаѣ оставалось бы непонятнымъ, почему мы должны не только хотѣть, но и дѣйствовать. Итакъ, дѣйствовать имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если и между результатомъ и тѣмъ, что должно быть, существуетъ необходимая связь установить которую совершенно не въ нашей власти. Мы можемъ придавать абсолютную цѣнность лишь самой нашей волѣ, но ни въ коемъ случаѣ не тому, что возникаетъ благодаря ей, т. е. мы, правда, во всякое мгновеніе въ состояніи имѣть добрую волю, но отъ насъ не зависитъ дѣйствовать такъ, чтобы и результатъ нашего поступка былъ хорошъ, и это безсиліе не только приводитъ насъ къ идеалу святой воли, но въ то же время и въ другомъ направленіи заставляетъ пойти далѣе всего человѣческаго. Такъ какъ прямо таки неизбѣжно допустить, что безусловно должны поступки имѣютъ и должный результатъ, то абсолютный идеалъ святой воли обращается для насъ въ святую силу, выполняющую то, что невозможно для насъ, т. е. осуществляющую посредствомъ нашихъ поступковъ безусловно всеобщія цѣнности. Итакъ, сознание нашего безсилія относительно того, что долженствуетъ быть, требуетъ отъ насъ и объективно благой или святой дѣйствующей реальности.

Смыслъ этого строя мыслей не вызоветъ недоразумѣній. Эта реальность абсолютно недоступна нашему научному пониманію. Лишь наша совѣсть, повелѣвающая намъ дѣйствовать и сознание, что мы можемъ лишь имѣть добрую волю, но не можемъ дѣйствовать хорошо, постулируютъ здѣсь нѣчто такое, чего мы никогда не можемъ познать. Однако, въ то же время оно постулируется безусловно, такъ какъ въ противномъ случаѣ всякое дѣяніе утратило бы свой смыслъ, и притомъ, опять-таки и съ чисто теоретической точки зрѣнія совершенно невозможно признать это требованіе субъективнымъ или сказать, что оно касается лишь хотящаго человѣка, а отнюдь не теоретика. Напротивъ того, можно показать, что и съ чисто теоретической точки зрѣнія это требованіе не можетъ быть оспариваемо и даже составляетъ предпосылку этой чисто теоретической точки зрѣнія.

Вѣдь логическое сознаніе есть форма сознанія долга вообще, и теоретикъ не ограничивается однимъ лишь одобреніемъ цѣнности истинности. И наши сужденія суть должныя поступки и то, что выходитъ изъ нихъ, т. е. ихъ результатъ, равнымъ образомъ должно быть безусловно цѣнно. Итакъ, въ дѣйствительности, совершенно индифферентной къ долженствованію, или въ мірѣ, непригодномъ для реализованія цѣнности истинности, и всякій актъ сужденія утрачивалъ бы свой смыслъ. А предположеніе, гласящее, что мы способны реализовать безусловную цѣнность истинности посредствомъ нашихъ сужденій, уже подразумеваетъ вѣрованіе въ дѣйствительность, реализующую эту цѣнность при посредствѣ нашихъ сужденій, и такимъ образомъ и смыслъ всего познанаія оказывается зависящимъ отъ убѣжденія, идущаго далѣе не только всего логическаго, но и всего лишь этическаго: міръ устроенъ такъ, что въ немъ достижима цѣль познанаія.

Если угодно, это можно назвать метафизическимъ убѣжденіемъ, и въ самомъ дѣлѣ, мы приходимъ здѣсь къ такого рода метафизикѣ, которой намъ разъ уже пришлось коснуться, и которая опирается на безусловную обязательность цѣнностей, но хорошо будетъ отдѣлять это метафизическое убѣжденіе отъ всякой рациональной метафизики, такъ какъ сверхчувственная реальность никогда не можетъ стать предметомъ нашего знанія, и намъ даже приходится употреблять въ данномъ случаѣ слово „реальность“ въ такомъ смыслѣ, котораго оно вовсе не можетъ имѣть въ наукѣ. Въ наукѣ „реальное“ всегда есть лишь предикатъ какого нибудь сужденія и поэтому для науки существуетъ лишь имманентная реальность. Но, несмотря на это, наука способна сознать, что существуетъ нѣчто, лежащее за предѣлами всякой науки, и въ такомъ случаѣ она должна, по мѣрѣ возможности, выразить это сознаніе. И здѣсь логическое мышленіе опять-таки должно указывать на нѣчто сверхлогическое какъ на свою границу и на свою предпосылку. Какъ прежде оказалось, что воля признаетъ безусловно всеобщія цѣнности, такъ теперь оказывается, что, безъ вѣрованія въ объективную мощь этихъ цѣнностей, утратила бы свой смыслъ воля, стремящаяся къ тому, чтобы и дѣлать должное.

Однако мы хотѣли лишь показать, насколько можно философски доказать необходимость вѣрованія въ объективную мировую мощь добра, которая никогда не можетъ стать предметомъ нашего по-

знанія и гдѣ, стало быть, лежитъ исходный пунктъ критической философіи религіи. Но въ то же время опять таки слѣдуетъ поставить на видъ, что получаемое нами такимъ образомъ понятие религиозной вѣры чисто формально, и что поэтому оно неизбежно остается позади всей дѣйствительной религиозной жизни и что оно даже еще ровно ничего не даетъ для религиозной потребности. Итакъ надлежитъ дать дальнѣйшую разработку и этому формальному опредѣленію, и это опять таки приводитъ насъ къ вопросу объ отношеніи философіи къ исторіи.

Конечно, нѣтъ надобности доказывать, что опредѣленіе формального понятія о Богѣ со стороны его содержанія не можетъ быть дано при посредствѣ понятій о природѣ въ обычномъ смыслѣ слова, но тѣмъ болѣе обнаружится склонность далѣе развивать постулируемое метафизическое допущеніе съ помощью научной метафизики. Однако мы не должны забывать, что всякая мыслимая для насъ метафизика должна оперировать съ общими понятіями ¹⁾, логическая структура которыхъ исключаетъ всякое воззрительное содержаніе и поэтому метафизика вѣры не будетъ способна подойти къ религиозной жизни въ которой рѣшающее значеніе имѣетъ личное отношеніе единичнаго индивидуума къ Богу, ближе, чѣмъ это можетъ сдѣлать уже чисто формальное понятіе о святой міровой силѣ. И мы должны даже сказать, что, если бы приравниваніе охватываемаго въ общемъ понятіи къ истинной реальности было правомѣрно, то вообще нельзя было бы признавать какую либо правомѣрность религиозныхъ убѣжденій наряду съ научными. Въ мірѣ, ставшемъ рациональнымъ, не существовало бы не только никакой исторіи и никакой нравственной дѣятельности, но и никакой религіи.

Напротивъ того, философія постигая какъ абсолютную цѣнность сознающей долгъ воли, такъ и сущность исторической науки, пойметъ не только необходимость вѣрованія въ объективную міровую мощь добра, но и выяснитъ себѣ въ то же время, что всѣ болѣе детальныя опредѣленія устанавливаемыхъ философіей религіи

¹⁾ См. выше стр. 190—192. Само собою разумѣется, что этотъ выводъ нисколько не измѣнился бы и въ томъ случаѣ, если бы были приняты въ соображеніе формы историческаго мышленія, такъ какъ въ метафизику эти формы входили бы всегда лишь какъ формы а поэтому, будучи лишены всякаго историческаго содержанія, онѣ такъ же должны были бы оставаться общими.

понятій нормъ могутъ быть почерпнуты лишь изъ исторической жизни. Въ такомъ случаѣ она пойметъ такъ же и то, что историческая религія есть та форма, которую необходимо должна имѣть вся религиозная жизнь. Она знаетъ, что сверхъисторическое представленіе о связи Бога съ эмпирическою дѣйствительностью невозможно для человѣка и что всякая религиозная жизнь, по существу своему не могущая ограничиться абстрактными формулами, никогда не бываетъ въ состояніи обойтись именно безъ представленія о религиозномъ мірѣ. А благодаря этому правомѣрность исторической религіи, опирающейся на однократныя историческія событія и усматривающей въ нихъ „откровеніе“ Бога, не подлежитъ сомнѣнію и съ научной точки зрѣнія.

Ясно, что религія не нуждается въ такомъ оправданіи, такъ какъ она выше всякой науки, т. е. наука не въ состояніи дать дѣйствительной религиозной жизни рѣшительно ничего такого, чѣмъ эта послѣдняя уже не обладала бы. Напротивъ того, философія религіи непремѣнно должна разобратъся въ понятіи исторической религіи и она можетъ сдѣлать это лишь основываясь на уразумѣніи сущности историческаго мышленія. Такъ же, какъ и другія философскія дисциплины, она должна заранѣе привести понятіе о святомъ въ связь съ историческою жизнью и поэтому уже въ своей формальной части принимать въ соображеніе формы историческаго пониманія дѣйствительности.

Однако, именно при мысли о религиозной жизни, сильнѣе чѣмъ гдѣ либо раздается возраженіе, которое въ послѣднемъ счетѣ должно направляться противъ всего принципа, который мы попытались здѣсь выяснитъ на нѣсколькихъ примѣрахъ. Чтобы закончить изложеніе строя нашихъ мыслей, мы должны будемъ вкратцѣ коснуться и этого возраженія, которое въ самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ намъ и обратную сторону этого разсужденія.

Скажутъ, что историческая жизнь конечно даетъ намъ то положительное содержаніе, въ которомъ мы нуждаемся, и котораго мы не можемъ почерпнуть ни изъ какого иного источника. Но въ то же время она подвержена непрерывному измѣненію и, если лишь съ помощью чисто формальныхъ понятій цѣнности намъ удастся совершенно освободиться отъ историческаго, то это повидному приводитъ насъ къ релятивистическимъ и скептическимъ выводамъ, которые такъ часто дѣлались изъ вѣчнаго измѣненія всякаго извѣст-

наго намъ наличнаго бытія. Вѣдь фактически историческое понятіе развитія и стало излюбленнымъ оружіемъ именно того радикализма, который старается съ помощью его доказать неразумность всего историческаго. Такъ скепсисъ примкнулъ уже въ Гераклиту и такъ Гегель породилъ гегелевскую „дѣвную“, великую главнымъ образомъ въ разрушеніи. И одного лишь указанія на другую сторону понятія развитія, на то, что все подвержено лишь постепенному и медленному измѣненію, не достаточно для того, чтобы нейтрализовать дѣйствіе мысли объ относительности и непостоянствѣ всего историческаго, такъ какъ принципиально безразлично, совершается ли измѣненіе медленно или быстро.

Однако и въ данномъ случаѣ стоитъ лишь серьезно отнестись къ мысли объ исторической обусловленности всей жизни, чтобы, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, обнаружить несостоятельность скептическихъ аргументовъ радикализма, опирающихся на измѣненіе всего сущаго. Конечно, всякія возраженія безсильны противъ абсолютнаго релятивизма, но его нечего и опасаться, такъ какъ ему приходится воздерживаться отъ всякаго сужденія, коль скоро онъ не желаетъ самъ себя противорѣчить. Напротивъ того, тотъ, кто не отказывается отъ сужденія, и затѣмъ находитъ историческое неудовлетворительнымъ потому, что оно измѣняется, всегда уже предполагаетъ при этомъ *implicite*, что имѣетъ смыслъ стремиться къ неисторической жизни. Итакъ, онъ забылъ, что, если онъ покидаетъ какое нибудь историческое образованіе потому, что оно оказывается „только“ историческимъ, онъ все же всегда приходитъ лишь къ другому историческому образованію и такимъ образомъ вѣчно остается при томъ, отъ чего онъ старается бѣжать. Вѣдь для человѣка не существуетъ не только сверхъчеловѣческой, но и сверхъисторической точки зрѣнія за исключеніемъ совершенно формальной. Тотъ, кто созналъ это, никогда не станетъ низко цѣнить историческую жизнь въ силу того, что она есть историческая жизнь, такъ какъ вѣдь онъ пытается отрицать обязательность историческаго опять-таки всегда лишь съ исторически обусловленной точки зрѣнія.

Это не должно, конечно, означать, что все историческое „разумно“, но должно выяснить, что дѣлать какое-нибудь историческое образованіе объектомъ критики имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда уже оказывается на лицо новая историческая жизнь, по сравненію съ которой и благодаря которой его можно признать остав-

леннымъ позади. Само собой разумѣется, что слѣдовательно и мы не отрицаемъ того, что не существуетъ чего либо такого, что имѣло бы опредѣленное содержаніе и могло бы быть признано нами абсолютно „вѣчнымъ“, но мы должны принимать въ расчетъ возможность измѣненія въ опредѣленіяхъ всѣхъ цѣнностей со стороны ихъ содержанія. Но подчеркиваніе этой возможности не имѣетъ никакого значенія ни для какой спеціальной проблемы, и въ особенности простое лишь указаніе на измѣнчивость всего бытія рѣшительно ничего не выражаетъ. Остается вѣрнымъ положеніе, гласящее, что мы можемъ критиковать исторію всегда лишь исторіей же. Принижать значеніе историческаго какъ таковаго не имѣетъ рѣшительно никакого смысла съ человѣческой точки зрѣнія, и мы не можемъ становиться ни на какую иную точку зрѣнія, коль скоро мы желаемъ понять міръ и судить о немъ. Само собой ясно, что и при этомъ еще остается множество проблемъ и что въ особенности для религіозной точки зрѣнія возникаютъ наиболѣе трудные вопросы. Однако историческое мышленіе по крайней мѣрѣ показываетъ намъ, какимъ путемъ мы можемъ приступить къ нимъ, между тѣмъ какъ всякій натурализмъ не только не знаетъ, что ему дѣлать съ ними, но, если онъ мыслить послѣдовательно, не способенъ даже и признать ихъ вопросами.

Опечатки.

(Цифра вверху показывает строку, считая сверху, цифра внизу — считая снизу).

Напечатано:

Следует читать:

<p>1₆ (въ прим.) представили 20₁₅ Конта не только находится 25₁₈ практикованію 36₂ нивелико 40₂ (въ прим.) bildendenkunst 41₂ (въ прим.) важности 49₂₀ бы, дѣйствительно, предста- вить 51₁₅ коль скоро мы рассматри- ваемъ 52₃ (въ прим.) нужно 53₈ ихъ 58₁₆ и 58₁₇ его 59₅ ausdrückvollzogen 67₂ выводы 68₄ представлений, при 74₁₄ процессомъ 79₅ $\zeta\chi\rho\theta\upsilon$ 79₂ $\pi\epsilon\epsilon\acute{\alpha}\varsigma$ 80₂ unendliche 81₂₁ . Я называлъ 81₁₀ 54), 82₂₀ чиселъ 84₁₆ М и М 84₁₄ М + М 84₄ $\alpha + (\beta\gamma)$ 84₃ $\alpha (\alpha\gamma)$ 85₁ ω ω 85₁₀ характеръ *). Я 88₂ вмѣсто греческой буквы а л е ф ъ . 89₁ $\nu_0\omega + \nu_1\omega + \nu$ μ $\mu-1$ μ $\mu-1$</p>	<p>представительн Конта находится трактованію невелико bildenden Kunst общности бы дѣйствительно представить коль скоро мы принимаемъ въ соображеніе, что мы рассматри- ваемъ можно ея ихъ ausdrücklich vollzogen доводы представлений о данномъ тѣлесномъ мірѣ, при прогрессомъ (въ примѣчаніи переводчика): $\mu\chi\theta\upsilon\upsilon$ $\pi\epsilon\rho\alpha\varsigma$ unendliche — я называлъ 54),— чиселъ.“ М и М¹ М+М¹ $\alpha + (\beta + \gamma)$ $\alpha (\beta\gamma)$ ω ω^1 характеръ *)... „я ни должна стоять еврейская буква $\nu_0 + \nu_1\omega + \dots + \nu\omega + \nu$ μ $\mu-1$ μ $\mu-1$ μ</p>
--	---

<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
91 ¹⁶ заключеніемъ	за исключеніемъ
92 ⁷ предать	придать
92 ¹¹ *) И	*) „И
92 ¹² доходить	можно доходить
93 ₈ <i>syvatevoretatice infinitum</i> (<i>απειρον</i>)	<i>sykkategoretatice infinitum</i> (<i>ἄπειρον</i>)
93 ⁸ <i>ἀφορίσμενον</i>	<i>ἀφορίσμενον</i>
94 ¹ (въ прим.) Einführungen	Einführungen
95 ¹⁵ Selten	Gelten
95 ₆ (въ прим.) идеи	идей
99 ²¹ выводы	доводы
99 ₄₋₃ непосредственность	непослѣдовательность
107 ¹¹ преодоленіи міра	преобразованіи дѣйствительности
109 ₁₆₋₁₄ которыя, какъ таковыя, нисколько не касаются че- ловѣка науки	которыя нисколько не касаются че- ловѣка науки, какъ такового
118 ¹⁵⁻¹⁶ себѣ и притомъ опредѣ- ленно общее нѣкоторому до- ступному обзорѣнію, но	себѣ — и притомъ опредѣленно — об- щее нѣкоторому достойному обо- зрѣнію многообразію, но
121 ₃ иного лучшаго	даннаго или лучшаго
125 ¹⁷ даннаго этимъ понятіямъ многообразія безусловно	даннаго этимъ наукамъ многообра- зія безъ безусловно
132 ₈ сужденіе	понятіе
133 ⁴ содержанія которыя	содержанія и которыя
139 ₁₅ него	нихъ
156 ¹⁻² психическаго, какъ психо- логическаго; какъ психоло- гическій	психическаго, какъ психологиче- скаго
165 ¹⁷ разсматривать ихъ, какъ логи- чески раздѣльныя другъ отъ друга	логически разсматривать ихъ раз- дѣльно другъ отъ друга
165 ¹⁹⁻¹⁸ къ нимъ въ этой наукѣ изложенія и образованія не- сомнѣнно	къ нимъ въ этой наукѣ несомнѣнно
173 ¹¹ комплексовъ. Напротивъ	комплексовъ признаковъ. Напротивъ
175 ¹⁴ мы въ правѣ	мы не въ правѣ
175 ¹⁵ психической	психологической
175 ¹² опосредственностью	опосредствованностью
177 ₂ необходимую	необозримую
179 ₁ (въ прим.) 1889 стр. III	1883 сар: III
181 ¹⁵ занимающее	обнимающее
187 ¹⁵ „Единственно“	„Естественно“
195 ¹⁰ сломъ	словомъ
204 ¹⁸ процессъ	прогрессъ
206 (въ прим.) Psychologie	Philosophie
211 ₁ ей	его
212 ¹ ей	ему
212 ¹⁴ метафизика, что	метафизика, т. е. онѣ утверждаютъ, что
212 ₂ а то мы	атомы
223 ²⁰ при этомъ въ виду	при этомъ имѣется въ виду
224 ²⁵ подвести подъ	подвести ее подъ
229 ⁶⁻⁷ зависящая отъ времени	временная
230 ⁵ независимо отъ времени	временно
232 ₂ отношеніе	общее

<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
233, духъ	природѣ и науки о духѣ
241 ⁷⁻⁸ исторически же	историческое исторически же
242 ¹⁰ между	хотя бы напр. между
242 ₄ (въ прим.) одушевленіи	одушевленности
244 ₉ быть болѣе	быть тѣмъ болѣе
255 „введеніи въ историческія науки“	„введеніи въ науки о духѣ“
255 ₆ таковую	таковыя
256 ¹ подчинено понятіямъ	подчинено этимъ понятіямъ
258 ¹⁴ духа	исторіи
259 ¹ которыя стремятся	которыя равнымъ образомъ стре- мятся
266 ¹⁷ научныхъ отношеній нау- зальныхъ	научныхъ каузальныхъ
270 ₉ (въ прим.) Schschrictswissen- schaft	Geschichtswissenschaft
275 ₆ относительно ноорганическихъ	относительно органическихъ
276 ₃ (въ прим.) Очевидно,	относительно этого термина см. выше стр. 173. Очевидно,
279 ₁₃₋₁₂ источниками лишь въ не- многихъ исключительныхъ случаяхъ. Тотъ	источниками. Лишь въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ тотъ
280 ¹² <i>ἀρεθόδος</i>	<i>ἀρεθόδος</i>
281 ₁₀ собой многообразіе	собой какъ необозримое многообразіе
282 ¹⁰⁻¹¹ негодной	ни одной
283 ₂ (въ прим.) Sigwazt	Sigwazt
284 ¹⁴ объекты, исторія	объекты; но и исторія
291 ⁶ Dankgebilde	Denkgebilde
291, (въ прим.) слова: (русскаго печатнаго текста) совершенно излишни.	
292 ₂₋₁ (въ прим.) страницы 349— 355 (русскаго рукописнаго текста) этой книги	страницы 221—222 этой книги
296 ⁸ (они	(von
300 ₉ тогда, какъ	когда
300 ₂ необходимаго	необозримаго
303 ¹² гласить: индивидуумы	гласить: ин—дивидуумы
03 ₁₁ той	самой
04 ₂ составныя	и несущественныя составныя
05 ¹¹⁻¹² точки зрѣнія, съ кото- рыхъ производится оцѣнка	точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности
305 ₄ индивидуальному	къ индивидуальному
307 ¹²⁻¹³ множество индивиду- умовъ становятся индиви- дуумами	множество индивидуумовъ стано- вятся ин—дивидуумами
307 ²¹ оцѣнки	отнесенія къ цѣнности
314 оцѣнки.	оцѣнки. Благодаря простому лишь отнесенію къ цѣнности возникаетъ для всѣхъ однимъ и тѣмъ же об- разомъ міръ ин—дивидуумовъ. Цѣнность же этихъ индивиду- умовъ будетъ всегда опредѣ- ляться, напротивъ того, весьма различно.
316 ³ оцѣнки	цѣнностей

Напечатано:

- 317³ историческихъ индивидуумахъ или ин-дивидуумахъ
 318⁵ разъясненій,
 319⁶ индивидуумы какъ телеологическіе индивидуумы
 319 (въ прим.) писать индивидуумъ
 323⁶ точками зрѣнія, съ которыхъ производится оцѣнка и которыя
 324⁸ лишь въ томъ
 325¹⁴ объединенія, общаго
 326⁴⁵ точки зрѣнія, съ которой совершается оцѣнка и которая
 328²³ вторичное переживаніе его
 330⁸ съ изложеніемъ руководящихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ производится оцѣнка,
 332²⁰ вторичное переживаніе
 333³ стоимості
 337⁵ общее
 346, (въ прим.) стр. 334 и сл.
 350⁵ категорій
 353³ (въ прим.) воззрѣніе
 361⁷ образомъ: наука
 366⁵ оно такъ
 366⁹ надлежаго
 368¹⁰ другомъ части
 369¹¹ индивидуализму
 374²¹ но ихъ
 374¹ (въ прим.) стр. 363 и т. д.
 375² и чинается
 377⁵⁻⁴ энцидавръ
 381⁹ (въ прим.) répétition» «faits de succession» и
 381² (въ прим.) сводила
 385¹³ исторіи, но
 385, понятіе метафизически
 389¹²⁻¹¹ организмовъ не приводить уже къ загадкамъ
 391¹⁷ мысленно
 391⁶ разъяснить

Слѣдуетъ читать:

- историческихъ индивидуумахъ или ин-дивидуумахъ
 разъясненій относительно того, ин-дивидуумы какъ телеологическіе индивидуумы
 писать ин-дивидуумъ
 точками зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которыя
 въ томъ лишь
 объединенія общаго
 точки зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которая
 переживаніе его заднимъ числомъ
 съ тѣми точками зрѣнія отнесенія къ цѣнности, которыми руководится изложеніе
 переживаніе заднимъ числомъ цѣнности
 общи
 стр. 212 и сл.
 категорій
 возраженіе
 образомъ: такъ какъ всякій индивидуумъ причинно обусловленъ своею «общей» окружающею средою то его нельзя уже разсматривать какъ индивидуумъ, ибо общій окружающій міръ не порождаетъ вѣдь, конечно, никакихъ индивидуальныхъ дѣйствій, а потому всякая индивидуалистическая исторіографія должна быть опровергнута. Наука
 это
 надлежащаго
 другомъ составныя части индивидуальному
 но съ ихъ
 стр. 228 и т. д.
 начинается
 энцидавръ
 répétition» и «faits de succession»
 сводима
 исторіи, ни вообще какая бы то ни было матеріальная философія исторіи, но
 понятіе о метафизически
 не дѣлаетъ уже организмовъ загадкой для наиболѣе общей механической теоріи тѣлъ
 мыслимо
 расчленивъ

- 394³ отношеніе
 394¹⁵ оцѣнки
 394²⁴ причину
 395⁸ историческій
 398² этого, этому какъ
 400⁶ телеологическое
 410² индивидуумъ
 413¹⁹ различными изслѣдованіямъ
 414⁶ получаемъ
 422⁶¹ формы
 428¹³ (въ прим.) und
 431¹⁸ атомъ. Во
 436² (въ прим.) онтогенетисъ
 438²¹ имѣетъ съ
 440¹⁶ революціоннымъ рабочимъ
 442²⁰ объекта
 444⁸ къ ней если не дѣлается общимъ, содержаніе
 445⁴ (въ прим.) нѣкоторые
 445² (въ прим.) понятія: Законъ
 446⁴ мѣрѣ обнаружить
 447¹⁰ Вѣдьмы
 448¹³ психическое
 на стр. 457-ой первая строчка вверху должна быть послѣдней строчкой внизу.
 457¹ Даже въ
 459⁵ ээира чисто механическаго.
 462¹⁸ возлагаемыя
 466¹³ (въ прим.) основна
 468⁶ понятія
 468¹⁴ отверженіе, однимъ словомъ
 470¹⁴ чего только
 476¹ (въ прим.) Grenzzüge
 481¹¹ распространеніе
 483⁸ сверхчувственными цѣнностями
 486² gepfegtes
 492¹⁹ индивидуумами и, если уже, когда
 502³ (въ эниграфѣ) быть основаніе
 503¹¹ Geltung
 504⁶ придерживающейся
 508²² и служить-ли
 517¹ они
 518³ остановленію
 518⁶ (въ прим.) viorkandn
 519⁶ не только въ понятіяхъ
 527⁴ корпоративно
 529² (въ прим.) kulturwissenschaftuna
 530³ его
 540¹ менѣе къ
 543¹⁹ исторіи
 547⁶ (въ прим.) вѣкъ.... Естественн-испытатель
 отнесеніе
 отнесенія къ цѣнности
 цѣлепричину
 исторически
 этого, какъ
 телеологическое
 индивидуумовъ
 различными изслѣдованіямъ
 различнѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ
 получаетъ
 формъ
 und
 атомъ во
 онтогенезисъ
 имѣетъ дѣло съ
 революціонными рабочими
 объекты
 къ ней не дѣлается общимъ содержаніе
 нѣкоторое
 понятія: законъ и
 мѣрѣ,—обнаружить
 Вѣдь мы
 физическое
 Даже
 ээира
 возлагаемыя.
 основа
 понятіе
 отверганіе, одобреніе или неодобреніе, однимъ словомъ
 чего не только
 Grundzüge
 распространенность
 сверхчувственными или трансцендентными цѣнностями
 gepflegtes
 индивидуумами, и, если, уже когда
 быть, основаніе
 Geltung
 придерживающихся
 и не служить-ли
 онѣ
 о становленіи
 vierkandt
 въ понятіяхъ не только
 нормативно
 kulturwissenschaft und
 ихъ
 менѣе по отношенію къ исторіи?
 вѣкъ: „Естествоиспытатель“

Напечатано:

549⁸ (въ прим.) Канта. Однако
568⁵ (въ прим. старающагося
570¹⁶ указанныхъ
570¹ ad absurdum
590¹⁴ осужденіи
595³ отживаніе
602⁹ не вадъяться

Слѣдуетъ читать:

Канта. »Однако
старающимся
каузальныхъ
ad absurdum
обсужденіи
изживаніе
ни надъяться

Кромѣ того на 295⁴, 295¹, 296⁹, 297², 300¹⁰, 300¹⁷, 300¹, 302³, 304¹,
304¹⁵, 305⁴, 307²⁷, 308⁴, 311², 314³, 314⁷, 317¹⁵, 319³, 323³, 359¹⁶, 401⁵, 447⁹,
472⁵, 474¹⁴, 480²⁰, 481³, 482⁵, 482¹⁹, 504¹², 528¹¹, должно быть напечатано
не «индивидуумъ», а «ин—дивидуумъ».

А. В.

Минне 397

Риско Радман 377

258

с. 519.